

К читателю.

Здравствуйтесь, мои маленькие любители экстремизма! Я примерно знаю, что вы ожидаете увидеть в этой книге. И уверен, что это вы увидите. Но спешу вас заверить, в ней на самом деле ничего этого нет. Вся книга придумана от начала и до конца. Любые совпадения с реальными людьми и событиями или случайны или являются плодом вашего воспаленного экстремизмом разума. Автор не согласен ни с одним написанным в книге словом. Мало того, он, на всякий случай глубоко её осуждает. Извиняется перед всеми, кого она непременно оскорбит. Не советует читать книгу никому. Особенно — агрессивно настроенным группам граждан, в том числе несовершеннолетних.

Надеюсь, что вы не свихнетесь от ее прочтения так, как автор свихнулся для ее написания. Жизнь ради Идеи — глупость. Жить надо ради удовольствия. Для того, чтобы заработать побольше денег, купить машину, квартиру, дачу. Жениться и вырастить сына. Твердо усвойте это перед тем, как читать дальше.

Ещё вы должны запомнить, что все люди равны. Тюрьма исправляет людей и делает их лучше... Что ж там ещё—то? Короче, подойдите к маме, да спросите у нее, что такое хорошо. Это всё и запомните. Постарайтесь не забывать во время чтения. А потом выкиньте прочитанное из головы. Если не получится — отнесите как к шутке. Ни с кем не обсуждайте — опасное это для нервов занятие. Может пропасть аппетит и появиться какое—нибудь антиобщественное желание. Поверьте, так вам жить будет намного легче. Меньше знаешь — крепче спишь, меньше думаешь — дольше живешь!

Всех предупредил. Тогда идем дальше.

Это не совсем обычная книга. Мне было жутко неохота печатать весь текст на компе. Прямо пальцы от одной мысли судорогой сводило. Тогда я записал рассказ о своих приключениях за решеткой на аудио. Тридцать часов монолога. Его тоже писать было лень. Сидеть одному и

рассказывать что—то компу — не трудно почувствовать себя идиотом. Тогда я стал рассказывать эту историю своим друзьям по скайпу. Это оказалось намного интереснее. Но труднее, чем мне казалось. Убил на это две недели! А потом еще месяц переводил аудио в текст. Спасибо соратникам, откликнувшимся на просьбу о помощи. Без них я бы никогда не допечатал. Зато, в итоге, книга получилась очень удобочитаемая.

Я посвящаю её тем, кто находится в рабочей командировке сейчас и тем, кого в нее рано или поздно отправят. Последним она будет особенно полезна.

Идеология Реструкта — просто результат брожения моего ума и ничего более. Это шутка. Ни в коем случае не воспринимайте её всерьез! А если вздумаете её критиковать, то вот, что я вам скажу. Вы или лицемер, или человек без чувства юмора, или идиот. В любом случае читать я вам не рекомендовал еще вначале.

Если не отбил охоту — вперед, в пасть Системе!

Предыстория.

Весна для НСО и Формат18 началась просто замечательно. Мы с Малютой нашли источники финансирования. Может быть, они были не совсем честные, не совсем общепринятые, тем не менее это реальные деньги для организации. Так же у нас был огромный информационный ресурс, к нам вступали люди, мы проводили лекции, сайт «Фомат18» был самым раскрученным правым сайтом даже не в России, — в мире. Мы проводили митинги, на которые приходило не собрание маргиналов—алкоголиков, а приходили настоящие натренированные и готовые ко всему парни, национал—социалисты, бойцы. Качество людей было очень высокое, организация развивалась дикими темпами. Все было весело, постоянно ускорялось, все силы уходили на организацию. И ни о чем другом в то время я даже не думал. Вот еще немножко, заглушим конкурентов и останемся одни национал—социалисты на правом поле. Все, кто хотят выступать за русских, вынуждены будут примкнуть к нам. Это будет сила, с силой будет считаться власть и, таким образом, мы сможем влиять на политическую ситуацию в России. Сначала просто влиять, а потом и захватим политическую власть в стране. Хоть через «демократию» и выборы, хоть через уличные беспорядки, — это не особо важно, если вдуматься.

Все было весело. Первый «новоформатный» митинг мы провели на Славянской площади под 20—ое апреля. Сняли видео о том, что там будут только НС. Не будет никаких сумасшедших «патриотических» старух, никаких жидоедов, которые рассядутся и будут друг другу продавать свои газетки по три рубля, не будет «продажных» старух, которые за двести рублей приходят на любой митинг, хоть к коммунистам, хоть к Единой России. Лучше собрать сто человек молодежи, чем четыреста—тысячу старух. Старухи — это шлак любой организации, это смерть любой организации. Это просто позорно и смешно. С ними никто не считается, и их присутствие говорит о том, что у организации людей просто нет. Провели митинг. Пришло человек 70. Казалось бы не так много. Но! Люди выстроились, что для русского национализма уже очень круто, встали в каре, синхронно скандировали и вскидывали руки. Слушали ораторов, не пили в это время пиво и не отвлекались на посторонние вещи. Чувствовалась дисциплина. Снятое видео разошлось в Интернете очень хорошо.

Следующий митинг совместно с ПЗРК

Русь проводился уже на ВДНХ против гей—парада, официально назывался «За здоровый образ жизни!», естественно, имелось в виду здоровье не только физическое, но и моральное. Туда пришло около 300 человек, все молодые, спортивные, здоровые, ножи из—за поясов у половины торчали. На митингах обычно милицейское оцепление, — кого—то не пускают, кого—то обыскивают. Здесь никто не ожидал, что такое произойдет организованное мероприятия, никого даже шмонать не пытались. Я был очень доволен происходящим, ходил, снимал на камеру. Думал, вот это уже победа, успех — 300 человек, но каких! Все спортивные, дисциплинированные, все построились. На самом деле такого еще не было. Менты даже из автобуса выходить не стали — посчитали, что такими силами (человек 20) даже и лезть не стоит.

После этого митинга Малюта отвез меня на дачу, где я тогда жил. Тогда уже ходили слухи, что милиция меня ищет за Билингу. Думаю, слухи — это не повод в бега подаваться, но дома лучше не появляться, на всякий случай.

Вскоре после этого митинга в мае подходят ко мне люди в штатском, один из них говорит:

— Максим, смотри, какой замечательный митинг. Смотри все как красиво у тебя происходит.

— Да, мне нравится, — отвечаю я.

— А ты не думаешь, что надо поработать с нами?

— А вы кто?

— Мы из спецслужбы из одной, — кстати, они так и не представились, из какой именно, — давай ты с нами посотрудничаешь, мы тебя подкорректируем.

— Да—нет, меня не надо корректировать.

— Ну, как же?! Ты уже стал взрослый, пора за голову браться. В политике нельзя иначе. С нами все работают.

— Не надо, у меня вообще все замечательно.

В общем, не стал дружить. Думаю, в организации есть взрослые люди, тот же Румянцев, помощник депутата, полюбому у него уже связи все есть, у него все решено, зачем я буду пачкаться, общаться с кем—то.

— Ну, смотри, пожалеешь.

Вскоре после этого проходили сборы «Формат18». Мы объявили на сайте, что будут сборы, что приглашаются все желающие из числа вменяемых пользователей, — не хотелось идиотов видеть,

— отобрали людей из желающих съездить на сбор. Купили баллончиков для пневматичек, дополнительные комплекты камуфляжа и где—то в конце июня группа человек из пяти поехала на Кармановское водохранилище, в Смоленскую область, — разбивать лагерь. В том числе поехал и я, потому что мне надо было немножко на воздухе побыть. За ту весну я два раза лежал в больнице, — мне делали операции на кисти. Думаю. Хоть на природу съезжу, недельку отдохну, костер пожгу, — весело и полезно для здоровья.

Я вернулся со сборов. Собралось человек 70 с «Формат18» и НСО, из разных регионов приехали. В общем, неплохое такое сборище получилось. У костра посидели ночью, Женя из Русского Стяга на гитаре сыграл своих песен. Свинину пожарили, — прямо тушу пополам разрубили, и пожарили на открытом огне как викинги. Помню, запах стоял такой над озером — сногсшибающий. Потом поиграли в хардбол, покричали: «Кто мы? Волки! Что нам надо? Крови!» И поехали по домам.

Я помню, мы с Малютой едем, разговариваем. О том, что организация растет дикими темпами, что никому за нами не угнаться, потому что все остальные, национал—патриотические, патриотические, либерал—национальные, национал—либеральные были нами посланы на хуй, объявлены хуесосами и предателями, пидарасами, полными продажными проститутками, сборищами алкоголиков, в общем, всем приставлены соответствующие реальному положению дел статусы. Война идет — у них организации тают, у нас организация растет, лучшие люди к нам присоединяются, — то есть кайф полный.

И мы едем разговариваем. А меня уже немножко начинали искать милиционеры, то есть дома я жить не мог, все больше тусовался на даче или у Малюты дома. Потому что дома у меня то соседа пытались задержать. Заломали его, когда он ведро пошел выносить, уже начали пизды давать, а он кричать: «А! Вы чего?!»

— Ты Тесак?

— Нет, я сосед его, я мусор выношу...

Ладно, отпустили. Не знаю, зачем они это делали. Как будто фоток моих не смотрели в ориентировках. Не поверю, что можно было принять 70—ти киллограмового соседа за 120—ти киллограмового меня. Потом парня моей сестры пытались заломать и уволочь. Долго не верили, что он это не я. Короче, я благоразумно решил дома не жить.

И мы едем разговариваем, и говорю: «Может быть, мне из России свалить на какое—то время?»

А то, к походу, меня задержать хотят. Хотя, может и не задержать, а допросить по делу, думаю, главное дома не появляться». При этом ощущения странные, что я не чувствую будущего, то есть обычно знаешь, через неделю буду одно делать, через две — другое, а тут вообще будущего не чувствую, как будто его нет. Странно как—то.

Приехали домой, посидели, пожрали, посмотрели отчеты участников сборов. Отредактировали, самые лучшие, естественно, выложили, все в топ яндекса вывели, ну и можно спать ложиться.

Наутро просыпаюсь, договорился с одной девушкой со сборов, что она приедет в качалку. Думаю потренируюсь, после чего беру девушку и еду к Малюте в гости. Договорился, что он поедет к своей, а апартаменты оставит мне. Вроде все довольны, день складывается.

Подъезжаем к залу, говорю: «Давай меня здесь, у переезда высаживай». «Ну, все, я поехал к Насте, вечером созвонимся». Оставил у него ноутбук в машине и пошел к офису.

Попал в лапы системы.

Чувствую, странное какое—то ощущение. А там место такое: с одной стороны забор, с другой стороны забор, с третьей стороны насаждение кустов, бежать в общем—то некуда, только назад. Иду думаю: «Блин, если меня захотят где—нибудь поймать или накрыть, то будут делать именно здесь. Самое удобное место — хрен убежишь». И только подумал, смотрю — люди идут, со всех сторон причем, и сзади и спереди и сбоку. Такие взрослые мужчины, человек десять, в гражданской одежде. Думаю: «Так, чего—то нехорошо...» А я был в джинсах, майке и топор на боку висел. Я топорик отстегнул — хоп — его в руку, за спину завел. «Ну, сейчас, нормальная будет тема». Один из них протягивая удостоверение:

— Молодой человек,— я читаю «полковник УБОП», думаю: «Ага, рубить не надо». Говорю:

— Слушаю вас внимательно.

Максим

Сергеевич? Да.

Марцинкевич?

Так точно.

Ну, давайте с Вами побеседуем немножко. Пройдем за машину. Давайте, конечно, побеседуем, — усмехнулся я.

Раз, топор за спину, думаю не стоит показывать, что ментов рубить собрался. Заходим за ГАЗель, а там сидит группа спецназа, в масках, с автоматами, в черных костюмах.

О, а мы к тебе!

Что, всей компанией? — меня человек десять в гражданском принимало, тут трое спецназовцев, еще какие—то в пиджаках ходят вокруг, очень пузатые дяди. Что здесь за сборище?!

И смеюсь, говорю:

— Чего решили обыск у нас в штабе провести? — А у нас штаб был в Сходнинском тупике, там и качалка, и офис, туда вся организация приходила в гости.

Нет, мы к тебе.

Да, ладно. Все что ли? Конечно.

Тут спецназовец один: «Чем ты нас тут рубить собрался? Дай—ка посмотреть!» Раз, топор у меня забирает.

Ты чего, вообще охренел, что ли? У нас приказ стрелять на поражение, если б ты дернулся. Хорошо, мы топора не видели.

Странно, как можно было его не увидеть. Ладно. Дали мне подписать бумажку о привлечении меня в качестве свидетеля по 282 статье. Я подписал. В ГАЗель посадили. Начинаю звонить по телефону, надо же всех курсануть, что меня задержали, чтобы в офисе как—то прибрали, что собираются штурм или обыск устроить.

О, телефон! — хватъ — забрали.

Думаю: «Блядь, негодяи». Поехали.

Сейчас, поедem в прокуратуру, там с тобой побеседуют.

Едем, я—то еду в ГАЗели со спецназовцами, они маски не снимают. Сзади еще несколько машин едет, спереди едут. Думаю: «Прикольно, с каким эскортом везут!» И давай чего—то спецназовцам втирать:

А вы—то чего меня задерживали, вы сами не за русских что ли? Я вот русский.

Да, мы и сами за русских, и чурок не любим. Но приказ есть приказ, чего ты нас разжалобить хочешь?

«Ах, ты, блядь, урод, разжалобить я его хочу! Я его вербую, а он — разжалобить хочу!» Расстроился. Не стал с ним разговаривать больше.

Приехали в прокуратуру. Меня заводят в какой—то кабинет. Но там сидят не следаки, а опера УБОПовские. Давай всякие вопросы глупые задавать: «Что такое Формат18? Где я жил последние несколько лет? Кого я знаю? На какие деньги Формат18 открыт? Кто ролики монтировал?» Еще какие—то глупости. Ну, на какие—то вопросы я вру, на какие—то честно отвечаю: «Формат18 на мои деньги открыт. Я сам монтировал. Я сам видео снимал. Хостинг я сам купал. А вам самим нравятся ролики?»

Некоторые нравятся.

Ну, вот! Вступайте в НСО!

Сейчас вспоминаю, что я там рассказывал полковнику или подполковнику, — блиин... Агитация в чистом виде. А всё, что я считал выходящим за рамки привлечения нового сторонника — просто игнорировал. Он сидит, смеется вроде как, но видно, что начинает злиться. Говорит:

Ладно, можешь позвонить адвокату. Давай звони и будем тебе оформлять задержание, все как нужно.

Ну, давайте мобилу.

Беру у него свой телефон, звоню Малюте:

Алло, здравствуйте. Сергей Аркадьевич, это Вас Максим беспокоит. Да, меня тут задержали немножко, нужна юридическая помощь.

Смотрю, у одного молодого опера рожa—то вытягивается, — понял, что за Сергей Аркадьевич. Но, телефон уже не отнимешь, — может все—таки с адвокатом разговариваю.

«Все, понял, будет адвокат. Ты где?» Сказал, где.

Сижy, жду. У меня опять забрали мой телефон, унесли номера переписывать, фотографии смотреть, видео. Меня повели к следакам, прокурорским работникам. Те меня тоже давай допрашивать. Сначала допрашивали по Ку—клукс—клану.

Да, Ку—клукс—клан видел по телевизору, хороший ролик такой. Я сам знать — не знаю, ведать — не ведаю. Может быть, вы из Ку—клукс—клана, может быть вон человек в коридоре ходит, — похож на куклуксклановца, — черт его знает! Не могу ничего конкретного сказать.

Ладно, а что можешь по массовой драке на Славянской площади сказать?

Ну, не знаю. Против русских выступили кавказцы. Забили стрелку. Я просто разместил в интернете предупреждение, что не надо туда брать с собой ножи.

А он:

Ты написал, что не надо брать с собой большие ножи.

Ну, большие—то тем более брать не надо — это естественно. Надо паспорт взять, если вы идете туда.

Но понимаю, что это пахнет организацией. Ну, вроде, не организовывал нхрена, так статью разместил. Чувствую — говорю что—то не то, — опыта общения с прокуратурой было минимум.

Вообще их больше всего интересовал вопрос, где находится мой ноутбук, и где я живу. Они думали, что я работаю с ноутбука, не знали, что ноутбук дешевенький и слабенький, я с него только в ЖЖ писал. Нельзя говорить, что я живу у Малыты и что мой компьютер там стоит. А что сказать, где я живу? Сказал, что живу у бабушки, адрес назвал. Знаю, что дома никого нет, на даче все, пока они съезжают, пока проверят, — меня уже отпустят, как обычно. Смотрю срывается группа, человек шесть, поехали компьютер изымать.

А я сижу, рассказываю им что—то, спорю с оставшимися. Приезжают часа через четыре, злые как черти.

Ты чего, урод? Ты чего нас обманул? Ты чего нам наврал? Где твой компьютер? Где ты живешь?

А что такое, — говорю я.

Ты не живешь у бабушки! Нет там компьютера!

Бабушка потом рассказывает мне историю. Они в этот день на даче отмечали день рождения деда. Звонит им моя старенькая—старенькая двоюродная прабабушка, и говорит, что какие—то люди в квартиру ломаются, говорят — из милиции. И что обыск хотят делать.

Тетя Леля, ты их не пускай! Это могут быть воры. Сейчас мы приедем. Мы не воры! Открывайте дверь! Мы обыскивать будем!

Нет, не пущу!

Через два часа приехала с дачи вся семья. Полная лестница мусоров, понятых уже притащили из соседей.

У вас экстремист тут живет, будем компьютер изымать. Заходят.

Где у вас тут компьютер?

Там, в комнате стоит, — отвечает моя бабушка.

Они подбегают, включить пытаются. А он мало того, что не включается, это 386 процессор, на нем мой дедушка в тетрис и в линии играл. Включили в розетку и пытаются на 386 в интернет выйти. Один из них, кто поумнее говорит: «Этот не выйдет в интернет. Это явно не тот компьютер на котором видео монтируют». А компьютер завален шмотками, сумками какими—то, на мониторе пыль сантиметровая. Тогда начали все обыскивать. Один пошел в туалет компьютер искать. Они еще оружие искали какое—то, гранатометы, может быть.

И бабушка говорит:

Да вы в шкафчик не лазьте! Почему?

Там только патроны...

У мента глаза выпучились, — в шкаф полез.

... для лампочек...

Мент, услышав про патроны, уже все из шкафа вытаскивает, — фейри, порошки, — достает пакет с патронами для лампочек. Разозлился.

Сейчас мы все книги будем доставать и рвать. Может быть в книгах что—то спрятано. Батя мой что—то сказал, чем разозлил ментов дико.

Сейчас мы его заберем. Он, наверняка, тоже экстремист, мы его к делу пришьем. Естественно, не забрали... Несолоно хлебавши приехали в отделение.

Ты урод! И отец у тебя урод! Знаешь, еще чуть—чуть и я забрал бы его, отпиздил бы! Сидел бы он вместе с тобой!

Такая смешная история, как они обыск делали. Я потом только понял, что если бы нашли мой комп, то предъявили бы не одно обвинение, а 60—70. Потому что на нем были и смонтированные ролики, и рабочие записи, и файлы для монтажа. Понятно, что предоставь его экспертам, они сразу сказали бы, что эти ролики изготавливались на этом компьютере, и поехал бы я, — шестьдесят 282—ых. Конечно, круто... сложением приговоров дали бы семь с половиной максимум. Не хотелось бы семь с половиной сидеть, поэтому я рад, что комп получилось скрыть.

Про Билингу вообще ничего не успели спросить. Приходит адвокат, женщина. Ее уже мои товарищи успели проинформировать, отправить в прокуратуру Центрально административного округа.

Я адвокат Максима, мне с ним надо побеседовать.

Меня с ней в кабинет, где со мной опера беседовали, отправили, и мы там пообщались. Ее звали Елена Адамовна.

Ты чего делаешь? Зачем ты говоришь, что ты ролики монтируешь? Чего такого? Все знают, что я ролики монтирую.

Этого нельзя говорить.

Да, почему? Если это я монтирую ролики? Все знают!

Нет, этого нельзя говорить. Ты себе срок набалтываешь. Зачем ты говоришь, что ты нацист? Ну, если я нацист. Никогда этого не скрывал.

Так, здесь милиция. Здесь нельзя правду говорить никогда!

Думаю: «Как странно, что нельзя правду говорить. Особенно, что я нацист. Я почти всех их завербовал. Это же нормально. Всегда так происходило в любой комнате милиции. Заберут, минут десять—двадцать ментов позагружаешь и всё! Иди домой! Мы же все русские!»

Ты не понимаешь.

Меня все равно сейчас домой отпустят.

Да, какой тебя домой отпустят?! Ты понимаешь, что тебя сейчас повезут в ИВС?!

Думаю, ладно, повезут в ИВС — значит три дня задержусь, не больше. Тем не менее расстроился,— с девушкой вечер обломился... За ту весну я два раза в больнице лежал, мне руки оперировали, связки сшивали, и оттого что кололи много антибиотиков у меня началась аллергия на пыльцу, на всякую дрянь. У меня постоянно слезились глаза, из носа сопли текли, неприятное состояние. Менты не дадут никакого «супрастина» попить, а я лоханул, с собой у меня не было, — купить не успел. У меня все течет, фигня какая—то, три дня придется протусоваться в таком виде. Очки у меня, естественно, забрали. В ИВС не положено очки, — вскрыться можно, стекла вытащить и вены себе порезать. Шнурки из ботинок забрали, ремень. Деньги нельзя было с собой — мало ли кого—то подкуплю. Опера просто у меня их украли: «Давай, мы их в дело положим». Видать пивка попили на все четыреста рублей. Мобильный телефон я отдал адвокатше. Увидел, когда нас в кабинете оставили, у следака на столе лежит он. Отдал ей чехольчик от топора, — там же лежал, — и топор сам хотел отдать.

Клади к себе в сумку топор. Мало ли, вещественное доказательство. Скажут, что холодное оружие.

Нет, я его не заберу.

Да, забирай, положи в сумку. В машину отнеси и назад возвращайся.

Она отказалась. В итоге топор менты тоже украли.

После этого меня повезли снимать побои. Типа, медицинское освидетельствование, что я целый. А я иду, и думаю: «Меня задерживали культурно, на «будьте любезны», хоть спецоперация, но пальцем не тронули вообще. Надо себе синяков понаставить, иду бицепсы себе беспалевно изо всех сил щипаю, чтобы хоть какую—то зацепку оставить, что хватали, применяли физическую силу. Хотя и понятно было, что бесполезно. НО на всякий случай. Зафиксировали, что синяки на бицепсах, — ладно, думаю, большего не сделать.

Изолятор и первые урки.

Ночью меня привезли в ИВС, там забрали очки, шнурки, дали какой—то скрученный проссанный матрац, посадили в хату. Там три шконаря деревянных стоят, параша в углу, умывальник, на стенах бетонная шуба, пол из старых досок. Под потолком дырка в стене, закрытая оргстеклом. Оно все мутное, в паутине, плесени, по сути, — крысиная нора. Над роботом (дверь с глазком и кормушкой) горит тусклая лампочка. Сразу в голове вспыхнуло слово «темница». Вспыхнуло серой тьмой... Кроме меня нет никого, нормально. Спать охота, глаза слезятся, очков нет, компа нет, читать нечего... Ладно, лег спать.

Утром опять на допрос повезли. Отказался от дачи показаний. Пообщался с адвокатшей, говорит:

Ты не будь ребенком, не надо поддаваться здесь на провокации. Тут ты не в интернете, и не интервью журналистам даешь. Они здесь все, что ты скажешь, используют против тебя.

Понял, не вопрос, буду молчать.

На допросе говорю, что не буду с ними разговаривать, пока не предоставят экспертизу моих высказываний. Взял 51 статью и отказался от дачи показаний и сотрудничества со следствием.

Отвезли меня назад в ИВС. Смотрю, там уже сидит то ли Юра Расписной, то ли Витя Расписной, — отброс какой—то. Видно, что сидел всю жизнь, — все пальцы в перстнях, вся спина в куполах, грудь в иконах — все, что только можно, звезды и воровские и мусорские — пересидок, жженкой татуированный.

О, братуха, а ты чё? За что?

Думаю: «Этому—то можно подрассказать, заагитировать его». Я, за последние несколько лет, общался только с правыми, все разговоры были только об этом. Вся моя деятельность заключалась в том, чтобы вести пропаганду. Начинаю тележить про национал—социализм, про то, как гастарбайтеры занимают рабочие места, про социальную справедливость.

О! А чем занимаешься—то?

Я начал рассказывать и про ролики, про интернет, про организации — конкретно грузить. Вроде бы ничего секретного, а смотрю — у него глаза загораются.

Ух—ты, нифига! А расскажи еще чего—нибудь. Разговариваю с ним, потом спрашиваю:

А ты за что сидишь?

А я колеса своровал. Дочка должна привезти пять тысяч долларов, меня сейчас выпустят отсюда.

Приводят второго такого же, Мишу Расписного, в татуировках до пяток.

О! Здорово, братуха! Здорово, братуха! А ты чего? Ни за что посадили парня, у тебя даже татух нету. Не сидевший, что ли?

Не, не сидевший.

О, а чё? О, а за что посадили?... Ух, за русских посадили? О, а я сам русский. Да, ты сидеть будешь охуительно... Все нормально... Да, ты понимаешь, мы и сами за тебя...

Я опять пропаганду по—новой рассказывать, политику партии, национал — социализм, социальные лифты, справедливость, свобода. Они сидят, слушают, головами кивают. Я потом только понял, что это самые дешевые насадки ИВСовские. Которые первоходам на уши садятся, что—нибудь подрасскажут, а потом уши греют...

Меня они просветили про тюрьму, более—менее объяснили порядки, обычаи, — как хата выглядит, как заходить, как здороваться с пацанами, чего делать нельзя, что делать можно, о чем

можно говорить, о чем нельзя говорить. В принципе, мне это особо не пригодилось, но тем не менее какое—то представление получил.

Вызывают меня, — адвокатша пришла, Елена . Выхожу к ней, меня сажают за столик напротив. Мы вдвоем в каком—то задрипанном кабинете со стенами, оклеенными пленкой «под дерево», с несгораемым шкафом в углу, с протертым линолеумом , столом и парой стульев. Она принесла мне, как сейчас помню, жареное мясо, килограмма полтора. Грамм семьсот я смог съесть, потому что оно без гарнира было. Запивал томатным соком. Такой довольный, дня полтора, наверное, не ел ничего. Она дает газету «Коммерсант», — посмотри, — там фотка моя здоровая, биография написана левая, часть, конечно, правда, но в основном наврали, оклеветали и ошельмовали меня. Объяснила мне, что сидеть мне полюбому придется несколько дней, — до десяти суток. Думаю: «Фигня! Посижу!»

Привели опять в камеру. Пришел поевший, можно и поспать. Перечитал, что в газете написали и лег. Поспал часа два, меня будят. «Выходи!» Выхожу в комнату досмотров, смотрю какая—то тетка с видеокамерой стоит. Думаю: «Ну, что еще надо?!»

Скажите, а что бы Вы сделали, если бы пришли к власти?

«Вообще, что ли дура? — думаю я, — я еще сплю, ни пса не вижу без очков, ничего не соображаю. Что бы я сделал, если бы пришел к власти!?»

Запретил бы, в первую очередь, жирным коровам с видеокамерами приставать к людям. Ой, ну, а если серьезно?

Если серьезно, запретил бы продавать наркотики, сигареты, алкоголь и повысил бы пенсии. Что я еще скажу для оперативной съемки, я и так в мусарне уже нахожусь!?

Расскажите о своих политических взглядах. Не расскажу.

А кого Вы считаете образцом идеального политика?

«Да, что тебе надо?! Пряма ты не знаешь, что Гитлера!?»

Александра Лукашенко.

Скажите, а почему вас забрали? Статья странная — не разбой, не наркотики...

Это потому, что я не наркоман и не разбойник. Я общественно—политический деятель.— А сам стою в голубых джинсах, в майке с орлом и в гриндах без шнурков. На деятеля похож даже меньше, чем не скрипача.

В общем, ответы беспонтовые, просто издеваюсь над ней. Ну, ладно, — заключает она.

Все, меня уводят. Пришел, опять лег. Решили меня в СМИ раскрутить, если еще и сюда видеокамеру пропустили, привели тетку какую—то. Полюбому хотят «героя» из меня делать. Только странно — «герой»—то живой! Я сейчас выйду, буду дальше НСО раскручивать. Кому надо меня пиарить?! Я же понимаю, что человек, который отсидел хотя бы трое суток, — он уже Герой. Выходит: «Я! Сидел в ИВСе! Я голодал! Я страдал за народ!» «Мученик! Он отсидел! Нихуя!!!». Трое суток отсидеть, — это уже круто! Нормально, а я сейчас десять отсижу. Чем дольше сижу, тем больше правды было в моих словах. Вроде, все к лучшему, нормально складывается. Любой оппозиционер мечтает немного отсидеть. Да чтоб об этом написали. А тут — аж телевидение!

Шесть дней я просидел в этом ИВС. На четвертый или на третий день меня повезли в суд. Быстренько арестовали на два месяца. Опера там что—то сказали судье, так он даже не уходил на совещание с самим собой, а просто сразу: «Арест на два месяца». Меня тут же и увели.

На шестой день открывается кормушка: «Собирайся! Выходи!» Сдал матрац, что—то мне подписали, вернули очки, обыскали еще раз, раздели, присел, — чтобы в жопе спрятано ничего не было, — мент жопу осмотрел внимательно. Я не знаю, какие у него на этой ужасной работе моральные травмы были получены. Меня опять одели, поставили штамп, что я убыл из ИВС, какую—то квитанцию дали на оплату услуг и изъятие у меня каких—то вещей, которую я, естественно, вскоре потерял.

Единственный плюс, когда следаки прокурорские меня допрашивали, Елена потребовала предоставить время для конфиденциальной беседы с подзащитным. Нас отвели в другую комнату, посадили на какое—то кресло. Ко мне наручником был пристегнут конвойный. Она попросила:

Уберите его! Нам положена конфиденциальность! Не положено!

В законе написано, что с адвокатом, защитником может быть конфиденциальный разговор. Это значит без сотрудников.

Ну, нам ничего по этому поводу не сказали. Мы конвойные, мы его отпустить не можем. Мы спецконвой, будете при нас разговаривать.

Я ей, какие надо, для своих соратников распоряжения передал, она дала мне салфетку: Вот, слезы—сопли вытирать, вот тебе супрастин, капли в глаза, капли в нос. Спрячь. Салфетку я в карман убрал.

ВИП—Тюрьма, мой новый дом.

Приехал в СИЗО, там меня опять полностью обыскали, раздели, поприседал — если в жопе что—нибудь везешь, то, типа, само выпадет. Врачиха меня осмотрела, кожные покровы, глаза. Таблетки у меня опять все изъяли, все забрали «лишнее». Ушли. Оставили меня одного в камере. Камера чистая, все чистое. Я думаю, наверное, больница, — врач сразу пришел, менты такие культурные. Решил, что меня привезли лечить. Думаю: «Вот это респект! Сам бы я хрен пошел аллергию исцелять.» Там еще конъюнктивит старый, — с глазами все очень плохо было. И в карман залезаю, а в салфетке, которую они не смогли нащупать в кармане джинсов, сим—карта билайновская завернута. Адвокатша мне сим—карту передала, а я и не заметил, и менты на шмоне не заметили. В маленький карманчик для зажигалки убрал ее, пригодится ещё.

Просидел один несколько часов в этой камере, побрил рожу — станки одноразовые выдали, мыло у там, на умывальнике лежало. За шесть дней зарос, вонюю весь как бич. Помылся под краном в раковине.

Мне в ИВС товарищ один передал колбасу, хлеб, орешки, печенья какие—то, фрукты. Отрезал колбасы с хлебом, сожрал. Дверь открывается: «На выход!» Я с пакетиком выхожу, меня поднимают на этаж выше, заводят в камеру. Номер 609.

Дверь открывается. Камера восьмиместная, в ней шесть человек, я седьмой. Смотрю — люди все взрослые, я самый младший. Никто не татуирован, не так как в ИВС — дрищи расписные, прочифиренные. Тут спортивные люди, нормального вида. Один из них:

О! А ты Тесак?

Да. Максим. — Протянул руку.

Андрей. — Он пожал в ответ.— Проходи. Вон шконари, пара свободных, выбирай, какой хочешь.

Я со всеми поздоровался, представился, пожал руки и постарался запомнить, как кого зовут. Выбрал шконку, матрац кинул, поставил пакетик свой, лег. Лежу, думаю, что делать. Они там говорили, прописка какая—то в хате, должен чего—то про себя смотрящему сказать, а кто у них тут смотрящий? Я со всеми поздоровался и не более того. Всем все пофигу... Ходят раскладывают жратву, пакеты молока, веревочки развешивают, — то есть их в хату только— только перевели из другой камеры, вот и распаковываются. Я спрашиваю, может помочь кому?

— Помоги, чего ж нет?

А куда я попал то?

Как куда?! В тюрьму ты попал! А что это тюрьма или больница?

Ты чего?! Тюрьма, конечно! Да еще какая!

А телефон у вас есть? Можно позвонить?

Блин, парень, ты к походу не понимаешь, куда ты попал. Нет, пока не понимаю... Это не тюрьма,

Максим. Это подводная лодка.

В каком смысле?

Ну, в таком, что отсюда вообще не выходят.

Как не выходят?! Мне сейчас через два месяца домой. Нет, тут два месяца вообще не сидят.

Да, как не сидят?! У меня дело—то такое смешное... — начинаю рассказывать.

Ты не понимаешь... Тебя посадили по статье средней тяжести — это вообще смех. Ни у кого в этой тюрьме нет таких статей. Здесь сидят люди по тяжким и особо тяжким статьям. Все невиновные, как и ты, но статьи у всех серьезные.

У тебя какая?

159 четвертая и 174.

159(4) — это мошенничество в особо крупных размерах, а 174 — это легализация. Это Андрюха—банкир, он в дочерней фирме Юкоса работал, бабки легализовывал, несколько миллиардов. Кроме него — бандиты, разбойники и даже похититель детей. А сразу не поймешь, кто есть кто — все интеллигентные, с виду обычные люди, никто по фене не разговаривает, не чифирит. Из шести человек курят трое. Думаю, это не совсем те зеки, каких по телевизору показывают. И не те, что в ИВС я видел. Может правда невинные?!

Этот парень из околуюкоса, Андрей, он либерал оказался до мозга костей, но с ним очень интересно было беседовать, потому что он очень умный и можно подискутировать на заданные темы. О свободе, справедливом устройстве общества, способах добычи денег... Первую ночь пробазарили, — вроде весело все. Днем спал. Ближе к вечеру меня вызывает зам. начальника по оперативной работе.

Захожу в кабинет, поздоровался.

Максим, подойди к окну.

В смысле, «подойди к окну?»

Подойди, в окно посмотри.

Я подхожу, смотрю, а там стены и забор напротив Матросской тишины исписаны здоровыми свастиками двухметрового размера надписями «Свободу Тесаку!» черной краской.

О! Прикольно!

Что, «прикольно»? Ты сейчас это отмывать пойдешь. У нас вся тюрьма расписана и все заборы вокруг.

Это же не я пишу.

Ты своим скажи, что бы не писали.

Как я скажу?! Ко мне еще и адвокат не приходил. А телефона у меня нет.

Если это не прекратится, то у тебя здесь будет очень тяжелая жизнь.

Адвокат придет, я поговорю, может быть этот вопрос как—то урегулирую. А так пожалуйста, пойду отмывать заборы.

«Ну, только отправь меня сейчас, я съебусь нахуй, меня тут никто больше не увидит!» Он, видимо, догадался, и говорит:

Давай—ка, ты мне лучше напиши за кого ты что знаешь. В каком смысле, за кого я знаю?

К нам приезжали твои учителя из МГСУ. Они хотят принимать у тебя экзамены, чтобы ты пока здесь сидел, диплом получил. Ты сможешь закончить институт, сидя в тюрьме.

«Ах, пиздишь ты мне. Какие учителя из МГСУ?! Я там не появлялся уже несколько месяцев. Мне там сдать всего несколько зачетов надо. С чего это учителя ко мне сюда хотят подъезжать?!»

И чего? — спрашиваю я.

Там надо, что бы за тебя какие—то люди поручились, что ты нормальный человек, вменяемый. Что бы люди были уважаемые, самые известные, кого лично знаешь. Напиши про них, что знаешь. И тогда будешь сдавать экзамены.

«Ух, какой ты, блядь, ушлый!»

Ты же Максима Грицая знаешь? Грицая? Да знаю.

А Румянцева?

Тоже знаю.

Пиши про них, что знаешь, тогда сдашь экзамены. Ладно.

Беру бумажку, ручку. Меня в другой кабинет отводят. Пишу: «Румянцев не пьет, не курит, ведет здоровый образ жизни, хороший человек. Грицай занимается спортом, предоставляет молодежи помещение для занятий спортом, чтобы жили там русские люди, которые бегут из союзных

республик, где их притесняют и унижают». Приходит старший опер, почитал, что я написал. Я под дурака кошу, говорю: «Вот, хорошие люди. Они поручатся. Пусть учителя едут.». Хмыкнул, забрал бумажку, скомкал, унес. Приходит какой—то опер из центра «Т». Это по борьбе с терроризмом. Тоже начал меня грузить:

То, что ты сюда попал, как тебе?

Не знаю, камера нормальная, люди интеллигентные, невиновные. Что вы меня сюда посадили?

Э—нет, это не невиновные люди, это элита преступного мира России.

Какая элита преступного мира?! Там ни у одного даже татуировок нет воровских. Ты еще не понял, куда ты попал. Отсюда просто так не выйдут.

Как не выйдут?! Вот, что вы меня арестовали? Я же знаю, что следствие по делу средней тяжести длится максимум полгода. Я к выборам все равно на свободе окажусь, только буду уже раскрученный. Сейчас уже — вон всю тюрьму расписали, в газетах пропиарили, по всем каналам новости прокрутили. Вы меня только раскрутили тем, что арестовали. А через полгода на свободе я буду святее Папы Римского.

Не будешь ты на свободе.

Как?! За что вы меня посадите?! За два слова?! За «Sieg Heil!» в клубе?! За это вообще не возможно посадить.

Ты дурак что ли?! Невозможно посадить?! Мы тебя уже посадили. Мы еще на тебя столько накопаем, ты вообще не выйдешь отсюда.

«Врешь, ты мне, пес. Шутки какие—то...» Но все равно неприятно — мало ли что!

Пошел опять в камеру. На следующий день вечером программа «Неделя с Максимовской». И так постоянно новости крутили, что «Тесака арестовали», «арестован самый кровавый скинхэд России», «на Рублевке в собственном коттедже задержан...» Думаю: «Коттедж бы сначала мне кто—нибудь купил, а потом задерживайте сколько хотите. Так нет, все только на словах». Потом показали, что я драку организовал у стен Кремля с хачевской молодежью. А в камере был даг один, крепкий такой, из бывших бандитов.

А ты что, Макс,
нацист? Да, нацист.

Тогда давай, бей
меня! Зачем?

Я же дагестанец, я же не русский. Вы же на улице бьете, бей
меня здесь. Так здесь зачем тебя бить?!

Может быть ты меня хочешь избить?

«Ну, может быть. Тем не менее не буду. Провокация какая—то. Все смотрят на реакцию».

Нет, ни к чему это.

Да? А почему на улицах наших бьют?

Ты посмотри, они лезгинку пляшут в центре Москвы.

Ну, может быть они не правы, конечно. Они же молодые, они еще не уважают традиции. А вот зачем вы их бьете?

Так, мы тоже молодые. Мы не уважаем их традиции.

Спор быстро перешел в академическую плоскость, уже другие стали вмешиваться. Рамс пошел на тему «Зачем плясать на Манежке лезгинку?», «А зачем бить их за лезгинку, надо как—то проблему цивилизованно решать...» Закончилось, в общем—то, ничем.

Что—то как—то не хотят здесь дружно принимать идею национал—социализма. Я считал, что, как обычно, полчаса агитации и все уже идейно за НС. А получилось не так. Контингент такой, что им все по фигу, кроме денег. Кто—то поддерживает эти идеи, кто—то нет. Но ВСЕ говорят: «Да, зачем это вообще тебе нужно?! Надо деньги зарабатывать!»

Адаптация к неволе.

Сижу я в этой хате и понимаю, что люди взрослые и «Sieg Heil!» их не сагитируешь. Надо на более цивилизованную пропаганду переходить, больше интеллигентных слов в речь впихивать, приводить доводы не только морального плана, но и экономические. Оттачиваю новую область ораторского мастерства, смотрю, как на тот или другой аргумент реагируют... При этом «жить жизнью хаты» мне вообще не охота. В принципе, дольше дух месяцев я здесь не задержусь, — наивно думал я, — смысл мне вникать во все это. Они какие—то сериалы смотрят, людей с которыми пересекались обсуждают, планируют, кто что в передаче затянет. Причем вплоть до ста граммов сыра пармезан или пучка зелени. Заморачиваются. На хрен надо мне это все.

Первое время в тюрьме самое неприятное было просыпаться утром. Сны сняться совершенно обычные, что я на даче или я гуляю с девушкой, или бегаю где—нибудь с автоматом по городу, — обычные сны. Просыпаешься, глаз еще не открыл, понимаешь, что не дома. Вроде как даже в тюрьме. Но, думаешь, может это все приснилось, может, окажусь в своей кровати. Глядь — ни хрена, опять камера, опять эти стены, опять сокамерники. Черт. Проверка. На следующий день то же самое. И каждый раз, когда просыпаешься чувствуешь, — подушка, матрац — значит все тот же не стон. Дома—то я спал на специальной циновке, она тоненькая, практически на полу спал и без подушки. Прикрывался тоненьким одеялом, а здесь и подушка сверху, на ухе лежит, и матрац относительно мягкий, — уже все понятно. И каждое утро надежда, что все это приснилось. Тоскливая, бессознательная практически надежда. Каждое утро начинается с облома. К вечеру привыкаешь, принимаешь эту мысль, даже днем принимаешь, но с утра это особенный удар. Бац! Сиди. Понимай, что ты в заточении.

Читал по ночам. Заказал себе в библиотеке книг, плюс в камере нашел кучу — Андрей много читал. Лежу, читаю — то Ницше, то Лукьяненко. Взял в тюремной библиотеке Ницше. И я понимаю, что одна и та же книга на воле и в тюрьме воспринимается совершенно по—разному. На воле я просто читал книжки как советы жизненные, мировосприятие, а в тюрьме это полное мироописание. Переосмысление бытия идет. Например, фраза «преступник только в тюрьме может спокойно уснуть». На воле подумал, что бред какой—то. Почему в тюрьме лучше?! На воле всегда спиться и лучше и мягче. Хотя у меня лично не было проблем со сном ни в тюрьме ни на воле, какие бы проблемы не намечались, я всегда спал нормально, и бессонница у меня была от волнения только перед первым приговором. Но эту фразу надо воспринимать образно. Я понял, что в тюрьме меня не убьют, и это было самое интересное. На воле я никогда не мог расслабиться: заходил в подъезд, всегда доставал нож. Когда мы с Малютой жили в одной квартире, мы оба доставали оружие еще на парковке, где ставили машину. Заходили в подъезд, поднимались на лифте не на свой этаж, а на этаж ниже и дальше шли пешком. Было куча мер предосторожности. Машину никогда не ставили около дома. Старались не ходить по людным местам без оружия, на всякий случай, потому что врагов очень много. В тюрьме этого нет, тебе ничего не угрожает в этом плане. И можно расслабиться. Конечно, не надо терять бдительности, но расслабиться можно. Прямо физически ощутил спавшее напряжение последних лет борьбы. И Ницше мне начал нравиться все больше и больше.

Пришла мне передача от папки. Продукты, шмотки, мыльно—рыльные принадлежности... Я обрадовался! Значит, меня нашли! Знают, где я! Понимаю, что меня сныкали специально. Раз тюрьму разрисовали, значит ищут, только найти не могут. Я же понимаю, что мне должны передачку сделать. Вещи передать.

У меня ж при задержании даже трусов не было! Приехал со сборов — все трусы грязные. Конечно, без мамы—бабушки жить. Даже без девушки. Закинули всё белье в машинку, но вынимать и развешивать неохота было. Утром одеть нечего. Да пофигу! Так, в джинсах одних и пошел... В камере мне подогнали семейные трусы, но я такие никогда не любил. Теперь папка нормальные «боксеры» передал... Но главное, что нашли меня! Значит и адвокат скоро придет.

Вскоре мне принесли квитанцию за деньги расписаться. Их мне тоже перевели не жидясь, сразу пятнашку.

Это, кстати, очень важно — переводить зекам деньги на ларек. Надо просто придти на почту и сказать, что хочу сделать перевод. Назвать адрес содержание и имя, кому именно они адресованы. Через какое—то время приносят бумажку, расписался за получение. Дальше у нас, например, было так, что раз в месяц приносят прайс—листы. Там можно заказать и лапшу, и каши, и молочку, и фрукты, и мясные продукты, типа колбасы, и канцелярку и предметы гигиены — они—то и есть «мыльно—рыльное».

Встал, чуть—чуть поехал, опять лег читать. Заниматься неохота — какой смысл — я здесь все равно не на долго. Общаться мне тоже не охота, потому что это не соратники, они мои идеи не разделяют, они мне не друзья, что мне с ними по душам разговаривать? Неделю где—то потерпели, потом меня подтягивают:

Максим, а ты чего ничего не делаешь? Почему ты с нами не общаешься? Почему ты жизнью хаты не живешь?

Так на фига?! Я выйду через два месяца.

Так просто ты не выйдешь отсюда. Ты пойми — тебе сидеть еще долго. У тебя сейчас какая статья?

282—ая.

Так на тебя 209—ую повесят, — 209ая — это бандитизм. — Сейчас поймают каких—нибудь скинов молодых которые скажут, что ты у них лидер. И все, у тебя по любому уже банда и организация нескольких убийств. А любой на тебя наговорит, лишь бы самому поменьше получить.

Такое легко может быть. Причем люди вменяемо мне все это объясняют и я понимаю, что положение стремное, что из меня СМИ сделали лидера всех скинхэдов, по телевизору показали, общественность подготовили. В принципе, бери любую банду, проси их дать на меня показания, что они со мной знакомы, что я давал им распоряжения что—то делать и все — я лидер группировки, поехал с десятком убийств. Так и получилось. Буквально через несколько дней меня вызывают опера опять вольные и начинают объяснять, что была такая банда Рыно и Скачевского. Спрашивают, знаю ли я их.

Нет, не знаю.

Может быть ты все—таки их знаешь?! Знаешь, сколько на них убийств? Ты понимаешь, что они с Формата все?

Нет, не знаю.

Они сейчас показания дают, что ты у них старший.

Тут у меня настроение совсем портится. Думаю, что—то вообще некрасиво получается, — там тридцать убийств шили тогда, — а это вообще неприятно. Единственное, что успокаивало, так это то, что я реально с ними не общался и никого из них не знал.

Мусора ездили ко мне раз, два раз в неделю. Причем приходили все время без адвокатов, — мусора отдельно приходят, адвокаты, Васильев и Савко, отдельно. По делу меня мусора вообще не допрашивали, то есть разговоры все шли о том, откуда в НСО финансирование, не знаю ли я Березу, не получал ли я денег от Березы; не знаю ли я, кто получал деньги от Березы, не хочу ли я работать против либералов, не хочу ли я работать на спецслужбы, не хочу ли я сдавать соратников, не хочу ли я рассказать, где кого кто убил, — всякая хуйня. Это сейчас смешно рассказывать, а тогда это было запугивание, гемморрой, допросы по несколько часов, но суть вся сводилась к тому, что не знаешь ли ты вот это и вот это, и не хочешь ли ты об этом рассказать. Я думаю: «Откуда у вас, блядь, мысли, что я могу знать, кому Береза давал деньги?! Откуда у вас мысли, что я могу давать показания на Березу?! Я знать его не знаю». Ладно, с этим отстали. Видимо, наудачу проверяли.

Давай показания на Миронова.

Я и его тоже знать не знаю. Какие я могу показания на него давать?!

Ну, ты напиши, что знаешь, что он деньги у Березовского брал. Вы же по ебалу Пелоткину дали за то, что он не отдал деньги Белковского.

По ебалу давал не я, и денег я не видел...

Ну, Пелоткин же пидор, он же показания на тебя даст. Он же уже против тебя, он один из тех, кто тебя закрыть помогал, ты же понимаешь. Он же работает на Березу, он же оранжевый.

Ходили, кошмарили. Причем, то один придет, то другой. Как—то они вообще не были скооперированы между собой. Приходит адвокат, говорит, чтобы я посылал всех на хуй и вообще с ними не разговаривал. Ну, тоже интересная мысль «посылать на хуй мусоров», когда можно попытаться из них что—то выудить и понять, что же они хотят от меня в конечном итоге. Что сделать намерены. Больше всего меня удивляло, что по делу, по выступлению в Билингве, мне ни разу ни одного вопроса не задали. Всем им было похуй даже на то, кто там был из моих соратников, что они там делали, то есть по умолчанию было понятно, что арестовали меня совсем не за это.

Прямо чакрой внимание Системы на себе. Один мужик сидел на 99, сидел несколько лет и потом его, во время суда, переводят на общак. Он зашёл в камеру. Ему там:

— Ну, что? Кто по жизни? От куда приехал?

Он не отвечает никому, поставил баулы на пол и давай креститься.

— Э, ты что?

Ему пофигу, стоит крестится. Покрестился, пошёл умылся и говорит:

— Ну, теперь спрашивайте.

— Что с тобой было—то? Ты где был, что так башню сорвало?

— На 99 сидел... такой топор надо мной ходил...

Только он попал на обычную тюрьму, у него как гора с плеч скатилась — око Саурана отвернулось. Успокоился, всё у него стало нормально в голове.

Задержаться здесь, похоже, надо будет. Стал приучать себя к мысли о том, что домой попаду не так скоро, как рассчитывал. Начал смотреть сериал «Дочки—матери», по СТС с утра такой шел, втянулся. Вся хата, взрослые мужики, смотрит эту сладко—сопливую паражнину. Но если регулярно смотреть эту парашу, то становится интересным, — тема даже интригующая и захватывающая сознание. Когда, кто, с кем погулять сходил ... От постоянных гонок в голове просто тупеешь, глупеешь и хочешь на что—то свое внимание отвлечь, потому что в голове дикая смесь жалости к себе и поиска выхода из сложившейся ситуации. Состояние подвешенное, я же реально вижу, что у всех людей статьи такие , что от десяти лет срок начинается. А моя максимум пятеркой заканчивается. У меня единственного в этой тюрьме она такая легкая. Точнее средняя. Кто давно сидит, те уже знают всех в этом заведении. Это ФСБшная ВИП—тюрьма И399/1, и в ней содержится всего порядка семидесяти человек. И сто шестьдесят человек охраны, администрации. И заключенные, соответственно, ВИП — банкиры, чиновники, олигархи, киллеры... «Фабрика звезд», короче — простые люди здесь не сидят. Я понимаю, что если посадили меня в такую элитную тюрьму с такой смешной статьей, то хотят навесить на меня статью не совсем смешную или целую кучу вообще не смешных. А это неприятно, очень сильно бьет по мозгам, начинаешь гонять, думать: «Что же за фигня?! Что хотят сделать—то?!» Ну, ладно, значит надо втягиваться как—то в жизнь тюремную, чтобы мозги отвлекались. Несколько раз даже сходили в качалку...

В хате был из питерской братвы реальный предприниматель Слава. Очень авторитетный, но при этом веселый и жизнерадостный мужик, ему лет сорок, крепкий, но с пузом, все время «ха—ха и хи—хи». Уже не первоход, со 159 часть 4. Он все время занимался спортом.

Пойдем в качалку?— спрашивает

он. Пойдем.— соглашаются все.

Написал заявление на спорт зал, пошли вчетвером. Зал это камера 5 на 6 метров, деревянный пол, две прямые штанги , одна с EZ—грифом, четыре гантели, турник, сломанный велотренажер, стойки для приседа, пара скамей для жима, скамья для пресса, сломанная беговая дорожка и унитаз с умывальником в углу. Зеркал ни одного нет, форточки открываются только сантиметров на пять. Занимаемся, а он меня и спрашивает:

Макс, а сколько ты жмешь? Так—то 175 жал.

Да, ладно 175?!

Да, 175.

А я из четырех последних месяцев два пролежал в больнице. Форма физическая у меня ухудшилась, потому что антибиотики кололи, не занимался, жрал всякую дрянь. И похудел со 120 до 110 и в то же время жира набрал, то есть состояние отвратительное внешне.

Да, ты не мог столько жать! Жал на раз!!!

Не может быть!

Сто процентов!

А сейчас сколько пожмешь?

Сто тридцать, наверное, пожму.

Да, ты не можешь 130 пожать в принципе! Могу!

А это уже конец тренировки, я уже и руки загрузил и грудь загрузил. Повесили сто тридцать, я не выжал. По сути, не выжал килограмм, может быть, пять. Но не выжал.

Ааа! Я же говорил!

И в течение месяца это постоянно: «Ну, что когда сто тридцать пожмешь?!» А в зал нас больше не водили, то есть один раз сходили и все. И я никак не могу доказать, что сто тридцать—то я легко и сейчас выжму. Смех смехом, а состояние такое, думаю: «Да, он меня подьебывает. Он ищет повод, хочет меня за пиздобола выставить». Потом—то я понял, что он прикалывается, ищет развлечения и себе и меня растормошить хочет, потому что в тюрьме—то невесело, мысли тяжелые, он видит, что мне хреново. А я чувствую, что меня хотят подвести, что сто тридцать не выжал. Я в зал хочу, а не водят. Потом не охота стало и заниматься. В камере можно было это делать бутылочками с водой, баулами, материалами дела, отжиматься приседать. Но мне не охота. «Да, ладно! На фиг надо! Скоро выйду... Может быть».

От нечего делать через неделю после приезда в тюрьму начал вести дневник, потому что еще на воле привык вести и «Формат» и Живой журнал, чего—то отписывать постоянно. Когда приходил адвокат, я диктовал ему свои записи. Никакие бумаги выносить нельзя, клочка бумаги адвокату не передать — постоянно ведется видеонаблюдение и прослушка — можно только продиктовать ему на ухо, а он это запишет. Дальше все публиковалось в живых журналах. Сперва у меня была куча незаконченных дел на воле, мне казалось, что надо сделать одно, другое... отдать распоряжение, что бы сайт открыли, что бы форум подвесили, что бы того обосрала, что бы этого избили, что бы ролик смонтировали, статью выложили, что бы в топ ее обязательно вывели, то есть жизнью еще жил вольной. Неделя, две, три, месяц, потом понимаю, что связь постепенно обрывается. Когда адвокат приходит раз в неделю, то уже особо не займешься злободневной пропагандой. Руку с новостного пульса убрал... Стал писать уже больше для себя какие—то заметки, более вдумчивые, не просто сиюминутная пропаганда, а мысли стали более глобальные и философские. Записывал—записывал, потом адвокату передавал для публикации. Потом постепенно и это стало сходить на нет, адвокат стал ходить реже, потому что никаких процессуальных действий не велось. А мусора хоть и приходили, чтобы общаться со мной, делали это специально без адвоката. Еще были глупые предложения, вроде того: «Давай, ты извинишься перед либералами, скажешь, что ты попутал немножко. Что идея уже в прошлом осталась, что повзрослел, отошел. Просто дашь заднюю, отречешься от идеи на камеру. И все нормально у тебя будет, уйдешь сразу домой и получишь условный срок». А суть этого в том, что каково было бы людям, которые мне верили, шли за мной, смотрели мои ролики, увидеть эту запись? Где я говорю: «На хуй это все! Я отрекаюсь, я ничего больше не хочу, либералы нормальные парни. Извините меня, пожалуйста, все. Я поехал домой». Это был бы удар по всему, что я делал. И по моим соратникам. Предложения такие были постоянно, и на суде предлагали извиниться, дать заднюю и получить условно. Не знаю, может быть, меня бы и отпустили, потому что я стал бы вообще не интересен. Меня даже было бы лучше отпустить, я бы потом оправдывался, что на меня надавили, и я на камеру отрекся, это не по—настоящему все, это хитрый ход, чтоб из лап ЗОГа вырваться... Но это было бы несмыслимое пятно и я не мог просто этого сделать. В принципе, чтобы выйти или получить поменьше срок, люди идут и на дачу ложных показаний и ничего в этом такого зазорного нет, если при этом никто не страдает. Я и на первом и на втором суде давал ложные показания. Я же обвиняемый, я имею право врать. Я врал, что я никого не знаю. Ясен хрен, что я знал и тех людей, которые были в Билингве и на «Ку —крус—клане». Врать суду — святое дело, врать милиции — святое дело. А публично отрекаться от идеи — это плохо, это

антипропаганда, сдавать соратников еще в сто раз хуже. Я решил, что лучше отсидеть.

Еще по ночам я периодически беседовал с Рикусом. Виталик Рикус сидел за бандитизм, за похищение ребенка, вымогательство, — куча статей. Он очень любил рассказывать:

Как же ты призывал людей убивать?! Это же тоже люди. Как ты можешь судить?!

Мне было интересно оттачивать свои агитаторские навыки на человеке, бесконечно далеко от Идеи. В тюрьму попал — надо же с людьми общаться. Вот и разговаривали с ним. Честно говоря, я тогда не знал, что он сидит за похищение ребенка. Это придает особую пикантность, что человек, который занимался такими благородными делами, как киднеппинг и разбой, рассказывает, что все люди равны и нельзя человека судить по его отношению к национальности, вероисповеданию и происхождению. Он был похож на тролля из Гарри Поттера. Который Гермиону поймал в туалете. С толстым пузом, узкими плечами и большим лбом, маленькой головой. Смешной такой тролль, но здоровый, похож на карикатурного бандита. Он по ночам писал письма своей жене.

Открывал библию и списывал оттуда. По десять, по пятнадцать страниц: «Да убоится жена мужа своего. Да возлюби ближнего своего». Писал целые трактаты. Жена у него очень религиозная, она даже отвечала ему такими же цитатами их библии на пять страниц. Самый прикоп был, когда мы узнали, что жена Рикуса забеременела и скоро родит.

Как это так—то?! Ты сидишь уже полтора года, а она у тебя родит скоро.

Ну, она мне не изменяет. Жена у меня верная. А без ребенка жить — грех! Она пошла в банк спермы, взяла там материал, сделала искусственное оплодотворение, родит ребенка и у нас будет счастливая семья, когда я выйду лет через пятнадцать...

Ну, да. Какой доверчивый большой мальчик, в сказки верит.

В середине августа повели меня на кассационную жалобу по поводу меры пресечения. С 99 привели меня на 77, где были оборудованы помещения для дистанционного участия в судебных заседаниях. 99 — это федеральная тюрьма, блок, отдельное здание на территории «Матросской Тишины».

Адвокатша—то все на «Матроску» ходила, меня пыталась найти. «Здесь такой не содержится!» Следак ей вообще сказал, что меня убили при попытке к бегству. У нее паника началась:

Как!? Убили моего
подзащитного!? Да, убили.

Я же ему мясо носила не так давно. Как так убили?! Не может быть!

Они просто не сказали, куда меня спрятали. Вроде на «Матроске», на «Матроску» приходит, — нет такого. Никто же не сказал, что именно на 99.

Так вот, повели меня на касатку. Привели на 77/1. Там клетки с телевизорами, а напротив видеочамера стоит. Я захожу сел, идет трансляция судебного заседания. Три адвоката, Сергей Беликов, Александр Васильев и Елена Савко. Зала и тех, кто пришел меня поддержать, на мониторе не видно. Прокурор требует оставить меру пресечения без изменений, адвокаты по очереди зачитывают свои речи, почему именно меня стоит отпустить. Я и замечательный человек, и творческая личность, впервые задержан и привлечен к ответственности, работу имел в Москве, и жилье имел, и положительно характеризуюсь по месту работы. Если буду сидеть с уголовниками — нахватаясь блатных привычек и тюремных понятий, то есть испортиться моя внутренняя сущность. Моя вина не доказана, преступление средней тяжести, — так красиво все рассказали. Что нельзя не отпустить, такой невиновный человек, что меня необходимо освободить прямо сейчас. И извиниться передо мной при этом. На коленях. Ну, очень красноречиво и аргументировано выступили.

Судья говорит: «Ваша позиция суду ясна. Мера пресечения оставить без изменения». Все. Звук отключается. Меня увели в камеру. Слава говорит: Все, Макс, ты здесь остаешься. Система сбоя не дает.

Я понимаю, что Слава не шутил, что это правда не шутки.

Только у меня настроение поднялось, как меня заказывают полностью с вещами. Значит, куда—то переводят.

Разочарование в киллерах.

Спускают на этаж ниже. В 509 камеру.

Контингент там совершенно другой! Сидит семь человек, я восьмой. Из семи человек — шесть киллеров. Юковский, кингисеппский, ореховский, пятигорский и еще двое из банд без названия. У всех по куче 105—ых и 209—ые. Убийства и бандитизм. Седьмой, Олег, по мошенничеству. Руководитель одного из дочерних банков «ЮКОСа». Единственный вменяемый, разумный, образованный и сидящий по экономической статье. С ним хоть разговаривать можно было. Остальные не то, что невменяемые... У меня было представление о киллерах по фильмам. Вот он ходит, думает, готовится, высматривает... Сталлоне и Бандерас! Киллер самостоятелен в суждениях, он может сам что—то решить, сделать... Нет, эти киллеры, с которыми я оказался нос к носу, были, можно прямо сказать, полными дебилами. Мало того, по их показаниям судили целые толпы людей.

Орехово— медведковский Вова Булочник — на его показаниях осудили практически всю банду. Мало того, их по его показаниям—то и начали принимать. Посадили его в Питере за драку с поножовщиной — хулиганку. А он, не будь дурак, давай признаваться вообще во всем, что делал на воле и грузя всех, с кем в жизни пересекался... Зачем — хотел отомстить за загубленную молодость. Очень неприятный тип. Он довольно крупный. Когда я заехал, он весил килограмм 95.

Леша Здравнов — по его показаниям осудили всю кингисеппскую группировку. Он сидел уже лет пять за наркоту, к тому времени, как в Питере задержали Пумане. Это был такой бывший подводник. В его машине обнаружили взрывчатку, пытали, в результате чего он умер. Но, видимо, что—то успели вытрясти. К Леше приехали на зону, допросили, он показания, какие надо дал, согласился сотрудничать. Его вывезли в Москву, на 99/1. У него было одно убийство, за которое ему в итоге добавили всего два года к сроку. Было шесть, стало восемь.

Еще был какой—то православно—бородатый киллер Игорь. Православным, конечно, стал уже сидя в тюрьме. Этот стал мне сходу практически сворачивать кровь.

— Я же видел, про тебя по телевизору показывали! Ты собирал скинхедовцев ни митинг к памятнику Кириллу и Мефодию! При этом говорил, что Кирилла уважаешь, а Мефодия — не очень! Как так?! Не уважаешь Мефодия!

— А чего мне его уважать?

— Мефодий же письменность на Русь принес!

— Письменность и до него была!

— Он же православный святой! Ты что — не православный!?

— Нет, даже не христианин.

— Значит, и православие не уважаешь!

— Нет, не уважаю!

Тут уже все киллеры подключились. А я, когда конфликты на религиозной почве начинались, любил масла в огонь подлить и говорил, что я язычник. Что тут началось! Кровину мне свернули вообще наглухо!

Самое интересное, что в хате был Леха, пятигорский киллер—кореец, Но он в эту пидорскую кадку не полез. Хотя оснований, зная кто я, имел гораздо больше. Самым гондоном оказался именно православный мокрушничек...

Это я потом понял, что они по мне просто работали, получив задание от оперов. Откуда деньги в организации, какие цели настоящие, кто из депутатов или ментов прикрывал? Постоянно задавали глупые вопросы, для личного интереса. Но их личный интерес до боли напоминал тот интерес, что проявляли сотрудники центра «Т» на допросах.

Но сперва я этого одуплить не мог. «Откуда у вас деньги?» Зачем вам это надо? Вы ж всё равно бараны и наркоманы, сидите по несколько лет и ещё сидеть... Булочник, например, героиновый наркоман с десятилетним стажем. На нем пять убийств и все они совершены голыми руками. Сиди да сиди спокойно! Какое финансирование тебе, какие партии, какой «личный интерес»...

Постоянно какие—то провокации. Смотрим, например, передачу. Там показывают убийство. Кого—то душат. Смотрит на меня.

— А, чего, вспомнил что—то? Как душить—то знаешь? Ногой в плечо упираешься и тянешь на себя изо всех сил. А второй в другую сторону. И он так хрипит. Хрррааа—Фрррааа Да? А тут что показывают — так сил ни у кого не хватит!

Ну, ты, думаю, уебок! Постоянное круглосуточное кровопийство. На всем пытаются подвести к мокрухе или спровоцировать конфликт.

Через несколько дней мне принесли передачу от Саши. Я думал, что с ней уже всё, никаких отношений не будет. Мы расстались за несколько месяцев до ареста. Она спалила меня на том, что я более чем плотно общался с несколькими другими девками... Не то, чтобы там какие—то возвышенные чувства или отношения были, но долг самца звал. Короче, расстались. А тут вижу её имя в описи содержимого передачи. Обрадовался. Хожу довольный. То, что принесла именно она, радует меня даже больше, чем сами продукты.

Но тут радость мне сбили... Принесли в хату какую—то желтую газетенку. А в ней скриншоты с видеозаписи, где два хача стоят на коленях на фоне свастики. Я её сразу хватя, читаю заметку. В сети появилась видеозапись, на которой члены «Национал—социалистической партии Руси» казнят двух колонистов за то, что те захватывают нашу страну. И комментарий Пелоткина, что это скорее всего сторонники Тесака могли это сделать, потому что они вообще отморозки! Вот это скотина! Вот это вообще нехорошо! У меня уже понятие более—менее появилось, как будут со мной работать.

Через пару дней приносят еще одну газетенку. Ее открываю, там сказано, что появилось заявление от НСПР, что если не отпустят Тесака, а Путин не уйдет в отставку, они будут продолжать убивать.

Сейчас что—то начнется! И точно, через полчаса «тук—тук» в дверь. Я подхожу.

— На «М».— фамилии в коридоре не называют, чтоб в соседних камерах не узнали, кто—где сидит.

— Марцинкевич.

— С документами на вызов.

Значит в следственный кабинет. К операм, адвокату, следакам, администрации... В тот раз получился самый неприятный вариант — приехал вольный опер.

— Ну, что, Максим, доигрался?

— В каком смысле?

— Ты про видео с казнью знаешь?

— Да, в газете читал.

— Знаешь, что те, кто его снимал, называют себя твоими соратниками и требуют освободить?

— Да.

— Понимаешь, что никто тебя не освободит. А их мы найдем. Скорее всего это сделали какие—то твои друзья. Может даже вместе с тобой. И скоро ты поедешь на пожизненное.

— Да я сижу уже полтора месяца. Откуда мне знать, кто это делает? При чем тут мои друзья? У меня таких отмороженных друзей нет, чтоб кого—то убивали и выкладывали видео.

— Мы их все равно найдем. И они дадут показания, что ты у них лидер. Полюбому ты паровозом пойдешь!

Сказать, что я был этим загружен и расстроен — значит вообще ничего не сказать. Пришел в хату, лег, молчу, на вопросы не отвечаю болванам, думаю. Вечером встал чайку попить, разговорился с Олегом.

— Ты не гони так! Ничего они не сделают — если бы у них что—то было, они бы пугать тебя не пошли. Если пустые наезды идут — значит просто почву пробивают, смотришь как отреагируешь. Фигня это все!

— Может быть...

— Точно тебе говорю. Иначе бы они тебе в нос и протоколы допросов бы сунули, и оглушили бы информацией, чтоб сразу раскололся. Фигня это все.

По сути, это всё я и сам понимал. Но тут нужна была скорее моральная поддержка. А кроме Олега, я ни с кем и поговорить, без желания рожу разбить, не мог. Менты давят там, а киллеры— уёбки здесь. Мол, да—да, сейчас тебе пару 105—ых предъявят. Бандитизм, терроризм, так что на пэжэ готовься!

Никогда не сталкивался с таким хорошо организованным групповым давлением. Сильная штука. Киллерская тусовка уже давно спаянная. Они получают задание кого—то гнобить,

планомерно сворачивают кровь. Не лезут в драку, не оскорбляют. Просто технично подкусывают, постоянно поддерживают напряженный вялотекущий конфликт. Причем, как только пытаешься его обострить, сразу дают заднюю. Но вскоре начинают по—новой.

Пришла, скажем, передача. Живут все вместе. Делить ты это ешь, ты это не ешь не принято. Они её хавают в течение первого же дня. То есть целенаправленно убивают. Олег, скажем прямо, человек очень небедный, говорит:

— Я уже давно сказал, чтоб мне передачи не делали. Я не буду этих животных кормить! Лучше и сам похудею. На воле очень полный был, а сейчас занимаюсь, мне и каши хватает вполне. Они же специально слабительное жрут, чтоб побольше еды сквозь брюхо проходить успевало.

— Да ладно!

— Сам посмотри, какие они таблетки у врача берут по вечерам.

Я посмотрел — действительно. Жрут слабительное и срут, чтоб быстрее влезла новая порция. На воле просто этого не понять, а тут — реальность!

Вызывают меня опять на допрос.

— Мы задержали человека, который разместил это видео. Ты его знаешь. Виктор, из Майкопа. И я понимаю, что я его действительно знаю, я с ним даже разговаривал по телефону буквально за две недели до посадки. Договаривались о том, что я приеду летом в Майкоп, будем открывать там ячейку НСО... Вот, блин, началось!

— Он сейчас в прокуратуре постоянно на допросах. И живет и ночует там, пристегнутый наручниками. Никто его оттуда не выпустит. Это очень серьезное дело!

Это настроение мне ещё больше уронило. Парень—то реально с «Формата», грамотный такой, вменяемый. Жалко его — тут реально можно и не выйти.

Приходят ко мне и на следующий день. Вообще тогда зачастили. Ходили почти каждый день, специально не предупреждая адвоката. Постоянно разные. Узнавали какую—то фигню. Одному наврешь — другой приходит с такими же вопросами. Ему наврешь — третий приходит.

Секс в автозаке.

Первый раз меня повезли на продление сроков содержания под стражей в хамовнический суд. Я отсидел без недели два месяца. Назвали меня, «по сезону».

Если стучат и говорят «по сезону» — значит на выезд. Если «с документами» — на следственные. Если «без документов» — или на свиданку. Если «к доктору» — значит к доктору. Вот и все возможные варианты. Других просто нет.

Оделся, обыскали, выхожу на улицу. Давненько не был на свежем воздухе. Гулять даже в прогулочные дворики не ходил. Неба не видел, асфальта не видел, ветра на лице не ощущал. Всё так

свежо и красочно! Волнение появилось. Открытое пространство навеяло мысли о воле — вдруг не продлят? Мало ли, сбой даст система?

Меня ждет спецконвой . Ментовская «Газелька», пять конвойных. Меня сверили с документами, посадили в отсек, закрыли и поехали. На проходной менты получили свои автоматы, все серьезно.

Только выехали за ворота, как старший мне говорит.

— Слушай, а у тебя семья есть?

— Есть, а что?

— Домой—то позвонить не хочешь?

— Хочу, конечно...

Мент просовывает мне трубку.

— На, домой позвони. Может получится свиданку организовать?

Странно так. Ну, ничего. Даже если разводка — почему бате не позвонить? Чего он секретного скажет? Набираю.

— Привет, пап, ты где?

— Вот, в суд еду, а тебя что — выпустили?

— Да конечно. Просто позвонить дали разок. Давай, скоро увидимся. Отдаю трубку менту. Он не берет.

— Да ты звони, звони, не стесняйся. Друзьям позвони.

Что—то полюбому замыслили. Хотят чтоб друзьям звонил — ладно. Набираю своему другу, Социал—тутовуку. Он единственный из тех, с кем я плотно общался, кто не в Движении вообще и отношения к нему не имеет. Трубку берет его мамка.

— Алё, здравствуйте, а Артема можно?

— Он спит!— Вот пес, время двенадцать часов!

— А нельзя его разбудить? Это очень срочно!

— Да, а попозже не позвонить никак?

— Нет, попозже не получится.

— Почему?

— Я в тюрьме чуть—чуть...

— Что!?

— На даче я! Дорогая связь здесь, скоро деньги кончатся! Позовите Артема! Слышу в трубке:

— Артем, просыпайся, тебя к телефону! Фашист твой!

— А чевооо?...

— Просыпайся возьми трубку!

— Ковооо...

— К телефону тебя!

— А в пиздууу...

— Нет, вы знаете, он спит!

Не получилось поговорить. Отдал трубу.

— Всё, спасибо.

— Нормально, дозвонился, поговорил?

— Да, замечательно!

— Подельникам, небось, звонил?

— Да, с подельником хоть пообщался. Пару вопросов решили.

— Ну, всё, хорошо! Рад был помочь! А ты живешь на каком этаже?

— В каком смысле?— Не пойму — он про тюрьму спрашивает или про квартиру? И какая ему в принципе разница?

— Можем тебя домой завести. Если этаж высокий и деньги есть — сделать свиданку с девчонкой.

Он ебнулся, что ли? Какая свиданка? Какой домой? Это такая зверская коррупция, что я поверить в её масштабы отказываюсь, или он меня разводит? Если разводит, то на что?

— Девятый этаж.

— Ну, с девятого ты не убежишь. В комнату с ней зайдешь, пообщаешься в нормальной обстановке часок.

— Это интересно! Надо пообщаться. Сколько денег хотите?

— Четыреста долларов. Можно и прямо в автозаке. Мы вас обоих закроем и выйдем на часок покурить.

— Понял, посмотрим, что получится.

Приезжаем в суд. Весь зал полный. В коридоре люди стоят.

— Держись, Тесак, мы с тобой!

— Не падай духом!

— Смерть системе!

— Зиг хайль!— Без этого, само собой, никак.

Морально это очень много дает, когда на заседания ходят товарищи. Если бы никого не было — понятно, что ничего бы не изменилось. Ни решение суда, ни срок содержания — вообще ничего. Но именно в моральном плане это имеет значение. Что ребята не пожалели четырех часов своего времени на то, чтобы приехать и выразить свою поддержку. Поэтому огромное спасибо всем тем, кто ходил на суды.

Ничего интересного в официальной части банкета там нет.

Адвокаты как всегда говорят, что «мы требуем нашего подзащитного освободить, он замечательный человек, работает, учится! У него положительные характеристики, он общественно— политический деятель!»

Мусора говорят, что не в коем случае! «Находясь на свободе, он может воспрепятствовать следствию, скрыться, оказать воздействие на свидетелей или продолжить заниматься преступной деятельностью».

Судья соглашается с доводами прокурора и мне продлевают срок еще на два месяца. На этом формальности закончились. Но самое—то интересное именно неформальности!

На суде присутствует, кроме товарищей, еще и девушка Саша. У меня в голове складывается чудесная картинка романтического свидания с ней. Только бы деньги у друзей нашлись! Я поведал адвокату о предложении спецконвоя. Он переговорил с Сашей. Вижу, она кивает и смотрит на меня таким взглядом, что хоть клетку ломай, хватай да беги! Ну, что же скажет купечество?! Купечество тоже дало добро!

После заседания отъехали от здания суда метров сто, в условленном месте Саша с моим товарищем Саньком сели в машину. Сделали круг по набережной Москвы—реки, чтоб «от хвоста оторваться!» Остановились.

— У вас есть сорок минут!

Сашу посадили ко мне в отсек, мусора все вылезли, Санек тоже, пошли рассчитыватьсь. Мы остались вдвоем.

Объясняться смысла не было. Всё было понятно без слов... Сразу начались объятия, насколько это возможно в таком крошечном загоне, и поцелуи. Как нам обоим удалось раздеться за двадцать секунд — сказать не смогу. Темно, кругом железо, решетка, жесткая узкая лавка. Но все равно мне это место в тот момент показалось самым романтичным из всех, где я когда—либо бывал! Всего сорок минут! Зато каких! Газель раскачивается из стороны в сторону. Становится жарко, как в сауне. Или это только так кажется оттого, что мы вспотели?..

Стук снаружи в боковую стенку.

— Одевайтесь там, время!

Одевались мы значительно дольше. Обоим хотелось растянуть время.

— Макс, я тебя буду ждать! Очень тебя люблю!

— Я тебя тоже! И мне тебя все время не хватает...

Пиздострадание накатило, как цунами на берега Индонезии. Настоящее, концентрированное пиздострадание. А как же, если есть все составляющие? И любовь, и разлука, и темница и кратковременное свидание...

Запрыгнули менты, товарищ, двери закрыли, поехали. Пока тащились до ближайшего метро — начались уже пробки — я разговаривал с Саньком. Он мне передал последние новости, приветы от друзей. Сказал, что они делают все возможное для моего освобождения. Справки, экспертизы, ищут подходы к мусорам...

Высадили их у метро «Киевская». Попрощался с Сашей, погладив пальцем ладонь сквозь решетку. Махнул рукой Саньку.

Назад все ехали довольные. Менты оттого, что получили денег, на радостях купили мне колы и чипсов. Я сразу стал у них своим парнем, они все — нацистами. Благословенная коррупция!

Захожу в камеру. Пытаюсь сделать грустное лицо. Сидит же толпа стукачей, и нельзя не то, что рассказывать о том, что у меня была свиданка — вообще о том, что было что-то хорошее в этой жизни! Это моментально дойдет до оперов и больше ничего подобного мне не видать!

— Хреново всё! На два месяца продлили...— Жалуюсь я вслух.

— А ты как хотел?— Обрадовались уебки.

Серпы.

После продления мне сразу назначили судебно—психиатрическую экспертизу в институте имени Сербского. Я знал день, когда должны повезти. Но не знал точно — на пятиминутку или на полное освидетельствование. Через неделю — заказывают «по сезону и полностью с вещами».

Решил, что если еду на «Серпы» с вещами, то месяц я там пробуду. Это значит, что назад привезут уже в другую камеру, выдадут все по новой. Буквально за два дня до этого в камеру выдали ларек. А нааказал я всего тысяч на четырнадцать из пятнадцати. Всё заставлено и овощами и фруктами, кашами, лапшой, молоком... Всю хату завалили едой. Жалко, конечно, пропадет добро. Так хоть бы люди покушали, но три четверти хаты надо было срочно уничтожить. Ладно, не важно.

Собрал баул, поставил около двери. Поменял подушку и матрас на те, что похуже — все равно сдавать.

Стучат снова. «Нет, без вещей. Просто по сезону» Только всё разложил — выводят. Повезли на этот раз простым автозаком.

Приехали в Сербского, а там менты заблудились, не знают, куда меня сдавать. Ходят, ищут. Один пристегнулся ко мне наручником, и так ходим по территории этого гламурного заведения. Я смотрю, заборы кругом не очень высокие. И можно, если вырваться от ментов, свалить через забор и уйти в тину. Только бы наручники открыли или самому момент улучшить... Но это оказалось нереально. Менты смотрят постоянно, снимать браслеты не собираются, спать тоже...

А кругом нас жилые дома, люди за забором ходят, тоскливо. Как бы круто сейчас было ходить не с мусором на привязи, а идти туда, куда мозг повелевает... Но не судьба пока. Оторвал от голубой ели иголку, грызу её — вкус леса, природы...

Нашли они, куда меня девать, отвели в какое—то помещение, посадили. «Сейчас будут тебя обследовать». Напротив меня оба уселись, караулят.

В принципе меня должны бы признать невменяемым. У меня «белый билет», эмоционально волевая устойчивость в нем указана. К армии я, как психопат, не годен — значит и судить не стоит. Значит признают дураком и отпустят из гуманных соображений. На это надежда у меня была значительно сильнее, чем на адвокатов, гуманность суда и Деда Мороза вместе взятых!

Повели меня в кабинет. Сидит там относительно молодая врачиха.

— Ну, рассказывай, Максим.

— Что рассказывать?

— Ты нацист?

— Национал—социалист.

Начинаю что—то ей втирать. Думаю, сейчас её сагитирую, и все нормально. Договорюсь, она напишет, что я псих и я домой пойду. Она задает вопросы «через один». То про национализм, по посторонний, «Как учеба?», «Где работаешь?», потом раз — «Почему не любишь кавказцев?» Потом «А собака у тебя есть?» и следом «А как ты пришел в движение?» Только разогнался — «А какие продукты кушать любишь?» Постоянно сбивает ритм и направление разговора. Проверяет «эмоциональную привязку» к той или иной теме. Понятно же, что разговор на тему Движения и Организации меня интересует намного больше и вызывает намного больше эмоций, чем разговоры на тему жареной картошки. Она всё это тачкует.

— Ты расскажи, а у тебя родители болеют какими—нибудь психическими заболеваниями?

Так—то они здоровы, но надо же немного наврать, ухудшить себе анамнез. Официальное же место! Я, допустим, в школе всегда говорил, что у меня отец алкоголик, а мать — инвалид. Почему? Потому, что если отец алкаш — его никто не будет вызывать в школу. А не ходящего инвалида — тем более. То же самое я рассказывал и в колледже. Ректор как—то спалил, что мы с другом били косых у него под окнами. «Давай родителей ко мне!» «Не могу. Семья неблагополучная очень — отец алкоголик, мать не выходит из дома...» Не поверили, звонит деканша мне домой. Я ей все повторил и сказал, что могу отца к телефону дать. Позвал его.

— Пап, там из колледжа звонят. Притворись пьяным, что ничего не понимаешь. А то идти придется!

— Аллеее... Даааа... Не говорите так быысра...

Все! Больше из колледжа мне домой никогда не звонили! В тот раз чудом не выгнали... выгнали через год, с третьего курса. Тоже за драки...

Участковому я рассказывал ту же историю. Он ставил меня на учет, как нациста.

— А с отцом я могу с твоим переговорить?

— Можете. Но он вас не поймет. Он всегда невменяемый, под лестницей лежит.

— А мать?

— Она вообще не ходит. Один семью содержу! Вон на улице, видите, собака сторожит душевнобольную сестру!

— Да?— Смотрит в окно, а там моя сестра на лавке сидит и напротив нее наша доберманша Беська.

— Конечно! Тяжело мне, всю семью на себе тащу! А вы говорите нацист! Где ж время—то на это выкроить? А Русь гибнет...

Отстал после этого от меня участковый.

И решил, что здесь это опять проканает. Пожалеют, скажут, «Ой, бедный ребенок, из такой несчастной семьи, пусть домой идет!» Хотя и мама и папа у меня инженеры, дедушки—бабушки инженеры, один дед даже ученый... Но к чему это? Любят у нас дураков и калек в стране.

Она пишет «Наследственность, отягощенная алкоголизмом родителей». Ах ты, проститутка! Пиши, что я невменяемый!

Отвели опять в клетку к ментам. Один к тому времени у другого на коленках уснул аж.

Через час вызвали меня на консилиум. Один старый сгорбленный врач, с мерзким—мерзким лицом. Полу—Зигмунд Фрейд, полу—тролль. Старый педофил. Отвратнейшая старуха в белом халате и с волосатой бородавкой на подбородке. И молодая врачих, проводившая со мной беседу.

Как самая молодая она у них делает «презентацию меня». «Анамнез такой—то, наследственность такая—то, суть дела такова... Явная неустойчивость на фоне повышенной возбудимости... Множественные сотрясения головного мозга... Но я считаю, что в момент совершения преступления он был совершенно вменяем, все делал умышленно и полностью отдавал себе отчет в своих поступках!»

Вот тварь! Я вообще невменяем был! Не помню не только момент преступления, но и неделю до него и неделю после! Отчета никому, особенно себе не отдавал!

Начинает старик задавать мне вопросы. Конкретно их я не помню — от злости наверное. После третьего мне захотелось его удушить и потом разможжить ему голову об стол. Не чего ж урод! С таким ехидным смешком, с такими подьебками — специально выводит из себя. Так умеют делать только старые психиатры. Те, кто с ними сталкивались, они знают, как это бывает. Я сижу, сдерживаюсь... Потом только понял, что надо было на него броситься — точно написали бы, что психопат. Но, правда, могли бы и в овоща превратить. Не в социальном плане, а в медицинском...

Дали мне какие—то тесты. Сложить вместе кружочки с квадратиками. Всё записали и отпустили.

О том, как я в армию ходил.

Часа через полтора приехал автозак, куда меня и загрузили. Со мной ехало в отсеке несколько человек — из Лефортово — торговали должностями. Тоже громкое дело было. Узнали меня. Выразили поддержку.

— Если чего, мы тебя в Лефортово ждем.

— Конечно, непременно посетую!

— Ты всё правильно сделал!

Взрослые дядьки. Одного из них, Саню, арестовали прямо Кремле. Первым там арестовали Берию, а вторым, спустя несколько десятилетий — его. Ущерб от их деятельности, по версии обвинения, составил 80 лимонов долларов. Солидные господа, молодцы!

Еду, а настроение упало ниже некуда. Самый перспективный вариант срыва не сработал. Признали вменяемым. Я—то думал, что меня с «белым билетом» вообще посадить не могут! Но нет — моментально все душевные недуги оказались исцелены.

А история получения мной «белого билета» такова.

Когда я учился в колледже, после окончания третьего курса меня отправили на практику. На

реконструкцию старой музыкальной школы в районе Карамышевской набережной. На практику со мной попал и мой друг Леха. Естественно, мы не могли просто работать и не вносить посильную лепту в дело пропаганды нацизма на стройке.

Сперва мы модернизировали свою спецодежду. На каски приклеили буквы «SS», на спинах черной краской написали «SkinS», закатали штанины и вставили в строительные ботинки белые шнурки. И вот один раз послал меня прораб сдолбить со стены штукатурку. Для этого надо было по лесам забраться на уровень второго этаже, взять отбойный молоток и снять несколько квадратных метров цемента с краской до появления кирпичной стены. Но это не очень интересная работа. Я решил действовать креативнее. Выдолбил здоровенную свастику. Красная двухметровая свастика на бледно—желтом фоне и мне и Лехе очень понравилась. Тем более, что я не поленился, предварительно нарисовал контуры карандашом по рейке... И пошли мы на обед, лапши покушать, по—студенчески.

Тут прибегает прораб.

— Вы что? Вообще охуели?

А там уже и милиция приехала. Жильцы дома, на который выходила торцом эта школа, увидели сваст, возмутились, мусорнулись. Менты приехали разбираться, почему молдаване—строители свастики рисуют отбойными молотками на стенах. Прораб сразу все просек.

— Еще раз такое сделаешь — я тебя выгоню! Уволю!

— Ну, понятно, Миша, не плачь! Выгонишь, не вопрос.

На следующий день мы с другом решили пошутить. Там был подъемник, на котором стояла тележка. В нее грузили цементный раствор и поднимали на второй, третий, четвертый этаж. Высовывался кто—то в окно и кричал «Ра—aaa— аствор!» Подбегали молдаване и начинали тележку загружать. Мы на это дело с крыши посмотрели...

— Леха, давай сейчас крикнем «Раствор!», молдаване налетят, полтелеги наполнят, а мы вниз пару—тройку кирпичей бросим. Им цементом все рожи забрызгает!

— Давай, весело будет!

Я вниз свешиваюсь. «Ра—aaa—аствор!» Молдаване метнулись, человек шесть. Поднаполнили, мы четыре кирпича один за другим — Вжыж! Вжыж! Вжыж! Вжыж! — бросаем. Брызги цемента во все стороны! Молдаване заляпанные, рожи протирают, мы ржем. Они давай нам кулаками грозить. Мы им еще несколько кирпичей бросили в эту телегу. Четко так попадаем, на них все летит. И ржем еще сильнее. А молдаване на нас обиделись. Возжелали нашей крови и захотели ударить нас кулаками по лицам.

Ломанулись вшестером на лестницу. И понятно, что через минуту они будут на крыше, где мы сидели. Я говорю:

— Леха, сейчас будут море крови!

— Да, и гора костей!

Смеемся и побежали баррикадировать один выход. На крышу вело два проема. По сути — люки, прикрытые деревянными щитами. На один щит мы швырнули несколько мешков цемента. Пролететь стало нереально. А второй люк, наоборот, приоткрыли. Чтоб проходила одна голова в щель, но было не видно, что происходит сзади. Взяли палки и стоим, караулим.

Вылезает одна желтая каска. Бам! Палкой. Каска ушла с грохотом вниз. Вторая каска вылезает.

Пытается повернуться к нам лицом, Бам! Кирпичей туда накидали, ржем. Тут, смотрю, белый шлем вылезает. Я уже замахнулся, но вспомнил строительные табели о рангах — прораб! Поворачивается к нам:

— Вы чего!? Вообще охуели, что ли?!

— На нас напали восставшие рабы—дикари! Мы защищаемся!

— Забирайте свои документы и идите нахуй со стройки!

— Ладно...— Выгнали и выгнали, можно и в другом месте справку взять о прохождении практики.— Давай, сам нахуй отсюда пошел, пока и тебе башку не расшибли!

Поехали в офис этой фирмы, забрали там свои документы. Договорюсь сейчас с отцом, что на его фирме практику будем «проходить». И поеду отдыхать на дачу!

Однако в колледже нам говорят.

— Нет! Вы, парни, практику провалили. Надо было сразу думать и в другом месте договариваться. Значит неаттестацию вы получаете, значит третий курс не закончили, значит из колледжа отчислены! Вас же ректор предупреждал!

Вот оно что! Гнусный чурка—ректор специально выжидал момент, чтобы нагадить русским скинам! При этом нас предупредили, что ни в один другой колледж на дневное нас не возьмут.

Мы не поверили, забрали документы и повезли их в один колледж, в другой, в третий... Ректор, пес, не поленился, обзвонил всех своих друзей—ректоров и попросил нас не брать. Мы договорились, что будем учиться на вечернем. Закинули документы и в ус не дуем.

Я съездил на сборы ННП, живу партийной жизнью, хожу на сборы командиров... Тут Леха мне предлагает.

— Поехали не Манежке потусуемся? С девчонками познакомимся!

Всю ночь гуляли, знакомились с девчонками, тусовались... Закончилось тем, что на метро мы опоздали. Но это лето, тепло, заночевали там же, на скамейках. И, как только открылось метро — приезжаю домой. Только собрался лечь спать — звонок в домофон. Слышу мать берет трубку.

— Да. Да. Сейчас позову.— И кричит.— Максим, к тебе из милиции!

— Мам, скажи, что меня нет!

— Я уже сказала, что ты дома! Вставай!

— Да нету меня дома!— И ложусь.

Начинаю засыпать, тут звонок в дверь. Мать дверь открывает, выходит к лифтам.

— Максим, к тебе из милиции!

— Ты чего? Совсем сдурела! Дома меня нет! Какая милиция!?

— Нет, я уже сказала что ты дома, выходи давай!

Пришлось одеваться. Стоит участковый и с ним два мента с автоматами.

— Ты Максим Марцинкевич?

— Да.

— Ты скинхед?

— Да.

— А ты в погроме на Манежной площади участвовал?

— Неа. Я на даче был.

Меня там действительно не было, поэтому за собой я ничего и не чувствовал.

— Если не участвовал, то все нормально. Поехали до отделения доедем, напишешь объяснительную, где ты был в это время и всё, свободен.

— А здесь нельзя написать? Я спать хочу.

— Нет—нет. Иначе мы тебя повесткой вызовем. А так сейчас съездишь и назад на машине тебя завезем.

— Ладно, поехали.

Как был в шортах, одел на босу ногу кроссовки, белую майку и взял паспорт и ключи от дома.

Спускаемся вниз — там нас ждет черная волга. Странно. Менты сели по бокам от меня.

Доехали мы до отделения милиции. Но внутрь меня не ведут. Сидим. Напротив нас стоит ГАЗель с надписью «Военкомат». Меня пересадили в нее и привезли в военкомат. Там мне говорит военком:

— Что, из колледжа тебя выгнали?

— Да. Я теперь в другом учусь.

— Это не важно! Отсрочка—то у тебя одна только была! Поэтому сейчас ты пойдешь служить.

— Ладно, давайте мне тогда повестку. Пойду домой, соберусь и приду служить обязательно. Очень хочу Родину защищать! Роиссю! Чтоб Роисся в перде не была.

— Нет, теперь уж без повестки.

— Как это?

— Паспорт у тебя есть?

— Есть.

Взяли у меня паспорт, отксерили его, вырезали из ксерокса фотографию, вклеили в чистый военный билет.

— Вот у тебя военный билет готов. Сейчас поедешь на сборный пункт.

Через два часа приехала машина, меня и еще несколько призывников сажают в нее. Но они шли в армию запланировано. У каждого отряд провожающих — дедушки, бабушки, мамы, папы, девушки, друзья... Всё со слезами, у каждого баульчик с вещами и жратвой. Один я сижу в шортах. И без вещей. Как будто не служить поехал, а погулять вышел. Никто ж и не знает даже, где я!

Приехали на сборный пункт «Угрешку». Там люди спят на креслах, тусуются, все грязные, вонючие, заросшие.

— Э, парень, дня три—четыре ты здесь проведешь!— обрадовали меня.

— Неохота—то как! Надо побыстрее вопрос решить...

Сам понимаю, что сбежать, скорее всего не дадут. Да и статья какая—то за это есть. Значит надо служить, но меньше и круче! Идти надо в Чечню! Там сутки идут за трое! А заодно можно будет повоевать!

Нас выстраивают. Приехали какие—то покупатели. И начинают отбор. Называют фамилию и несколько родов войск, куда ты можешь пойти по медицинским и психологическим показателям. Спецназ, МВД, ВМФ, РВСН... Доходит до меня.

— Где хочешь служить?

— В Чечне!

— Зачем в Чечне?

— Чеченов хочу убивать!

— Боевиков?

— Да мне пофигу! Женщин, детей — они все враги! Куда гранату не кинь — не ошибешься! В Чечню хочу!

— Тогда в мотострелки пойдешь!

— Хорошо.

После этого еще несколько человек сказали тоже самое, что хотят убивать чеченцев, и тоже попали в мотострелки.

Итого, по моим расчетам, расклад выходил такой. Полгода учебки и полтора года служить. Но так как день в Чечне идет за три — получается всего еще полгода. Немного побросать гранаты во все, что движется — и домой с кучей трофеев и медалей. Уши на шее, автоматы и кинжалы в багаже... Весело будет, в Москве мне так поиграться не дадут.

Нас ближе к вечеру грузят в специальный «Икарус» и везут на Курский вокзал. Но на поезд до Коврова, где нам предстояло служить, мы опоздали. А следующий подходящий только рано утром. Пришлось устраиваться на вокзале на ночлег. Поднялись на второй этаж по эскалатору. Разбили лагерь возле комнаты «матери и ребенка». Майор, который этапировал нас до части говорит:

— Кому позвонить надо, подходите ко мне, я дам карточку. Сейчас пойдем вниз. Там есть телефон—автомат.

Нормальный мужик, по—человечески подошел . Было нас всего человек двадцать. Но звонить захотели только трое. У меня же никто в курсе не был, что я долг Родине пошел отдавать. Спустились вниз, набираю я домой. Сестра берет трубку.

— Машка, тут такая фигня... Меня немножко в армию забирают. Пойду послужить. Я на Курском вокзале сейчас. Приезжайте сюда, попрощаемся. Мы до утра тут будем. Мамке, папке скажи, девчонке, Лехе, Стасу...

— Ладно, скоро приедем.

Объяснил, где мы базируемся.

Часа через два приезжают родители с сестрой, друг мой Стас с ними. Привезли мне мою одежду нормальную. Я—то был одет в смешные шорты, майку, кроссы... А тут переодеваюсь в черные военные штаны, ремень с заточенной армейской пряжкой, «бульдоги» с белыми шнурками, майку с нашивкой «White Power». Нож с ремня снял, отдал другу. Мало ли, нельзя в армию со своим?

Со мной в часть ехал один чурбан. У него глаза выпучиваются. Увидел, кто с ним одним призывом идет. Ладно, думаю, с тобой мы все потом разъясним.

Отцу говорю:

— Пап, как думаешь, а может свалить просто сейчас отсюда? Не охраняет же никто!

— Нет, Макс, ты чего! Потом в розыск объявят, уголовное преступление. Ты же расписывался... Уклонение от призыва...

Ладно, решил уж в Чечню, значит пойду служить. Хотя мне российская армия вообще никуда не упиралась. Хоть навык какой—нибудь получу полезный.

Отошел с другом поговорить.

— Ты хоть в Чечню—то не просись!

— Я уже.

— Дурак, что ли?

— Нормально! Я так год сэкономлю!

— Удачи тебе тогда. Смотри, чтоб пальцы гранатой не оторвало!

Приехала моя девушка Ольга . Я попрощался с родителями, с сестрой. Они уехали домой, Ольга осталась со мной. А майор к тому времени накушался и уснул. Нас вообще никто не контролирует!

— Оль, пойдём, погуляем, по Садовому кольцу походим.

Идем, кругом огни... Ночная Москва. Последняя прогулка на гражданке! Романтика! Я говорю:

— Слушай! Давай где—нибудь займемся прощальным сексом?

— Нет! Я так не могу! В таких условиях!

— Как? Я служить ухожу! Хрен знает сколько не увидимся! Родину защищать иду! Надо срочно заняться сексом!

— Нет, не могу, отстань! Давай так гулять...

— А, может, тогда где—нибудь возьмешь?

— Фу, тем более не буду! Ты что!

Ходили с ней часа полтора, гуляли. Я и так ее уговаривал, и эдак. Не хочет. Потом за ней приехали ее родители.

Сидим, боль расставания застилает нам обоим глаза слезами. Она обещает меня ждать и приехать на присягу. И там—то мне отдаться. Где там!? Когда еще это будет?! Через месяц! Любил я ее по—настоящему, правда. Надо же быть такой сволочью! Ни капли сострадания! Попрощались, она уехала.

Я хожу злой — такой облом! Так мне её захотелось, когда увидел, так хотелось когда гуляли — и такая засада! Ладно, сейчас что—нибудь веселое придумаю.

Мы с одним парнем из этапа пошли купить чего—нибудь пожрать, раз майор спит. Как раз мне папка денег оставил. Идем, а он мне и говорит:

— Макс, а я ж тебя раньше видел!

— Да, и где же?

— На «Нэскафэ — чистая энергия». Вы там накрывали рэперов. Ты мне тогда ногой в живот пнул!

— Да? Извини. Но я тебя не помню... Я много кого пинал.

— Я запомнил! Ты кричал «Зиг хайль!» и ударил мне вот таким ботинком в живот!

— Ну, ладно, бывает.

Гуляем по площади перед вокзалом. И тут мимо нас пробегает какой—то парень, а за ним бежит чурбан со здоровым куском цемента с налипшими камнями. Видимо, подушка под асфальт. Швыряет этот кусок, не попадает, он слишком тяжелый и не летит. Пробегает еще вперед, за камень, и кричит:

— Эй, сюка! Это мой вокзал! Это мой город! Ты что попутал? Я тебя сунул—вынул буду делать!

Вот ты шакал! Твой город! Подхожу, беру камень и хватя ему по хребту! Он падает, я давай его ногами долбить. Рэпер стоял, смотрел. Подошел, пнул хача пару раз.

— Ладно, давай, побежали отсюда.— Говорю ему.

Смотались быстренько в наш табор и легли спать посреди толпы, прямо на пол. Накрылся какой—то курткой, только ноги торчат. А Курский вокзал же стеклянный. Смотрю, мигалки какие—то, сирены. «Скорая помощь», мусора... Прибегает отряд. Будят пьяного майора.

— Ты что, придурок! Вообще не смотришь за ними!?

— Куда?— не понимает он спросонья.

— У тебя солдаты по вокзалу ходят! Вон, чуть человека не убили!

— Что? Кто?

А ментам свидетели все уже, походу показали, описали. Они видят штаны военные, ботинки с белыми шнурками торчат.

— Вон, смотри, он валяется!— Чувствую, что мне по ногам сапогами уже бьют.— Э! Вставай! Хорош притворяться!

— Что такое?— Говорю я, типа, с трудом открывая глаза и зевая.

— А ты не знаешь? Чуть человека не убил! Поехали с нами! Собирайся!

— Куда это?— Встревает проснувшийся майор.

— В отделение, с нами!

— Никуда он не поедет! Он уже, считай в армии. Хрен вы его заберете!

— Нет, поедет!

Спорят—спорят, майор побеждает. Мент, обращаясь ко мне:

— Я прослежу, чтоб тебя в Чечню отправили!

— Так они и так все туда служить поедут!— Отвечает за меня майор.

— Чоб тебя там, ублюдка, замочили!

— Это как получится,— Отвечаю я и накрываюсь опять курткой. Менты уехали, подходит ко мне майор:

— Максим, давай спокойно доедем до части? Потом с кем хочешь разберешься.

Главное по дороге себя тихо веди. Договорились?

— Хорошо, я попробую.

Значит, мне можно делать вообще что угодно. И ничего за это не будет!

Садимся мы на электричку рано утром. Я лег на лавку, ноги свесил и сплю. Проехали несколько остановок. Тут чувствую, что меня кто—то по ногам бьет и скидывает их. Я сел, смотрю таджик—узбек, черт его разберет, ставит сумку на лавку и заводит свою шарманку:

— Носки—трусы! Покупай—налетай!— Торговать собрался!

Вообще, что ли, охренел!? Подлетаю и начинаю его долбить.

— ААА! Тварь черножопая! На!— Бац, бац по еблу.

Носки по полу уже раскиданы, у него рожа разбита, меня мои будущие сослуживцы схватили и оттаскивают. Майор просыпается, подбежал, таджика грудью закрыл.

— Максим, успокойся! Давай тихо доедем!

Сел возле меня, контролирует. Приехали в город Петушки. Мы должны были через несколько часов пересесть на поезд до Коврова. Увидел прямо возле платформы толпу скинхедов. Деревенский гоп—стайл. Половина на корточках, все с пивом. Камуфляж «белые ночи» или джинсы, спущенные тяги, ножи на поясах, свастики на плечах и грудях. Они меня тоже увидели — одет—то по форме. Зигу вскинул, подошел, поздоровался со всеми.

— Ты куда едешь?

— В армию. В Чечню собираюсь служить.

— Это круто! Уважуха! На, пивком угощайся!

— Не, я не пью. Лучше семечек отсыпьте.

Призывники в сторону отошли, на всякий случай. Майор глаза выпучил. Я подхожу к нему.

— Ты что, их знаешь?

— Нет, не знаю. Просто соратники.

Майор начинал трезветь, пришлось купить ему еще пива. Деньги у меня были, потратить я их все не успевал. А в части, как мне казалось, купить ничего нельзя и деньги не нужны. Не то чтобы он меня просил — мне просто хотелось его напоить, чтобы он ничего не контролировал.

Отошли от вокзала, в теник посидеть. Ребята сразу нашли кусты конопли. Давай её собирать, на солнце сушить. На металлическом листе высушили — бросились курить. Скурили два куста, набили этой дрянью коробки. Ну, болваны! Майор проснулся — все тупо ржут. Может не столько потому, что торкнуло — сколько от самовнушения.

Доехали до Коврова. Выгрузились, идем до части пешком. Кругом одноэтажные домики, козы на улице пасутся, все на мопедах и мотоциклах гоняют... Майор говорит:

— Вы сейчас продукты питания все съедайте. Деда их у вас всё равно отберут. Чтоб конфликты не провоцировать, надо все перед частью все добить. Остатки выбросите.

Весь отряд сел, давай друг друга угощать. Обожрались так, что еле—еле идти могли. Остальное скинули бродячим собакам.

Зашли в часть, нас сразу солдаты облепили, как цыгане.

— А есть покурить?

— А дай поносить!

— Подари ремень!

Сперва мы зашли в казарму, там нас усадили в кабинете за парты и давай анкетировать. Личные дела заполнили, профессии, на кого кто учился... Медицинские карточки заполняем... Всякая фигня. Тут дед один, дохленький, смотрит на меня:

— Ты чего, под кожа, что ль, косишь?

— Я скин и есть!

— Да? Я скинов—то не люблю!

— И что мне теперь?

— Да я тебе сейчас пизды дам!

— Какой борзый—то! Ну, попробуй!

Тут заходит другой дед, поздоровее, как я примерно по комплекции. Мелкий ему жалуется.

— Вот это скинхэд! Меня не боится, не верит, что я ему пизды дам!

— Э! А меня ты боишься?

— Ты тоже скинов не любишь?

— Да, не люблю!

— Давай тогда, пробуй.

Подходит ко мне вплотную, я весь напрягся, раздумываю. Куда лучше ударить, если он дернется. Но он протягивает руку.

— Уважаю! Я сам чурбанье ненавижу! У нас даги в части охуевают! Их всего двадцать человек, но всех бьют, беспределят! А мы не можем объединиться никак...

Жалуется он, какие несчастные русские солдаты, что двадцать зверьков всю часть мучают. Ну, лошье! Ладно, будем ситуацию исправлять.

Я сразу залез в пакет к себе, достал оттуда газету со статьей о ННП и фотками со сборов. А там моя фотка крупным планом с разбитыми кулаками. Это наша партия! Создадим в части ячейку! Не гоните, сейчас русские тут к власти придут! Будет у нас не российская, а русская армия. Деда даже воодушевились. Интересно же организацию настоящую строить!

Пошли форму получать. Гражданские вещи надо или выкинуть, или подарить нуждающимся. Мне не захотелось попрошайкам отдавать свои почти новые ботинки — бросил их в помойку. Туда же бросил штаны, ремень с пряжкой. Но сто пудов их потом оттуда кто—то забрал.

Выдали зеленый камуфляж. Дали пришить подворотничок. Кирзовые сапоги, пришлось учиться наматывать портянки. Всех побрили наголо, сводили в душ. Мы оделись и, смотрю, стали совершенно одинаковыми! Все лысые и зеленые!

Отправились спать. Но тут сразу началась дедовщина. Я залез на верхний шконарь, скрутил себе «морковку из полотенчика» и стал прикалываться над сослуживцами. Был у нас один жирненький, ему 26 лет уже — под старость в армию потянуло. Лег он внизу на соседнем шконаре, жопа толстая, неприкрытая. Нельзя было не ударить! Свесился вниз, прицелился. Хлоп! Я сразу сплю. Он подлетел, головой крутит, паника! Первый день в части закончился...

На следующее утро у нас должна была быть медкомиссия. Все сидим на табуретках перед телевизором, ждем. Мне же скучно, я уже веду агитацию. Смотрю — мимо идет тот азер, с которым я

ехал.

- Иди сюда, чурбан!
- Э! Что сказал?!
- Что тут делаешь?
- Родину защищаю!
- Какую родину! Ты кто такой?
- Тебе какое дело?
- Охуел, что ли, так базарить!

Вскочил, навернул ему сапогом в живот. Он согнулся, получил тут же еще несколько раз и ногами и кулаками по затылку.

— Что, мразь? Часть тут держите? Теперь только параши держать тут будете!— Башню сорвало моментом, тем более что вчерашний разговор с дедами всплыл в голове. Забил его под койку ногами. Никто не мешает мне, я ору...

Выбегает на шум прапорщик, отвечавший за эту казарму.

— Всё, разошлись! Уберите его отсюда!

Меня сразу дневальные оттянули, на табуретку посадили.

— Вешайте простыни между койками, веревки натягивайте...— Объяснил, как сделать к комиссии импровизированную поликлинику. С псевдокабинетами для врачей.

Врачи пришли — окулист, уролог, лор, психиатр, еще кто—то... Человек десять. Расселись. Осмотр происходил примерно так:

— Трусы приспусти. Сколько яиц? Два? Проходи.

— Картинку видишь? Проходи.

Зашел я к психиатру.

— Так—так. Что так дышишь тяжело?

— Ничего. Шконари двигал.

— Подойди к столу. Покажи руки.

Подхожу, показываю, а у меня все костяшки сбитые. Меня и забирали—то с покоцанными. А я их еще и только что об азера ободрал.

— Бил, что ли, кого—то?

— Да, бывает...

— Покажи запястья.

А у меня на левом запястье были шрамы — пару месяцев назад кошка поцарапала довольно глубоко.

— Вены режешь?

— Нет, не режу!

— А это что?

— Поцарапался.

— Я ж вижу, что режешь!

— Да не режу я ничего!

— Хочешь, что я докажу тебе, что режешь?

— Давай, докажи!— Он меня уже бесить начал. Я что, эмо, чтоб вены себе резать!

— А, все—все, вопросов нет. Следующий...— А в карточке мне пишет «ЭВН».

Это означает «эмоционально—волевая неустойчивость». Такой же диагноз, кроме меня, поставили еще одному молодому «батюшке», окончившему духовную семинарию. У него все руки были жутко исполосованы. И забраковали наркомана, который перед медкомиссией успел в сортире обкуриться конопля, привезенной с собой. Толи из Петушков, толи вообще из Москвы. Нас троих направили на дополнительную, расширенную и углубленную медкомиссию. Туда же были направлены и два суицидника из другого этапа, пришедшего за несколько дней до нас.

— Послезавтра решат, что с вами делать! Решат, значит решат. Пофигу.

Вечером выходит слегка загашенный прапорщик.

— Макс, зайди ко мне в комнату!— И, обращаясь к дневальному,— Ты дверь снаружи держи!

Неприятная такая фраза? Зачем дверь держать? Я что, ломиться отсюда буду? Зашел.

— Ты что, говорят, скинхед?!

— Да.

— Был тут у нас один скинхед! Смотри.— Показывает мне членский билет ННП. Знакомая тема. Значит не врет.

— И что он?

— Всё, не скинхед больше!

— Почему?

— Потому, что я его сломал! Сейчас тебя ломать буду!

— Вряд ли получится.

— Не боишься?

— Не очень.— На самом—то деле стремно — он тяжелее меня килограмм на тридцать. Ладно, посмотрим, что будет.

Вылезает он из—за стола, подходит.

— А ты сто раз по—армейски отожмешься?

— Сто? Не знаю, может быть.

— Отжался—встал, отжался—встал. Так отожмешься?

— Так? Конечно!

— Ну, давай! Упал—отжался!

Это оказалось не очень тяжело — только выдыхаешься немного. Он смотрит:

— Вот это у вас подготовка! Вот это уважаю! Слушай, а зачем тебе в Чечню идти? Оставайся у меня! Дагов всех тут построишь, часть держать будем!

— Не, я воевать хочу!

— Тебе зачем это нужно! Здесь нужны свои люди! Давай выпьем!— Наливает водку в два стакана, грамм по 50.

— Не, я не пью...

— Будешь!

— Нет.

— Я тебя заставлю!

Тут заходит майор, который нас сопровождал. Пьяный, как слесарь после пяти вечера.

— О! А Я Макса ищу по всей казарме. Хотел с ним выпить.

— Нет, я с ним пытаюсь выпить, но он не хочет!

— Тогда давай с тобой выпьем!— Говорит майор прапорщику.

Сидят бухают и рассуждают о том, как угнетают русский народ и используют русских солдат. Мне свалить как—то охота — всегда раздражали бухие разговоры.

— Может я спать пойду?

— Ладно, отбой!

Я вышел, смотрю меня в коридоре деда ждут.

— Пойдем, чайку попьем, пообщаемся.

Поставили чай, баранки, печенья, конфетки... Давай меня отговаривать от Чечни.

— Оставайся в части служить!

— Нет, надо!

Развернул часа на полтора пропаганду ННП, деды слушают, свои предложения дают. Уже решили, что надо напасть на дагов и поломать их. Прямо в столовой спровоцирую одного, если дернутся — положить всех. На этом у них сладкая жизнь и закончится. Спать лег довольный и почти счастливый.

Пришла эта самая расширенная комиссия. Главный — медицинский полковник. Вызывает одного из двух суицидников.

— Вены режешь?— Смотрит шрамы на руке.

— Режу! Не хочу служить!

— А что так мелко режешь, и поперек? Вскрывать боишься, а служить не хочешь? Давай лоб!

Тот подходит в упор, полковник ему — Бамс! Фофан в лоб.

— Следующий!— Подходит второй.— Тоже мелко вены режешь? Давай лоб! Ему тоже лечебного фофана отвесил. Вызывает «батюшку».

— Вены режешь?

— Нет.

— А что с руками?

— Упал на стекла...

— Ага... Служить—то хочешь?

— Нет, мне религия не позволяет... Я семинарию духовную закончил...

— Ничего—ничего! Христиане всегда служили! Веру, царя, отечество надо защищать!

Годен! Зовут наркомана. А он опять успел убиться в хлам, стоит, его прет.

— Ты что, наркоман?

— Я? Нет, да чё там, так...

— Ты же обдолбанный!

— Не, этот так там... Я не наркоман... так... травки... грибочков. Чуть—чутьочку, по приколу... гы—гы!

— Так ты точно нарик! Тебя ж лечить надо!

— Нет, я только... натуральное... потребляю!

— Сколько грибов за раз ешь?— тот отвечает,— А гашиш куришь?

— Гашик—то? Конечно! Это нормальная тема!

— Ясно. Служить—то хочешь?

— Нет, конечно... Чего мне служить...

Вызывают меня.

— Служить хочешь?

— Так—то в Чечне можно!

— Зачем?

— Чеченов убивать!

Майор подходит, полковнику что—то, глядя на меня, на ухо говорит.

— Ты что, нацист?

— Да!

— На рынок сейчас пойдешь?

— Зачем?

— Черных бить!

— Пойду!

— Я тебе прямо сейчас дубинку дам! Пойдешь?

— Пойду.

— Эх, я бы и сам с тобой пошел! Но не могу, у меня погоны... Ты правильный парень. Но в Чечню ты служить не пойдешь. Потому, что оружие тебе давать нельзя. Выбери — или стройбат, или «белый билет»?

— Лучше «билет». Зачем мне в стройбате время терять?

— Если ты в армии не служил — смотри, девчонки уважать не будут!

— Да? И что мне служба даст, если я не буду врагов Родины убивать? За что меня уважать—

то? за то, что я дачи генералам строил? Что меня используют, как бесплатный экскаватор?

— Тебя и так используют! Вами же манипулируют! Это меня вообще возмутило.

— Это вами манипулируют. Даже напрямую командуют! Вы в Чечне наступаете, загнали боевиков в горы. Вам Березовский говорит, «Хватит!», вы сдаете позиции, даете им выйти! Вы их отпускаете, отдаете то, за что солдаты отдавали жизни! Вами евреи руководят напрямую!

— Здесь да... Ты прав... Самому до боли обидно!

— Поэтому, если революция начнется, я первым буду в офицеров и ментов стрелять!

— Понятно... Поедешь ты, поэтому с белым билетом домой. Там от тебя пользы больше будет.

Забраковали меня и наркомана. Остальных переодели в зеленку и посадили со всеми на табуретки.

А нас отвели в каптерку. Там гора шмоток навалена — метра два высотой! Мы выбрали себе гражданскую одежду. Взял себе кеды, джинсы, подтяжки, тенниску и олимпийку. Стал почти кэжуалом.

Идем в столовую. Все пытаются в унисон спеть «Катюшу», а мы идем вдвоем сзади и поем в голос «Бритоголовые идут!» Наркомана я научил — они учатся быстро.

На следующий день в пять утра мы двинулись домой, в Москву. Пришли на вокзал, сели на поезд. Я, майор и наркоман. Деньги у меня оставались — умудрился сныкать. Нас не обыскивали совсем. Я купил майору пива. Он быстренько на старые дрожжи накушался и в электричке уснул.

Я снял с него кепку, положил её на пол, накидал в нее мелочи... Мне весело. Понимаю, что в армию я уже сходил. Теперь впереди целое лето свободы! Майор просыпается от дружного хохота пассажиров.

— Что случилось?

— Вы пьяным ходили, просили милостыню! Песни орали!

— Нет, быть не может!

— Во ваша фуражка стоит!

Анекдотическая ситуация из «ДМБ» воплотилась во вполне реальную. Люди ржут. Майор мелочь вытряс, одел фуражку, пошел в тамбур курить.

Едем, смотрим в окно. Кругом луга и леса. Туман в низинах стелется... Наркоман смотрит, задумался.

— Всю жизнь коровам завидовал!

— Почему?

— Ты представляешь, сколько они в тумане, на кочках, грибов жрут!? На этих кочках псилоцибины растут! Они их могут по тысяче штук хавать!

Приехали в город Петушки. Опять у нас там пересадка. Смотрю на платформе сидит девчонка. В сарафане, босоножках, на плече кельтский крест набит и под ним надпись «Rammstein». Я подхожу:

— Ты что, скингёл, что ли?

— А тебе чего?

— Ничего. Я скинхэд. Из Москвы!

— О! Скин с Москвы!

Подхожу к майору.

— Можно, говорю, с дамой погулять сходить?

— Только недалеко. Поезд через час.

Пошли с ней на озерцо недалеко от платформы. Легли в травку на берегу. Я ей по ушам ежжу, а у меня с собой газета все еще сохранилась. Я её показываю.

— Ух, ты! Из Народной национальной партии, руководитель регионального отделения! Круто! Естественно, мне захотелось срочно воспользоваться служебным положением.

— Нет, не могу. У меня месячные. Давай я к тебе в Москву через неделю приеду?

Не поверил, запустил руку под сарафан — реально прокладка имеется! У меня сразу тоска по майору.

— Пойдем, там поезд подойдет уже скоро... Пришли, поезд через полчаса подошел и я оставил прекрасную незнакомку с газетой на память.

Приехали в Москву, в Кунцевский военкомат. Узнав, почему был отказ, все забежали. Быстренько сделали документ, что меня никуда и не увозили, что я сразу был забракован по

состоянию психического здоровья. И буквально через час водитель военкома, на черной «Волге» отвез меня домой.

Мне оставалось только осенью пройти обследование в психушке и получить «белый билет». Замечательно, ни копейки не заплатив, отмазался от армии.

Дома сидит сестра.

— Ты что? Сбежал?

— Нет, сами отпустили!

— Не может быть!— Пришлось коротенечко рассказать историю.

Позвонил матери на работу — та же история. Решила, что я сбежал. Звоню Ольге. Она обрадовалась. Но решила то же самое. Никто не верил, что такое вообще возможно, чтоб из армии людей выгоняли по политическим мотивам! Три дня и свободен!

О том, как из психушки выгнали.

Всё лето я отдыхал от учебы и работы. Документы, сданные на вечернее отделение колледжа, там и остались, поэтому с сентября я мог спокойно идти доучиваться четвертый курс.

Но еще в сентябре мне предстояло две недели обследоваться в клинике на «Кантемировской».

Я позвонил по телефону, который мне дали в военкомате. Договорился и поехал.

В приемном отделении врач спрашивает:

— Вы готовы пройти обследование?

— Да, готов. Вот направление из военкомата.

— Хорошо. У вас с собой собраны принадлежности для душа, щетка, паста, тапочки?

— Да, все есть.

— А запрещенных предметов никаких нет?

— Телефон есть. Его с собой взять можно?

— Да, но вы мне его пока отдайте, потом его получите, там уже.

Поверил ему здесь, но, нож благоразумно решил ему не показывать. Телефон—то зря запалил... Меня переодели в пижаму, нож я спрятал в носок. Повели меня на этаж.

Я всегда думал, что в психушке лежат Наполеоны, Гитлеры, Александры Македонские... Люди, у которых постоянные галлюцинации. Но вижу, что нет. Кругом не психи, а обычные мужики. Сидят, гадают кроссворды. Никто ни на кого не бросается, не агрессивные. Стал общаться и выяснил, что все они просто алкоголики. Допились до «белочки», их и увезли немного отдохнуть. Острая форма закончилась, их перевели в отделение для выздоравливающих. И все они не то чтобы вылечились — они мечтают продолжить свое пагубное занятие на воле.

К ним приходят родственники. Хоть каждый день посещения. Они могут приносить еду, книжки — все, что угодно. Но у этих господ посетители оставляли в основном бутылки с нарзаном!

Я всё не мог понять, зачем им его столько? Холодильник уже на половину забит нарзаном! Но вечером первого же дня я все понял!

Когда уходят врачи, основной персонал, и за ними практически не следят, они берут эти бутылки и идут в туалет. Выпить минералочки. Но дело—то в том, что в некоторых бутылках налит не нарзан, а водка! Лечатся от алкоголизма, но водочку попивают!

Я в этом заведении имел то неоспоримое преимущество, что у меня был нож. Я мог открывать любую дверь. Они открывались специальным трехгранным ключом—ручкой, который с собой носили врачи. Но подходил и нож.

А я приехал в психушку и понимаю, что в стройбат идти у меня нет никакого желания. Надо, чтоб меня точно признали психом! Открыл кухню, достал с полки кастрюлю, надел на голову простыню. Стал гулять по коридору в простыне, с кастрюлей, по которой бил половником. Медсестра проснулась — слышу шевеление и свет включился. Быстренько на кухне все положил и бегом в кровать нырнул. Она за мной в палату забегает — все спят, темно. Кто бродил — не разглядеть. Утром подходит ко мне.

— Максим, я знаю, что это ты шумел ночью! Прекрати, а то мы тебя на растяжки положим!

— Я не понимаю, о чем вы говорите!— Но сам думаю, что на всякий случай надо попритихнуть — кто знает, что они тут сделать могут?

По утрам надо было помогать медсестре таскать бачки со жратвой из столовой на этаж. Я спустился вместе с еще несколькими психами. Естественно, от отряда отбился — пошел погулять по территории. Смотрю — один псих тренируется под яблоней, руками—ногами машет. Другой гуляет. Ларек стоит. В нем продаются конфетки, шоколадки, чипсы... И около ларька трутся иностранные

студенты в белых халатах. Практиканты! Негры, китайцы, индусы! Группа имени Мартина Лютера Дона Кинга. Надо бы немного пошутить. Псих я нынче или нет? Подхожу, ножом ковыряю в зубах... И облаял их изо всех сил! Это надо было видеть, как они всей группой бросились врассыпную. Ладно. Пока меня не скрутили — надо скрыться назад в отделение. Смотрю — мои психи с кастрюлями идут. Я одну из них за ручку хватаю, помогаю. И с толпой спокойно ушел.

Днем по графику прогулка. Ко мне как раз приехали друзья из ННП. Сидим, прикалываемся. Им же интересно, как тут все устроено! Я рассказываю. При этом вижу. Что на лавке сидит девчонка с бутылочкой минералки в руках и смотрит на меня. Проводил друзей, иду назад мимо нее. Она всё сидит. Красивая, стройная...

— Молодой человек! Вы мне не поможете минералку открыть?

Естественно помогу! И не только минералку! Подхожу, открываю.

— Ой, спасибо! Что бы я без вас делала!

— Пожалуйста! Всегда рад помочь!

— А Вас как зовут?

— Максим. А Вас?

— А меня Лена!

— Очень приятно,— обычно тут надо сделать какой—то ход конем. Но она его сделала сама.

— А у меня парня нет. А у тебя?

— У меня тоже!— Откуда ж у меня парню взяться.

— А я тебе нравлюсь?— Вот это вопрос! Девчонка, реально, модельной внешности. В коротком платьице, с длинными волосами. Единственное, что портит картинку — шрамы на руках. Все руки мелко—мелко нашинкованы до локтей вдоль и поперек.

— Да, нравишься!

— А ты хочешь со мной сексом заняться?

Вот это повезло! Конечно хочу! Только где? Давай головой вертеть по сторонам. А кругом ровно постриженные низенькие кустики. Время — сентябрь, листья облетать начали, все просматривается...

— Хорошо бы, но негде!— Говорю я с сожалением.

— Ладно, тогда в другой раз. А ты на мне женишься?

И я понимаю, что эта девушка сидит на лавке в психушке не просто так. Совсем не просто. Но надо немного подыграть.

— Да, конечно. Женюсь!

— А у тебя какая зарплата?

Зарплаты у меня тогда, и даже год спустя, не было вообще никакой.

— Ну, тысячи две долларов выходит...

— А квартира есть? Где мы жить будем?

— Трехкомнатная, на Арбате.

— А ты будешь после нашей свадьбы работать?

— Да, конечно. Надо же будет семью кормить!

— Но меня же нельзя одну оставлять дома!

— Почему?— И тут она меня начала пугать.

— А я себе все руки изрежу ножом. Вот, посмотри!

— Я тогда все ножи спрячу!

— А ты будешь меня запираешь, чтобы я не убежала?

— Да, чтоб не убежала, на специальный замок.

— Ааа!— Заревела она,— Меня родители дома всегда запирали! Отдавали меня с десяти лет в психушку!

В принципе, думаю, они не были так уж сильно неправы. Но молчу. Интересно, что она дальше скажет.

— Меня недавно мои друзья впятером в подъезде изнасиловали! Я шла, остановилась с ними поговорить, а они меня изнасиловали!

— Да, это негодяи!— Наверняка, ведь, сама остановилась поболтать и спросила, не хотят ли они сексом заняться?

— Мне делали аборт и матку повредили. Теперь у меня в пизде рубцы...

— Вон, смотри, у тебя матка под лавку выпала!

— Где?— Вскочила со скамейки в ужасе.

— Вон—вон, покатила...— Она поняла, что я пошутил, заплакала в голос!

— Ты меня не любишь!

— Как не люблю?! Обожаю! Жить без тебя не могу!— Она, как собака меня за руку схватила и прижалась. Мне уже хочется назад, в отделение...

— А чем ты занимаешься в жизни?— Вдруг нормальным веселым голосом спросила она.

— Я скинхэд. Чурок бью!— Гордо ответил я. Уж на эти темы я могу с кем угодно разговаривать.

— Ааа! Ты меня изобьешь!— И опять заревела.

— Нет—нет! Я девушек не бью!— Успокоилась.— Пойдем, уже обед скоро, я тебя до твоего корпуса провожу!

— После обеда выйдешь?

— После процедур, как получится, но постараюсь...— И тут я начинаю понимать врачей. Которые во всем соглашаются с психами, но все делают по—своему.

Довел ее и сорвался бегом к себе. Всё! Больше я гулять не ходил там вообще! На всякий случай.

Приходят как—то ко мне психи.

— Макс, там какая—то девка сидит, тебя ждет!

— Какая девка? Почему меня?

— Там дождь на улице, она без зонта на лавке сидит. Мы подошли ей свой зонт предложить, а она отвечает, что у нее парень скинхэд, и он сейчас придет и нас убьет!— Это только укрепило мое намерение из отделения не выходить.

Сижу я один раз смотрю телевизор. А я был один из всех, кто не принимает феназепам. Потому что я—то был просто на обследовании, а они лечились. У них были положняковые курсы. Горсть утром, горсть в обед, горсть вечером. Так вот фильмы они смотреть не могут. Потому что к концу забывают, что было в начале. И им это не интересно. Они могут смотреть «Поле чудес» — где запоминать надо только 10 минут. Могут гадать кроссворды. Всё. Ни книги, ни газеты их не интересуют. А я смотрю «Рембо».

— Давай включим «Поле чудес»?

— Какое поле? Я «Рембо» смотрю!

— Мы хотим «Поле чудес»!— А их сидит человек десять, хотящих.

И один встает переключать. Я сижу перед телевизором, ногу выставил, проход заблокировал. Нож открываю.

— Что? Бунт на корабле?

Алкоголики молча собрались, взяли бутылочку нарзана и пошли в туалет гадать кроссворды. На десятый день моего пребывания там меня вызывают к заместительнице главврача.

— Короче, ты себя ведешь хреново, так что мы тебя пораньше выписываем, сегодня. Скажи спасибо, что мы тебя на растяжки не положили и «реланиумом» не обкололи. Надо ж додуматься,

студентов напугать! Короче, справку, что ты дурачок, считай, получил. Вот пакет запечатанный, не открывай его, завези в военкомат.

Замечательно! Собрался, уехал. Отвез документы и на этом мое общение с армией ограничилось получением через несколько месяцев «белого билета» с записью «ограниченно годен». Хотя на самом деле он совершенно обычный военник красного цвета. Что меня радовало больше всего, так это то, что у меня больше никогда не будет и проблем с законом. Дуракам в нашей стране закон не писан! А я теперь психопат! Всегда можно будет съехать на состояние аффекта. Да... Руки мне это «знание» тогда развязало!

Ближе уже к вечеру заехал на автозаке на территорию Матроски (СИЗО Матросская тишина— ред) с экспертизы. Автозак там останавливается перед внутренними воротами 99/1 и те, кто сидит на общей Матроске вылезают и их уводят на сборку, а те кто с 99/1 — остаются в отдельной машине и ждут, когда их запустят в наше Гуантанамо. Какое—то отдельное разрешение на въезд получить надо, ещё что—то... Иногда сидишь час—два—три — по ситуации, в общем. Я вялюсь в этом автозаке и гляжу — сажают Ивана Миронова. Утром меня везли в одном отсеке, а его в другом. Назвали фамилию «Миронов», он назвался, вылез, спрыгнул на асфальт, его пересадили в другую машину. Я его запомнил, а тут вот он, заводят. Я ему говорю: «О! Здорово Иван!», он спрашивает «Ты меня знаешь?». «Да, знаю».

Любому человеку приятно, что его знают. Он, смотрю, обрадовался, и начинаем общаться. Тем более я про него слышал, что он вменяемый, правый, книжки пишет, историк. Были и гадости, но, так как слышал я их от конченных ублюдков, они пошли скорее за положительную характеристику. Поговорили, я рассказал что ко мне мусора ходят, но делом вообще не интересуются. Спрашивают про Березовского, Белковского, про его папу, про Пелоткина и всю эту тусовку... А мне , интересно, откуда что про них знать? Нашли осведомителя! Он про свое положение поведал. Потом приступили к политике. Сперва поспорили о том, нужна ли нацистам свастика или она вредит. Естественно, что я был «за». Он, соответственно, против. Затем перешли на личности предателей. Он говорит, что скоро выйдем, надо думать что с Румяным делать — он же гандон. Я говорю, неее, надо думать что с Пелоткиным делать — он же гандон. И вот мы с ним спорим: нет с Пелоткиным, нет с Румяным. Но правы, видимо, оказались оба в конечном итоге. Посидели минут 10 еще, пообщались. Потом машина тронулась и через минуту нас по очереди выгрузили во внутреннем двореке 99.

Доктор Лектор жив.

Из 509 камеры меня перевели в 301. Там сидел один из лидеров Орехово—Медведковской банды — Саныч и какой—то грузин Гоша.

Саныч взрослый мужик, примерно 45 лет, среднего роста, спортивного телосложения, весом килограмм 90, уже сидящими волосами и бородкой—эспаньолкой. Получивший уже несколько пожизненных сроков, один поверх другого. Организаций заказных убийств у него по моему больше, чем у «Битцевского маньяка» трупов. Сам по себе довольно умный и интересный человек, но очень жесткий, очень. Как доктор Лектор, кто смотрел фильм тот поймет, а кто с ним сидел — те, тем более, могли это сходство на себе ощутить.

У него была своеобразная фишка — он не давал в камере курить. Это для него было какое—то больное место. Все курящие дымили на прогулке , а если человек был более—менее авторитетный, то он «договаривался» с ним о возможности курить в камере 6—7 сигарет в день. В противном случае у Саныча было добро от администрации СИЗО на применение физической силы, а сил у него было, надо сказать, много.

Он постоянно тренировался, буквально каждый день. В камеру ему пропускали мясо, это, на самом деле, очень важный аспект тюремно—спортивного быта. Потому что обычным зекам мяса не пропускают. Ну, вернее, как обычным? Тем, кто не сотрудничает. Можно получить какие—нибудь конфетки, баранки, печеньки, колбаски, но нельзя получить ни курицу, ни мяса, никакой белковой пищи. И человек от этого жиреет. Пузо растёт, а мышцы усыхают. Баланда без белка практически, там немного есть соевых катышков, остальное все комбижир и углеводы типа макарон, перловки, картошки. Вредная дрянь. Про вкусность вообще молчу.

В общем, с питанием у Саныча всё было нормально. У него был черный пояс по каратэ и некоторый опыт эффективного рукоприкладства без правил.

И вот, как только я заехал, мне сразу Саныч говорит, что до меня в этой хате сидел Паша Скачевский, его за полчаса до моего прихода увели. Ещё вон конфетки от него остались, которые ему

мама передала. Хороший, говорит, парень. Про тебя рассказывал что ты уважаемый среди нацистов деятель, лидер группировки. Уже потом, много позже, я понял, что все эти пересечения в СИЗО на самом деле не просто так. И устраивали их оперативные сотрудники, а не случайность. Ну а, поскольку я не курил и занимался спортом, конфликтов с Санычем у меня не было. Саныч занимался спортом каждый день, просто каждый день, он качал пресс, делал растяжку, бутылочками занимался и плюс ходил в спортзал, вернее его водили, потому что он был и в раскладе полном и в признанке полной, плюс сотрудничал и со следствием и с администрацией, но сам я, это только позднее понял. Но не важно. Объяснил он мне, что заниматься в тюрьме спортом это обязательно, что это полезно, нужно, здоровье своё надо сохранять, что спорт в тюрьме — это жизнь. Вообще, человек называвший себя лошадиным тренером — я, говорит, лошадей тренирую — по сути один из самых жестких бандитов 90-х годов, умеет внушить он какую то мысль. В общем, стали мы ходить с ним в качалку.

Я никогда последние несколько лет не занимался становой тягой и не приседал, хотя железо тягал с юности. А не приседал и становую не делал потому что, когда то совсем давно на меня напали китайцы. На меня и на моего друга Леху Бойца. Повредили, собаки, спину.

Мы маленькие ещё были, лет по 16. Шли из колледжа и мой друг толкнул китайца одного в плечо. А их шла толпа. Так вот мой друг толкнул, тот упал, а я пнул его ботинком в голову... Случайно совершенно получилось, а китайцы возмутились стали орать и напали на нас.

Мы дрались вдвоем против 15 китайцев минуты три. Правда были с нами ещё какие то скины из колледжа, которые в драке не участвовали, а трусливо отстоялись в сторонке, соотношение 5 к 15 их, видимо, сильно напугало. Вот они и решили, что 2 к 15 предпочтительнее. Я тогда весил килограмм 70, мой друг килограмм 65, а китайцы все весили килограмм по 60. Вся драка происходила так. Прыгаешь, удар ногой по лицу — китаец падает, отскок. Удар рукой. Следующий такой же прыжок — удар китайцу по лицу, он падает, в общем от одного удара один китаец улетает.

Задолбили мы этих китайцев вдвоем, у меня даже очки не слетели, довольные, китайцы убегают. Я хожу, кричу, в ладоши хлопаю речевки какие то ору, тут от метро ещё 15 китайцев бегут. А одет я был по скиновской — моде гринды с белыми шнурками, подтяжки, которые я не успел спустить, серебрянный бомбер «Кобра», камуфляж «белые ночи»... И в новой драке один китаец меня за подтяжки схватил. Я его ударил в живот — он согнулся, ударил ботинком в лицо — он упал, но подтяжку держит, не выпускает. И я понимаю, что мне не убежать, китайцы меня, окружили, завалили, бьют ногами. Я как-то залез под китайца этого, им прикрываюсь, а они бьют и по мне и по китайцу, орут «Ааа фашист!» со своим мерзким акцентом.

Смотрю — китайские самки, подбежали в меня снежками кидают сквозь ноги, а самцы продолжают пинать. И вижу кто-то по большому радиусу бегают вокруг меня. Это мой друг Леха, а за ним китайцев 10. И штук 20 меня бьют. Гука, которым я прикрывался, с меня стащили. Я на спине брейк-данс отплясываю, как будто на чемпионате мира в Нью-Йорке выступаю. Только удары — то все равно проходят. И думаю, ну уж быстрее бы убили. Толпа такая, что вырваться нереально просто. Уже давайте, отключайте меня быстрее. И тут смотрю — остались всего 4 китайца меня бить. Я вскакиваю, трое убежали сразу, а один гук остался. Я ему хватить по рылу, он упал. Я опять давай орать «Зиг хайль!» Мы же победили! И сознание потерял.

Помню, какие то хоккеисты из колледжа прибежали, девчонки снегом меня от крови оттирают, я довольный. Дрался круто, не испугался, все хорошо в общем-то. Но получилось так, что китайцы сломали мне пару ребер и сместили позвонок. В итоге в ту зиму не мог и раз в неделю покачаться или сыграть в хоккей. Начинала дико болеть спина. Потом, вроде, стало попроще, но до конца не прошло.

И по этой причине я и не приседал и становую не мог делать. Качал грудь, бицепсы, трапецию, а эти базовые элементы пропускал. Максимум — ногами жал.

И вот уже в тюрьме мне Саныч начинает объяснять, что это очень важно, это надо делать, просто подходить к этому постепенно. Тогда и боль со временем пройдет.

Начал я эти упражнения делать. С месяц я тянул и приседал с пустым грифом, потом 30 кг, потом 40, позже 50. Причем больно было даже от пустого. Но постепенно, гляжу, спина перестает болеть. Показатели растут. А в остальном качал все нормально, как и раньше. Втянулся в тренировки и стал замечать, что пока занимаешься — голова не занята никакими гонками (мыслями — ред.) о жизни, о свободе, о девчонках, то есть у тебя повышается и настроение и жизненный тонус.

Позанимался, пришел в хату помылся, поел и уже спать спокойно ложишься, то есть день уже прошел. Это хорошая отдушина моральная в неволе получается.

Ещё я в этой камере впервые увидел, как готовят еду в чайнике, Саныч постоянно кормил всех супами, кашами, делал в чайнике лечо из перца, помидоров, лука и приправ из «доширака». Я даже не предполагал, сколько блюд можно в чайнике приготовить! У него мания прямо была на это. Пока заморочешься, приготовишь продукты, всё сваришь—пропаришь — время—то идет. И чувствуешь себя при деле. Двойная польза. И спасибо скажут.

Вот как сварить суп в чайнике? Надо нарезать лук, морковь, помидоры, нарезать мясо (его можно или взять из диеты или, если повезет, выловить из баланды), два пакетика приправ, обязательно капусты, все это в двухлитровый чайник засыпать, успеть все это проварить и потом успеть снять и перелить в пластиковый контейнер до того момента, как запах пойдет на продол. Чайник необходимо сполоснуть, налить туда воды и поставить кипятиться! Потому что, как только продольные унюхают внутрикамерную кулинарию — тут же открывается кормушка и засовывается голова мусора, который говорит: «Покажите—ка мне чайник! Что вы в нем варите?» И если что—то варится, то чайник забирают где—то на неделю примерно, и камера вынуждена просить кипятков у продольных. Короче, быт портится, сидеть так сидеть тяжело и неинтересно.

День начинался так. Проснулся, потом проверка, доклад дежурного по хате. Дежурный говорил: «Здравствуйте! Всё в порядке.» Хотя по идее доклад должен звучать так: «Здравствуйте, гражданин начальник! За время моего дежурства происшествий нет. В камере находится четыре человека, доклад окончен, докладывал дежурный по камере Иванов!»

Но в принципе на это глаза закрывали. То есть мы просыпались, дежурный делал доклад и мы снова ложились спать до техосмотра, а техосмотр заключался в том, что нас всех выводили из камеры и закрывали в отдельный бокс. Саныча выводили в наручниках — во—первых потому, что пэжэшников положено выводить в наручниках, а во—вторых потому, что Саныч был очень агрессивный и физически сильный, несколько раз нападал на вертухаев. Открывалась кормушка, он спиной просовывал туда руки, ему застегивали наручники и нас всех выводили. Мы стояли ждали, пока охрана простучает стены, обыщут камеру, проверит решетки, простучает пол, посмотрит ничего ли мы там не оторвали, какую—нибудь железку куда ли не спрятали.

Это производилось каждое утро, без перерывов на праздники и выходные. После техосмотра нас возвращали в камеру я ложился дальше спать, кто—то уходил на прогулку. Курящие уходили гулять всегда и там иногда выкуривали на каждого по пачке сигарет за час. У них наступало никотиновое голодание за день и ночь пребывания в хате с некурящим Санычим.

Он же в это время начинал готовить кашу, заливал геркулес кипятком, туда подливал масла, резал сухофрукты, крошил орехи и добавлял мед. Потом будил меня — обычно минут за 20 до того, как куряг возвращали с прогулки. Тогда мы завтракали и садились играть в шахматы.

Потом я читал, смотрел телек или сам что—то готовил. Часа в 2 обедали. Часов в 5 мы начинали тренироваться — или в камере или, если везло, в зале. Потом я споласкивался, ужинал, смотрел телек. В 21—00 такая же проверка, как и утром. «Здравствуйте, всё в порядке!» В 22—00 основной свет отключали, телевизор иногда тоже. Тогда я начинал читать или писать при свете лампочки, горящей всю ночь над дверью. Почему—то в сумраке мне всегда лучше работалось. Хотя зрения это, конечно, не улучшало. Часа в 2—3 ночи я сворачивал свои упражнения и ложился спать.

Ещё Саныч рассказал мне как он сидел и с Nikolay Королевым и с Костаревым, с Копцевым. И характеристики про них от него были довольно разные. Про Николу, например, он сказал что тот дико идейный и причем не он управляет своей идеей, а идея управляет им. Но в свою банду он его бы взял бригадиром вполне, человек 10 ему в подчинение и вперед. Про Костарева, сказал, я вообще не могу понять как он мог что то сделать, мол, не человек, а слизняк. Только спорить очень любит, чем

всех против себя настраивает. Про Копцева сказал, что парень нормальный, но его развели просто — на просто на то чтобы сделать заявление в суде, и развели частью сокамерники, а частью адвокаты из Славянского Союза которые приносили ему книжки, статьи из Интернета, вот, мол, почитай какой ты герой! Ты молодец, давай борись, давай сделай заявление в суде! Ну и в итоге парень получил не 5 лет как мог бы, а на полную катушку. Сначала 13, а потом 16 лет, хотя при этом никого не убил и даже серьезно не ранил, так слегка порезал.

Ну там на самом деле глупо все было, если судья говорит адвокату — договоритесь со своим подзащитным, пусть он на последнем слове просто промолчит, на последнем заседании будут представители всяких жидовских организаций, раввины, всякие СМИ и т.д. пусть он просто тихо посидит. Ну, а Копцев встает вместо этого и говорит:

— Уважаемый судья, я хотел бы сказать последнее слово! Ну, раз хочешь, так говори. Тот и начал: Уважаемый Владимир Владимирович, в вашем правительстве одни евреи, Россией управляют евреи...

И понес дальше. Вот, наверно, Владимир Владимирович знать не знал, что у него в Правительстве одни евреи, он набрал кого—то, а тут — ой! Евреи! Копцев—то, хоть, рассказал мне, прямо правду открыл!

Это, конечно, был мужественный поступок. Но парень просто перечеркнул себе этим поступком жизнь, и никто этот поступок не оценил — вот что самое обидное.

Система ограничений.

Кроме ограничений с пищей в этой тюрьме вообще хитрая система ограничений. С одной стороны, там все по закону. Положено, чтоб было 4 метра на зека? Все, у него будет 4 метра. Положено ему столько—то грамм белков и углеводов по нормам? Значит у него будет столько—то грамм белков и углеводов. Положено его в такой то срок о каких то следственных действиях проинформировать — его проинформируют именно в такой срок. Кристально вежливое обращение администрации. Ни одного грубого слова я не слышал вообще за всё время. Но при этом полная изоляция.

Например, чтобы открыть кормушку (проем для передачи пищи и вещей в двери камеры — ред.) там, должно быть не меньше трех сотрудников одновременно. Это корпусной, опер и безопасник, то есть они все из разных подразделений, они все друг на друга стучат, друг другу не доверяют, друг друга ненавидят и получается что никто не пронесет ни бухло, ни сотовый, ни еду ни вообще ничего из запретов. Ни за какие деньги. Потому что зеки там сидели такие, что для многих даже 1 миллион долларов за сотовый телефон — не показалось бы много. Я много раз слышал такие разговоры, что я бы отдал лимон зелени за трубу, не вопрос, лишь бы звонить дали.

Несколько месяцев я носил с собой переданную мне адвокатом Еленой симку. На первом шмоне её прозевали, а потом я её хорошо спрятал. Выдавил полтюбика положняковой зубной пасты в алюминиевом тюбике и завернул симку в него. Однако, поняв, что трубы мне не раздобыть, решил выбросить — палево как ни крути. Шмоны постоянно и довольно изощреннее. А найдут — потом вообще в жопу залезать каждую неделю будут...

То есть система была очень хитро продумана, и жестко осуществлена. Вплоть до того, что, когда там сидел Ходорковский в первый раз, он предлагал начальнику СИЗО: «А давайте я поставлю душевые кабинки в камерах. Во всех камерах вообще?» Ему нет, не надо. Ну, можно же мыться будет. Зекам удобство и чистота. Нет не надо. Ну, может кондиционеры, вентиляторы в камеры? Нет не надо кондиционеры.

Если нет в регламенте, чтобы у зека был кондиционер то у зека не будет кондиционера. Сверх нормы ничего не положено. Положено маленький телевизор? Все, у тебя будет один маленький телевизор — у тебя не будет плазмы во всю стену! Хоть ты их пять штук предложи передать в фонд изолятора. Положен один маленький холодильник? Все он у тебя будет, маленький холодильник в темном углу. И ты можешь попробовать затянуть здоровый четырехкамерный, но тебе его не дадут, ты его никогда не получишь.

Получают все только те кто сотрудничает. Это примерно как у Саныча у того же — у него имплантирована почка, вот прошло уже больше года как он сидит в этом СИЗО, он уже дает все показания, работает и т.д. Вот он говорит, дайте мне диету, хочу мясо кушать. «Главный врач», он же старший опер, дает добро. Приходит младший, простой врач : Ой у вас же почки нет! Вы же наверно инвалид! А мы ведь раньше —то и не знали! Давайте—ка мы вам сейчас инвалидность оформим будете на диете мясо кушать!

То есть любые блага, даже самые, мелочи — все идет на то чтобы влиять на человека и склонять его к сотрудничеству.

Сам Саныч в этом направлении тоже неплохо работал, умел нагнетать такую атмосферу, что мол, с системой бодаться нельзя, раздавит кого угодно и меня она раздавила и тебя она раздавит и смысла дергаться нет никакого, показания надо давать все какие просят, если тебя просят сдай вот этого, так ты его сдавай, потому что если ты в такую тюрьму попал то ты уже никогда отсюда не выйдешь, если предлагают какую то сделку, то соглашайся это уже очень большая удача, что такую честь система оказывает.

Я не могу сказать, что его словах не было какого то резона, но так вот поступать на тюрьме считается крайне непорядочно. И запомнилась мне одна его фраза: Правосудие у нас в стране как ринг, на который бросили хорька (подсудимого) и питбуля (судью) и где—то вокруг бегают адвокат, что—то кричит, но никакого шанса спастись, с его помощью, у тебя нет. И мне тогда сразу вспомнились мои адвокаты. Они писали какие—то жалобы, ходатайства, просят что—то исключить, что—то приобщить к материалам дела. Все было отклонено абсолютно всё. Легко и непринужденно. Как шарики пластмассовые отскакивают от танковой брони.

Саныч целенаправленно убеждал меня взять особый порядок в суде. Свидетелей там столько, что глупо что—то отрицать, говорил он, так максимум при особом порядке дают 2/3 срока, получаешь условку и с зала суда уходишь. Рассказал я эту мысль своему адвокату Васильеву, он от нее пришёл в дикий ужас. «Что с тобой случилось? Что с тобой в СИЗО сделали? Тебя пытаются?» Я говорю, что нет. «Какой особый порядок? Ты что — дурак?» И объяснил что, особый порядок — это не просто рассказать, что я зиговал . А надо все соратников, кто там со мной был, сдать, признать вину и то, что я этим выступлением хотел разжечь рознь. И, естественно, раскаиваться. По сути получается то же, что мне менты говорили: «Раскайся на камеру, сдай всех и иди на все четыре стороны». Так вот идея с особым порядком оказалась провальной и автоматически отменилась.

Из этой же камеры как то ночью я решил написать пару писем, одно из писем своему другу социал—тутову. Начал я его так: Привет, Артем! Сажу в тюрьме, тебе бы тут очень понравилось. Работать не надо, в магазин ходить не надо, учиться не надо, делать вообще ничего не надо — лежи на шконаре, смотри телевизор, кушай баланду. В общем мечта тунеядца! Конверт я постараюсь отправить тихо, потому что Саша Пичужкин, который со мной сидит, очень любит срисовывать адреса и обещает выйти и всех чьи адреса он накопил, убить. Но вот если твой срисует, то ты просто из дома не выходи. Потому, что его обещают осудить за битцевское маньячество, но если признают невменяемым то он скоро выйдет.

В общем это письмо он не получил, мне его вернули и пожурили за неуместный юмор. А другое письмо получили и оно примерно такое... «Привет Марина! (это моя подруга) Вот сажу в тюрьме, нас здесь очень много, камера маленькая, а нас сидит человек пятьдесят, я сейчас пишу на спине сокамерника, потому что другого места нет... Все очень плохо, я умираю от голода и даже не знаю смогу ли дописать это письмо. Как у тебя дела ? Ты напиши, мне ничего не надо, но знай, что я тебя всегда буду помнить. До свиданья...» и письмо обрывается и черта вниз уходит. Энергия в организме закончилась. Запечатал, отправил — и это письмо прошло! Ответ такой приходит что мне даже стало стыдно за то, что я написал... Я—то просто пошутить хотел! Вроде понятно же, что от голода сознание теряться в тюрьме не может?

А девушка испугалась, начала переживать . В ответе такое сочувствие, что неловко даже вспоминать! Дело—то очень серьезное, потому что в тюрьме любое письмо получить приятно, даже такая мелочь как: «Привет, у меня все хорошо, ты держись, срок не вечен, тебя никто не забыл!» А если там ещё фото — вообще счастье! Ты будешь сидеть, письмо раза три перечитаешь, фото пересмотришь раз 20, потом ответ сядешь писать, потом ещё перечитаешь письмо... На воле этого не понять — понимают только те, кто уже был в тюрьме.

Вызвали закрывать 217 статью, а это ознакомление с материалами дела. Значит дело будет передано в суд. Скоро слушание начнется в суде и потом поедешь на зону. В общем ст.217 это своеобразный праздник. Потому что люди в СИЗО сидят полгода—год—полтора и ждут, когда окончится следствие.

Поехал подписывать в отдел СК. Там какой—то следователь Хурцилава. Вроде грызун (грузин — ред.) он, но на грызуна внешне не очень похож. Включает мне видео с места моего ужасного преступления, где я в клубе Билиннга мечу Зиги. От смеха при просмотре не удержался никто — ни я не адвокат, ни конвой (они меня сопровождали даже в кабинете следователя) даже сам следак. Это абсурд судить просто за такие крики! Он и сам сознался, что это только повод. А причину он не знает,

но уверен, что знать её должен я сам. Посмотрели, ознакомились с протоколами допросов, все подписали.

Вернулся я в камеру, все меня поздравили с окончанием следствия. Я так удивился ещё — спрашиваю, а что это праздник? Да, конечно, — на суд будешь ездить, родных увидишь, на зону скоро поедешь срок тебе небольшой дадут и на УДО уйдешь. Почти дома считай. Настроение подняли мне, как гадалки цыганки, которым ручку уже позолотили, поднимают его глупым домохозяйкам. Ну, может и правда, думаю. К тому времени антитеррористические опера ко мне ходить закончили и движения не было практически никакого. Только приходил иногда адвокат, я диктовал ему малявы для товарищей, а он рассказывал вольные новости.

Саньч как—то рассказал страшную историю. Жил он в Одессе, и решил зайти в гости к одному своему знакомому режиссеру. Заходит к нему звонит... А дверь открывает Борис Моисеев в халатике, мокрый такой. «Здрасти, а вы к кому?» спрашивает. Вот к такому—то. «Аааа! Проходите, он сейчас в ванне. Проходите подождите его!» Да нет, говорит, я не хочу никого ждать. Нет у меня больше такого друга... И ушел...

Старые фильмы по—новому.

Посмотрел фильм «Ромпер—стомпер». Он тоже в тюрьме смотрится как—то иначе, не так как на воле. Там смотришь — просто история крутая, Хэндо крутой, всех бьют, всё круто. Потом, к сожалению, гуки всем дали пизды, но фильм—то зоговский...

А в тюрьме смотришь по другому совсем. Хэндо—то отвечал за всю банду, отвечал за ребят. Зачем девку поволок за собой, зачем этого придурка Дейви отпустил, зачем палевно так затеяли все? Всех попересажали! Он же просто подставил своей неосторожностью парней! И начинаешь понимать, что на человеке, который ведет за собой людей лежит большая ответственность. Огромная.

Смотрю и думаю — хорошо, что никто из моих товарищей не сел. Но сколько парней уехали, которые по правой теме пошли, посмотрев мою пропаганду. Я ни за что не скажу, что это все было зря сделано, но я понимаю что и на мне частично лежит ответственность за их поломанные судьбы. Понятно, что выбор они сделали самостоятельно и я тоже сел за свою же собственную пропаганду, но тем не менее, я ощущал эту ответственность почти физически на себе. И впервые мне никакого удовольствия просмотр фильма не доставил, хотя я его раз 20, наверное, смотрел.

«День сурка» на воле смотришь — ну, смешно, один и тот же день, мужик мается от скуки дурью... Но в тюрьме—то каждый день — сурка, дни практически не отличаются один от другого: проверка, техосмотр, прогулка, обед, ужин, проверка, спать. Все всегда одно и то же. И ты от скуки делаешь все что угодно — и на стенку лезешь и рисовать научишься и заниматься и книжки читать и на шпагат садиться! И что только не делают люди, чтобы хоть как—то убить время в тюрьме. Хотя время — самый ценный ресурс, который у нас есть!

И вот в один день привели к нам мужчину, звали его Валера, интеллигентного вида, на учителя похож. По его словам он коммерсант, просто не поделился с кем надо. Ему сказали — возбудим дело и сядешь в тюрьму. Он не поверил, не поделился и вот заехал к нам. В обвинении у него было, что он организовал под заказных убийств 100 убийств и, естественно, банду. Совершенно замечательный сокамерник, не кровопийца и не отморозок. Светлые волосы, умные глаза, тело офисного работника сорока лет от роду. Но кто он на самом деле по воле был?

Саня Фюрер.

Через несколько дней сидим мы втроем открывается дверь заводят мужчину с разбитым лицом. Он спрашивает: «Что хата—то бээсная? Все служащие?» Саньч сразу отвечает: «Да, да! Все служащие! Я генерал, а ты?» Тот отвечает: «Я полковник ФСБ!» Мы все село все переглянулись.

«Это вот Валера, это Максим, меня Саньч зовут.» Полковник представился Сашей и спрашивает ну и где вы служили? Саньч отвечает: «Ну как где? Я бандит Ореховский, это бандит из Пятигорска, а это лидер скинхедов, а ты говоришь из ФСБ, да?» У полковника лицо поменялось, глаза по нам пробежали, рот что—то беззвучно произнес, и он буквально через 5 секунд отвечает. «Ну, я за всю жизнь против братвы никогда не работал и очень братву уважаю. А в школе у меня вообще кличка Фюрер была.» Ну, все понятно. Хорошая адаптивная способность. В общем довольно смешно было. В этой тюрьме, надо сказать, никого не делили ни по каким признакам — на воров, Ментов, первоходов, курящих и не курящих... Сидели, как администрации и операм удобно — все вперемежку

В начале декабря меня, Саньча и Фюрера перевели в камеру 608, трехместку. Фюрер

постоянно ходил на допросы, даже по выходным . Лицо у него было разбитое — при задержании нахлобучили мусора. Он, по версии следствия, получил взятку в 400 тысяч долларов и при задержании её скинул. Запрыгнул в тачку и стал сваливать. Его долго зимажали машинами где то в центре Москвы. Но гонка была не очень долгой по забитым пробками улицам. Долбанули, остановили, разбили рожу и закинули к нам в СИЗО.

Потом Саныча увезли на Петровку. Но увезли его не на какие—то допросы. А просто там легко организовать свидание с женой. Бонус за «хорошее поведение». За помощь следствию, сотрудничество и т.д. ему просто разрешили там отдохнуть. Ну, может как—то ещё работает там.

А мы с Саней вдвоем остались и обсуждали, как можно развлечься на воле, какие секты можно открыть, денег поднять и бизнес замутить . Больше всего меня прикалывала его кристальная честность! Как он говорил: «Я никогда никого не обманывал!» Я говорю: «Ты в детстве—то маму же обманывал?» «Нет, не обманывал! И вообще самый мой большой недостаток в том, что я никогда и никому ничего не врал и не вру!» Вот этим он меня поразил! Но молодец, надо сказать, это техничная линия поведения в тюрьме и, насколько я знаю, он от неё никогда не отступал!

Выборы!

Как—то утром я и Саня ждем проверку. Слышно, как двери открываются, закрываются и приближаются постепенно к нашей камере. Обычно это ожидание занимает минут пять максимум. А тут что—то наша очередь никак не подходит. Спать нельзя, телек со звуком смотреть нельзя... Злимся, нервничаем, анафемы шлем на голову ДПНСИ. Вдруг дверь, совершенно без звука, открывается. Называют на фамилию. Саня пошел. И вижу в проеме — дорожки ковровые постелены! Через несколько минут он вернулся. Потом меня позвали. Все менты, какие у нас есть, вдоль стен выстроены, стоят продольные, наблюдатели какие—то в вольной одежде, парты сдвинуты, стоит избирательная кабинка с ширмой. Все цивильно.

— Здравствуйте, желаете проголосовать?

— Конечно, желаю.

— Вот здесь распишитесь, вот вам бюллетень. Проходите к кабинке.

Захожу, шторы задвинул, бюллетень заперол я так — нарисовал во всех окошках свастики, а потом самую большую свастику во весь лист. И бросил его в урну. Вернулся в хату. Ждем завтрак, раз уж проснулись. Приносят винегрет! Правда, он был горький какой—то, но винегрет! В тюрьме—то он только по большим праздникам. Мы приготовились гульнуть.

Так прошел светлый день народного волеизъявления в тюрьме.

Просидел я там с ним ещё пару дней и меня из этой камеры тоже перевели.

Стерильная камера.

Перевели в 510 меня одного, хата тоже 3—х местная, там сидел Андрюха, парень на несколько лет старше меня, по убийству какого—то коммерса. Но на суде неделю назад с него вчистую за убийство обвинение сняли, осталось только вымогательство. И вот он досиживал двухлетний срок на тюрьме. На зону на две недели не повезли, оставили в СИЗО. Ему уже все в кайф, понимает, что домой скоро поедет. Много рассказывал про свою бандитскую юность, как он гопстопил у Детского мира, в Южном Бутово и Других мрачных спальных районах. Веселые рассказы из жизни реальных пацанов. Ходили на прогулки с ним, иногда бегали, иногда отжимались.

Саня Лысый — взрослый человек, под полтинник, по версии следствия путем злоупотребления доверием кинул ВТБ на 300 миллионов долларов. С молодости работал в КГБ,

поймал какого то шпиона, который запрещенные журналы провозил с пропагандой капиталистических ценностей — порнухой. У него и медаль за это есть, очень ей гордился. Имел несколько странностей: он ежедневно брился наголо электробритвой, носил усы, большие, как у очкастого ведущего из передачи «Разрушители мифов» и странно одевался. Одевал всегда по двое носков, двое трусов, две майки, на пояс повязывал ветровку, чтобы не простудить спину, каждый день мылся с ног до головы и каждый день мыл в хате пол, чтобы «было чисто». Каждый день стирал ВСЕ свои вещи! В принципе это одобряется, чистоплотностью нельзя упрекать. Но в трехместке это перебор, все запотевшее, вода постоянно льется!

В общем, коллектив есть коллектив и часто бывает, что поборники чистоты агитируют всех мыть пол каждый день, вводить дежурства, устраивают истерики и анти—антисанитарные выступления. Чем всех сильно нервируют. Но Саша сам был фанатом чистоты — сам себя заставлял мыть.

Камера эта отличалась тем, что в ней была очень спокойная, разреженная атмосфера. Хотя мне и в прошлой камере, с Санычем, сиделось неплохо, но там давление постоянно чувствовалось, а тут ну прямо отдых для души. Сложно описать это даже.

С Лысым мы много разговаривали на темы политики, религии, экономики. Если по религии я могу аргументировано и с огромным преимуществом спорить, потому что Библию никто не читает, а я её хлопнул. То по экономике я всегда продувал вчистую — мои познания ограничивались прочтением книги «Финансист». На воле я очень редко общался с людьми, которые могли бы меня объективно переспорить и знали настолько больше, чем я. Ясно, 300 лимонов украсть — надо неплохо, наверное, знать экономику.

И тут я начал читать серьезную литературу, образовательную, философию, психологию маркетинг все подряд, хотя раньше читал фэнтэзи какое—нибудь и прочую развлекаловку.

Так же от него узнал, как примерно организуются и происходят беспорядки в Европе. Раньше наивно думал, что строят нефтепровод по дну моря — прибегают экологи и говорят, «как же так, вы же испортите экологию!» И все население думает. «Да! Точно испортят ведь!» Приезжают ещё экологи и начинают протестовать, нападать на полицию и мешать строить газопровод, приезжают антиглобалисты и начинается буза... Выглядит все по—другому совершенно. Допустим, есть у меня 600 цистерн, которые сжиженный газ возят. Они станут не нужны, если газопровод построят, а ведь в цистернах возить гораздо экологичней. А самое—то главное — я же деньги потеряю! Я был бы готов профинансировать акцию против строительства газопровода, даже если на месяц задержится его ввод

в эксплуатацию, и то замечательно! Я всё равно заработаю денег больше, чем на акцию потрачу. Ну, а если на полгода, то вообще изумительно. Никто не думает, что удастся вообще отменить строительство газопровода, но проплатил куда надо, собрались тысяча—другая человек, приехали журналисты. Пока их всех разогнали, пока технику починили, скандал замяли — время идет. И так во всем, вообще во всем.

Если есть заинтересованные профсоюзы, промышленники, олигархи, которые в чем—то заинтересованы, они просто организуют беспорядки.

Очень интересное занятие. И анархисты, леваки, хулиганы, которые в черных балахонах бегают — неплохо зарабатывают. И есть чему у них поучиться. Только такого задержат, как сразу приезжает адвокат и выясняется что коктейль с зажигательной смесью бросал не этот замечательный человек, а кто—то другой, находится куча свидетелей и он оказывается на свободе. И, самое главное, им не дают большие сроки.

И очень меня это движение заинтересовало, даже подумал о том, чтобы по Европе покататься, посмотреть на их движуху, роликов образовательных, может, про антиглобалистов снять.

Получил я как то письмо от «союза социалистов» из Калининграда. « С Новым годом! Макс, держись, не оставляй борьбу» и т.д. Я читал и думал «Вы там совсем идиоты что ли? Социализм от национал —социализма отличается, как стул от электрического стула!» И сел я им писать ответ. Написал, что «принимаю ваши поздравления, желаю чтобы у вас наладились поставки вазелина. Тогда вы во имя Карла Маркса сможете намазаться вазелином и овладеть друг другом...» И все в таком роде. Долго сочинял, не поленился. Письмо написал и отправил. К сожалению, письмо цензура не пропустила, и мне его вернули, объяснив, что такое писать нельзя. Ладно, и хрен с ним.

19—го декабря 2007 года Андрюху утром освободили. Саню забрали за несколько ней до этого, и получилось так, что я в камере остался один. Одному же сидеть не дадут — или переведут куда—то, или кого—то подсадят. Меня и перевели. Вернули обратно в 608—ую. Там сидел Саня

Фюрер и Глеб.

Человек с феноменальной памятью.

Глеб — мошенник, занимался обналичкой денежных средств. Несколько миллиардов обналичил — вменили ему 159—ую и плюс у него при задержании, якобы, нашли дома пистолет. Хрен его знает, был у него пистолет или нет, но парень веселый. Мог и ствол хранить. Не знаю... В ментов после задержания, во время обыска в квартире, горячим кофе плеснул, еще какую—то глупость сделал, на суде матом орал на судью, что она проститутка и нечисть. Закончилось тем, что получил по мошенничеству одиннадцать лет, хотя статья до десяти. Погорячился немножко парень. Он мало того, что неплохо образован, но еще и человек с феноменальной памятью. Помнит вообще все. Где, кто и что сказал, где, кто и что сделал, где, кому и когда деньги передали. С ним было очень интересно разговаривать, хотя бы даже на исторические темы. Мало того, что он помнил истории всех банд во всех городах России. Когда с ним начнешь обсуждать какую—нибудь революцию, он конкретно все выкладывал по ней — кто деньги давал, кто заинтересован был, откуда деньги приходили, кто оружие поставлял, как система была налажена, какая цель революции. То есть такое циничное технически—политическое описание. Оливера Кромвеля — вот этот еврейский дом спонсировал; революция 17—го года такие—такие революционеры—жиды, деньги приходили отсюда и отсюда. Все четко, зачем сделали то, зачем сделали это. Я говорю:

Глеб, тебе, наверное, надо в институт идти, студентов истории учить, потому что мне ни один историк так грамотно и интересно не рассказывал.

Да—нет, Макс, я думал над этим. Но всю жизнь немножко другим бизнесом занимался.

Понятно, учить истории детей не очень выгодно. Но этого ж никто им не расскажет. Так и будут думать, что все для народа делалось! И царей мочили, и рабов освобождали... Парень интересный. Рассказывал, как они в 90—х РНЕ помогали, финансировали частично.

Что РНЕ помогали и финансировали почти все славянские группировки, что это была очень мощная структура. О том, что после беспорядков в 1993ем году очень много было ментовских репрессий, много кого искали, почти никто дома не жил. Как скрывались на каких—то съемных квартирах, от ментов прятались, потому что начудили в Москве в это время. Потом объявили амнистию для всех принимавших участие в беспорядках. По сути, это были не совсем беспорядки — это была гражданская война в Москве. Для тех, кто принимал в ней участие на стороне русских, долгое время было опасно появляться на работе, дома... Но закончилось тем, что объявили для них амнистию, и все вошло в нормальное русло.

Глеб к тому времени уже отсидел пять лет из десяти тоже за мошенничество, вышел по УДО, погулял. И заехал по—новой. Теперь ждал, когда рассмотрится у него касатка.

Сидим мы втроем в камере, дело к Новому году близится. С едой все нормально, всем передачи заходят. Я в это время начал ездить на суды. Раз в неделю выезд. Наконец узнал, что такое поездки общим автозаком.

Суды начались.

На сам процесс в Басманном суде спецконвой с меня сняли. В автозаке обычно находится один стакан — это бокс на одного человека, бывает два или три стакана. Садисься, и тебя закрывают как в сейф. Туда сажают или особо опасных,

или тех, кого нельзя показывать, или у кого особая изоляция, или просто если места в общем боксе нет. Плюс в автозаке два больших бокса, куда помещаются спокойно восемь человек. Но сажают по пятнадцать, бывает и по двадцать, то есть набивают, как селедок в бочке, прямо на коленках друг у друга сидят! Самое мерзкое, что все начинают курить, потому что курит абсолютное большинство зэков. Всего бывает один—два некурящих из всего автозака. И сидишь, а там такой дым, смрад, что и дышать тяжело. Если разговаривать, то потом на следующий день говорить не можешь. У меня так, по крайней мере. Горло першит, мерзкое ощущение. Если автозак встал в пробке и ты хочешь в туалет, тебя никто в туалет не поведет, приходится терпеть. И еще пока не объедет все суды. Сперва меня сажают в пустую машину на 99, потом везут на общую Матросску, там забивают зэков до отказа. Потом едут сначала в Преображенский суд, потом развозят по всем остальным. То есть до суда часа три—три с половиной по любому сидишь. Днем привозят в суд, видишь родных, близких. Радуешься. А назад когда едешь — уже вечер, уже пробки, там и три и четыре часа и пять, бывает, стоим. Самое хреновое, если посадили в стакан, потому что там не пошевелиться. А это зима, ноги мерзнут в кроссовках. У меня были тяжелые ботинки на складе, но мне их не отдавали. Гринды со вставками, в которых меня арестовали. Все мерзнет, в туалет охота, спать, сидеть неудобно, все затекает, — отвратительно. Если сидишь в общем боксе, то там где—то лучше, где — то хуже. Самое отвратительное — толпа уродов которая курит, обсуждает кто из них бродяга, кто из них стреляга, какие воров какие прогоны пустили:

— Вор Тато объявил вора Кацо сукой!

— Это вор Кацо объявил вора Тато сукой! — И вот они обсуждают, кто за кого.

— Мы не верим Тато!

— А мы не верим Кацо!

— Как это так?! Он написал маляву первый!

— Он прогон пустил левый!

Какая—то паразитина! А приходится сидеть, слушать это все. Иногда бывает, что спросят за «что сидишь?». Тогда заканчивается или пропагандой на весь автозак, или тем, что наврешь просто. По настроению. «Да—а, мошенничество...» «А—а, мошенничество, нормально...» или «Хулиганка...» «А—аа, хулиганка...» Иногда про рейдерские захваты что—то рассказывал. А что? Сидишь, скучно, толпа балбесов, — почему бы не рассказать что—нибудь этакое. Рубрика «эксперименты». Если настроения нет что—то рассказывать, так и смысла я в этом не видел.

В автозаке несколько раз пересекался с Финкелем. Известный фигурант по убийству зампреда Центробанка Баранова . Проходил заказчиком. Я сидел с его поделником, Борисом Шалфеем. Еврейская банда убила еврейского банкира. Банкир Баранов не был русским банкиром, имел прямое отношение к дефолту 1998—го года, то есть мутный ферзь. Финкель вполне адекватный, интересный, начитанный и интеллигентный парень . Причем он совершенно четко вызвал когнитивный диссонанс своим внешним видом в автозаке — сидит, прямо скрипач, чисто еврей из консерватории едет, с чемоданчиком, в пиджаке, белой рубашке, в очках, культурно разговаривает. Но крови у исполнительной системы он попил больше, чем половина Матроски вместе взятой. Сколько написал жалоб каких—то, ходатайств, претензий, заявления в прокуратуру! У него, пока он ходил на прогулку, из—под матраца вытащили несколько журналов. Он написал заявление, что группа лиц по предварительному сговору с использованием служебного положения совершила тайное хищение у него имущества на общую сумму тысяча рублей, предоставил чек. Он выписывал эти журналы в тюрьме, чек с росписью на руках. Написал: «Прошу возбудить уголовное дело, в связи с хищением имущества на крупную сумму, с использованием должностных полномочий». Его вызывают:

Алексей, какое имущество похищено?! Хорош прикалываться! Отдайте журналы.

Нет журналов, выкинули.

А зачем вы их украли?

Не положено под матрасом держать журналы.

Вы же их похитили, вы же не сделали мне замечание. Верните журналы или я напишу заявление.

Ему разрешили какой—то бонус, то ли на прогулку с кока—колой ходить, то ли на следственные действия с кока—колой ходить, — в общем сторговались, не стал писать заявление. Но кровь он им постоянно сворачивал.

И вот у него какая—то жалоба была в Басманном суде, а у меня заседание. Мы с ним вместе туда едем, но там он в одном боксе в суде сидит, я в другом.

Секс в суде.

В суде меня ни с кем не пересекали вообще, был отдельный боксик. Я поговорил с толстым коррупционером из службы судебных приставов. Договорился, что ко мне пустит девушку. На сорок минут. Стоило это четырнадцать тысяч. Мы сторговались, иногда он брал десять, иногда двенадцать. И почти каждое судебное заседание мои товарищи скидывались деньгами и передавали деньги девушке. Девушка приходила, платила взнос приставам и ее ко мне пропускали. Честно скажу, судебные заседания становились намного приятнее и оставляли намного больше положительных впечатлений. Я сидел в зале, слушал, какой бред рассказывают эксперты, свидетели, заявители... Видел девушку и знал, что сейчас я пойду с ней на свиданку в боксик.

В общем—то, секс в судебных боксиках — это нечеловечески романтическое мероприятие, все по—быстрому, ничего лишнего. И после этого совсем по—другому себя чувствуешь, не так уж ты одинок в этом мире. Сидишь на суде и думаешь: «Ну, господа эксперты, давайте рассказывайте, как выкрик «Seig Heil!» мог спровоцировать ненависть и вражду в отношении социальных групп». Мне это вообще было не интересно. Девчонка пролезала через какое—то полуподвальное окошко, потому что нельзя же посторонней зайти в службу судебных приставов открыто! Все будет увидено, все будет доложено и запрещено. Она втихаря пролезала в окошко, спускалась через какую—то кладовку к коррупционеру, передавала деньги, он открывал бокс, она ко мне заходила, и мы общались. Через мгновение — мне так казалось — мент тактично постукивал в дверь. Мол, пора заканчивать. Один раз у них кто—то пришел, началась паника, и свиданка продолжилась даже больше часа. Вот это настоящая удача!

Я, кстати, там же узнал, почему Финкель так много жалоб пишет. Может быть, просто совмещал приятное с полезным? В Басманном суде к нему тоже приходила девушка. Я ее не видел, но слышал. Ему приносили что—то выпить, покушать. То, чего в тюрьме просто нельзя получить, особенно, когда так ебешь мозг администрации. И назад мы с ним несколько раз ездили — все время у обоих было хорошее настроение. Как—будто у обоих было какое—то продвижение по делу, как— будто добились чего—то своими жалобами, ходатайство принято или вынесен оправдательный приговор. На самом деле нет — просто съездили, немножко развлеклись на суде.

Либеральные шлюхи.

Очень весело выступала эксперт по моему делу, Полтавцева. Мелкая старушонка мерзейшего вида, толстая тумбочка — такие старушки обычно в метро топчут ноги людям и требуют уступить им место, хотя место может быть рядом и свободно. Даже не знаю, как передать всю её отвратительность. Она зачитывала свою этнолингвистическую экспертизу в течение нескольких часов. Я мало что слушал из этих словоблудий. Собственно, и не пытался вникнуть. Но я смотрел на лицо судьи, который первое время пытался вникнуть во что—нибудь, потом лицо у него стало скучным, потом он голову опустил, и стало понятно, что ничего не хочет слышать из этого бреда.

Там был смешной толстый рыжий тип из службы судебных приставов. Похож на Киборга — правый певец который. Сидит в шапке милицейской около моей клетки, слушает эту экспертшу, но она действует на него таким образом, что у него голова опускается ниже, ниже, ниже — заснул. Шапка, бац, на пол и покатилась... Проснулся, погнался за шапкой, не поймал ее, она убежала в середину зала, выскочил за ней, хватать, и за дверь. Прислал какого—то молодого конвойного. Очень познавательный эпизод. Это единственное чем было примечательно выступление эксперта.

Вообще в зале начинался какой—то смех, все переглядываются. Она лепит какие—то цитаты из псевдонаучных антифашистских книжек. Перед ее выступлением адвокат говорит:

Давайте отвод эксперту, потому что эксперт заинтересован в исходе дела. Почему Вы так решили? — спросил судья.

Она же работает в фонде Сореса. У Фонда Сороса дочерняя точка называется «Открытое общество», которая своими врагами считает фашистов, нацистов и т.д, это записано в Уставе. То есть она изначально не может быть объективной, эксперт предвзят. Ее надо выгонять, в принципе. А, по сути следователем совершено должностное преступление, когда ее привлекали в качестве эксперта.

Естественно, это не имело отношения к делу. Когда старуху спросили, как она относится к фашистам, ответила:

Ну, Вы знаете, мне их жалко.

Из либерально—общечеловеческой жалости, видимо, бабуська лепит экспертизу, чтобы меня на подольше в тюрьму отправили. В принципе, такая нормальная здоровая жалость. Говорит:

Знаете, ваша честь, я этим занимаюсь не ради денег! А потому, что моего друга Николая Гиренко застрелили такие, как подсудимый, через дверь. Поэтому я только за правду!

И давай рассказывать, как выкрик «Seig Heil!» может разжечь национальную, социальную и религиозную ненависть среди либералов к либералам же. Для анализа моих высказываний было использовано порядка двадцати книг, и психолингвистика, и философия, и психология, и антифашистские научные изыскания, и хрен пойми чего. Адвокат говорит:

Скажите, а без этих книг Вы могли бы провести экспертизу и понять, что хотел сказать господин Марцинкевич своими словами?

Нет, без этих книг вообще нельзя понять, что он хотел сказать. Только с этими книгами можно провести экспертизу.

То есть если человек не читал этих книг, он не сможет сказать ничего точно? Нет, конечно. Как он скажет, если не прочтет эти двадцать книг?!

Господин Марцинкевич этих двадцати книг не читал. Он, может быть, не осознавал, что говорил?

Ой, это я не знаю. Он, скорее всего, понимал. То есть он понимал подсознательно. Книжки можно не читать, он и так понимал. Он же нацист!

Ну, ладно, слив засчитан. Нацисты и без антифашистских книжек понимают больше, чем разлагающиеся от старости и толерантности шавки.

Довольно интересно выступал в суде Алексей Наклальный, проститутская собака. Он был ведущим дебатов, которые я нечаянно сорвал. Он написал на меня заявление, требовал посадить меня в тюрьму. А потом на суде, поднимаясь из боксика в зал суда, смотрю сидит: короткая стрижка, джинсы — наверное, правый пришел поддержать. Кивнул ему, а глаза у него какие—то виноватые, смотрит на меня. Странно. Я его, естественно, не помню, видел его с пяти метров и три минуты. Начинается заседание, судья говорит:

Сейчас будем слушать свидетеля обвинения, Наклального.

Его завет пристав, он заходит, начинает рассказывать, как было дело, что сорвали дебаты, кричали, что этого человека он узнает, потому что помнит, что этот человек был в камуфляжной куртке, бритый наголо, в страшных ботинках.

Ваша честь, а можно сделать заявление?— Говорит он в конце выступления. Пожалуйста, сделайте.

Я, когда заявление писал, имел ввиду, что надо просто с фашизмом бороться, а Вы его посадили. — Под «Вы» он, видимо, имел ввиду систему, — Вы его посадили, но сделали из него мученика, за ним смотрят миллионы глаз, за ним идут тысячи сторонников, и чем больше вы ему дадите срок, тем больше за ним пойдет народу. Не надо делать из него кумира нацистам, отпустите его, потому что он даже никого не ударил, вы сажаете его за идею, вы сами его пиарите, делаете героя...

Да, понятно, — говорит судья, — продолжайте вести наблюдение.

Наклальный ушел.

Где свидетель Маша Гейбар?

Она не только свидетель, она еще и заявитель. Прокурор говорит:

Не можем мы ее сюда представить.

На каком—то заседании судья говорит:

Мне пришли документы, что Маша в Израиле на лечении, лечится от серьезного недуга

какими—то кошерными грязями.

В зале все смеются, конечно, что мерзкая девка написала заявление, а сама свалила в Израиль. Судья даже пошутил, что этого и следовало ожидать.

Потом выступало еще несколько свидетельниц, обкуренные уёбки:

Ну, чё—то я не помню, чё—то кричали там...

Кто кричал?

Ну, чё—то парни какие—то орали...

А вы сами—то как к этому отнеслись?

Да, мне вообще по фигу, я так пришла потусоваться...

Вы кого—нибудь в зале узнаете?

Ну, вот похож тот, показывали по телеку...

Понятно.

Все доказано, зачитали протоколы допросов остальных свидетелей. Суд был довольно короткий, всего пять или шесть заседаний. Я, честно говоря, думал, что уложится вообще в два, потому что доказывать там было просто нечего. Кричал? Кричал. Видеозапись есть? Есть. Что еще надо?! Нет, какие—то свидетели, какие—то распечатки документов, опознания, эксперты...

Мистер Паркер и Латынина.

Очень запомнилось выступление Кононенко в суде, журналист с НТВ, такой мистер Паркер. С Латыниной участвовал в дебатах, и потом его в качестве свидетеля пригласили на суд. Пришел пухлый мужичок, не бритый, видно, что любит скушать водочки, но, тем не менее, с мозгами. И, скажем так, довольно симпатично мне было его выступление. Он всеми силами старался, честно сказать, меня отмазать. Ему говорят:

Вы заметили, что было какое—то разжигание вражды. Нет, не заметил. Чего—то кричали.

Вам сказали, что Вы — «мудила». Это Вас оскорбило?

Я не знаю, было такое или нет. Не помню. Нет, меня никто не оскорбил. Ну, а как Вы считаете? Как вы к этому относитесь?

Я считаю, что люди покричали, ничего страшного в этом нет.

То есть на самом деле единственный мужчина из этой тусовки в Билингве. Правда, он и заявителем не был, просто пришел на суд. Не знаю зачем, мог бы и не приходить.

В качестве свидетеля так же была привлечена Юлия Латынина, которая на дебатах возмутила меня высказыванием, что она занимается политикой только до тех пор, пока это не мешает ей спокойно жить и кушать. Собственно, с этого началось мое выступление, что «Если человек не готов пожертвовать своей жизнью и свободой ради блага своего народа, он не достоин того, чтобы заниматься политикой!». Также я назвал ее «рыжей пиздой», и еще каких—то гадостей наговорил, много всего кричал. Тем не менее, из либеральной пиздобратии, хотя она из них самая либеральная, она поступила по—мужски, в отличие от мужчин, которые поступили по—проститутски. Она не писала никаких заявлений, не ходила на допросы, не давала показаний, отказалась приходить на суд. Сказала, что если судить, то судите за дела. С чего за слова—то судите. Она хотя бы не отказалась от

своих принципов. Тут она молодец. Судья несколько раз вызванивал ее, требовал прийти на суд. Я Вас приставами приведу!
Приводите. Поймаете если, то может быть.

Так и не появилась. Молодец. С ее точкой зрения я не согласен в корне, но, как человека, ее можно уважать.

Праздник к нам приходит!

Очень запомнился Новый 2008 год. Это был мой первый Новый год в тюрьме. Я вообще не пью, но в тюрьме у нас не пил никто, потому что там просто ничего нет. Мы заранее приготовили праздничный стол. Я сделал котлеты рыбные на пару, сделал лечо, варенье из яблок, заварили чифира, сделали торт из печенья и сгущенки. Сейчас поподробнее расскажу, как делать кулинарные шедевры в условиях тюрьмы.

Как делаются котлеты из рыбы? Рыбу нам пропускали туда только солено—копченую, котлеты из нее не очень. Поэтому берешь ее, вымачиваешь в молоке, мелко нарезаешь, нож там — это кусок заточенного оргстекла. Смесь красной рыбы, белой, палтуса и скумбрии. Смешиваешь, добавляешь туда немного хлеба с молоком, лука и перца. Перца, как такового, нет, потому что специи не пропускали. Я брал приправы из доширака. Таким образом получается фарш для котлет, лепишь, выкладываешь в дуршлаг, ставишь его на чайник и сверху закрываешь доской для разделки. В течение десяти минут это все стоит на пару. Потом резко котлеты надо спрятать в контейнер, контейнер под подушку, в одеяло завернуть, чтоб не остывало. Чайник быстро вымыть, потому что запах пойдет в коридор, милиция прибежит, попытается отнять. А если им показываешь — чайник чистый, вот кипяток, то непонятно — может из другой камеры пахнет.

Лечо как на пару готовить? Для этого надо порезать помидоры, лук, перцы сладкие и морковь. Положить в дуршлаг все, закрыть доской разделочной, и на пару стоит где—то полчаса, минут сорок, чтобы все пропарилось. Потом все перемешиваем, добавляем немножко подсолнечного масла и специй из доширака, опять же. Получается очень вкусное лечо, как бабушка делает. Я даже удивился.

Как делать торт из печенья и сгущенки? Берем печенье, крошим, выкладываем на дно контейнера, мажем тонким слоем сгущенки, потом еще один слой печенек, потом еще слой сгущенки, потом другой вид печенек, снова слой сгущенки, потом орешки, потом опять слой сгущенки и сверху кладутся нарезанные киви или бананы, или яблоки. Мы тогда бананы с яблоками положили. Дальше все это в морозилку, через пару часов замерзает, и получается прикольный торт, лучше, чем из магазина. По крайней мере, нам так казалось.

Варенье. На пару в дуршлагае сварил чищенные яблоки, потом их просто помял с сахаром. И получилось нормальное варенье.

К 12 часам у нас был накрыт стол. Еще была соленая скумбрия, мы ее ели с пюре. Естественно, по—арестантски и экстремистски, исключили обращение президента. У нас в камере никто принципиально его не смотрел. Включили музыку, а в двенадцать часов, когда начался салют, и били куранты — слушали, как вся тюрьма кричит: «С Новым Годом! Ураааа!» У нас кричать нельзя было. Крикнешь — уедешь в карцер. А на общей Матроске — пожалуйста! Там петарды

взрываются, все друг друга так поздравляют. Отметили, съели угощения, посмотрели фильм и легли спать. Это был экологически и морально чистый Новый год за здоровый образ жизни.

Стал фитнесистом и философом.

Как только закончились праздники, меня перевели в камеру 609, в которой я был первые полтора месяца. Конечно, люди были другие. В этой камере я познакомился с Федором Прытко. И с Лешей Солдатом мне все—таки повезло пообщаться с ними не только в автозаке, но и в камере. Сидел там и Саша Лысый, с которым я расстался после 510—ой и еще три человека. Сидел я там всего недели две, ездил на суды, немножко занимался, читал книжки...

Через две недели меня, Федора, Солдата и Сашу перевели в 303—ью камеру, четырехместную. Там я уже сидел подольше, месяца два, до самого приговора. Было довольно интересно. Подобрались люди, которые любят и могут пообщаться на политические, социальные и религиозные темы.

Именно там я решил, что надо целенаправленно худеть. К тому моменту я весил за сотку, но форма была хреновая, мышцы практически ушли, потому что белка не получаешь никакого, ешь в основном углеводную пищу. Занимался, мало, не бегал во двориках. Пузо стало неприятное, ноги стали жиром покрываться. Стал превращаться в американ—боя.

У меня паника, думаю: «Ну, на хрен! Надо худеть!» Я еще слышал, что у людей на зоне ноги первое время очень болят, потому что ходить приходится, а в СИЗО только сидишь, пузо набиваешь. Надо тренироваться, готовится к зоне уже, потому что дело—то подходит к концу. Отказался от поедания хлеба, сахара, печенья, масла — от всего жирного и углеводного. Старался есть рыбу, соевые куски из баланды, колбасу — все то, где белка побольше, а углеводов поменьше. Похудение пошло, где—то пару килограмм в неделю слетало спокойно. Раз в неделю мы ходили в баню. Там стояли напольные весы. Весы эти, еще в первое свое сидение в СИЗО, Евгений Евин затащил. Теперь на них я и взвешивался.

Хорошо! Похудею, рельеф будет! Начал качать пресс потихоньку. Основной шаг, конечно, был отказ от углеводной и жирной пищи.

Начал писать книжку по социал—туовизму. Это такая философия. Смесь юмора, цинизма и ницшеанства. Книжка получалась довольно веселая, о том как два парня решили бороться с общественными недоработками, с пороками общества, и как они раскрыли межпланетный заговор старух, которые были поработаны инопланетянами в собесах. Не знаю допишу я когда—нибудь книжку или нет, но треть где—то я уже написал. Просто получилось так, что эти два парня начали нападать на отделения милиции с рогатками, штурмовать поликлиники и Рублевские пробки... А у нас каждый день был техосмотр в камере, вот и мою тетрадку читали. Меня выдернули и говорят:

— Ты хорош эти книжки—то писать. Ты не понимаешь, где находишься?! Это политическая тюрьма номер один в России! А ты пишешь, как нужно на милицию с рогатками нападать. Охренел

что ли?!

Так, это же шутка. Метафора.

Шутка—шуткой, ты это прекращай! Изымем на хрен! Я не поверил и продолжил... В итоге изъяли.

Как—то ехал в автозаке из суда, один в отсеке, ибо «полная изоляция». Не понятно — иногда в стакан сажали, потому что «полная изоляция», иногда и в общий бокс, потому что и стакан был какой—нибудь девкой занят или обиженным.

Сижу, а там, через, решетку, если прислониться к ней, видно боковое стекло автозака, через это стекло видно улицу. Такое маленькое окошко — все заледеневшее, там менты продышали, протерли, и получился пяточок диаметром сантиметров 10, в который можно что—то мельком увидеть. Я с тоской смотрю — люди ходят куда—то, Москва нарядная, вечер. А вы и не знаете, как хреново может быть в двух метрах от вас... И тут останавливается автозак в пробке напротив какого—то ресторанчика. Ресторан от меня буквально в полутора метрах — метровый тротуар и сразу огромная витрина. Прямо передо мной, лицом к витрине, за столиком сидит девушка. Видно что ухоженная, блондинка, подстриженная челочка, покрашенная, на самом деле красивая. Пьет из бокала вино и кушает мясо, чуть мизинец оттопыривает на руке, которой вилку держит. Гламурно—аристократичная, видно, что у нее все замечательно. И, задумчиво жуя мясо, смотрит прямо на меня. На самом деле она просто видит — какая—то машина непонятной расцветки стоит. Но мне кажется, что взгляд направлен мне в глаза. Вот оно — до нее расстояние всего два метра, а какая разная жизнь! Она может делать все, что угодно. Она довольна собой, жизнью, но она пафосная соска. А у меня нет вообще ни хрена, но я чувствую себя борцом за правое дело. Смотрел на нее несколько минут, потом грустно стало, лег на лавку. Машина всё стоит. Холодно. А там две лавки друг напротив друга. Что делать? Начал отжиматься. Поотжимался, захотелось в туалет, а пробка — деваться некуда. Да, что же такое? Что делать? Спрашиваю у конвоя:

Еще долго ехать?

Да, еще половины не проехали. Пробки, Москва стоит.

Пришлось руками в темноте пошарить — нашел пустую бутылку от пепси—колы, ушел поглубже в бокс, чтобы не было видно конвойным, нассал в бутылку, бросил под лавку. Все нормально, теперь жизнь удалась. Спокойно доехал до тюрьмы.

Подняли на этаж. На третьем обычно шмонали в спортзале. Заводят меня туда: Раздевайся до трусов.

Все показал, ничего нет, вещи все прохлопывают, смотрят вплоть до швов, чтобы ничего не принесли. Полный обыск. Стельки просмотрят, носки снимут, обнюхают, посмотрят, чтобы за ушами ничего не приклеил. Привести в камеру с собой ничего невозможно.

Каждый раз, когда в камеру заходишь, чувствуешь себя как дома. Потому что в автозаке и холодно, и мерзко, и накурено, и в туалет охота. Когда едешь, думаешь: «Побыстрее бы домой!» «Домой...», — на тот момент ты считаешь домом именно камеру, ты хочешь именно в камеру, чтобы можно было выпить чайку и лечь в кровать. Очень интересное изменение сознания. Сейчас, на воле, я в принципе не смогу назвать тюрьму, какую—то камеру, домом. Даже в мыслях.

Один раз вечером меня привезли, общак выгрузили, оставили автозак около шлюза 99/1. Жду часа два уже. Раз, опять начинают эков грузить в него. Забыли, наверное, про меня. Или не может такого быть — спецтюрьма, вся фигня? Посмотрим. Сижу, молча жду. Забили автозак. Тронулся, поехал. Подъезжаем к шлюзу на выезд.

Куда?

Сейчас в Бутырку, потом в Лефортово.

Так, сейчас меня увезут куда—нибудь, потом хватятся, придется ночевать в боксике на сборке, потому что ночью меня никто не повезет назад. Менты когда сопровождают, ездят с оружием. Когда же на территорию тюрьмы заезжают, они оружие сдают. Пошли они уже стволы свои получать, я давай орать:

Вы куда меня повезли?! Чего перепутали?! Мне на «Девятку» надо. А как фамилия?

— Марцинкевич.

Нет в списках.

Паника началась: «Ой! Чего же делать?!» Автозак развернулся, назад поехали, менты забегали. Заключенного чуть не проебали! Пересадили меня в какую—то ГАЗель, моментально заехали на 99, высадили. Прошмонали, и в камеру.

Пересечение с соратником.

Еще был случай. Ехал на суд. А так, как меня загружали самым первым в пустой автозак — у меня была возможность выбрать любое место, по настроению. Иногда в угол сядешь, чтоб темно было, чтобы никто не доставал, сидишь, в разговоры не лезешь, особенно когда спать хочешь. А обычно садился около решетки, чтобы в окно смотреть. На улице погода хорошая, волю видишь. Радуюсь хоть немного. Смотрю, подъезжаем к Мосгорсуду. Говорю:

Кто в Мосгор, готовьтесь!

Напротив меня сидит парень, сначала показалось, что какой—то гопник, шапка на затылок сдвинута, сидит, курит, на меня смотрит. Я говорю:

— Тебе чего?

— Ты мне кого—то напоминаешь.

— Да? Кого это я тебе напоминаю?

— А ты не Тесак?

— Тесак, конечно.

— Блин! А—аа! 88! Я только сегодня тебя вспоминал.

— В каком смысле «вспоминал»?

— Блин, сказали же по телеку, что тебя убили. Я вот на сборке только сидел, думал, Боровикова убили, тебя убили, сколь еще правых убьют, пока мы Русь не очистим?!

— Да, это преувеличили немножко. Я живой. Но правых убьют еще много.

— Рад тебя видеть! Какие планы на будущее?

— Какие планы?! Сейчас только выйду, НСО продолжим раскручивать, все конкурирующие фирмы закроем, останемся одни и захватим власть.

— А мне сейчас дадут лет шесть—семь. Я по УДО выйду года через четыре и сразу к вам вступлю, мне все время НСО нравилось.

Такой разговор у нас пошел, что сейчас он с подельниками планирует в Смоленск или Рязань уехать, там нормальные зоны, правых много, нормально сидеть чтоб.

— А у тебя что за статья? — спрашиваю я.

— 111—ая, 213—ая и вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

111—ая — это тяжкие телесные, 213—ая — хулиганка, и вовлечение в преступную деятельность — это, если тебе восемнадцать, а два семнадцатилетних подельника и ты у них, автоматически, главный. Это дополнительная статья. Сидим с ним разговариваем, у меня настроение поднялось, я со скинами хрен знает сколько не пересекался, даже не разговаривал.

— У меня подельница там едет, она твоя фанатка.

— Да? Где?

— Вон, смотри.

А девчонки, если их немного, едут не в боксах. Они с ментами просто на сидениях сидят. Видать, не такие опасные, наручниками пристегнуты даже не всегда.

— Марин—Марин, смотри, здесь Тесак!

— Какой Тесак?! Его же убили!

Меня это так повеселило. Надо знак какой—то подать, что я настоящий и живой пока:

— Здравствуйте, моя маленькая любительница экстремизма!

А—а! Правда Тесак!— Пальцы давай совать в решетку.

Я ее хватить за палец — все попалась! Отдернула. Сидим, смеемся — такая симпатичная

девчонка. Жалко, тоже получит несколько лет тюрьмы. У них была только середина судебного процесса, а я ехал уже на последнее слово.

Последнее слово и приговор.

Приезжаю после этого воодушевленный, настроение хорошее. Запросил прокурор мне в итоге три года поселка. Я решил, что не буду судью злить своими выступлениями. Не хочу повторять судьбу Копцева. Забью на это последнее слово, ничего не буду говорить, спокойно получу пару лет поселка — если три запросили, два дадут, почти год отсидел — нормально, скоро дома.

А тут прихожу в зал суда, товарищи стоят, Дед тусуется, оделся цивильно. Журналисты какие—то, плюс еще общение со скином в автозаке... Какое на хрен тихо стоять, это чего?! Голос разума затих.

Ваше последнее слово.

Ваша Честь, я утверждал и утверждаю, что либералы приносят только вред моей стране, а страну свою я очень люблю! От слов своих я не отказываюсь! И чем больше Вы мне дадите, тем больше правды было в моих словах, за которые вы меня судите.

Сказал это, все на меня смотрят как на помешанного. Все, я понял, — говорит Его неЧисть.

Меня увели. В боксе ко мне опять пришла Саша:

— Макс, на хрен ты все это делаешь?! Адвокат сказал, что ты вообще идиот! На хрена тебе это надо?! Нормально же все шло.

— Да—нет, это не повлияет. Это же Басманный суд, сколько обещали дать, столько и дадут.

А сам думаю, может и правда погорячился... Ладно, сейчас не важно. Расстегиваю одной рукой лифчик, а другой обнимаю, чтоб крепче поцеловать. Всего сорок минут. Надо успеть и все свои чувства выразить, и страсть, и то, как сильно соскучился. Словами и делом... Боксик маленький, два на полтора, на стене шуба, выкрашен зеленой краской, вдоль стены узенькая лавка. На нее скидываем нашу одежду... И оказывается, что это одно из лучших мест на Земле...

Пускай и ненадолго... В итоге приехал на приговор и дали мне три года общего режима. Хрен его знает, если бы я не злил судью, дали бы мне что—то другое или нет, но, тем не менее, приговор был жестче, чем просила прокуратура.

Я, конечно, расстроился, — три года, а думал, что будет меньше, и поселок к тому же. Тем не менее, один хрен, год почти отсидел, а УДО по одной трети, сейчас на зону приехать, и на УДО уйду сразу. Буквально к лету дома буду.

Политическая переписка.

Стали приходиться письма от разных правозащитных организаций и просто от организаций. Когда меня только задержали в одной из первых своих маляв на волю я сказал, что, так как я «узник совести» от НСО, то любая организация, которая попытается как—то на мне пиариться, кроме НСО, будет состоять «целиком и полностью из пидоров и Демушкиных». Последнее время у нас слово «демушкин» было синонимом слова «врун». Поэтому никто особо не пытался со мной контакты налаживать. Как ты это сделаешь, если тебя сразу обосрут с головы до ног? Но НСО развалилось. Время прошло, и стали постепенно писать письма, сначала девчонка одна из ДПНИ писала. Оранжевая контора, которую мы всячески пытались разломать. Она писала мне письма, — сначала просто поддержка, потом я начал с ней общаться и началось «14/88! Будем рабов делить, когда ты выйдешь! Мы захватим власть! Скоро мы станем правителями Руси! Убьем всех чурок!» Читаю и думаю, как эти письма пропускают?! Не могу понять. С одной стороны, конечно, приятно, такое получить. С другой стороны это письмо может оказаться в материалах дела. Если я ответ напишу в таком же духе, то это может по мне и стрелнуть. Тем не менее, переписывался — почему нет.

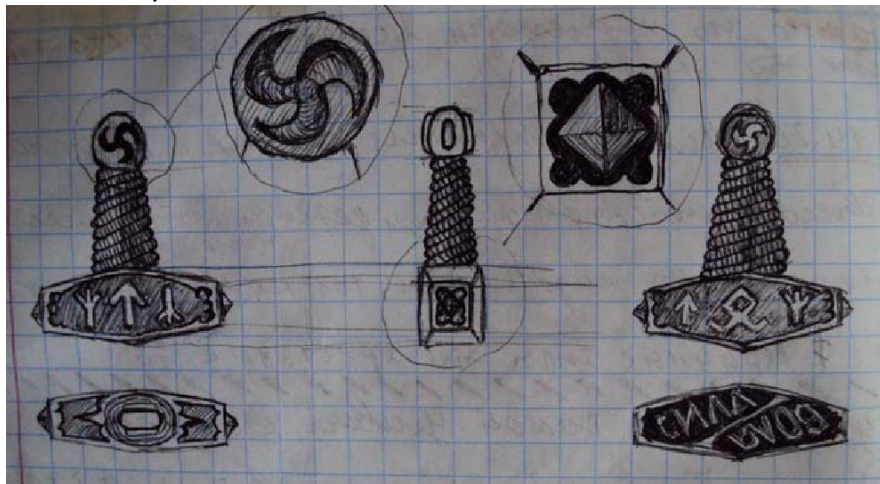
Потом стали писать письма правозащитники, пост—НБПэшная тусовка. «За волю!». Это собрание бывших политических заключенных, которые занимаются какой—то «антисистемной правозащитой». Вот так я могу охарактеризовать их вид деятельности. Потом мне написал Александр Червяков, что он правозащитник, предложил общаться. Я в газету «За волю!» и ему примерно одинаково ответил, что вообще я правозащитников на пипиське крутил. Не знаю, что вам надо. Суть расскажи поближе, потому что правозащитники в моем понимании — уроды конченные. Пришли ответы. Они газеты вложили. Оказалось, что бывают и русские правозащитники, а не только жидовские. Все нормально, можно общаться. Стали переписываться. «Если куда—то переедешь, адрес сообщай!» Я думаю, если так, то можно, убудет что ли. Тем более что переписываться, сидя в тюрьме — довольно веселое развлечение. Одно письмо написать, часа два—три на это уйдет. Время девать некуда, поэтому хорошее занятие, и ни одно письмо без ответа за весь срок я не оставил. Со временем, правда, у меня началось закрадываться подозрение, что эта девушка из ДПНИ может писать не сама, а под диктовку Пелоткина. Были намеки на то, что надо с ним помириться, что парень он нормальный, как выйдешь давай вместе действовать. Думаю, может быть это Пелоткин вообще пишет, а не она? Не знаю, кстати, до сих пор не выяснил.

Творческая реализация.

Решил слепить себе молот Тора. Не хватало мне атрибуций внешних. Взял черный отстойный хлеб, который в тюрьме дают, разжевал его мякиш, завернул в полотенце. Через полотенце ложкой его соскреб, чтобы получилась такая мелкодисперсная масса, из нее лепить ничего еще нельзя. Эту массу я разложил на крышки от пищевых контейнеров, подсушил, она получилась пластичная, как пластилин. Из нее теперь можно было лепить.

Форму я точно не знал, посмотреть негде было, да и забыл уже, но как—то слепил. С одной стороны, я всегда ближе к языческим взглядам склонялся, но с другой — никогда не верил особо. Что по небу бог на колеснице ездит, молотом поражает врагов своих... Сказки. Но в тюрьме много «христиан», которые за свое христианство рубятся постоянно, дискуссии ведут. Думаю, сделаю—ка я себе этот Молот, повешу на грудь. Буду ходить и их отпугивать, чтобы меня не пытались завербовать

в христианство. Плюс это дополнительный стимул для

религиозных бесед. Сделал

сперва общую форму, потом заточенной спичкой аккуратно свастиками и рунами его украсил рельефными, выпуклыми. Дня три сушил на батарее. Он маленький, работа получилась ювелирная. Сделал из нитки веревочку. На суд приезжаешь, молоток весит на груди — прикольно. В один из выездов, на блиц—свиданке, подарил его Саше на память.

Потом сделал еще один. Наладил изготовление ювелирно—хлебных секир, молотов, мечей — делать нечего. Если в этот клейстер из хлеба добавлять уголь — жженные спички, то получается черная смесь. Из нее еще симпатичнее смотрятся. Сделал, разложил сушиться, один раз прихожу после техосмотра — ничего нет.

Куда дели?— Спрашиваю у продольных.

Это не положено. Это может сгнить, будет антисанитария в камере.

Блядь, ну вы уроды! Нахрена забрали у меня мои поделки?! Сволочи! Украли!

Я регулярно пытался какие—то изделия кустарные производить. То думал записную книжку сделать из тетрадки и отделать ее рыбьей кожей. Постоянно приходила горбуша, копченая красная рыба. Я с нее снял шкурку, промыл, почистил. Думал, сейчас высохнет, я ее кремом натру, разомну как следует, получится нормальная вещь. Потом с помощью клейстера проклею, и будет у меня записная книжка из рыбьей кожи! Очень оригинальная и креативная вещь. Но и сухую кожу отшмонали — нельзя, запрещено сушить! Да, что ж такое?! Никакой свободы творчества! Постепенно начал рисовать. Сначала начал оформлять письма. К этому приходят практически все эскизы. Некоторые ставят себе каллиграфически красивый почерк, а некоторые, кому это не дается, как мне — у меня почерк как был совершенно уродливый, так и остался — приходится оформлять письма вензелями. Я все время рисовал красные буквы, с которых начинается письмо. Прорисовывал их, иногда по часу, по полтора на такую букву уходило. Она была все время особенная. Потом стал просто рисовать потихоньку картинки, не срисовывал, а из головы брал. Получалось ниже среднего, хотя в детстве и умел хорошо рисовать.

Снова отец Федор.

На следующий день после приговора меня перевели в 310 камеру — это пятиместка. В ней нет вообще ничего. Ни холодильника, ни телека. Часа три я там один сидел. Скучно было. К тому времени я, к суду, отпустил немного волосы и зачесывал их под Гитлера. Челку набок и пробор. Хожу туда—сюда, делать нечего, скучно. Побрился, причесался, чая попил, разложил жратву и вещи из баула по шкафчикам и полочкам. Кого, думаю, посадят ко мне? Интересно же. Иногда умные люди попадают, с которыми интересно посидеть. Иногда уроды конченные, которых надо всенепременно истребить. Бывает, что есть человек, но не раскрывается никак — даже и сказать нечего.

И вот, заходит в камеру Слава с которым я уже сидел, а с ним мужик Витя, крепкий, молчаливый. Вышел в коридор, помог им вещи занести, а у них нажито много было чего полпродола заставили! Еда там, вещи разные, холодильник, телевизор, этажерки для фруктов...

Раз Слава здесь, то спортом будет заниматься вся камера — он реально умеет зажигать энтузиазм. Только мы разложились, к нам привели ещё одного джентльмена из Питера, Юру Однорукого. По обвинению — юрист и вымогатель. На воле совсем еще недавно был. Гоняет, переживает. Лет сорок, худой, но с животиком. Типичная офисная фигура. Да еще и без руки — жалко мужика. Атмосферу тяжелую создал бы, если б не Славин позитив.

Он и говорит:

— Я слышал, что тут сидит Федор Прытко!

— Да, сидит.

— УУУУ! Он же такой известный рейдер!

— Да, борода окладистая, молится постоянно! Антикварный тип!

— Вот бы я с ним пообщался! Есть с ним о чем поговорить! Я о нем в Питере много чего слышал!

И тут дверь открывается. Заходит Федор в камеру! С горой вещей! Сумки овощей, баулы с книжками церковными, шмотками, несколько этажерок чуть не до потолка... Помогли ему занести все! У Юры глаза аж загорелись! Федор не только известный и авторитетный предприниматель, а сейчас он, по выходу из тюрьмы, Федор Прытко Великий! В его фанклуб я готов вступить первым же рейсом!

Дня два Юра общался в свое удовольствие с Федором. Но затем Юру двинули дальше кататься по тюрьме. Участь всех несотрудничающих...

Как то ночью Федор Вадимович готовил еду — почистил в миску три вида редьки: белую редьку, зеленую редьку и черную редьку. В хате установился странный запах. Вроде, как если человек умер и неделю под шконкой пролежал. Слава начал вопить:

— Федор давай выкидывай, это нельзя есть, ты умрешь!

А Федор отвечает:

— Нет, это очень полезно и есть надо всем.

— Федор, да ты с ума сошел!

Схватил миску, и нажал кнопку вызова. Пришел охранник, Слава говорит:

— Включите вентиляцию.

Включили. Слава миску поднес к вытяжке, и вся вонь пошла в коридор. Через пару минут прибежала охрана, начали стучать в дверь и орать:

— Что случилось? Кто у вас помер? Что за вонь?

Мы смеемся, Федор выбросил свою редьку из миски в унитаз.

— Федор, редька вся протухла её всю и надо выбросить.— Говорит Слава.

— Ну ладно выброшу.

При чем еды—то много, а вот хочется человеку редьку, любит он её. Вроде все выбросил.

Приходим утром с пробежки опять в камере пахнет редькой. Пока на воздухе находишься — успеваешь продышаться и чувствуешь запахи, к которым уже, казалось бы, привык до полного неразличения.

— Федор ты точно всю редьку выбросил?

— Да—да, все, конечно.

На следующий день в камере обыск. Всегда выбрасывают продукты не то что протухшие — срок годности истек, все, сразу выбрасывают. Возвращаемся в камеру — у входа стоит пакет с протухшей редькой.

— Тааак, вот это чья редиска гнилая?

— Да вы же сами знаете.— Смеемся мы. —А где была то?

— А в бауле с церковными книгами была спрятана.

Систематическое похудение.

В этой камере я начал вести дневник тренировок. И раньше знал, что его надо вести, но внутренней организованности не хватало, а тут заморочился. Взвесился — 96 кило. Решил похудеть до 90. Стал записывать все, что я съел. Например взял орехов — пишу «съел 100 грамм орехов». Взял яблоко — и его записал.

В итоге стал я есть мало, пить много зеленого чая. Начал бегать каждый день по 1 часу утром. Качать пресс — сначала по 30 минут, потом по 40. Вечером стал с бутылочками тренироваться. То есть набиваешь баул литровыми бутылками с водой — и вот тебе тяжесть. Можно еще гиперэкстензии делать поперек лавки, если за ноги кто—то подержит. Отжиматься можно.

В принципе, в камеру приходишь — сразу видишь, какие упражнения удобно в камере делать, как шконари стоят, как слоник выглядит (Слоник— кирпичная стенка, отделяющая камеру от туалета).

Тренировался я шесть дней в неделю по 2,5 часа, и 1 день был выходной — понедельник т.е. я бегал в этот день утром, и, поскольку понедельник у нас банный день, я шел в баню и уж не занимался вечером. Чтобы хоть один раз в неделю чистым и свежим поспать. Да и отдохнуть.

А в остальные дни позанимаешься, помоешься и можно уже выпить молочка с творогом, лечь книжку читать.

Моются в камере так. Мочишь вафельное полотенце, намыливаешь, натираешься им, как мочалкой. Потом отжимаешь полотенце, споласкиваешь его, мокрым протираешься. Потом опять споласкиваешь и отжимаешь насухо. Ещё раз вытираешься — и все, ты чистый и относительно сухой. Дезодорантом помазался, носки чистые одел, и готов к следующему, точно такому же, дню.

При этом спал я всегда в одежде — кроме лета. Ложился спать часов в 5 или 6 утра — читал книги допоздна, а спать под одеялом можно только до проверки. Смысл раздеваться и раскладывать кровать, если проверка в 8 утра? Просто встал на проверку и опять лег. Ну, как Незнайка, «зачем раздеваться, если завтра снова одеваться?» Ну и ещё потому, что холодно спать. Во многих хатах дует, многие сырые, многие не отапливаются почти. Одеяло не спасает, спать все равно лучше в одежде.

Я никогда не любил пить зеленый чай, но тут начал его фигачить кружками — прочитал, что он является мочегонным средством, а такое средство необходимо, когда худеешь. Пил по 2—3 литра в день.

В углу хаты у моего шконаря шли две трубы отопления. Между трубами и решеткой была натянута веревка, и на веревку я повесил свою футболку «Северный ветер». Там орел был нарисован, топоры какие то, ножи... В этой футболке меня задержали, поэтому я с ней и катался везде. Красиво получилось, как флаг. Провисела эта футболка недели две, потом пришла проверка.

— Давай, снимай это!

— Не положено!

— Футболка загораживает стену, а может ты уже дыру в стене прокрутил! Ну ладно — снял, пока они у меня её не украли.

Бывший министр.

Решил я от волос избавляться, взял бритву. Стою перед раковиной, брею башку... Открывается дверь и заходит такой подтянутый старик. Не слабый и сгорбленный, а вполне бодрый. Где—то я его видел.

Представляется.

— Здравствуйте, Евгений Олегович Евин.

Бывший министр. Мы про него как раз по новостям смотрели, как его арестовывали. И вот он у нас в камере. Фабрика звезд.

Статью 159 ч.3 ему вменили. Я так понял, все это

придумали, чтоб его не отдавать в грязные лапы США. Там ему пожизненное грозило, а здесь всего 5 лет дали. И, надо понимать, что если человеку пэжэ грозит, то он расскажет вообще все, что попросят. А Россиянии, видимо, совсем не улыбалось чтоб он там все про атомные программы выложил. Вот, когда его в Швейцарии задержали, чтоб экстрадировать в Россию — дело тут возбудили. Не хотели, видимо, Гондолизе на растерзание отдавать. Затянули в РФ, дали 5 лет и через 2 месяца по касатке освободили.

И вот эти два месяца мы с ним сидели в камере. Ему было 69 лет, но при этом он каждый день занимался спортом, ни грамма маразма в голове, совершенно здравомыслящий. Не бухал никогда в жизни, не курил и не чифирил. Мы всей камерой ходили в качалку. Сначала 1 раз в неделю, потом 2, потом и 3 раза стало получаться. Евгений Олегович сперва жал от груди только пустой гриф. Потом больше, больше. В последний месяц он стал жать уже 60 кг, то есть прогресс у него в три раза! Бегали в прогулочном дворике. Я весь час бегал. А он 20 минут разминался, бегал 40. Для его возраста это уникальная физическая форма! На таких людей посмотришь, и стареть не страшно. По политическим взглядам называл себя технократом и, естественно, был атеистом.

Неделю после приговора ждал, когда мне принесут касатку (кассационная жалоба на приговор. Прим. ред.), но что—то адвокат не идет и не идет... Надо писать самому, а то в законную силу вступит. Многовато три года ни за что. Сам я никаких касаток не писал и что писать не знаю. Надо с кем—то из камеры посоветоваться. Люди сидят взрослые, ученые, помогут.

Вызвался мне помочь Евгений Олегович.

— Сейчас, Максим, напишем в лучшем виде!

И написал мне касатку в духе той бумаги, что писал Берия из подвалов Лубянки. «Отпустите меня, я попутал немножко, погорячился, порядок общественный нарушил. По молодости и горячности всё!» Вроде и ни о чем, но грамотно и с сожалением. Хотя Берию—то не отпустили... Вот я читаю говорю:

— Нууу, что—то тут перебор, я не раскаиваюсь вообще—то.

— Да какая разница? Отправим, они увидят, что ты все осознал, по горячности и малолетству ругался матом и, глядишь, отпустят. Тебе уже срок дали.

Я думаю ну так то да, что ж не отпустить? Переписал начисто, отправил.

Через несколько дней вижу по телеку, что посадили меня за Билингу, но подозревают в организации съемки повешения наркоторговца! Что я все организовал и снимал сам и распространил на телевидении... Про эту съемку меня несколько раз спрашивали следаки. Но я постоянно отвечал, что ничего не снимал и кто там был — знать не знаю. Нифига себе журналисты базарят! Лишь бы что—нибудь сказать, а тут уже я во всем виноват, хоть бы доказали что—то сперва.

Думаю ладно, фигня все это неважно, посмеялся. Оказалось рано... В это время весна наступала, хата на солнечной стороне, солнце светит ярко, так по—весеннему, настроение хорошее хочется на улицу. Но на улицу нельзя — кругом решетки. Вода капает с крыш. А если в окно выглянуть, то видно, как во внутреннем дворике тюрьмы баландеры играют в футбол. На тележках катаются, из магазина украденных, не знаю уж, кто им туда их привез. Развлекаются... У меня тоска по дому, по лесу, по даче... По свободе!

Выходить на улицу бегать уже можно в майке и шортах.

Самое мерзкое в пробежках было — радио. Самое наимерзейшее радио из всех, какие можно было включить в прогулочном дворике! Тошнотворнейшее радио «Кекс—ФМ»! Это не передать, что я мечтал сделать с ди—джеями, диктором, директором и всеми исполнителями которых там крутили. Постоянно какие—то «Черному коту не везет», Пугачева, Киркоров, Варум, Орбакайте, старая молдаванка Ротару — самые отстойные и омерзительные певцы и плюс немного шансона! И час в день эту дрянь я вынужден был слушать. Где—то 16—17 песен, все посчитано и пересчитано. Не передать, как меня это бесило, но сделать ничего нельзя! Час пробегаешь и идешь в хату отжиматься, качать пресс. Отжимался 16 подходов широким хватом, узким, обратным...

Мне дико не хватало нормальной музыки, а на Кекс—ФМ это не музыка вообще, а доисторические эстрадные напевы. По РенТВ должны были показать вручение премии «Чартова дюжина». Я перед проверкой попросил администрацию на ночь телевизор не выключать.

Если у ДПНСИ попросишь может и до двух ночи разрешить, ну какая—то такая смешная система. Кому—то разрешают, кому—то нет. Если в хате есть человек, который неугоден администрации — могут выключать телевизор вместе со светом... ну это один из способов давления.

Я попросил:

— Оставьте посмотреть.

Он говорит:

— Ладно.

Все спят в хате, я включил телек и полночи стоял, смотрел любимую рок музыку. Хотя трудно, не ощутив, понять удовольствие, которое я получил от хорошей музыки, когда полтора года слушал вонючую доисторическую попсу.

Еще как—то включили телевизор там шел фильм «Мы из будущего». Долго рекламировали его, типа хороший фильм! Там какой—то скинхед с друзьями застрял в прошлом с нацистами. Интересно посмотреть, что там наснимают! С первых кадров заметил, что образ скинхеда срисован с моего ролика «Стенка на стенку», в камуфляжных штанах, белой майке, ботинках...

Прикольно, что какое—то влияние мои ролики оказывают даже на режиссеров. Фильм посмотрел, думаю, ну вот какой бред сняли! Почему из—за того, что этот скин попал в прошлое и воевал с немцами — он решит, что не надо быть скином и чурок надо любить?

Или деды воевали, что бы тут чурбанов было побольше? Никто же не думает, что скины выступают именно за Германию или что они немцев любят больше чем русских? Нет же. Не в этом дело. То ли у режиссера какой—то поверхностный взгляд на Движение, то ли людей совсем баранами считает. Он, вроде, снял фильм. Какой—то вывод же надо сделать, чтобы людей от национальной Идеи отвлечь! Вот и пришлось придумывать, что бритый камнем свастику сдирает с груди. Такая чушь, ну такая попса! Если хоть один скинхед, посмотрев этот фильм, отошел от Движения, то пусть у меня до старости кровь из ушей течь будет и глаза лопнут!

Вообще очень смешно. Снимают фильмы «Ромпер—стомпер», «Американская история Х», «Инфильтратор», «Фанатик»... Сколько народа смотрело «Ромпер—стомпер» — все же помнят, как начинался фильм? «Сион филмс представляет!» «Сион филмс!» Но хоть один человек, посмотревший фильм, перестал быть скином? Хотя он снимался против скинхедов, тем не менее, очень многие пришли в Движение, посмотрев именно этот фильм. Мне интересно, когда—нибудь хватит у режиссеров мозгов понять, что когда они тему раскручивают, обсуждают, мусолят её, эта тема становится живее и актуальнее. Мне трудно представить, что эти прошаренные люди не понимают до конца, что они на самом деле делают? Может, конечно, этот «Сион филмс» хотел просто срубить денег, сорвать кассу? Ну, тогда этот замысел у них получился по полной программе, это им удалось.

Славу в Питер увезли на суд. Здесь держали, чтоб не мог питерских мусоров подкупить — там это все схвачено было. Как раз мы на прогулке были, когда его заказали. Обнялись с ним, попрощались, и он уехал.

Витьку увезли в Медведково. И мы остались мы втроем — я, Федор и Евгений Олегович. А Евгений Олегович с Федором недолюбливали друг друга. У них разногласия были с «молодости» — они вместе в НИИ работали. Что—то не поделили. Друг друга по—тихому обвиняли в казнокрадстве и мошенничестве. И вот, наблюдал я их противостояние. Евин академик, Прытко доктор физико—математических наук, оба ученые, оба физики... И вот, Евин задает мне вопрос. Если представить, что такие вопросы задаются в тюрьме, то вообще непонятно тюрьма это или институт.

— Вот, Максим, скажи, если тело движется с постоянной скоростью 10 км в час перпендикулярно поверхности Земли, то выйдет ли оно в открытый космос?

Я забыл уже давным—давно всю физику, что мне в физмат классе, колледже и институте давали., но какой то подвох чувствую. Тут вмешивается в разговор Федор Прытко и говорит:

— Конечно выйдет!.

Евин как вскочит, как закричит:

— Федор Вадимович, я заявляю, что вы шарлатан!

— Почему это!?

— Потому, что если, тело не достигнет первой космической скорости, то оно не сможет выйти на орбиту! У вас степень доктора наук, а вы не знаете ничего, что должен знать студент— первокурсник!

Тааак, сейчас что—то будет! Но как—то все тихо сошло на нет. А потом приключился другой случай.

Битва ученых.

Дело в том, что Федор молился где—то с 11 вечера и до 5—6 утра! Вставал, зажигал лампадку (у него была самодельная лампадка, сделанная из банки от пайковой каши, в ней из фольги держатель для фитиля, масло подсолнечное налито) и молился. По 7—8 часов в сутки, не меньше! Перед самодельным иконостасом — у него была разрезанная папка, получился лист пластика формата А3,

на него наклеена куча маленьких иконок. В каждой хате выбирал себе угол и занимал его под молельню.

Стоит Федор на приеме у боженки, я сижу письмо пишу, а Евгений Олегович пытается спать. И я вижу, что он нервничает — ему молитва спать не дает. Сам по себе атеист, и атеист такой воинствующий. Любую религию считает непростительной глупостью и ересью. Лицо у него злостью наливается, он приподнимается и говорит:

— Федор Вадимович, я прошу вас молиться про себя.

Федор стал молиться на полтона пониже. Лицо у Евина него ещё больше наливается злобой. Он опять говорит:

— Федор Вадимович, я Вас ещё раз прошу! Молитесь, пожалуйста, про себя. Федор ещё тише молится, уже шепотом, уже почти неслышно, но все равно вслух.

— Федор Вадимович! Я прошу Вас соблюдать тишину в камере! Не нарушайте права заключенных!

— Евгений Олегович, я указываю Вам на пункт правил, разрешающий заключенным отправлять религиозные ритуалы!

— Федор Вадимович, ритуалы можно соблюдать, если они не мешают другим заключенным! Стоят напротив друг друга. Я сижу как раз между ними. Вскочить приготовился, думаю, как бы половчее вклиниться и разнять стариков если они подерутся тут.

Евин встает, подходит к двери, стучит и говорит громовым министерским голосом:

— Я прошу вас вывести этого негодяя из камеры!

А на шум уже продольные сбежались, стоят, слушают и в глазок подглядывают.

— Все—все, утром заберем.

Евин довольный ложится и тут Федор Вадимович выступает:

—Евгений Олегович, Вы доносчик!

—Федор Вадимович, если вы назовете меня еще раз доносчиком, я Вас по лицу ударю!

— Евгений Олегович! Я утверждаю, что вы доносчик! Потому, что вы донесли до меня охране!

— Федор Вадимович, вы подлец и мерзавец! Вы мешаете спать заключенным!

Битва ученых интеллигентов! Я такого никогда не видел! Столь культурной дискуссии на тему «я вас по лицу ударю». Но как—то они успокоились, а на утро Василия Вадимовича забрали вместе с пожитками.

Подсаженные на спорт.

После того как Федора Вадимовича забрали от нас, в камеру привели Вадима и Саню Питерского.

Вадим занимался грузовыми перевозками, у него была своя фирма. В результате заехал за контрабанду.

Саня — юрист из Питера, подельник Юры Однорукого.

Вадим и Саня сидели с Лешей Солдатом, и он им составил график тренировок. У него была какая то очень сложная система. Много подходов с небольшими весами и очень сложные движения, какие —то выпады, махи ногами, кручение бутылочек. Изначально тренировка занимает 40 мин в день, но нагрузка наращивается не за счет весов, а за счет увеличения количества подходов. И вот они

через какое—то время стали заниматься 1 час вместо сорока минут, потом ещё больше и скоро они будут заниматься уже по 2 часа в день. Хотя тренировка сложная. Видно, как им тяжело, как они потеют.

Они говорят

— Макс, давай с нами!

— Не—не, я по своей системе.

Надо понимать, что Леша Солдат умеет людей на спорт подсадить. Это факт.

Мы с Вадимом повадились по ночам говорить на религиозные темы, эзотерические и политические... на всякие. Сам он человек очень умный с широким кругозором. Мы с ним и Мексику обсуждали, и Аллаха, и беспорядки в Европе, и Иисуса.

Вот, в частности, обсуждали что лучше — Организация или Движение. С одной стороны, если есть Движение, но нет организации, то нет сплоченности, нет слаженности действий. Движение никогда не захватывало власть, ни в одной стране. Может быть Движение скинхедов, но оно никогда не захватит власть. То, чем я занимался последнее время на воле — агитировал за создание единственной НС—Организации. Это была пропаганда НСО, что бы было единоначалие, была слаженность... Но при этом я сам же убедился что её очень легко обезглавить. Если есть голова то её можно отрезать. Посади лидера, дискредитируй его, запугай, перекупи и все — организация развалена. И в этом плане Движение, конечно, лучше — нельзя подкупить всех скинхедов, запугать или посадить. Этого просто сделать невозможно. Но, как Движение, они никакой реальной опасности для власти не представляют. Ну, убьют какого—нибудь Ашота или Джумшута! Да всем насрать и на Ашота, и на Джумшута, и на всех их родственников до десятого колена. Но СМИ покажут их усатых мамок и расскажут что и Ашот и Джумшут были самыми замечательными людьми на свете, без них вращение Земли, несомненно, остановится! Как они работали и приносили пользу! А вот их пьяные птушники зарезали! Как их родственники голодают, а русские птушные свиньи из неблагополучных семей напились водки и теперь сидят в тюрьме пьяные... СМИ выставят все в нужном свете.

И отсюда идет вопрос. Многие говорят, что нас используют. Но я вот думаю, что не «нас используют», а технично реагируют на наши действия. Как в айкидо — если вы оба подготовлены, то ты не успеешь перехватить бьющую руку и использовать силу. Тогда приходится просто реагировать. Здесь тоже все зависит от того, как ты управляешь своими людьми, как умеешь реагировать на внешние ситуации. До какой степени стратегически верно мыслит лидер. Окончательный ответ найти невозможно, но я всегда придерживался того мнения, что нужна единая организация, лидер которой не имел бы никаких материальных благ — только идеальные. Чтобы у него не было ни квартиры, ни машины, ни семьи, ни вообще ничего, что бы на него было как можно сложнее надавить.

Началась дискредитация.

Вызвали меня в следственный кабинет и говорят:

— Сейчас ты осужден, касатка тебе ничего не сбросит, мы тебе предлагаем иди к нам в отряд хозобслуги.

— И что там делать?

— Ну как что? Ремонты всякие делать, будешь за порядком смотреть, чтобы все было исправно. Ты все равно к блатному миру отношения не имеешь, так что посидишь и к концу лета пойдешь на свободу.

Мне воровские понятия вообще до пиписьки, но ведь найдутся же уебки которые начнут вопить, «Тесак на баланде сидел, испугался уехать на зону!» И я не ошибся!

Через неделю принесли в хату газетку «МК», там частично был написан текст моей касатки. И ещё, что я сижу не по понятиям, опускаю черных в хатах и что соратники от меня отвернулись. Об этом отписал из другой тюрьмы Никола Королев и приговорил меня к тряпке. Думаю, ну нифига себе, шустрый парень. Обсудили в камере эту статью, посмеялись.

Ну, написали и написали! Какая—то еврейская газетенка. Если за день евреи не написали про тебя лжи и клеветы, то считай, что день прожит зря! Но с другой стороны, зная наше Движение, понимаю что «кто—то пернет — напишут, что обосрался»!

Пишу письма соратникам, чтобы объяснили, откуда это идет, что это за фигня? Жду ответов.

Тут приносят новую газетенку «МК» и там опровержение. Что соратники Тесака связались с редакцией и слухи опровергли, что у Тесака и у Николы были разногласия на религиозной почве и до тюрьмы. Один язычник—гитлерист, другой христианин... Обсасывают тему и потирают еврейские ручки. Николу тоже, в принципе, можно понять. Он меня не любит и решил немного насрать. Стал

забывать уже об этом.

Тут меня дергают опера показывают первую газетенку.

— Давай иди на баланду уже! Соратники от тебя отказались всё равно. Ты же не уголовный, а политический.

— Нет, с чего бы это им отказываться?

И тут опер меня спрашивает

—А что ж они тебе не пишут, не отвечают?

ААА! Раз ответов нет, значит он их и не пропускает! Что они, псы, задумали, интересно?

Возвращаюсь и пишу заявление, прошу меня перевести на общую тюрьму. Там и условия похуже, и чурбанья побольше, но там есть связь! Да и надо решать на какую я зону поеду, а сидя в 99/1 этого не сделать. Тем более, от того, какая зона, много чего зависит. Есть зоны разные — красные есть, черные, есть голодные зоны, есть беспредельные зоны, разные...

Опять меня вызывают. Говорят «Ты что дурак? Сиди себе спокойно, никто никуда тебя не переведет!»

Приходит мне ответ на касатку, что все без изменений, ничего в приговоре не поменялось. И я начинаю отсчитывать дни до отправки на зону.

Вы даже не представляете, как мне хотелось по траве походить, по земле, а не по асфальту! На деревья посмотреть! Что—нибудь повырезать, руками что—то поделывать! Всю жизнь я что—то изготовлял: кастеты делал, из глины лепил, ложки вырезал... Порисовать хотя бы красками, а здесь только синей ручкой можно рисовать!

Министр сорвался!

И тут на касатку уезжает Евгений Олегович. Сварили с утра суп и он говорит:

— Вы мне супчика—то оставьте на вечер.

— Да вы же домой пойдете из зала суда.

— Не, оставят, наверное. Так, хоть супчика овощного вечером похлебаю.

А вечером по всем каналам: «Евгений Олегович Евин освобожден из зала суда! Срок ему заменен на условный!»

Порадовались мы за Евгения Олеговича, съели суп. Сейчас придут за его вещами. И поэтому надо быстро его вещи поделить, матрасик поменять, баул забрать. Всё, кроме действительно личных, обычно раздают в таких случаях сокамерникам.

А надо понимать, что вещи, на воле не стоящие ничего вообще, в хате представляют большую ценность. Например, баул. Если кто—то освобождается из тюрьмы, то ему отдают самый худший баул в хате. Дело в том, что независимо от того, олигарх ты или почти бомж, как я — у тебя будет обычный клетчатый баул, под названием «челнок». В правилах написано, какой баул ты можешь иметь, и это будет клетчатый пропиленовый баул. Ты не можешь сумку от Кардена, рюкзак, ты можешь иметь только баул, причем большой баул тоже нельзя. Это уже мусорской наворот. Надо идти договариваться, что бы родственникам разрешили тебе передать большой баул.

Кому—то ещё и не разрешат, напишут «только маленький», и все — будет у тебя только маленький. Ограничения вообще во всем! Я потом с баулом Евгения Олеговича ездил ещё полтора года, он у меня испортился только на зоне его крысы изгрызли.

Кто—то матрас поменял, ещё что—то взял. Личные вещи — книги, материалы, письма, очки, белье отдали продольным. И остались мы в хате втроем — я, Вадим, Саня Питерский.

Толя—либерал.

Утром меня заказывают полностью с вещами. Я подумал, что на зону. Собрался, все вещи в один баул упаковал, лишнее оставил. Еды особо брать не стал, так как решил, что поехал на зону наконец—то. Смысл жратву тащить? Набрал сушняка да чая с конфетами. Это уже был самый конец апреля — начало мая. Смогу увидеть природу, смогу сходить на свидание, отдохнуть от бетонных стен, решеток и неба в клеточку! Про зону я слышал, что там много вольностей, и, главное, там есть коррупция. В этом изоляторе коррупции нет никакой и, соответственно, нет возможности что—то купить за деньги или

как—то договориться. Собрался, выхожу, меня прошмонали, все как обычно.

— Ну, что я поехал?

— Ну—да, все, поехал. Заходи в камеру!

Захожу в пустую камеру. В смысле, там нет людей, но видно, что люди там живут, просто

сейчас на прогулке, как раз время было. Смотрю, там лук в горшочках стоит — горшочки от каш, которые выдают сухим пайком тем, кто ездит на сутки. В них положены кусочки поролона, и сидят луковицы. Пророщенные, зеленые, — по—домашнему так выглядят. Камера светлая. Смотрю в окно, там видно психушку, и, прямо под окном камеры распустились цветы на яблоне. Яблоня вся белая, красиво, — весна, настроение сразу улучшилось. Думаю, не на долго меня сюда, почему—то решил, что непременно на неделю. Понимаю — на зону я сейчас не уеду. Но неделя прошла, как приговор в законную силу вступил. Сейчас, пока не решат на какую меня зону распределить — убрали от подследственных. Здесь, наверное, осужденные. Приходят люди, которые в этой камере сидят — никакие они не осужденные, и отправки на зону не ожидают. Что—то у меня не по плану идет!

Мои новые сокамерники — Юра Однорукий, юрист из Питера, и Толя Пончиков. Толя бывший адвокат Березы. Ему лет 35, среднего роста, темные волосы. Похож на Молчаливого Боба. С длинным хвостом до лопаток, с бородкой эспаньолкой, очень интеллигентного вида, с большим пузом, — крайне интересный, похоже, персонаж. Мы с ним сразу разговорились. Сказал, что читал про меня в газете, с Пашей Скачевским сидел.

— На «МК» не обращай внимания. Еврейская пресса — пишут, что просят. Тем более против фашизма. Святое дело!

Нормально, человек адекватный, все понимает! Оказалось, что он либерал до мозга костей, то есть один из тех, кто был у самих истоков либерализации России. То есть не просто какой—то либерализации вообще, а моральной либерализации 90—х. Он, в частности рассказывал, как они открывали шоу «За стеклом», — это его проект был. И делался именно для того, чтобы снять у людей комплексы, стереотипы, что секса в СССР нет. Демократически—капиталистический разврат посеять в умы бывших совков.

— Посадили людей за стекло. Вначале все стеснялись: «Я не буду сексом здесь заниматься! Я сиськи не покажу! Переодеваться вообще не буду!». — Смеялся Толя. — Но через неделю про камеру все забывали. Она входит как—то в подсознание, — есть и есть. Как идея смерти — все люди знают, что умрут, но не думают о ней постоянно и забывают, как будто ее и нет, она уходит в глубину сознания. Также шоу «За стеклом», начали все ебаться, целоваться, сиськи показывать, — все понеслась пизда по кочкам, — разврат пошел на экран. Мы этого и добивались!

Нормально придумали. Ничего не скажешь. Было много у меня с ним дискуссий. Надо сказать, они были очень плодотворными, и, самое главное, разумные. Образ мысли у нас с ним очень похож, то есть оба мы циничные люди с чувством юмора. Но немножко разные выводы делаем из одних и тех же вводных.

— Макс, ты же все понимаешь, люди это просто управляемое быдло, они бухают, ебутся и мечтают посытнее пожрать, да побыстрее лечь спать. Зачем ты за них борешься? Ты же сел, говоришь, в тюрьму за то, что переживал за свой народ, так?

— Так.

— А ведь народу—то на тебя насрать, народу насрать, что его убивают, народу насрать, что его спаивают, у него интересов—то никаких нет. Как ты будешь защищать интересы тех, у кого их нет.

— Ну, так я люблю свой народ.

— Ну, я тоже, может быть, люблю народ, но не до такой степени, чтобы на это время тратить. Давай лучше деньги зарабатывай. Ты сейчас так раскрутился. Ты можешь заняться какой—то политической деятельностью, нормально денег срубить. Давай переходи на сторону добра, дядя Боря отслонявит.

— Да—нет, не интересно.

— Ну, как не интересно?! Вон Квачок с Ходором сидел, — камеру делил, где что Ходора, где его, это трогай, это не трогай. Сперва воевали, а потом нормально начали разговаривать, нашли общий язык. Решили пойти на выборы по одному округу. И на этом антагонизме, что один еврей и олигарх, а другой — жидоед и военный, русский националист, — кто—то выйдет. Оба тогда были под следствием, но у одного был реальный шанс выйти из тюрьмы, получить депутатскую неприкосновенность и избавиться от уголовного преследования. Но что—то там не получилось...

Рассказал, кто деньги давал на эту избирательную компанию. Я почему—то всегда думал, что это Береза деньги давал, но — нет, оказалось Невзлин. Невзлин заочно осужден к пожизненному лишению свободы, тоже олигарх, скрывается в Израиле. Вообще Толя очень интересный парень, досиживает уже свой срок. Он просидел несколько лет в Мордовской колонии, пока его не вывезли опять в Матроску. В Матроске он давал показания, как потерпевший, по делу против тех, кто писал на него заявление пять лет назад. То есть он святую месть творил. После этой мордовской колонии он

приехал худющий, меньше семидесяти килограмм, очень голодный и стал набирать вес. Потому что там, даже если тебя греют, передачу ты один съесть не сможешь. Передача пришла полная, тебе положено двадцать килограмм раз в два месяца, ты все равно будешь всех угощать, потому что ты не сможешь сидеть один хорошо, когда всем вокруг тебя плохо. И Толя сильно голодал, а здесь еды сколько угодно. Он постоянно пил кока—колу, кушал бутерброды с сыром, колбасой и майонезом. Даже перед сном он клал на живот себе мисочку, в которой лежали мандарины и плитки шоколада. И прямо во сне ел шоколад, не просыпаясь, — я никогда такого не видел. «Ничего себе! Что же такое в Мордовии происходит, что люди шоколад во сне даже начинают жрать».

Мы с ним постоянно спорили. Например. Был чемпионат мира по хоккею, Россия вышла в финал и Канада. Я—то, конечно, болел за Россию, как нацист. А он, естественно, против России, как либерал. Хотя я болел за Россию не как за государство, а как за хоккейную школу, за русских людей. Да и сам люблю в хоккей играть. Мы с ним поспорили на пятьдесят отжиманий, что Россия выиграет. Он отказывался в это верить.

Толя, давай поменьше замажем. Ты же не ожмешься полтинник. За несколько подходов и пятьдесят ожмусь.

Поспорили. Процесс этого «боления» в финале у меня вызвал больше эмоций и переживаний, чем мой первый приговор. Без шуток. Я сидел, орал: «А! Давайте! Гол! Раз! Два!» Особенно напряженный был момент в конце матча — забили на последних минутах решающие шайбы. Замечательная была игра.

На следующий день пошли во двор, и толстый либерал вынужден был отжиматься. Вообще он был идейный противник спорта:

Я же либерал! Я делаю, что мне нравится, а мне не нравится заниматься спортом!

Ты смотри, какое пузо отрастил. Взорвется же скоро, ты чего? У тебя же жена красивая, — а жена действительно очень красивая, — как увидит такое пузо, так уйдет от тебя.

Не, фигня, от меня не уйдет! Все нормально будет!

Тем не менее, смотрел—смотрел как я бегаю, тренируюсь...

— Тоже мне надо, наверное, начинать спортом заниматься. — И даже несколько кругов со мной пробежал, то есть поддался на провокацию НС—движения.

— Смотри, Толик, ты теперь уже национал—социалистом скоро станешь.

Он сразу остановился и со смехом демонстративно сел курить.

Мы с ним так же спорили, когда выносили приговор по взрыву на «Черкизовском» рынке.

— По любому будет три или больше пожизненных сроков, — говорил он.

— Нет, максимум два, — отвечал я.

— Не может быть!

Несмотря на то, что в газете они про меня писали, — жалко парней, не может за один взрыв столько народа ПЖ получить. Тоже поспорили на пятьдесят отжиманий. Включаем телевизор, — четыре пожизненных срока. Я думал два или три, понятно, что много убийств, но тем не менее. Офигеть! В «ореховской» банде пыжиков и то меньше получили! Пришлось мне отжиматься.

День рождения в тюрьме.

Прошла неделя, вторая. Я готовлюсь все на этап. Подходит у меня день рождения. Пришел папка на свиданку. Это было седьмое мая, день рождения восьмого.

— Еле к тебе проехал, — сказал он.

— Почему?

— Сегодня инаугурация президента, все перекрыто, все праздничное, асфальт помыли, бомжей спрятали, менты все трезвые — еле проехал.

— Меня на зону сейчас уже повезут, скажи ребятам, чтобы деньги собирали, потому что там нужно будет сразу с администрацией договориться, чтобы нормально сиделось, — я—то всю кухню более—менее, хоть и понаслышке, узнал уже.

— Да, они мне сказали, что не получается договориться, чтобы тебя на нормальную зону отправили, — из ФСИНа по тебе напрямую придет разнарядка, никак не повлиять, куда приедешь.

— Да ладно, как приеду, значит — нужно будет решать все на месте.

— Все понял. Передам.

Обсудили семейные дела, дачу—бабушку—работу. Все нормально, всем привет. Батя ушел, я довольный!

На следующий день — праздник у меня. С Толиком и Юрой скушали самодельного торта. Я

сделал фруктовый салат из бананов, орехов, киви, яблок и груш. Бутербродов я пожарил в чайнике. Нормально отметили.

Облом с этапом!

Судорожно дочитываю книжки. Я начал читать «Первое правило волшебника», которое состояла из двух книг. Дочитал, сдаю в библиотеку. С библиотечаршей был в нормальных отношениях, читал много, у меня был открыт читальный билет на десять книг. Изначально давали четыре, а мне стали давать уже по десять. Не порчу, домой не уношу, постоянный клиент. Она мне приносит «Второе правило волшебников» из двух книг, «Третье...» их двух, «Четвертое...», «Пятое...», «Шестое...», — все из двух книг. Я начал судорожно их читать, потому что если я на зону уеду, там не дочитаю точно. А смысл читать только половину серии?! Надо дочитывать все! По ночам читаю, днем читаю, — со дня на день же уеду.

Меня опять дергают на следственные действия, на вызов. Прихожу. Заходят несколько ментов из центра «Т», по борьбе с терроризмом. И начинают мне объяснять, что соратники меня сдали, что они знают, кто снимал и кто снимался в ролике про «Ку—клукс—клан», знают, кто был Великий Дракон, знают, кто отрубал ногу.

— Почему вы решили, что я—то это знаю?

— Потому что тебя сдали твои товарищи.

Не может такого быть! Сидит четыре человека со мной в кабинете, все что—то говорят. У меня от такой новости голова кругом пошла. Понятно, они назвали все имена. Ясно, что информация у них есть, но и подтвердить ее смысла нет.

— Это кто вам это сказал? — спрашиваю я.

— На смотри.

Я вижу протоколы допросов моих товарищей. Одного, второго, третьего форматовца: «Тесак организовал с Малютой. Был тот—то, тот—то, вот этот «Дракон московского региона», вот этот ногу отрубал, вот этот с автоматом стоял». Ни фига себе! И мысль: «Что же с ними сделали такое, что они на меня эти показания дали?!» Значит, что—то заставило их эти показания дать. Наверное, то, что я уже по этой статье осужден, а они нет. Максимум, что мне могут добавить это год—полтора колонии. Три у меня уже есть, — статья до пяти, — полгода—год добавят и на этом все закончиться. Логично посчитали.

— Максим, ты мне не нужен, ты уже сидишь. Я хочу посадить Малюту и Гнома. Они сядут, они тебя уже предателем считают, они тебя сдали. Ты просто объясни, как это все происходило, ничего более я от тебя не требую. Давай подтверждай написанное и езжай спокойно на зону. Оттуда потом свидетелем на месяцок тебя дернем и всё. Скоро дома будешь. Товарищем они тебя не считают. Читал, наверное, «Московский комсомолец», они тебя сдали уже.

Та—а—ак, тут точно пахнет, какой—то подставой. Кроме того, что я читал этот бред в «МК», так на него больно часто менты ссылаются, что бы это было чем—то реальным. С одной стороны, я и показания видел, но где—то у меня теплилась надежда, что они не настоящие. Тем более, что я не мог их почерки сверить.

Предложение заманчивое — пару друзей посадить, если есть возможность их выручить — но вынужден от него отказаться.

— В общем, не совсем все так. Я организовывал, остальные форматовцы не причем и я не знаю, что там за люди были. По Интернету просто дал объявление, народ и собрался.

— К тебе придет следователь, ей все расскажешь.

Гонки по новому делу.

Пришел со следственного кабинета, открыл свой дневник тренировок. Настроения нет никакого. Пишу, что пришли, допросили. Походу, новое дело, добавят год—полтора. Сразу, правда, стало понятно, почему на зону никак не уеду. Ничего страшного. Как только срок получу, сразу на УДО и домой. Закрыв дневник и несколько месяцев я его не трогал и тренироваться было не охота и, тем более, записывать. Спалось отвратно. Неужели друзей закроют? Ладно я сижу, а как они тут будут? Получится ли выручить? Чем это для меня обернется? Но настроение от этого не улучшается. Эта мысль просто покоя не давала. Думаю, а правильно ли сделал, что рассказал все, или надо было упираться, что ничего не было, знать ничего не знаю. Сильно переживал насчет этого, гонял. Как—то сразу все мое радужное весеннее настроение с меня слетело. Ничего не охота. Из моего веселого циничного настроения, где мы в унисон с Толиком общались, я попал в тональность к Однорукому.

Сразу стал задумчивый, грустный и размышляющий о чем—то своем.

Приходит ко мне на следующий день следачка. Я даю свои показания, она на меня смотрит и говорит:

— Ты чего — дурак?!

— Что такое?

— Я в жизни не видела, чтобы человек так в тюрьму хотел.

— Так я уже в тюрьме. Что мне?

— Так я тебе десять лет дам за это дело.

— Как десять лет, если статья до пяти?!— усмехаюсь я.

— Ну, вот увидишь.

Причем следачка, вроде девушка — может быть, как я по возрасту, года 24. Может быть, чуть постарше. Но глядя на нее не возникает вообще никаких плотских желаний. Мерзкое еврейское лицо, короткие толстые ноги, которые засунуты в туфли—лодочки, которые малы ей на несколько размеров, кривые зубы, сальные волосы... Тьфу, прям! На самом деле, если посидеть годик за решеткой, красавицей покажется любая, которая подойдет на расстоянии вытянутой руки. А здесь вообще никакого желаний, даже намек на это. Специально подобрали такую! Записала она мои показания.

— Вы мне адвоката моего приведите. Пообщаться с ним надо.

— А какого адвоката?

— Васильева.

— А у тебя с ним договор подписан?

— Да, подписан. Он меня защищал по делу «Билингвы».

— А по этому делу тебя никто не защищает. Не буду никого приводить.

И ушла. Ладно, надо как—то самому решать. Но как? Меня ж никуда не возят, за тюрьму вообще никто из хаты не выезжает... Малявы не передать.

Проходит через несколько дней очная ставка. Следачка привела Федора Паленова — продюсера из программы «Неделя с Максимовской».

Не, я не буду очную ставку подписывать без адвоката. Васильева давайте мне.

Опять ушла, злая как собака. Думаю, сейчас придут менты, будут на меня давить, чтобы я без адвоката или с каким—нибудь мусорским кивалой все подписал...

И буквально через несколько дней меня из этой камеры перевели в другую.

Черная хата.

В камеру 304. Это пятиместная хата, небольшая, влажная очень, с хреновым ремонтом, плитка отваливается, шконки старые, — камера довольно убогая, — и самое мерзкое, что сырая очень сильно. И атмосфера в камере была какая—то гнетущая. Может быть, мне так показалось, потому что было начато новое дело, переживал за товарищей. Мне не было ни весело, ни приятно. В камере сидело четыре человека.

Один из них, Владимир, был арестован по делу о неуплате налогов сетью косметических магазинов «Тверская Понты». Выше среднего роста. Очень упитанный, лет сорока, старался выглядеть жизнерадостно, но видно было, что гонял.

К Володе приходили каждую неделю по несколько раз адвокаты и господа из спецслужбы из трех букв и предлагали отдать им его бизнес и выйти на волю. А приходили они к нему, потому все магазины у него были в собственности. Не могли они просто забрать бизнес. Магазины в собственности, значит их нельзя отнять, забрать как—то. Например, если площади простаивают, то арендатор просто расторгает договор, и бизнес на этом заканчивается, а здесь магазины никуда не денутся. Будут хозяина ждать. И клиент знает, что там — магазин, место застолбленное. Это очень большой плюс для владельца бизнеса. А вообще я не очень удивлен, что наше государство работает рейдерскими методами. Не знаю, чем закончилась эта история, отдал — не отдал...

Другой — Олег, молдавский разбойник, грабивший коттеджи на Рублевке. Совсем маленького роста, юркий, как форточник — им—то он поначалу и являлся. Тоже лет сорока.

Паша разбойник, пухлый, как олимпийский мишка, ушлый и неприятный тип.

И Сурен, вор в законе. Тоже маленького роста, лет пятидесяти, но совсем без здоровья, постоянно на сердце жаловался.

Зашел, поздоровался. Там и так про меня все было известно — кто, чего. С Пашей уже пересекался.

Чувствую, что у меня настроение такое же, как когда только—только арестовали, даже хуже.

Потому что тогда , во—первых, меня арестовали одного, а во—вторых, что самое главное, я знал, что за мной никто не поедет. Когда переживаешь за соратников — это на много хуже... Залез на шконарь, лег, уснул.

На следующий день вся камера смотрела Евровидение . Не знаю как так получилось, может какие подсознательные движения , но я просто раздирался от двух внутренних установок: с одной стороны я терпеть не могу Диму Билана и всю его музыку, всю его рожу и вообще все что с ним связано, с другой стороны за Россию выступает. И я понимаю, что я одновременно болею и против Димы Билана и за Россию, но это не совместимая какая—то вещь. Думаю: «Блин! Ну, на хрен! Просто буду смотреть, раз включили. Что делать?!».

Единственное, что меня в то время повеселило, это новости, что кто—то постоянно жжет машины в Москве. Поджигают автомобили по десять штук за ночь. Действует некий «Бутовский пироман». Цели его не ясны, зачем это делает не понятно, но у него уже появляются подражатели в других городах. Караул! Поймать его не могут, он неуловимый. Отряды самообороны организуются. Автолюбители защищают свои машины. Не могло здесь обойтись без кого—нибудь из тех, кого я знаю! Душу греет, конечно, но поймают же дурака! Приедет сюда в гости, потому что дело будет громкое , закроют сто пудов на спецблок. Через несколько лет узнал, этим занимался мой товарищ Максим Гусь. Он за несколько дней до смерти рассказал об этом.

С Суреном как—то интересный разговор вышел. Не то что бы был интересный, он был предсказуемый. Естественно, началось все с того, по какой статье я сижу. Я объяснил, что за статья. Он спросил_

Почему на кружке руны нарисованы? Что — ССовец, что ли? Нет, я не ССовец точно. Я национал—социалист.

Что это значит?

Я ему начал объяснять. Я он говорит:

А у меня как—то одного друга избили скинхэды в переходе. Он пошел сигарет купить в палатку, а его избили. Это, наверное, твои друзья были.

Я думаю, может и мои, но сейчас об этом говорить не в тему. Я объясняю:

Да, скинхэды бьют нерусских, действительно. Но они бьют, потому что не видят другой альтернативы выразить свое мнение и повлиять на как—то ситуацию в стране. Много очень преступности, много, много изнасилований, грабежей.

А сам он наркоман, он сидит по 228—ой.

— Да, наркотиков много.

Я объясняю, что если все скинхэды были бы в одной организации, то они не нападали бы толпой в переходах, а занимались бы политическими акциями, были бы дисциплинированными, и всем было бы от этого только лучше. Как—то в таком ключе все объяснил. Смотрю ему совершенно не интересно это слушать — вроде объяснение получено, но вникать особо тяжело. И разговор, естественно, закончился ничем, как всегда.

Через несколько дней Сурена отправили в карцер, потому что он отказывался доклад делать. То есть при проверке отказывался говорить, что в камере «все в порядке». По «воровским традициям» это означает сотрудничество с администрацией, то есть не приемлемо. На «Девятке» все жестко, и если нарушаешь, то сразу уезжаешь в карцер. Один раз не доложил — расписался за нарушение, второй раз — поехал в карцер. Если у тебя есть «карцер», это значит, что у тебя скорее всего не будет никакого УДО. Но для воров и условно—досрочное освобождение не приемлемо, — там все хитро.

Выкружил адвоката.

Мне «повезло». Пришел следователь по делу о доведении до самоубийства — но на самом деле по убийству — моей подруги Кати. Ее ещё до моей посадки, 2 января 2007 года , выбросили в окно с лестничной площадки шестого этажа. Сперва по самоубийству дело вообще отказывались возбуждать. Потом её родители подняли шум, собрали сами доказательства, что такого быть не могло. Менты крутили—крутили — возбудили «по доведению до самоубийства», вроде, что сама она не прыгнула бы. Ясно, что убийство, просто заплатил кто— то денег, чтобы не было 105—ой. Я же с ней по телефону за полчаса до гибели разговаривал — она в гости ко мне собиралась, с Новым годом поздравить.

Пришел, говорит:

— Я расследую дело Кати. Она была твоей подругой, расскажи, что ты о ней знаешь. Потому что если ты сейчас мне не расскажешь, мы напишем, что она была тоже экстремисткой и дело легко

закроем.

Я понимаю, что он врет и понимаю, что одно из другого никак не вытекает.

— Уважаемый, я легко расскажу все про Катю и дам полную характеристику и ее личности и тому, что с ней произошло. — Тем более что я разговаривал с ней незадолго до этого случая. — То есть был одним из последних кто с ней разговаривал. — Но вы приходите с адвокатом.

— Как с адвокатом?!

— Так, без адвоката я не буду разговаривать. — Сказал, как зовут адвоката, дал его телефон.

— Максим, а как отсюда уходить?

— Кнопку нажмите.

Так—то здесь нельзя взять и просто выйти в коридор, надо вызвать сотрудников, чтобы они открыли дверь, чтобы ни с кем ты не пересекся. Строгая изоляция. Выйдет кто—то из кабинета, пересечется с другим осужденным, возьмет или передаст ему что—нибудь. Это нарушение. Мусора очень строго за этим следили. Когда идешь на вызов, ты не видишь никого из других зеков и тех, кто к ним приходит тоже. Если в коридоре надо разминуться, они заведут в какой—нибудь закоулок, поставят лицом к стене, и ты не увидишь, кто мимо тебя прошел. Там две кнопки, одна — большая красная, вторая — маленькая черная.

— А какой кнопкой вызывать?

Вон, красную нажимайте.

— А это не вызов охраны?

— Не—не. Вызов охраны это маленькая, сигнализация. А большая — это вызывать сотрудника.

Он на красную кнопку нажимает и говорит:

— А вот смешно было бы, если я сейчас сигнализацию нажал. Вбежала бы спецгруппа, начала бы нас с тобой бить.

— Почему нас?

— Мы оба в очках, оба, вроде, интеллигентного вида. Они не разобрали бы, кто следователь, кто арестованный и обоих бы избили.

— Да, смешно бы было.

Тут дверь распахивается на всю. Стоит несколько человек в бронежилетах, в касках:

— Что случилось?

— Ничего, мы закончили...

Следак ушел. Меня в камеру ведут, мне ДПНСИ:

— Твои шутки?

— Это я случайно кнопку ему не ту сказал.

— Максим, вот ты еще раз пошутишь так, я тебя в карцер отправлю.

— Понял—понял. Я перепутал просто.

— Хорошо.

Следак приходит буквально через несколько дней уже с моим адвокатом. Я рассказал о Кате, что он хотел узнать. Это была замечательная девушка, никак не мола прыгнуть в окно, скорее всего ее избили и выбросили в окно какие—то уроды. Точнее не какие—то, а вполне определенные люди.

Следак ушел, мы с адвокатом остались сидеть. Я объяснил ситуацию, что пришли по «Ку— клукс—клану», раскрывают дело, информация у них вся есть.

Да, я знаю, они пытались арестовать Тему, но суд не дал санкцию на арест. Сейчас он по делу идет как свидетель, скоро возможны очные ставки, еще что—то.

Понятно. Какие показания давать?

Сам думай, какие показания.

Им же все уже известно.

Да, но давай будем исходить из того, что ты сидишь, а остальные нет. Ну, давай будем исходить из этого.

Встретились в следующий раз со следачкой, она пришла с журналисткой этой, Стэллой. Вы кого—нибудь узнаете в этой комнате? — там очная ставка.

Журналистка говорит:

Да, этот молодой человек — он похож на одного моего знакомого, но того убили. Как убили?!

Я знаю, что того моего знакомого убили в тюрьме. А этот похож, только весит вдвое меньше, тот был большой очень.

Я же к тому времени весил килограмм восемьдесят пять. Да — да, это он, — говорит следачка, — вы его узнали. А, это он?

Да, ладно, я это. Хорош кривляться.

Началась ставка. «При каких условиях познакомились? Как снимали видео?» — вся фигня. То есть я с адвокатом, Стэлла с адвокатом. Она, естественно, говорит, что знать не знала, что там снимать нужно, вообще не при делах. А говорю:

Ты же балахоны привезла. Ты же сценарий придумала. — Естественно я врал. Но она же журналюга, с нее взятки гладки. А друзей надо отмазывать. Да и следствию по возможности врать — долг узника совести.

Никто ни с кем не согласился. Очная ставка закончилась.

Депрессивные мысли.

Нас четверых оставшихся перевели в 504—ую камеру. Она была эстетически более жизнерадостная — ремонт повеселее, окно открывалось, не было сыро. Это пятый этаж. На шестом этаже на полу лежит хорошая современная плитка; на пятом пол залит пластиком, склады таким покрывают и коридоры в офисах, чтобы пол легко мылся и было нормальное сцепление; на третьем старая совковая отваливающаяся коричневая плитка, ремонта давно не было. Хоть это и VIP— тюрьма, но третий этаж, тем не менее, полностью в разрухе.

Я практически не занимался спортом, ни с кем не разговаривал, просто читал. У меня была глубокая депрессия, жуткий облом! Надеялся вот—вот уехать на зону и скоро домой прыгнуть. А получалось так, что мне еще полгода под следствием сидеть, потом суд и не понятно, когда уедешь на зону, и не понятно, сколько добавят — было с чего расстроиться.

Я взял читать Теодора Драйзера. За несколько лет до этого, лежа в больнице с перерезанными сухожилиями, я уже читал «Финансист». Но, наверное, как—то невнимательно. Теперь погрузился в нее полностью. Сначала прочитал «Финансиста», потом «Титана», затем «Стоика». Читал и думал — может, Латынина была не так уж не права по факту, что Россия «развивается», хоть как—то, только за счет того, что олигархи делают здесь свои дела? Есть, похоже, доля истины в ее словах. Надо сказать, что Драйзер культовый писатель для людей, связанных с финансами. Он писал романы, но очень четко описывал возможности денег, влияние крупных капиталов на экономику и политику, на людей, на почти все происходящие в обществе процессы. Честно говоря, даже думал ей письмо написать: «Да, Юля. Может быть, ты не так уж не права». Но это был бы перебор. Посмотрю, если через полгода это желание не пропадет, — напишу, а пока не буду. В итоге желание пропало, потому что это будет воспринято смешно, начнет еще язвить по этому поводу, придется еще ей гадостей наговорить. Опять кто—нибудь заявление напишет, и опять уеду. В общем, забил.

Просидел я в этой камере всего пару недель. Особенно неприятно было, что я не получал никаких писем. Писем не было вообще ни от кого! Всем уже написал, но ответов не получаю. Понимал, что опять следствие началось, и что, скорее всего, мне письма просто блокируют, не пропускают. Но все равно от этого переживаешь, гоняешь — почему никто не пишет? Может боятся? Может правда думают, что урод и дал на них показания, может еще что—то. В тюрьме вообще становишься очень мнительным. Написал кому—то письмо, а ответа нет. И вот думаешь, почему нет ответа: или цензура не пропустила письмо, или на почте потеряли, или ответ цензура не пропустила, или написал в письме что—то такое, что человека обидел и он не захотел отвечать, или он ответит попозже, или он отвечать и вообще общаться не хочет... Хотя за весь срок не было такого, чтобы кто—то отвернулся, но мысли, что такое может произойти иногда посещали.

Мусорские интриги.

С Володей интересная история вышла. Меня вызвали к операм в следственный кабинет. Приходит опер и говорит:

Максим, а ты знаешь, кто с тобой в камере сидит? Кто?

Володю знаешь? Ну.

Так, он же педофил. Да?!

Конечно, он же детей ебет.

А с чего вы взяли? Это же всем известно. Ну, может быть.

Не «может быть», а точно. Ты же скинхед, ты же педофилов не любишь. Да, не люблю. А что?

Я тебе говорю, он педофил. Надо с этим что—то сделать. Хоть в камере всем объявить, что он педофил.

Как я это буду объявлять в хате? Вы мне сказали, а откуда я могу знать, что не врете. Нет же. Я сам фотографии видел, где он с голыми детьми.

Мне покажите эти фотографии. Я—то их не видел.

Я не могу тебе показать. Ты просто поверь мне на слово.

На слово поверить — не уверен.

Ну, смотри, тебе же хуже.

Отвели меня назад в камеру. Конечно, что—то голубиное в повадках Володи есть, но с другой стороны, если бы не было чего—то голубинового, то и опера не попытались бы ничего в этом направлении разыграть. Это просто обычая провокация. Так, например, поступили с киллерами, к которым меня посадили. Ясно, что их дернули, что—то про меня наговорили и попросили мне кровь посворачивать. Я—то не буду этим заниматься. Просто не по—людски. Естественно, ничего не сказал.

Окна 504 камеры выходили на внутренний дворик тюрьмы, и там было видно как в один день, приехал один автозак, затем сразу второй, третий, четвёртый — такого еще не бывало. Зеков начинают по одному выводить, сажают, причём днём, то есть это не на суд они едут, а куда—то... Слухи уже ходили, что тюрьму будут «разгружать» и увозить на «Медведково», что бы делать ремонт на третьем этаже, поэтому надо чуть ли не половину зеков увезти. Вот сейчас и я в «Медведково» поеду! А в «Медведково» по слухам и связь есть, и курочку можно покупать через ларёк, у нас—то что бы куриное мясо получить надо народу сдать больше, чем я за всю свою жизнь видел. Поеду курочку кушать, накачаться можно будет нормально, позвонить, узнать что на воле происходит вообще. Меня и молдавского разбойника заказывают полностью с вещами! Вот! Там—то я и вкушу настоящей тюрьмы, потому что «99» это не тюрьма — это подводная лодка.

Но хрен там! Перевели в камеру № «605».

Пропаганда цинизма.

Подняли на этаж выше — восьми местная камера, там я опять встретил Вострикова. Сидело и ещё нескольких интересных людей, в частности Андрей, из Россельхознадзора, их обвинили в мошенничестве — они охотничьи угодья, дескать, попытались перевести из федеральной собственности в частную. Хотели денежек подрезать, но не судьба. Скорее всего, чиновники были оклеветаны системой. Как пить дать оклеветаны. Андрей интересный собеседник, занимался охотоведением, знал как зайцев разводить, кабанов, лосей, но при этом по образованию он инженер—конструктор, так же как и я. Не смотря на то, что он взрослый, ему где—то 43—44 года, но мы с ним и одинаковую музыку слушали, и передачи одинаковые смотрели — нашли общий язык. Он каждый день писал домой письмо, несколько часов он на это выделял. Писал жене. Я сначала думаю — молодец. Только не знаю о чём можно одному и тому же человеку писать каждый день на 4 тетрадных листа. Оказалось, что он ей пишет всё, что делает. Вплоть до того что встал, включил телевизор, поставил чайник, сварил лапши, поел, сходил погулять... Тем не менее в результате этого ему кажется, что он с женой постоянно на связи. Она ему тоже каждый день писала. Такая трогательная тюремно—семейная история. Жена каждый день приезжала к нему с адвокатом, адвоката пускали в следственный кабинет, а она ждала в коридоре и получала свежие новости. Приезжала каждый день с передачками, причём таким образом можно было всё полностью скорректировать — 200 грамм такого сыра, 150 такого, колбаски немножко, зелени, мёда, в общем, всё что надо и в нужных пропорциях.

У нас с ним была любимая передача — «Квартирный вопрос». Смотрели, как делают ремонт в квартире. Обсуждали, какие материалы лучше, какие расцветки лучше... Зачем семье, в которой живёт два приёмных ребёнка—дебила, делать специальную мебель что бы дебилы себе об края столов и ручки шкафов глаза не выкололи? Зачем вообще брать в семью детей—дебилов? Пусть живут в детском доме, если родители были наркоманами и родились дети—уроды. Государство виновато, что столько нариков, алкашей и дегенератов, пусть само и растит. Что за эксперименты? Ну

да, жалко детей, ну пусть они как—то доживают в специальных учреждениях, зачем их пускать в общество? А эти гордятся — «смотрите, вот мы взяли детей дебилов, сделайте нам теперь пожалуйста ремонт, что бы дети не выкололи себе глаза дверными ручками...». Я помню, что половина камеры на нас окрысилась «как же так? дети дебилы, они же такие дети как и все остальные, не хорошо же так говорить и рассуждать».

Логичную и вменяемую точку зрения принял тогда Валера. Он вообще замечательный человек, на Илью Муромца похож, ему где—то чуть за 40, отсидел из них 25 лет и ещё грозит лет 20 за разбой — как и Олег на Рублёвке коттеджи грабил, но в составе другой банды. Он человек малообразованный, потому как всю жизнь сидел и книжки не очень любил читать, чего и не скрывал. Но при этом на удивление здраво рассуждает. Одному против всей камеры дискутировать тяжело, но Валера всегда своё слово вставит и тут уже у тебя появляется поддержка, люди начинают переходить на твою сторону.

Например . Я, вот, никогда не считал, что уважать стариков можно только за то, что они старики. То есть человека надо уважать за его поступки, за заслуги, за достижения, а уважать кого— то только за то, что он на 30 или 40 лет дольше тебя коптил небо — это вообще не логично. Если он всю жизнь был алкашом и трудился на отупляющей работе , в жизни даже не поднял головы к небу, не подумал ни о чём высоком, ничего не добился — это же не повод что бы его уважать. Мне естественно доказывают, что:

— Максим, ну как ты можешь? Ты не понимаешь что это старый человек, ты должен его уважать!

— Это почему?

— Ну, потому что он старый...

— Ну и что, что он старый, ты вот старую машину любишь больше чем новую? Была бы она раритетной — тогда другое дело. А если она была дерьмом после схода с конвейера, так она дерьмом и останется.

Таких споров было очень много. Люди, когда попадают в тюрьму, пытаются показаться лучше, чем они есть на самом деле. Они «надевают маски» и все такие «хорошие», «честные», «справедливые», «благородные», всегда нищим деньги в переходах давали, старушкам помогали дорогу перейти. Хотя, я тоже «масочку» одел, но никогда не пытался казаться лучше, чем я есть. Я пытался быть интеллигентнее, чем я есть на самом деле, но тем не менее, хотя бы говорил правду о

своём отношении к людям.

Прочитал книжку «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Я её читал и раньше, но когда читаешь книжку в тюрьме, она воспринимается как—то особенно интересно и, плюс, ты полностью на ней концентрируешься. В принципе эта книга — начало всей бельгийской литературы. А Тиль был очень весёлый парень, занимался революционной борьбой за родную землю, но при этом очень любил пошутить. Однажды он продал евреям лошадиный помет под видом эликсира мудрости, дескать, вы их съедаете и становитесь мудрыми. Собралась еврейская община, главный еврей взял все кашки себе. Говорит, я же главный еврей, значит должен быть самый умный! И все их съел... Вообще книжка написана без грамма пафоса, легко, очень интересно и поучительно. Именно то, что нужно попавшему в неволю революционеру.

Там я впервые увидел зека, который только—только приехал с зоны. Его по какому—то делу дёрнули. А он бандит, сидит ещё с конца девяностых, уже почти десятку отбыл и вот уже немножко остаётся — повезли на раскрутку. Прошёл детектор лжи и, вроде как, ничего не выявили. Вот он сидит и ждёт, когда повезут обратно. Он худой, его все кормят и он никак наесться не может. Если вдуматься — это страшно. Он за эти два месяца набрал почти десять килограмм, и вот буквально в течение недели его должны забрать. И забрали. А у меня все крутится мысль «Что же там такое на зоне—то происходит? Один шоколад во сне хавает, второй лапшой и колбасой никак наесться не может. Видимо, там совсем не сахарное мероприятие».

Немного успокоился — если никого не арестовали, значит, уже и не арестуют. Начал снова бегать по утрам, отжиматься, приседать, стал пробовать писать письма — вдруг дойдут? Более — менее ясен план действий — предъявят обвинение, потом ознакомка, потом суд, потом зона...

Православный карцер.

Ещё за это короткое время моего сиденья с Федором, он успел съездить в карцер. У него хотели отнять завод в Москве, а он его отдавать не хотел. В тюремном быту это вылилось в то, что один раз резко открылась дверь в камеру и забежала милиция. А у Федора горит лампада. Разводить открытый огонь в камере запрещено, поэтому Федора хватают с этой лампадой. Пиши объяснительную! И увели его в карцер.

Что делать в карцере истинно православному человеку? Естественно, молиться. А в карцере сделано так, что около каждой двери сидит охранник, для того, что бы ты ничего с собой не сделал, никому ничего не передал, сидит там сотрудник в коридоре. Сотрудник слушал эти молитвы сутками, потому что Федор молится в голос, обычно—то по восемь часов в сутки, а тут он молился часов по пятнадцать — по шестнадцать. Сотрудник ему говорит:

— Я вас прошу не молиться!

— Как это не молиться? Это моё право! Я буду молиться!

— Нет, вы мне мешаете работать...

— А вы нарушаете мои гражданские права...

В итоге сотрудник расценил это как издевательство над его личностью, написал докладную и Федор отсидел десять суток в карцере за поджигание лампады и ещё пятнадцать суток в одиночной камере за издевательство над администрацией. Пришёл довольный, похудевший, говорит:

— Вот хорошо, и помолился, как следует, и не мешал никто, и спортом позанимался!

Вот как раз я его увидел после двадцати пяти дней религиозного поста.

Андрей как—то рассказал, что ему сказал Федор, когда приехал из карцера:

— В Евгения Олеговича бесы вселились, я молюсь, а он кричит, нападает на меня, потому что бесы не дают ему молитву слушать, ну это его пожалеть надо, ну еретик человек одержим, тут уж ничего не попишешь.

Бутовский пироман жжет!

А по телевизору в это время всё громче и громче вопили про поджоги машин. Там уже во всех российских городах начали поджигать. Задерживают иностранцев, стариков, сумасшедших. Все жгут машины. Отец снова приходил на свиданку и рассказывал, что у его соседа машину сожгли, но ясно, что кто—то из своих. Так как перед этим записку приклеили, что ты, урод, если то—то не сделаешь — машину сожжем. Ну и сожгли на следующий день. Но менты не ищут, не расследуют дело о какой—то конкретной машине. Ловят «Бутовского пиромана». Под шумок и страховые компании наживаются, люди личные счёты сводят.

Адвокат мне рассказал, что задержали парня из НСО — он шёл с канистрой бензина, перчатки

на нём, маска в пакете. Привезли его в отделение и пообещали начать пытаться. Он, на всякий случай, что бы не раскололи, вскрыл себе вены ножницами, взятыми со стола в кабинете. Его сразу же увезли в больницу. Затем в больницу приехали менты с апельсинами, мол, ничего страшного—то не произошло, мы просто хотели поинтересоваться ты или не ты, а вот зачем же ты так поступил, всё нормально, парень, успокойся. Врачи прибежали, говорят:

— Выйдите из палаты, вы чего вообще охренели, он и так из—за вас вены себе вскрыл. Вот так грамотно «спрыгнул» парень.

А Гусь в это время продолжал тачки жечь. Не жидился. Ещё в это время начали мусолить тему, что убивают всё больше и больше таджиков, узбеков, грузин, по мотивам национальной вражды, на окраинах Москвы постоянно драки, массовые столкновения, там двадцать на двадцать, тут тридцать на тридцать, где—то стрельба, где—то поножовщина. По всем каналам это постоянно педалят, наверно к чему—то готовят народ, не просто так же? Оказалось просто очередной журналистский «месячник скинхэда».

Просидел я в этой хате меньше месяца, никто ко мне не приходил, ни из милиции, ни из прокуратуры, про меня вообще практически забыли. Не ходят и не ходят, и хорошо.

В середине лета меня опять перевели.

Живой китаец!

Камера № «302» — это третий этаж, ремонт плохой, камера четырёхместная, причём сделана так, что телевизор виден только с трёх шконок, а с четвёртой телевизор не видно вообще, потому что его загораживает верхний шконарь. Естественно, свободна только та шконка с которой ничего не видно. Телевизор можно смотреть лежа через зеркало. Или если лечь спиной на «слоника» и ноги упереть в стену. Занял свободное место. В камере сидел Глеб, с которым я уже пересекался, Вадим Деньгов, который проходил по делу замминистра финансов Страчука. И китаец Ван Юнфэй, которого арестовали за контрабанду, он с коллегами провёз в Россию несколько составов шмоток китайских под видом цемента. В декларации написали «цемент», для того, что бы не платить налоги — ввозные пошлины на цемент у нас отсутствуют, так как цемент стране нужен, а пошлины на китайские шмотки — очень высокие. И на этом можно несколько миллиардов сэкономить. Ему ещё добавили статью 210 «Организованное преступное сообщество». А он просто переводчик в этой законообходящей фирме. Весёлый тип, тунейдец и распиздяй. Он, естественно, скоро понял кто я, и говорит:

— Максим, ты фашиста?

— Да, фашист, — не буду же я объяснять китайцу разницу между фашизмом и национал— социализмом.

— А вот ты к власти будешь приходить? — спрашивает Юнфэй.

— Да, вот сейчас из тюрьмы выйду и планирую сразу к власти придти.

— А ты отдавай китайсам Дальний Восток и Сибирь!

— С чего бы это?

— У китайсов осена мало земли, ой, осена много китайсев и осена мало земли! Отдавай Дальний Восток, а я тебе дам осена много китайських женщин, ой, их осена харашо ибать—ибать...

— Не, Юнфэй, спасибо, не надо...

— Ой, китайские женщина осена красивий!

Думаю, ему и Сибирь отдай, а он и ещё китайских самок зашлёт. Не пойдёт! Хитрый Юнфэй! Глеб пил кофе с шоколадом. Он не мог вообще проснуться и не выпить крепкого кофе. Пять чайных ложек на кружку, шоколад и покурить — без этого он не просыпался. Потом был обед, потом я смотрел новости, затем всегда смотрел «Званный ужин», брал оттуда рецепты. Обсуждали уродов, смеялись. После этого я обычно часа полтора — два читал книжку и засыпал, а Глеб с Юнфэем садились за нарды. Играли каждый

день. Я говорю:

— Глеб, ты с Юнфэем на что играешь? На просто так? Китаец отвечает:

— Да, на просто так...

А «просто так» в тюрьме считается «рот и жопа», ну такой прикол для новичков. Приходит новичок, ему говорят, мол, давай сыграем на «просто так» Проиграл — говорят, давай твою «просто так», получим с тебя... С кого—то может и получают, но обычно человек деньги отдаёт.

Глеб говорит:

— Макс, отстань ты, хорош прикалываться, китаец не знает, а ты пользуешься, чё ты смеёшься что ли?

Я говорю:

— Ну, Юнфэй не на «просто так» играете?

— Ой, нэт, играем на чэсть!

Глеб говорит:

— Юнфэй! Ты на чэсть тоже не играешь, ты играешь без интереса, ты это запомни, на чэсть тоже не играют!

А по ночам я не спал — книги читал. Встал размяться — смотрю Юнфэй лежит в белых трусах без одеяла жопой кверху и на белых трусах какие—то красные пятна. Кто знает, может геморрой у него может ещё что—то...

— Глеб, — говорю, — хватит читать книжку, охренел с интуристами на «просто так» играть?

Я же понял, что ты с него получил...

— Чего получил?

— Да вон, посмотри!

Глеб поворачивается, видит окровавленные трусы и у него просто истерика начинается, мы смеёмся.

Ещё Юнфэй мне рассказал, что китайцы очень не любят японцев. Как хохлы—западэнцы русских. И всю гадость, которую только можно, спихивают на японцев. Как—то он приехал во Владивосток и снял проститутку, отъебал её, а она ему говорит:

— А ты откуда?

Хочется сказать откуда, но проститутку не хорошо снимать, скажу что японец, пусть японцы будут плохими, проститутку снимают, а китайцы хорошие, в Китае коммунизм секса нет, проститутку нет!

Я говорю:

— Юнфэй, а проститутки то тебе нравятся?

— Ой, проститутки осена нравятся, но в Китае нет проститутки. В Тайланде хорошо, там капитализм, проститутка много, но осена много трансвеститов, их не отличить... Это плохо...

Это был первый в жизни китаец с которым я разговаривал. Ещё я заметил за ним, что он любит всё повторять. Он видит что я утром делаю себе кашу, беру миску, включаю чайник, затем миску ставлю на чайник наливаю в неё молока с водой, когда появляется пенка на поверхности всыпаю туда кружку геркулесовой или гречневой каши, закрываю крышкой, время от времени помешиваю, добавляю соль и сахар, тру яблоко туда, и когда через час возвращаюсь с пробежки — у меня уже такая вкусная, настоявшаяся каша, ничего не подгорает, вообще идеально готовится. Смотрю, Юнфэй себе точно такую же кашу делает. Ага! Интересно. Чуть позже сделал я себе салатик, взял овощи какие—то, и нарезал мисочку салата. Смотрю, Юнфэй через два часа сделал точно такой салат, только в большой миске.

Я говорю:

— Юнфэй, а вот вы же так и машины переделываете...

— Да! Китайцы осека любят всё переделывать. Ой, мы осека плохо придумываем, но харасё переделываем. Вот БМВ сделали «икс пятый», а мы раз...и «Великая стена»!

Я ещё тогда подумал, что когда выйду на волю заведу себе пяток китайцев на даче, что бы всё переделывали. Только надо придумать, как бы не убежали, да что бы не размножились.

Подсел на сериал «Папины дочки», смотрел каждый день по вечерам. В принципе у меня распорядок был такой — я просыпался, в восемь часов утра доклад, потом где—то в районе десяти часов все выходят на прогулку, затем все приходили, я качал час пресс, потом съедал кашу, потом читал, потом смотрел «званный ужин», новости, потом съедал обед, спал часов до пяти, потом просыпался, смотрел «папиных дочек», новости и занимался ещё полтора часа спортом, в то время как по MTV показывали «тачку на прокачку» и «обыск и свидание». Там всё одно и тоже, главное составить распорядок дня и следовать ему. Тогда время начинает набирать обороты, ускоряться. После этого мы всей камерой ужинали, затем смотрели какой—нибудь фильм, после фильма часов в двенадцать или одиннадцать выключали телевизор, и я начинал читать книги. Читал книги до четырёх, до пяти часов утра.

Немного учился китайскому языку. Мне стало интересно, и Юнфэй научил меня, как правильно называть японцев «япошками» по—китайски. Это звучит как «щёльбэ», это оскорбительно «япошка», как «хач» по—русски. Также он мне начал показывать основы иероглифов, произношение. В принципе, язык намного проще русского. Когда в школе учителя говорят, что вот, «вы дебилы, не можете выучить словарные слова, китайский язык, там десять тысяч иероглифов, их все надо выучить, и китайцы учат наизусть!» — это учителя врут. Китайский язык очень простой. Иероглифы там составные и выучить их намного проще, чем русскую грамматику, лексику, синтаксис. Они складываются из простых символов. Правда приходится образно мыслить. Один символ значит дерево. Два — лес. Что значит три? Тайга? Правильно. Ничего сложного.

Уроки социальной психологии.

В этой камере мне в руки попала «социальная психология». Вот это именно то, что мне нужно! Я понимал, например, что влияние оказывается всегда и на всех, но некоторые из них я даже не замечал. Как—то раз я с другом оказался около магазина «Ашан» до его открытия и увидел, что там стоит толпа стариков. Зачем люди пришли в семь утра, построились ровными шеренгами, с телегами стоят перед магазином? Может там какие—нибудь скидки? Надо как—нибудь будет придти пораньше, посмотреть чего в это время в магазине дают. Мысль практически безотчетная, промелькнула и пропала. Но шеренги с телегами запомнились. И только в этой книжке, как пример социального влияния, читаю, что большие торговые центры проплачивают всяким бездельникам, которые с самого утра будут шароёбиться у них и создавать видимость того, что там есть люди и тем самым провоцировать остальных приходиться и покупать. Если даже у меня в голове зародилась мысль, что надо бы придти сюда с утра пораньше посмотреть чего там продаётся. А у многих людей эта мысль оформиться во что—то более конкретное.

Так же мне запомнились опыты еврейского психолога Стэнли Милгрэма . Он как—то говорит: «А вот интересно почему немцы убивали евреев? Это такая нация жестокая или здесь какие—то другие причины? Почему все они старались евреев уничтожить? И как вообще можно заставить одного человека убить другого человека, если личной вражды нет?». И Милгрэм в Стэнфордском университете провёл эксперимент. Человек приходил как доброволец, что бы «принять участие в эксперименте на память». Приходил он в известное и авторитетное заведение. С ним приходил ещё один человек, но второй—то был «подставным», ассистентом экспериментатора. Они тянули жребий, кто из них будет «учителем», а кто «учеником». Тот, кто настоящий подопытный всегда вытягивал роль «учителя» и его задача была сидеть за пультом и задавать вопросы через микрофон «испытуемому», который находится в другой комнате. Он должен задавать ему вопросы, ответы на которые тот прочёл незадолго до этого и, если он ошибался в ответе, то бить его током. Неправильный ответ — удар током, следующий не правильный ответ — удар током на пятнадцать вольт больше. Неправильным ответом так же считается отказ от дачи ответа, молчание, крик и всё что угодно. То есть сначала идёт удар пятнадцать вольт, потом тридцать вольт, потом сорок пять, потом шестьдесят. За отметкой 300 вольт стоит надпись «Опасно для жизни».

И Милгрэм спрашивает: «Как вы думаете, сколько людей в своем подчинении дошло до смертельного удара?». Можно подумать, что никто просто так не будет убивать человека. Вот ты жмёшь на кнопку и знаешь, что человека убьёт током, ведь там написано «Смертельное напряжение,

Опасно для жизни», а экспериментатор говорит:

— Ты бей, бей, это мой эксперимент, я за всё отвечаю, ты должен это сделать!

Человек не привязан, никто его не бьёт, не угрожает, физически не заставляет, но люди продолжали жать на кнопку. Не один из них не встал и не ушёл. Почти девяносто процентов дошли до отметки «опасно для жизни», при этом испытуемый из соседней комнаты кричал:

— Пожалуйста, не надо! Я отказываюсь принимать участие! Освободите меня! Я не могу говорить! У меня плохо с сердцем! — Это вообще никак не влияло, потому что рядом в белом халатике с тетрадкой стоял экспериментатор и говорил, что всё в порядке. Очень мало кто может сопротивляться такому давлению.

Дальше ставились эксперименты на ту же самую тему. Если действие происходит не в Стэнфордском университете, а просто в каком-нибудь офисном здании, то до смертельного удара людей останавливается больше. Если экспериментатор стоит не в белом халате, а в обычной одежде, то останавливается ещё больше. Если «испытуемый» сидит не в соседней комнате, а хотя бы за стеклом, и его видно, то практически все отказываются продолжать задолго до опасного напряжения. То есть все эти факторы просчитываются до мельчайших деталей.

Над людьми эксперименты проводятся очень давно и люди в своей массе просчитаны до сотой долей процента. Если нельзя точно сказать, как поведёт себя конкретный человек, то спрогнозировать, как поведёт себя масса, можно наверняка и очень чётко.

Ещё я узнал про «дилемму заключённых». Она встает перед любым, кто попадает в тюрьму и идёт по делу не один. Например, попало два человека по статье «средней тяжести» и каждому из них прокурор предлагает:

— Расскажи про какие-нибудь его серьёзные преступления своего подельника и тогда я тебя отпущу.

А подельник получит десятку. Предложение, естественно, поступает обоим. Если оба ничего не рассказывают, то получают по году. Но в тоже время если и один и другой расскажут, то они оба получат по пять лет.

И вот такая дилемма. Казалось бы, всё логично — молчите, друг друга не сдавайте и вскоре окажитесь на свободе, но по факту получается другое, что индивидуально если ты не знаешь как поведёт себя твой подельник выгоднее сотрудничать, то есть всё рассказать, потому что если ты не рассказываешь ты получаешь либо год, либо десять, если ты сразу сотрудничаешь, то получаешь, либо ноль, либо пять. В этом весь парадокс. Выиграть в этом случае можно, лишь заранее договариваясь с подельником и доверяя ему. Вот в этом вся суть следственных изоляторов, потому что если два человека могут быть друг в друге уверенны до конца, то, чем больше народу, тем меньше и доверия. На банду из пяти или семи человек хватит и одного, кто даст на всех показания, остальные могут сидеть, молчать, быть героями... Но одного говорящего хватит, что бы посадить всех остальных.

Еще я много читал Макиавелли, в частности, мне очень понравилась книжка «Государь», не то что понравилась, это реально гениальная книга. Но странно, что ее держат в тюремной библиотеке и дают почитать политическим заключенным. Там такие циничные, очень жесткие и практические советы, как захватывать власть, удерживать её и распоряжаться. Как избавляться от наследников этой власти. В частности там была фраза: «Невозможно не осудить правителя, который захватив власть, не уничтожит всех потомков и родственников предыдущего монарха». «**Невозможно не осудить...**» — мне сразу царская семья вспомнилась, как расстреляли «невинных младенцев». Понятно, кто-то Макиавелли читал. Очень много интересных наблюдений. Написано она была в средние века, а сейчас она актуальна ровно настолько же. Макиавелли произвел на меня глубокое и неизгладимое впечатление. Думаю, надо и на воле будет перечитать. С новых сторон откроется.

Трансцендентные обманы.

Как-то показывают по телевизору передачу о скинхедах по телеканалу «ТВЦ». Полубою должны что-нибудь про меня сказать. Сижу, жду. И точно — «Максим Марцинкевич, известный как «Тесак» был осуждён на три года тюрьмы. В тюрьме его убили сокамерники».

— Ха-ха! Жаль его, ведь какой хороший был человек! — Говорю. Мы с Глебом смеёмся, китаец подходит ко мне.

— Максим, я непоняли, сказали что тебя убили?

— Ага.

— А ты же живой!

— Ну да...

— А на смерть убили?

— Да.

— Ой, телевидунье врут...

— Конечно, врут!

— Ой, не буду верить телевидунью больше! Вот у нас в Китае телевидунье никогда не врёт!

— Юнфэй, у вас в Китае телевиденье врёт ещё больше.

— Ну, если по правде, то да...но об этом нельзя говорить...

Про китайское правительство Юнфэй всегда говорил шёпотом. Как—то я ему говорю:

—Юнфэй, а вот ты знаешь, почему у нас решётки на окнах?

— Что бы не убежали...

— Нет, не поэтому. Как же ты убежишь, если мы на третьем этаже? А потому что медведи могут в окно влезть!

— Как медведи?

— В России то медведи кругом лезут, могут из леса придти и залезть в окно...

— Ой, не может такого быть!

— Может!

— Ой, не—не—не не может такого быть, не верю, ты меня обманываешь...

И вот буквально через двадцать минут по телевизору показывают новости, что где—то в Приморском крае медведи оккупировали село, ходят по улицам, нападают на собак. Китаец смотрит, а не знает где это злосчастное село, я ему говорю:

— Вот! В Подмосковье!

— Ой, так это правда!

— Конечно, правда! Вот поэтому и решётки, но медведи в России очень сильные, они иногда отрывают решётки

— Ой, как теперь быть?

— Ну, вот так вот. Держись!

Китаец задумался и говорит:

— А когда в России выпадает снег?

— Снег в России выпадает осенью, сейчас август, вот через две недели будет снег.

— Не может быть!

— Да! Снег пойдёт, так нижние шконки заметёт.

— А как же жить?

— Просыпаешься, расчищаешь снег, выбрасываешь его в окно и дальше можно спокойно ходить.

— Хорошо, что я наверху сплю — я не замёрзну, а ты же Максим внизу спишь!

— Ну, это сейчас, потом, когда снег выпадет, мы же с тобой поменяемся.

— Блин, мне же нужно тёплую одежду!

— Ну, давай пиши заявление...

Диктую ему « шапку—ушанку, валенки, рукавицы, телогрейка, термобелье, зимние кроссовки, шерстяные носки». Я то понимаю, что тот, кто будут пересылать ему вещи рассечет, что не надо ему шапку—ушанку и валенки. Приходит ему заявление подписанное, естественно всякие там шапки— ушанки и телогрейки вычеркнуты. Меня подзывают к двери:

— Максим, прекращай свои вот эти шутки. Он и так мучается...

— Ладно, понял. Это я так — пошутить.

Вадим решил написать заявление, что бы ему беруши пропустили. Мы говорим:

— Вадим, тебе зачем беруши? Ты же и так глухой.

А он старенький уже и совсем плохо слышит. В тюрьме бывает такое , что чего—то захочется, этому нет рационального объяснения, но хочется очень сильно. Приходим как—то с прогулки, его отзывает продольный в сторону и говорит:

— Вам беруши не положены.

— Ась?

— Беруши вам не пропустим.

- Ась?
- Беруши нельзя!
- Не слышу!
- Беруши не дадим!
- Ааа, понял—понял.

Заходит. Нас от смеха с Глебом скрючило:

— Вадим ты же глухой, зачем тебе беруши?

— А это я их проверяю. Вдруг дадут! Вадим спрашивает Глеба:

Глеб, в чем основной мотив моего преступления?

Вообще, мотивом всех экономических преступлений, всех преступлений против собственности, является корысть.

Вот, видишь, я не виновен, потому что у меня корысти не было ни в чем! Когда помогал долг списывать, я просто хотел помочь моим друзьям. Корысти у меня вообще не было. Я просто хотел помочь друзьям, ты понимаешь?

Да, я понимаю.

И после этого мы долго—долго шутили и даже ремикс придумали: Корысти не было ни в чем!

Ась? Ась?

Ась—ась!

Корысти не было ни в чем!

Ходили, пели и думали, как стране повезло, что зам.министра финансов вообще бескорыстный человек.

В конце лета в России началась программа по борьбе с курением. Естественно, в первую очередь это коснулось нашей сверхполитизированной тюрьмы. Сказали, будем бороться! Стали бороться. Перестали пропускать сигареты в передачах. Придумали, что сигареты надо пропускать только по заявлению или заказывать через ларек. Но чтобы заказать через ларек, надо дожидаться этого ларька, а там это дело происходит раз в месяц. Получилось так, что сигареты в камере закончились. А курят только Глеб и китаец. Мы с Вадимом не курим, и соответственно над ними прикалываемся:

Ну, нет сигарет. Что делать? Чай курите! Взрослые люди, начали курить чай. Я даже удивился.

Как—то они ищут сигарету, — вдруг где—то завалилась в камере, записка. Нет. Я сижу за столом:

— О! Глеб, смотри, под шконарем пачка «Парламента» валяется!

Они с гуком вдвоем на перегонки под кровать — сигареты искать. Выкинули баулы — нет ничего. А я уже со смеху корчусь. Грешно, конечно, смеяться над больными людьми. Но я—то неверующий... Мне это очень запомнилось, — ни фиги, люди курить хотят. Через годик я эту шутку повторил, но уже с меньшим эффектом. Позже расскажу об этом.

Потом сигареты появились, но закончились в камере спички. Мало того, спички какие—то были, но сырость такая, что спичку о коробок зажечь невозможно — сдирается чиркаш или крошится головка. Что делать? Начали они прикуривать от чайника: сливают воду, включают чайник в розетку, спираль накаляется, от нее прикуривают. Каждый раз приходилось чайник этот споласкивать, мыть его заново, воду кипятить. Очень это раздражало. Потом начали у продольных спички выуживать. Продольным ничего нельзя давать в камеру, они позвали ДПНСИ. ДПНСИ говорит, что подумает, может быть, что—нибудь решим. По проверке принес коробок спичек, отдает им. Я смотрю, у них на лицах такая радость, как—будто каждому из них Дед Мороз подарил по БМВ на Новый год. Схватили спички:

— Спасибо, гражданин начальник. Век не забудем!

— Так маленькие радости влияют на ээков в тюрьме.

Солженицын, олимпиада и Осетия.

Потом умер Солженицын. По всем каналам «ой, бедный писатель умер, какой замечательный человек, написал такие выдающиеся произведения», по всем каналам охают, ахают.

Мы естественно смеёмся, туда ему и дорога. Тоже великий писатель — никто даже и не читает. Так занудно и пафосно писать — это ж как исхитриться надо! Книжки у него довольно отстойные, написано скучно, не интересно и нудно « Я вышел на мостик, досочка подо мною скрипнула, досочка

окунулась в голубую лужицу, в лужице отразилась моя нога, нога зарябила...», ну зачем такую парашу писать? Если хочешь — напиши по делу, не разменивайся на детали. Самое интересное, что практически никто из тех, кто вопит, что Солженицын великий писатель, непосредственно Солженицына — то и не читали. У него на зоновских фотографиях буква «Ш» на тельнике была, это значит, что он был шнырём, по тем временам это так определялось.

Повопили—повопили, тут ещё бац, начинается война в Осетии. Затем олимпиада в Пекине. Олимпиада, всё хорошо, но наши спортсмены ничего не выигрывают, потому что дико огорчены утратой «нашего всего»... если бы не Солженицын. Спортсмены вообще ничего не могут выиграть, настроение у них на нуле, так как война в Осетии началась, там дети страдают, страдает от утраты Солженицына интеллигенция... А мы смеёмся.

Естественно, всем понятно, что это не какая—нибудь праведная война за независимость гордого осетинского народа, а просто рейдерский захват грузинской территории. Главное, у Грузии кусок земли оттяпать, а потом можно решать — присоединить его к РФ или признать независимым. И Вадим походу рассказал одну из схем, как предприимчивые граждане на войне денег сделают:

— Сейчас начнут по всем каналам вопить о бедных осетинских детях, которые страдают из— за войны, начнут собирать им пожертвования, потом через неделю зарегистрируют фонды помощи детям Осетии, через месяц начнут вопить, что деньги собрали, а деньги—то до Осетии не дошли, а через два месяца директора этих фондов начнут садиться.

И действительно, прошло три дня и по телевизору уже показывают, что люди собирают вещи, продукты, трусы старые, складывают в баулы и отвозят их в какие—то фонды. Предприятия деньгами скидываются, москвичи переживают за детей Осетии, был организован фонд «Добрые дела». В общем—то, было понятно что этот фонд первым и накроется. Его ж больше других пиарили — стало быть и лопнет конторка первой. Проходит месяц и уже показывают интервью с осетинами — те жалуются, мол, где наши деньги? Ничего не пришло, мы начали строиться, влезли в долги и не копейки не видели, нас обманули. Проходит ещё месяц, и показывают, что задержали одного директора фонда, потом второго, один фонд закрыт, другой обвиняется в мошенничестве. Произошло то, что было очевидно с самого начала. Вот какой идиот жертвовал свои деньги? Какой debil приносил туда свои старые трусы? Ведь понятно, что никому нахрен не надо их туда отправлять, все просто ждут деньги, которые надо украсть. Всё это совершенно логично, эти схемы известны и очевидны. Но люди ведутся, ведь людям лень думать своей головой. Они смотрят, что говорят по телевизору и бегут исполнять — это называется «конформность». А повышенная конформность — это основной признак овощей.

Хата имени Миклухо—Маклая.

Потом увели Вадима. Просидели мы втроем какое—то время, я, Глеб и Юнфэй. Тут дверь в камеру открывается днем, а я сплю. Слышу «вдюк», — дверь открылась, — на автопилоте встал. Обычно так проверка приходит, ты спишь, а пока дверь открывается, уже вскакиваешь. Смотрю, по камере какая—то тень замелькала, черная. Думаю: «Что же такое?! Где мои очки? Что—то слепнуть начал». Очки одеваю, смотрю — негр в камере! Прямо вылитый негр из «Зеленой мили», лицо, комплекция, только маленький, мне по плечо. Поздоровались, зовут его Максвелл. Говорю ему:

—Какую статью шьют?

—228, наркотики. А у тебя чего?

—А у меня 282—ая.

—Что это?

—Мы были Ку—клукс—клановцы, наркоторговца вешали, ногу отрубали и сжигали в костре. Негр посмотрел на меня и сутки со мной не разговаривал, думал, что я над ним издеваюсь. Но издевались над нами опера, которые в одну камеру нас посадили. Думали, что какой—нибудь конфликт будет, еще чего. Естественно, конфликта не было, потому что в общем и целом конфликт возможен, если кого—то опера науськают. Меня они науськать не могли, а негру, видать, это тоже было не нужно.

Мне было очень интересно пообщаться с негром, тем более он был наркоторговцем, принцем из Нигерии. Настоящий принц, в Россию наркоту возил десятками килограмм. То есть он именно из тех, кого я призывал вешать, отрубать ноги и сжигать в костре. В общем —то, врага надо знать. Я с ним общался. Надо сказать, негр очень хитрый, по воле никогда не пил, не наркоман, не чифирил, занимался спортом, умеет читать на русском и на английском. Знал, что делает, уже второй раз судим за наркотики в России.

—Мы все бегали на прогулке, негр также с нами бегал. Как—то идем, Глеб, Юнфэй, Максвелл и я последним. Мне один конвойный говорит:

—Что? Хата Миклухо—

Маклая? И все ржут. Говорю:

—Что, специально устроили мне?

—Да—нет, это же не мы. Мы режимники, это опера мутят все. Они, походу, над тобой издеваются.

—Ну, понятно...

В принципе, было очень интересно и с негром посидеть. Где еще с живым негром поговоришь? На воле—то я никогда с негром не разговаривал и не планирую. А здесь, вот — пожалуйста, уникальная возможность.

Юнфэй по вечерам всегда ел или лапшу, или кашу. И всегда не мог решить, что именно ему сегодня съесть:

—Макс, что мне съесть — кашу или лапшу?

—Съешь лапшу.

—Ой, я лапшу вчера ел.

—Съешь кашу.

—Ой, кашу не хочу.

—Съешь что—нибудь другое.

—Нет, надо или лапшу или кашу.

—Понятно.

Взял спичечный коробок, написал с одной стороны «каша», с другой стороны «лапша».

—Вот, Юнфэй, подкидывай. Какой стороной упадет, то и ешь.

—О! Точно! Какая хорошая вещь. Можно определить, каша или лапша!

Как—то я и Юнфэй отравились. Я не знаю, что мы съели, вроде в камере все ели одно и то же, но отравились только я и он. Температура, жуткий понос, башка кружится, спать не можешь, потеешь, всего трясет. Говорю:

—Юнфэй, мы что—то сожрали. Но ты не ешь ничего один день и у тебя все пройдет.

Сам сблевал, и весь день только пил воду, слабенький чаек. А Юнфэй говорит:

—Ой, как это я могу сутки не есть, я же от голода

умру. Юнфэй, не ешь один день. Все пройдет.

Нет, нельзя один день не есть, можно от голода умереть.

На следующий день я поголодал, тем более я худел, мне было нормально. Юнфэй пожрал, его стошнило этой лапшой опять. Пожрал каши. Потом опять понос, рвота, сознание теряет. Я говорю ему:

—Ты завтра хоть ничего не ешь. Все будет нормально. Смотри, я—то уже выздоровел.

—Ой, я попробую.

С утра просыпаюсь, уже порет что—то:

—Ты чего?

—Ой, нельзя не есть. Можно умереть!

Опять вырвало, просрался. Неделью мучился, какие—то таблетки жрал, вместо того, что бы денек поголодать на чае. С китайской медициной я в нем разочаровался, думал, китайцы более сведущи в этом.

У нас потек унитаз. И никак его не заткнуть было, вроде воду убираешь, ставишь какие—то мисочки, выливаешь все это, но в хате все равно сыро. Форточка открывается только чуть—чуть, на улице дикая жара, лето. Пробежишься буквально десять минут, уже весь течешь от пота. А в камере вообще невозможно занимаешься, весь течешь. Возможно, точнее, как и все при большом желании и дурости. У меня и того и того хватало. Вещи не сохли вообще. Я постирал свою качковскую кофту с питбулем, повесил у окна на веревку, думал, что с утра надену сухую. А с утра беру ее в руки, она такая же мокрая как я ее повесил. Вечером ее трогаю, она такая же мокрая. На следующий день ее трогаю, она такая же мокрая, но еще и начала пахнуть — подтухла. Да, что же такое?! Сырость дикая. Мы начали вызывать сантехника:

Чините унитаз. Мы здесь заживо сгнием от сырости.

Хорошо, что никто действительно гнить не начал, потому что многие в тюрьмах начинают гнить именно от сырости. Маленькая царапина — и пошло воспаление, загноение, вплоть до того, что могут ногу отрезать. Неприятная вещь...

Один четыре восемь восемь.

14 августа 2008 года меня повезли на арест. Я уже осужден, вроде как. Но, с другой стороны, меня должны этапировать на зону. А так как меня не этапируют, меня надо арестовать по—новой. Там были какие—то заочные продления сроков моего задержания под стражей в СИЗО в качестве свидетеля по «Ку—клукс—клану», потом меня переквалифицировали из свидетеля в обвиняемого, из обвиняемого... В общем, повезли меня 14.8.8 на суд. 14/88 — символично! Открывается дверь и говорят:

Все, собирайся по сезону.

По сезону?! Я сейчас в майке и шортах поеду.

У меня майка была обрезанная, — рукава обрезаны, живот обрезан, — просто топик по сути, чтобы заниматься было не жарко.

Вот так поеду.

Мне начальник по режиму говорит:

Ты что сдурел что ли?! Хоть майку одень приличную.

Ладно. Одел майку черную с орлом, 14/88, как—никак. Шорты так и оставил, — шорты можно, — и кроссовки. Выхожу на улицу, стою, — классно, тепло, прямо купаться бы пошел! Но нельзя мне. Посадили в ГАЗель, спецконвой, поехали мы в Хамовнический суд. По дороге играло «Наше радио», я послушал песенку Агаты Кристи «В интересах революции», Наутилуса послушал, Сплина. Прогулочка прямо праздничная такая. Думаю, если сейчас еще в суде спецконвой подкупят и мне свиданку организуют — это вообще будет супер. Но свиданку организовать не получилось, потому что денег не было. В суде я увидел своего адвоката, пообщался с ним, дал небольшое интервью ему на телефон, которое в итоге появилось в интернете. Я пожелал осетинам сражаться за независимость, а грузинам пожелал сражаться за свою территорию, еще чего—то рассказал. Увидел товарищей своих, которых не видел с зимы. Как ожидалось, суд арестовал меня на два месяца. И спецконвоем же меня повезли назад. То есть я не ждал, как обычно, до вечера, пока приедет автозак. Я еду, окна открыты, обзор отличный, смотрю на улицы, на людей, которые по ним идут. Какие—то девчонки прямо в купальниках по городу ходят. Жара, люди в шортах. Менты люк открыли, меня обдувает. Сажу в этом боксике, вроде как, но такое удовольствие получил! Музыка нормальная играет. Приехал в камеру веселый. Адвокат сказал, что завтра — послезавтра ознакомление с материалами дела будет, скоро осудят. Я понимаю всю эту программу, что к новому году у меня будет приговор, скоро поеду на зону, а как только приеду на зону, — уйду по УДО. У меня была идея фикс

— уйти по УДО. В законе же написано, что люди со статьями средней тяжести, первый раз судимые, должны уходить по одной трети. А одна треть у меня это один год, один год я уже отсидел. Думаю, вот сейчас суд закончится и сразу домой. И пофигу, сколько дадут. Там будет отсидено полтора года, даже если добавят мне до четырех с половиной, я все равно сразу домой. Думаю, вообще нормально, полностью успокоился, не переживал. Никого кроме меня не посадят, срока никому не дадут, — все нормально. Я веселый, занимаюсь спортом, хихикаю и учу китайца, как правильно варить кашу.

Тайны следствия.

Вызвали меня на следственные действия, на ознакомление с материалами дела, закрывало 217—ую статью. Значит, расследование зловещего наконец—то преступления подошло к концу. Я пришел. Один день я смотрел видео. Программу «Максимум», Рен—ТВ, «Профессия репортер», видео с «Ку—кукс—клана», которое я монтировал, уже готовый вариант, где ни лиц не видно, ни дополнительных голосов не слышно. Несколько роликов своих посмотрел, которые были изъяты у Артема Зуева с флэшкой, при задержании. Довольный пришел — посмотрел видяшки, развлекся. Адвоката требовать не стал. Смысла уже не было, я все обсудил.

На следующий день меня опять вызвали туда, ознакомливаться с материалами дела, теперь письменными. Русскими буквами по белой бумаге. Оттуда я пришел вообще счастливым, узнал, что не друзья мои меня сдали и что—то написали, а Дмитрий Румянцев дал все расклады, — кто там был, что там было. Дима Румяный и девочка Заштопка, мелкая гадюка, тоже за каким—то хреном подлила масла в огонь. Может быть, это у нее от дурости, потому что она слабовменяемая мадам. Один хрен, я понял, что мои товарищи меня не сдавали, не то что бы из каких—то логических соображений, а вообще никак. Ну, и замечательно.

Посмеялся еще над тем, как проводились розыскные мероприятия по поводу того, кто такой Дед. В принципе, он был известен. Я его в оперативной справке видел, домашний адрес его, фамилия,

имя, отчество. Тем не менее, было дано поручение выяснить, кто такой «Дед». Нашли несколько откинувшихся уркоганов с зон, у которых были клички «Дед », вызвали их в прокуратуру, допросили, не являются ли они экстремистами. Они пишут: «Я вообще не являюсь экстремистом! Я сидевший, но я не экстремист. Я тихо живу, никого не трогаю. Я не имею отношения к «ку—клукс—клану», знать про него не знаю». Одна такая бумажка, вторая, третья. Ну, на фига, дергали пересидков?! Зачем?! Чего, не могли Андрюшу найти? Естественно, показания Андрюши: «Я знать ничего не знаю. Да, я «Дед». Это от беззубости. Дисков с казнями никому не передавал, видеть ничего не видел. Максима видел только в спортзале, с ним давно не общаемся, он куда—то пропал. Я не знаю куда». Вот, это молодец, вот это показания дал! Все бы так! Пришел довольный.

Коэффициент счастья.

Жду, когда уже суды начнутся. Тут пошли письма от друзей уже ровным потоком, их никто больше не блокировал. Я ответы пишу, наслаждаюсь жизнью. Я даже удивился — у меня самочувствие, «коэффициент счастья» был такой же, как на воле. Я уже смеюсь, прикалываюсь, читаю книжки. По сути, сижу в тюрьме, причем в федеральной тюрьме №1 в России. По идее , я должен очень сильно из—за этого переживать. У меня нет ни нормальных отношений с девушкой, — переписки это все фигня, нет непосредственного полового контакта. Нет интернета, нет телефона. У меня нет возможности получать хорошую, вкусно—спортивную пищу. Нет возможности заниматься тяжелой атлетикой. Но при этом мне весело и себя чувствую так же как на воле.

Я помню, очень удивился, когда в социальной психологии прочел, что коэффициент счастья народа не изменяется после изменения конституционного строя в стране. И дана статистика по многим странам. Опросы за многие годы. Выборки репрезентативные, по несколько десятков тысяч человек. То есть был капитализм, стал коммунизм, была монархия — стал социализм, потом стала демократия, — коэффициент счастья народа от этого вообще никак не поменялся. И уровень зарплаты на это не влияет, и уровень жизни на это не влияет. На это не влияют практически никакие экономические факторы. Если ты получишь много денег, у тебя счастье будет длиться ровно столько, сколько ты будешь привыкать к этим деньгам. А привыкнешь ты через несколько месяцев. И все, пока ты не получишь еще больше, ты не будешь счастлив. Идет постоянный рост желаний.

С одной стороны, это должно было остудить мой энтузиазм по перестройке общества , по перестройке социальной структуры России... Но я понимаю, что может народ счастливее при национал—социализме и не станет. Может не стать, хоть должен бы. С другой стороны, если не построить национал—социализм , русский народ вымрет, и тогда уже будет не важно, какой у кого коэффициент счастья. Русских не останется, потому что они сопьются, сколятся и вымрут.

Слава Пуля—зуб.

После того, как увели Юнфэя и Максвелла , привели к нам в камеру Славу Снегова, тоже из Питера, по вымогалову. Сперва человек показался странным — странно говорит, странно двигается, — я не понял в чем прикол. Он с длинными волосами был. Но весь на спорте, без жиринки, худощаво—спортивного телосложения, веселый, постоянно двигается, жестикулирует, говорит... Вечером спросил:

Макс, хочу побриться наголо. Побреешь меня? Ну, давай.

На следующий день выписали машинку. Я его брею, и смотрю у него вся башка в шрамах:

Что это у тебя

такое? Пулевые...

А что за пулевые?

В меня шесть раз выстрелили, три пули во мне осталось — три в голову попали, три в грудь. Вот смотри — шрамы остались.

Показывает: прострелена губа, изнутри видна пробоина заросшая в небе, зубы вставлены все искусственные, в голове дырка, в груди дырки. Живой при этом!

И ты нормально?

Да, пули во мне остались, но я выжил же. Ничего. Себя неплохо чувствую, спортом занимаюсь.

Ни фига себе! Человек—терминатор! Спорт по часу—полтора минимум. В прогулочном дворике мы с ним бегали, прыгали. Конечно, у человека с нервной системой тяжело, он все время на

движухе, все время хихикает. Самое заметное — он всегда просит подтверждение любой своей фразе:

Погода на улице хорошая, да? Хорошая
погода—то? Через две минуты:

Погода хорошая, да?

Да, Слава, хорошая погода.

Погода классная, да?

Но не вредный, веселый парень. Просидели мы с ним не очень долго, его тоже перевели. Потом в газете прочел, что получил понты какие—то и уже дома.

Барцуха—дагестанец.

Занимаемся мы как—то с Глебом вечером, заводят мужика. Он, в общем—то, оказался не мужиком, а реальным пацаном. Такой авторитетный дагестанец. Зовут Абакар. Привезли с зоны. Отсидел он уже лет шесть. Пообщались. Так и так, спортом занимаемся, режим такой—то, связи в тюрьме в этой нет. Он не может понять, как это в тюрьме ничего нет, и все по режиму! Он сидел в Дагестане, на зоне, где за деньги есть все, — кушал баранину, яички, творог, занимался постоянно. Он как снял майку, я чуть не упал! Никогда не видел вживую такого прокаченного человека. Мастер спорта по САМБО, рукопашкой занимался. Тренированный как хрен знает что. Самому под сорок лет, небольшого роста, весит, может быть, семьдесят пять, но при этом весь проработанный.

Рассказал, как сидел. Рассказал, зачем привезли. Стали вместе заниматься. Он занимается вообще, как псих. В общем—то, из—за него я довел свои тренировки до трех с половиной часов в сутки, потому что это заразная вещь. Просушился, у меня стал виден и пресс, и все косые мышцы живота. Нормально, сейчас бы белка еще немножко. На воле же никогда столько не занимался. Если бы я три с половиной часа в сутки на воле торчал на стероидах и с протеинами, я бы мог уже участвовать в соревнованиях по бодибилдингу. На воле же не будешь столько времени тратить, там другие дела. А здесь делать нечего, но эффективность тренировок крайне низкая. Пища не та... Огорчительно.

Буквально в это время у меня начались слушания, стали возить раз в неделю на суды.

Путешествие из Москвы во Владивосток.

Перевели в камеру №310. Это знакомая мне пятиместка, но сидели мы там вчетвером, я, Глеб, Абакар и Володя. Володя — контрабандист, подельник китайца Юнфэя, глава российской фирмы, которая эти шмотки возила. Совсем не бомж, коттедж на Рублевке, на территории Москвы. Нормально стоит, с деньгами все замечательно. Веселый мужик, хотя срок ему корячится неплохой, но много уже перенес. Этап во Владивосток. Опера не могли его законными методами расколоть, зарядили его на очную ставку с какими—то пограничниками, на следственные действия во Владивосток. И он поехал. Этапом ты не можешь пересечься с адвокатом, тебя не могут навещать родственники, ты не можешь написать жалобу, потому что на этапе ты, видимо, ни в чем не нуждаешься. И никакую правовую помощь тебе никто не оказывает. Тебя можно избить, — никто тебя не увидит, никто никогда не даст пройти медицинское освидетельствование. Туда ехал месяц. И почти месяц его пытали в разных камерах на пересылках, током били, пакет на голову одевали! Причем делали это зэки! Козлы—гады. Он доехал до Владивостока, там провели какие—то бесполезные следственные действия и назад его самолетом в Москву вернули. Он приехал с этого этапа ошеломленный совершенно. Тем не менее, он сохранил бодрость духа, — ходил, смеялся, прикалывался. Причем коттедж у него тоже в Крылатском, то есть мы с ним с одного района, хотя, естественно, никогда не пересекались и пересечься не могли бы. Я хоть и жил на Рублевке, но у меня там квартира в обычном 17—этажном доме, и никто бы меня в охраняемый поселок просто не пустил. А тут пожалуйста — вот она социальная сеть ФСИНа.

Эксперименты в боксе суда.

На суды стали возить меня раз в неделю. Частенько суд просто переносился. Я приезжал, а адвоката моего нет. Все, суд переносится на следующую неделю. Происходило это потому, что мой адвокат, Александр Васильев, участвовал в деле «Рыно—Скачевского», а их судили четыре дня в неделю с присяжным заседателями. Суд надо мной мог происходить только по пятницам, а судья делал вид, что этого не замечала и назначала заседания на любой день недели, который ей в голову придет. Раз нет адвоката, так и нет. В принципе, всем по фигу, потому что в зале появлялся только я и

адвокат моего подельника. В такие дни мне не очень нравилось. С утра выходишь, сидишь в отдельной камере, потом едешь в автозаке часа три, пока до суда доберешься, потом сидишь в боксике, ждешь когда тебя отведут на суд, заранее зная, что суда не будет, слушаешь, что заседание назначено через неделю, и сидишь опять до вечера, ждешь автозака. Естественно, в боксике делать мне было нечего. Сажали меня всегда одного, чтобы я ни с кем не мог пересечься, поговорить. Специзоляция, спецтюрьма. Не положено.

Но я и тут ставил эксперименты. Во—первых, в судные дни я всегда голодал. Чтобы, сидя в автозаке, не искать бутылочку, куда поссать, я с утра не пил воды, не ел каши, ничего — чтобы был пустой желудок. Такая мини—голодовка. Плюс я еще худел целенаправленно, поэтому железно раз в неделю устраивал себе разгрузочные дни и не ел ничего и по приезду в камеру. В этом боксике я тренировался, пресс качал, растяжку делал, ногами махал. Там длинный такой боксик, метров шесть в длину и полтора в ширину, все время накиданы бумажки какие—то и на стене мелом нацарапано: «Сорите, братцы!» Думаю, интересно. Взял у приставов веник, совок, пакет попросил, все в боксике убрал, надпись оставил. Приезжаю через неделю. Опять то же самое: накиданы пакеты, коробки от сухих пайков, бутылки, бумажки, газеты — намусорено. Думаю: «Проведем эксперимент дальше». Все убрал, подмел. Стер надпись и написал: «Не сорить!» Прямо по—ментовски, с восклицательным знаком и подписью «Администрация». Приезжаю через неделю, нагажено вдвое больше! Так, интересно. Опять все убрал, написал: «Не сарите, братцы. Самим же здесь сесть!». Как будто свои же зэки написали, — кривыми буквами, с грамматическими ошибками. Приезжаю через неделю, все чисто. Офигеть! Все—таки социальная психология реально работает. Людей же можно просчитывать с точностью до миллиметра. Когда писал «Не сорить!» — был уверен что насрут, думал даже кучу навалят под этой надписью, я лично так бы может и сделал.

Артур Рыно.

Как—то еду я в автозаке, смотрю, около какого—то суда менты заносят сложенный велосипед. Думаю: «Идиоты, велосипедиста какого—то взяли что ли?! Подвезти решили, денег срубить?!» Присмотрелся, это инвалидная коляска. Затаскивают человека, а он есть только по пояс, дальше все обрублено, не то, что ног нет — даже жопы. Затащили его. Я понимаю, что его в суд везут.

Что за статья?

Да, вот, 162—ая, разбой.

Как он мог кого—то ограбить?! Он весит тридцать килограмм и не может ходить. Повезли судить.

Едем, вроде весело, суд к концу подходит. Тут пересадка в районе Мосгора, и вылезают ребята, называют фамилии:

Рыно.

Ну —ка, фамилия знакомая! Смотрю, лазит к выходу мимо меня Артур, я успел только по спине его хлопнуть:

Держись!

Еще один бритый за ним лез, кто—то из его подельников. В автозаке не видно ничего, там темнота, курят. Пожал ему руку:

Давай, удачи!

Кто, чего — не знаю. Знаю, что с Артуром пересекся, значит суда сегодня не будет. У них слушания идут, а адвокат мой в их деле задействован. Мне, видимо, опять придется просто так прокатиться. Приехал в суд. Как обычно в боксике позанимался.

Вытер жопу приговором.

Думаю, надо бы в сортир сходить. Но в сортир чтоб сходить, надо чем—то и зад вытереть. А с собой у меня была папка с документами, я всегда ее с собой возил, — там приговор, касатки еще с первого дела по Билингле. Потому что приходил на заседание, смотрел, кто находится в зале, и, пока перерыв, бывало что и час, писал малявы. Или из изолятора с собой привозил. Я под видом кассационной жалобы или ходатайства, оформлял маляву. Она так грамотно, ровно написана, красиво. В качестве обычной скрученной малявы ее провести было невозможно, отшмонами бы. А так — бумаги какие—то официальные. В изоляторе их особо не просматривали, потом я приезжал в суд, отдавал адвокату горку бумажек: «Типа, посмотри документы, изучи». Прямо через приставов передавал, он забирал их, вытаскивал этот листик с малявой, потому что он знал, что там будет такая вещь и, якобы изучив материалы, отдавал их мне тоже через приставов. Схема у нас была отлажена.

Думаю, надо сходить в сортир. Достал папку, вытащил из нее первый попавшийся лист, помял его, пошел в сортир. Мне открыли боксик, вывели.

А сортир в Хамовническом суде такой: параша стоит, то есть надо садиться на корточки, и по краям от нее высокие горы бумажек, испачканных говном, потому что бросать их в парашу нельзя, она засоряется, а убирать ментам лень, потому что это туалет для зеков, кому оно надо? Я смотрю бумажка—то: «Приговор именем Российской Федерации...» и зад ей вытер. То есть это первый подвернулся мне под руку. «Ну, и самое ему тут место». Бумажку бросил, она так живописно еще упала, если ты сидишь на параше, то смотришь на «Приговор...» вытертый о жопу. Приехал я через неделю, через две, — все так же приговор лежит, никуда он не двинулся, никто там ничего не убирает. Я думаю, если затянуть за бабки в гости ко мне девушку, как в Басманном суде, попросить её, чтобы принесла мне телефон, позвонил бы и спрятал его под эти бумажки. Через неделю приехал, достал, позвонил, опять спрятал. Так тут звонить всегда можно будет. Но, к сожалению, мероприятие это не случилось. Никого ко мне не пустили, сказали, что за мной установлен особый надзор, никого не пускать. Даже сумму обсуждать не стали.

Видишь, у тебя зато отдельный боксик,
чистый. Ну, да чистый, конечно.

Короче, отказались ко мне кого—либо проводить.

Патриарх умер. Да здравствует Патриарх!

Еще был случай. Сажу я в этом боксике, жду суда. Слышу, менты смотрят телевизор. Там говорят:

сегодня скончался патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй...

Менты смеются: «А—аа! Допрыгался, старый пес?!» Я, естественно, сразу закричал: «Ура!» Я удивился даже, откуда у них такая осведомленность, они же овощи, по сути, должны были сказать: «Ой?! Как?! Умер патриарх, он так много сделал для России». Нет, веселятся.

Пришел я в зал суда, рассказал историю:

Вот, патриарх крикнул. Только что я в новостях слышал.

Все, чтобы приехать в суд просыпались рано и, соответственно, новостей не смотрели. Эту

новость я первым сказал. Все обрадовались опять же: «О, спекся! Предатель русского народа». Приезжаю вечером в камеру, там уже все знают, кто—то радуется, кто—то:

Да, блин. Он же патриарх, как ни крути. Он все—таки как—то от церкви действует. Так церковь же деньги ворует.

Понятно, что ворует. Но все—таки нехорошо гибели патриарха радоваться. Больше всех сокрушался Глеб. Я спрашиваю его:

Глеб, а патриархом—то сейчас кто будет? Отец Кирилл, наверное?

Кто? Кирилл? Да, никогда в жизни Кирилл не будет патриархом! Потому что Кирилл и водкой барыжил и сигаретами барыжил. В 90—ые годы они имели льготы на продажу табака, алкоголя и золота. Они всем этим занимались. Он негодяй, нечестный человек. Не выберут его патриархом!

Выберут, смотри, он самая раскрученная персона. Алексей умер, Кирилл будет патриархом. Не поверил он мне тогда, а зря — я угадал. Хотя в церковных иерархия никогда особо не разбирался, и не интересовался ими, но это был очевидный ответ.

Дерзкие поцыки.

Как—то в автозаке ехали со мной два малолетки, лет по пятнадцать—шестнадцать. Надо сказать, что малолетки вообще почти все бродяги и стремяги, то есть дико блатные. Блатные просто до ужаса. Тяжело понять даже, что они говорят. Они решили доебаться до конвойного:

Слышь, братуха? Открой дверку, что—то тут дышать нечем. Нет, не открою.

Ты чего, э? Ты слышишь, че те люди говорят?! Дышать нечем, тут накурено. Горло у меня заболит, я кашлять буду, как я на суде смогу выступить?

Да, мне по фигу, ты не кури.

Слышь? Ты че так с людьми базаришь? Ты понимаешь, что тут люди едут? Здесь накурено, я те говорю. Открой люк хотя бы. Ты че, попутал?

Мент сидит, злится, но видит, что мелкий малолетка до него доебался. Все молчат, слушают, что будет. Так, повеселиться.

Слышь? Ты чё? Дверь—то откроешь мне или нет? Ты пацан, или марамойка зашкваренная? Мент молчит.

Я не понял, ты чё игнорируешь? Тебе реальные люди интерес задали! Ты чё, перепутал вообще?!

Тут мент взорвался:

Я тебя сейчас, щенок, выволоку сюда. Здесь тебя задолблю!

Все ржут. Малолетки понимают, что им ничего не будет, мент бесится. Я сижу, мне вроде и смешно, но меня самого эти малолетки тоже начинают бесить этим блатовством. «Ну, до чего мелкие уроды?! Ладно. Сейчас в камеру приеду, отдохну». Но когда их пересаживали, мент все—таки не удержался, и одному из них дубинкой по жопе навернул. Открыл боксик, один вылезает, он ему — хрясь! Второй проходил лицом к менту, специально повернулся, чтобы если бить, то по рукам, но мент не стал.

Бабурова — немытая панкушка.

Видел на суде несколько раз журналистку Анастасию Бабурову, которую в итоге все—таки шлепнули. Я не мог понять сперва, кто она такая. Думал, может быть, девчонка правая приходит поддержать? Единственное, она была какая—то грязная, голова не мытая, штаны не постиранные, тяжелые ботинки — грязные. Видно, что она, скорее панкушка какая—то, или совсем опустившаяся скингёл. Сидит, пишет, но понять не могу. По виду, вроде, типичная деревенская неформалка ... Один раз ее видел, второй. Потом просто сопоставил, что когда она появлялась на суде, в «Новой газете» выходили заметки ее. Наверное, она журналюга и есть. Думаю, журналистка против нацизма пишет, но пишет более—менее объективно. Ладно, пусть ходят, все мне на руку. Друзья мои тоже не могли выяснить, кто из антифашистов присутствует на суде, ведет оттуда репортажи. Там много было прессы всякой. И два товарища как—то сели по бокам от нее и, как бы не замечая ее, начали разговаривать друг с другом:

А ты слышал, Федяя убили?

Да, но Федяй гомосексуалист был.

Ну, конечно, да. Такой активный гомосексуалист был, что нацисты решили его зарезать. Вел слишком активную гей—агитацию.

Конечно, у нас страна традиционных верований, взглядов, а здесь такое! Да, невозможно!

Он был тако—ой пидорас! Ой! Теперь, наверное, в раю для геев покоится! Да, конечно, сидит там с Иисусом, чай пьет!

Смеялись—смеялись. Она даже где—то написала, что фашисты ее вычислили и всячески зверски над ней издевались. На самом деле они просто шутили, не зная точно она — не она. Если правая, то поймет, что это шутка, если левая, то пусть испугается, — хуже никому не будет.

Девки в автозаках.

Очень интересно было слышать, как зэки общаются с девками—зэчками. Сажают, естественно, в разные боксы, в разные отсеки автозака. Начинается:

Девчонки, вы как?

Мы, нормально. А вы как?

Да, мы тоже ничего. Есть кто с такого централа. Да, есть.

А вот эту знаешь?

Да, знаю, у меня в хате сидит. Привет ей передавай.

От кого?

От такого—такого. А тебя как зовут? Меня Юля. А тебя?

Рома. А давай цифры, есть цифры? Есть.

Давай я тебе позвоню, познакомимся. Я секса хочу. Я тоже секса хочу, но не пустят.

Ну, может в боксах словимся.

И эти переклички, с одной стороны весело, с другой стороны понимаешь, что никто из них никогда ни с кем не словится. Но люди развлекаются. Менты на это смотрят так, сквозь пальцы. Зэчкам, бывает, шоколадки передают через ментов даже, конфетки, сигареты, — кто чего везет:

Командир, передай туда. Не обломает, братуха, от души.

Менты передают сигареты, шоколадки. Грева на крытую.

Как—то от нечего делать тоже решил с ними пообщаться, но все мое общение уперлось в то, что у меня нет цифр, потому что зэчка пообещала, что созвонимся, ммс—ку, где она голая пришлет:

Давай, цифры диктуй.

Я какие—то продиктовал, из головы. К сожалению, настоящих цифр у меня не было. Так что ей пришлось довольствоваться общением в автозаке. Звали ее, вроде, Ира, но это собственно не важно. Красивая была, наркоманка только.

Полузакрытое заседание.

Когда я увидел, что в зале много журналистов сидит из газет, я стал периодически писать статьи. Писал и передавал своему адвокату, чтобы он передал непосредственно журналистам. Говорил : «Вон той девке отдай... Вон той тетке отдай...» Примерно прикинул, пусть опубликуют в газетке, если им интересно будет. Статьи о том, что судят меня исключительно за то, что я признал свою личную заинтересованность, то есть субъективную сторону преступления, умысел в разжигании вражды против таджикских наркоторговцев. Журналисты—свидетели этого не признали, сказали, что им все по фигу, что они чисто выполняли свою работу. То есть в нашей стране безучастность и безответственность являются смягчающими обстоятельствами, даже обстоятельствами, которые освобождают от ответственности. Но адвокат им ничего не передал в итоге. И вот почему.

Надо сказать, что на суде не было видеосъемки, и фотокорреспондентов тоже не было, потому что прокурор пообещал запросить условный срок моему подельнику, если тот согласится с заявлением прокурора, что бы судебное заседание было закрытым. Подельник согласился:

Макс, сейчас будет заявление. Давай сделаем закрытое заседание.

Зачем закрытое заседание? Пусть народ смотрит, как узника совести судят за правду.

Блин, правда правдой, но Артему общий режим дадут. На хрен надо? У него два ребенка. Ну—да, согласен.

Два ребенка — это весомый аргумент. Все. Прокурор выступает с ходатайством: «Прошу закрыть процесс, прошу удалить журналистов из зала суда». Подельник говорит: «Поддерживаю». Адвокаты говорят: «Поддерживаю». Я говорю: «Я не возражаю, мне все равно». Но судья, молодец, говорит:

Я считаю, что видеосъемку можно убрать, но газетные журналисты, пишущие пусть остаются. Все кто хочет здесь присутствовать, те будут. Потому что дело публичного обвинения, делать закрытый процесс — вообще перебор.

Поэтому видеосъемка не велась. И шума старались не допускать.

Свидетели обвинения, и никого кроме них.

Очень интересно выступали журналисты.

Во—первых, Стэлла Плюева, которая говорила, что «Ку—клукс—клан» был проходным сюжетом. Я ей просто позвонил, предложил снять сюжет, не говорил, что именно. Она приехала к офису НСО, мы поехали в лес, там все сняли, она этому сюжету значения никакого не придавала, в организации съемки участия не принимала и вообще ее ввели в заблуждение. Она не знала, о чем будет сюжет, и, тем более, не хотела ничего разжигать.

Я помню разговор, что она хочет чуть—чуть прославиться, надо какой—то сюжет, чтобы он взорвал эфир, чтобы к ней потянулись с предложениями, может награду дадут. «Ну, давай снимем. Не вопрос!» Договорились снять сюжет про «Ку—клукс—клан». Естественно, в общем и целом это была моя идея, но говорить, что она была не в курсе, тоже не совсем корректно. Хотя с другой стороны, ей главное было не сесть, мне главное было вывести из—под удара своих товарищей. Так что нормально, все суду наврали, и все довольны. Вообще, я считаю, что врать в суде — это святое дело, тем более, что подсудимый освобожден от ответственности за дачу ложных показаний. За дачу ложных показаний могут осудить только свидетелей. Осудить на какие—то штрафы, может быть. А подсудимый может говорить вообще все, что угодно! Я так и делал.

Примечательно было выступление Николянова. Владислав Николянов — журналист с канала РенТВ, из «Недели с Марианной Максимовской». Его судья спрашивает:

Как к Вам попала запись? Как Вы решили делать сюжет? Зачем Вы вообще делали этот сюжет?

По сути, в эфир попала запись, разжигающая вражду в отношении таджикских наркоторговцев. Но так как практически все таджики являются наркоторговцами, то эта запись и разжигала вражду в отношении всех таджиков.

Я просто, по долгу службы, занялся этой съемкой, записью, сделал сюжет.

А как Вы вообще относитесь к наркоторговцам? Был ли у Вас какой—то умысел на разжигание? Может быть вы их не любите?

Нет, Вы знаете, я ко всем нейтрально отношусь. Мне, как журналисту, был интересен этот репортаж.

Адвокат говорит:

То есть Вы нормально относитесь к наркоторговцам?

Да, мне совсем не важно. Я журналист, я не политик. Мне по фигу, пусть продают.

«Да, молодец», — думаю я.

Выступили эксперты, Суколовский и Кишко. Я не помню, кто из них кто, но оба такие смешные деды, говорили какие—то заумные слова... Но суть была в том, что они проводили экспертизу самой программы «Времечко», где было сказано, что вешают таджика и гастарбайтера, отрубая ему ногу. Вот поэтому сюжет разжигает вражду. Я одного из экспертов спрашиваю:

Как вы делали экспертизу? Меня судите по ней, если в исходном ролике ни разу не сказано, что это «гастарбайтер» или «таджик», сказано, что это «таджикский наркоторговец»? Как вы меня судить хотите? Если делали экспертизу самой программы, в озвучке которой я участия не принимал?

А, да? Я просто не так понял. Я извиняюсь, внесу правку.

Судья говорит:

Да, это не важно.

Потом как—то на суд пришел представитель таджикской диаспоры в Москве. Взрослый таджик, с усами, говорит:

Ваша Честь, я считаю, что дело, которое возбуждено против подсудимого, оскорбляет всех таджиков. Потому что там четко сказано, что вешать надо таджикских наркоторговцев, а Вы его судите за разжигание национальной вражды, то есть вы называете всех таджиков наркоторговцами. Как это так?

Прокурор встает:

А Вы кем являетесь? Потерпевшим? Кем?

Нет, я не потерпевший. Я представитель диаспоры.

Ну, так Вы тогда помолчите и выйдите из зала суда.

Это был очень смешной момент. Этого представителя таджикской диаспоры приволокла на заседание Стэлла Плюева, чтобы как—то себя обезопасить, потому что, по сути, она была соучастница преступления. Съёмочная группа была ее. Она старалась, как могла, сама не загреметь, поэтому и таскала всяких таджиков. Хотя вряд ли бы её стали судить. Тут пресса вообще бы взвыла! Жалко не получилось её в подельницы записать. Освещение дела в прессе приняло бы совсем другие формы и обороты.

Во время заседаний, так как слушать экспертов и свидетелей довольно скучно, да и бесполезно, я учился рисовать. Сначала нарисовал своего подельника Артема, потом нарисовал девушку Сашу. Потом соратника Леху пытался нарисовать, но он вертелся очень сильно, у меня не получилось. Понял, что у меня более—менее получаются портреты. Надо попробовать с книжек срисовывать. Нарисовал патриарха Алексия, Чарльза Дарвина, Гитлера, Лукашенко, — замечательно все получается. Может быть, когда выйду, пойду на Арбат деньги зарабатывать?

Дима Румяный.

Поднимаюсь я в зал суда. Меня ведут конвойные, наручники за спиной. Смотрю, сидит Румяный и с ним куча оперов из Центра «Т». Ага, голубчик. Пинать его как—то смысла не имеет. Не дотянусь. Зато мерзко так на него посмотрел. Сейчас прожгу его взглядом! Может быть, совесть у него воспламенится и он покончит жизнь самоубийством? Он спокойно сидит, знает, что он полностью под защитой, что он красавчик. Завели меня в зал суда. Началось заседание. Прокурор говорит, что сейчас будут заслушаны показания Дмитрия Румяного, и просит сделать заседание закрытым. Судья говорит, что согласна.

Выводят всех журналистов, всех лишних людей из зала. Приходит Румяный, секретный свидетель обвинения, и начинает давать показания. Кстати, эти показания потом были кем—то выложены в интернет. Он дает все расклады, — кто привез балахоны, кто организовывал съемку, кто что делал. Мало того, он начал жаловаться судье, что Великий Дракон смоделировал его голос специально, чтобы подставить его. То есть, за год до раскола в НСО Артем притворился по голосу Дмитрием, чтобы его подставить в будущем. Заслушали аудиозапись, где Дмитрий разговаривает с Артемом и говорит, что он никогда никого не кидал на деньги, что к Артему он очень хорошо относится, что он молодец. Потом прокурором говорится, что запись сделана в кабинете следователя. Даже судья засмеялась.

Мне это очень напомнило «Что Вы?! Что Вы?! Даю честное благородное слово... Аллё! Милиция?» Выглядело это где—то также.

Закончил Румяный свое выступление тем, что попросил у суда защиты:

Ваша Честь, меня хотят убить. Мне угрожают вот эти люди. Они очень опасны. Они являются бандой. Если можно, примите к сведению, что моя жизнь находится под угрозой. Прошу меня как—то защитить. Имейте это ввиду.

Судья отвечает:

Хорошо. Этим пусть занимается другое ведомство. Мне это не очень интересно.

Адвокаты задали Румянцеву несколько вопросов. Как то, не является ли он провокатором, не является ли он агентом спецслужб. Румяный ответил, что не понимает, о чем они говорят, он никем не является и убежал. Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться.

Азартные игры — финансирование «Формата18».

В тюрьме мне очень сильно не хватало карточной игры в покер, я прямо тосковал по ней. Не то, что бы я был азартным игроком... Дело в том, что последний год Формат18 существовал за счет

карточной игры, как не странно это звучит. Много всяких уродов писали безумные версии, что и ЗОГ нас финансирует, и мы наживаемся на соратниках, еще что—то. На самом деле не так.

У нас был один товарищ, который сейчас уехал из России в неизвестном направлении. Товарищ Леша очень хорошо играл в карты. Вот, допустим, есть игра «Русский покер», при игре на один бокс она убыточна. Если ты играешь на один бокс, ты всегда будешь в проигрыше, как бы качественно ты не играл, при любой стратегии ты будешь в минусе, это теория игр, это математика. Если ты играешь в открытую на два бокса, то при идеальной стратегии ты можешь получать 1% прибыли, то есть пропустил 10 000\$ через стол, один процент от этой десятки ты можешь положить себе в карман. Но 100\$ все—таки маловато. Риск велик, что будешь играть не по идеальной стратегии, а по стратегии близкой к ней. В итоге, все—таки люди спускают деньги в покер. Но если ты играешь в открытую на три, а тем более на четыре бокса, то прибыль достигает 8—12%, а это уже существенно. Мы с Лехой ездили по казино, садились за стол, — играл я, играл он. Я старался играть так, чтобы просто не проиграть деньги, и сливал ему маячки на карты, то есть маяковал ему совпадения с картой дилера, туза, короля, даму, валета. Этого хватало. Если я видел, что у меня туз и король, я говорю: «Та—ак...», и при этом чешу нос, — он понимает, что у меня туз и король. Из этого он делает определенные выводы, корректирует свою стратегию игры и делает соответствующую ставку. За ночь иногда получалось заработать и тысячу, и две, и три. Иногда даже и 10 000\$. Естественно, казино в конце концов понимает, что его просто наебывают. Тогда подходит администратор и говорит, что нам нельзя играть за одним столом, и что бы мы расселись. Понятно, что они все пропалили, но доказать ничего не могут. Это не совсем мошенничество, потому что здесь нет обмена картами, это слив информации, это счетчик в голове. Счетчиков в казино не любят и просто говорят: «Извините, наше казино с Вами больше не играет. Без объяснения причин». Таким образом у Лехи были черные листы, так называемые «black list», практически во всех казино Москвы, у меня они были примерно в трети. Тот, кто видел меня до посадки, понимает, что заподозрить во мне счетчика или профессионального игрока было просто невозможно. Человек, который весит 120 килограмм и у которого все руки в шрамах, просто не вызывает ни малейшего подозрения. Так мы довольно долго работали. За счет этого существовал сайт, за счет этого проходили сборы, тренировки, осуществлялись проекты типа съемок «Ку—клукс—клана»... Это в десятки раз прибыльнее и в сотни раз прикольнее обыкновенной работы. Никуда не надо переться в час пик, слушать бредни начальника... Чувствуешь себя не трудящимся—овощем, а смесью Робина Гуда и Тайлера Дердена. Грабишь богатых и рушишь систему.

По вечерам я смотрел по РенТВ «Звезда покера». Смотрел, переживал старые воспоминания: «Сейчас бы в казино посидеть, осетринки покушать, креветок на шпажке, суши какие—нибудь, фрэш апельсиновый, памело погрызть», — всякие лирические мысли приходили в голову. Пришла в голову мысль сделать карты и в камере в покер поиграть, без интереса, чисто для удовольствия. Но карты делать нельзя в тюрьме, потому что это азартные игры, и за это сразу в карцер. Надо что—то придумать. И придумал.

Есть 13 рангов и 4 масти, я нарисовал 12 знаков зодиака и тринадцатого нарисовал падающего сокола Рарога, и четыре масти рунами обозначил. Сделал маленькие карточки из картонных коробок от каш. Вырезал их одинакового размера, нарисовал на них все эти значки. Если спросят у меня, скажу, что это знаки зодиака, что я просто гаданием увлекаюсь. Сделал из хлеба фишки, как в казино, — времени много, что ж не поделаться? Раскатал хлеб, крышкой от газировки наштамповал фишек, высушил, разрисовал их ручкой. Сели мы с Абакаром, поиграли на эти фишки, то бишь без реального интереса, — весело. На следующий день шмон. «Так. Негоже эти карты показывать. Вдруг в карцер отправят». Пока на шмон шли с матрасом и баулами, карты запихнул в карман. Мой матрас быстренько прошмонали с металлоискателями: «Все. В угол отнеси его». Я понес его в угол, карты из кармана вытащил, внутрь матраца сунул. Все нормально. Дальше обшмонали мои баулы, — ничего запрещенного не нашли. Всех обыскали. Вся камера прошмонана, идем назад. А по дороге надо проходить через металлодетектор, он рамочный, маленький. Неудобно проходить с баулами в руке, с матрасом под мышкой. Я как—то начал поворачиваться, матрас выпал, все эти карты по полу разлетелись, прямо под носом у охраны. Блин! Поехал я в карцер... «Ой, черт, что—то рассыпалось, надо собрать». Собираю, они смотрят. Видно же, что выпало что—то запрещенное и сныканное!

Что это у тебя?

Да, это гадальные...

Что «гадальные»?

Да, гадальные

руны. Да? А зачем?

Как зачем?! Судьбу, приговор
узнать. Да? Ну, собирай.

Собрал, пришел в камеру. Приходит старший:

Что это за карты?

Это не карты, это гадальные
карточки. Покажи. А зачем фишки?

Фишки — это другое. Это мы тут так дни считаем...

Карточки мне отдали. Не стали доебываться. На следующей неделе я их не досчитался, на техосмотре их решили отшмонать и украли. Наверняка сейчас где—нибудь играют ими втихаря.

Красный сапог.

В камеру к нам привели Колю Педорова. Коля Педоров — уникальный персонаж. На полголовы выше меня ростом, весит килограмм 110, но фигура лампочкой, — узкие плечи, толстая жопа, тонкие ноги. Видно, что пьющий, хотя сидит уже четыре года. Значит очень сильно пивший... Его перевели из Лефортово. С ходу заявляет, что служил в спецназе, спецназ ГРУ, охотник за головами, спецподразделение в Афганистане. Понятно — врун.

Сидели мы с ним где—то две недели. За это время он успел наврать столько, что я в течение месяца вспоминал и анализировал все навранное. Я просто диву давался — у него нельзя спросить даже, сколько время, наврет. Вплоть до того, что он пошел солдатом служить защищать Родину, при этом у него отец заведовал всем строительством в Москве. Рассказывал, какой он бедный голодающий солдат, семья у него неблагополучная, с женой проблемы. Рассказывал, как он подавлял беспорядки 1991—93 гг., как он воевал во всех горячих точках, какие могут быть. У него восемь контузий, семь ранений. Показывал шрамы по всему телу. Видно, что это бутылочные порезы. Врал вообще без перерыва. Он постоянно курил и молился перед сном. Ладно, что молится, но он стал курить и во время моих занятий, хотя договорились. Не курить пока в хате качаются. Я говорю:

Коля, ты на хрена это
делаешь—то? Чё?

Ты не кури. Ты что издеваешься надо мной?! Я занимаюсь, ты с сигаретой
ходишь. Да, ты понимаешь, кто я такой?

Мне по фигу, кто ты такой. Ты кровь—то мне не сворачивай.

Ты понимаешь, что большой шкаф громко падает?

«Большой шкаф»! Я вешу 80, а он 110, — наверное, сейчас большой шкаф громко и упадет.

Знаешь, мы с тобой во дворик выйдем, я даже 40 сантиметров до тебя не дотронусь, а ты потеряешь сознание.

Бой на расстоянии, насмотрелся «Военной тайны», красный сапог!

Говорю: Да? Давай попробуем.

Тут Володя вмешивается:

Николай, ты же давал подписку не применять это в мирной жизни.

Да—да, я подписку давал. Не буду применять это оружие. Смотри, тебе повезло, ты будешь жить еще какое—то время!

У меня истерика, человек уверовал в бесконтактный бой! Смотрю, Абакар на шконаре корчится от смеха, потому что он рукопашник, спортсмен, и понимает всю глубину его глубин. Посмеялись все.

Николай, мало того, что был алкоголик, православный, куряга, врун, но он был еще идейным военным. Любое поползновение, даже в шутку, в сторону армии воспринимал, как личное оскорбление. Как—то показывали по телевизору, что какой—то капитан насилует новобранцев, заставлял их заниматься с ним анальным, оральным сексом. Потом эти опущенные новобранцы шли заниматься проституцией, а деньги приносили этому капитану.

О! Капитан Америка — защитник Родины, настоящий солдат!— Прокомментировал я.

Николай решил, что это я в его сторону палку кидаю. Не знаю, может и в него, у меня на подсознании то как—то получалось. Я не очень люблю армию, особенно нашу, российскую. Я прикалываюсь над этим, а он:

Ты чего? Ты опять надо мной издеваешься? Да, я старше тебя. Да, я столько сделал для страны. Ты негодяй! Я уйду из вашей камеры. Завтра же заявление напишу, что бы меня перевели.

«Замечательно. Офицер сказал — офицер сделал». К тому времени у него был конфликт и со мной, и с Глебом, только Володя хитро притворялся его подпевалой. Он над ним прикалывался, но Николай не мог этого заметить. Николай ушел к адвокатам, пришел:

Все, я ухожу от вас. Я договорился.

Ну, и замечательно. Канай отсюда, собака!

На следующий день стучат в дверь:

На «П», полностью с вещами.

И так же полностью с вещами заказывают Володю.

А меня—то зачем? Я не жаловался. Меня здесь оставьте. Николай подходит к нему, хлопая по спине:

Нормально, Володя, с тобой вместе поедем!

Володе постоянно приходили передачи. Он человек обеспеченный, ему помогают, кормят. Николай просто уволок Володю, как баул.

Ислам и НС.

Абакар делал намазы пять раз в день, правоверный мусульманин. При этом спортсмен, не курит, не бухает, не наркоман. По сути, это идейный противник национал—социализма, причем практически самый главный. Но в вопросах морали мы с ним сходились гораздо ближе, чем с Колей, который православный, военный, по идее должен быть русским националистом. Но у нас с ним просто противоположные моральные ценности. Например, он рассказывает про какого—то своего знакомого, что тот достойный и уважаемый человек, ведь у него есть два миллиона долларов. Я говорю, что если у него два миллиона долларов, то это не говорит о том, что он классный парень.

Как не говорит?

Если он нормальный человек, то нормальный. А два миллиона никак не характеризует, что он замечательный человек.

Да, нет. Это прекрасно характеризует!

Мне пофигу, что у него есть деньги. Он же мог их и украсть, мог их отнять, мог заработать и остаться гондоном. То, что у него есть деньги, не делает из него хорошего

человека. Да, ты вообще ничего не понимаешь.

Вроде фигня, — сказал и сказал. А через неделю Абакар вспомнил этот разговор, и сказал:

Макс, вот за это я тебя уважаю. Ты хоть человека ценишь за его поступки, а не за то, что где—то заработал или украл, набил карманы.

Не фига себе! Что самое интересное, по многим моральным вопросам, которые касаются убогих, пидорасов, наркоманов, вырожденцев, извращенцев, позиция мусульман намного ближе к позиции национал—социалистической, чем позиция христиан. Это я не раз замечал в тюрьме. С одной стороны удивлялся, с другой стороны, это реально может привести к тому, что будут «белые ваххабиты», русские мусульмане. Я об этом подумал еще в 2008—м году, а тут вышел, и узнаю, что

уже много таких русских мусульман!

Последний фигурант.

На несколько дней мы остались в пятиместной камере втроем . Кажется, что пространства немерено — ходи, где хочешь, делай, что хочешь, и заниматься хорошо! Всего один курящий Глеб во всей камере. Просто замечательно. Все бегаем, тренируемся, — растяжка, рукопашка. Тут приводят Андрея, последнего фигуранта дела по убийству зам.преда Центробанка Козлова. Всех уже осудили, — Финкеля, Шалфея, — а Андрея только поймали. В принципе, ему лучше, чем им было. Во—первых, известно все дело, ему нет смысла что—то скрывать, ему просто сотрудничать со следствием, — руки поднял и вперед. Получил в итоге девять лет, хотя мог получить значительно больше. Андрей только с воли. Убитый, подавленный, что поймали, сейчас сидеть долго. К вынесению приговора он набрал где—то килограмм пятнадцать по сравнению с тем, что было при задержании.

Еще через какое—то время привели Шпалера. Шпалер владелец фирмы, его обвинили в контрабанде с Германией. Спортивного телосложения, блондин, высокий, голубоглазый, — русский немец или немецкий русский, — честно говоря, до конца не понял. Фамилия немецкая. Приехал. Молодец, не гонял особо, сразу вошел в тюремную жизнь. Стал с нами заниматься спортом, тренироваться. Не стал заморачиваться на жалости к себе, все у него нормально было.

Пришел ларек. Заказали все себе молока, кефира, творога , — полностью затарились белково—молочными продуктами. С белком здесь проблемы, поэтому надо брать на все. Молоко долго храниться, им и заниматься удобно, творог можно в холодильнике тоже долго хранить. Обычно ларек приходит в течение двух недель маленькими партиями. А тут нам — бац — через несколько дней заставили всю хату молоком , творогом, — ходить негде! Я тысяч на пять молочки набрал, Глеб, Абакар, Шпалер. Вся камера заставлена молочной жратвой. «Сейчас —то я прокачаюсь как нужно. Тут и гантели большие — баулы, которые можно набить пакетами молока и тренироваться ими. Замечательно». Только я об этом подумал, на следующий день всю камеру раскидывают. Да, что ж такое?

Полутеррорист.

Приехал я опять в 509 камеру, там сидело шесть человек: чеченец Али, полубоевик—полубандит с бородой, со сбритыми усами. Сидел по 105 и 209, а уж что у него там дальше — было хрен его знает.

Валера Разбойник, мой старый знакомый.

Негр—наркоторговец Максвелл , Боря Спрут, Вадим Чёрный Риэлтер и кто то ещё. Прямо с ходу начались рамсы с чеченом.

— Э, ты что нацист?— Подходит вплотную.

— Да национал социалист.— Делаю злое лицо и выставляю вперед лоб.

— Ты что? Я у тебя враг получается?

Я встал к нему в упор смотрю в глаза. С одной стороны можно, конечно, и драться. Вес у нас одинаковый, говна ни у кого нет, я его забью сто процентов. Но это какая—то провокация беспонтовая. У меня приговор через две недели. Неспроста это. Что—то опера задумали?

— Нет, мне лично ты не враг. Но если что—то хочешь, то пожалуйста.

— Не, ну если не враг, то нормально.

Всё. Вроде как—то улеглось, но, естественно, зуб он на меня точил.

Выходные. Лежу я на шконаре смотрю телевизор, «Квартирный вопрос». А чечену захотелось переключить, то ли что то другое посмотреть, то ли просто позлить. Я думаю, он это специально сделал. Переключает и я ему говорю:

— Ты нахуя переключил? Я смотрю!

— Эээээ, ты что мне сказал? На хуй, за хуй! Ты что взрослых не уважаешь, старших! Подлетает к шконарю и начинает орать, я ему:

— Ты успокойся! Обратно включи!

— Что ты мне сказал? На хуй я переключил, ты что так базаришь?

И бьёт мне по роже! Я удар заблокировал, но по губам он попал. Не думая, начинаю долбить его в ногу лицо. Но на мне толстые шерстяные носки — с гриндами не сравнится эффект. Он отскочил, я уже не достаю. Спрыгиваю со шконаря, он бросается на меня. Схватил его за шею, наклонил и начинаю бить коленом в живот. Ноги скользят. Приходится одной рукой за шконарь

держаться. Так обидно, что свободную руку пришлось не по делу использовать. Можно же всю печенюгу за минуту размолоть! Думаю, ну, сейчас с чеченскими боевиками буду расправляться. Но не вышло. Нас растянули. «Не надо, хватит!» Это всегда раздражает, когда не дают добивать. Заняло всё буквально минуту, не больше. Не успели ни продольные прибежать, ни чего. Крови особо ни на ком нету, ни у кого ничего не рассечено, поэтому никто не уехал в карцер, не стали с нас объяснительные брать. Ну, ещё раз дёрнись! Всю голову разобью! Но нет, он решил по—другому.

Он, оказывается, для себя меня проверял! Испугаюсь я его или нет, как я себя поведу если он на меня кинется. Чечен, что взять. И в тот же вечер начал со мной вести разговоры на тему «А не читал ли ты случайно Дэвида Дьюка?». Опять какая—то провокация! Таких совпадений не бывает!

— Какого Дэвида Дьюка? Я вообще не знаю кто это такой.— Хотя я и общался с Дьюком, показывал ему ролик на ноутбуке. «Казнь таджикского наркоторговца». Он тогда сильно перепугался. Пришлось объяснять на ломаном английском, что это шутка...

— А что, ты читал?

— Про жидов он классно пишет, вообще правильно! Жиды! Я их ненавижу! Они правят миром, они воруют деньги, они уничтожают народы!

Поговорили полчаса. Даже я не так сильно на жидах помешан, как он. И он мне всё рассказывает и рассказывает. А я понимаю, что это не провокация — просто Али—то реально антисемит! То есть он читал таких авторов, которые в принципе нацисты. Мне и в голову не могло придти, что их могут читать чеченцы. Ладно, это положительный момент, но с ним много разговаривать не надо. Там явная какая—то дисфункция головного мозга... опасный тип...

Али очень смешно делал намазы, то есть молился, как положено, 5 раз в сутки. Вставал на коврике на колени, читал молитву и кланялся до пола. При этом он упирался мордой в пол и бил кулаками и рёбрами ладоней по ковру. Я говорю:

— Это что такое ты делаешь?

— Это я, что бы время не терять, молюсь и силу удара развиваю и костяшки набиваю.

И вот он постоянно мало того, что молится — ещё и бьёт руками, ладонями, кистями, кулаками по полу. Набивает—набивает, готовится, к чему — не понятно. Всё уже, приехал. Сил у него меньше и меньше, потому что стареет человек, но готовится к джихаду.

Побег в Африку.

Валера очень любил пошутить. Весёлый и жизнерадостный, всю жизнь практически провёл в тюрьме. Заключение не было поводом грустить сильно. Для него это привычная среда обитания, а здесь ещё и с едой полный порядок, контингент интеллектуальный, есть с кем пообщаться и никто не доводит, кровь не пьёт особо. Хотя у него на воле остались жена, трое детей... Весил он килограмм 105. Вроде , с пузом, но прям здоровый, весь в татуировках — вот настоящий русский мужик—разбойник. Если есть образ у меня в голове к слову «мужик», так это он. Валера шутил над негром. Напихает ему под подушку морковки, бананов, апельсинов. Негр ложится спать:

— Ой! Что это у меня под подушкой лежит?

— Ух ты, нифига!!!! Домой, что ли, в Африку убежать хочешь? С собой вещей собрал?

Максвелл нормально реагировал на шутки, смеялся. Мы у него спрашиваем:

— А вот как считаешь, негром тебя можно называть?

— Негром? Конечно! Я же негр!

— Почему тогда в Америке говорят, что нельзя негров неграми называть?

— Оооо! Это я не знаю! Они уже совсем зажрались. Как их надо называть?

— Может нам тебя надо «афророссиянин» называть?

— Нет! Я же негр! Почему меня надо афророссиянином звать?

Второй Новый год.

Справлял второй Новый год в камере. Угощались приготовленными в чайнике блюдами.

В этот раз была паровая колбаса. Для этого берётся колбаса чайная, кладется на друшляк, закрывается разделочной доской. Из колбасы от пара выходит большая часть жира, она становится горячая, распаренная, менее жирная и очень вкусная. К колбасе был кетчуп смешанный с майонезом. Туда я немножко подавил чесночка и порезал лука. Получился замечательный соус. Я сделал лечо. Сделали самодельных тортиков из печенья, орехов, сгущёнки и фруктов. Сделали чайку, сделали бутербродов.

По тюремной традиции убрали президента, включили музыку. Поздравили друг друга с Новым

годом, ну и почти все сразу легли спать. Смотреть новогодние гей—парады почти никто не захотел. А двое ренегатов были жестоко осмеяны. Я тоже лёг. Почему—то мне взгрустнулось, вспомнил Новые года на воле. Они у меня тоже как—то постоянно не задавались. Именно в праздник бралась откуда—то злость на людей во всём мире. Это было связано с тем, что я сам человек не пьющий, а вокруг все до последнего бухие, кричат, поздравляют. И это дико напрягает, потому что чувствуешь себя чужим на этом празднике жизни. Да и у многих моих друзей такие же ассоциации с этим праздником. Это просто торжество алкоголизма. Ладно еще сам праздник, хотя он перестал быть таковым, когда—то мне стало понятно, что Деда Мороза не существует. Когда он «был» — это было волшебство, это было радостно. А потом, когда ты понимаешь, что это папа с мамой покупают подарки и кладут под ёлку — тут энтузиазм пропадает... А уж про последующие за праздником выходные вполне можно сказать, что это «геноцид русского народа». Можно подумать, что кто—то верил, будто если людям дать зимой полторы недели отпуска, они проведут его с детьми, в кругу семьи! Какие дети, если можно бухать!?! Отменить этот бред! Третьего числа на работу! К станкам и печам!

Но в этот Новый год я решил написать Деду Морозу письмо. Я за пару недель сел, достал бумажку, карандашик. По телевизору была передача, там говорили, куда дети могут писать письмо Деду Морозу. В великий Устюг. Адрес я срисовал, написал его на конверт и сел сочинять послание. Оно было примерно такого рода: «Привет, дорогой Дед Мороз! Пишет тебе мальчик Максим. Сейчас я веду себя очень хорошо, за весь год ни разу не нарушал режим содержания, поэтому надеюсь, что ты выслушаешь мою просьбу и выполнишь то, о чем я тебя прошу. Для себя мне ничего не нужно, потому что я сижу в тюрьме и сюда ничего не пропустят. Но ты, дедушка, пожалуйста, всем девочкам и мальчикам в Греции и во Франции и в России подари побольше бутылок с зажигательной смесью, взрывпакетов, фаеров и арматуры, что бы они могли устроить праздник на улицах. Максим, 24 года ФБУ ИЗ—99/1». Потом прочитал вслух это письмо сокамерникам:

— Макс ты чего!?! Федеральная тюрьма, какие арматуры и бутылки с зажигательной смесью мальчикам из Греции и России! На хрен надо?

— Давайте все подпишемся! Групповое письмо! Дед Мороз тогда точно оценит и подарит это всё детям.

— Тебе мало сроку? Хорош прикалываться.

— Не—не! Я отправлю.

Никто к моей петиции не присоединился. Пораженцы. Неверующие!

Упаковал письмо в конверт, вложил его в ящичек для заявлений. Что самое интересное — его мне не вернули, никуда не вызывали за него. Может быть, оно даже ушло и, может быть, Дед Мороз рассмотрел мою просьбу? Зажал, правда, подарки сделать... Старый еврей!

Замкнутая эмоциональная система.

Решил я поставить эксперимент на конформность в камере. Может быть это немножко жестоко, но хотел проверить. В книжке по психологии написали, что если я буду ходить, опустив голову вниз хотя бы полчаса и на все вопросы с выдохом отвечать «Дааа... Ну, да...», то мало того, что у меня резко ухудшится настроение, но и вокруг меня все люди почувствуют себя угнетёнными. Надо сказать, что в камере настроение было приподнятое, все веселятся, шутят, прикалываются. И получилось что. Я был где—то час акцентировано депрессивным. Туда—сюда по камере ходил, как будто меня что—то дико гложет, вздыхал, переживал вроде как. Сначала, вроде, не было видно ни какого заметного результата. Потом, смотрю, у меня настроение на самом деле ухудшается, мысли появляются грустные. В камере постепенно смолк смех, атмосфера стала нагнетаться. Я уже перестал эти свои маневры совершать, лёг читать книжку.

Просыпаюсь на следующее утро — никто не шутит, весь день такая тягостная атмосфера. Я давай шутить, прикалываться. Пытаюсь вернуть похищенную бодрость духа. Но это не помогает, люди как то заразились этой депрессией! Дня четыре эта искусственная депрессия из камеры выветривалась! Это очень заразно, если хоть один человек в камере гоняет! Гоняет — в смысле переживает, жалеет себя «Ну как же так, я попал в тюрьму, когда же я отсюда выберусь!?!» Всё! У всех гарантированно плохое настроение! Эти психологические аспекты очень важны.

Если в камере ты будешь кого—то унижать, ему будет плохо — но тебе тоже будет плохо, автоматически. Это не в метро кому—нибудь лицо разбить! Это закрытое пространство, то есть это весь твой Мир. Если ты в него нагадишь, то это не уйдёт куда—то, из твоего круга не вытечет. Ты просто будешь в этом негативе барахтаться. Поэтому в камере вменяемые люди стараются себя вести более корректно. Здесь даже можно употребить слово «толерантно». Стараются по возможности

общаться друг с другом более культурно, стараются не замечать недостатков друг у друга, делать всё возможное, чтобы сгладить неровности.

Если бы можно было подойти к двери, нажать кнопку и сказать «Всё, уведите меня в другую камеру, посадите меня с тем, тем и тем!», то да. Но здесь другая система, здесь постоянно происходит келишовка, то есть перекидывание из одной камеры в другую, менты смотрят как ты себя поведёшь, устраивают провокации, ссоры, проверяют информацию. Это не просто тюрьма, это можно сказать лаборатория. Помимо того, что это фабрика звёзд. Ты сидишь и чувствуешь, что тебя изучают. А информации о себе надо давать как можно меньше.

Сергей из НСО—Север.

Ехал с последнего слова, от которого благоразумно отказался в этот раз. И пересёкся на обратном пути в автозаке с Сергеем. Он шел по делу НСО—Север. Они расчленили предателя в ванной и пели при этом «С чего начинается родина» Я с ним знаком не был, но он меня узнал. Стали разговаривать:

— Нахрена расчленили—то?

— Да, предатель. Гондон.

— Понятно. А откуда едешь?

— Из Сербского. Психиатрическая экспертиза была.

— И что, вменяемым признали?

— Не знаю, наверное, положат в стационар.

— Хорошо, если месячное обследование дадут, то это уже шанс есть спрыгнуть по «дурке».

— А вот мы этого шавку убили, этого убили.

— Ты что? Нахрена рассказываешь?

— А что теперь не рассказывать? Я в сознанке, Влад в сознанке...

Влад — член ячейки НСО—Север, при задержании фсбшника в шею ножом успел ударить. Думал, что это какие —то гопари местные нападают, а не спецгруппа штурмует. Он спал, спросонья просто вытащил нож из—под подушки и воткнул в шею. За это ему прострелили ноги. Фэйса спасли. Потом ребята, все избитые, валялись в автозаке в течении суток на жаре, без еды, без воды, без туалета. Попытка за сопротивление при аресте. Мы с Серёгой проехали от Серпов до Матросской тишины. Я пожелал ему удачи на суде на прощание.

Джабраил по Политковской.

Ещё несколько раз пересекался с Джабраилом, которого судили по Политковской. Чеченец, но интеллигентный и образованный.

— Я студент, меня судят за её убийство потому, что я против неё выступал, но на самом деле я ничего не делал. И я и мой брат к этому не причастны. Нас оправдают! Доказательств прокуратура вообще не предоставила.

Ну да, оправдают, все надеются на оправдательный приговор. Я же знаю, что коллегия присяжных распустить в нашем суде — вообще ничего не стоит. По какому—нибудь надуманному поводу. Например, присяжные не соответствуют требованиям закона. Прокуратура специально в таких случаях в присяжные пропускает бывшего мента или какого—нибудь судимого. И, если чувствует, что вердикт будет оправдательным — просто говорят «Ой, смотрите! А здесь же бывший мент! Это нарушение! Давайте новую коллегия соберём!»

Я думал, что Джабраил просто сам себя успокаивает. Хотя я искренне надеялся, что его оправдают. Никогда не считал, что Политковская хорошая женщина — гадина и есть. Оправдают — будет замечательно.

— Удачного приговора!

А потом смотрю новости — действительно, оправдательный выносят! Все они освобождены из—под стражи, вот это вот реально меня удивило. Повезло парням! Некоторым удаётся из когтей системы вырваться.

Конвойный любитель экстремизма.

Приговор у меня должен был быть вынесен 13 января. Привезли в суд, как обычно. Сажу в боксе, в 12 часов ко мне заглядывает конвойный и говорит, что сегодня приговора не будет. Он будет 16—го. Ладно, потренируюсь, пока за мной не приедут. Пресс покачаю... Автозак прибыл раньше

обычного. Газелька. Сажают в неё и, пока мы ещё стоим возле суда, меня мент спрашивает:

— Ну что, приговора—то не было ещё?

— Нет, не было...

Откуда он знает, что приговор у меня? Странно. И с какой целью интересуется? Не могу понять, что ему нужно.

— А что, Когда приговор будет?

— Да я не знаю...

— По радио сказали, что у тебя сегодня выносят.

— По какому радио? Кому выносят?

— Тебе. Ты ж Тесак!

— Я.

— Твои ролики все смотрел! Мы с братом за тебя переживаем. Специально сюда попросился, за тобой приехать, чуть—чуть пообщаться.

Интересно... начинаются опять оперативные разработки? Второй приговор, а они никак не успокоятся! Всё шпионов ко мне подсылают что—то выяснять. Едем, разговариваю с ним, он спрашивает, как какой ролик снимался... Ну, всё понятно. Или правда нацик, только мент? Да, пофигу. Зато ехать веселее.

— У меня брат в ОМОНе служит, он вообще на формате сидел постоянно. А можно тебя сфотографировать на телефон?

— Можно, конечно.— Почему и нет?

Сфоткал меня.

— Можем обращение записать к соратникам.— предложил я.

— Да, давай!

Включил свет в отсеке, записал на телефон моё приглашение соратников на суд.

— Вечером в инэт выложишь?

— Да, выложу, конечно!

Может и правда не врёт, хрен его знает. Не буду проверять, рисковать особо. Там телефон попросить позвонить — может и даст, но тогда это полюбому будет записано. Не будем пальцы слишком глубоко в розетку совать.

Привезли меня сначала в Кунцевский районный суд. Там я посидел часа два в боксике. Нарисовал здоровенную свастику во всю стену, написал «ФОРМАТ 18». Потому что боксики были только—только отремонтированы, такие красивые, стены все покрашенные, оштукатурено. Я не мог просто этого не сделать! Куча свободного времени. А все стены уже исписаны «Аллах Акбар!», «Чечня рулит!», «Ичкерия вперёд!», «Дагестан». Пришлось постараться, нарисовать большую свастику, не пожидиться. Всё меня выводят, повезли на Матроску. А я сразу к окну, упёрся лбом в решётку. Родные места — провозят мимо моего спортзала бывшего, провозят мимо метро «Молодёжная». Те места, где я раньше ходил, гулял ... Тоска нахлынула. Ещё года 2 мне не видеть всего этого... Ну ладно, ничего страшного, переживу как—нибудь

Второй приговор.

Через три дня повезли меня опять на приговор, приезжаю. Со второго—то захода вынесут? Мне приставы говорят:

— О, блин, там столько народу, вообще весь зал битком, даже все не влезли!

— Да ладно?— наверное мент запись выложил всё—таки, мелькнула мысль.

— Там вообще не протолкнуться. Короче, ты руки не вскидывай, зиг хайль не кричи, веди себя нормально.

— Почему это? У нас же свободная страна!— Смеюсь.

— Или в наручниках пойдёшь. И весь приговор в них простоишь! Так что?

По идее, приговор положено слушать в наручниках. Чтобы человек там руками не махал. Потому что не каждому удаётся спокойно приговор выслушать, люди начинают нервничать, срывать. Трясти решку, проклинать судью и прокурора.

— Ладно, не буду руки вскидывать. Гитлером клянусь. Давайте без наручников пойду.

Ведут меня. Я смотрю, ещё коридоры не все прошли до зала, а народ уже стоит. Там товарищи мои, знакомые, батя мой тусуется, девушка Саша. С кем успел — поздоровался, проводят меня в зал. Зал битком набит журналистами, операторами, подруги, товарищи, подельник посередине первого ряда сидит. Меня в клетку закрыли. Мент от меня наручники отстегнул, от себя, запер ими клетку. Я улыбаюсь так презрительно, как будто не мне приговор выносят, а я просто зашел интервью ЗОГУ

дать. На самом деле стоило больших сил, что бы выглядеть жизнерадостным и беззаботным — всё равно волнуешься, приговор ведь, чего там улыбаться. Но, тем не менее, заставил себя, понимая, что там будут видеокamеры, журналисты, прочие прислужники средств массового оболванивания. И я не должен быть подавленным, растерянным, взволнованным или, тем более, виноватым хоть в чем—то. Я должен излучать полное моральное превосходство над этим сборищем.

Журналистам, видимо дали несколько минут на то, чтоб взять у меня интервью. Облепили решетку, суют микрофоны и диктофоны. Я с собой ничего не смог сделать — один диктофон выхватил. Теперь могу понять обезьян в зоопарке — почему не стоит подходить близко к ограде. Надо было видеть лицо журналиги! Он чуть не заплакал. «Верните, пожалуйста...» Отдал, я же не фашист какой?

Задают вопросы, я отвечаю на них. Естественно, с издёвкой.

— Как вы считаете, за что вас осудили?

— За то, что я защищал Русский народ от наркоторговцев. Наркоторговцы — это, оказывается, защищаемая прокуратурой социальная группа. Раньше я этого не знал, теперь понял. И хочу извиниться перед наркоторговцами за свои действия! Вас защищает закон. Я был не прав, простите меня, если сможете! Вы замечательные люди, продолжайте продавать наркотики. Особенно детям.

Вокруг дружный смех.

— Я рад, на самом деле, что не выступил против педофилии. Тогда бы мне дали ещё больше такие педофилы, как прокурор.

Чик, камеры на него поворачиваются. Ну, в принципе он запросил пятёрку, и больше пятёрки мне не дадут. Статья до пяти лет. Но и меньше тоже вряд ли. Так что можно и педофилом его назвать, все равно обжаловать ничего не будет.

— Сколько, Вы думаете, получите?

— Лет пять дадут, точно не оправдают

Всё, выходит судья, мусора отгоняют журналиг. Начинает зачитывать приговор. Монотонно и долго очень. Я стою, мне уже скучно стало, и сесть нельзя, и облокотиться, и хочется в нос поковыряться и чешется пятка. Только руку начинаю поднимать, шевелиться — журналисты сразу начинают щёлкать затворами. Тут только палец в нос засунь — сразу на первой полосе какой—нибудь газеты появится, надо терпеть. Главное не ковыряться и не грызть губы. Стоял—стоял, одного журналиста который рядом стоял, позвал потихонечку, он поворачивается — я руку поднял, как Гитлер приветствовал своих соратников. Не «Зиг хайль!» с вытянутой рукой, а просто согнутую руку вертикально, ладонь вперёд. Он меня давай сразу фоткать. Я руку опускаю — пока конвойные еще заметят, дёрнутся. Расстегнул олимпийку, раритетную, «Северный ветер, с кельтом на груди, чтоб Молот Тора виден был. Переглядывался со своей бывшей девушкой Олей, которая пришла вместе с моими овощными друзьями с дачи. Даже не думал, что она появится... Батю не пустили в зал. Сашу. Многих соратников тоже — я видел, как иногда дверь открывалась и они пытались прорваться. Но мусора говорили, типа, мест нет. Насчитал тринадцать съемочных групп, пятнадцать фотокорреспондентов — их считал по фотоаппаратам. А число гостей установить не удалось — сбивался пару раз, потом надоело. Эх, как бы Оля с Сашей в коридоре не вздумали общаться... Надеюсь, подельнику реального срока не дадут! Как же нос чешется! Может «Зиг хайль!» закричать? Всякие мысли в голову лезли... Тут слышу «назначить Марцинкевичу 3 года общего режима... путём сложения наказания назначить три с половиной года общего режима». Добавили мне всего полгода! Так это мне вообще скоро домой! Оптом разжигать дешевле! Обрадовался, доволен, как будто меня просто отпустили. Полгода — что такое от моей трёшки? Вообще ничего. Судья еще читает, а у меня уже в голове — всё, сегодня вечером пишу на УДО, и через месяц дома! Помутнение от радости,

видать.

Закончился приговор, наручники одели, выхожу. Успел в камеру сказать «Будем строить новый рай!», вышел в коридор. Там был мой папка, несколько друзей, которые тоже не попали. Саша с лестницы кричит:

— Сколько?

— Полгода добавили всего!

— Максим, я тебя буду ждать! Буду тебе писать!

— Приходи на свиданку!— отвечаю я.

— Зиг, Тесак!— кричит Шульц

— Хайль!

Привели в бокс менты и говорят:

— Вот ты придурок! Ну, на хрена ты это кричал—то?

— А что такое?— улыбаюсь я.

— Там столько журналистов, прокурор обжалует, ты чего? Педофилом его назвал! Ты ёбнулся что ли?

— Да пофигу мне.

— Тебе сидеть... Нахрена ты себе всё портишь?

Может быть, по первому делу я сам выступил, потребовал себе срока по больше дать. А здесь проканает. Надеюсь. В итоге проканалю.

Пробую сорваться.

Пока ехал в СИЗО думал, вот сейчас в камеру приду, скажу, «О! Мне 10 лет добавили срока!». Нет, скажу, «три тысячи лет в каменном сосуде за преступления против человечества». Приезжаю, там все ржут уже, кто—то даже похлопал.

— Нормально по телевизору выступил, прокурора обосрал и всю систему. Полгода всего добавили! Поздравляем!

Все уже всё знали, по всем каналам показывали сюжеты об аресте зловещего экстремиста, который основы конституционного строя подрывал и призывал уничтожать невинных таджикских наркоторговцев. Шутка, так тщательно продуманная по дороге, сорвалась.

Это пятница, у меня есть два дня, чтобы написать заявление на условно—досрочное освобождение. К моменту вынесения приговора я отсидел уже один год и семь месяцев. А УДО положено мне через год и два. Больше одной третьей уже, пора и честь знать.

Написал заявление, приложил к нему приговор, который мне выдали в суде — коротенькая

версия, на двух листах. В понедельник утром отдаю его, мне вечером возвращают и говорят что не правильно написано, вот здесь, вот здесь не такое слово... мы не будем его отправлять. Ладно, сейчас исправлю, вы всё равно его утром возьмёте.

— Нет, не пойдёт, у тебя же ещё в законную силу не вступил!

— Нет, забирайте, я настаиваю на отправке! Пока оно уйдёт, всё вступит в законную силу.

Переписал как надо, на следующее утро им отдаю, они вынуждены были забрать ходатайство об УДО.

Научи Тесака канаты плести!

Вадим Чёрный Риэлтер научил меня плести канаты из носков. Я отсидел полтора года, и не знал, как это делается. Очень много потерял. Я слышал об этом, но как это сделать конкретно, что бы вот носок, а вот уже прочная верёвка, которой можно стальные прутья гнуть и на которой можно повеситься, я не мог себе представить. Оказывается, у носка надо отрезать мысок по шву, потом подёргать за обрезанные ниточки, найти две, из которых он сплетён, они так и будут идти по кругу. Потом надеть весь носок на бутылку, и вот эти две ниточки сматываются на два рулона туалетной бумаги, одна на один другая на другой. И получается в итоге у тебя несколько десятков метров нитки. Дальше эта нитка специальным образом скручивается, и получается ровный канатик, любой длины, любой толщины, очень прочный. И из одного носка можно сделать и пять метров, и семь. К тому времени на складе у меня накопилось несколько десятков пар носков — и светлые, и тёмные, и шерстяные, и хлопчатобумажные. Я их давай выписывать и расплетать! Через какое—то время у всей хаты появились шнурки, толстые верёвки в штанах, поясах, капюшонах. У нас все бельевые верёвки стали такие прочные, что на них можно было повеситься.

В хате обыск.

— Так, кто у вас тут канаты плетёт? Вы что охренели? Макс, у тебя в штанах верёвка такая, что на ней можно КамАЗ тащить! Ты б хоть потоньше плёл бы!

Забрали всё, посрезали. Оставили только верёвочку, на которой был Молот Тора... В тот же день вечером мне со склада принесли ещё носки, потому что утром подал заявление! Что бы там что—то получить — надо написать заявление на имя начальника тюрьмы. «Прошу Вас разрешить выдать со склада личных вещей... то и то... число, подпись». Приносят, расписываешься в заявлении, оно в личное дело подшивается!

Получил носки, опять их расплетаю. Опять у всей камеры толстые тросы в штанах, в капюшонах, верёвки опять толстые на окнах натянутые. Опять обыск, гражданин начальник, майор который обыски делал сначала на меня:

— Максим, хорош тросы плести, надоел уже! Хотя нет, понятно, тебя кто—то научил. Раньше же ты не плёл? Это, наверное, ты, Вадим!

— Я при чём?

— Я видел, ты канатики плёл. Тебе мало карцера за карты? Продолжаешь тюремные привычки первоходам прививать?

Обыск закончился, Вадим ко мне подходит:

— Макс, хорош ты, правда плести эти канаты, меня сейчас в карцер второй раз упекут а мне сидеть ещё 19 лет! Эти взыскания мне нахрен не нужны.

— Ладно. Буду плести потоньше, опять же всей камере, но по тоньше.

Плюс ко всему у меня почти все носки закончились, исплёл весь свой запас, пар 20 расфигачил...

К чему приводит магия Вуду!

В воскресенье вечером собрался посмотреть фильм. Специально попросили у ДПНСИ, что бы оставили нам телевизор подольше посмотреть. Он разрешил, но тут раз, в 22—00 телевизор нам вырубает. Мы зовём продольного.:

— Что за фигня, начальник?

— Да всё, хватит вам! Пора спать!

— ДПНСИ разрешил.

— Ну, идите, у ДПНСИ и спросите. Если он разрешит — включу.

Издевается, скотина. Продольный, по кличке «Студент», демон в очках.

Я взял батон положнякового хлеба, разломал его, взял мякиш. Из этого мякиша слепил куклу, прицепил к ней очки из скрепки. И истыкал эту куклу спичками — в жопу ей спичек натыкал, в голову, в глаза, в сердце. Получилась тюремная кукла Вуду. Всё, поставил прямо на стол и со злости

даже читать не стал, лёг спать. Просыпаюсь утром — у куклы нога отвалилась. Всё так же спичками стоит истыканная, но без ноги. Выводят нас на техосмотр. Вращаемся, продольные стоят смеются.

— Что случилось?

— Кто это у вас магией вуду занимается? Негр что ли?

— Нет, это я! Научился у негра вуду и теперь, тем кто выключает телевизор по вечерам, будет очень несладко. Вот у вашего «студента» скоро нога отвалится.

Они посмеялись, ха—ха хи—хи. Я позанимался, пообедал и лёг спать. Будят меня сокамерники часа в 4, лица серьезные, и говорят:

— Макс, вставай!

— Что случилось?

— Ды всё, пизда тебе.

— В смысле?

— Доигрался ты с Вуду! Вон, по телевизору сказали — ты двух человек убил.

— Как это?

— Вон, смотри.

Смотрю «Чрезвычайное происшествие». Показывают, что только что застрелили шавок Маркелова и Бабурову, подозревают меня. Как вдохновителя. Она ходила на мои суды, последняя статья Бабуровой была про мой приговор... Оба—на, вот сейчас будет не смешно. С Вудой я реально доигрался! Видимо, не до конца изучил инструкцию по применению Вуды... она и сама знает куда бить. Что—то очень сильно ударила! Наверное, хлеба много взял.

Буквально через два дня меня вызывают в следственный кабинет, приехали вольные опера.

— Расскажи нам, кто Бабурову убил с Маркеловым?

— Я откуда знаю? Я же здесь сижу, в полной изоляции!

— Да, мы уже поговорили с начальником. Понятно что ты не мог организовать... Это так, чисто объяснительную взять приехали.

Я написал объяснительную. Никого не убивал, никакого отношения к убийству не имею и кто его мог совершить не знаю, слышать ни про одну, ни про другого не слышал.

Менты довольны, рассказали свои версии произошедшего. Толи нацисты, толи будановцы, толи чечены, толи администрация Химок постаралась...

Всё, менты уехали, я пошёл в камеру. Но оказалось, что на этом моё знакомство с делом Бабуровой и Маркелова не закончилось.

Родновер—террорист.

Меня и Риэлтера перевели в хату номер 507. Камеру трёхместная, аккуратная. Распаковались, расставили чашечки, баночки, разложили шмотки по местам, продукты. Переночевали одну ночь вдвоём. Никого не подселяют. Может вдвоём посидим? Вряд ли.

На следующий день открывается робот, заходит парень. По виду вообще школьник, мальчик— одуванчик, чистый «пепс». Волосы светлые, до ушей, слегка кудрявые. Лицо такое, что вот вообще не скажешь, что опасность может представлять. Заходит с пакетом и матрасом. Явно только с воли. Я говорю:

— Заходи, вещи на шконарь кидай. Здорова, Меня Макс зовут.

Что здесь ребёнок делает? Изолятор— то на самом деле очень серьёзный, сюда простых—то людей не сажают! Даже матёрых, но обычных преступников. И тут ребёнок! Что—то здесь нечисто!

Протягиваю ему руку, он мне пожимает её за предплечье и говорит:

— Да я знаю. Здорова, Тесак! Меня Стас зовут.

Оп, думаю, началось. Я с правыми—то не пересекался, а уже написали, что я из них явки выбивал, вёл себя не по понятиям, разводил на показания! А здесь конкретно правый! Он кофту снимает, там здоровая паутина на локте. Я спрашиваю:

— Какая у тебя статья—то?

— Да так, 213 — хулиганка.

Чего—то он не договаривает, сюда не сажают по хулиганке вообще.

— А что ты здесь—то делаешь?

— Я специально оперов попросил меня к тебе посадить.

— Зачем?

— Я же в раскладе. Менты нормально ко мне отнеслись, я и попросил посадить меня или с Тесаком или с Колиниченко. Сказали «Ладно. А ты знаешь, что Тесак то в тюрьме опущенный, носки

всем стирает?» Я сказал, что мне по фигу — с ним сажайте.

— И что они?

— Вот, посадили с тобой.

— У тебя ж, вроде, и подельники есть?

— Да, Давид, он тоже здесь где—то. И девчонка, но где она — не знаю.

— Нормально... Ты располагайся, чайку сейчас поьем, поедим.

— Да, пить хочу — умираю!

— Погоди, чайник поставлю. Я, видишь, опущен вообще ниже некуда, если носки постирать, или еще что—то, обращайся.— Посмеялись с ним над мусорским творчеством.

А парень оказался замечательным. Идейным террористом— родновером. Они с подельником пытались взорвать церковь в Москве, взрывали какие то железнодорожные пути, пока тренировались в изготовлении взрывчатки. И еще подельник на себя взял двенадцать убийств. Их, когда задержали, начали пытать, долбить, разговоры хитрые разговаривать, ну и подельник поддался. В принципе их и задерживали по статье хулиганство на самом деле. Была хулиганка и хранение оружия. За взрыв церкви. Но Давид наговорил всякой глупости, и в итоге 12 убийств им планировали предъявить на тот момент, когда он заехал. И ещё с ними попала девчонка Женя. Вышли на них, собственно, через неё. В школе ходила спрашивала, кто ей подскажет, где купить селитры. Они попросили её достать пару кило для взрывчатки. А она, вместо того, что бы спокойно пойти в магазин и купить этого удобрения, ходила и спрашивала об этом у одноклассников. Конечно, среди одноклассников нашлись стукачи, а так как менты за Женей к тому времени пристально наблюдали, так как она имеет какое—то отношение с нацистами, то информация дошла куда надо. И ребят задержали.

Стас был единственным правым, с которым я пересёкся в одной камере. Я думаю, что таких я больше никогда не увижу в своей жизни. Потому что человек, которому грозило пожизненное заключение — ему уже было 18 лет на момент совершения этих преступлений — не падал духом, не плакал, не жалел себя, не раскаивался ни капельки. Единственное что сказал:

— Блин, Макс, я понимаю мы с Давидом вдвоём прыгнули на систему с ножами... Но это всё равно, что на слона с зубочисткой.

— Даже меньше...— Согласился я.

— Я понимаю, но мы должны были это сделать! Погибнуть в бою но не получилось, при задержании меня сразу схватили, Заломали! Я не успел нож достать, так бы я прыгнул бы и убивал ментов, я бы не дался им живым.

— Хорошо, что тебя живым взяли, ты же выйдешь!

— Я выйду старым, а так бы погиб в бою и сразу попал в Ирий.

Он не врёт, он не притворяется, на самом деле в это во всё верит. У меня даже язык не повернулся сказать, что ты, может, всё нафантазировал, может, Ирия—то и нету? Я вижу, что человек верит на самом деле! Вера в его положении нужна больше всего остального.

— Сколько, думаешь, тебе дадут?

— Лет 15, может 18, обещали больше не давать, я же в сознанке. Если ментов не злить, то там

снисхождение получу.

Двенадцать убийств, хрен его знает... Но в итоге он на самом деле получил всего 19 лет. За 12 убийств и взрывы 19 лет — это очень счастливый исход. Стасу повезло.

Мы сразу начали заниматься спортом. Он занимался тэквондо на воле. И мы отработывали удары, делали растяжку, бегали каждый день, качали пресс, приседали, отжимались. Я ему какие—то свои тюремные навыки передал, по возможности. Научил плести канатики, готовить еду в чайнике, вести дневник тренировок, ещё какую—то мелочь. Понятно что, много там не сделаешь и всё равно человек сам должен познавать.

А вот Риэлтер вел себя по—другому. Про него ходили слухи, что он работает на мусоров. И я Стасу говорю:

— Ты аккуратнo. Он тебя будет провоцировать на всякие разговоры, то есть через него менты будут выяснять кто, чего, показания искать дополнительные.

— Я в раскладе, мне скрывать уже нечего.

— Смотри, короче, он мусорской.

И действительно, на следующий день дёргают Риэлтера на следственные действия.

— Вот если придёт и скажет, что у него про тебя ничего не спрашивали, то вообще пиздит. Но по идее он должен сказать. Поскольку это вообще очевидно. Он осужден, адвокат уже не ходит к нему. Понятно, что вызывали опера. Приходит и говорит:

— Там опера приходили, спрашивали как там парень, что он вообще хочет, кто такой? Я им сказал что, ничего не знаю, просто молодой парень. Мне говорят «Нет, не просто молодой парень, у него 12 убийств, он их зачем—то совершил! Зачем? На все вопросы он говорит — «Ну, так просто». Что за «ПРОСТО»? Это, наверное, какая—то секта, его кто—то зомбирова!»

— Ну, так, не любим чурок, просто...

Ему не хватает пропагандистских навыков, и он ограничивается словом «просто». Ну, не охота ему все объяснять и он отделяется словом «просто». Чем он руководствовался? Он не сможет рассказать всю идеологию родноверия, национал—социализма и пипл—хейторства оперативникам. Да и смысла в этом нет. Намного проще замкнуться в себе. А у ментов мысли, что у них реально какая—то секта, что кто—то вбил в голову программу.

Мы с ним по смеялись и говорю:

— Стас, сегодня—завтра меня тоже скорее всего дёрнут, будут про тебя спрашивать

— Ну, расскажешь что—нибудь.

— Так это не прикол, они будут меня и просить, что бы я развёл тебя на что—то. Ты понимаешь, что долго сидеть—то мы не будем, нас раскидают.

— Раскидают значит и раскидают.

— Действительно.

Нам дали спокойно просидеть практически неделю. Потом меня, как я и думал, вызвал старший опер.

— Ну, Максим, вот ты заявление на УДО написал...

— Написал.

— А так—то ты же недавно совсем осудился.

— Да.

— Ты же не раскаялся, не исправился никак, не сотрудничал со следствием, не сотрудничал с администрацией.

— Так...

— Вот, у тебя есть сейчас возможность сейчас по УДО пройти. Короче, надо про Стаса узнать всё. Тебя—то он дико уважает, сам к тебе в камеру попросился, ты поговори с ним. Что это... что за слово «просто» которое, он везде вставляет? Может у них лидер взрослый был. Настраивал их и финансировал, давал оружие, взрывчатку, поселил их в Москве.

— Нет, не получится. Стас мне товарищ, как я буду его разводить на показания, я с вами не буду эту кашу варить.

— Смотри, ты подумай. Там люди серьезные. Ты реально домой уйдёшь через две недели, может быть через месяц. По этому заявлению.

— Нет, не буду я этим пачкаться.

— Смотри, как хочешь. Подумай.

Привели меня в камеру, я Стасу ситуацию рассказал:

— Блин, да что! Давай! Рассказывал бы, что они хотят! Какая разница, я ж тебе говорю, я в

признанке!

Но я по своему опыту знаю, не бывает таких людей, которые полностью в признанке. Каждому есть что скрывать, смысл играть в эти игрушки? И просто стремное это занятие.

— Сто пудов завтра или послезавтра раскидают.

Всё равно в этот вечер мы потренировались, поприседали, растяжку поделали.

На следующий день ждём, но ничего. Ещё день — ничего. Всё тихо. Просидели ещё одну неделю, за которую мы успели сблизиться и стать друзьями. Мы разговаривали ночами, когда Вадим засыпал. Не то, чтобы он всё мог ментам рассказать — там, наверняка, прослушка стояла. Просто он постоянно лез в разговоры с провокационными вопросами. Я рассказывал, как «Формат18» появился, как ролики снимались, какие то весёлые истории из жизни. Естественно, которые можно рассказывать в тюрьме. Стас мне свои истории рассказывал, свою жизнь. Как он в школе учился, как они с Давидом с Волгограде жили. Как дружили всю жизнь. Как вместе в бега подались и решили сдернуть в Москву. Как пришёл к идеям национал—терроризма... Иногда бывало, что проверка приходит, а мы спать ещё и не ложились. За весь срок у меня никогда такого не было — что вот, разговариваешь с человеком, реально близким по духу! Так мне это общение ценно было. Лучше не выспавшись бегать идти, потом днём несколько часов поспать, чем упустить этот момент. Знал же, что нас рассадят.

Мы с ним как—то разговариваем, он:

— Макс, а что ты подумал когда меня увидел?

— Подумал, что какой—то лошок, школьник, я ещё и не понял что ты здесь делаешь.

— Да, мы специально под «пепсов» маскировались. Волосы отрастили, чмошные детские курточки одевали, штанишки, что б никто от нас опасности не ощущал.

— И как, срабатывало?

— Конечно. Как—то я иду и меня чурбан толкнул. Стоял около крутой машины... толкнул плечом и такой: «Э сълищ! Иди сюда! Ти что то пэрэпуталь вообще иди оккуратнее!» И руки в сторону расставил, идет на меня, схватить хочет. Я думаю, ну вот ты дурак! Делаю шаг вперёд и начинаю ему ножом ему в грудь долбить. А нож сантиметров 30 лезвие. В итоге на чурбане 140 ножевых ранений, естественно не спасли. Всё, пожалуйста! Сам напросился, баран горный!

— Кто у вас там вообще был исполнен?

— У нас ни одного таджика, все такие матёрые, мажоры. Бандюганы — даги, чехи, азеры. Один раз пьяному скину ухо отрезали.

— Зачем?

— Мы в парке гуляли, смотрим, лежит скинхэд на полном палевее. Штаны, ботинки, башка бритая. Мало ли что с ним. Решили помочь, а он в говно! Пьяный лежит, вообще не хрена не соображает! Позорит движение! Это нельзя было стерпеть, взяли ухо отпорол.

— Так—то молодцы, базара нет, я их тоже никогда не любил. На «Чистых прудах» шлак такой постоянно трется.

— Да я знаю. Мы ролики «Формата18» любили посмотреть.

— Хорошие были ролики...

— Мне интересно, как ты вообще по улицам ходил? Такое же палево, тебя все в лицо знают.

— Знают. Поэтому приходилось ходить то с ножом, то с топором.

Посмеялись с ним... Спросил у него, чем они занимались в Москве — вряд ли целыми днями ходили и кого—то

резали. Надо ж деньги где—то брать, работать.

— Ну да, мы работали, где—то подрабатывали. Плюс занимались тэквондо, а остальное время тратили на Движение.

То есть они посветили себя целиком и полностью Идее! Они ни где не тусовались, не отдыхали, ни у одного, ни у другого не было девушки. Они жили в съёмной комнате в одной квартире с какой—то старушкой, сыном её и супругой сына. И выходили на свои мероприятия по ночам. Рассказал историю, как они собрались идти взрывать церковь.

— Я положил бомбу в коридоре и завязываю ботинки. Поставил ногу на тумбочку, на которой надо сидеть, и завязываю шнурок. Один завязал, второй завязываю, и выходит сын бабки и говорит, «Э, ты чё, охренел!? Сюда ногу ставишь?» Я спокойно отвечаю «Пошёл вон, не мешай мне». Взял коробку, собрался выходить — он меня толкает. Я разозлился! У меня бомба в руках а он меня толкает! Придурок! Долбанул ему по роже, забил в угол. «Баран, отвали, зарежу!» и ушёл. Бомба не очень хорошо сработала, потому что её какая—то старуха—прихожанка водой полила. Но, тем не

менее, акция как—никак получилась громкой.

Они не хотели жертв, они хотели разрушить церковь. Потому что считали, что христианство — еврейская религия. Иисус Христос еврей. Навязывание смирения, покаяния, не противления злу насилием — губит русский народ. И, чем больше они нанесут вреда вот этому моральному СПИДу, тем будет лучше для русского народа.

Мне интересно,— продолжил Стас,— что там в голове у этого сыночка, который сейчас узнал, кто там жил у него дома. На кого он рыпался и нападал, что «не надо ногу ставить на тумбочку». У него в голове ничего не заклинило от ужаса?

— Хрен его знает. Он, наверное в запой недельный ушёл — отходит от страха.

Одели с ним как—то балахоны с капюшонами, обмотали рожи вафельными полотенцами, нацепили кепки и стали похожи на участников беспорядков. Тусовались в таком виде по камере, кривлялись перед зеркалом... минуты полторы, наверное. С начала нам Вадим сказал:

— Вы прекращайте! Сейчас охрана прибежит!

Только он это сказал, сразу стук в дверь.

— Вам ваших сроков мало? Продолжаете играть? Давайте снимайте, не надо этого! Во двориках тренировали славяно—горицкий бой, били друг другу ногами по прессу, блоки ставили, руками, ногами махали. С прогулки выходим, менты мне:

— Тебе то ладно, ты скоро уже выйдешь, а ему сидеть ещё и сидеть, во что ты его втягиваешь?

— Тренируемся. Чтоб здоровье сохранять.

— Ему сейчас о себе надо думать, какие ему занятия.

— Заниматься никогда не рано и никому не поздно.

А Вадим один раз решил меня подъебнуть, когда Стас был на следственном, и говорит:

— Макс, я понял, кто ты! Имам!

— С хуя ли я имам?

— Ну, имамы они же такие, сидят, указания раздают террористам. В Коране им прочитали, «Вот, сделай так!» Те идут и делают. Чем ты не имам? Наснимал роликов, навывкладывал пропаганду, вон парень пошёл и сколько народу убил! Ты—то три с половиной получил. Уже УДО. Тебя, конечно, сейчас никто не отпустит. Но отсидишь ещё полтора года, и домой пойдёшь. А ему то сидеть ПЖ! Ты понимаешь сколько из—за тебя народу село?

Я его, естественно, в задницу—то послал. Но потом эту тему решил обсудить со Стасом:

— Ты как думаешь, я же роликов наснимал, они повлияли на то, что ты делал?

— Конечно повлияли! Но, я думаю, и без них бы к тому же пришел. Но многие через них в Движение пришли.

— Я уже выйду, а ты выйдёшь еще не скоро...

— Правильно, ты выйдешь. Ты должен продолжить дело. У тебя это хорошо получается. А то, что в нашей стране за то, что ты делаешь, сроки дают меньше чем за то, что делаю я — это их недоработка, а не твоя вина. Чем больше сделаешь, тем лучше. Снимай ролики дальше, занимайся агитацией!

С одной стороны это легко сказать. С другой я понимаю, что в чём—то и Стас прав. Если бы я не мог заниматься агитацией, то занимался бы террором. Просто мне ещё в юности попало в руки это агитационное направление, и я за него взялся. Я на самом деле серьёзно думал — кем мне быть? Либо идти в уличные акции и нелегал, или в пропаганду и агитацию. Рассудил, что грамотная агитация Движению необходима больше, чем лишний боец на улице и с головой погрузился в пропаганду.

Когда меня заказали «с вещами», я со Стасом обменялся родительскими данными, телефонами контактными, отдал ему вещи, какие могли быть полезные и говорю:

— Стас, я на свободу выйду — тебе буду помогать. Потому что я всё—таки выйду раньше, чем ты... Давай держись! Дверь открылась, мы с ним обнялись, реально крепко обнялись, как братья, и меня увели. Больше я его с тех пор не видел.

Хата на полтора дня.

Перевели меня в камеру номер 609, в которой я уже не раз сидел, восьмиместка.

В ней я пробыл всего один день. Из сидельцев мне там запомнился только Савелий Троцкий, который кинул Туркмен—Баши на несколько десятков миллионов долларов. Старый еврей, но никак не подходил под описание классического «старого еврея». Спортивного телосложения, не курил, не чифирил, постоянно занимался, тренировался. Провели с ним только одну, вступительную

тренировку.

За ночь успел прочитать книжку «Робинзон Крузо». Лёг её читать часов в 10 вечера и до 5 утра прочёл.

Но на следующий день буквально заказывают с вещами. Всё, наверное на этап! Не знал — УДО будет заочно рассматриваться или очно? Мне рассмотрели, наверное, и отказали.

Собрал баул. Савелий выделил блок «Парламента».

— Давай, Макс, удачи!

Со всеми попрощался, выхожу и по привычке спрашиваю продольного

— Ну что, куда?

— Спускайся вниз.

Спускаюсь вниз. Сейчас обыск и всё — на зону еду...

— Заходи в камеру!

И заводят меня опять в 509—ую где я был уже 2 раза...

Таджикский наркоторговец ди—джей Музафар.

В ней никого нет, все мои канатики срезаны. В 99, когда людей из камеры забирают, происходит шмон, — выкидывают все бумажки, обертки. Заводят туда потом баландеров, и они срезают все ниточки, наклейки, смотрят, чтобы не было нигде ничего написано, все затирают, простукивают, чтобы не осталось никаких никому посланий, записок, сообщений, — вообще ничего. Приехал туда, хожу один. Не понятно — то ли на этап отправят, то ли вещи раскладывать. Хожу— хожу, хожу—хожу. Нажал клопа, подходит продольный, спрашиваю его:

Ну, чего я здесь остаюсь, или я сейчас на зону еду? Мне раскладываться или нет? На какую зону едешь?! Раскладывайся!

Разложился, занял свой любимый шконарь — напротив телевизора на втором ярусе, пальме. Зимой лучше всего спать на пальме, потому как внизу холодно, что самое главное. Во—вторых, внизу не так удобно смотреть телевизор — все ходят мимо тебя, загораживают его. Плюс наверху удобнее читать, — лег, книжку повернул к лампочке, положил под голову подушку, читаешь. Никто шмотками ничего не завесит, на твой шконарь никто жопой не садиться. В общем, устроился. Жду, кто приедет.

Дверь открывается, смотрю, заходит Леша Солдат, Рома из группировки «Спруты», заходят два нерусских, один из них таджик Музафар и второй дагестанец Расул. Хату забили, нас шестеро. Все нормально, разложились, сидим, общаемся. Музафар оказался, естественно, таджикским наркоторговцем, у него нашли 10 килограммов героина. Виноват, конечно, не он, виноват его брат, который возил героин! Музафар очень колоритный персонаж, его надо в «Нашей Раше» снимать. Очень не любит Мишу Галустяна. Как—то показывали по телевизору Галустяна, он его увидел:

Ух, ты сука! Ух, таджиков не любишь! Ух, я тебя как ишака загну! Чего, Музафар, а ты как ишаков, загибаешь?

А, это я так. Я просто так сказал. Я ишаков никогда не ебал. Да, ладно, не ври мне.

Музафар — настоящий таджик, толстый, в тубетейке, молится. Глуповат, конечно, но не гондон. Все время хотел похудеть. При этом жрал все подряд и вырастил себе пузо. Он где—то моего возраста.

Музафар, а чем на воле занимался—то? — спрашиваю я.

Вот, на рынке работал, там работал, сям работал. Ди—джеем работал. Как ди—джеем?

Так. В городе Щелково дискотека. Я там был ди—джей

Музафар. И какую музыку ставил?

Нормальную. Ремиксы, скрэчи делал.

У меня истерика, — «ди—джей Музафар» скрэчи микшировал. Сильно!

Он мне объяснял схему таджикской наркоторговли, потому как меня это очень интересовало, — я же выступал за то, что бы повесить каждого таджикского наркоторговца. А тут вот передо мной наркоторговец, которого я и призывал вешать. Его брат, если поверить его версии, который привез наркотики, не мог отказаться их вести, потому что ему сказал старший в тейпе, в Таджикистане. Если говорит старший в тейпе, никто не может запретить, даже отец — значит надо везти наркоту. Это уже не то, что он решил нажиться на этом, это просто приказ. Такого человека убивать не совсем справедливо, если честно. А кого убивать надо? Естественно, на таможне это найти могут, но не хотят. В какой—то момент могут закрыть глаза. Кого убивать? Таможенника, который закрыл глаза и пропустил 10—20—100 килограмм героина, ведь, по сути, он убил столько же людей, сколько и эти наркоторговцы. Но у него система, если он откажется закрывать глаза, то он не прослужит больше месяца—двух. Поставят другого, у кого глаза слушаются. Там все построено на круговой поруке. Если человек даст сбой и скажет, что не пропустит этот товар, начальник не повысит его в звании, его не поставят на ответственную должность, потому что он испортит всю налаженную систему. Смотрим дальше. Кто виноват, что система такая? Дальше идет Правительство. Вроде, оно виновато, надо менять, расстреливать, свергать. Но если просто заменить людей, ничего не изменится, система останется та же. В этом ее сила, что один человек ничего в ней не решает, каким бы честным и искренним ни был. Если он поднимется до самого верха, он уже сгниет по дороге. Если он не захочет притворяться нечестным и неискренним и будет с открытым забралом воевать с системой, то он сломается еще на самом нижнем уровне. Менять надо всю систему целиком, — систему моральных ценностей, систему ответственности, менять все законы, систему отбора.

Музафар очень любил курдюк. Ему присылали баранье сало, и он постоянно ел его. Но не гнушался и свиного.

— Музафар, ты же мусульманин, тебе нельзя сало.

Э, нет, в тюрьме Аллах не видит. В тюрьме сало можно есть.

И ел постоянно. Один раз в хате началась эпидемия гриппа, кто—то из ментов притащил на следственные действия и почти вся камера заболела. Музафар начал варить курдюк с молоком, с

маслом и медом:

Макс, пей! Будешь лечиться.

Блин, отстань! Не буду я, не могу я пить это.

Лёху Солдата они заставили это выпить, потому что он тоже заболел. Я лежу:

Не буду курдюк пить!

На меня напали всей камерой:

Макс, пей курдюк! Мы все пили, все выздоровели.

Если не выпьешь курдюк, будешь сильно долго болеть!— Настаивал Музафар.

«Хрен с ним!» Сделал над собой усилие, выпил курдюк этот плавленный. Лег спать.

Наутро просыпаюсь, — почти выздоровел. «Ни фиги себе! Может правда целебный курдюк?!» А может просто болезнь к концу подходила, — не знаю.

Настоящий Солдат.

В этой камере мы с Солдатом смогли нормально пообщаться, потому что у меня был вынесен приговор, у него был вынесен приговор. Следствие закончилось, маски, так или иначе надетые, сняты. Он ждал касатку — один из его подельников написал кассационную жалобу, поэтому Лёша тоже написал на снижение сроков.

Я—то не стал писать касатку вообще, потому что мне добавили всего полгода, не имело смысла обжаловать. А рисковать, писать на отмену не стал, потому что у подельника условка была. А если бы приговор отменили, то другая инстанция могла дать ему общего режима или поселок, а там два маленьких ребенка, — не хотелось ему жизнь портить. Поэтому сразу на УДО написал.

Итак, я ждал УДО, Лёха ждал касатку. Мы могли более менее общаться, потому что человек до суда это не тот же самый человек, который получил на руки приговор. Это в принципе разные люди. Я понимаю, что Лёха совершенно правый человек. Даже не в том дело, кого по национальности он убивал. Он выступает за Россию как русское государство, за жесткую диктатуру закона, то есть не какая—то сопливая демократия, а конкретная диктатура. Мы с ним обсуждали программу разделения людей на граждан, не граждан и поданных, обсуждали методы воздействия, политические программы разного рода.

Лёха, ты на самом деле молодец. Если бы не твое излишнее христианство, то тебя вообще можно в лидеры организации записывать. Ты же супер—звезда!

Да—нет, как же без христианства. Я же христианин, я русский. Понимаешь, нельзя быть русским и не христианином. Кто—то сказал, что ты настолько русский, насколько ты православный.

Я русский, но я не православный вообще ни на копейку.

Тут Лёха начинал сильно эмоционально беседовать, потому что религиозная тема была единственной, которая могла его вывести из себя. В итоге мы договорились, что религиозные темы мы просто не будем трогать и стали обсуждать политику и мораль.

Но как—то раз я занимался пропагандой социал—тутовизма в камере, циничного отношения к жизни, и к обществу вообще. И сделал заявление, что не люблю уступать в транспорте место старухам. Лёха говорит:

Как? Ты не уважаешь стариков?

Так за что мне уважать их. Я же уважаю людей за их конкретные поступки, а не за то, что кто—то небо коптил дольше, чем я. За что мне уважать эту старуху? Она всю жизнь работала на стройке какой—нибудь, еблась с прорабами в душевой кабинке. Когда состарилась, надела косынку, начала ходить в церковь и будет теперь читать мне мораль и просить уступить ей место. Мне за что ее уважать? Я изначально не уважаю людей a priori, чтобы начать уважать персонально, я должен узнать, что он сделал хорошего. Я знаю про тебя, я тебя уважаю. Я не уважаю каких—то людей с улицы. Понимаешь мою позицию?

Нет. Старый человек заслуживает уважение полюбому.

Так как тема спора интересная, в него включаются практически все наши сокамерники. Естественно, на стороне Лёхи. Он занял позицию хорошего правильного гражданина, который уступает место старушкам, помогает бездомным, переживает за погибших детей Осетии, — обывательская добродетель. Технический ход. А я же эту показную гнилую мораль презираю. Меня спрашивает Рома Чуб.

Ты, наверное, еще и милостыню из принципа не подаешь?!

Конечно, не подаю. Ни разу в жизни не давал милостыню.

Рома, ты же по любому не помогал нищим.

Нет, я жертвовал деньги на церковь.

Ах, ты! Человек, у которого 210-ая статья, «коммерсант» Рома тоже очень колоритный. Похож на мужчину, который подходит к Никулину в фильме «Бриллиантовая рука» и спрашивает, зачем Володька сбрил усы и приглашает к нам на Калыму. Сибирский простой парень. По жизни он все время выпивал. Заехал в тюрьму, ему стало очень тяжело и плохо без бухла. У него даже был сердечный приступ. Откачали. Начал немножко заниматься спортом. Похудел. Но алкоголь—то очень хочется, а так как он сотрудничает со следствием, ему подзакрыли глаза на некоторые спиртосодержащие лекарства. Пропускали по тюбику в день жидкого Новопассита, это успокоительное средство, но спиртовое. И он каждый день выпивал по сто грамм на ночь. Иногда он выписывал пузырек Новопассита, переливал его в баночку, на следующий день опять выписывал, потом еще выписывал, и выпивал оптом, то есть там уже вставляло. Это была его коронная примочка. Вообще мужик хороший, веселый, с ним приятно сидеть. Они с подельниками изымали на Северной таможне Москвы у коммерсантов товар, сразу его арестовывали, передавали в фонд федерального имущества и распродавали в течение нескольких часов, пока коммерсант не успевал почесаться. Рома говорит:

Блин, я всегда жертвовал на церкви. Макс, какой же ты негодяй. Нельзя так к людям относиться! Я всегда уступал места старушкам.— Привирает Рома.

Ты когда последний раз в метро—то ездил.

Ну, когда ездил в метро, тогда уступал.

Все то же самое запели:

Да, уступали. Макс, ты старух не уважаешь!

Да, не должен я уважать старух!

Спор этот нечеловеческий развивается—развивается:

Так ты еще не христианин, ты деньги на церковь не жертвуешь?

Нет, не жертвую. Бомжам не помогаю. Нищим не помогаешь?

Нет, принципиально не помогаю.

Накаляется—накаляется атмосфера.

Так ты никого кроме себя не любишь.

Ну—да, только себя одного и люблю.— Перегибаю я.

Так у тебя Бог — это деньги. Ты, наверное, все ради денег делаешь!

Ради себя! Ну—да... Понятно, что я—то как раз всё делаю ради денег!

А может ты еще и пидорас?— Понесло Леху.

Нет, тут стопэ.— С этим соглашаться я никак не готов, даже для приема дискуссионного айкидо. Но и так уже все сработало.

Они так «чик» — остановились. Это как в айкидо — поймать за руку противника и дернуть его мимо себя. Они понимают, что у всех в хате, кроме меня, мотив совершения преступления — это корысть. И чего—то они все заговорились в выставлении себя лучше, чем они есть на самом деле. Все посмеялись. Валера Разбойник с нами в хате был:

О, Макс, я тоже старух не люблю.

Ладно, Валера, старух никто не любит. Все притворяются. Особенно их не любят люди, которые пришли в поликлинику. Отпросились с утра с работы на два часа, чтобы сделать анализ, а тут сидит толпа старух, которым нечего делать и они просто пришли поразвлечься.

Да, действительно.

Все засмеялись, и на этом дискуссия закончилась.

Строй — диктатура закона.

Мы с Лёхой много разговаривали на темы власти, диктатуры, личности Диктатора. И вот, что я для себя вынес. Нужен не какой—то конкретный Диктатор, а диктатура, как система власти, диктатура закона. Не один человек, который может делать вообще все что угодно, а закон, который диктует всем, что нужно делать. Система с диктатурой закона может быть порочной, но работающей. Всё зависит от самого Закона. Например, в США президент Джордж Буш, конченный идиот, не может даже дверь со сцены найти, путается в трех соснах, тем не менее, даже он не смог разломать экономику США, потопить ее. Посадите президентом хоть обезьяну — все работает. Здесь нужен

волевой человек, который мало того, что придет к власти и поменяет сгнившую систему, он должен еще добровольно связать себя законом. Как человек привязывает заболевший зуб к дверной ручке и сидит, ждет. Дальше от него ничего не зависит, кто—то дернет, и зуб вывалится. Закон должен стоять над личностью. Я заинтересовался этой темой, стал читать историю двенадцати цезарей Светония Транквилла. Что я заметил. Все цезари, приходящие к власти, были полны благих начинаний — они переживали за народ, хотели улучшения строя, хотели роста, счастья, благоденствия, хотели совершенствовать Римскую республику. Как известно, власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Через год, иногда через два, все императоры начинали бесчинствовать, кто—то начинал трахать жен своих соратников, министров, кто—то начинал строить себе острова, на которые свозил девственниц—девочек, и мальчиков, кто—то начинал устраивать пьяные оргии, кто—то — рубить налево и направо головы, — людей просто волокло от власти. Первый год они были еще людьми, потом они становились опьяневшими безумцами. Это называется «человеческий фактор». У человека есть власть, но он уже ничего не может сделать с ней, потому что власть делает с ним все, что хочет. От этого нужна страховка. Это я понял. Сделал для себя вывод, что не нужно играть в рулетку с получением власти. Если говорить о необходимом конституционном строе при национал—социализме, это должна быть диктатура именно закона, чтобы один человек, сойдя с ума или опьянев от вседозволенности, не мог начать творить беспредел в стране.

Портреты на память.

Так как я тренировался рисовать, я где—то час в сутки выделял на картинки. Брал большую энциклопедию с животными и срисовывал оттуда птичек, рыбок, единорогов, лошадей — все подряд. Рисовал и в письма, которые отправлял родным и близким, или рисовал в тетрадку, себе на память. Потом решил, что надо рисовать лица. На суде чего—то попробовал, вроде на троечку, но вышло.

Лёха, дай я тебя нарисую, чтобы на память
осталось. Давай.

Солдат залез на шконарь, сел, повернулся к телевизору и где—то за полчаса я его нарисовал, причем довольно похоже.

Блин. Дай мне рисунок, я жене отправляю на волю.

Отдал ему. Себе его еще раз нарисовал. Потом он попросил нарисовать ему дочку, с фотографии перерисовал. Красивая получилась. Потом я нарисовал Валеру, не мог не нарисовать! Настоящий разбойник — здоровый, с бородой, весь в татуировках — никак не мог отказать себе в этом удовольствии. Нарисовал Музафара на память, потому что сидение с ним было очень поучительным. Это был именно тот человек, которого я призывал убить, наркоторговец. Надо запомнить эту встречу, сделав определенные выводы из нее.

Есть такая фраза «Понять, значит простить». Нельзя прощать наркоторговцев, но нельзя останавливаться на верхушках. Глупо думать, что в наркоторговле виноваты только непосредственные продавцы, это системная болезнь, и идет она корнями глубоко, а корни её уходят, как и все, во власть. Не случайно же, после того как американцы пришли в Афганистан, вроде справились с террористами, захватили все и оккупировали, производство мака выросло в несколько десятков раз, по некоторым данным даже в сотню. Это же не случайно, мак — это наркотики, героин идет в Россию, в России от него умирают люди, по сто тысяч молодых людей умирает в год только от наркоты. Естественно, речь идет о геноциде. Это не просто, что какой-то таджик Музафар решил наварить денег и приехал продавать наркоту. Здесь все намного глубже, намного серьезнее.

Рассмотрение УДО.

Прошло чуть больше месяца, и 23 февраля вывозят меня в Преображенский суд. Еду, на улице, за решетчатым окошком, солнечный день. Сейчас могут, ведь, и отпустить! Гипотетически. Но понятно, что меня никто не отпустит. Какое УДО через месяц после приговора? Это просто не реально, тем более мне прямо уже сказали, что если не пойдёшь на хозбанду, то УДО тебе не светит. Надо сотрудничать со следствием, надо раскаяться, надо сотрудничать с администрацией — иначе

нихрена.

Заводят меня в зал суда, сажают в «аквариум». Там какая—то женщина—адвокат, которую я первый раз вижу, она сухо поддерживает моё ходатайство, прокурор оспаривает. Говорит, что я не исправился. Представитель учреждения, ДПНСИ, говорит, что я не поступил в отряд хозобслуги, не исправился, не утратил социальной опасности и, самое главное, что я не отбываю наказание в следственном изоляторе, а только содержусь там под стражей. Поэтому он против моего освобождения. Судья, конечно, удовлетворяет требование прокурора, домой я не иду. Отводят в боксик, вечером я оказываюсь опять в камере. Понимаю, что мне надо готовиться к этапу, только теперь уже, надеюсь, по—настоящему будет этап.

Прощание с тюрьмой.

После того как мне отказали в УДО, буквально через день ко мне на свиданку пришла Саша. С ней пообщались замечательно, я ей говорю:

— Сейчас меня где то в течении месяца на зону этапируют. В принципе через две недели будет еще одна свиданка положена, короткая, на час, ты приходи, я скорее всего здесь еще буду.

Так и договорились. Она и через две недели пришла, так же пообщались мы с ней, я сказал, что неделю мне осталось, и всё, дальше я поеду. Как жалко было, что разговаривали мы даже не через решетку, а через стекло, по телефону! И дотронуться, хоть кончиком пальца до ладони, — нельзя!

Действительно, через неделю заказывают, полностью с вещами. Я понимаю, что сейчас—то, скорее всего, должен выбраться из этой подводной лодки, куда то на открытые пространства. Надо уехать из под всевидящего ока ЗОГа, потому что эта тюрьма — то место, где ЗОГ на тебя смотрит в лупу. А окажусь я где—нибудь в колонии в середине России, про меня и забудут немного, и на УДО сорвусь нормально. Вот такие были у меня мечты.

Как проверить, везут меня на этап или просто переводят в другую камеру? Попросил позвать врача, врач пришел. Я говорю:

— Меня сейчас увозят, мне нужны мои лекарства, которые на складе лежат. Там таблетки, витамины, кальция Д3 банка. Вы мне лекарства на руки дайте!

Да, хорошо, сейчас принесу.

Вот, если он сейчас действительно их принесет, то всё, меня отправляют. Если же сейчас скажет, что нет заявления, подпишите у главного врача, то всё понятно, просто перевод в другую хату. Волнуюсь.

Смотрю, пришел через 20 минут, принес мне мой кальций, все витамины, какие—то антиаллергенные средства которые у меня изъяли еще при моем прибытии в ИЗ, капли в нос, капли в глаза — в стеклянных пузырьках, которые нельзя давать в камеру. Я про них и забыл уже, у меня и аллергия прошла.

Значит уже точно — поехал! Мы давай все вместе в камере собирать меня на этап. Взяли здоровый баул , освободили, нагрузили в него всё что можно: конфет, чая, кофе, печенья, орехов, колбасы, сыра. Полный баул жратвы, я его еле поднять мог.

— Давай, всё тебе пригодится на этапе, на зонах голод!

— Хрен его знает...

— Этап — месяц. По—любому, ты пока до зоны доедешь, в бауле ничего не останется. Думаю, может и правда. Поблагодарил всех, обнялись, попрощались.

Сборка перед этапом.

Дверь открылась, меня привели в пустую камеру, где обычно проводили обыски. Я знал, что эта камера такая транзитная, по сути — сборка. Меня в нее перевели, обыскали слегка, сказали: «шмон будет попозже ». Выдали полный баул вещей со склада. Я и не знал, что там так много. Штаны, майки, кофты, трусы, не распушенные на канатики носки, стоптанные, сношенные кроссовки ... притащили мне здоровую пачку писем — всё то, что мне не пропускали, и то, что не уходило от меня. Всё это вернули. Свои, естественно, читать не стал, там их порвал, да выкинул, зачем они мне

нужны? Стал читать те, которые мне присылали. И со словами поддержки, и с вырезками, и с фотографиями. Вот это то, чего мне больше всего не хватало, когда от меня требовали показаний на моих соратников! Хитры, собаки! Ничего здесь нет такого сверхсекретного, но именно без этих писем мне было особенно тяжело. «Макс, привет! Как дела? Вот, смотри, про тебя статья в газете, смотри что врут!» Вроде ничего особенного не было, не было никакого режимного смысла это письмо отправлять на склад. Но был оперативный смысл, и поэтому я их получил только при отбытии из ФБУ.

Через пару часов пришли ко мне с обыском, два сотрудника изолятора. Молодые парни, как я, наверно, по возрасту, может чуть постарше, спортивные, нормальные. Я с ними не то что бы общался — доброжелательно здоровался. Понятно, что и они ко мне были положительно настроены. Но никогда с ними не разговаривали — это запрещено и мне, и им. И тут значит, они вдвоем проводят обыск.

— Всё Макс, уезжаешь?

По имени, не «Максим Сергеевич», что—то новое.

— Ну да, уезжаю, а что?

— А ты скажи, за что тебя на самом деле посадили? Мы все тут видео смотрели, интервью смотрели, за судом следили, но не смогли понять — за что тебя посадили—то?

— Ну вот, за призывы наркотаджикцев вешать, либералов убивать.

— Не, это всё понятно. На самом—то деле за что посадили? Ты же не совершил ничего такого, чтобы тебя вообще арестовывать. Ты год и восемь месяцев у нас в изоляторе пробыл. Здесь простых не держат. Что ты сделал—то такого?

— Ну как что сделал? Не помогал соответствующим органам выявлять неблагонадежных элементов в Движении...

— Это мы так и знали. Давай, держись! Тебе немножко осталось. Сейчас отсюда уедешь, сразу на УДО уйдешь, ты знай, что мы все за тебя!

— Спасибо парни!— Смешно, конечно. Охраняли меня тут всё время, а тут поддержку выразили — вроде никакой благодарности им быть не должно, но так тепло стало на душе. Думаю блин, даже здесь у меня есть сторонники. Обрадовался.

Они обыскали всё, пожелали мне удачи, ушли.

Я рассортировал вещи — те, что велики сильно или просто изношены — в один баул, нормальные — в другой. Никого нет. Полежал часа два на шконаре, почитал письма, вырезки из газет...

Заходит ДПНСИ говорит:

— Ну что, готовы следовать этапом?

— Всегда готов!

Смотрит, у меня три баула; один баул с моими вещами, второй баул с продуктами, и еще один с лишними вещами. Говорит:

— А это куда? Всё повезешь?

— Два с собой беру, один выкину. Или детям Осетии отдам.

— Тут оставлять нельзя, всё с собой бери.

— Нахрена мне старые шмотки, которые мне велики на 40 кг? Волонтерам отдайте, или выкидывайте где—нибудь, я не повезу это с собой!

— Ладно, тут брось. Баландеры заберут.

Этап — пошел!

Всё, полчаса я подождал, выводят меня во двор, там уже стоит ФСИНовский автозак. Не

такой, в котором возят на суды, а более современный, с зеленой полосой на боку! Шикарно! Написано «ФСИН России». Стоит конвой в камуфляжной форме. Зачитывают мою фамилию имя отчество, идентифицируют личность. Вдруг не того всучат?

— Готовы следовать этапом?

— Да, готов.

А это уже конец марта, меня спрашивают:

— Где у вас шапка? Есть?

— Ну да, есть, в бауле.

— Надо одеть.

— На улице тепло, может она там полежит?

— А, может, ты ее щас на голову оденешь?!

Тааак, что—то новое началось. Это был первый раз, когда сотрудники мне грубанули! Что—то здесь начинается нехорошее. У него и дубинка на поясе весит, весь такой агрессивно настроенный, аж притопывает ногой от злости. Мне ДПНСИ тихонько говорит:

— Ты с ними не рамси особо—то, это вологодский конвой, они тебя повезут!

Хрен его знает, посмотрим. Залез в автозак, и там я был один, дальше поехали на общую матросскую. Сначала грузят со спецов. Первым кто залезает ко мне в отсек, оказывается Саша, один из той «банды», которые торговали должностями государственными, генерал МЧС, второй человек после Берия, которого арестовали в кремле. Мы с ним ехали как—то.

— О, Максим, здорова!

— Здравово, Саша! Че, куда?

— Да вот, всё, на зону еду, 8 лет общего режима.

— Понятно, а у меня три с половиной. Тоже куда—то еду.

— А куда?

— Я не знаю.

— А я в пермский край.

— А мне ничего не сказали!

Потом грузят какую—то шушеру. Разбойников мелких, за сотовые телефоны, наркоманов — обычных бандерлогов, таких маленьких, обдолбанных, с пакетиками — ни у кого ничего нет, как у латыша — хуй да душа. Всё, залезают они, и мы едем. Проехались по двум тюрьмам — заехали на Бутырку, загрузились, заехали на Красную Пресню, кого—то взяли.

Приезжаем на Курский вокзал. Вечерняя Москва, уже ночь, красиво огоньки горят. У меня, конечно, воспоминания, вспомнил — как я смешно в армию уходил. Заколдованное место! Тут автозак подъезжает вплотную к железнодорожным путям, двери открываются, и мы выпрыгиваем на снег вместе с баулами, быстро садимся на корточки, высаживаемся строем в ряд по четыре, голова вжата, руки за голову. Всё, открывается дверь «столыпинского» вагона, мы туда запрыгиваем с максимальной скоростью. Всех забили по клеткам. Все залезли, дверь за нами закрыли. Закинул свои баулы наверх, залез на шконку и сажу, смотрю в окно. Окна все запотели, только чуть—чуть приоткрыты, небольшая щелка сантиметров пять... Но в нее видно, всё—таки, какие—то огоньки, знакомые очертания, которые я помнил еще с воли... Настроение дикой ностальгии по свободе!

Столыпинский вагон.

Поезд тронулся, и у меня начинаются новые воспоминания. Как я в детстве ездил на Селигер и на дачу — поезд такой же, и под стук колес я засыпаю. Где—то через час меня будят, говорят: «все, слезай, сейчас обыск». Я слезаю, беру баулы, выхожу в соседнее купе, там я один, меня начинают менты обыскивать, осматривают все мои вещи, прощупывают печеньки, орешки, сахар, чай — всё

смотрят. Один конвойный такой говорит:

— Что—то я тебя где—то видел...

— Может по телевизору?

— Ну, да, по телевизору! Ты не Тесак?

— Да.

— Блин, уважаю, там это, молодец, я вот ролики твои смотрел...

— Нормально, смотрел...

— Нет, серьезно!

— Ну, хорошо, что я могу сделать?

Обыскали меня, посадили в другую камеру, где уже половина моих сокамерников. Там же Саша, и еще несколько человек. Мы с ним начинаем разговаривать, он мне говорит:

— Макс, мне на этой неделе журнал пришел, «Русский ньюсвик», там сказано, что ты какое—то отношение к убийству Бабуровой имеешь!

— Да? С фига ли? Покажи!

Он показывает, там фотография такая — типа, стена около места убийства Маркелова и Бабуровой, и написано баллончиком «F18 — смерть всем!». Ну и эта вот фигня, о том, что она писала сюжеты обо мне, что последний репортаж был с моего приговора. Думаю, прикольно. Посмеялись. Тут бандерлоги подползают эти, говорят:

— О, можно журнал почитать?

— Да, почитайте.— Они читают, на меня смотрят.— Это что, про тебя?

— Ну да.

— Ты что скинхед?

— Национал—социалист.

— А это скинхед?

Думаю, блин, тупые болваны, говорю:

— Ну да, скинхед.— Про различие между субкультурой и идеологией говорить совершенно бесперспективно.

— А как ты там сидеть—то будешь? Там же черные в лагере есть.

— А как я в тюрьме—то сидел с ними...

Тупые разговоры!

— Ладно не мешайте мне с Саней базарить!

Едем, разговариваем. Попросили у конвоя кипяточку. Сидим, чай пьем, колбасы порезали, тушенки открыли, картошки заварили. А пить —то надо поменьше, в туалет тут сходить не дадут так просто. Немножко колбаски скушал, пюрешки наворачнул, чаю глотнул, напиться не буду! Надо спать лечь.

Я всё предусмотрел, с собой на этап взял несколько таблеток снотворного. Нервы — нервами, но таблеточку закинул, залез, и уснул часов на 12. Просыпаюсь уже довольно далеко от Москвы, не так чтобы очень, потому что это всё—таки столыпин.

«Столыпинский» вагон — это, по сути дела, обычный вагон, купешка. Только вместо дверей в купе там решетки, как и в тюрьме. Не 2 яруса спальных, а три, на всех можно спать, на любой можно по желанию кинуть баул. Между шконками второго яруса опускается перегородка, и там получается дополнительное место. Такая камера, на семерых. Но нет, в такую стандартную купешку сажают человек по 12, если повезет — по 8. Двое спят на самых верхних полках, плюс на втором ярусе три человека, и внизу человек 5—6 сидят, потом меняются — спят по очереди. Окно есть только со стороны коридора, там, где ходит конвойный. Другая стена глухая.

Не кормят ничем, дают только кипяток. Обычно, если ты откуда—то убываешь, выдают сухой поек, на сутки—двое. Там несколько видов каш: перловая, овсяная, пшенная, пюре, суп быстрого приготовления — заливаешь кипятком и съедаешь. Несколько галет, чай, и грамма четыре сахара. Ложки там смешные, одноразовые, которые, после того как в кипяток их окунул, скручиваются. Приходится выкидывать. Пожалуй, самое вкусное там — это гороховый суп. Просто шедевр кулинарии, я бы даже на воле такой ел. Не знаю почему — люблю все эти супы—минутки. Самое неприятное в этом столыпине, что в туалет водят крайне редко и крайне неохотно. Просишь конвойного отвести в туалет, он говорит что не положено, чуть попозже, сейчас отъедем, подожди. И сидишь, терпишь. Кто поумнее, тот не пьет. Такая небольшая голодовка этот этап. Потому что поезд едет полтора—два дня максимум, обычно это сутки. За эти сутки ты в туалет сходишь всего 2 раза, там стандартное расписание. Кому очень надо, выводят и чаще. Но, если ты будешь, как идиот, чифирить — очень захочется в туалет. Но тебя не поведут — ищи пакет, ищи бутылку, чтобы поссать в купе. А эти бутылки есть не у всех и не всегда, довольно быстро заканчиваются, и надо искать какой—то выход.

У чифирастов мозгов—то не много. Если они видят, что у человека есть чай, и человек этим чаем угощает, значит надо пить чифир. Кипяток конвойные дают без пререканий, это не такой уж геморрой — пошел, налил в чайник, и разнес. Не надо открывать камеры, не надо выставлять цепь охраны, не надо делать никаких лишних движений. Открыл кормяк, налил кипятка и закрыл. У меня скажем, был с собой чай, были конфеты, и я не видел каких—либо причин чтобы «отказывать сокамерникам в насущном». Естественно, они постоянно пили чифир, постоянно ломались в туалет. «Начальник, отведи в туалет! Ну, че тебе! Будь человеком! Тебя по людски просят! Че ты, не откажи!» В общем, на следующий день решил я их ограничить в чифире, потому что это уже перебор, они уже мне мозг ебли с этим начальником и туалетом.

Кировская пересылка.

Приехали мы в Киров, остановились, постояли на путях несколько часов, нас выгрузили на улицу. Опять рассадили на кортах шеренгами. Вокруг оцепление, собаки лают. «Попробуете дернуться — стреляем на поражение!» Может и не врет.

Забили полный автозак и повезли на тюрьму. Полные боксы зеков, те что помельче сидят на коленях у тех, что побольше, плюс баулы под лавками и на коленях у тех, кто на коленях. Все курят... Табор на выпасе! За час буквально доехали, что очень порадовало. Стали выгружаться. Тут уже никакого культурного обращения не было:

- Побежали быстро!
- Бошки опустили!

— Сумки схватили, давай, подорвались!

Кто замешкается — дубинкой по спине, это вообще не вопрос. Отношение совсем другое: во — первых, это уже не Москва, это не спецтюрьма, а во — вторых, эти люди не подсудимые, это уже осужденные, это преступники, это скот на который можно орать, который можно гнать, бить.

Все выстроились с баулами в каком—то приемном помещении. Там проходишь, называешь срок, статью, тебя сверяют с карточкой, по которой ты приехал, фотография чтобы соответствовала твоей роже. Проходишь шмон, проходишь в мини—сборки. Нас там оказалось человек 10 в одной камере два на три метра.

Саша там оказался, Вадик Мошенник, припизднутый еврей, лет тридцати, спортивный, с мозгами. Но дико мерзкий тип, которому я через полчаса общения пообещал расколотить ебло. Почувствовал, что гнет системы с меня спал, и мне как—то захотелось сломать лицо. Но не стал трогать, надо держать себя в руках, что я полсрока держался, а тут начну? Был еще Женя, длинный и тощий тип, на полголовы выше меня, и очень блатной, блатной вообще до ужаса! Парню 21 год, нахватался вершков по тюрьмам, срок у него, за наркоту, 9 месяцев — вообще мелочь. Это приемлемо, это неприемлемо, что—то по понятиям качает... Такая собака, вот бы ты мне на свободе попался, со своими понятиями и пацанскими движухами! Тоже ебло пообещал расколотить. И тоже не стал. Зато на время успокоил.

Сидим, разговариваем. Час, два, три, ни в туалет сходить ничего, стали стучаться в дверь. Сводили в сортир и опять закрыли на несколько часов. Потом нас всех поднимают, проводят какими—то коридорами в подвал. Долго петляем по коридорам с низкими сводчатыми потолками. В подвале выдают: простыню, одеяло, наволочку, подушку, миску, кружку, и ложку.

— Сейчас на пересылке, в тюрьме города Вятка. Она красная, ни каких понятий здесь нет, здесь есть правила внутреннего распорядка, всем ясно?

Всем, естественно, ясно. Проходим, спускаемся еще куда—то глубже. По одному, по двое — всю нашу десятку рассаживают по камерам. Меня в камеру запустили одного. Зашел, смотрю — там сидят человек двадцать. Видно, что они сидят уже давно, все до последнего очень худые, половина в телогрейках, в робах, не в вольной одежде, а уже в тюремной. Поздоровался, поставил баулы, на меня смотрят с такими выпученными глазами — с двумя баулами на пересылке, это вообще редкость.

— Ты что, откуда?

— Из Москвы.

— О, с Москвы. А за что? А что за 282? Экстремизм? А сам кто?

— Национал—социалист...

— Расскажи...

В хате несколько чурок есть, чурки, естественно, самые блатные, ну и начинаем с ними общаться. Прошло уже часа полтора, «уделил хате внимания», дал заварки для чифира, угостил конфетами ребят. А сам веду пропаганду, хожу из угла в угол, рассказываю про ответственность справедливость, что в нашей стране сажают людей которые правду говорят, а тех кто не говорит, молчит и кладет деньги в карман — никто не тронет, они самые «замечательные» люди.

— Да, ты прав, тебя бы на зону, там такой беспредел творят, мусора мужиков ломают, беспределят, вот здесь надо людей защищать, потому что на воле об этом никто не знает!

Прикольно, меня правозащитником воспринимают. Тут один парень, более—менее интеллигентного вида, говорит:

— Я вот слышал, что в Москве скинхедов много?

— Ну, да.

— А вот главного скинхеда недавно посадили,

— Кого?— Интересно, кого еще принять успели из известных?

— Такой там был, здоровый, Тесак! Я в газете читал.

— Так это я Тесак.

— Блин, я думаю ну ты похож на кого—то!

— Но я—то не главный скинхед. Главного нет. Я пропагандист просто раскрученный,

— А, ну я понял. Дай руку тебе пожму, вообще уважаю!

Тут с нар сверху срывается парень, лет 18, говорит:

— Тесак, блин, а я читал, что тебя убили! Рад тебя видеть! Думаю, ты это или не ты? Вроде ты, но вдруг ошибусь.

— А ты кто?

— Да я тоже правый, из Кирова. Чурбана зарезал.

— Сколько тебе лет—то?

— Мне 19.

— А дали сколько?

— Дали 20.

Вот срок влепили! Парню жизнь сломали, но он не теряет духа. Нормальный, веселый. Сели общаться, я орешки достал, шоколадки, колбаски, едим, разговариваем. Я смотрю, ребята какие—то совсем тощие, спрашиваю:

— А вы откуда, куда?

— Да мы с зоны, с самарской области, бунт был, зону расформировывали, нас по другим лагерям раскидывают.

— А вы что такие здоровые—то?

— Да ты тоже таким будешь! Там вообще не кормят.

— Как не кормят?

— Ну так. Ешь капусту, с какими—то луковыми палочками. Растет лук, там стрелки луковые, они их срезают и с капустой их варят, пока все жеваться не станет, до барака доходишь, и уже голодный.

— Не может быть!

— Ну, как не может? Может! Приедешь и сам всё увидишь через месяц. Понимаешь, там козлы беспределят. Вот если ты мужик, на должность не встал, других мужиков не сдаешь, не бьешь, то ты вообще не человек, ты говно! С тобой и разговаривать не будут, тебя будут унижать,

оскорблять.

— А зачем на должность встают люди?

— Во—первых, жрать дают. Во—вторых, есть власть. Это самое главное, что ты можешь командовать. Не тебе будут указывать, а ты будешь. Люди, имеющие жажду власти, находят себя в этом. Они и пытаются других зеков. Приходит разнарядка Мусорская — надо выбить двадцать явок с повинной с зоны. Всё, им пофигу, они берут первых попавшихся заключенных и долбят их пока те не признаются в разбое, ограблении, изнасиловании, в краже какой—нить. Человека бьют, он думает: «Да мне проще признаться по мелочи, добавят три—четыре месяца к моему сроку, но ничего страшного, хоть не убьют. А эти убить могут и выебать!»

— Да не может такого быть!

— Может, сам всё увидишь, Максим!

Может — не может, но как—то в голове это не укладывается!

Просидел я в этой хате два дня, постоянно общался со скином, Лехой, которому дали 20. Потом его перевели куда—то, хату раскидывают. Это хата этапная, там долго никто не сидит. Одного забрали, другого, потом еще троих, потом еще четверых. Осталось нас там несколько человек всего. Что мне там запомнилось — нам дали покушать яички. Каждый вечер давали яйца. В тюрьме мне их вообще не давали, и вкус—то забыл, а тут вообще шикарно!

Смотрю, мыши какие—то бегают по окнам, на 99 я этого вообще не видел, там была просто стерильная чистота. И в хате нет ничего курить. Ну, парням я дал сигареты, они скурили, пачку, вторую, третью. В момент.

Думаю, дай—ка пошучу, как над Глебом и Юнфэем, когда сказал «Смотрите, пачка парламента под шконарем!» Они полезли туда искать ее, а вроде взрослые люди! Тут сидит человек 20 младше меня, они обшмонали все щели в камере, все закоулки, доски проковыряли, дырки между шконарями осмотрели, подоконники все обшарили, всё выковыряли, все бычки. Я говорю

— О, парни, смотрите! Пачка «парламента» под нарами! Никто даже не пошевелился. Я говорю:

— Че, не хотите посмотреть?

— Ну, Макс, откуда здесь пачка «парламента», ты че?

Если логически посудить, то действительно, откуда она здесь возьмется?

Через два дня меня из этой камеры перевели в другую. Там я пересекся с двумя парнями со своего этапа. Был и смешной случай. Женя, длинный муркопев, встретился с каким то пиздюком, которого подняли с малолетки только—только. И начал ему что—то тереть за понятия. Что нельзя докладывать мусорам, нельзя делать то, нельзя делать это. Парень послушал—послушал, и, значит, принял позу любителя блатной романтики. В камере проверка, и этот парень дежурный по камере. Он должен выйти, сказать, что в камере семь человек, всё в порядке, вопросов нет, и вынести мусор. По понятиям он должен вынести мусор, ведь камера — «наш дом», мусор надо из нее выносить. Он отказывается.

—Я не буду докладывать.

Менты говорят:

— Ну, ты мусор—то вынеси!

— Не буду мусор выносить! У

ментов глаза на лоб лезут.

— Нахрен ты не будешь мусор—то выносить? Дурной?

И чем это закончится? Мент заходит в камеру, говорит:

— Не хочешь мусор выносить, будешь его убирать.— ногой перевернул ведро, хата стала

грязная.

Муркопев, как самый оперативный, говорит:

— Сейчас я соберу!—, собрал всё в ведро, высыпал его в мусорской мешок.— Всё, нормально. В камеру заходим, он начинает этому парню предъявлять:

— Ты че беспредельничаешь! Ты почему отказался мусор вынести? Хату надо убирать!

Я так сижую, слушаю, говорю:

— Да ты же ему сам час назад рассказывал, что требования мусорские выполнять — это сотрудничество с администрацией, это зекам всегда вредит, это запаadlo.

— Не, ну мусор вынести это не запаadlo.

— Так ты бы ему сказал, ему же 18 лет, ты где—то нахватался и чуть—чуть это переварил, а он это даже проглотить не успел.

— Не, ты понимаешь, он набеспределил, на хату сейчас точковку поставили, что здесь черный ход процветает, с парня надо спросить!

— Ну, спроси. Мне—то вообще до пизды ваши черные ходы.

— Так, сейчас будем поучать!— дал парню по уху.

— Всё, я понял, спасибо за науку!— Ответил тот.

Я говорю:

— Блядь, длинный, ну ты вообще дурак, как мне кажется!— Он со мной почему—то не согласился, начал показывать зубы,— Слышь, я тебя сейчас сломаю тебя и вон туда в угол брошу!

— Здесь это не приветствуется!

— Да мне похуй, что не приветствуется, дрищь ты тупорылый, ты кровь мне не сворачивай своим черноходством!

— Ты понимаешь, в тюрьме всё на слове держится!

— На каком слове держится? На твоём, тупорылом?

— Вот такие, как ты, козлами становятся, зеков ломают!

— Знаешь, я козлом уж точно не стану, это 100%, а вот ты — хрен его знает. Ты привык дешево командовать, а вот на зоне тебе командовать не дадут. Черного хода если там не окажется, то тебе пизда, ты будешь страдать.

— Я вывезу!

Да, ему реально сидеть—то несколько месяцев... Он вывезти—то вывезет, но выйдет таким блатным, таким блатным! Это будет просто возмутительно, если он окажется на черной зоне! Я просто начну верить, что существует какой—то тайный Блатной Бог.

Кормили в Кирове довольно сносно. Там очень вкусный чай, и каша рисовая с мясом. Какое—то куриное мясо, сильно проваренное, но было вкусно. Но есть «нельзя» из той посуды, что нам выдали, потому что она «келешеванная». Это значит, что никто не разделяет миски на «чистые» и те, из которых ели обиженные. Зеки ими пользуются, потом ее сдают опять администрации, а там по—новой выдают ее, не глядя кому. Поэтому есть надо было только из своих, у кого они были. И своими ложками. Почти все ели одноразовыми, из упаковок с рационами. В принципе это смешно. Я спросил у блатного:

— Ты мне скажи, ты в ресторан когда—нибудь ходил?

— Никогда!

— Может в кафе каком—нибудь ел?

— В кафе да, ел.

— Ты же понимаешь, что в этом кафе едят и педики, обиженные, и девки, которые хуй сосут.

Ты же приходишь и ешь, не ходишь же со своей посудой туда?

— Ну, там другая тема, вольная, по незнанке не канает! А здесь тюрьма, ты знаешь, что с нее пидоры ели, она келешеванная, жрать нельзя!

Здесь мне, к сожалению, приходилось соглашаться. В том плане, что если пойти на жесткий нонконформизм, и сказать «Да мне вообще похуй, буду есть с этой посуды!», то могло закончиться всё тем, что меня бы объявили обиженным, который жрал с обиженной посуды. И мой статус был бы просто ниже плитуса. В этих вопросах надо было уступать беспонтовым традициям, хотя бред полный. Играть в эти околоблатные игрушки приходилось.

Захожу я в камеру, и увидел там портрет Маши Гейбар в газете. Опана, думаю, вот оно че! Заманили меня сюда, походу, на расправу еврейскую! Мало того, что заявление на меня писала, проститутка толстая, так тут еще и портрет ее лежит, и написано какая она замечательная! ЗОГ за мной следит, специально сюда привезли, сейчас придет сюда пытаться меня со страшными подружками—либерками, и это будет конец моей карьеры. Придут и замочат меня, как царскую семью в подвале! Об этом своем страхе рассказал сокамерникам, все посмеялись и легли спать.

Шконаруй там больше, чем заключенных. Никакой переполненности не было. Хата большая, оставались еще свободные места. Пробыл я в ней еще два дня, перевели в третью камеру.

Там меня поразило то, как малолетки играют, человек шесть. Бегают по камере, борются с друг другом, кусаются, дерутся, вроде смешно—смешно. Но из их разговоров по ходу игры я понимаю, что у одного из них СПИД, у второго СПИД! А они возятся, ха—ха, хи—хи! Им смешно, они друг друга хватают, кусают. Ну ладно у одних СПИД, а у других—то его пока нет! А им вообще пофигу! Я себе даже представить такого не мог, чтобы со спидозным играть, а им нормально. Вот это жуть!

Повели нас в душ. Душ в Кирове был просто замечательный, человек на 150. Нас туда привели десятерых, каждый мылся под двумя кранами, открываешь две лейки, направляешь их в одну точку. Я вот сделал так, что из одной текла вода горячая, а из другой холодная. Получился жесткий душ— шарко. Времени нам дали, наверное, часа два мыться. Мы натерлись мочалками, постирали всё, что надо, пропарились, облились холодной водой, опять пропарились, вышли просушились, потом опять сходили помылись. Единственное, что мне запомнилось в кировской бане — не, то что бы там был евроремонт, или хотя бы какая—то цивилизная внешняя форма, но вода и время — это было просто изумительно.

Просидел еще в другой камере несколько дней с этими малолетками. Мы с ними погадали кроссворды, я им рассказал про политику немного. Но, на самом деле, мне уже стало немножко скучновато на эту тему разговаривать с людьми. Ведь это не те люди, с которыми я сидел в 99/1, которые многое понимают. Это, ну просто, обычные россияне, Люди, попавшие в тюрьму, не имеющие никакого образования, большая часть из них наркоманы, остальные алкоголики, думающих — один из десяти.

То есть ты сидишь, с человеком разговариваешь, он может спросить, «за что сидишь, что за статья?». Экстремизм. «А это что, ты на сноуборде катался, где не положено?» Да, катался.

То есть интеллектуальный уровень крайне низок, и даже если человек тебе симпатичен, казалось бы, мозг у него есть, а образования нет вообще никакого, он не может поддержать с тобой разговор на нормальном уровне. Вопросы одни распространенные задает, ошибки в суждениях стандартные, основанные на показаниях «ЗОГ—ТВ». Поговорил с одним, с другим, с пятым, и ты прекрасно понимаешь, что тебе скажет шестой—седьмой—десятый. Ты прекрасно знаешь, как вести разговор, и ты знаешь, чего ждать от человека. А если ты это знаешь, то тебе становится неинтересно с ними разговаривать. В итоге я просто стал гадать кроссворды и рассказывать анекдоты. Тем более, как я заметил, как только уезжаешь из изолятора, или следственного какого—то учреждения, может прекращаются ментовские происки, но перестают поступать глупые вопросы. «А откуда деньги?» «Много ли на вашей организации мокрух?», «А кого убить хотите?» Вопросы становятся наивные, глупые и обыденные, и человек это спрашивает чисто из вежливости. Потому что всем всё пофигу, им так, любопытно, почему человек из Москвы куда—то едет. Больше им интересно, где взять покурить или чифирнуть, чем что—то выяснять. Это уже плюс.

Хотя, конечно, я понял, что общаться мне будет тяжело. «Макс, вот ты вроде по—русски говоришь, но что ты говоришь — я плохо понимаю! Какие—то слова странные используешь, ты говори попроще!» Я говорю обычно. Да, прочитал много книжек, но я стараюсь не употреблять каких—то энциклопедических слов, слова—то все обычные... Но у них все равно не хватает знаний, чтобы это расшифровывать. И приходится упрощать, сознательно материться, потому что мат заменяет многие слова, и делает речь более доступной для понимания.

Бывало, и я не понимал, что мне говорят зеки. Какие—то сильно жаргонные слова, которые я слышал первый раз. Я сидел в такой тюрьме, где содержались по большей части интеллигентные люди, по фене никто там не ботал, даже матом мало ругались. А здесь наоборот — через слово матерное, и, естественно, жаргон. Мне как—то говорят:

— Подай майдан!

— Какой майдан?

— Ну, майдан мой подай!

— Какой майдан тебе подать, че это за фигня? Майдан это площадь по—украински, тебе че надо?

— Ну, баул мне мой подай! Ты на нем сидишь!

— Ааа, баул! Ты так и говори!

Он на меня смотрит, как на пришельца. Много таких слов.

Настоящая параша.

Там я увидел, что такое настоящая параша. Та, что была в Хамовническом суде — это просто образец чистоты. Тут такая обосранная стремная параша, над которой даже на корточки садиться страшно. Затыкается таким пакетом, набитым изнутри тряпками и на веревке, получается шар. Посрал, спустил, заткнул пакетом, может для того, чтобы ничего не лилось, может, чтоб не воняло. А хрен его знает зачем, но положено затыкать. На этап я специально взял с собой приговор суда. Я вспомнил тот случай, когда увидел приговор с мазком какашки посередине, смотрю он смотрится очень уместно, в куче использованной бумаги, и специально взял приговор для этих целей. Будучи на этапе, я жопу вытирал исключительно приговором, кассационными жалобами, постановлениями, ходатайствами, определениями, и прочими официальными документами. То есть всю эту папку, что накопилась у меня за два года, я именно на это и употреблял.

Что надо сделать, чтобы вытереть жопу? Надо взять вот этот лист А4, сложить его пополам, оторвать половину, половину сложить еще пополам, разорвать на две части, и вот этих двух частей достаточно, чтобы вытереться начисто. Их надо хорошенько помять. Пока сидишь, гадишь — как раз времени на это хватит. Хорошенько промял, потом, как только посрал, не вставая — иначе будет некачественно вытерто, снизу — не сзади, как обычно, люди на воле подтираются, а снизу, прям между ног руку заводишь, яйца поддерживаешь другой рукой, и чиркаешь. Сложил бумажку, подтер, сложил еще, и еще, бросил ее в парашу. Берешь следующую, и так же. Получается, за 6 подтеров жопу можно вытереть начисто. Половиной листа А4. Это крайняя экономия, на воле об этом никто даже не задумывается! Потом, если делать это аккуратно, даже руки не запачкаешь, но их надо всё равно после туалета помыть! Мы, как культурные люди, всегда это делаем. Так я постепенно убивал эти официальные бумажки. И каждый раз, разминая кусок официального документа, переживал за правовой нигилизм в нашей стране...

Киров—Пермь.

Просидел я еще пару дней в этой камере, потом заказывают на этап. Еду я, и едет парень, который сел за доведение жены до самоубийства, он один из тех немногих, кто в России получил реальный срок по этой статье. Любитель поскандалить с женой. А она, видимо, у него была эмо, и после очередного скандала выбросилась в окно. Он сидит, сам убивается: «Ай, как я мог, я же знал, что она не выдержит! Надо было помириться! А я, дурак, накричал на нее!» Ну да ладно.

Заказывают нас опять, всю эту компашку, кто ехал, в Столыпине, оставляют на сборке. Мы сидим, чифирим, общаемся несколько часов. Опять обыскивают, сажают в автозак, и везут на «столыпин».

Там та же схема — полная купешка, потом Столыпин трогается, обыск, и забивают купе уже на этап.

Едем, Саня достал тушенки, заварили с картошкой. Конвой поменялся в Кирове, и стал еще более жестким. То есть на просьбу дать кипятка — могли послать на хуй. В туалет водили очень грубо, несколько раз дубинками по ногам били каждому, ну, чтобы быстрее бежал. Ах, какие негодяи! Какой—то злой конвой был, совсем не люди. Плюс какой то «блатной» доводил их, издевался, качал: «Начальник, выведи в туалет!» Тот выведет, потом опять «Начальник, выведи в туалет! Я чифирнул, понимаешь, начальник! Сам побудь в моей шкуре! Мы такие же люди, просто я тут сижу, а ты там в форме ходишь, а так—то мы ничем не отличаемся, у нас одна кровь!» Думаю, ну ты баран, как же ты меня бесишь! Съел таблетку снотворного, залез на верхний шконарь и уснул. Проснулся я уже на подъезде к Перми.

Межрасовая пропаганда НС в подвале пермского централа.

Нас высадили, посадили на корты вдоль полотна, ждем, когда автозак подъедет. Ноги за полчаса затекли и замерзли. Пришлось наложить анафему на всю Пермь и Пермский край разом. Но вот, наконец, загрузили табор. В кузове отогрелись, за час доехали до централа.

Там нас поместили сперва на сборку. Потом обыскали, отвели помыться. Душ в Перми был совершенно отстойный. Кого—то развели по хатам. Мне не так повезло — заперли в подвал. Там нас было 10 человек. Из них 5 русских, 5 таджиков. Из русских — четыре наркомана по статье 228, и один я, по статье 282. Все таджики со статьями разбой, грабеж, и наркота та же. Я сижу день, два — общаюсь с русскими. Но понимаю, что с ними мне общаться—то не о чем, так как все их разговоры приходят к тому, кто как варил первинтин, кто как кололся, где брал таблетки, как отнимал сотовые телефоны, продавал, и бежал опять колотьяся. Как сидел в игровых автоматах, сколько кто снимал, чтоб колотьяся. Рассказы совершенно мне непонятные. Хотелось их убить, чтоб не мучились.

Как наркоманы рассказывают о том, как варить винт — это вообще что—то непередаваемое!

— Наливаешь вот это вот, смешиваешь с йодом, доводишь до кипения, капельку того, капельку сего, и вот она пенится! Туда немного красного фосфора, она становится зеленого цвета как изумруд! И вот эта хорошая пенка сойдет, и прямо в шприц ее набираешь! — У всех слюни аж текут, прям.— И вколлот! Здесь вот счастье самое приходит, такой кайф!

— Дааа!— Все чуть не кончают от этого рассказа.

Рассказчик о первинтиновом смаке Леха — парень из Москвы, сидел за разбой и наркоту.

— Леха, у тебя же язвы уже на руках, ты же, когда не разговариваешь — рот до конца не закрывается, у тебя же начинается деградация не то что личности, а мозг уже отмирает!

— Да нет, это я с детства так рот не закрываю, когда говорю!

На самом деле, кто разговаривал с наркоманами — видит, что у нариков уже нарушены и координация и речь и движения особенные.

— Язвы на руках, вон смотри!

— Да это нет, это если только не глубоко уколоть, немножко в вену не попасть, то тут

начинается, да. А так—то это вообще фигня. Если грамотно колоть, то и жить можно сколько угодно! У меня один друг был, он уже 10 лет винтом ставится, и ничего.

Они выбирают какие—то анекдотические случаи, для оправдания своих пагубных привычек. И говорят, что вообще ничего страшного. Как и курильщики обычно оправдывают свое курение тем, что у них есть знакомый дедушка, который живет девяносто лет и курит каждый день. А то, что курение в среднем сокращает жизнь на 10 лет — это фигня, ведь дедушка живет девяносто, и это главное!

Может с таджиками уже пообщаться? Интересно на самом деле, чисто эксперименты. Зря я, что ли Карнеги читал и социальную психологию? Пошел разговаривать. Не то чтобы пошел, просто сдвинул внимание. Таджики уже поняли, за что сижу и кто я по жизни. Сперва разговор не очень клеился, но всё равно я пытался. Выделился из них один, который лучше всех говорил по—русски, русифицированный и самый активный. Вот он спорил со мной, дискутировал:

— Скинхеды убивают по 300 таджиков в год, к нам на родину отправляют гробы! Все знают, что скинхеды убивают! Это те, кто твои ролики смотрел, те, кто тебя слушали!

Нифига, какой ты прошаренный! Я говорю:

— Убивают скинхеды таджиков, не вопрос! Но вот ты скажи, сколько ты продал героина?

— У меня 5 кг изъяли, я там это, просто вез, это не мой, меня попросили доставить бандерольку...

— Да ты не пизди, 5 кг ты вез, но сколько ты этим героином убил бы русских парней? Ты убил бы их человек, допустим, 50. А то и больше. Сколько людей бы стало наркоманами, столько развалилось бы семей, сколько детей не родилось бы нормальными? Это не одна сотня только от одного тебя, а сколько таджики всего продают героина? Ты понимаешь, что здесь речь идет о сотнях тысяч, столько умирает молодых людей в год от наркоты?

— Ну, они же сами ее колют...

— Ну, понятно, что сами колют. Ты сопоставь сто тысяч, и триста человек которых убивают скины! Давай, короче, не будем разговаривать о частностях. Лучше поговорим о принципиальной идеологической позиции национал—социализма.

И он понимает, что триста убитых таджиков не перевешивают того вреда, который приносят таджики русскому народу. Сошлись на том, что будем слушать непосредственно агитацию. У них возражений не оставалось, и я начинаю объяснять им наше понятие Свободы, Справедливости, Ответственности.

В частности я им объясняю, что мы выступаем за необходимость изменить понятие Свободы в нашем государстве. Потому что сейчас под этим понятием подразумевается что? Свобода — каждый может делать то, что не мешает окружающим. Если человек хочет колоться, бухать, ебаться в жопу, деградировать — это его право, он может это делать. Главное чтобы он не мешал окружающим, чтобы на него не писали заявления. Но это же не правильно! Мы понимаем свободу, как возможность развиваться. Если человек хочет учиться — пожалуйста, государство должно предоставить ему возможность. Если он хочет заниматься спортом — пожалуйста, должны быть бесплатные секции, залы, катки, стадионы. Если он хочет рисовать, снимать, лепить вырезать — он должен получить поддержку. Но если он хочет деградировать, то здесь должен быть жесткий стопор. Общество должно ему сказать, что ты не для того рожден мамой и папой, чтобы сейчас начать колоться! Ты не для того ходил в школу и получал образование, чтобы пить водку! Это не твое право, ведь твоя прямая обязанность развиваться, растить детей, всячески совершенствоваться. Свобода совершенствоваться

— это Свобода. Свобода деградировать — это уничтожение народа! Таджики:

— Мы согласны, ты прав, ты полностью прав!

— Ладно, а ответственность? Что у нас в стране под ней подразумевается? Вот, если ты, таджик, продал пять килограмм героина, то тебе могут дать пятнадцать лет, десять лет, так? Так ты понимаешь, что ты убил этим пятьдесят человек?

— Ну да, если честно, то понимаю...

— Вот, смотри. Если кто—то убил двоих, троих человек ножом, ему могут дать пожизненно?

— Могут.

— Ты убил 50, тебе дадут 10 лет, а таможеннику который закрыл глаза, взял взятку, чтобы ты провез героина, ему что дадут? Ему дадут лет семь, если докажут. А он убивает намного больше, потому что он не одного тебя пропускает, он пропускает десятки таких. А дальше если посмотреть. Что дадут какому—нибудь министру, который провалил реформу здравоохранения, и сотни тысяч пенсионеров остались без лекарств? Многие из них погибли от этого, что ему за это будет?

— Его переведут на другую работу, более скрытую от глаз общественности.

— Да, так и есть.— Я аж удивился смысленности таджика.— А вот что будет с президентом, под управлением которого каждый год умирает по миллиону человек в год, русские спиваются, скальваются, скуриваются, занимаются гомосятиной всякой? Вырождается народ, его убивают! Что он за это получит? Никакой ответственности. Его переизберут на второй срок, а если захочет, то и на третий!

— Ну, это потому, что у вас Христос бог. Христос погиб за грехи других людей, и никто за свои грехи не отвечает. За всех ответил он 2000 лет назад. За тех, кто живет даже сейчас, и тех кто будет жить через 100 лет. Никто не виноват вообще ни в чем. Христианство — религия безответственности! Вот у нас ислам, тут каждый несет за себя ответственность, перед Аллахом отвечает!

— Может быть. Перед каким Аллахом, у вас там кто отвечает? Вон вы сало жрете, наркотой торгуете! Что вам, Аллах разрешал?

На этот вопрос тяжело ответить, я продолжаю.

— В принципе, мораль эта порочная, что человек не несет никакой ответственности, и мы выступаем за то, что чем больше власти, тем больше ответственности, прямая пропорциональность. В нашей стране, все происходит с точностью до наоборот — чем больше власти, тем меньше ответственности.

Таджики послушали, согласились, и говорят:

— А ты скажи, таджиков берешь в организацию?

— Нет, таджиков не беру вообще!

— А почему только для русских?

— Потому, что Россия русская страна, и организация для русских. У вас же в Таджикистане русские не правят? Вы же выгнали русских?

— Да, выгнали, но у нас там все развалилось. Я считаю, что зря это сделали.

— Правильно, и я не хочу, чтобы у нас всё развалилось.

— Если таджиков не берешь, то помощь нужна будет — ты к таджикам обращайся, таджики всегда помогут. Ты вот сейчас всё рассказал, по телевизору всё не правильно про вас говорили. Сейчас мы поняли. Удачи во всем!

Какие то цифры начали мне там оставлять, естественно я их потерял очень быстро. Но сам факт примечателен, что, если грамотно и доходчиво объяснить нашу политику даже таджикским наркоторговцам — те вполне искренне ее принимают.

Я рассказал им и нашу политику относительно трудовых лагерей для эмигрантов.

— Вот смотри, Джумшут, —образно, не помню, как его звали, — приезжают таджики сейчас в Россию, работают на какой—то фирме, месяц, два, три, им не платят зарплату.

— Да, часто кидают!

— На улицу ты выйдешь — могут ударить ножом?

— Да, нападают.

— Милиция забирает, деньги отнимает?

— Да, отнимает.

— Живете в хреновых условиях, жрете лапшу с пивом, колой и хлебом.

— Да, еда плохая, секаса не хватает очень!

— Грязь, антисанитария, нет никаких соц. гарантий, нет медобслуживания, нет нормального питания, а о развлечениях и досуге речь вообще не идет. Плюс вас еще ненавидит все население. Если вас кинут на деньги, вы начинаете грабить. Многие «подрабатывают» тем, что продают наркотики, отнимают сотовые. Потому, что секаса не хватает — трахают девочек прохожих, школьников. Правильно? Вот смотри, что мы предлагаем. Приезжает таджик, рабочий, поселяется в специальный трудовой городок. В котором у него хорошая, удобная, читая униформа. В котором у него обслуживание, медосмотры постоянно проводятся, нормально питание, он получает гарантированную заработную плату, которая сразу переводится на его родину прямо семье. Там весь досуг проработан. Сходит в кино, можно даже таджикскую проститутку специально привести, чтобы создать адекватные условия. Выходить гулять никуда не надо — все есть. В городке поработал, построил дом, или какое-то инженерное сооружение, уехал назад. Если объект в черте города — теплотрасса, озеленение, укладка асфальта — все в униформе, заняты делом. На объекте охрана, уходить никуда не стоит. Всё, никакой ненависти, никто тебя не зарежет, никто тебя не кинет на деньги, не заболеешь, никого не заразишь, и не пропадешь без вести, семья получает деньги безналом, без ущерба для экономики.

— Так было бы намного лучше работать!

— Так вот, когда мы эту схему рассказали, нам на это ответили: «Это современное рабство, так как таджики имеют право в город выходить, и гулять где кто захочет!»

— Ни к чему ему выходить, если он работает. Если его кормят, если у него там все есть, он что — дурак?

— Вот видишь, в чем дело,

— Вы молодцы, я бы за вас сам голосовал.

— Тебе в России никто голосовать не даст.

— Я понимаю, я вообще говорю что да, СМИ всё врет, нельзя верить! — Молодец таджик, поддается доводам разума.

Людская хата! Есть Связь!

В этом подвале мы просидели неделю, потом нас перевели на верх — освободились. Нас подняли, повели, места освободились в нескольких камерах, я оказался с Женей—муркопевом. В принципе это был первый раз, когда я попал в нормальную тюремную хату. Там были два сотовых телефона, она была переполнена, народу больше, чем шконарей. Там были обиженные — это были первые обиженные, которых я увидел. «По мокрой» двигались груза.

Это значит через парашу — груза упаковывались в целлофановый пакет и по веревке передавались через канализационные трубы. В хате был смотрящий, всё как положено. Мы зашли, поздоровались. Смотрящего курсанули — кто,

откуда, какая статья, ФИО. Наши данные записали и они ушли по хатам.

Я смотрю, в камере телефон! Не верю глазам своим, что на самом деле! Говорю смотряге:

— Дай позвонить, можно?

— Да, можно. Куда?

— В Москву.

— Ну, если с перезвоном только. Дорого.

— Конечно, с перезвоном!

Позвонил своему адвокату Васильеву — это единственный телефон, который был записан. Пообщался, попросил передать этот номер товарищам. И начались конференции в хате — мне стали звонить друзья, родственники. Где? Чего? Потому что год и девять месяцев меня просто не было на связи ни с кем, у меня не было возможности звонить вообще!

Наконец—то всё нормально! Строгая изоляция закончилась, теперь хоть связь есть! Уехал куда—то в Мухосранск, грязная камера, необразованные сокамерники, мыши бегают, но, тем не менее, чем меньше порядка, тем лучше. Теперь можно как—то двигаться.

Меня спрашивают:

— Куда едешь—то?

— Да я не знаю, вот сейчас в Перми сижу, на пересылке.

— А куда поеду, хрен его знает, может в Соликамск...

— Блин, Соликамск — это же «Белый лебедь»!

— Да похуй мне! Белый лебедь, зеленый дельфин — вообще до пизды! Главное уже на зону приехать, а оттуда на УДО сваливать!

Надо MMS отправить. А у самого рожа щетиной заросла за две недели поездки. Меня побрили одноразовым станком, я сбрил щетину с лица, сфоткался, отправил MMS, полностью счастлив, доволен. Тут мне звонят и говорят:

— Макс, Адольф умер! В тюрьге, на Петровке!

— Как умер? Давно?

— Убили, или сам вскрылся... в камере мертвого нашли. Позавчера. А на следующий день Нестеров застрелился, Дима!

Макс Адольф.

Адольфа я знал не очень близко, но довольно хорошо. Это был один из самых радикальных членов политсовета НСО. Отлично справлялся с интеллектуальной пропагандой и пропагандой прямого действия. Писал зажигательные статьи, выступал на митингах с пламенными речами. Постоянно тренировался и самосовершенствовался. Он был идейным противником «жизни овоща». За всю жизнь нигде не работал в обычном понимании этого слова. Но деньги у него были. Хотя на себя он практически ничего не тратил — не заморачивался на одежде, не тусовался по клубам, не снимал девок. Он весь был посвящен Идее. Не боялся и попачкать руки, разгоняя шавок и пидоров. Видимо в своих антисистемных действиях он стал слишком опасен для власти, и от него решили избавиться. Может быть его убили. А может, накопили нечто такое, что на свободе оказаться он больше не надеялся, а ждать, пока его сломают и заставят потянуть за собой соратников — не захотел? Он говорил мне как—то об этом варианте действий в случае ареста. Я тогда не придавал значения его словам. Когда мусора убили Диму Боровикова, один мой товарищ спросил у Адольфа:

— А каким он был? Таким отморозком, как о нем пишут?

— Нет. Я его неплохо знал. Он был обыкновенным парнем, таким как ты, таким, как я. Обыкновенные парни... Как же!

Нестерова я почти не знал.

Виделись изредка в зале и на акциях. Но его «Скины. Русь пробуждается» в свое время срывали мне башню. Писал он под псевдонимом. Да и звали его на самом деле не Дима, а Рома, фамилия была другая. Он был лучшим другом Макса Адольфа. Помню, в «Билингве» они вместе на втором этаже, с балкона, кричали «Зиг Хайль!» Весело тогда было. Не знаю, что его заставило застрелиться... Может, понимал — раз взяли Адольфа, то и за ним скоро придут?

Курс на Соликамск.

Настроение ухудшилось, сел за столик, стал рисовать, чтобы отвлечься немножко. Начал рисовать одного наркомана, похожего на Гарри Поттера. Портрет для себя, тренировка.

Начинают разносить баланду. А я помню разговор с этим блатарем тощим, что если посуда келешеванная, то он жрать из нее не будет, он лучше страданет, потерпит. Он говорит:

— Макс дай миску.

— Какую миску?

— Ну, баланду пожрать.

— С хуяли?

— Ну, у меня миски нет.

— Я же тебе предлагал миску одноразовую. Ты её выкинул. Сказал, что тебе не надо, и, если что, ты страданешь!

— Дай, блин, Макс!

— С какого хуя? Ты же не захотел с собой миску нести, когда была одноразовая от бизнес ланча, а сейчас ты страдануть не хочешь. Ты страдании, или вон, из келешеванной похавай.

— Да хорош ты, не по—товарищески!

— Ты мне не товарищ. Извинись за свою борзость сперва.

— Ладно, извини! Всё, дай миску!

Ах, ты кишка такая! Ладно, дал ему миску, он похавал.

Всю ночь я читал «Гарри Поттер и дары смерти», дочитывал книжку, и немножко общался с сокамерниками. Разговариваю я с одним парнем из Питера. Он смотрит на этого блатного, говорит:

— Понятия у тебя воровские, это тебе неприемлемо, то приемлемо... ты, поверь мне, на зону приедешь — вообще о них забудешь.

— Я не забуду, я стремяга!

— Ты знаешь, сколько я таких стремяг видел? Все забывали, как мурчать—бурчать, как только попадали на красную зону. Я был в Питере на «Яблоневке» — там как отобьют жопу, ноги и всё что можно, вообще забудешь, как слово «неприемлемо» произносить!

— Да это козья зона, мне пофигу!

— Ну, козья так козья, пофигу так пофигу. Посмотрим.

И с парнем этим, Лехой, разговариваю. А что ты, откуда, за что сидишь? Он вполне вменяемый, начитанный и циничный. Стал ему объяснять про национализм, про революции и про то, что пока мы придем к власти — прольется много крови. Погибнут люди. Он говорит:

— Да пофигу на людей. Надо значит надо. Будем делать, потому что всё это заебало.

— А людей тебе не жалко, женщины дети погибнут?

— Да плевать мне на женщин и детей. Они и так погибнут, только в «мирной» войне.

— Ты что — прикалываешься, меня передразниваешь, или на самом деле так считаешь?

— Да, на самом деле! Погибнут, зато народ выживет. Погибнут единицы, а останется целая нация, это намного более ценно.

— Ты не скинхед? Никогда им не был?

— Нет.

— А вообще правый?

— Нет, я разбойник. Всю жизнь обменные пункты грабил.

— Да, рыжий, нифига ты красавчик! Сам до этого дошел?

— Так—то я люблю Ницше, Макиавелли почитать.

— Понятно, а куда едешь?

— Из Питера, этапом уже еду полтора месяца, не знаю куда точно, но, вроде, в Соликамск.

— Может вместе поедем.

Быстро подружился с ним, как и все в тюрьме — быстро. Выпили чая, скушали конфеток, шоколадок, и я уснул. Утром просыпаюсь, успел сделать два или три звонка друзьям. Заказывают на этап, Леху заказали, Длинного, и вообще чуть ли не пол хаты. Этап на Соликамск.

Ну, меня не заказали — значит не Соликамск. А Соликамск — это все—таки «Белый лебедь», самое нежелательное направление из возможных. Нормально. Еще по телефону позвоню, поваляюсь, тут замечательное место такое, и еда есть, и связь, и все что надо... Тут хата открывается, мент говорит:

— Марцинкевич, тебя забыли, давай собирайся!

И стоит с открытой дверью, ждет. Этап вдоль стен выстроен. Я подрываюсь, чашки—миски собрал, всё в баул, скрутил матрац, что—то забрал, что—то забыл. На сборы всем два часа давали! Забыли они фамилию назвать! Выскочил, нас перевели на сборку. Это камера такая, где —то 6 на 6, в которой сидит человек сорок — сорок пять, то есть она битком просто забита, и люди в ней крайне грустные. Понимают, что они едут на «Белый лебедь», а ехать туда никому не хочется. А я хожу, и мне, собственно говоря, пофигу. Потому как, в моем представлении, они не хотят ехать на «Белый лебедь», потому что он «красный». Как я понял по разговорам — они все «черные». Какая разница, красный, черный? Мне неприемлемо быть ни красным ни черным. Причем «черным» быть еще более не приемлемо — это «черный ход», воровская тема, блатная. Это всё нерусская фигня. Ее я в принципе не могу поддерживать. Ну и красным мне быть ни к чему. Я хожу, шучу...

— Что ты прикалываешься, веселишься?

— В смысле?

— Соликамск! Ты понимаешь, что такое Соликамск?!

— Ну что, соль будем добывать, значит...

— Мы не будем там добывать соль, это вообще не смешно.

— Да, ладно. Какая разница, везде жить можно! Телефон затынем, все решим, не вопрос!

— Ты вообще ничего не понимаешь, это же «Лебедь»!

— Ну и че? Проедем мы белого лебедя и поедем на зону!

— А, че тебе объяснять! Сейчас приедем, увидишь.

Чем быстрее приеду, тем быстрее уеду. Погрузили нас в воронок, привезли в столыпин, посадили, проехали мы несколько часов, и давай нас выгружать.

Выгружают на станции «Березняки», оттуда везут в Соликамск. Я смотрю, блатного—то оставили в купе, это значит, что он поехал дальше! Я спрашиваю:

— А куда дальше—то они едут?

— Дальше там «тридцатка».

— А что за «тридцатка»?

— Черная зона, блатная, там ему охуительно будет сидеться!

Вот пес, вот проскочил! Походу всё—таки какой—то блатной божок на небе сидит, не просто он так там оказался. Человек пять всего из сорока пяти осталось в вагоне. Остальные на автозаке поехали, на «Лебедь».

«Белый Лебедь». Приемка.

По дороге стояла очень напряженная тишина, то есть люди не хотели ни о чем разговаривать и все очень напряженно курили. Такая духота мерзкая, горло першит, потому что все курят, одну за другой смолят, потому что видно волнуются, я как—то пытаюсь всех развеселить, говорю да что такого страшного этот белый лебедь. Какая разница? Ты вообще не понимаешь ни хрена. Да, я не понимаю, и понимать не хочу, ну такая же тюрьма, только название другое. Ну, пыжики там сидят, мы же не пыжики, какая разница! Ну, сейчас увидишь. Похоже, что они, пока сидели в Перми на центральной — немного больше узнали об этом месте, чем я...

Заезжаем на территорию тюрьмы. Говорят, сейчас, короче, ребята готовьтесь. Заехали, слышу какие—то крики резкие вокруг автозака. И начинают по кузову со всех сторон долбить киянками. Просто долбить, сильные удары.

— Че, сучки страшно? Сейчас, блять, вам всем пизда будет!— Кричат снаружи.

— Кто это орет?— Спрашиваю я.

— Это козлы! Всё! Нас сейчас так умоют всех!

Какие козлы—то, интересно посмотреть, я их же еще не видел. Открывается автозак. Команда «Выходим по одному, прыгаем, баулы перед собой, руки за голову, хватаем баул, бежим в клетку, садимся на корточки, руки за головы, морды в пол!»

Один спрыгивает, вскрикивает, побежал. Второй спрыгивает, вскрикивает, третий... Что там такое? Почему они кричат? Тут моя очередь — я спрыгиваю с баулом, тут со всех сторон удары киянками по затылку, спине, рукам. Я приготовился, что вскрикивать не надо — и не вскрикнул. Как партизан на допросе. Но больно! Баул схватил, побежал в клетку, как показывали, 10 шагов вперед, пять направо. Киянки — это молотки деревянные, сечением 10 на 10 сантиметров, и длина самого молотка 20, на палке метровой длины, молот, можно сказать. Причем били они совершенно не жидясь — со всей силы, куда попадет. Они ж понимают, что ты будешь прикрываться — в шапке, в пуховике, поэтому и били со всей силы, чтобы сломить любое желание сопротивляться и отрицать уже в самом начале. Вбежал в эту клетку, сел, уперся в спину предыдущего, баулы поставил, сажу.

Там толпа козлов, несколько мусоров. Надо сказать, что очки я предусмотрительно снял, поэтому не мог их как следует рассмотреть. Начинают нас по одному подводить к столу осмотра. Из этой клетки по одному выходят, на корточках естественно, баулы должны быть на земле, передвигаться по чуть—чуть, гуськом. Подходишь к столу, встаешь на расстоянии метра, по полосе, указанной на земле. Говорю: «Здравствуйте, гражданин начальник! Осужденный Марцинкевич Максим Сергеевич, статья 282 часть 2, срок 3 года 6 месяцев, начало срока 02.07.07 конец срока 02.01.11, общий режим!» Вот это надо доложить без запинки. И лучше не косячить. Докладываю — смотрят, что без очков. Достал очки из кармана, одел. Говорят, «Всё, полетел!»

Там уже стоят те, кто был передо мной — все вжатые друг в друга, на полусогнутых ногах, совершенно нелепая поза! Подходишь, команда вжался, вжимаешь в предыдущего естественно не до конца и не очень плотно, там уже отработанным движением киянкой бьют тебе под колени, вжался, уперся, голову на бок, на козлов не смотришь, баулы в сторону, стоишь ждешь, пока весь этап назовет Ф.И.О., сделает доклад... Всех пересчитали, переписали, пошли в помещение санитарной обработки «Белого лебедя». По идее, это прожарка и баня. Должны провести обыск, прожарить вещи, чтобы погибли вши и блохи, и баня. Это только официально, на самом деле там идет ломка зеков.

Нас всех спустили в подвальное помещение, довольно мрачное, на полу капли крови везде. Нас там стоит человек сорок наверно, козел командует, ещё несколько с палками в руках, в перчатках без пальцев и в спорткостюмах.

— Сейчас я считаю до трех, и все стоят в одних трусах спиной ко мне около этой стены! Раз!

Все начинают раздеваться очень быстро, скидывают носки, скидывают штаны, кофты снимают через голову. Всё построено на том, что козлы во—первых спаяны, их там пять человек, не то что все здоровые, но крупные взрослые мужики. Во—вторых, сроки у них по 15—20 лет, то есть выходить не скоро, и терять нечего, им как—то надо сидеть, они пошли по своей козлиной дорожке. Они ломают этапников, а за это администрация создает им нормальные условия содержания и обещает УДО. Если человеку дать 17 лет, и пообещать УДО через 12, он будет делать всё, что ему скажут. Он будет ломать, обоссывать, портить жизнь, будет беспредельничать, это вообще никакого вопроса для него не составит. Никакой совести и жалости у него не останется уже через несколько месяцев этой работы.

А этапники во—первых боятся дать им какой—нибудь, а во—вторых это просто бесполезно. Если этап дает отпор, прибегает больше козлов. Всего 40 человек этапа, а козлов можно собрать намного больше — раз, они все будут вооружены — два, козлам не будет ничего за эту драку, их даже в карцер не отправят — три. А вот против этапников могут возбудить уголовное дело за нанесение тяжких повреждений, за бунт, довести дополнительные статьи. Это к тому, что изуродуют и сломают жизнь. «Сломают жизнь» — это значит реально выебут! За неподчинение, могут выебать, только в путь, особенно на «Белом лебедя», то есть прямо писей в попу, по—настоящему, и все это знают. Знают еще задолго до прибытия, и сопротивляться никому в голову и не приходит, а кому приходит — они очень сильно и долго об этом

жалуют. Все построились.

— Теперь я предлагаю вам немного поприседать! На счет раз стоим, на счет два присели, на счет три сели на корточки! Начали! Раз, два, три, раз, два, два, три, раз, два, раз, два, три.— И все 40 человек приседают, вверх—вниз, вверх—вниз. Так, наверное, раз пятнадцать—двадцать успели присесть.— Все стоят. Так, сейчас Москва стоит, все садятся, два—три!

Стою я один. У меня руки за головой. Чувствую, бах, удар по ребрам! «Повернулся, статья—срок—режим!» Я поворачиваюсь, пытаюсь что—то сказать, но удар хороший, поставленный, ногой. Чувствую, что говорить не могу — дыхание сбило. Я рот открываю, ничего не могу сказать.

— Что, немой?— Я башкой мотаю,— А что молчишь?

— Дыхание сбил...

— Статья 282, что такое?

— Разжигание... вражды и ненависти...

— Чурок не любишь?

- Не люблю...
- А сам откуда?
- Я из Москвы, ты ж уже понял.
- Что за изолятор, где сидел? 99\1. Это что?
- Федеральная тюрьма номер один ФСИН России...
- Понятно, с тобой потом поговорим, отдельно.

Ладно, добивать хоть не стали, но ребро, тем не менее он мне сломал сходу. Надо сказать, что на этапе из Перми у меня поднялась температура, и я очень хреново себя чувствовал. Поставили меня назад в строй, потом еще одного дернули, второго—третьего наугад, потом еще продолжили приседания. Пропреседали мы часа два, наверное... Здесь я очень сильно радовался тому, что занимался спортом в последнее время очень активно, и мне не составляло особого труда присесть. Тогда как у большинства ноги не выдерживали, они падали, тряслись, начинали плакать, не могли встать, их за это били палками по спинам и ногам. Не то чтобы им надо было, чтобы все приседали, просто надо было сломать всех, чтобы на будущее не осталось никакой блатной педали в голове, чтобы сказать, что этого я делать не буду, это у меня не приемлемо, это я не хочу.

— Так, всё! Собрались быстро, вещи схватили! Считаю до трех! А сейчас косметички схватили, юбки задрали, полетели, крысы ебанные! И все побежали резко по коридору. Там козлы выстроены, показывают куда бежать... Ну, показывают — это мягко сказано, бьют просто киянками чтобы задать направление, причем бьют так — через одного, через двоих. Пока замах завершится, и киянка падает, кто—то проскакивает. Загнали в подвал вообще глубокий, там нет ни окон, ничего, такое помещение, полностью изолированное. Понятно, что никто не услышит, не увидит что с тобою делают, опять же на полу кровь.

- Построились! Все стоят лицом к стене, не шевелиться, не разговаривать!

Я стою прямо перед батареей, мне хреново. Чувствую, что у меня температура, ребро сломано, дышать не могу, и так становится мне всё лучше—лучше—лучше... Открываю глаза, смотрю — лежу на полу. Меня по щекам бьют.

- Ты что?
- Не знаю, сознание, наверное, потерял...
- Нормально?
- Нормально всё.

Стою, жду, когда придут. Блин, первый раз в жизни сознание теряю без нокаута. Хотя, в школе дышал, сидя на корточках, потом резко вставал, напрягался — тот же эффект. Что дальше будет?

В камере этой духота. Уже и в туалет начинает хотеться, уже и охота немножко посидеть, попить, полежать...

Как хорошо было даже в Столыпине по сравнению с этим местом! Стоишь босиком на бетонном полу, раздетым, жар закончился, от приседаний этих двухчасовых. Уже всё, начинает бить озноб, становится холодно, и я чувствую, что заболеваю.

В коридоре кого—то бьют, шум, крики, настроение такое напряженное. Тут двери открываются:

- Первый на обыск полетел!

Тот, что ближе всех к двери был, схватил баул и выбежал. Из—за двери слышно: «Статья? 131, что насильник?!» Полетели удары... «Ааа! Не надо, пожалуйста, я не насильник, меня оговорили!» «Не пизди, сучка!» Опять удары. «Показывай давай, трусы снимай, всё выкладывай!» И опять удары. Да... Обыск—то интересный. Потом пикового какого—то дергают — чурбана. У него 131, 132... «Статья? 131, 132! Че, пидор черножопый! Русских девушек любишь? На, сучка!» Удары. Визги, знакомые по воле. Еще удары. «А! Не надо! Мамочки!» «Че, сучка?! Я тебя сейчас выебу здесь! На! Я тебя выебу пидор! Мразь пиковая, хули в Россию приехала?! А, мразь?! На! Вот я тебя выебу, будешь знать, как девушек портить!» «Нет, пожалуйста, не надо, я больше не буду, я никогда

больше не приеду, я извинился, раскаялся, ей деньги выплатил, простите пожалуйста гражданин начальник!» «Какой я тебе гражданин начальник!» Опять удары.

Жестко. Пять человек проходят, думаю, побыстрее надо уже туда проходить!

Смысл ждать? Выхожу на обыск, меня начинают шмонать, говорит:

— Что за статья?

— Два—восемь—два!— замахивается.

— Какая два—восемь два?! Наркоман что ли?— Делает вид, что хочет ударить, но я почему то даже не подумал что надо голову убирать, как смотрел, так на него и смотрю. Температура...

— Нет. Экстремизм.

— Ты же сказал «разжигание вражды»?

— Это она же и есть.

— И че чурок не любишь?

— Конечно не люблю. Сел за призывы вешать таджикских наркоторговцев.

— А, давай с нами вешать?!— Я понимаю, что это приглашение с ними козлить.

— Да нет, мне ни к чему...

— А, ну да, у тебя режим общий, у нас—то строгий. А сам нацист?

— Да, нацист.

Он начинает обыскивать мои документы. Другие козлы обыскивают продуктовый баул, вещевой. Он смотрит документы, а там вырезки из газет, которые я собирал, пока сидел в тюрьме. Смотрит одну картинку, вторую. — —

— Это что, ты?

— Да, я.

— Ну, нифига, над тобой—то как мусора то подшутили, ты вроде против чурбанов выступал, против наркотарговцев и наркоманов, а они тебя к ним и посадили. Давай, короче, держись, нормально всё будет. Не очкуй.

— Чего не очковать?

— Сейчас увидишь... Не очкуй особо.

Обыскали меня короче, взял я баул , перебегаю в соседнюю комнату. Она такая же изолированная, там уже те, кого обыскали. Так же стоят лицом к стене, головы опущены, босиком на полу, я тоже встал . Думаю, что будет сейчас интересного происходить? Самочувствие у меня всё хуже, из—за этого я начал абстрагироваться от всего происходящего, и такое чувство, будто это всё происходит не со мной, а я просто наблюдатель.

«Белый Лебедь». Вымогалово.

Простояли мы еще минут сорок, пока всех обыскали. В этой камере набито так народу

плотнячком, она чуть поменьше, чем предыдущая. Сидим, кто—то начал уже расслабляться, сели на баулы, я тоже сел. Какой смысл стоять, если козлов нет, никто не погонят? Даже задремал немножко, все опять вскочили, раз лицом к стене, стоят. Заходят козлы, втроём, у одного из них киянка, у второго лапта. Лапта — это такая плоская палка, длиной метра полтора. Главный, тот что меня шмонал, говорит:

— Ну что, сучки! Сейчас я предлагаю вам добровольно сдать сотовые телефоны, симкарты, деньги, иголки, карты оплаты. Если у кого—то я это сейчас найду, я его выебу! Если кто—то сдаст добровольно, я ему даже заварю чифира! Ну, Я жду!

Конечно, все молчат — ни у кого ничего нет, уже обыск прошли.

— Ну, тогда начинаем так!— Берет Леху рыжего, с которым я общался в Перми, вытаскивает его, говорит, давай сюда иди, к стене, и начинает бить его по жопе лаптой, один удар, второй, пятый, десятый. Леха уже стонет, удары очень сильные, и вообще не жидясь долбит, четко по жопе, я смотрю — она просто чернеет! Трусы спустил, бьет. Жопа просто становится сизая, десять ударов, пятнадцать.

— Пожалуйста, не надо, нет у меня ничего! Пожалуйста, не надо, я бы отдал! Может договоримся?— После того, как прозвучала фраза «договоримся», лапта остановилась.

— Давай, сейчас будем разговаривать.

Вывели его в коридор, поговорили, привели, поставили в строй.

— Так, давай следующий!— И начинают его долбить,

— Не бейте меня! Не бейте, я скажу!

— Ну, говори!

— У этого, который тот вон, маленький! У него кусок мыла, а в этом куске симкарта! Маленького обиженного вытаскивают, начинают бить лаптой по жопе.

— А! Это не моё мыло, я обиженный, мне дали!

— Кто дал?

— Да там, в вагоне еще!

— Не пизди, кто дал?— Долбят дальше.

— Вот, вот этот,— Показывает еще на одно парня.

Того вытаскивают, начинают отбивать его.

— Всё, мое, мое! У меня еще одна есть!— Прекратили бить.— Мне расторпедироваться надо!

Отводят его в туалет, он там вытаскивает с «торпеды» симкарту. Одну из жопы вытащил, одну из мыла забрали. Его, его в сторону — добровольная выдача у него осуществлена. Берут третьего, четвертого, пятого. Весь этап друг друга просят:

— Ребята, отдайте всё! У кого что есть, нахрен надо, сейчас тут убивать будут! При этом козлы бьют, а в это время приговаривают:

— У нас времени много, мы убивать будем всех, вы все здесь будете лежать с черными жопами, отбитыми почками, никто не уйдет отсюда целым пока все не отдадите свои симкарты, деньги, карточки оплаты!

Что—то нехорошее, а у меня ничего нет, чтоб отдать, и по жопе не охота киянкой получать. Выхожу к этому старшему, говорю:

— Пойдем поговорим.

— Пойдем.— Выходим в коридор.

— Что надо, чтобы это мероприятие прекратилось?

— Деньги есть какие у тебя?

— Сидел в изоляции, со своими не общался давно, позвоню спрошу...

— А что можешь предложить?

— Ну что могу предложить. Что могу предложить... ну хочешь, я тебе 600 рублей предложу точно...

— Нет, я хочу 10 рублей!

— Зачем тебе 10 рублей, если я могу предложить 600?— Надо начать торговаться с мелочи, потом будет можно поднять немного.

— А мне надо 10 рублей!

— В чем прикол? Ты что, не понимаешь — 600 рублей больше 10 рублей!

— Нет, 10 больше 600!

— Я че, совсем дурак? Прикалываешься надо мной?

— Нет, мне надо 10 тысяч! Это значит десять рублей!

— Что? Да убивай меня хоть киянкой, какие 10 тыщ! Я вообще бомж, у меня папа с мамой инженеры!

— А сколько?

— Ну, 1000 — максимально.

— Овчинка выделки не стоит. В федеральной тюрьме сидел, 1000 это вообще не серьезно.

— Ну, тогда убивайте.

— Иди в строй вставай.

Значит, не судьба. За десятку можете мне всю жопу расколотить, печень и почки, зарастут. Хрен я буду у кого 10000 просить, чтобы мне по жопе не настучали. Поставили в строй опять, и там люди стали по одному по двое с козлами разговаривать. Кто—то сколько—то пообещал, их уводят по одному, они звонят родителям, друзьям. Идет обычное вымогалово, чтобы не убивали. Потому что у них там реально практика — если денег человек не дает, то можно и до утра его долбить. Приехали в пять вечера и в пять ночи их заводят только в камеру. Двенадцать часов ада.

Нам повезло, мы где—то в камеру поднялись в час ночи. После этого обыска, после разговора, кто сколько может денег дать, нам говорят:

— Быстро одеваемся, собираем баулы свои, побежали мыться!

Ни у кого не осталось ни чая, ни кофе, ни сахара, ни конфет — всё забрали козлы, все продукты питания, всё было отмечено. У кого—то забрали вещи более—менее ценные. Сахар, чай и кофе — это всё запрещено на «Лебеде». Забрали у всех и сигареты, оставили только шмотки.

«Белый Лебедь». Суровый душ.

Поднимаемся наверх, там где душ. Там мы снова разделись. Забегаем в душевую! Это не передать, как приятно! Вода течет, вода причем теплая — моешься, пот смываешь, какой кайф! А у половины этапа, жопы черные, как у негров, то есть они сначала были лиловые, а потом они почернели за это время. Если здесь такое происходит, что же на зонах—то тогда творится? Моемся 40 минут — хорошо! А вода всё горячее и горячее, душ закрыт снаружи, пар, вода течет, и выйти нельзя, и вентиляции нет, и окна не открываются! Пятьдесят, хорош уже помылись... Час.. там уже просто кипяток, под струей стоять нельзя! При этом пар стоит от пола до потолка, горячо! Люди уже сознание теряют. Мне хреново, башка мутится. Если я так—то после приседания сознание потерял, то сейчас вообще нехорошо получится. Сел на пол, думаю это похоже уже на газовую камеру.. . Просидели мы полтора часа в горячем душе, в кипятке! Дверь открывается:

— Давайте, подрываемся все! Вылетели, побежали в раздевалку! Расселись на лавки!

Заходит козел, притащил здоровую банку от протеина, пятилитровую. В этой банке заварен чифир. Я его не пил, и никогда меня к нему не тянуло. Попробовал как—то на Новый год, мне не

понравилось — горько. А тут все пьют. Пить — то охота вообще — не передать как. В горячей парилке особо не попьешь, вода горячая! Говорят, давай, сделай несколько глотков! Конечно, всё равно хочется есть и пить, но спать расхотелось! Но всё равно чувствую себя просто отвратно, меня трясет, у меня болят ребра, и я чувствую, что начинается грипп. Начинает ломить суставы. Просидели в этой сборке еще пару часов — все уже высохли, оделись, сидим, ждем. Заходят козлы.

— Так, сдаем все вещи, какие есть, на прожарку, вешаем на вешалки, сдаем в эти окошки! — Они бросили на пол груды металлических вешалок, — У вас есть 2 минуты, чтобы всё это развесить!

Быстро каждый на вешалку навешал груды одежды — носки, трусы, простыня, полотенце, майка, кофта, штаны, куртка, свитер. Чучело человека, считай, получилось. Сдали в окошко. Там это отправили в прожарку. Через час где-то это всё выдали. Часть по баулам распихали, часть одели — всё горячее пуговицы погнутые. Температура большая, при которой умирают клопы и вши — такая, что плавятся и пуговицы. Если ткань — синтетика, то она скукоживается, и портится наглухо. Шмотки еще воняют так специфически после прожарки, но это уже никого не волновало. Нас построили и мы бегом побежали в помещение транзитно — пересылочного пункта.

В транзитке.

Привели нас в хату, хата небольшая где то 7 на 4 метра. В ней двухъярусные нары, такие от угла до угла. В углу стоит параша, раковина, есть одна розетка, и набито где-то человек 40 народу. Там и на полу спят, и на первом ярусе, и на втором, и обиженные под нарами спят — места просто практически нет. Забили нас человек шесть в хату, мы как-то пробрались. Кто-то уступил место, дали нам улечься, потому что знают, как в там принимают. Вошли в положение. Пролезли кое как. Естественно, ни матрасов, ничего не дали, так в хату завели.

Я, как был, так и втиснулся между лежащими телами, лег на спину и отрубился. Точней даже провалился в полубессознательное состояние, потому что поднялась температура, ребра болят, и болит всё тело. Это грипп, такой неприятный, ломит суставы, ломит спину. Отвратительное состояние, и не поспишь, и не пободрствуешь. Вообще не понятно, куда кинули, такое мерзкое чувство, слабость... Вроде и не спал... Тут меня толкают.

— Давай—давай, быстрее!

— Что случилось?

— Проверка сейчас будет!

— И что делать надо?

— Сейчас быстро все построиться должны перед дверью, чтобы никто не сидел, не лежал! Дверь откроется, все должны закричать «Здравствуйте, гражданин начальник!»

Понятно, как обычно значит всё. На счет «кричать» я сразу не понял всей фишки. Дверь открывается, мент в камеру глазом посмотрел, дежурный делает доклад:

— Здравствуйте, гражданин начальник! В камере номер 21 находится 46 человек, за время моего дежурства, нарушений и происшествий не было! Докладывал дежурный по камере Голожопов.

И вся камера кричит «Здравствуйте, гражданин начальник!» У меня чуть барабанные перепонки не лопнули. Я стою сзади, там толпа, все встали перед дверью. Никто не остался ни сидеть, ни лежать сзади, вроде можно было заныкаться. Но рисковать никто не стал, что уже очень примечательно. Все проорали, нормально проверка прошла, все разобрались, начался новый день.

Для меня это был первый день на «Лебедь», пытаюсь как—то въехать в движуху, понять, что здесь происходит, сколько здесь сидят люди. Проще не спрашивать, а слушать, что говорят. Тем более что у меня с утра начало болеть горло, так что мне даже разговаривать стало больно.

Это пересылочный пункт, из которого этапы идут на три зоны. Сим, Кушман и Ныроб. Три зоны общего режима. На Кушмане есть связь, но очень сильно бьют, бьют постоянно и особенно в карантине зверски убивают. На Ныробе тоже есть связь, но не для всех и, самое главное, чтобы туда попасть, надо проезжать еще через одну пересылку, которая называется «Красный лебедь». Там убивают гораздо сильнее, чем на «Белом». Долбят всех, вплоть до летальных исходов. И на самом Нырыбе тоже бьют в карантине. Этапники проходят целую серию издевательств над собой — там надо выйти на запретку, одеть красный косяк на руку, надо помыть парашу, надо кричать «Я люблю СДП!», надо написать заявление в СДП, если отказываешься — тебя обоссывают и делают обиженным. А что на Симе происходит? Тоже, естественно, бьют, сейчас поменьше. Но там выбивают явки, это стабильно.

— Что за явки?

— Явки с повинной, это такая форма раскрытия преступления на зоне, то есть человек приезжает на зону в карантин. Его дергают, смотрят. Так у тебя статья 162, то есть тебя поймали, когда ты отнял один телефон. Ну, естественно, ты отнял не один телефон в своей жизни. Вот и бьют, пока не признаешься еще в нескольких аналогичных преступлениях. На Симе бьют, особенно в карантине, но самый беспредел только с явками.

— А связь есть? Нет на Симе связи вообще нет!

— Отстой какой, ну ладно.

Первый день я пролежал, завтракать не стал вообще, потому что в горло ничего не лезло. Дают обед, вроде как я более—мнее в себя пришел, надо бульона попить. Там был очень вкусный куриный суп — в нем почти ни хрена не было, но бульон там хороший, куриный. На самом — деле плавают куриная кожа и немного лапши. Вот я похлебал, горло немного отпустило, вроде могу разговаривать. Сижу, общаюсь с Лехой рыжим, с которым ехали этапом их Перми. И какой—то парень ко мне подсаживается.

— А ты откуда?

— Я из Москвы.

— Лицо знакомое...

— Хрен его знает, может по телевизору видел.

— Да—да, наверно видел, а тебя не Макс зовут?

— Макс.

— О, а я скинхед из Челябинска!

— Кого убил то?

— Да нет, ты что, не убил! Я просто еду с больнички, у меня грабеж, там какого—то репера на сотовый кинули, он заявление написал.

— На сколько посадили?

— Сперва условку дали, но потом отмечаться не ходил, на реальный срок перебили.

— А че не ходил—то? Бухал, что ли?

— Ну да, вот один раз выпил, пропустил отметку, второй раз думаю идти надо, но ругать

будут, что первый раз не пришел. Забил, пропустил несколько раз, и вызвали в суд. Нарушение, и закрыли.

— Много осталось?

— Нет, вроде не очень. Вот сейчас на поселок переведут, там через полтора года буду дома.

Сидим с ним общаемся, время подходит уже к ужину, в двери стучат. Подходит дежурный, несколько человек называют по фамилии, на вызов, и я среди них. Интересно — куда, чего? В принципе понятно, что к мусорам, но не понятно зачем.

Вывели в коридор, построили, отвели к кабинету, где написано старший оперативный сотрудник. Стоим лицом в стену, не разговариваем, руки за спиной держим. Полчаса стоим, час стоим, а у меня температура так и не спала, в себя немножко пришел, но мне хреново, что за параша такая! Вывели, если надо что—то так сразу разговаривайте! Нет, надо держать в коридоре! И нельзя ни облокотиться, ни присесть, ни лбом в стену упереться, потому что сразу следует удар палкой по спине. Непосредственно около нас козел стоит с палкой. Тут начинается движение — по одному человеку заводят в кабинет, к оперативнику, он там разговаривает с кем —то 3 минуты, с кем —то 5, с кем —то 10, прошло несколько человек, я стою предпоследним, тут моя очередь. Захожу, как обычно, «Здравствуйте!», думаю надо уже сесть.

— Выйди, доклад сделай полностью!

Выхожу, там козел мне говорит:

— Ты что, совсем ебнутый что ли? Доклад по полной форме Ф.И.О., срок, начало, конец, статья, режим. Захожу, доложил.

— Так, Максим, нормально. Проходи, садись.

Причем это не мент, а какой—то тип в гражданской форме, в кожаной куртке, в кепке сидит. Говорит:

— Меня Дмитрий Леонидыч зовут, я не из ФСИНа, я из ФСБ.

— Да, я слушаю.

— Ты куда собрался ехать—то?

— Да, я не знаю — меня везут, не я же еду.

— Это ты правильно понял. Кем по жизни будешь? Красным, черным как—то выбирай.

— Мужик. Ни красным ни черным, быть не хочу. Мне эти движухи как—то вообще не интересны.

— Понятно, а поедешь ты у меня в зону под названием в Сим, зона красная. А делать что умеешь?

— Руки работать умеют. Если мозгами какая—то работа будет, то вполне.

— Значит работягой хочешь быть? В принципе, если с мозгами, значит нормально устроишься. Ну, проблем у нас с тобой не будет?

— Каких?

— Организации какие строить, беспорядки против администрации замышлять?

— А, ну это мне не интересно, мне год и 8 осталось, и там уже беспорядки против администрации страны буду устраивать на воле. Тут масштабы не мои.

— А, ну на воле устраивай, меня это мало интересует. Ты, я так посмотрел — фанат Гитлера?

— Да, национал—социалист.

— Гитлер тоже сидел, по УДО вышел

— Нет, Гитлер не по УДО вышел, а по амнистии.— В голове ничего не соображается. Какая амнистия? Откуда это берется?

— Ну, может быть, я считаю что Гитлер для русских—то вообще плохой пример политического героя, потому что Гитлер убивал русских.

Да мне вообще пофигу, что какой—то соликамский фсбшник думает о Гитлере. Но язык—то сам шевелится, говорю:

— Нет, Гитлер пришел к власти демократическим путем, обещал немцам работу, обещал немцам отмену Версальского мирного договора, и сделал всё это. А то что Германию втянули в войну...— Блин, опять понеслась пропаганда... Да кому я это вообще всё рассказываю, вообще что ли дурак?

ФСБшник, сидит всё это слушает, ну понятно, сейчас у нас будет долгая дискуссия на эту тему!

— Я считаю...— Начинает рассказывать он.

— Гражданин начальник, у меня температура, реально очень хреново, я тяжело соображаю, может мне врача дадите, чем про Гитлера спорить.

— В камере народу много?

— Ну, да.

— Может тебе камеру нормальную дать, а то там пиковых у тебя много?

— Да нет, чурбанье это всё пофигу, камера нормальная, мне просто анальгину дайте немного, и больше ничего не надо.

— Точно все нормально?

— Да, все нормально...

— Тогда давай, в камеру иди, я тебя вызову.

И отправил меня, хотя обманул, больше меня он не вызвал. Прошло еще два дня, вызывают меня опять в кабинет. В том же кабинете, сидит уже как то ФСИНовский опер, зам начальника этого ТПП.

— Много про тебя слышал, что ты мне можешь рассказать о себе?

Если ты про меня слышал, что я тебе буду рассказывать? В кабинете стою, руки за спиной. По идее то надо смотреть на начальника, но у него работает телевизор, а телек я не видел уже месяц, пока шел этапом, не могу смотреть на мента, пока девки по телеку сиськами трясут в клипе.

— Вот недавно тут же у меня стоял Григорий Грабовой, в этом кабинете. Столько про него слышал — сектант, людей обманывал, гипнотизировал, такой негодяй, а вот здесь я с ним пообщался, такой парень совершенно вменяемый, поедешь к нему на зону?

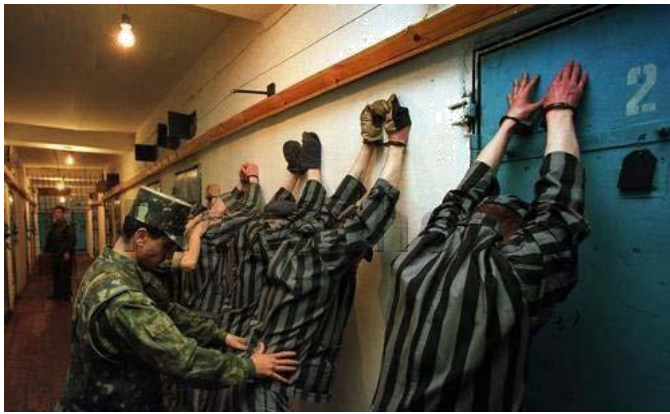
— Поеду, Грабовой же красавчик, наебал кучу идиотов и денег на этом нажил!

— Согласен, короче, поедешь ты к нему в гости. Кем на зоне—то будешь?

— Буду мужиком, красные—черные меня не интересуют, ни к чему, работягой буду.

— Значит, нормально устроишься.

Всё , опять меня в камеру отвели. Сижу, жду, когда поеду . Но тут узнаю что гробовой сидит на Ныробе, а фейс, который меня дергал, сказал, что поеду я на Сим. Один сказал туда, другой сюда — не понятно. С одной стороны, на Ныроб не плохо было бы попасть, там связь есть, но с другой стороны не хотелось бы попасть на этот «Красный лебедь», но там опять же хотелось бы пообщаться с Грабовым. Человек, судя по всему, авантюрного склада характера, у него можно чему—то поучиться, ну или хотя бы иметь интересного собеседника. День, второй, третий, никакого движения нет. Люди в хате меняются — те, кто приехал пораньше, уезжают, приезжают новые этапники.

Надо сказать, что напротив окон этой камеры, стоит другой корпус этой тюрьмы, и в этом корпусе содержатся люди, получившие пожизненный срок. И вот этой корпус стоит где то в 10 метрах от нашего, окно в окно. Лежишь на нарах, смотришь в окно, и видишь как пэжэшник делает зарядку, как он пьет чай, как он подбегает к стене, руки в нее упирая, когда проходит проверка. И понимаешь, что вот она, вся его жизнь. Больше ничего он не увидит. Это угнетает очень сильно.

Один день у меня горло начало болеть так сильно, что я не мог вообще разговаривать, сидел только кушал бульон этот куриный, который давали на обед, и чай по утрам пил. И больше ничего я не мог — ни съесть, ни разговаривать. Горло будто натерли наждачной бумагой. Наверное, это потому, что стоял босиком на бетоне. Грипп не долечился, и по новой пошел.

Но лечил горло я хитрым и нищевродским образом. Кипятил в своей разрисованной рунами кружке, воду, и пил мелкими глотками кипяток. Заварки там тоже ни у кого нет, потому что отняли на обыске. Ходили баландеры. Предлагали сигареты, заварку, но курс там был вообще дикий. Чтобы получить слюду заварки — пластиковый пакетик с пачки сигарет — необходимо отдать олимпийку, чтобы получить пачку сигарет — кроссовки. Они знали, что курева нет в камерах, и то что вещи эти почти ничего не стоят, так как на зоне, при приемке козлы все заберут. И люди с удовольствием отдавали и новые костюмы спортивные, и мыльно—рыльные принадлежности, и бритвы, и кипятильники — да всё, что угодно, лишь бы дали покурить да чифирнуть. То есть это такой искусственно вызванный дефицит, которым пользуются. Допустим при мне, балбес поменял наручные часы на пять пачек примы, и при этом был очень доволен! Как он удачный обмен совершил, и эти сигареты у него сразу дербанули — вся камера налетела, «Бля, братуха, дай—дай сигарчуху, не откажи в насущном!»

Семен и Братья Агаповы.

Горло прошло — стал общаться с одним парнем из Москвы, Семеном . Он не совсем из Москвы, а из Подмосковья, в Москве только работает. Сидит за изнасилование, но, естественно не виновен — девушка на него потому и написала заявление, что он отказался с ней спать. В отместку. История очень распространенная, девушки часто пишут заявление, потому что парни отказываются с ними спать. Нельзя никогда отказываться! Парень такой, не вызывает ощущения, что он может вообще кого—то изнасиловать. Рассказал он мне несколько веселых историй.

Сидел он в Медведково, закрыли к нему одного из братьев Агаповых!

А братья Агаповы растили у себя на дачном участке коноплю. Причем они не просто ее растили, они вывели коноплю третьего уровня, которая расширяет сознание, которая дает доступ к тайным знаниям! Эта конопля должна была спасти Россию, потому что Россия погибает, ей нужна национальная идея! Именно эта конопля 3 уровня должна была стать нац. идеей России. Они куда только не писали письма о своей новой конопле! И президенту, и в Госдуму, и министру здравоохранения, что вот, мы вывели новую коноплю. В итоге к ним приехали с обыском, обнаружили, что вся дача засажена трехметровыми кустами, семенами забиты банки, пакеты, всё, что

только можно. Братьев арестовали, привезли в отделение, привезли туда же несколько десятков килограмм конопли. И вот этого брата, Владимира, показывают по телевизору — я просто помню этот сюжет, в камере смотрел, в программе ЧП. Я тогда сразу стал его фанатом! Стоит он один в отделении милиции, стоит 5 ментов, один с камерой. Владимир говорит:

— Почему тело мое, изможденное, находится здесь? Вы все мне можете объяснить, русские люди, русским языком? Начнем с вас! Я почему нахожусь здесь?

— По поводу марихуаны...

— Так! Покажите мне, где сказано на белом листке русским текстом, что я не имею право сажать даже белладонну у себя на участке? Покажите, пожалуйста, мне!

— Зачем ты ее посадил то?

— Да я жру её! Вы обязаны! И вы обязаны её употреблять. Пусть через пирожки, муку, макароны, колбасу мясную, как угодно! Всё, что придумали люди, все, что изобрело человечество, всё сделали с помощью конопли; марксизм, коммунизм, онанизм — всё придумали с помощью ко— но—пли!

И вот этот брат Агапов сидел в камере с Семеном. Делать ему было нечего, и он переписывался малявами со своим старшим братом, который сидел в соседней камере. Малявы были очень длинные, и очень содержательные. Когда приходили ответы, они читали их всей камерой. И Агапов садился писать. Агапов рассуждал, что, скорее всего, все их труды, наработки, селекционные семена — были уничтожены. Всё пропало, всё пошло прахом. Но придется отсидеть, выйти, и продолжить эти исследования, но предварительно заручиться поддержкой государственных органов, потому что без конопли России вообще не жить. Конопля спасет не только Россию, но и весь мир!

У меня просто истерика, я это слушаю мне стало так жалко, что я не сидел с братом Агаповым! Потому что он круче, чем Бенни Хилл и Луи де Фюнес в одной камере.

Тут же я пришел в себя практически окончательно, уже могу и разговаривать и ходить нормально, опять же и настроение поднялось, потому что рассказы про братьев Агаповых длились несколько часов, и оказали на меня живительное действие. Я полез к себе в баул, достал книжку «Гарри Поттер и дары смерти», дочитал ее, настроение вообще стало замечательным.

Мне говорят:

— Ты на зону—то поедешь, там всё равно все шмотки козлы у тебя отожмут. Лучше ты их разорви прямо там, или здесь раздай кому—нибудь.

Думаю, логично, опять же узнал, что на зоне нельзя ходить в своих вещах, там вольные — только майки, нижнее белье, термобелье. А так роба, фуфайка, зечки (ботинки кирзовые). Я обменял кроссовки на зечки у одного парня, который ехал с зоны. Поменял свой пуховик на телогрейку, раздал почти целый баул шмоток. «Северный ветер» была у меня кофта. Раритет, но тоже отдал. Кучу маек раздал, какие—то толстовки, треники. По хате все разлетелось моментом. Еду съели, еще на подъезде к Перми, плюс в подвале пермском, еда была добыта. Остался у меня полупустой баульчик, я думаю, надо еще и письма утилизировать. У меня их все посмотрели, думаю еще и на зону приеду, там письма будут смотреть, еще изымут, думаю нахрен надо. Мне объясняют, что чем меньше везешь с собой, тем лучше. Я уничтожил практически все письма, что получал за время своей отсидки в тюрьме, разорвал их на кусочки, да выбросил. Оставил только фотографии. А еще у меня оставалось с собой несколько газеток, патриотических: «Вести юга славян» «Память» и еще что—то. Я их пустил по хате. Один почитал, второй третий. Естественно, к вечеру у одной газетки край оторван, видно что на самокрутку, у другой. Но, в общем и целом, читать еще было можно. Говорят, вот правильно пишут, хачи совсем охренели. Молодцы, а кто эту газету дал? Я говорю «Моя газета», ну и опять началась агитация. Я полдня продискутировал, там даже была больше не дискуссия, а чисто пропаганда. Мне опять стало скучно, думаю нет надо с этим завязывать. Потому что в голове начинается агитация, как будто не в тюрьме сидишь, а на митинге выступаешь, никакого развития, чисто долбежка и повторение того, что уже много—много раз пробовал на других людях. Но народ не согласен, всем хочется послушать, все вопросы задают.

Заманчивый вариант.

Тут открывается дверь, стоит какой то зек, толстющий такой, зубов нет, рожа в шрамах. Говорит:

— Есть, кто не по 228, русские, у кого уже УДО подошло, и срок менее пяти лет?

— Есть, а что?— Отзываются из камеры.

— Можно пойти учиться на права. Водить КамАЗы. Останетесь на «Лебеде» в учебке, там все нормально. Кормёжка, живете в нормальном помещении, УДО любому у вас будет. Как только отучитесь полгода, получаете категорию С и выходите на свободу.

Нафиг мне надо на КамАЗах этих ездить. Один, второй подошел, он их записал, через пару часов забрали их.

— Что за фигня, в чем прикол?

— Остаешься здесь, живешь в комнате нормально, если у тебя есть грев с воли, то у тебя и телефон сотовый, и можешь компьютер себе затащить, и телевизор, еду тебе будут готовить нормальную. Полгода, как сыр в масле прокатался, и ушел на УДО. Поэтому и набирают только русских, не наркоманов, и чтобы статья была меньше 5 лет.

Это всё про меня, у меня и категории этой нет, и не наркоман, и русский, и срок 3.5, и удо уже подошло. Я говорю:

— Меня что возьмешь?

— Статья, ФИО?

Ну я называю.

— 282, это же не наркота?

— Нет.

— А что это?

— Разжигание вражды.

— Скинхед что ли?

— Немножко есть

— Вообще нормально, у меня там таджиков нет, всё давай, я тебя к себе беру. Из Москвы же ты?

— Ну, да.

— Вообще базара нет! Давно здесь сидишь?

— Уже вторую неделю досаживаю.

— Да ты че? А что же ты в прошлый раз не сказал, тебя уже, наверное, на этап заряжают.

— Так снимай меня с этапа, иди договаривайся, останусь здесь, буду, на права учиться.

— Понял, пойду попробую.

Ушел. На следующий день, утром, заказывают очередной этап, называют меня. Куда это? Сим — Ныроб, Сим — Ныроб. В общем—то, по отзывам клиентов, я так понял что предпочтительней ехать на Сим, потому что оттуда легче сорваться на УДО. При мне в хату приехали несколько человек с Сима на УДО. Суд по УДО проходит на «Белом лебеде», несколько человек приехали на суд, и все они его прошли. Они возвращаются в лагерь, забирают вещи и через несколько дней уходят домой. И вот я с ними вместе собираюсь, значит на Сим еду, нормально.

Открыли хату, выстроили нас, из других хат люди этим же этапом, человек 40 всего. Выстроили, думаю, ну столько человек вряд ли на одну зону. И выбегает этот завхоз, по имени Слон, увидел меня, и говорит:

— А ты куда? На этап, что ли, собрался?

— Ну да, вот заряжают.

— Блин, да я за тебя же разговаривал, мне сказали тебя отдадут учиться. Погоди, сейчас я схожу всё решу.

— Не сможешь уже ничего решить.

— Не—не—не, у меня всё схвачено, сейчас стой, сейчас всё решим!— И убежал, погулял минуты три. Там народ стоит, видит эту движуху, у всех рты пооткрывались. Прибегают,— Нет у меня возможности, там какая—то точковка стоит, не дают мне тебя с этапа снять.

— Ну, давай, удачи!— Попрощались.

Этап на Сим.

Нас опять привели в помещение санитарной обработки, опять всех посадили на баулы.

— Сидите здесь, будет прожарка, баня, потом шмон и едете на этап.

— А куда этап—то?

— Кто куда! Сидите, не курите только здесь!

Опять не понятно, что такое—то. В этот раз уже без криков, без побоев, без каких—то эмоциональных потрясений, просто посидели в камере часов 6. Сидим, курить там нельзя, а покурить всем хочется, у некоторых есть сигареты, и все понимают, что если зайдут козлы сказавшие курить нельзя, и увидят что, сильно накурили, то дадут пизды. Не всем, но кому захотят, тому, конечно же и дадут. Никто и сопротивляться не будет. Идиоты, нахрена курят? Сейчас же понятно, что по голове будут получать! Ладно, меня не тронут, потому что я поздоровее, я интеллигентный человек в очках, с козлами уже успел пообщаться, и они выразили эмоциональную поддержку моим идеям. Но всем повезло, козлы не зашли, никого за это не размотали.

Потом нас отвели опять в душ, помылись, прожарили шмотки, у кого пуговицы не окончательно погнулись, с этого раза они уже стали негодными к употреблению. Всех обыскали, забрали станки, и лекарства. Станки и лекарства этапируются отдельно, у начальника конвоя, в пакетике с твоей фамилией, по прибытии на место назначения его выдают, и можешь распоряжаться. Забрали бритвы, таблетки, обыскали, выстроили.

— Куда теперь—то едем?

— Всё, этап на Сим.

Значит, с УДО срастется. Сейчас посмотрим, что там с явками будет. Понятно что неприятно, но всегда лучше наедятся на лучшее, и меньше заморачиваться. Есть проблемы — есть мысли, нет проблем, нечего о ней пока думать.

Всё погрузили, поехали. Ехали мы минут сорок, наверно, смотрел я сквозь решетку в окошко. Кругом деревья какие—то, колдобины. Глухой лес. Ехали мы 22 апреля, 20 апреля, я если честно никак не отмечал, потому что хоть и светлый праздник, а отмечать было уже и не с кем. Скинхеда увезли, да и не совсем то место, где думаешь о праздниках.

Смотрю — деревенька, дома, дым из труб идет, трактор стоит, уазик. Значит приехали, дикий край, лесная командировка. И точно, автозак заехал в ворота, собаки лают, по одному выпрыгнули, нас посадили на корточки в снег. Смотрю, медсестра ходит, менты, несколько козлов. Никто не кричит, не пытается оскорбить, ничего. Всё нормально.

— Этапом приехали! К конвою претензий нет?

— Никак нет!

— У него к вам тоже. Проходите вон туда, вставайте лицом к забору.

Весь этап выстроили, опросили, осмотрела медсестра, автозак уехал. Нас повели в помещение изолятора.

Изолятор.

Сперва всех выстроили всех в снегу перед изолятором. Изолятор — это такое одноэтажное здание. Какой—то в кустарной постройке. Частью кирпичное, но местами деревянное. Вокруг забор, снег чуть не по пояс. Тропинки расчищены. Снег очень мокрый — на улице тепло, внизу вода. Кто—то стоит в воде по колена, кому—то повезло, он стоит на ледышке. На крыльцо изолятора вышли два козла.

— Ну, чё!?! Слышали за зону СИМ. — спрашивает один.

— Да слышали.— отвечают некоторые этапники.

— Чё слышали—то? Хуёвая или хорошая?

— Больше плохого слышали... — Понятно, что ни ответишь — будет неправильно.

— Это пиздят! Зона у нас охуетильная! Красная! Чёрный ход тут не канает. Я председатель СДП. Это Денис, завхоз карантина. Сейчас вы проследуете в изолятор. Завтра вы подниметесь в карантин. Вопросы есть? Не слышу!

— Нет, вопросов нет.

— Мазохисты среди вас есть? — Все молчат. — Чё, не слышу, все мазохисты?

— Нет, нету мазахистов.

— Проходим тогда. Кто себе не враг — всё будет нормально у вас.

Народу нас всего человек десять. Потому что часть из тех, кто был с нами на Белом Лебеде в сборке — поехали на другие зоны. В общем, на СИМ приехало десять человек челленджеров, плюс несколько возвратчиков — они прошли мимо карантина. Их обыскали в изоляторе и сразу подняли в зону. Ещё двое ехали с ЕПКТ «Белого лебеда», то есть злостные нарушители режима. Идейные, короче, бродяги. Которых тоже в зону не поднимают — их сразу закрыли в СУС. Это «Строгие Условия Содержания» В том же помещении изолятора несколько камер. Человек сидит на зоне, но в камерной системе. Выходит на час в день погулять в прогулочный дворик. Всё, как в тюрьме. Для тех, кто не соблюдал режим или серьёзно накосячил.

Зашли в камеру размером пять на шесть, нары двухъярусные. В углу параша. Одна лампочка горит над дверью. Мутные окна под самым потолком. Грязный деревянный пол. Вдоль стены столик такой, как в кафешках для алкашей, чтобы стоя можно было жрать. Бак для питьевой воды с краником.

Взял книжку, залез на верхние нары, поближе к окну. Постелил себе полотенце. У меня было полотенце большое, помогало очень мне на этапе. Его можно было и под голову положить, и вытереться нормально, и накрыться — очень удобная вещь. Лежу, читаю. Принесли ужин. Я попробовал — вроде ничего кормят. Особенно мне понравился хлеб. Тёплый ещё — пекут его похоже здесь, на зоне. Из окон доносится запах дыма. Сразу вспоминается дача, природа. Приехал нормально, сейчас устроюсь, всё будет замечательно.

Проверка. Заходят в камеру несколько мусоров. Все построились вдоль нар. Дежурный

докладывает, что в камере десять человек, всё в порядке, вопросов нет... А я вспоминаю, что в Кирове, именно он отказывался делать доклад — ему это не приемлемо было. Реальный пацан, мурчит по возможности. При этом со мной несколько раз закусывался из—за этого.

— Блатной чтоль?

— Нет, но я по—людски жить хочу, соблюдать основы, понимаешь?

Вот позёр. Интересно было, как но на зоне себя поведёт? А он делает доклад, вопросов к нему никаких нет, он же не мазохист, не враг себе. Понимает, что его могут сильно и больно размотать.

Легли спать. Просыпаемся утром. Принесли еды — каша совсем пресная, чай и вкусный хлеб. Хлеб—то тут вообще классный, реально классный. Позавтракал, ну всё, можно опять спать... тока лёг, опять проверка. Опять позер делает доклад. Протусовались мы до обеда буквально. Только пообедали — открывается дверь, «Собирайтесь, все на выход!» Мы входим по одному, идём на вещевую каптёрку, там нас обыскивают. Забирают у нас шмотки, которые нельзя пронести на зону — кроссовки, куртки и т.д... Моя телогрейка синего цвета, которую я поменял на «Лебеде» на свой пуховик, поехала на склад, забрали джинсы, кофту, шапку, перчатки и телогрейку. «Назад получишь, когда будешь освобождаться». Дали мне положняковую фуфайку, выдали робу, штаны, шапку— ушанку, рукавицы.

Встреча этапа.

Все получили обмундирование, расписались, построились и пошли в карантин. Волнующий момент. «Идём по двое, по сторонам не смотрим!», «Быстрее, быстрее!» Ведёт несколько козлов, впереди мент. Смотрю, мент куда—то пропал. И остались одни козлы. Я по сторонам смотрю, а козлов—то уже нормально набежало, человек пятнадцать — естественно, крупные, лица злые. Орут: «Давайте, сучки, полетели быстрее!» Прикольнo как, а чем закончится? «Видите помещение с синей дверью? Это баня! Бегом к этому строению!»

Двадцать второе апреля, но кругом снег, этап бежит в него козлы кидают снежки со всех сторон, орут. Главное, чтоб в очки не попали. Неудобно было бы, если б они раскололись. У меня были запасные, но я их отдал товарищу по этапу, Коле. У него было такое же зрение, как у меня. Но его очки разбились по приёмке на «Белом Лебеде». Я ему их отдал и говорю: «Вот, нормально! Тебе пойдёт, пока походишь, потом может затянешь себе новые». Но в итоге он проходил в них всё оставшееся время пока я сидел на зоне. Самое постоянное — это временное. Запасных очков не осталось. Главное, чтобы эти не разбились.

Добежали до бани, там нас построили. Все разделись, сняли ботинки, куртки, штаны — в трусах стоят. Опять прожарка вещей, у нас — санитарная обработка и потом мы должны подняться в помещение карантина. Официально — для того чтобы в течении двух недель мы будем проходить медицинский осмотр. Если у кого есть инфекционные заболевания, то они за это время должны проявиться. Так же вновьприбывшие ознакамливаются с правилами содержания на зоне. Кто—то заболевает — его госпитализируют. А здоровые за это время люди должны адаптироваться. Но на самом деле это не так. Эти две недели нужны для того чтобы, сломать человека, чтобы он не думал на зоне «бурчать», «мурчать», «гнуть пальцы», рассказывать, что ему «неприемлемо». То есть это самые тяжёлые две недели на зоне.

— Мазохисты есть?

— Нет, нету.

— Все сейчас пишут заявление в Секцию Дисциплины и Порядка, ясно?

— Зачем туда писать заявление?— спросил кто—то.

— Этого спрашивать не надо! Зачем писать!? Сказали вам, блядь, все пишут заявление в Секцию Дисциплины и Порядка! Если кто—то отрицает — говорите «я отрицаю!». Выходи сюда, будем с тобой отдельно разговаривать.

Выходит какой—то мелкий молодой грузинчик.

— Нет, я не буду писать заявление в СДП, это мне неприемлемо.

— Тебе это не приемлемо?

— Да, — отвечает уже менее уверенно. — вот это, не приемлемо.

У козлов глаза загорелись, увидели грузина—отрицалу! Это просто подарок для них! Причём грузин очень маленький и видно, что там никакой физической силы, ни силы духа в нём быть не может.

— Ты понимаешь, что ты ща первым напишешь заявление в СДП!

— Нет, я не напишу.

— Ну, хорошо.— обращается ко всем.— Так, остальным нормально писать заявление?

— Да, нормально.

По одному всех спросили, у кого какая статья. У Семёна спрашивают.

— По какой заехал?

— 131,132...

— Что, девок насиловал?

— Нет, нет, никого не насиловал!

— Ты мне хули пиздишь—то, пидор!?

— Нет, я правда не насиловал! Правда, по недоразумению!

— Тебе пиздец! Ща выебем тебя!

— Нет, мамой клянусь, не насиловал! Пожалуйста, поверьте!

Так у одного, второго, третьего поспрашивали. Ладно, всё, побежали мыться. Кроме грузина, все зашли в баню, непосредственно в моечное помещение. Там стоит ряд столиков, на столиках стоят кадки. Налили в кадки воду из труб . Отдельно с горячей водой, отдельно с холодной. Плескаешь на себя воды, намылился и на голову выливаешь кадку. Смываешься, потом набираешь снова. Дикая первобытная баня, без душа, без смесителей. И, пока мы моемся, ходит козёл со здоровой палкой в руке и объясняет нам нашу жизнь на зоне.

— Зона красная! Вы кто все по жизни?

— Мы мужики.

— Мужиком называться дохуя делов! Я вот лично знаю, что половина из вас будут козлами! Какая—то часть будет пидорами, кто—то будет чесоткой и чертом, кто—то крысой, кто—то попрошайкой и стукачом. Если из вас человека три—четыре вывезет за мужика, я и то охуюю! — ходит между голых этапников, рассказывает. — Тебе понятно?

—Понятно.

— Тебе понятно?

— Понятно.

Тут заходит грузин и начинает мыться. Лицо целое. Я, честно говоря, думал, что его там будут убивать.

— Чё случилось? — спрашивают.

— Всё написал. — отвечает убитым голосом.

— Сильно били?

— Ну, так...

Заходит ещё один из козлов:

— Вот это ваше отрицало! Его даже не били! Ему просто объяснили, что он не совсем прав. Ты же не прав?

— Я просто не понимал, зачем заявление в СДП писать. Теперь я понял, что это нормально и ничего страшного в этом нет

— Вот видите, вам же говорили — не надо быть мазохистом. Его пальцем ещё не тронули, а всё его отрицалово с него слетело. Понятно?

— Понятно.

Помылись. Разбираем вещи, кто в прожарку сдавал. Там мое полотенце, термобельё, трусы, носки. Всё в спешке, на всё про всё пять секунд. Половина носки похватали чужие, трусы — какие попало. Полотенце своё и термобельё вытащить успел, а носки какие—то мне достались совершенно левые, тем более у меня оставалось несколько пар, но вернулось всего две. Ладно, не важно, потом затыну. Побежали в помещение карантина.

Карантин.

На территории зоны стоит домик, огороженный отдельным забором. Этот домик, пять на восемь метров, одноэтажный. К нему пристроен дровяной сарай. Сзади этого домика стоит курилка человек на пятнадцать, туалет и сложены в поленицу дрова . Вокруг домика — деревянные «трапики», дорожки. Больше ничего нет. Нам предстояло провести там дней десять или две недели — как повезёт с распределением. Мы забежали сразу на задний двор, в беседку. «Ждите, щас будем с вами разбираться!» Там мы встретили нескольких человек, которые уехали за неделю до нас с «Лебеда».

— Как тут вообще? Что происходит?

— Да, жить можно! Главное не тупить и не выёбываться. Тогда пизды не получишь и

отношение будет нормальное. А если тормозить или борзеть — будут бить сильно и часто. Понятно — если «главное не тупить», то это уже хорошо. Выходит завхоз.

— В течении пятнадцати минут все должны написать заявления на вступления в СДП. Вот вам образец.

Зачем это пишется? Вступление в СДП это, по сути, отказ от «воровских традиций». Один из вариантов отказа.

СДП на зоне — примерно тоже самое, что менты на воле. Это зеки, которые наворачивают режим другим заключенным. Стоят на локалках, если кто—то идёт, могут пустить — могут не пустить. Проверяют наличие бирок и форму одежды, они же могут и бить других заключенных по приказу администрации. Совершать всякие гадские поступки. Это их работа, за это их не любят, и за это они получают определённые бонусы в виде разрешения ходить в кроссовках, ходить в спортивных штанах, жрать дополнительную пайку. У некоторых есть доступ к сотовым телефонам. Это не завхозы — это люди, не самостоятельно имеющие власть. Просто наглая и гнусная пехота.

Полезли по баулам, взяли, у кого были, тетради. У кого не было — стали срочно просить листки. Один пишет, передаёт образец и своё заявление другим. Уложились в десять минут. Двое писать вообще не умел. Один — таджик Зафар, сидящий за изнасилование несовершеннолетнего мальчика. Другой — умственно отсталый петух, изнасиловавший свою сестру и откусивший ей клитор. Написали за них, они только подписи нарисовали. Пришёл завхоз, бумажки собрал, ушёл.

Нас стали по одному вызывать в биндюгу к завхозу. «Биндюга» — это комната в помещении карантина, маленькая, два на три метра. Там стоит печка, радио, столик, два кресла, чайник. По сути помещение меньше чем, у Гарри Поттера под лестницей было. Но всё—таки это его личное пространство, он там себя чувствует хозяином. Подходит моя очередь. Я прихожу к нему — стоит мой открытый баул посреди биндюги, какие—то вещи вытащены. Завхоз с дневальным сидят в креслах и рассматривают вырезки со статьями про меня из газет, которые я с собой привёз. Причём оба крепкие. И мне Денис, завхоз:

— А, ну—ка заходи сюда! Ты чё я, не понял, нацист что ли? — Вопрос задан борзо, отмазываться глупо, но двоих, наверное, уработаю.

— Да, нацист, за это и сижу!

— Чё, из Москвы?

— Да.

— Уважаю. Сам пиковых ненавижу! Проходи, садись.

Зашёл сел. В принципе и то, что ты в карантине сидишь в присутствии завхоза — довольно большая редкость. Что нормально с тобой разговаривают, не матерят тебя «Давай сучка юбку задрала полетела!» Но это я потом понял.

— Чем заниматься думаешь?

— Не знаю. Мне спокойно досидеть год и восемь. А лучше на УДО сорваться. Работать буду.

— Ты чё, дурак? В смысле работать?

— Могу что—нибудь из дерева делать, плотничать, если что — компьютер знаю.

— Нахрен те надо? У тебя же мозги есть и комплекция позволяет! Давай к нам! Тут и должность будет нормальная и жрать будет чего, и звонить домой сможешь и удо будет.

— Сколько сидеть осталось до УДО?

— Я два месяца назад уже писал — отказали.

— Через четыре месяца — в лучшем случае. А всего, смотри сколько тебе коптить! Ты чё, мужиком будешь тянуть?

— Так—то да.

— Зачем? Они все бараны, быдло тупорылое! Ты за себя выводи, о других не думай! Блатных привычек где—то нахватался? Не слушай их — сейчас все эти «стремяги» и «черноходы» на должность встанут.

— Не мне это не интересно.

— Смотри, как хочешь, потом ещё пообщаемся. Может правда тебе работу нормальную подыщем.

Вернулся в курилку. В этот день мы все постоянно бегали на вызовы. Если надо выполнить какие—то тяжелые хозработы — вызывают карантинщиков. Хозработы — это, в основном, отнести брёвна, убрать снег. Надо, допустим, на пекарню принести двадцать Баланов, распилить их, разрубить, чтобы топить хлебную печь. Отопление вообще на этой зоне не центральное, а печное. Где—то, в лучшем случае, к печке идут трубы с водой. Так отапливается помещение изолятора и

штаб. Остальное все — печками. Каждая секция — печка, в каждой биндюге — печка. Полная дикость, такое впечатление, что попал обратно куда—то в семнадцатый или шестнадцатый век. Может быть в девятнадцатый, ладно, потому что электричество есть. Но его ещё не научились применять повсеместно. Вплоть до того, что продукты в лабаз завозили на лошадях! Идёт умирающая лошадь, её ведёт конюх — такой же умирающий полубомж—полуалкаш, из числа поселенцев. Что можно везти на этой облезлой лошади? Пять коробок с дошираком? Больше она везти не сможет — просто умрёт. Нет и асфальта — всё в слякоти — только снег начинает таять, появляется грязь. Чтобы в грязь не наступать, сделали трапики деревянные по всей зоне. Дорожки деревянные. Ты по ним ходишь — если наступить на голую землю, то весь ботинок оказывается в грязи. Во все стороны куда, ни посмотри — видно тайгу. Никаких телефонных вышек нету, городов не видно, даже ночью где—то огни деревень должны загораться, но и этого нет. До Соликамска — сорок километров. А уж до нормального города, до цивилизации — Перми — четыреста.

Название поселка, в котором находилась зона — СИМ, как я узнал, расшифровывается «Сталинские Исправительные Места». Надо мной, походу, опера пошутили. Специально меня сюда отправили. Зная, что я политический заключенный и узник совести. Раньше вообще эта зона была для политических. Сидел и Солженицын в тех краях. Все эти бригады, что в его книжках были описаны — номера бригад, какая чем занимается — до сих пор сохранилось. Нумерацию никто не менял. У нас на зоне семьдесят пятая бригада копает запретку, тридцатая пилит доски, тридцать первая делает «тарочку», ничего не меняется.

Легли спать. Первый день в карантине, умаялся дико. Воню потярой зверски, носки промокли, всё отвратительно—грязное. Думаю, сейчас в сон провалюсь. Но заснуть не могу — кашель пробираться начал. Днём я не кашлял, но только лёг в койку — он начал меня душить. Кашлял, мордой в подушку уткнулся. Не могу остановиться! Спать—то с десяти до пол шестого, можно выспаться. Но жалко каждую минуту на этот кашель гнусный. Уснул через час—полтора...

Просыпаюсь на следующее утро от того, что громко врубили музыку. Такое чувство, что провалился в сон на пять минут и вот меня уже будят. Считают до десяти и все должны быть одеты. Быстро надо заправить шконари, по образцу натянуть одеяло, простыни. Потом сложить подушку треугольничком, специальным образом повесить полотенце. И выскочить на улицу, в курилку. Вышли, построились. Чувствую, носки и ботинки мокрые ещё со вчера. Отстой! Настроение хреновое, на улице холодно, уже двадцать третье апреля, а холодина такая, как будто середина зимы. Надо напилить дров. Для этого надо пойти туда, где лежат баланы. Возле кочегарки столовой. Принести шесть баланов, их распилить, наколоть и сложить. Чтоб весь день топилась печка — иначе холодно будет, и ночью спать у нас не получится. Пошли таскать брёвна. Принесли, давай пилить. Есть две двуручные пилы. Одна из них тупая, пилить ей невозможно. Чтобы погреться я первый схватился за пилу. С одним пилю — нормально получается! Он устаёт — пилю с другим. Но тот тунеядец! Когда пилишь, можно тянуть на себя и вниз тогда — получается нормальный пропили. Можно тянуть на себя и чуть—чуть жать, тогда пила идёт более мене ровно, но практически ничего не выгрызает. А если тянуть на себя и немножко вверх, то пила еле касается зубчиками древесины, и проскакивает без напряжения. Иногда попадались халявщики, кто—то нормально пилил. Я так для себя отмечал, на будущее. Даже по мелким характеристикам можно делать выводы о человеке. Распилили эти брёвна, заходит завхоз.

— Вот вам пачка «примы» и пачка «LD». — пачка фильтров и пачка без фильтра. Вынес еще два литряка чифира.— Это вам на всех.

Нас всего человек пятнадцать. Пустили чифира по кругу. Я говорю

— Не—не, я эту дрянь не пью.— Все, естественно, обрадовались. По глотку лишнему достанется — для чифирастов уже кайф.

Начали делить сигареты. Выдали мне одну такую, другую такую. Я их убрал, пусть лежат потом — кому—нибудь отдам. Прошло две минуты, один подходит:

— Макс, дай сигарету.

— Держи.

Второму говорю, что уже отдал. Но желающие всё подходят и подходят, по одному, тихонько спрашивают сигареты. «Отдал уже их! Нет никуя!» На это каждый своим долгом считает попросить: «В следующий раз возьмишь — никому не отдавай, мне отдай!» Пол дня они подходили спрашивали эти две сигареты и столбили их на будущее. Идёт снег. Снег надо убирать. Всё, что за ночь напало. Берём лопаты, расчищаем трапики, потом подметаем швабрами, чтоб доски были чистыми. Складываем снег в аккуратные кучки. Потом грузим их на носилки и уносим за забор.

После баланов вернулись в карантин, а тут как раз подходит проверка зоновская. Проверка проходит два раза в день: утром в десять часов и вечером в пять. Пятичасовая проверка заключается в том, что вся зона должна выйти на платц, где все проверяются, а карантин просто подходит строем, хором здороваются: «Здравствуйте, гражданин начальник!», их пересчитывают по головам и все уходят. Завхоз делает доклад ДПНК и уходит. Суть в том, что все должны громко и четко крикнуть: «Здравствуйте, гражданин начальник!» Это не так просто, как многим кажется, потому что очень много идиотов, которые могут перепутать слова; дойти в ногу тоже не так просто, потому что есть много идиотов, которые могут перепутать ноги. А еще есть один гражданин начальник ДПНК, который любит, чтобы ему говорили не просто: «Здравствуйте, гражданин начальник!», а «Здравствуйте, гражданин начальник! Жизнь в безопасности!» Он жесткий безопасник, и карантин должен кричать: «Жизнь в безопасности!» Его смена была один день из трех, и завхоз предупреждал, когда надо кричать: «Жизнь в безопасности!»

В тот раз была не его смена. Подходим, построились.

Здравствуйте, гражданин начальник!

И тут один тип по имени Хачик, что—то перепутал, или хрен его знает, во весь голос продолжает:

Жизнь администрации!

Вместо того, что бы крикнуть: «Жизнь в безопасности!», кричит: «Жизнь администрации!» Вся зона начинает дико ржать. Завхоз краснеет от злости. ДПНК посмеялся. Нас разворачивают, бегом в карантин. Всех построили на заднем дворе, Хачика вытащили и давай его палками дубасить по ногам, по спине:

Ты чего?! Вообще идиот. Ты чего делаешь?! Я не знал. Я перепутал...

Наркоман—интеллигент в очках, барыжил наркотой, и сжег себе мозг, — с головой там конкретные проблемы. Отпиздили его, решили, что он все понял, осознал, молодой горячий. Нас опять посылают на хозработы. Когда работаешь, например, три человека убирают снег, и идет мент, надо с ним здороваться хором. Один увидел, кто—то сразу берет на себя инициативу, говорит: «Три—четыре!» И все здороваются: «Здравствуйте, гражданин начальник!» Если поздоровается каждый сам за себя, то это считается нарушением рекомендованных норм здорования, и за это следуют пиздюли. Начальник идет к завхозу и говорит, что у него здороваются они как—то хреново, и надо как—то подучить их. Те кто хуево здороваются, получают палками по спине, по ногам, причем довольно серьезно.

Один раз кто—то не поздоровался с Иван Михайловичем. Иван Михайлович Родионов — это зампобор, который меня как раз и вызывал. Он самый опасный мент на этой зоне, потому что начальник зоны больше работает на внешние связи, по зоне особо не ходит, в дела не вникает, ездит в ГУФСИНЫ разные, принимает комиссии разные, пьет с ними водку, жрет поросенок, еще что—то делает, как президент в стране. А запобор это как премьер—министр, вникает во все дела, сует везде нос, занимается поборами. Вот с ним не поздоровались. Он молодой как я, 26 лет, сам капитан, но при этом зампобор. Приходит к завхозу:

Ты чего охуел, что ли?! С тобой может сделать что—то надо, чтобы ты учил своих со мной здороваться.

Все. Весь карантин выстраивают:

Сели—встали, сели—встали, сели—встали, сели—встали...

И потом каждому по спине ударов по пять палками, это такая метровая дубинка. Бьют по ногам, по жопе. При этом руки надо держать за головой, потому что если ты их опустишь, то автоматически попытаешься жопу или спину прикрыть и, соответственно, получаешь по локтю или по кисти палкой, а это очень травмоопасно. Предусмотрительно, предупреждают держать руки за головой, когда тебя бьют. В некоторых случаях упираешься в стену. В принципе, терпеть можно. Ничего в этом страшного и смертельного нет. Намного хуже приходится тем, у кого не хватает мозгов потерпеть немножко, и начинает огрызаться и, тем более, сопротивляться.

Это просто тест «на дурака» или «на слабака»: слабак сломается, а дурак начнет сопротивляться, и его сломают еще конкретнее. «Ладно. Две недели клоунады, и все закончится».

Первое мая. Снег падает с дикой скоростью мокрыми крупными хлопьями. Я хожу трафики убираю и думаю: «А где —то всего месяц назад я так мечтал походить по снегу, потрогать его руками, посмотреть на природу, подышать свежим воздухом. Да, на хрен мне нужен этот свежий воздух и снег?! Сидел бы сейчас в камере, читал бы книжки, занимался бы бутылочками, бегал бы во дворике».

Никаких пиздюлей палками по спине». Убираю снег, и мне пришло в голову, что где—то дети радуются, что выпадает снег и играют в снежки. Убираю и думаю: «Какие мерзкие дети. Подлые дети. Это из—за них идет снег». Мысли вообще уже безумные. При этом работа абсолютно бесполезная. Ты только трафик промел, вроде все чисто, смотришь назад, а начало уже замело, — снегопад жуткий. Полдня, наверное, на это убил, потом нас отправили расчищать дорожки. Раз — одна лопата погнулась, сломалась. «Надо ее починить. Фиг ли лопата сломана? Надо». Я пошел взял на складе немножко инструментов, — гвоздодер, гнутые гвозди, молоток, какую—то пилу без зубцов, плоскогубцы и еще что—то. Починил лопату. Прошло буквально несколько минут, сломали другую. Я починил и ее. Это поинтереснее, это более интеллектуальное занятие, чем снег кидать. Начал заниматься ремонтом инструмента. Вышел завхоз, говорит:

О! А ты чего умеешь что—то делать руками?

Конечно, умею. Я же тебе говорил.

Я тут домик обиваю досками. Надо наличник приделать.

Умеешь? Не вопрос.

Взял пилу, померил все рулеткой, выпилили досочки в размер, прибил их, — наличник нормальный, красивый. Говорит:

О! Вообще нормально! Тут до фига делать надо: трапик починить, здесь реечку прибить, вот здесь...

«Вот это уже работа по мне. Побольше творчества, поменьше пота. Замечательно». Стою, прибиваю досочки, примеряю. Тут заходит, как я тогда подумал, очередной «покупатель» за карантинщиками на работу:

Вы двое со мной, вы двое, — на меня и на Лёху, мы как раз делали наличники. Мы так—то здесь окна делаем. Завхоз оставил.

Не—не—не, пойдём. Там срочно нужно именно вы. Ну, пойдём.

Явки с повинной.

Приходим к штабу, заводят нас за него. Смотрю, оттуда выходят несколько человек, кто был с нами в карантине, человек пять или шесть. У всех рожи разбиты просто в мясо. Взгляд печальный, на нас смотрят, головами покачивают, типа: «И вы попали...» «Ни хуя работа тут. Наверное, они чего—то накосячили. Может быть у них с мозгами плохо. Сейчас мы как—нибудь этот вопрос решим».

На корты садитесь, бошки в грудь вжали, руки за голову. Сидите, ждите! «Странно чего—то...Что происходит?» Слышу из штаба крики:

А! А—аа!

Чё, сука, говорить будешь?

Ребята не надо! А!

Чё, говорить будешь, пидор? Да, я не знаю!

Будешь говорить?

Да—да, буду!

Все, затихло. Выходит какой—то тип, говорит:

Короче, сейчас ты заходишь. А ты отдай мне очки! Зачем? — спрашиваю я.

Ну—так, чтобы тебе их не разбили.

«Чего—то непонятное...» Отдаю очки, жду. Лёху увели в штаб. Слышу Лёха уже орет, его долбят там. Штаб — это деревянное здание, двухэтажное, скворечник по сути. Сквозь стены все слышно, — крики, удары.

«Бли—ин, что—то совсем нехорошее...» Это явки — там кричат:

Чё сделал? Кого грабил?

На улице в этот момент находиться очень неприятно, потому что понимаешь, что тебя то же самое ждет буквально через десять минут. Эти десять минут прошли. Меня тоже зовут, я захожу в кабинет, все стены забрызганы кровью, пол залит кровью. Сидит четыре человека, один из них по пояс голый, руки одеты в печатки с обрезанными пальцами, тоже немножко кровью поляпано все, у другого одного на руке ремень намотан, у третьего палка деревянная в руке, у четвертого в руке блокнотик и ручка:

Ну, чё?!
Заходи. Захожу.
Так, сюда встал. Откуда
сам? Из Москвы.

Статья?

282—ая, часть вторая.

А чё, откуда из Москвы. Что, замляк твой, Костян?

Ну—да, таких земляков у меня не было никогда. Не, ни хуя, он мне не нравится, сейчас вообще убью его здесь — отвечает тот, у которого киянка в руке.

«Ну, интересно, какие сейчас будут предприняты меры. В принципе, они все дохлые, кроме того, что в перчатках с обрезанными пальцами. Этих—то троих можно просто задолбить ногами. А этот в перчатках, хрен его знает, но он уже выдохшийся. Может быть, если челюсть ему срубить и дальше что—то замутить. Сейчас посмотрим, что будет». И тут, который, типа, мой земляк, говорит:

Слушай. А я тебя, вроде,
видел? Да, мог видеть.

А где я тебя мог
видеть? Ну, по телеку.

Точно! Тебе ж приговор выносили. Ты же этот...

Тесак. Ну, да.

Бля, пацаны, его же по телеку показывали по всем каналам! Я его смотрел, они какого—то наркоторговца повесили.

У этих сразу уши наострились: «Ни хуя, повесили кого—то, а статья маленькая. Значит, дело не раскрытое». Я начинаю объяснять, что так и так, что это постановка, призывы наркоторговцев вешать. Они:

Так, ладно, понял. погоди. Выйди в коридор.

Я вышел. У них какое—то совещание, минут пять постоял я в коридоре лицом к стене. Приходят за мной опять:

Заходи.

Захожу.

Так, а что за статья?

282—ая.

А чё? О чем она говорит?

«Так, понятно, что им нужны явки с повинной. Явки с повинной выбиваются обычно по той же статье, по которой тебя посадили. То есть, если они захотят, то будут долбить меня, чтобы я взял

на себя какие—то 282—ые» По сути, мне, конечно, не трудно было бы написать, что я назвал прокурора педофилом, что есть разжигание социальной розни в отношении группы «прокуроры» или чего—то другого. Но писать, естественно, ничего не хотелось, поэтому я решил проехать им чуть—чуть по ушам. Говорю:

Да—нет, парни, у меня статья такая, чтобы ее возбудить надо сделать экспертизу этнолингвистическую.

Чё это такое?

Это сложная экспертиза, ее только за деньги делают в научном институте. Ух—ты, научный институт.

Да. Дальше, если эта этнолингвистическая экспертиза сделана, то нужно сделать депутатский запрос, чтобы какой—то депутат Госдумы написал запрос в прокуратуру, чтобы по этой статье возбудили уголовное дело, иначе его не возбуждают у нас в стране. То есть тут очень серьезный механизм.

И чё, на тебя депутаты писали?

Да, депутаты писали, поэтому по всем каналам и показывали, что я единственный в России пока по такой статье получил такой срок.

Ага. А вообще сам где жил?

На Рублевском шоссе.

Да? это чё прямо Рублевка.

Да, но не в коттедже, в квартире, но на Рублевке. Да. Блин. Нихуя. Да—ты богатый.

Почти бомж, на самом деле. Но денег хватало.

Слушай, в принципе, здесь УДО стоит десять тысяч. Тебе вообще интересно?

Я понимаю, что явки уже отменяются, что разговор пошел более интересный. Говорю:

Так—то десять тысяч... Надо позвонить, узнать, есть ли у друзей столько денег. У меня родители вообще бедные. Надо с друзьями разговаривать.

Вот, смотри. За десять тысяч у тебя УДО по любому. У тебя же оно подошло уже. Ну—да...уже на УДО писал.

Смотри, в конце августа у тебя подходит новая подача на УДО, если ты писал в январе. Все, в конце августа подаешь, все будет нормально. Напишем тебе несколько благодарностей, все решим. Это стоит десять тысяч. В это входит, что ты нигде не работаешь, на должность не встаешь и плюс получаешь сотовый телефон.

«В принципе, нормально, но десятка зелени чего—то...» Надо поговорить с друзьями.

Ну, смотри, можно пять рублей сейчас отдать, пять рублей потом. В смысле «рублей»?

Ну, пять тысяч рублей.

У меня раскладывается, что они хотят не десять тысяч зелени за УДО и телефон, а десять тысяч рублей. «Ни хуя себе?! Так, может быть, лучше заплатить двадцать тысяч рублей, и домой завтра?! Как мне нравится этот благодатный таежный край. В Москве за четыреста долларов тебе девушку только на сорок минут в боксик приведут, а здесь тебе за десять тысяч и благодарности напишут, и сотовый телефон дадут, и от работы освободят, и еще по УДО отпустят».

Да, конечно, сейчас надо созвониться.

Ладно. Короче, держи чайку купцеватого, на карамельку. Сейчас пойдем посидим, пообщаемся. Ты видно человек с мозгами. Сейчас все решим, — как будешь работать, кем будешь сидеть.

Выводят меня из этой комнаты:

Ну, ты извини, у нас тут работа. Сейчас с тобой тут человек побеседует.

Выводят меня из этой комнаты, смотрю там еще несколько человек с нашего этапа на кортах сидит. Проводят меня в комнату зоновского психолога. Там два кресла, столик. Сажу пью чай с конфетками, с нарядчиком общаемся, я рассказываю ему политику партии. Пришел еще какой—то козел, который недавно посмотрел фильм про международный еврейский заговор. Мы что—то обсуждаем, я рассказываю про экономические махинации, про то как экономика Америки устроена, что доллар — это мыльный пузырь. Они тоже это где—то слышали, в восторге от того, что приехал человек, который в этом во всем варился:

Блин, давай с тобой общаться. Давай, вставай к нам на должность. Тут в штабе будем тусоваться, в компьютер играть, общаться, весело фильмы смотреть.

Да—нет, парни, мне на должность нельзя, не хочу и не буду.

В принципе, ладно. Базара нет. У тебя своя движуха, тебе наша ни к чему. Сидеть немного, скоро домой.

Тут понимаю, что комната, в которой мы сидим — проходная, а в соседней сидит таджик из моего этапа и пишет явку с повинной по поводу того, как он торговал наркотой на воле.

Таджика выводят, вроде все дописал. Заводят следующего парня, которого из Питера привезли, с малолетки, у него срока уже девять лет, 111—ая, часть 4—ая, — это тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть. Его еще на что—то раскручивают, ведут его явку писать. Вывают этого таджика с разбитым ебалом:

Так, ты питерский, дай ему по еблу! Да—ну, я не хочу...

Давай, не пизди! Бей по роже!

Раз, ему по роже бьет.

Нет, слабо. Давай еще бей. Второй раз бьет.

Блядь, ты сильнее бей. Ты заебал, нормально бей. Он третий раз бьет, но опять не сильно.

Ты чё, когда убивал так бил?! Так надо бить!

Хрясь — таджику по еблу ботинком, прямо с ходу каблуком в нос. Таджик падает на пол, ему еще пару ударов по печени.

Вот так надо бить! Таджикская сука, ты чё наркотой торговать любишь? Ты чё русский народ любишь скалывать? Ах—ты, мразь, я сейчас тебя выебу.

Нарядчик, который со мной сидит, говорит мне: Ну, чё, Макс, давай, приложи разок зверька. Да—нет, не хочу.

Ты чё, ты же скинхэд?!

Ну, так—то это по воле, в тюрьме я этим заниматься не буду. Выйду, там базара нет. Там другое дело, а здесь я не хочу, что бы мне хоть что—то могли предъявить, я не буду.

Блядь, ну смотри, блядь, он же таджик, он же наркотой торговал. Ну—да.

Сидит за изнасилование. Блядь, его, пидера, вообще убить надо.

Убить, согласен, вообще надо. Но не хочу сейчас руки пачкать, потому что сейчас этого таджика ебнешь, потом пойдут слухи, кресты на мне начнут ставить. На хуй надо?! Я хочу чистым выйти.

Ну, смотри, базара нет. Хозяин — барин. Так—то, в принципе, обращайся, с каждого этапа черноту выдергивай и долби с нами, никто тебе слова на зоне не скажет.

Я понял.

В итоге попили с ними чай. Отвели меня назад в карантин. Выходит завхоз:

Блин, парни, не знал, что вас на явки дернули. Михалыч так—то запретил явки выбивать, они сами от себя работают, без добра без всякого. Чего—то они по беспределу схватили вас, по незнанке...

Лёхе ребра сломали, рожу немножко разбили. У мян ребра были сломаны еще с Лебеда, но тут меня вообще не тронули. Говорю:

Да—не, у меня все нормально. Я с ними поговорил, они предложения по поводу УДО, телефона сделали. Это как?

Да, это нормально. Здесь так это и стоит. Ты договаривайся. Даже не думай, — тут домой легко уходят, здесь без наебов.

Вот и замечательно.

Поиск работы.

Надо сказать, что у меня не было ложки своей. Этот нарядчик, с которым я чай пил, в столовой подходит ко мне:

Макс, вот держи ложку.

Смотрю, она подписана «Зуй». Ложку отдал мне. Уже хорошо.

Приходим в карантин, я решил немножко заняться творчеством. Взял топор, заточил его, взял деревянное полено и начал вырубать топориче. Так как старое постоянно слетало, было треснутое, кривое, постоянно всем руки натирало, совершенно голимое. Вырубил нормальное топориче, обстругал его аккуратненько, потом взял осколок стеклышка, зашкурил. Стеклом тоже можно шкурить, так обычно негры в Африке делают, за не имением кухарки, ебут и повара. Зашкурил топориче стеклом, получилось удобной формы, изумительно, то, что надо. Чик — примерил, насадил. Все:

Опа! Ты чего — с Москвы, с Рублевки и умеешь топоры делать?

Конечно, умею. Руки не из жопы растут. Никогда не кололся, в отличие от вас. О! А еще можешь сделать?

Да, не вопрос.

На время?

Давай!

Засекают время, я чик—чик—чик, сделал еще одно топориче. Там был еще один топор, для которого просто ручки не было. Выстругал еще, отдаю топориче, отдаю стекло, говорю:

вот, парни, шкурьте. Я сейчас ложку буду делать. Как ложку?!

Сейчас ложку топором сделаю.

Взял березовую чурку, опять же, обрубил ее, сделал заготовку. Потом аккуратненько выстругал из нее ложку по форме, осталось только выбрать середину. Для этого я вытащил лезвие из безопасной одноразовой бритвы, согнул его, чтобы получилась дуга, и воткнул обоими концами в щепку сантиметров пятнадцати. Получился маленький резец. Если придерживать пальцем, можно этим резцом выбирать по чуть—чуть мякоть из дерева. Я и не ожидал, что так прикольно получится. Вырезал ложку нормальной формы! Взял стекляшку, зашкурил. Убил на это дело часа три, но получилась настоящая деревянная ложка. Все смотрят:

Нихуя! Так тебе в ширпотребку надо идти работать. Руки есть. Ширпотребка. Что это такое?

Там шкатулки всякие делают, ложки, нарды, шахматы вырезают, — все модное и красивое, что есть на зоне, изготавливается в ширпотребке. Вот туда тебе можно идти.

Надо будет посмотреть... Отдал ложку одному туберкулезному таджику, потому что таджик был очень смешной, все время за мной бегал и всячески пытался подмазаться. Я не мог понять зачем, но таджик был прикольный, рассказывал мне истории про Таджикистан. Причем знал, кто я и что, но пытался убедить меня, что таджики не такие плохие как я думаю. Так как он был туберкулезный ложки ему за столом никто не давал. Ему приходилось выпивать все из миски, хлебом кашу жрать, суп выпивать через край. Не красиво и брызги летят.

На тебе, таджик, ложку.

Спасибо, брат! Если чё, обращайся!

Брат! Нее, Эргаш, не брат ты мне! Не путай теплое с мокрым. Все равно, спасибо.

Все смеются, знают откуда «Не брат ты мне!» Выходит старший дневальный:

Макс, ты вот умеешь все и так делать. На хрен тебе эти ширпотребки? В смысле?

В смысле, ты же так будешь на бараке сидеть, книжки читать. Там же — постоянно работать надо, движуха какая—то. На хрен тебе это надо?! Не суйся никуда!

«Ну, может быть, и не стоит. Хрен его знает».

А тут приходит какой—то покупатель, бригадир с биржи. Около зоны есть лесобиржа, на которой заготавливают доски. Туда привозят с поселения бревна, их скидывают с лесовоза, распиливают на баланы, баланы распиливают на доски, доски пилят в размер, делают из них ящики, так называемую тару, под всякие материалы. Эту тару развозят покупателям. Плотницкая лесобиржа.

Покупатель говорит, что ему нужны люди на работу на биржу. Кто хочет. Если работаешь на бирже, то получаешь дополнительное питание, отношение нормальное, на УДО лучше уйдешь, благодарности будут выписывать. Все, естественно, хотят на работу сразу. Завхоз говорит, показывая на меня пальцем:

Вот этого бери. Он хоть не идиот.

Что можешь делать? — спрашивает покупатель меня. Так—то я инженер, все могу делать.

А кубы считать можешь? В смысле?

Вот, привезли бревна, надо посчитать, сколько кубов привезли. Это что, длину на площадь окружности?

Ну, да.

Конечно, могу.

Мне нужен десятник. Как раз, будешь кубы считать. Работа не пыльная.

Пообщался. Мне говорят, что десятник — это должность. Блядь. Должность. Значит не надо. Не пойдет.

Вечером подхожу к завхозу, говорю, что не пойду работать к Шляпе, этому бригадиру. Как—то начальник забыл про свое требование нарисовать для него дом, или просто получил чертеж и забил на меня. На самом деле мне было уже не интересно, не хотел я идти к нему инженером работать. В ширпотребку не пошел. Жду распределения. Думаю, сейчас на бараке договорюсь с нарядчиком, — там связь будет, телефон будет, буду сидеть, книжки читать — и вопросов нет. Летом дома окажусь.

Приходит в карантин председатель совета коллектива колонии, СКК, то есть главный козел на зоне. Перетирает с завхозом карантина, тот выходит и спрашивает:

Есть у кого—нибудь 159—ая?

159—ая статья — это мошенничество. В принципе, когда спрашивают, есть ли у кого 159—ая, то имеется в виду, есть ли люди с мозгами. Естественно, 159—ой ни у кого нет, он уходит в биндюгу к завхозу. Через две минуты выходит завхоз, дергает меня и еще одного мужика, у которого статья за неуплата налогов. Получил он четыре года, нормальный срок.

Мы заходим. Мужик, который сидит по неуплате налогов, уже и старенький и дико пассивный, и судя по виду, жить ему осталось лет пять—десять, потому что он совсем потрепан жизнью. Хотя всего сорок пять лет, но выглядит как шестидесятилетний. Очень много кушал беленькой в своей жизни, видно она—то и ушатала его здоровье. Его отправляют назад в курилку. Председатель начинает со мной беседовать:

А ты, Макс, вообще откуда? Что? Чего?
Как? Я разговариваю с ним.

И чего, думаешь, сможете революцию сделать?
Конечно, не сразу, но вода камень точит.

А ты думаешь, что ты вода?
«Что он курит, от чего такие вопросы задавать?» Говорю:
Я не понял твоего вопроса.

Ну, ты же не вода. Ты же НЕ
вода. Ну, может быть...

А к религии как относишься?

Да, срать я хотел на религию.

Ну, это хорошо. Пойдешь председателем православной общины
ко мне? В смысле?

Чего «в смысле»? Мне председатель православной общины нужен. У меня дурачок сейчас, работал в церкви батюшкой. Потом деньги, которые на детей сирот собрали, спер, сбежал. Поймали его, он сейчас сидит, но вообще невменяемый. Молится и ничего не одупляет. Давай тебя поставлю?

Не, не покатит. Так—то можно и святую воду гасить, всячески над баранами смеяться, но не хочу. Точнее хочу, но не буду.

Слушай, я на УДО ухожу через два месяца. Мне замена нужна. Ты, я вижу, потянешь. Надо человека с мозгами, который нормально сможет на этой зоне рулить. Должность вообще заебатая, будешь сидеть в своем кабинете, смотреть телевизор, играть в компьютер, вообще никто тебе указ не будет. Звонить сможешь и деньги сделаешь себе. Тут на зоне нормально заработать можно. Что ты, давай, становись.

Да—нет, Вань, не
пойдет. Ты подумай!

Не—не.

Ладно, смотри, как хочешь.

Председатель ушел, завхоз мне:

Ты чего, Макс, вообще, что ли? Такая должность. Это самая крутая должность на зоне. Ты на хрен отказываешься? Он круче коменданта. Делает вообще, что хочет. Хочешь, хоть флаги со свастикой на штабе вывешивай по вечерам, когда начальства нет, тебе слова никто не скажет. Ты самым главным тут будешь.

Нет, ты не понимаешь суть. Мне нормально отсидеть
надо. Твое дело. Не могу я въехать.

Распределение.

Прошло уже 10 карантинных дней, приходит время распределения. Пятого мая нас вызывают в штаб. До этого всех долго дрючили, чтоб каждый мог сделать полностью доклад, без запинок. Самое трудное, оказалось, дело на свете — сказать четко «статья—срок—режим— фамилия—имя—отчество—здравствуйте—гражданин—начальник», когда очко поджигает. Для многих это реальная проблема.

Ладно, пришли на распределение. Сначала нас всех высадили перед штабом, сидим на кортах, руки за голову, ждем. Вызывают по одному. Подходит моя очередь, заводят в кабинет. Делаю доклад. Один мент спрашивает профессию, я говорю:

— Инженер.

Другой мент говорит :

— Ну, че, куда его? На биржу? Их
перебивает начальник зоны:

— Ты че, дурной? На биржу инженера что ли? Он здесь пригодится. Нарядчик,
который с ними сидит в кабинете, и с которым я за мобилу говорил:

— Ко мне пойдет на барак, там все нормально, ему работа будет.

— Все, третий барак.

Подписали, я ухожу.

Распределение закончилось, идем назад в карантин. Собирать вещи. Берем свои баулы, достаем, стираем носки, сушим полотенца, собираем свои кружки, забираем у завхоза фотографии и письма. Их все изымают на время пребывания в карантине, — не знаю для чего, но изымают. Хотя, пока я находился в карантине, мне пришло два письма от девушек. Я очень рад. У всех дикие лица, мол, «как это, мало того что письма из Москвы пришли, так еще и в карантин!»

Забрали мы все вещи у завхоза, укладываемся, бреем рожи, готовимся к выходу в зону. Ко мне завхоз подходит:

— Макс, слушай, дай я тебе хоть разок по шее дам?

— Схуяли?

— Блин, ну сколько ты в карантине был, ни разу не накосячил, размотать тебя не за что было, дай хоть раз долбануть.

— Ну, долбани, все равно сил не хватит уронить.

— Да ладно?

— Ну да.

— А спорим?

— Ну, спорим.

Раз, опускаю голову, шею подставляю.

— Ну давай, долби! — И жду. Ничего.

— Блядь, ну ты вообще отморозок! Дай руку хоть пожму! Удачи тебе там, не пропадай.

— Ну давай Денис, счастливо.

Все, попрощались, за нами четверыми, кто на третий попал завхоз Сава пришел.

Третий барак.

Приходим, встали в коридоре с баулами, стоим ждем. Выходит нарядчик:

— Ко мне сейчас сразу зайдешь. Вопросы все решим. Там набежали какие — то парни сразу.

— О, пацаны, а вы откуда?

— А чего — как?

— А фотки есть?

— Местные — не местные?

Захожу я к нарядчику в секцию. Там две шконки стоит, котенок на подушке валяется маленький, второй нарядчик лежит на шконаре с телефоном, разговаривает. Этот достает свой телефон, мне дает:

— На, звони, по поводу того, о чем разговаривали. Набираю Саньку.

— Здорово! Вот, появился на зоне. Тут нормально — УДО, связь, все коммерческое. Есть возможность десятку закинуть. И пятерку мне на жратву?

— Ну, пятнашку, что ли всего?

— Да.

— Базара нет, сейчас отправим тебе пятнашку. Все будет. Давай человека, которому перевод сделать — все сделаю.

Я все продиктовал.

— Нормально, дня через три будут. Давай, удачи!

Нарядчик обрадовался, что все прошло, что я его не обманул. Сразу зарядил своего шныря:

— Давай, найди ему тапки, а то он в карантине свои проебал. Устрой в нормальной секции. Помыться отведи!

А я сижу, мне неудобно — от меня воняет потярой! Потому что за две недели в карантине, что мы там въебывали на улице, стираться или мыться нам никто не давал.

Спали мы только по ночам, и отдыхали мы только ночью — днем ты не можешь ни отдыхать, ни спать — ничего! Тем более, что холодно, постоянно идет снег. Снег шел и пятого мая, и потом восьмого, в мой день рождения, такого я никогда еще не видел!

Я, короче воняю, ноги не просыхали вообще в принципе, ботинки иногда почти высыхали — если их удавалось поставить на печку, но все равно не до конца и везло не всегда.

— Давай, сушишь, в себя приходи, в порядок себя приводи.— Говорит нарядчик. Кличка у него была Зверь. Так—то от фамилии, но может и от того, что явками занимался.

— А что со жратвой—то решить?

— Да со жратвой нормально будет. Тебе не хватало потому, что в карантине был, на улице целый день. Будешь на бараке сидеть, нормально все будет хватить.

— Ну, посмотрим.

— Иди в секцию, устраивайся там, отдыхай.

Пошел, умылся, помылся с помощью полотенца, постирал носки, постирал трусы, постирал термобелье, постирал робу. Взял у кого—то робу поносить на некоторое время. Сразу запрягли писаря, чтоб он нарисовал мне бирки. У каждого, кто поднимается — бирка карантиновская, белая, из кусочка простыни, с фамилией, написанной синей ручкой, и подписью «карантин». Когда поднимаешься на зону, тебе дают черную бирку с белой надписью. Принесли эти бирки, пришел одну на телогрейку, одну на робу, и пошел в секцию отдыхать.

Барак там — это здание такое, длинной метров сорок, одноэтажное, с двускатной крышей, посередине коридор и по бокам идут секции: десять жилых секций, плюс комната начальника отряда плюс помещение воспитательной работы и склад.

В каждой секции печка, печки все выходят в коридор, зимой их затапливают каждый день с утра, чтобы было тепло. Потому что отопления другого нету, а холода там жуткие.

Поселили меня в козлячью секцию. Там жило шесть козлов: дневальные, шнырь нарядчика, старший дневальный барака, один из явочников, писарь... короче, все козлы.

Днем секция пустая, только ночники спят. Ну я сижу, по первости мне делать нечего было, я стал рисовать, писать письма. Ко мне заходят люди, пообщаться, познакомиться. Один заходит, полублатной тип по кличке Саган, который при этом тусовался постоянно с козлами, не поймешь его, мутный наркоман.

— А ты чего? А как? А откуда? А кто по жизни? Давай не теряйся, а то с мужиками общаться надо. Они интересуются, кто ты, чего ты, а ты в секции, сидишь картинки рисуешь... Они к тебе интерес потеряют и потом тебе общаться будет не с кем...

— Ладно, разберусь. Тишины хочется.— Я думаю, ну в хуй мне не тархтело это общение, я уже на этапе наобщался, в карантине наобщался.

— Если чего—то надо, обращайся.

— Ну, понятно.

Как меня от экстремизма лечили.

Дня через три после распределения вызывают меня в штаб. Что может быть там хорошего? Ничего, кроме гадостей и подлянок. Прихожу. Сидит там мент, которого все зовут Джабраилыч. Имя не помню, но что—то типа «фистула»... Дагестанец лет пятидесяти. Крупный, видно, что когда—то спортом занимался. На него, пока я одевался, мне успели дать характеристику. «Он пиздобол. Не обращай внимание. Главное гривой кивай. Всё, что он будет говорить — это хуйня. Но во всем с ним соглашайся. Иначе весь мозг тебе выебет!»

— Осужденный Марцинкевич Максим Сергеевич, статья 282... — Начал автоматом доклад.

— Здравствуй, Максим. Ты мне скажи, ты что, скинхед, да?

— Да. Национал—социалист.

— Вот моя задача — она в чем заключается здесь? Чтобы ты вышел отсюда нормальным человеком, а не экстремистом. Ты же не любишь кого? Людэй с цветной кожей? Правильно? Правильно.

Смотрю, ему вообще пофигу — отвечаю я ему, нет. Сам с собой продолжает разговор. Голову опустил и киваю периодически.

— Негр он цветной?— Я киваю.— Он рождается каким? Черным. Правильно? Когда взрослеет он какой? Черный? Черный! Когда он стареет и умирает у него кожа какая?

— Черная.— отвечаю я, не поднимая головы. Еле сдерживаюсь, чтоб не заржать.

— Значит негр черный! А вот когда рождается русский — у него кожа какая?

— Белая?

— Нет! Кожа у него розовая! Когда он взрослеет — кожа какая?

— Белая?

— Нет, кожа у него светло бэжевая. Когда он стареет, кожа у него становится такая... пепельная, что ли. А когда умирает, кожа становится какой?

— Не знаю даже...

— Синюшно—зеленюшной! То есть, что мы имеем? Те, кого вы зовете «белыми» — они цветные. А негры наоборот — одноцветные! Понимаешь, в чем ваша ошибка!

Вот это доказал! Вот это он разложил все по полочкам. Здесь—то расизм можно считать полностью побежденным! Оказывается мы все попутали! Белые—то цвет кожи меняют! Эх, придется негром становиться...

— Да, Джабраилыч, я понял. Раньше с этой стороны не смотрел на проблему...

— Это, подожди, еще не всё!— Вот сюрприз! Продолжение изысканий таежного горца— философа.— Дагестанцев ты, наверное, тоже не любишь?

— Я вообще мало кого люблю, с чего мне дагестанцев любить?

— Вот я дагестанец! А я тебе объясню. Дагестанцы — это самые смелые, благородные, мужественные, спортивные и непьющие люди. Вот у меня сын. Здоровый, крепкий, два метра ростом, все время борется. Он за друзей любому порвет глотку!

Ну, конечно. Из глаз у него вылетают шампура, а из жопы огонь!

— Русские так не делают. Русские друг на друга срать хотят. Вам всем надо брать пример с дагестанцев! Потому, что дагестанцы всегда друг другу памагают, выручают, выкупают. Вот где друзья твои? Ты здесь сидишь, а они где? Разбежались? Где скинхеды? Тут скинхед один сидит. Тихо, как курица, чтоб нигде носа не высунуть. Боится меня. Дагестанцы бы так не сидели!

Нифига, что у него в голове происходит. Интересно! Минут сорок он рассказывал мне, какие дагестанцы честные, благородные, отважные, как они уважают старших, как они помогают старушкам дороги переходить.

— Ты все понял?

— Конечно, гражданин начальник.— быстрее бы вырваться из этого проклятого места! И быстренько вырвать отравленный мозг.

— Иди пока. Я тебя еще вызову. Мы с тобой на эти темы будем много беседовать. Я обещаю, ты выйдешь не экстремист и скинхед. Ты будешь обычный человек.

Неужели правда он будет меня каждую неделю на профилактическую беседу вызывать и срать в голову? Но мне повезло, и про меня он вскоре забыл. Видимо приехали новые преступники, которые должны выйти законопослушными гражданами... Он, скорее всего, посчитал, что мне его лекции, в пух и прах разбивающей теорию расизма хватило для того, чтоб осознать всю глубину своих заблуждений.

Вхожу в ритм.

Зашел еще один парень, татарин Тараз, похожий на обезьянку Абу из мультфильма про Аладдина. Нормальный, с мозгами, вменяемый, но тоже наркоман.

Надо сказать, что на бараке было процентов семьдесят наркоманов. Кто не наркоман — тот алкоголик. Не курил на бараке из ста человек только один я, не чифирил тоже. Спортом занимались несколько человек, но все — козлы. Обычным зекам добра не было заниматься. А если ты и мог взять добро заниматься, то у тебя все равно нет еды нормальной и нет мотивации, чтобы это делать. Я пошел к нарядчику.

— Зверь, мне заниматься то можно?

— Да, занимайся.

— А где?

— Ну, хочешь вон на заднем двореке занимайся.

Вышел в тот же вечер после проверки, поотжимался, поприседал, пресс давай качать. Все ходят, на меня как на ебнутого смотрят. Мол, нафига тебе это надо?

А у меня прям кайф! Там такие вечера красивые! Над тайгой солнце заходит, облака окрашиваются в красный, воздух свежий—свежий, во все стороны уходит бесконечный лес. Орлы, соколы летают. Занимаюсь и думаю:

— Вот это почти уже воля! Как—то приближаюсь к свободе!

Но кровь мне сворачивают. Проходят какие—то уебки, которые видно, что в жизни ничего тяжелее шприца не поднимали, садятся невдалеке на корты и дают какие—то советы. Отжимаешься не так, приседаешь не так, лучше сделай другое упражнение... Сперва я огрызался, конечно, посылал их, говорил гадости всяческие, подъебывал. Потом понял, что это просто от скуки — они видят новенький, чего—то делает, надо дать совет. Такая натура у тунеядцев, что им надо дать совет.

— Ладно, отъебитесь!

Первые дня три—четыре советовали, потом успокоились. Надоело, видать. Нашел я где—то кусок рельсы, начал заниматься ей. Поднимал ее перед собой, как «зигхайль» — качал переднюю дельту, «зигхайль» в бок — качал среднюю дельту, ну и, «зигхайль» назад — задний пучок дельты. Тут выходит завхоз, говорит:

— Блин, Макс, так нельзя заниматься железом!

— Почему?

— Потому, что увидят. Доложат в штаб. Не надо железками качаться, геморрой начнется. Вон там, видишь, вышка СДП. Они увидят. Ты занимайся в секции этой железкой, или на брусья вон иди.

— А где брусья—то?

— Вон там, сбоку барака. Они, конечно, не очень хорошие, какие есть. И турник рядом. Стал заниматься на брусьях. Брусья стоят прямо около курилки. Это новый виток советов и рекомендаций. Потом со мной сначала один начинает заниматься, потом другой. Через пару недель уже на бараке какая—то эпидемия подтягиваний и отжиманий на брусьях по вечерам пошла.

Я нашел себе перчатки строительные, замутил спортивные такие штаны. Вроде как роба с виду, но, на самом деле вшита резинка. Они мне велики на три размера, как раз нигде не жмет. На десять пачек золотой «Явы» выменял кроссовки. Заниматься было удобно и я занимался, чтобы не потерять форму к выходу.

Сидел в козлячьей секции я дня три. Тут завхоз говорит:

— Давай, сворачивай рубероид, иди в первую секцию.

— А че там?

— Там козлов нет, ремонт свежий, для мужиков сделали, все нормально, тебе там будет удобно.

— Я здесь привык уже!

— Да нет, это же козлы, а ты мужик, зачем тебе с ними сидеть? Они тебя заебут, иди туда лучше. Тем более, что нужно, чтобы кто—то нормальный в любой секции был. За порядком смотрел. Чтобы все умывались, мылись, грязь не разводили... Они ж вообще все дикие.

— Ну, понятно, посмотрим.

Веселая секция.

Переехал в первую секцию. Там десять шконарей, восемь человек. Юра из Питера, сел по малолетке, разбой со статьей 111 частью 4. Тяжкие телесные, повлекшие гибель. Наркоман.

Старик Коля Гагарин, не наркоман — алкаш. Который мне сказал сходу:

— Я сижу из—за скинхедов!

— Даааа? А почему из—за скинхедов?

— Да вот, скинхеда одного порезал, забрал у него 60 тысяч рублей, за это и сижу.

— Даа... нихуя, ты что, скинхедов не любишь?

— Вообще ненавижу!

— А что—то ты пиздишь, походу! Откуда у скинхеда 60 тысяч? Они ж почти все студенты!

— Они на меня напали. Избили, я поехал мстить, нашел одного, порезал, вот у него деньги и забрал.

— Ну понятно. Так—то я скинхед.

Раз, сразу в лице поменялся:

— Ну вот—вот, такие у тебя друзья, старика за таджика приняли! Я с таджиками шел, на стройке работал, там таджиков избили и меня заодно. Я на экскаватор залез, спрятался, и спасся.

— Понятно.

Тут приходит буквально через два—три часа мужик, кочегар. Тоже из Москвы.

— Макс, здорова, пришел пообщаться!— И, мимоходом,— Ну, че Коля, будешь делать—то когда выйдешь?

— Не знаю пока.

— Женщин—то резать больше не будешь?

— Не буду, нет.

— погоди, он же скинов каких—то резал.— Говорю я

— Да каких скинов он резал, ты чего его слушаешь! Он любовницу свою порезал, она его послала нахуй, он ее ножом затыкал и деньги забрал.

— Ах ты пиздун старый!

— Я же не наврал, это про скинов другая история, меня просто не за это посадили. А тут она ж сама виновата, бросить меня хотела, ну я вот и не сдержался, от ревности и горячности.

— Да—да—да, ах ты пиздабол!

Еще сидел Рогач — наркоман из города Энгельс.

Один питерский Серега, по кличке Субару, дурачок и тоже наркоман. Крал по дачам тряпки, мопеды и садовый инвентарь.

Миша Зубов — тоже наркоман, что—то украл. И его семейник — Костя, тоже наркоман.

Варочная хата! Эти, глядишь — эфедрин начнут готовить. Я думаю, блин, здесь вообще мрачненько каким—то пахнет.

Просидели так несколько дней, тут приезжает к нам мужик с другого барака, Андрюха из Москвы. Ну с ним разговорились,

— А ты по какой?

— По наркоте заехал. Лечился. Вроде завязал. Главное не сорваться теперь, как выйду.

Рассказал, что лечился как—то в больнице, лежал на той койке с которой только что выписали одного из братьев Самойловых из «Агаты Кристи». Бывший бандит — отсидел за вымогательство в конце 90—х, а щас вот планку опустил. Он более—менее с мозгами, из всей этой тусовки самый, вменяемый и крупный. Даже толстый. При этом мама у него работает шеф—поваром, его нормально греет. Мы с ним начали семейничать. Мне приходит посылка, мы с ним вместе ее и едим. Ему приходит посылка — мы с ним вместе его посылку едим. Это удобнее и ближе к сущности человека. Социальный обмен, коллективизм... Хотя, естественно, у нас были немножко разные предпочтения. У него в посылке больше содержалось майонеза, колбасы и шпика, а у меня больше соевого мяса, сухого молока и детского питания. Ну тем не менее мы это все как—то балансировали, кушали по вечерам. Днем он работал на бирже, я днем читал книжки, занимался на брусьях, приседал, отжимался.

Вечером Андрюха приходил, мы заваривали лапшу в контейнере, заваривали соевое мясо, выливали туда майонез, все это замешивали, закрывали, ставили под подушку. Уходили на ужин в столовую. Но в столовой кормят так, что ты начинаешь чувствовать голод еще до того, как вернулся на барак. Поэтому приходили на барак, нормально ужинали. После этого делали перерыв, беседовали о том, как круто было бы сходить в ресторан, или что бы мы сейчас скушали из блюд домашней кухни. Кишкоманили. Затем садились пить чай с конфетами или халвой или там что другое Бог послал.

Надо сказать, что меня соратники довольно хорошо грели. У меня все время практически было что покушать, и Андрюхе активно помогала мать. Поэтому мы постоянно нормально стояли по чаю, сахару, сахарозаменителю, лапше, салу и соевому мясу.

Вообще, на зоне платежным средством становится все. Натуральный обмен. Конверт с маркой идет за десять рублей, лапша «Роллтон» — пять. Одна слюда чая (слюда — это пластиковая обертка на пачке сигарет) — пять рублей, слюда кофе — двадцать рублей, пачка примы — пять рублей, пачка золотой «Явы» — двадцать рублей, пачка парламента — пятьдесят рублей, сто таблеток сахарозаменителя — двадцать рублей. Цену свою имело все. Что—то на зоне дешеVELO. Что—то дорожало относительно своей рыночной стоимости. Самый выгодный «курс» был у сахарозаменителя: затыгиваешь пачку из 1200 таблеток и она в цене увеличивается в пять раз автоматически, в то время как вещи — они совершенно обесценивались. Вплоть до того, что за крокодиловые ботинки на зоне просили пятьсот рублей. Черт его знает, откуда они взялись там... Если налик — то за четырехста. Налик вообще очень в цене, но его мало.

Затянуть его можно было через передачу — как—то вложить грамотно. Есть такие губки с кремом, мазать ботинки гуталином. Отклеивают поролон на этой губке, там ручка пластиковая, за которую держаться надо, когда мажешь, а в ней пустота. Туда засовывают тысячу рублей, допустим, суперклеем приклеивают губку назад, запаковывают ее — и вот это опять крем. Кладут в посылку четыре баночки крема, в одном из них заложены бабки. Два раза в неделю выдают по пять—десять посылок. Их не все шмонают и редко что—то находят.

Или через биржу. Родственники, приезжавшие на свиданку могли отдать какому—нибудь расконвойнику, чтобы он эти деньги пронес на зону.

Деньги, ведь, всегда необходимы. Надо было сдавать десять рублей два раза в месяц за уборку туалета — чтобы уборщики ходили и подметали там, чтобы обиженные приходили и убирали говно оттуда.

Плюс двадцать рублей в месяц за уборку продола. Там есть уборщики, которые работают за то,

что им платят деньги. У них есть всегда покурить, у них всегда есть чай. И курение, и чифирение вызывает зависимость, а чтобы эту зависимость как—то удовлетворять, приходится работать. Человеку без зависимости намного проще в этом отношении — он может выполнять только обязательные работы и не заморачиваться на потакании своим слабостям. Плюс еще можно заплатить десять рублей, чтобы не идти на 106—ую. 106—ая — один час обязательных хозработ в неделю, пункт уголовно—исполнительного кодекса. Обычно заключается в том, что необходимо идти убирать снег, носить бревна или собирать листья, разравнивать почву на участке нашего барака. Не у всех есть возможность заплатить эти десять рублей, чтобы не идти убирать листья и переносить бревна. Даже десять рублей на зоне это все—таки деньги. Надо, чтобы кто—то прислал, чтобы кто—то с воли о тебе помнил, помогал, грел. Иначе, если ты всеми забыт — будешь делать грязную работу.

Плюс еще надо было сдавать за дежурство по секции: один раз в неделю каждый должен мыть в секции пол. Существует график. Можно мыть самому, а можно заплатить опять же пять рублей, и за тебя будет мыть уборщик. Ты даешь ему пачку сигарет — он все делает. Договариваешься с уборщиками или с кем—то из своей секции, можешь договориться на пять рублей, можешь договориться на двадцать — как сам решишь. Сперва за все внешние сборы я платил, а в секции получалось так, что я всех чаем и конфетами угощал, сигареты давал и поэтому само собой получалось что кто—то мыл, мне не приходилось. Но как—то сокамерники подняли бунт.

— А че это ты не моешь, а мы моем? Ты плати за уборку сигаретами.

— Ну, блядь, а вы ж сигареты курите, ничего, не выебываетесь!

— Не ну так это вот, ты конкретно тогда давай, что за мытье, а то ты всем даешь, а потом кто—то один моет, а так неправильно!

— Ладно, буду по пачке примы платить. Но не доставайте меня потом «Дай сигаретку», «дай чая», «дай конфету». Мне же выгоднее будет!

Подлый армян.

Через две недели после меня на барак перевели двух нерусских: одного грузина, одного армяна.

И вот, захожу я в секцию. Смотрю — сидит этот армян, пришел в гости к одному хохлу, и говорит:

— О, здорово, друг!

— Что это я тебе друг—то?

Армян такой лет 45 наверное, толстый, высокий. А пришел я для того, чтобы заварить себе кружку кофе. Пришел с кипятком и кофе засыпаю. Он мне:

— Друг, угости кофе!

— Когда я тебе другом стал, я не понял?

— Что тебе, кофе жалко?

— Тебе — конечно жалко.

А меня надо сказать что дико раздражают люди, которые знакомство начинают с того, что что—то просят. Если хочешь пообщаться — так ты как—то прояви инициативу, помоги чем—то, чем—то угости, ну как это принято. Но здесь именно с того начинается общение, что «угости чем—нибудь»!

— Слышь, ты мне друг что ли, что я тебя угощать должен?

— А что, не друг?

— Нет, конечно

Взял кофе, насыпал и ушел. При этом хохол, который с ним сидел, объяснил ему, что я скинхед, что мне вообще армяне не нравятся, а те, которые попрошайничают — тем более.

Вечером, перед сном, хохлу говорю.

— Блин, походу, тут в себе все человеческое надо из себя изживать! Как вот ты на воле откажешь — придет к тебе сосед, скажет «дай, пожалуйста, ложку кофе». Ты ему что, скажешь, «пошел вон, охуел что ли?» Нет конечно, дашь. Или там пачку сигарет, стакан сахара, пару яиц... Ничего в этом страшного нет. На зоне же, если ты будешь каждому соседу давать, что он просит — у тебя не останется вообще ничего! И ты это понимаешь буквально через неделю своего пребывания! Каждый раз, когда отказываешь, тебе это внутренне неприятно, ты понимаешь, что все то, что в тебе годами закладывалось, какое—то гостеприимство — все это необходимо изживать, потому что на зоне это не проканиает.

Проходит два дня, я про эту ситуацию уже забыл. Тут приходит нам на барак смотрящий по

зоне. Старый грузин, на костылях. Ко мне заходит хохол.

— Макс, тебя зовут в восьмую секцию.

Восьмая секция — это как раз та, где у нас там более—менее приклатненные сбирались. Пойду, узнаю, что им там надо.

Пришел — сидит этот смотрящий за зоной, сидит армян, грузин и еще несколько человек. И смотрящий начинает:

— Э, а ты что, я слышал, скинхед, голубая кровь?

— Ну, кровь не голубая. Национал—социалист.

А если разговор серьезный какой—то, то я все время начинал переводить на политические темы и сбивал противника с толку довольно основательно. Потому что НС — это надо уже включать мозги, вникать, в чем суть идеологии.

— Я слышал, ты все людское на зоне изживать собрался?— Я вспоминаю разговор про «все человеческое в себе». Ну, хохол с армяном! Ну, переобули сказанное!

— Да нет, тут фраза—то была другая сказана, что в себе надо изживать все человеческое.

— Это как понять?

Я ему объясняю по поводу того, что невозможно угостить каждого, кто тебя о чем—то просит.

А вот этот армян пришел и начал свое знакомство с того, что попросил у меня кофе.

— Подожди. Ты вот так вот сказал? Артур, ты с этого начал?

— Ну так—то да, ну он же...

— Артур, у тебя очень много слов. Выйди отсюда. Дай нам поговорить...

Смотрящий уже понял, что его изначально немножко наебали. И начинаем мы с ним разговаривать. Мол, за что сидишь? Я ему в лучших чертах обрисовал борьбу с наркоторговцами, с нелегальной иммиграцией, за социальную справедливость. Врать я не стал, но какие—то моменты выставил на передний план, какие—то немножко заретушировал, и получилось очень красиво. Он говорит:

— Блин, так я сам то сiju потому, что наркотики запрещал продавать на своей территории! Когда не даешь торговать наркотой — ментам сильно невыгодно! А я поставил запрет на наркоту для молодежи, распространителей наказал, меня вот и закрыли!

Поговорили с ним за моральное разложение, за деградацию молодежи. Еще за что—то... Час просидели. Закончилось тем, что он мне говорит:

— Максим, если что—то, какие—то проблемы — ты ко мне обращайся, если козлы что—то будут под тебя мутить. Я понял, ты парень нормальный. Артуру скажу, что он не прав совершенно.

Ну и ушел. Замечательно, уже и со смотрящим все вопросы урегулированы! Вот подлый мерзкий жирный армян — гондон! Как подмутить под меня хотел! Да не получилось!

Если бы смотрящий был тупее, при такой подаче дела у меня могли быть очень серьезные проблемы. Потому что на зоне главное, не что ты сделал, а как это преподнесут. Сперва принимают решение, а потом уже зовут того на, кого был донос. И с ним уже разговаривают уже все для себя решив. Как и в наших судах, собственно. Редко удается как—то это все переиграть. Повезло мне.

Разрыв посылки.

Коле Рогачу пришла посылка от мамы. Мама — бедная пенсионерка, сын наркоман, но тем не менее сынок—то любимый. Надо ему помочь, отправить на зону посылочку. Там как обычно: немножко чая, немножко сала, хлеба, колбасы, сигареты, конфеты, пара трусов, плюс несколько пар носков и какая—то еще мелочь. Приходит он на барак с посылкой — это был первый случай, когда при мне кто—то что—то получил. Я увидел как происходит раздербанивание посылки.

В первую очередь в хату прибежало два шныря: шнырь завхоза и шнырь нарядчика:

— Удели на завхоза!

— Удели на Зверя!

— Давай сигареток немножко, мясного что есть?

— Сало давай, конфет, ну, того—сего...

Понемножку отщипали, убежали. Еще буквально через пятнадцать секунд забегают козлы. Старший дневальный. Вообще на зонах сейчас уже старший дневальный — это и есть завхоз. Там завхоз был отдельно, а старший дневальный — отдельно. Ну так вот, прибегают он, прибегают кладовщик, прибегают несколько дневальных:

— Че получил?

— Давай—ка сала чуть—чуть отрежь!

— Сигареток отсыпь!

— Печеньями поделись, пюрешки сыпани!

Короче, еще дербанули. Прибегают еще какие—то шныри, все что—то просят, требуют. Сигарет там уже не осталось практически... Коля что—то успел спрятать под подушку, а остальное все забрали. Из тридцати пачек у него осталось буквально четыре.

Прибегает на второй заход кладовщик. Он же один из явочников — так что лучше не отказывать.

— Подгони мне трусы, пожалуйста! У меня, вон, порванные! А тебе двое пришло! Ты мне одни дай! Зачем трое трусов тебе? Все равно не оденешь — одни постирал, в других ходишь.

— Действительно, зачем мне трое трусов? На, держи одни.

Только отдал, тот вышел. Там какая—то такая система информирования происходит при дележке: один выходит и сразу курсует остальных, что у человека есть.

Подходят к нему говорят:

— Че, есть шоколадные конфеты?

— Не нету!

— Это есть?

— Нет.

Он же не покажет в бауле, что у него есть. Но если ты угадываешь, что есть — то можно попрошайничать. И вот тот кто в баул успел заглянуть — сразу передает, тем кто стоит в коридоре в очереди для попрошайничества.

Значит, сразу после кладовщика заходит писарь. Тоже явочник.

— О, халява! Я за трусами к тебе, дружище! Освобождаюсь через неделю!

— Ну, у меня двое было — я один отдал...

— У тебя же трусы есть? Ты в бане взял, постирал, пока до барака дойдешь — они уже высохнут! Зачем тебе двое трусов то?

— Они старые, я в них уже три месяца хожу!

— Крепанись, чего ты, два месяца еще подождешь — там тебе посылка новая придет, сам знаешь, братан!

— Да, блин, нету у меня! Самому надо!

— Я сейчас нормально с тобой разговариваю, а могу же и по—козлячьи попросить.

Ну этому делать нечего, отдает трусы.

Прибегает еще какая—то козлотня. А там уже от сала осталась буквально одна треть. И сигарет осталась одна четверть. И чая больше половины уже унесли. Забрали 3\4 посылки. Да, как — то здесь некрасиво обходятся с мужиками. Ну, собственно такая картина происходила практически со всеми, практически всегда. Мне было немножко проще — так как у меня были нормальные отношения и с завхозом, и с нарядчиком, то козлов я естественно посылал просто нахуй. Они прибегают «а удели это, удели то» Держите слюду чая, несколько конфет и пачку лапши. Все, больше ничего не дам, отдыхай.

Вплоть до, того что придумывали такие схемы: человек идет приносит посылку, при этом говорит что посылка не моя, просто делали на него. Для того, чтобы его не дербанили. Такие очень хитрые схемы по легализации своей собственной посылки. Это, собственно, участь мужиков на красной зоне: ты не можешь послать козла нахуй, т.е. во всем ему отказать. А если ты это сделал, но у тебя нет каких—то рычагов защиты, то дальше идет давление, чтобы в следующий раз такого не было. На все тяжелые работы сразу же начинают отправлять, приехал лесовоз — давай собирайся на баланы, пошел снег — собирайся на снега, полы мыть — собирайся мыть полы, 106—ая становится не раз в неделю, а три—четыре, сколько потребуется. Там приколы в том, что все это официально не фиксируется — когда эта 106—ая проходит. Поэтому могут заставлять тебя ходить на хоть каждый день. А если откажешься — сразу идет докладная, что ты отказался. Это моментально выговор. ШИЗО и никакого УДО не будет. И доказать, что ты вчера только убирал снег у тебя не получится никогда.

Зампор—предприниматель.

Узнал я один интересный момент. Мне говорят:

— Ты со всеми подряд то не чифири.

— В смысле?

— Ну, много сухареных обиженных на бараке.

— Я вообще не цифирю, а в чем суть?

— Тут, понимаешь, хуйня такая была, не так давно практиковалась. Был петух один, по кличке Комар, у него было добро от Иван Михалыча у людей деньги трясти. Узнавали где—то на бараке, что у человека есть бабки. Ну, либо у родных возможность где—то деньги достать — человека заводили в кабинет начотряда, опускали хуем по губам и говорили:

— Вот смотри, сейчас ты обиженный. Короче, теперь с тебя 50 косарей и об этом никто не узнает. Уходишь по УДО в максимально короткие сроки. Если нет — просто расскажем всем.

Жизнь сломана. И людям делать ничего не оставалось — они соглашались платить. Одного парня, он тоже из Москвы был, завели в кабинет. С ним этот фокус провернули, он позвонил маме, попросил у нее 50 тысяч срочно перевести. Сказал, что очень нужно. Мама заподозрила что—то неладное, приехала на машине с депутатскими номерами, привезла с собой генерала какого—то, ситуацию эту сразу выяснили. Выдернули парня, он сказал что да, так—то, такое было! Мама пошла к начальнику зоны, там эту ситуацию ему разъяснили и говорят:

— Короче так, сейчас пишем заявление на вот этого петуха, вымогательство раскроем. И надо парня переводить отсюда.

Комара отдали вольным ментам, его стали раскручивать. Парня поставили на теплое место, всё прикрыли. Никто его не трогал и не подводил. Отпустили по УДО через два месяца. Парень, правда, опущен к тому времени был. А петух, когда начали его гуфсиновские опера крутить, дал показания что, он все это делал по приказу Ивана Михайловича, что тот был в курсе, что он с ним делился. Вернули его на зону, Михалыча не тронули. За такое нарушение соглашения Иван Михалыч Комара отправил в СУС. Предприимчивый мент, который и денежки любил повыколачивать, и беспределом заниматься. Ну, об этом я чуть позже узнал.

Пытки в День независимости.

Был день независимости России, 12 июня, все менты в зоне, естественно, перепились — как обычно.

И днем меня вызывают в штаб. Я захожу, сидит этот Иван Михалыч и еще один мусор.

— Максим, ты знаешь что—нибудь по поводу убийства журналистки и адвоката в Москве?

— Ну да. Слышал.

— Кто их убил?

— Ну я не в курсе.— и я имел дурость немного засмеяться.

— Ты понимаешь, если я тебя спрашиваю, значит ты должен знать, кто это сделал! Значит у меня есть информация, что ты знаешь, кто это сделал.

— Так я не знаю. Я в тюрьме сидел, там полная изоляция, нет возможности, ни позвонить, ни вообще как—либо влиять на происходящее.

— Ты мне не ври, я знаю, что в Москве во всех хатах есть телефоны! Расскажи мне, кто их убил!

— Не знаю.

— Я сейчас сам у тебя спрашиваю, по—хорошему, а могу через других заключенных спросить, там ты все расскажешь. Понял?

— Понимаю

— Ну, иди на барак, подумай пока.

Прихожу, естественно, сразу к явочникам — нарядчику, завхозу:

— Так, сейчас дернули, спрашивают про убийство адвоката и журналистки в Москве, к чему бы это?

— Даа, тут вообще не гони! Если бы на самом деле что—то было, нас бы в первую очередь предупредили! Мы бы уже знали об этом! А так просто, видать, ты разговаривал много. Языком трепался, а кто—то пошел и стукнул, а там всю чушь собирают.

Успокоился вроде. Вечер уже. А тут раз, меня опять дергают в штаб. Неужели продолжение банкета? Прихожу, меня ждет второй нарядчик, Зуй:

— Макс, помоги игру установить на ноутбук Михалычу.

— А что такое?

— Да вот, какие—то пароли просит, не пускает.

— Фигня. Антивирус пишет, что недопустимая программа. Давай антивирус выключим, комп перезагрузим, и игру поставим.

— Давай, делай!

Сижу, копаюсь, заходит Иван Михалыч. Ну, я сижу, вроде работаю.

— ВСТААААААТЬ!

Вот блин, ну что такое? А Зуй мне в бок «встань встань Макс, ну ты чего». Встаю, а он мне:

— Что не здороваешься с администрацией?!

— Здравствуйте.— Гондон ты тупой, здоровался буквально три часа назад с тобой.

— Что, игру поставили?

— Нет еще.

— Не умеешь что ли? А чего сел? Нахуй компьютер вырубайте мне, складывайте. Он пьяный, как слесарь в пятницу вечером. Ушел.

Мы компьютер выключаем, я его сложил, и говорю:

— Мне тебя ждать, вместе на барак пойдём?

— Нет, ты один иди.

— Все, давай.

Выхожу на улицу, а там стоит Михалыч с СДПшником разговаривает. Увидел меня, посмотрел злобно. Я прохожу мимо. Надо быстро на барак срулить, пока не началось чего, чувствую что—то нехорошее. Слышу:

— УПАЛ!

Что «упал»? Наверное не мне. Иду к локалке, не поворачиваюсь. СДПшник догоняет, хватя меня за плечо:

— Давай—давай, иди сюда, куда ты пошел!

Ну хрен с ним, подхожу на плац опять. Михалыч:

— Упал! На корты сел! Руки за голову!

Наверное, я зря с ним не поздоровался, когда он заходил. Руки за голову, сижу на кортах. Он поднимается на перила лестницы, стоит, курит.

— Ну че, сука, нацист, что ли? Ну я сижу, молчу.

— Ну я нерусский, хули ты мне сейчас сделаешь?

— Да ничего не сделаю.

— Правильно, нихуя ты не сделаешь. Потому что тебе пизда!

Думаю, нехорошо эти слова слышать, от мента. Потому что именно этот мент на зоне — царь и бог. И чувствую — такой наебок по хребту — бааац! По шее — бац, бац, бац. Один удар, второй, пятый. Не очень сильные удары, но их много, и уже больно становится. Очки, естественно, в грязь улетели сразу. Я сижу на корточках на краю плаца, лицом к газону. По идее там газон, но по факту — разровненная земля. Мало того, прошел еще дождь, там здоровенная лужа передо мной. Сижу, туда смотрю, думаю: вот блин, какая нехорошая ситуация... надо было здороваться! Этот с крыльца кричит:

— Ну че? Вспомнил, кто адвоката убил?

— Нет, гражданин начальник, я не знаю!

— Ты, сука, знаешь! Ты мне, сука, сейчас все расскажешь!

Меня продолжают долбить. Я сижу, не пытаюсь как—то сопротивляться. Собралось СДПшников человек шесть. Я понимаю, что, в принципе, проще потерпеть немного — как обычно, попиздят и успокоятся. Потому что у одного там шансов нет что—то сделать, и понятно, что на помощь никто не придет. Ладно, сейчас он наиграется и отвалит. Надеюсь.

— Ну что, вспомнил?

— Да не, я не знаю!

— Кто убил, тебя спрашивают!?!— Удар сзади по голове.

— Я не знаю.— Ещё удар.

Поставил он свои вопросы и так, и эдак. Раз пять спросил. Подходит, ко мне, встал рядом, посмотрел, ударил в ухо.

— Не знаешь?

— Не знаю.

— Ну, по губам его. И на пятый барак списать.

Я думаю, что значит по губам? Поворачиваю голову, а там зек стоит и хуй уже вытащил. Вот пидор! Я понимаю, что еще немножко — и вот он, ему сделать два шага в мою сторону, и он мне может по губам хуем брякнуть. Я сразу вскакиваю.

- Так, давай, сел на корты!— Орет Михалыч.
- Нет, не сяду.
- Упал на корты, я тебе сказал!
- Да нет, не сяду.
- Я тебя убью сейчас здесь!
- Убивайте, пожалуйста, я не сяду! Лучше уж умру!
- Да ты вообще ебнутый!

Хвать — начинает меня валить. Но при этом они ниже меня ростом, весит меньше, с пузом, и пьяный. И получилось так, что его попытка меня уронить закончилась тем, что он просто упал в лужу. СДПшники все напряглись. Это, по сути, нападение на администрацию. Все. Начальник упал в лужу лицом! Вскривается, злой, на меня смотрит. Опять меня валить начинает. Я уже в голове подсчитываю: это уже полюбому ЕКПТ, полюбому нападение на администрацию, дополнительная статья, это щас такие пиздюли меня ждут! Все в голове проносится за доли секунды. Ладно, главное чтобы не выебли! Это тоже очень реально!

Тут опять удар по роже — смотрю козлы уже приближаются. Я от мента отпрыгнул, в стойку встал. Что делать—то? Надо драться — дело пахнет жареным, хотят чести лишить! Ко всем локалкам народ уже собрался — вся зона смотрит. Штаб почти в центре зоне и всем, собственно, происходящее видно. Из санчасти уже выглядывают, из окна штаба какие—то дневальные смотрят, народу дофига. Но никто помочь не пытается. А козлы, понятное дело, за своего начальника пойдут сейчас в бой. Хотя все дрищи, но их много.

Начальник опять на меня прыгает. Так, надо мне упасть лицом в грязь. Подальше в лужу, и чтобы меня не смогли перевернуть. Может он и сам туда не полезет. Ногами попинают и хрен с ними. Я прыгаю в лужу вместе с начальником — он в меня уцепился и туда же упал. Сразу раз — руки растопырил, рожу вниз опустил, прямо в грязь. Чувствую, он сидит на спине у меня, пытается перевернуть, но так как сам жопой меня придавил, а я раскинул руки и ноги — у него ничего не получается. Подбежали СДПшники. Тоже дергают в разные стороны, но видно, толи не умеют, толи энтузиазма нет, толи боятся — все—таки полный беспредел происходит...

Короче, минут пять меня пытались перевернуть как—то, заломать. Нихрена не получается. Я вырываюсь и дальше за землю держусь. Голову поднимаю — смотрю, а этот стоит с достаным хуем. Это был боевой петух Михалыча. Конкретно петух, который дрессирован на то, чтобы опускать людей по приказу: кто—то напился — все, по губам, кто—то грубанул начальнику — по губам, списываем. Схема была уже отработанная

Пять минут Михалыч со мной поборолся, и говорит:

- Так, ладно, знаешь, кто убил?!
- Нет, не знаю.
- Говорить будешь?
- Да буду я говорить. Я же говорить—то не отказываюсь!
- Все. У тебя последний шанс. Говори давай!

Отпускает меня и уходит. СДПшники меня сразу поднимают, дают мне очки.

— Давай—давай—двай, бегом за ним, поговори! Может вылезешь! Я бегу за мусором, он говорит:

— Ну че, щас я дойду до вахты, и там решится твоя судьба. Ты думай, что от тебя требуется.

У меня лихорадочно мысли бегут. Что мусору—то от меня надо? Понятно, что не узнать, кто Бабурову и Маркелова убил, потому что это, ясно, ему до пизды. И я это знать не могу.

— Что, деньги нужны?

— У меня денег у самого дохуя! Я тебе сам заплатить могу.

— Ну а что надо—то? На должность чтобы я что ли встал? Я и так не блатую. Что хотите—то, я не могу понять? Скажите, чего нужно? В чем суть?

— Нет, это ты должен знать, что от тебя надо.

— Я не пойму что от меня надо? Я реально не понимаю.

— Ты че, ваще тупой что ли? У тебя образование есть?

— Да, есть.

— Какое? Юридическое?

— Нет. У меня строительное. Я инженер.

— Ну ты дураак! А у меня юридическое.

Ну, ты пидор, ну юридическое, так юридическое, у тебя. Не было б козлов кругом — тебе бы

никакое образование не помогло!

Подходит мы с ним к вахте с этими разговорами непонятными. А вахта — это выход с зоны. И туда уже сбежались явочники, председатель СДП. Там уже нас ждут.

— Так, парни, короче, объясните ему по поводу режима. И все у него узнайте.

— Понятно, Иван Михалыч, сделаем.

Михалыч ушел дальше пить водку на волю, а меня привели в баню.

Может помыться дадут? Мне надо простирнуться — штаны все грязные, роба грязная, феска грязная, очки в грязи все, на шее уже горб вырос от ударов, и он тоже в грязи! Заходит Сава, это мой завхоз, он же на зоне один из главных явочников:

— Максим, ты руками, короче, меньше маши.

— Так это, ты же сам видел, я и не махал, Михалыч упал сам.

— Я видел, ты вообще руками—то не маши сейчас.

— В смысле?

— В смысле, блядь, сейчас потерпи немножко.

— Что «потерпи»?

— Ну, сейчас хуйня будет. Все нормально будет, тебя не выебут.

Ну, не могу понять что он имеет ввиду, сижу раздеваюсь. Он мне:

— Раздевайся, раздевайся.

— Да, сейчас мыться пойдешь после этого.

— После чего после «этого»?

Тут заходят еще козлы в баню. Это в раздевалке бани все происходит, я сижу на лавке. Он:

— Вставай, иди сюда.

Встаю. Один козел берет палку, стоит, ей поигрывает.

— Ну что, короче. Ты понял, что вел себя неправильно?

— Ну, вопрос странный. В смысле?— Хуякс по ноге!

— Неправильно ты себя вел, понял?

— Понял.

— Что ты понял? Ты понимаешь, что нельзя так с Михалычем базарить?— Бац палкой.

— Хули ты не встал, когда он зашел?— Еще несколько ударов палкой по ногам.

— Блядь, вставать надо, когда заходит администрация!— Еще под коленки и по бицепсам бедер.

— Ты че? Ваще охувевший, что ли?— По икрам, по голеням.

Самое мерзкое, что сопротивляться бесполезно. Даже если этих удастся как—нибудь отоварить — что дальше? Бежать некуда. Только себе хуже сделаешь. А удары палками, вроде и не особо сильные, идут сериями. То, от чего с первого раза может и синяк не вскочил бы, на тридцатый раз заставляет мышцу раздуваться, кожу — синеть, а нервные окончания — выть от боли.

Ну, и где—то с такими присказками они меня долбят. Я падаю — нога левая онемела. Поднимают. По хребту, по печени, по рукам, по ногам, по жопе. Опять поднимают.

— Кароче, кто там кого убил?

— Да я хуй его знает.

Удар по бедру дубинкой.

— Я не знаю.

— Ну, ты не знаешь... Ты сейчас все узнаешь, ты сейчас все расскажешь, блядь, кто кого убил, где убил и что это было сделано по твоему приказу.

Раз, по одной ноге — по второй, по одной ноге — опять по второй. Боль, она стимулирует работу мозга. Надо срочно что-то рассказать. Язык начинает работать с дикой скоростью — все, что видел по телевизору, все что прочитал в газетах, все версии, которые мне высказывали мусора, которые ко мне приходили. Это я им выкладываю, один это все записывает на форматы. Лист формата А4, исписанный с одной стороны, называется «один формат», если с двух сторон — то «два формата». Написали этих басен журналистских на шесть форматов:

— Ну, нормально.

А там версия и по поводу администрации Химкинского района, и что это из администрации Чечни, и что это какие-нибудь автономные националисты, и военные, и что это мог сделать какой-то киллер, которому Маркелов дорогу перешел — да вообще что угодно.

— Так, ну а сейчас будем продолжать банкет. Надо еще.

Долбили меня со всех сторон. Палками — в затылок, по спине, по рукам. А я согнулся, головой вниз. И бью сам себе в глаз кулаком. Они не хотят на лице следов оставлять, значит чего-то боятся. Бывает же, что тут комиссии какие-то ползают. Если сейчас продолжают выбивать и ломают — можно потом будет как-то соскочить попробовать, написать жалобу куда-то... Увидят, что рожа разбита. Соломинка, конечно... Но это пиздец: если захотят и не поленятся, то вполне могут заставить и на себя наговорить! Настоящих пыток никто не выдержит. Информацию можно скрыть, но вот подписать заставят что угодно.

— Давай, еще рассказывай, что знаешь.

— Я вам, наверное, сознался бы, что это я их заказал, и убил сам. Но я сидел в такой тюрьме, где у меня не было даже сотового телефона.

— Нет, ни хуя, ты сейчас расскажешь точно, кто это сделал! Опять меня пиздят. Я уже на ногах не стою, голова еле соображает.

— Да не знаю, все рассказал что мог.

— Ну ладно, хрен с тобой.

А у меня уже разбито все: и нос, и лицо покоцано, и ноги все опухли, стали, как у такого профессионального бодибилдера Тома Платца. В полтора раза толще — я такого никогда не видел! Голова уже не опускается — горб из опухоли. Весь красный, течет все... Кровь, сопля. Жалко камеры не было — на память.

— Ладно давай, понесли!

Подняли меня, затащили в баню, облили водой. Одежда я кое-как. Дальше меня утащили на барак, уложили на шконарь.

— Ну, че? В столовую-то можно хоть не идти?

— Да, не ходи.

Гонки и отходняк.

Чем эта херня закончится? Наговорил я, по сути, полной хуйни. Это не более чем версии, которые были по телевизору. Вот мусора прочитают эту явочку, поймут что это порожнина, и дальше меня дернут, продолжать мероприятие. А мероприятие очень неприятное, когда тебе долбят, и сделать ничего не можешь, и боль остановить не можешь. Один хрен ни на кого наговаривать не хочется, хорошо хоть, ответа на их вопрос не знаешь... На самом деле незнание правды помогает в таких делах. Если знаешь — и у тебя об этом прямо спрашивают, причем зная, что ты знаешь, то правду всегда смогут выбить. Внутренний подлый голос, инстинкт самосохранения, будет кричать «Расскажи! Кто-нибудь другой все равно сознается! Зачем себя-то губить!?» Это тот же голос, что отговаривает идти в зал или предлагает зайти в мажор. А если ты не знаешь — ну, блядь, будешь терпеть, закусишь губу, наговоришь какой-нибудь хуйни. Поизворачиваешься, но никого не сдаешь. В этом, конечно, был плюс моей ситуации.

Лежу, у меня такие уже полугаллюцинации, температура поднимается. Я никогда не знал, что если тело превращается в один большой синяк, то поднимается температура. Это мертвые клетки начинают гнить и выводиться из организма. В ту ночь я вообще не спал. Полусон — полуглюки, дикая температура. И ворочаться больно, потому что тело все отбито, как кусок мяса.

Спортивные штаны, которые велики были на три размера, стали вообще в обтяжку. Я еле—еле снял робу — больно было двигать руками. Надо было сразу это сделать, пока настоящая боль не пришла. Но до отбоя раздеваться нельзя. А за четыре часа волна уже накрыла. Еле снял штаны. Как же я на следующий день—то ходить буду?

Просыпаюсь, в туалет то надо идти! Куда деваться, организм—то требует, а идти больно. Я в трусах иду, глаза вниз опускаю, а ноги черные просто до пяток! Вечером они были раздутые и синие, а к утру они почернели. На самом деле ноги как у этого темно—синего негра, я такого никогда не видел.

Поднимаю майку, смотрю: у меня и тело такое, руки черные, чуть не до локтей. кисти отбитые, но нормального цвета. Щупаю шею — там такая опухоль здоровая, горб, как у Квазимодо вырос! Там, вроде, и мяса—то нету, некуда распухать — но нормально, сантиметра на три—четыре вырастить можно, прямо с затылка и до хребта.

Дошел, поссал... Бляяядь, как же я срать—то утром буду?!

Но утром срать как—никак пришлось. Подхожу к очку. Как сесть —то? Чувствую, что сесть не смогу. Вышел на задний двор перед сортиром, через силу поприседал. Раз двадцать. Больно просто охренеть как, такое чувство, что мышцы внутри сейчас натянутся и лопнут, кожа лопнет! Но, тем не менее, получилось. Зашел, сел — блядь, болят все органы внутренние! Даже напрягаться больно! Да что ж такое—то! Вчера, походу, погорячились козлы! Посрал, жопу вытирать тоже больно... Может забить? Но все же вытер, сделал над собой усилие.

Одеваюсь, в столовую иду на деревянных ногах. В коленках не гнутся, но пришел. Сесть больно, кашу есть и не охота, и температура... А есть надо. Я понимаю, что тут силы нужны, что может быть продолжение банкета с этими явками. Ебаная Бабурова! Ебанный Маркелов! Ебаная зона! Ненавижу все!

Похавал, пришел на барак, опять лег. Все мысли о том, что сейчас будет. Менты сейчас протрезвеют. Прочитают, что я наговорил. Им, естественно, не понравится, что я не назвал никаких конкретных фамилия.

Но меня по этому поводу не дергают день, второй, третий. Я к завхозу подхожу:

— Ну что? Фигня—то та чем закончилась?

— Все нормально, думаю просто по пьяни что—то там Михалычу не понравилось, вот видишь такая фигня получилась. Ты, Макс, извини, ничего личного. Я же не мог ему сказать, что Макс нормальный парень и я его трогать не буду? Я лучше сам себе хуй на пятаки порублю, чем Михалычу скажу такое. Тогда мне пизда, он меня потом точно выебет.

— Понятно, что делать. Работа у тебя такая.

— Ну да, видишь, нормально, ты понимаешь...

Работаю, как у конвойных, которые у меня берут автограф, и говорят, что «работа такая, буду тебя охранять».

Две недели я где—то восстанавливался. Только—только у меня сошли все синяки. Они так интересно сходили — вниз к щиколоткам чернота опустилась, и постепенно менялись цвета, как бензиновые пятна: зелено—синий, потом стал желтый, потом светлеет, потом краснеет, и потом постепенно нога приобрела свою первоначальную цветовую окраску.

Гости из МУРа.

Прошло две недели, меня опять вызывают в штаб.

Я прихожу, поставили меня около штаба. Смотрю идет старший опер и какой—то тип в гражданке : длинный, лысый, в кожаной куртке. Заходят они в штаб, я уже понимаю что этот тип именно ко мне приехал, раз меня одного к штабу вызвали. Захожу:

— Здравствуйте, гражданин начальник, осужденный...

— Все, проходи, Максим, садись.

И говорит этот, в гражданке:

— Я из убойного отдела МУРа, к тебе приехал по делу Маркелова и Бабуровой. Ты же в курсе, объяснительную писал...

— Ну так—то да, написал.

— Я ее прочел, понятно, все нормально.

— Что нормально?

— Ты—то, понятно, что знать не можешь, кто убил. Я наводил справки, знаю где ты сидел, что у тебя там связи не было. Хорошая тюрьма. Поэтому чисто так, формальность. Дело громкое,

дохуя сил для расследования выделили — вот мы и катаемся по тайге, раскрываем. Да, интересно. Он старшему оперу говорит:

— Ну, можете выйти. Сейчас наедине с Максимом поговорю.

У опера естественно глаза такие выпучились. Он же знает, что они со мной делали, пока «объяснительную» выбивали, а тут нормальный разговор, московский мент, говорит что понимает, что я знать ничего не могу. Палку они явно дико перегнули.

Опер уходит, я этому менту говорю:

— Вы, если знали, зачем бумажку присылали?

— Ну так вот, это чисто для протокола, опросить. Понимаешь, на тебя же тоже стрелки какие—то падали, надо следственные действия провести. Даже меня в командировку послали в тайгу.

— Ну да, понял. Если возможность будет — не надо больше такой фигни присылать.

— Ну, понятно. Надо тебе, может, чем помочь? С администрацией поговорить?

— Я думаю, вас они вряд ли послушают. Если бы не ваш запрос, то у меня вообще все ровно было.

— Ну понятно. А вот помнишь таких—то таких—то из МУРа? Вот, тебе привет передавали.

— Конечно, помню. Они меня пытали как—то по одному делу, хотели по хулиганству закрыть.

— Они самые.

— Ну, тогда же дело по пыткам возбудили...

— Да, одного там перевели, другого тоже. Я просто консультировался про тебя, они тебе привет передавали.

— Ну что, им от меня тоже привет передайте.— Наилучшие пожелания и луку мешок.

— Ну все, давай, удачи, Макс.

Вроде как обошлось, потому что могло быть значительно хуже. Если бы вольный мент приехал и сказал что ему не нравится протокол. Давайте—ка, чтобы явку с повинной написал! Могли на самом деле и выебать и всего разломать. Очень неприятная ситуация. Тем более, что знаешь, что никакого адвоката не будет, никто тебе не поможет. Могут бить один день, могут два, могут неделю, могут месяц. Ну и в итоге могут убить. Хотя бы и случайно. А потом сказать, что было очень слабое сердце и, к сожалению, помощь не пришла вовремя. Пока с зоны тело доставят — там уже концы в воду можно сунуть.

Вызывает меня на следующий день старший опер в штаб:

— Макс, ты пойми, я против тебя ничего не имею, ты парень нормальный. Я не знаю, чем ты на воле занимался, но ты пойми, такая ситуация... Сказали вот узнать у тебя... объяснительную взять, но здесь поняли, что явку. Ты пойми, что перепутали, зла не держи...

— Ну да, ладно...

— Ну все, давай, иди в барак.

Какую уж тут злобу—то держать? Вас бы не больно всех тут зарезать. Чик, и вы уже на небесах. Только Михалыча помучить немного. Трубку в жопу засунуть, в нее колючую проволоку. Трубку вынуть аккуратненько. А проволоку потом вырывать. Медленно и неотвратно.

Потом вызывает меня еще через день, в субботу:

— Так, Максим, надо, чтобы ты написал список всех, с кем ты переписываешься по почте, всех своих знакомых корреспондентов, кто тебе посылки присылает, письма, бандероли.

— Я сделаю,— Какая тупая проверка! Все письма идут через цензуру! Все это записано, зачем спрашивать, если вы прекрасно знаете и сами? Кто мне присылает письма, кто мне присылает посылки и с каких адресов.

Ну, хрен с ним — пошел на барак, взял свой список адресов, несколько человек оттуда вычеркнул — кто мне на эту зону еще писем не присылал. А остальных тех, чьи данные уже есть в цензуре, переписал. Принес, ему отдал.

Мент сидит, сверяет:

— Ага, все правильно. Ты искренен со мной. Все нормально. Ладно. Иди

Я ушел, только расслабился. Надо позаниматься немножко, опять меня вызывают в штаб. Я опять прихожу.

— А я еще хотел бы у тебя уточнить, кто к тебе на свиданки приходил в изолятор. Да, думаю, ты debil, что ли?

— Девушка и отец.

— Так, девушка, отец, данные в деле есть. Все записал, теперь иди.

Такое рвение показывает! Понятно, что они хотят, если приедут мусора, полностью выдать

мои контакты. Типа работают. Пришел на барак, ко мне подходит завхоз.

— Вот такая фигня, тебя тут опера дергают. Если что — то телефон я тебе вообще ни разу не давал.

— Ну, я понял и без напоминаний.

— Да нет, ты вообще никогда не звонил от меня, телефон ты вообще не видел на этой зоне ни разу.

— Ну да, понятно. Дай мне только сейчас позвонить, отбой надо дать, по свиданке.

Надо сказать, что к тому времени я договорился, что ко мне на зону приедет Малюта и Саша. Они собирались ехать на свиданку, но после того, как приезжали мусора, я решил, что лучше, чтобы ко мне никто не ездил. Потому что это лишние вопросы, может вылиться в новое выбивание явки по поводу «кто такой Малюта, чем он занимается?» Если они узнают и пробьют, кто это — будет вообще нехорошо.

Все, позвонил, отбой дал, объяснил ситуацию, мол так—то и так—то, не надо приезжать. Понятно, в другой раз. На этом первое приключение с ментами закончилось.

Лагерная жизнь.

Зона Сим — «командировка лесная», очень голодная. Кормят крайне скудно, баландой наесться невозможно. Если похудеешь до 55 килограмм, то становится нормально. Но если хочешь иметь нормальную комплекцию, то надо или вставать на должность, чтобы обеспечили дополнительное питание, или нужен грев от родственников, от товарищей. Иначе просто пиздец! Но, так как я пошел по пути мужика, я находился на содержании у своих товарищей, которые регулярно делали денежные переводы, присылали мне посылки. Чтоб я мог питаться и заниматься.

Не то, чтобы я сильно шиковал и гулял, но хватало, чтобы заваривать пару пачек лапши и пакетик соевого мяса, чай всегда был. Блюда тоже были не очень разнообразные. Но старался разнообразить. Очень вкусно, если взять соевое мясо, залить кипятком, засыпать туда бульонного кубика, засыпать сухих сливок и лапшу. Закрывать контейнер крышкой, поставить под подушку или завернуть в одеяло. Час это все стоит, потом открываешь, получается теплая сливочная лапша с мясными кусочками. Это вкусно, питательно, как раз после тренировки.

Тренировался я два раза в день. За полчаса до подъема меня специально будил дневальный, как я с ним договорился. Я быстро заправлял шконарь, умывался холодной водой, шел на брусья и турник. Делал два подхода по 15—20 раз на брусьях, немножко растяжечки и подтягивался — в лесенку до десяти и обратно. Я как раз успевал это сделать до завтрака. Потом начинали выходить люди, курить, строились и шли на завтрак. Потом возвращались из столовой, начиналась уборка в хате. Можно спать. Спать можно не всем, только несколько человек на бараке имели такую привилегию. Тут спасибо товарищам за грев. На самом деле, очень сильная привилегия, потому что некоторые не имеют право и просто сидеть на шконаре!

Я спал до проверки, потом шел на плац, возвращался, читал. Перед обедом обычно шел смотрел какой—нибудь фильм или рисовал. После обеда я полюбому читал несколько часов. В четыре начинал заниматься второй раз. До полшестого я отжимался вниз головой, закидывая ноги на шконарь, или отжимался между шконарями, качал пресс, поднимал туловище, поднимал ноги, делал двойные скручивания, ходил на брусьях, поднимал кусок рельсы передним «Seig Heil—ем», боковым «Seig Heil—ем» и задним «Seig Heil—ем». Упражнений было много, но они были малоэффективны. Нет качественного белкового питания, отсутствует мотивация. Занимаешься, и знаешь, что это все бесполезно. Вот выйдешь на волю и спокойно раскачаешься. А здесь и бить никого нельзя! В принципе, я и так самый здоровый на бараке. На зоне здоровее меня был только один парень, почти на голову выше меня, здоровый, как лось. У него был брат—близнец, но маленький. Хоть близнецы, но не очень—то и похожи. Похожи, но просто как братья.

Телевидение на бараке не работало, сигнал не доходил до нас. Хоть и была десятиметровая антенна, но ее хватало только на поимку сети для мобил. Так что только DVD. Смотрели практически одни и те же фильмы. Соберется народ в ПВРе фильм смотреть, посмотрят час: «Да—ну, чего—то какая—то шляпа. Давайте другой прохлопаем кинчик!» Приходит козел и начинает хлопать какой—нибудь другой кинчик. Посмотрим тот фильм до середины, придет другой козел: «Да—нет, я этот фильм смотрел. Давайте другой смотреть». Право переключать фильмы, пультом щелкать, ставить новый диск есть только у козлов. Обычно козел не может сидеть в ПВРе и смотреть фильм от и до, он смотрит пол фильма и уходит «работать». Постоянно происходит эта хуйня, — приходит следующий козел и говорит: «Давайте вот этот фильм смотреть». Очень редко получается сесть и посмотреть

фильм целиком, постоянно какая—нибудь пидорасина его переключит. Это дико бесило, и, естественно, отбивало всякое желание смотреть фильмы. Тем более, что интеллектуальный уровень заключенных оставлял желать лучшего. Поэтому они по многу раз смотрели сериал «Бригада», сериал «Спец». «Турецкий гамбит» при мне они посмотрели раз пятнадцать, какие—то еще глупые фильмы. Короче, никакого интереса сидеть в ПВРе не было.

Я брал книжки и шел читать у себя в секции. За месяц я прочитал все книги на бараке. Их было крайне мало, потому что они очень быстро превращаются или в самокрутки, или в туалетную бумагу. Из читающих людей, кроме меня, был еще один. Взрослый, и не наркоман и сел за бытовуху, чистая случайность. Остальные ни читать не любят, ничего. Если кто—то возьмет книжку, то это, скорее, в порядке исключения. И получилось так, что мне присылали книги на зону правозащитники, мать присылала фантастику, плюс товарищи отправляли литературу, и у меня уже накопилась коллекция книжек. Я все их подписал с корешка, поставил в ПВР, то есть у меня была такая монополия на литературу. Через месяц беру книжку из своих, непрочитанных, смотрю — уже нет последних пятнадцати страниц. Я понимаю, что кто—то просто взял, вырвал их и пошел посрать! Ах, вы ублюдки! Открываю вторую — то же самое. Все. Хватит! Собрал все книги с полки, убрал в баул. Пошел всем объявил, что если кому—то надо почитать — обращайтесь, а в ПВРе ставить их не буду.

— А че, ты сразу не догадался, что книги тут сразу на самокрутки пойдут?

— Да—нет, не очень.

То же самое происходило и с газетами. Приходит газета, даешь ее кому—то почитать, заходит следующий:

— Макс, слушай, газета ж тебе уже не нужна?

— Нужна, я читаю!

— Блин, а вот эту статью ты уже прочел?

— Прочел.

— Дай вот здесь вот вырву на самокрутку?

— Ты че, охуел?! Газету только сегодня прислали.

— Ну и чё?! Ты же уже ее прочел.

— Пошел отсюда! Из очка бумагу достань, от говна очисти, и кури!

Там полное непонимание ценности печатного слова. Со временем я нашел людей, которые интересуются и книжками и газетами, то есть такой клуб по обмену литературой пошел с другими бараками. Думающих людей на зоне очень мало. В Москве, в ВИП—тюреме, практически все люди были образованы, эрудированны, с ними было интересно разговаривать. Здесь — наоборот, дикое сборище тупой пехоты, люди вообще ни о чем не хотят думать! Кроме как чифирнуть, покурить, пожрать, посрать и лечь спать, — ничего нет в голове. Конечно, это сильно угнетало, я мало с кем разговаривал, мне не очень интересно было вести среди них пропаганду. Были даже люди, которые уверены, что негры живут и всю жизнь жили в Южной Америке.

— Почему?

— Ну, я же смотрел сериал. Про рабыню Изауру. Там негры все в Бразилии, — это говорит взрослый человек.

Были люди, которые, будучи сорока лет от роду, не умели ни читать, ни писать. Говоришь какое—то слово, довольно известное, они его даже не слышали, то есть и словарный запас крайне низкий. В общем, желание вести пропаганду у меня отпало уже через неделю общения на бараке: «На хрен! Не буду этим заниматься». И стал просто читать.

Социальное расслоение.

На воле социальное расслоение выражено довольно ярко, но эти слои в тоже время довольно редко пересекаются. Разница в тысячу—две долларов дохода не вызывает жгучего желания затеять классовую борьбу. В десять—двадцать — может быть, да и то не факт.

Допустим, если один человек ездит на работу на метро, приезжает на арбузолитейный завод к 7 утра, собирает ржавые детали для отечественных автомобилей, холодильников и других нанотехнологичных агрегатов — он никогда в жизни не пересечется с человеком, который ездит на дорогой машине, живет в загородном особняке на Рублевке и посещает закрытые показы мод или вечеринки для богатых пидарасов.

В принципе даже редко пересекаются представители верхов и низов среднего класса.

Разве что в офисе, только один — начальник, а другой — подчиненный. В остальное время один ездит на своем автомобиле, другой на своем, т.е. в принципе они не общаются совсем и поводов

для конфликтов и, особенно, зависти — гораздо меньше, чем на зоне.

Потому что там все выглядит совершенно иначе. Расслоение начинается буквально с одной тысячи рублей в месяц. Если у кого—то она есть, а у другого ее нет, то это значит, что у одного всегда будет что покурить и чем чифирнуть, а пара блоков сигарет и заварка — это «насущенное» для зэка. Несколько килограмм чая говорит уже о том, что люди находятся в совершенно разных положениях: один вынужден просить и унижаться, а другой в ответ будет давать докурить, презрительно отказывать или требовать взамен какие—либо мелкие услуги. И человек, у которого нет этой тысячи рублей,

будет вынужден стирать ему шмотки, мыть за него полы, кипятить ему воду и другие подобные вещи — в общем, всячески унижаться.

А если речь идет о десяти тысячах в месяц? Хотя нормальный грев начинается уже с трех — четырех... Если у него они есть, то он может спать днем на шконаре, не ходить на хозяйственные работы, его не будут пиздить козлы, у него всегда будет что поесть, выпить, чифирнуть и покурить, этот человек будет объектом постоянной зависти. И это расслоение происходило у меня на глазах.

Я, как человек, имеющий верных товарищей на свободе, соответственно, попал в верхнюю категорию. Меня неплохо грели, делали передачи и посылки, писали письма. Все это, естественно, вызывало зависть. Например, люди видят, что я с семейником пью чай. У нас двоих с Андрюхой один пакетик чая и 4 конфеты. Не кучеряво. Но у нас есть этот пакетик и конфеты, а у других нет. И они их не получают — дашь конфету одному — попросят все остальные. А если им не отдашь — обделишь — то будешь еще хуже, чем если не дашь вообще никому. Вечная дилемма.

Садись поесть, сразу в секцию заплывают какие—то люди вроде как пообщаться, а на самом деле просто кружатся в надежде на то, что им что—то перепадет, чаще всего это дневальные, т.е. мелкие козлы, которые приходят попрошайничать. Да! Это, так называемая масть «чайки». Еще бывает масть «крыс», но крысы ладно — украдет сигарету из пачки, стащит пару конфет. Но «чайки» — самое противное, бесят. Постоянно это наблюдать довольно неприятно, но в целом поучительно — ты видишь как рождается эта зависть. Классовая ненависть. Победить её, раздав все бедным, невозможно. На воле это не увидишь невооруженным взглядом. Я никогда не общался с людьми, которые находятся в «социальной верхушке». Пересекался с такими только в тюрьме на 99. Однажды им рассказал, что для прикола разбил стекло из рогатки в «бентли», когда она остановилась на светофоре. Обычно это всем бывает смешно — какой—то буржуй испугался, что его хотят убить из ружья, не поняв, что это шарик из рогатки, а не пуля, вдавил газ в пол и уехал. Пошутил по молодости и горячности... Но там на меня половина хаты взъелась. Оказалось, что у четверых из шести моих сокамерников дома на Рублевке:

— Ты что, Максим, а если сердечный приступ у человека?

— На «бентли» ведь ездят такие же люди!

— А если он решил, что его заказал его компаньон и сам закажет это компаньона, хотя тот ничего не делал?

— А если бы тебе так стекло разбили? Приятно бы тебе было!?

В общем, попал не в то общество и не ту историю рассказал.

Сексуальное воспитание заключенных.

Вообще, меня всегда очень веселили так называемые «понятия». В принципе, они где—то сделаны правильно. Они регулируют жизнь, быт человека в условия компактного проживания, то есть не распускать руки, стараться не материться, не обсуждать какие—то сексуальные предпочтения, — это с одной стороны. С другой стороны, там есть откровенные глупости и куча лицемерия. Допустим, считается, что не приемлемо лизать пизду. Любой, кто лизал в своей жизни пизду, становится обиженным. Если признался в этом. Но, насколько мне известно, пизду лизали практически все, кроме меня. Об этом я не раз говорил:

Вот, что ты говоришь, что не лизал пизду?! Да, я знаю, что все пизду лижут. Кроме, естественно, меня.

Блядь! Да, ты чё?! Гонишь, что ли?

Чего «гонишь»? Так и есть. Все лижут пизду. Вот спроси у любой девушки. Да—нет, это хуйня. Это девушка шлюха.

Нельзя целоваться с девушкой, которая брала в рот. Если сделал это — и сознался — в петушатник.

Все девушки, которые у меня были, сосали хуй!

Нет, я их сразу бросал. Но с кем—то же они целовались? Они все загашены? Да, конечно!

Но все девушки старше...— Даже сейчас и возраст язык у меня не поворачивается называть!— Сосали хуй! Это как с келешеванной посудой. Может, пидор из нее и не ел, но она все равно загашена!

Получается, по факту они все это делают, но как только попадают в тюрьму — все начинают отрицать. И, кто по глупости скажет правду — становится изгоем. Все уже, пути назад нет — с одной стороны. Но с другой стороны, я слышал такой анекдот:

Скажи, ты когда—нибудь ебал гомосексуалиста?

Нет, никогда. Но я, зато, ебал мужика, который ебал гомосексуалиста.

На воле это анекдот, в тюрьме это считается нормальным, если ты ебешь пидора — ты же не пидор, ты просто ебешь пидора. Я спрашиваю:

Вот ты пидора ебал?

Да, а что тут такого? Тут сидишь, выхода нет. Надо ж как—то...

А что, рук у тебя нет что ли?

Да—не, ты не понимаешь. Так прикольнее.

Конечно, прикольнее. Ты слышал, что есть гомосексуалисты активные, а есть пассивные? Это что значит?

Тот, кого ебут — тот пассивный, тот, кто ебет — активный. Но они оба пидоры. Ты чего хочешь сказать, что я пидор?!

Но в прямую сказать, что «да, ты пидор» нельзя.

Ну, ты чего, сам не знаешь? Иди справочник открой, кто ты есть, там написано.

Да—ты, чего гонишь? Ебать пидора не запахло! Он же пидор, он для того и создан. Кем создан? Господом богом пидор создан, чтоб его ебать?

Конечно!

Нихуя себе! Как, красотки, изворачивают. Меня всегда это очень веселило, и я всегда людей на эти темы подбывал. Если научился в понятиях разбираться и уверенно себя чувствуешь, то можно вызывать целую бурю негодования, эмоций, просто шутить. В принципе, все вменяемые нормальные люди не будут ебать пидораса, сколько бы он ни предлагал. А чурбаны или какие—то извращенцы могут обосновать это легко, доказать, что это нормально. Если ты малолетка, лопух или латентный пидор. И сам станешь таким же.

Как—то рассказывали случай. Заходит в камеру этап. В камере сидят два строгалика пересаживаемых. Видят, заходит парень более—менее опрятный, с нормальной прической, в нормальной одежде. Они его подтягивают сразу, — мало ли у него деньги есть, или он интересный человек — чтобы какую—то выгоду с него получить:

О, а тебя как зовут? Антуан.

Антуан? Кем ты работаешь,

Антуан? Я визажист.

У! Визажист Антуан, иди сюда к нам.

Задвинули шторку на своем шконаре, прошло десять минут. Антуан вылезает, уже насосавшись пиписек — и под шконарь. Ему быстро объяснили, что «Антуан», да еще и «визажист» должен непременно взять в рот жить под шконарем.

Бывают такие случаи. Если, конечно, человек не выглядит, как полный «Антуан визажист» и хватит у него мозгов отказаться от предложенных колбасок, то будет жить нормально. Если нет, то его моментально определяют.

Это смешно наблюдать со стороны, но когда понимаешь, к чему это приводит, становится совершенно не смешно. Жалко людей.

На малолетке был случай. Отписывают малолетки на взросляк:

Поймали парня, дрочил на параше. В ответ пишут:

Ничего не надо с ним делать. О, поздняк, мы его уже выебли.

Вы чё, вообще идиоты?! Дрочил и дрочил, вы все дрочите! Что вы сделали? Беспредельщики, что ли?!

Вас поняли. Тех, кто его выебал — выебли. «Малолетка», одно слово.

Как меня обокрали.

Дело уже ближе к осени. Как—то пришел татарин Тараз со свиданки и принес диск DVD. Он попросил мать с отцом, что бы они привезли ему каких—нибудь фильмов. Мало того он попросил привезти фильм про скинов. Специально чтоб меня приколоть. Привезли ему диск с фильмом «Россия 88».

Лежу, читаю книжку, прибегает шнырь: Макс, пойдём, там фильм про скинов идет! Да, ладно... Какой фильм про скинов?

«Опять «Американскую историю X» пятый раз смотреть... Или «Ромпер Стомпер» двадцатый — не интересно».

Не—не—не, русский про скинов.

Интересно, что за русский фильм, да про скинов? Не может быть, что бы чего—нибудь форматовского не показали! Книжку под подушку сложил, шконарь поправил, побежал в ПВР. Прихожу, а там народу уже собралось — весь барак. Мне, естественно, место в первом ряду очистили, потому что я единственный скинхэд на зоне. Сел в жюри.

Сижу, смотрю и понимаю, что меня просто обокрали. Пяти минут просмотра мне хватило, чтобы понять, откуда срисованы все персонажи, откуда срисована идея фильма. Вижу, что это экранизированные форматовские ролики! Просто кто—то взял и переснял. Я сижу, комментирую, возмущаюсь:

Это же все украдено. Вот этот ролик изначально у меня на даче снимали... А этот ролик снимали в переходе. А здесь негра видите? Так это в форматовском ролике я был, гуталином рожу мазал!

Мне даже пофигу, что они и знать не знают ничего. Просто ностальгия. Все сидят, вроде слушают меня, но по лицам вижу, что практически никто не верит. Как это так?! Тут фильм на диске записан, а вот сидит человек с их барака и говорит, что это все украдено у него? Фильм — не два пальца обоссать!

Ладно, хрен с вами, псы. Все равно не понимаете! Досидел, досмотрел. Вышел на задний дворик. Разговариваю со своим семейником Андрюхой:

Блин, Андрюха, а ты понял, что меня обокрали? Все, что я снимал, экранизировали и получили за это какие—то европейские премии, думая, что тем самым они борются с фашизмом. А на самом деле просто украли все. Почему меня посадили, а у этого, блядь, премия? Буду ждать, пока мне придут мои авторские отчисления на зону. Куплю себе три пачки «Доширака», больше вряд ли дадут.

Посмеялись.

Компетентные гости.

Проходит два дня. Вызывают меня в штаб. Выходит Иван Михайлович. «Блядь, началось что—то».

— Так, тут к тебе приехали люди, — говорит Иван Михайлович.

— Та—ак.

— Чё «та—ак»? Ты чё, охуел? Пообщаешься нормально, что бы не было никаких геморроев,

понял?

— Понял.

— Заходи в кабинет. Без доклада, без всего, заходи.

Чего—то не просто — заходить без доклада в кабинет зампобора. Сам вышел меня позвать еще... Что там за «люди»?

Захожу, вижу — сидит один человек в гражданке, один в форме ГУФСИНа:

— Здравствуй, Максим, я оперативный сотрудник ГУФСИНа,— Как я угадал! Звезды майорские. — А вот это — человек из ФСБ.

Сидит тип в свитере, в гражданку одет, но лицо говорит, что мозги есть.

— Да, чем могу вам помочь?

— Как ты? Чем на воле собираешься заниматься? У тебя же УДО скоро.

— Так УДО не скоро, мне до звонка полтора года.

— Ну, до звонка... УДО у тебя через два месяца. Чем на воле думаешь заниматься?

— Ну, как чем? Семью, детей, на работу устраюсь.

— Ну, Максим, ты это маме расскажи. Что ты на работу устроишься, семью, детей... Я же понимаю, что ты от Идеи не отошел. У тебя это просто не получится! Информация у меня к тому же есть. Давай как—то с тобой поработаем.

— Да—нет, чего работать?! В чем суть?

— Что ты можешь рассказать о «Рыси»?

— Что за «Рысь»?

— Бригада «Рысь».

— Это спецназ, который меня принимал. Но я ничего о них не знаю. Так, видел пару раз по телевизору передачу.

— Нет, бригада «Рысь» — это пермские скинхэды. Что про них знаешь?

Вот, откуда я могу что—то знать про бригаду «Рысь»? И про пермских скинхэдов? Если я про город «Пермь» узнал, только тогда, когда туда приехал. До того я думал, что это просто город на карте, где, когда прогноз погоды показывают, постоянно дожди идут, может его и нет на самом деле! Про Пермь я в жизни ничего не слышал.

— Ну, ладно. А сотрудничать с нами хочешь?

— Ну, так—то не очень. Не очень хочу, не вижу смысла.

— Ты подумай, потому что ты не сможешь заниматься политикой, не сотрудничая с нами. Ты на УДО не уйдешь. Надо дружить.

— А чё мне дружить?! Я же ничего противозаконного не делаю. Сейчас выйду, мама—инвалид старенькая, девушка — планирую жениться, инженером пойду работать...

Смотрю, не верят мне совсем.

— Ты фильм «Россия 88» смотрел?

«Блин, они и это знают. Тяжело разговаривать с людьми, которые не поленились и все разнюхали».

— Смотрел.

— Что скажешь?

— Что именно?!

— Похоже? Так жизнь скинхэда выглядит?

Ах, блядь, ты ж даже не знаешь про кого фильм... Не все так плохо...

— Да, похоже, так, — отвечаю я, — что—то есть общее.

— Вот, видишь, там же предлагают всякие из молодежных организаций вступить, то—сё. Все равно придется с кем—то работать.

— Не знаю. Я не вижу смысла. Сдавать кого—то придется.

— Ну, сдавать — это просто как отрезать лишние куски от здорового организма. Если человек идиот и берется за нож, его надо сдавать, отсекают как большую опухоль от организации. Все, организация остается целой. Если ты знаешь, что кто—то кровью замазался, так просто избавляешься от него — и все в порядке. Двигаешься вперед. Организация остается нетронутой.

«Да, вот, наверное, для этого я сел за свои Идеи, чтобы сейчас выйти и стать стукачем!»

— Нет, так—то не очень интересно.

При этом Иван Михайлович злобно смотрит на меня, типа: «Ты чего, вообще debil? Ты же умрешь сегодня здесь вечером». Так—то я понимаю, что будет, если они его попросят. «Хрен с ним. А что делать?! Сейчас соглашаться сотрудничать?! Осидел уже больше половины срока».

— Ладно, мы приехали из Перми специально к тебе поговорить. Если что, если надумаешь с нами сотрудничать, ты Ивану Михайловичу скажи, он с нами свяжется. Мы приедем, жизнь на зоне тебе организуем, никто доебываться не будет, выйдешь через два месяца на волю.

— Понял.

— Все, давай иди, — отправили меня на барак.

Я прихожу, меня как шапкой накрыло! Понимаю, что проскочить на УДО и уйти у меня может не получиться. Если обо мне помнят и ездят в эту дебильную тайгу, меня просто могут приказать завернуть. Ладно, все равно попробую, может получится сорваться. Надежда же умирает последней!

УДО на носу!

Время подходило к концу августа. Я уже в полной готовности к подаче на УДО. Вообще, я хотел это сделать через волю — что бы с воли адвокат подал заявление. Чтоб на зоне не смогли уже завернуть, вклеить выговор, нарушение — это распространенная практика. Если не хотят отпускать человека то ему просто вешают нарушение какое—нибудь. Формы одежды, не поздоровался с администрацией или еще какую—нибудь глупость и выписывают ШИЗО. То есть человек уже никак не может пройти УДО. При этом с зоны каждый суд — раз в месяц — уходит человек по 10 УДОшников только в путь. Из 10 заявлений заворачивают только одного или даже вообще никого. Может проскочу? А что делать...

За неделю до подачи заявления лежу читаю книжку. Меня вдруг поднимают и говорят:

— Макс, иди плац подметай.

— Нахуй я пойду плац мести?— С козлами все было решено.— Странное предложение.

— Ну, надо тебе идти плац подметать.

— Так зачем?

— Если не хочешь, то не иди. Напиши отказ от 106—ой.

— Че за хуйня—то такая?— Здесь несколько месяцев сию ничего не подметаю.

— Ну из штаба позвонили и сказали чтобы ты шел плац подметать.

Я сразу понял, что выводят на отказ от 106—ой. Это статья УИК, по которой зек должен час в неделю выполнять хозработы на зоне. За отказ от нее практически железно дают несколько суток изолятора. Собрался оделся взял метлу пошел, подметаю плац от листиков. У меня до подачи еще неделя. Даже если я буду каждый день подметать плац по 3 часа, то хрен с ним — че я не подмету что ли? Авось не развалюсь. Дембельский аккорд. Нормально! Подмел плац, пришел снял кепку, положил метлу, умылся и пошел к нарядчику.

— Что за фигня такая?

Да хрен его знает, не могу тебе ни чем помочь прямое распоряжение от старшего опера. На следующий день снова тоже самое.

— Собирайся, иди плац мети.— Ну я выхожу мету плац, после чего мне говорят — Так, иди перед штабом мети.

Смотрю перед штабом стоит старший опер и курит ещё с какими—то вольными операми. Ну что, Максим, ты на УДО собрался?

Я? Да вы что, мне до УДО ещё месяц.

Нет. Неделя. Ты же понимаешь что тебя не отпустят. Ты же такой преступник, какое УДО! Ну может быть. Это не важно.

— А ты, слышал, отказывался от 106й?

— Нет почему подметаю вопросов нету.

— Ну, понятно давай тогда, давай.

Все подмел. Прихожу на барак мне говорят

— Собирайся, иди канаву копай.

— Так я же только что подметал.

— Ну хочешь — отказ пиши.

Понятно, пошел копать. Покопал часа два. Весь в глине... Ну, хрен с ним, неделю эту вывезу как—нибудь. Канавы покопать, поподметать, дрова попилить, да ещё и бревна поносить скажут. Да пофигу. Зря, что ли, качался?

На следующий день, приходит завхоз Сава со свиданки на барак

— Макс, пиши объяснительную, почему ты ходил после команды отбой. В смысле?

Сказали нарушение тебе сделать. Вот ты и ходил, значит, после команды отбой.

Так я не ходил!

Так это пофигу. Ты пойми, что все тебя не отпустят и нарушение будет. Я пытался договориться, что ты на УДО писать не будешь, чтоб без ШИЗО обойтись. Сказали нет, нарушение нужно! Ничего сделать не могу — работа такая.

Понятно!

Пишу объяснение, что ходил после 10 часов потому, что хотел в сортир, а терпеть не мог. А что мне в голову может придти — почему я ходил после отбоя?

ШИЗО по заказу.

Вызывают меня 31 августа в штаб. Там сидит полная колода мусоров — Михалыч, зам по кадрам и воспитательной работе, опер, тыловик, отрядник, ещё менты.

— Ну что, как ты объяснишь свой возмутительный проступок? В туалет хотелось, гражданин начальник.

Ага, он написал какую—то хуйню в объяснительной. Считаю не менее 5 суток ШИЗО надо.— Говорит зам. по КиВр.

Ты за 5 суток ШИЗО осознаешь свою вину? Ну, я бы и без ШИЗО осознал.
5 суток изолятора.

Спускаюсь из штаба вниз, на плац. Там были несколько поселенцев — один из них собрался в побег и двое тех, кто его на это спровоцировали. Нас четверых ведут в ШИЗО меня в одну камеру, поселенцев в другую. Я оказываюсь с двумя парнями — один СДПшник, другой старший дневальный с шестого барака. Они в ШИЗО попали за нанесение татуировок. У дневального сутки уже заканчиваются, а СДПшнику ещё со мной сидеть.

— Что здесь делать предполагается?

— Ну смотри: вот кича непосредственно, вот кабора в соседнюю, вот эти вот шконари — они откидываются после команды отбой, когда ложишься спать. Днем можно спать на полу, накрывшись простынями если их заранее сныкать. Днем, по идее, спать нельзя, но за этим особо не смотрят. Ещё здесь хорошо кормят, потому что пайка усиленная — изоляторная. Но здесь нету курить и нечего заварить чифирнуть, поэтому здесь пизда.

— Так мне вообще заебись — я не курю и не чифирю.

— Вот, блядь, тебе везет.

— Кому повезет, у того и петух снесет!

На первой же проверке я у ментов попросил книжку. Мне принесли какой—то женский роман, толстенный такой. Притом что читать нечего, я этот роман на 800 страниц за 3 дня прочитал. СДПшник по кличке Сибик не умолкая рассказывал веселые истории, как он сидит всю жизнь с 12 лет по спецшколам, потом малолетка, потом взросляк. только вышел — спер или кинул кого—то и снова уехал. «Украл—выпил, в тюрьму» . Ему года 22. В принципе балбес, но не особый негодяй это точно. Даже не наркоман.

Самое приятное — это отсутствие попрошаек.

Ты сидишь в камере, хотя там темно и прохладно, сыровато, но главное попрошаек нету!!! На бараке как? Каждые 2 минуты открывается дверь, в секцию заглядывает чья—то рожа и начинается — «а есть конвертик, есть ручка, есть иголка, есть чай, есть кофе, есть покурить, есть карандаш, есть нитка...», просят вообще все!!! Все, что можно попросить — просят. Это, может, кажется не страшно. Может даже показаться не по человечески отказывать постоянно «страдающим». Но источник получения материальных благ сильно ограничен. Посылки расходятся крайне быстро — попрошайничество просто убивает. Люди так привыкают просить, что делают это ради того, чтобы просто что—то делать. Вот я сижу в ШИЗО, мне такой кайф никто не достает, никто кровь не сворачивает. Никто ничего не просит!!! Тишина! Долгожданная камерная тишина! Принесли — пожрал, позанимался — поотжимался, поприседал и сиди дальше, читай спокойно.

Книгу я проглотил, делать нечего — начал из хлеба лепить четки и игральные кубики, так называемые «зарики». Лепил—лепил, тут слышу — на проходе играет музыка, сел возле тормозов, слышу «станция камская волна» называется. Радио, играет рок — Наутилус, Агата Кристи, БИ—2, Сплин, Снайперы... Просидел я на полу у двери камеры часов 5, потому что на бараке можно услышать только сраный шансон и сраную попсу, типа «Ласкового мая». Заслушался, подпеваю даже. Сибик ходит

— Че Макс башню рвет?

— Да, есть немного.

— Ну давай.— А он ходит по хате туда — сюда ходит, тем и развлекается.— У меня тоже.

Мы с ним много беседовали, он парень вроде вменяемый, я ему что—то про политику рассказываю про то, как прикольно в казино играть, про девчонок, про фанклуб.

— Может, выйти тоже в скины податься?

— Конечно, обязательно!

— Слышь, Макс ты сутки свои добьешь — все равно заявление на УДО пиши. Можно будет, если адвокат есть, нарушение оспорить.

— Как оспорить — мне с ним связаться никто сейчас не даст.

— Пофигу, все равно, хоть сам, пиши.

Посмотрим.

Отсидел я в ШИЗО 5 суток, отдохнул замечательно! За это время научился определять кто там по коридору идет, еду несут или проверка... Пообщался через дырку в стене с поселюгами. Их закрывают только на ночь, а утром выводят на работы. Закрыли их вот за что: один молодой съел килограмм картошки. Т.е. он ее выкопал на Мусорском огороде, который они окучивали и съел. Они ему говорят

— Ты че, дурак? Тебя же разматают, ты же украл картошку! За это мало того что тебя

размотают, так еще посадят в ШИЗО и могут даже отпетушить! У начальника грядку вскрыл!

— А что мне теперь делать?

— Да хрен его знает что делать! Тебе все — срыва нет уже...

Парень 18 лет, мозгов нету. Руки в ноги, подорвался и просто пешком ушел с поселения. Они же не охраняются.

Вся администрация на ушах — поехали в его родную деревню Чернушка. Поймали его на автобусной остановке, чудесным и гениальным образом он там оказался. Дали по ушам, привезли назад, провели через всю зону в мешке. Прыгал как заяц. Быстренько вклепили ему 15 суток. Естественно, поменяли режим из колонии поселения обратно на общий и добавили надзор. За побег ему не стали добавлять срок, хотя это до 3 лет.

Так нахрена вы его запугивали?

Просто пошутили. Мы откуда знали, что он побежит? Да согласен.

Он сказал, что мы его запугали и сказали, что если ты не убежишь, то тебе край. Теперь и у нас двоих УДО не будет.

Вообще, на зоне УДО — это одна из тех вещей, которая заставляет эзков вести себя более — менее цивилизованно и не нарушать режима содержания. Если есть «кнут и пряник» то УДО это основной «пряник» ФСИНа. «Кнут» это моральное давление, побои, изоляторы. Человек понимает, что если он себя будет вести так, как от него требует администрация, то он может уйти намного раньше конца срока. Если статья у него даже тяжкая, то может уйти по половине. Любой задумается, как себя вести. Не было бы УДО — все зоны назад перекрасились в черный цвет. Оно сильно действует на сознание человека — практически полностью его занимает изнутри, все его глобальные мысли. Большинство дальше чем о моменте освобождения и не задумывается никогда. Человек становится послушным. Есть, конечно и другие «пряники». Власть, например, данная мусорами козлам. Но это, естественно не для всех. Облегченные условия содержания, дополнительные свиданки и передачи, закрытие глаз на трубки и дивиденды... Но УДО — это основное. Как «Е...ая Роисся» среди других партий.

Отсидел я эти 5 суток, приходит помощник дежурного Леонидыч меня выпускать. А он знал кто я, за что сижу — не поленился, личное дело прочел. И, похоже, телевизор смотрел.

— А ты, Максим, против олигархов же выступал?

— Категорически против! Дерут шкуры с трудящихся! — Серьезно разговаривать с Леонидычем я не мог, он слишком походил на Кота Леопольда.

— А как ты мог против них выступать, если у тебя прописка Рублевское шоссе!? Ты же сам олигарх!

— Я очень бедный олигарх — типа Сифона и Бороды...

— Не надо мне заливать. Я знаю, что у тебя там квартира своя. А квартира там может быть только у олигархов! Вот тебя и посадили, чтоб на своих не напал.

— Если честно, то да. Просто решил стать бедным. А они меня не отпустили.— Такой ереси можно наговорить только деревенскому менту, хорошенько посидев в камере с сельским уркаганом.

— Выйдешь — будь осторожнее. Они могут дальше мстить.

— Спасибо, Леонидыч, я постараюсь!

Возвращение страданувшего.

На воздух вышел довольный и отдохнувший. С мыслью, правда, о том, что дома этой осенью мне не быть... Когда меня сажали — была пасмурная погода. Из камеры же на улицу посмотреть было нереально. Вместо окна — два мутных оргстекла, между ними пыль и паутина — ничего не видно. Только холод чувствуется. Наверное, слякоть начинается — хоть и начало сентября, но это все — таки Соликамск, близко к Северному Ледовитому океану — там погоду вообще не поймешь. Если снег на зоне растаял окончательно только к 15 июня, то в сентябре выпадения снега вполне можно ожидать. Но выхожу на улицу, а погода замечательная! Бабье лето началось! Солнце светит, тепло, небо голубое с редкими облачками! Красота! Иду на барак, а там меня встречают толпой.

Макс! Как страданул? Как в изоляторе? Давай чифира выпьем — положено заварить, это традиция!

Надо так надо...

Достал чая из баула, мужики заварили. Здесь признаюсь, что просто пришлось выпить чифира — народу собралось много и все крайнее настоятельно требовали соблюдения традиции.

Отбыл кичу, за ШИЗО страданул... С нашего барака давно никто на сутках не был, потому что все решалось в ПВРе с помощью кулаков и палок, с занесением в грудную клетку, а не в личное дело. В бараке даже велся черный список — если человек совершает какое—то нарушение. то вечером его просто избивают в ПВРе. ПВР — это помещёние по воспитательной работы. Там зеки смотрят телевизор, проводят собрания отряда и там же проходят все экзекуции. Допустим, если ты ходишь по коридору, когда продол моют — тебя заносят в черный список. Естественно, кому —то можно, кому—то нет. Все смотрят по личности или наличию должности. Козлам ходить можно и некотором мужикам тоже, но большинству нет. Или если ты набрызгал водой в умывальнике и не вытер за собой, если «показывал зубы» козлам т.е. в чем—то не соглашался, грубил или, тем более, угрожал. Ппродолжать можно до бесконечности... шел не в ногу в столовую, плохо поздоровался или вообще не поздоровался с милицией, ходил без шаромки по бараку сидел на шконаре если тебе нельзя... Записанных после отбоя называли пофамильно, они шли в ПВР. Заходят по одному, через 5 минут возвращаются — все болит и распухает. Ложаться на шконари и спят, думая о своих безобразиях, исправляются. Мне в этом отношении повезло — с козлами я договорился и на бараке жил спокойно. Без приказа администрации меня пальцем не трогали. Одни боялись просто, с другими у меня были ровные деловые отношения.

После того, как я чифирнул, ко мне подошел Савва

— Пойдем поговорим. — Завел меня в свою завхозную комнату. — Макс, ты это, ты не думай что я под тебя подмутил. Это реально приказ администрации был, я ничего сделать не мог. Через пол года мы с тебя нарушение снимем. Если бы была возможность — я бы тебя отмазал.

— Да я знаю.

— Какие проблемы будут — обращайся, все по зеленой. Главное чтобы не было не каких заебов со стороны администрации.

— Понял, спасибо.

Спалился.

В середине сентября меня вызывает старший опер Захарыч к себе в кабинет — пришли заказные письма из Москвы. Получилось, так что я переписывался с несколькими девушками. Даже со многими. Но одна особо умная догадалась хвастаться в интернете, что «Тесак мой парень» и так далее. Вроде понятно, что Тесаку просто скучно в лагере, и почему бы не написать даже незнакомой девушке ответное письмо? Ежели сама напрашивается на общение? Почему не пофлиртовать немножко? Тем более что в местах лишения свободы это даже спорт такой, развлечение — чем больше девушек тебе пишет, тем интереснее. Тем более их можно разводить на фотографии, а это уже суперигра. На воле попросить девушку фотку скинуть на сайте знакомств — как билет на метро купить. Вообще никаких эмоций. Всё вполне предсказуемо и даже не очень интересно. Здесь же все совсем по—другому. А эта бестолочь зачем—то хвасталась. И как то на нее вышла Саша. Говорит, нет, Тесак мой парень! Нет мой, ты вообще его не знаешь! А вот тебе его письма для меня, сама почитай! Почерк сверь! Саша смотрит — почерк мой, заглавные буквы авторским стилем оформлены, портрет нарисован... Обе на меня обиделись — я сволочь и негодяй.

Вот меня вызывают в штаб, цензорша пришла. Выдает мне письма от одной, от второй. Они

шли вместе, в одно и тоже время отправленные. Настроение ухудшилось. Цензорша уходит в вольный штаб. Захарыч говорит:

— Останься поговорить с тобой хочу.

— О чем именно?— блин опять началось!!!

— Слушай к тебе лично у меня никаких претензий нету. Пришлось тебя в ШИЗО отправить, ты извини. Позвонили из Москвы и сказали, что если ты уйдёшь на УДО, то всю нашу управу выебут.

А нам на зоне, сам понимаешь, тогда уж вообще пиздец настанет.

— Да я понял, что это не ваша инициатива. Даже и не сомневался.

— Ну давай если какие проблемы будут обращайся.

— Хорошо, — Вот с проблемами только к оперу бежать. Я еще столько не отсидел!

Отправил он меня на барак. Чувствую депрессуха пиздострадальная накатывает, потому что с двумя девушками сразу облом — это крутовато. Неудачный день! Не поняли мои романтические нотки дамы. А у меня ведь очень большое сердце, как у телёнка! Я же могу любить одновременно всех девушек, но каждую по—своему — в этом нет ничего страшного. Никому хуже от этого не будет. Главное, чтоб не спалили... Плюс УДО никакого не будет, сидеть лишних 1.5 года, которые я себе запланировал тут оставить. Какой же отстой! И тут ещё осень наступила — такая мерзкая погода! В окно смотришь листья с берез падают, какие—то коты бегают облезшие, срут на перекопанную землю и зарывают лапами. Играют воробьи, иногда попадаютса посравшим облезлым котам... Дождь все время то льет, то моросит, то хлещет, то капает, то пылью водяной стелется. Все сырое, противное, серое и умирающее...

Новые проблемы.

Одна погода бы тоску навеяла. А завхоз мой, с которым я в договоренности и нарядчик — уехали на этап на «Белый лебедь» судиться. Договариваться со мной новый завхоз не хочет, боится. Приказ из штаба от Михалыча — «не давай ему жизни», он и не дает, взял под козырёк. Смотрящий старый освободился, а с новым я ни разу не общался. Меня просто перестали допускать до телефона, опять связь пропала с внешним миром.

Чувствую что меня начинают «поджимать». Сначала запретили спать днем, потом запретили на шконаре лежать. И в один день говорят

— Собирайся Макс, пойдёшь на баланы.

— В смысле.

— Ну пойдёшь бревна носить.

— Это я понял. Вопрос нахуя?

— Сказали тебе бревна носить, жизнь тебе сладкую обломать.

Пошел я носить бревна. Естественно со злости халтурил и сачковал. В грязи по колено. Да по уши, если честно, никак не мог себе это за тренировку засчитать. Закончили часа через два.

На другой день опять ко мне дневальный приползает с гнусно—довольной рожей.

— Короче, сейчас пойдёшь морковь таскать. Или пиши отказ от 106—ой и опять в изолятор.

Пришел Грузовик с морковью. Пойду, что делать? Повторное нарушение — в СУС переводиться неохота.

Привезли морковь в мешках по 25 килограмм, чтоб зимой зеков кормить. Её нужно сначала отнести от въезда на зону к вахте, там сложить штабелями, взвесить и заточковать. А после этого отнести на продуктовый склад. В принципе хоть какое—то развлечение. Ходишь, на новых людей интересно посмотреть, потому что к тому времени мне запретили вообще выходить с барака. После того, как я отказался вставить на должность, в дежурке повесили мою фотографию и под ней крупными красными буквами написали «Склонен к экстремизму». СДПшникам запретили открывать мне калитки. Завхозов предупредили чтобы я не ходил ни к кому в гости, т.е. я не мог сходить ни на хоздвор, ни в ПТУ, ни, тем более, на другие бараки. Все это было запрещено. А тут меня вроде выпустили морковь поносить, дождя нет, мешки почти чистые и приятной умеренно—спортивной тяжести. С одной стороны нельзя, а с другой — пообщаюсь с зэками. Хоть и понимаю, что они такие же болваны, как и на моем бараке — но, тем не менее, какое—то развлечение. Естественно, наложил себе моркови в карманы, в рукава и штанины.

Однако надо как—то эту проблему решать. Пошел к новому завхозу:

— Короче, я заебался. Эта движуха беспонтовая — спать нельзя, куда—то ходить надо, что—то носить... Давай решать вопрос.

Речь тут идет о 10 тысячах и все — и позвонить можно, хоть о соратниках волноваться не буду, и, опять же, не будут кровь сворачивать. Самое же неприятное не в том, что морковь пришлось носить, а в том, что как сказали мне жизнь портить, так это постоянно какие—то мелкие замечания пошли — так сядь, тут пойдешь, тут одень, пуговицу застегни, воротничок поправь... Мелкие доебки в грубой форме, за которые просто хочется убить. И это больше всего раздражает. Убить—то нельзя!

На бараке сидел грузин по кличке Грузин, которого перевели вместе с подлым толстым армяном. Он общался с блатными на нашей зоне, через них тоже можно было попробовать вопрос

решить. Я ему говорю:

— Грузин, ты с блатными можешь поговорить, чтоб у меня геморя этого не было? Телефон затынем на барак. Козлы со мной боятся двигаться. Заебли уже и связь очень нужна.

— Ну, давай я за тебя поговорю.

Сходил, поговорил. Меня дёргают на шестой барак. Там сидят стремяги и бродяги, смотрящий сидит. Почти черный барак на почти красной зоне. Разговаривал чеченец Тим. Крепкий такой, спортсмен, пьет протеинчик:

— Максим, чё—как, в чем суть проблемы?

— Была договоренность с Саввой, сидел спокойно. Он на этап уехал, а больше со мной никто не хочет договариваться... Тут такая хуйня — фсбшники приезжали, мусора из МУРа. Теперь администрация боится, как бы я шум не стал поднимать по телефону, поэтому мне все зарубили — звонить не дают, общаться ни с кем...

— Понятно. Ладно, ты парень вменяемый — я трубу тебе дам, позвонишь. Затынешь телефон на барак к себе, и грив — 5 косарей на черное пойдет, на крытую пацанам. Я скажу, все ровно у тебя будет. Козлы мусорам будут докладывать, что ты страдаешь. Сам понимаешь — я надеюсь на твою сознательность. Звони только на беспалевные номера и, главное, шума не поднимай.

— Я понял всё. Это вполне устраивает. И я сам себе не враг, кипеш поднимать. Меня в обиженку Михалыч раньше отправит, чем адвокат до зоны доедет.

— Пошли тогда звонить. — Достал трубу из—под подушки.

Просто так с телефона нельзя звонить — вышек нет, поэтому прикручивают к телефону антенку. Металлическую проволоку. Эту проволоку прикручивают к другой проволоке, которая к запретке непосредственно прикручена. Получается такая здоровая антенна, многометровая. Запретная полоса, запретка, это тройной забор, между ними расстояние метров по пять. Земля перекопана, и наверху колючка. Вот к ней приматывают антенну и тогда труба более—менее ловит. В секции Тима проволока перетерлась. Пошли в соседнюю секцию, где жил Гоша здоровый и его брат Илья. Вот я из их секции сидел, звонил. С товарищем финансовую проблему обсудил, которая оказалась вполне разрешимой.

Гошан и Илюха.

Тут пришел Илья, завхоз шестого. Познакомились, он сразу предложил чая с бутербродами. Это вообще нонсенс для зоны! Угостить кого—то, ничего не прося. По разговору я понял, что у него не только мозги есть, но и мировосприятие далеко не овощное. Парень с меня ростом, худощавый и на первый взгляд похож на совершенно безобидного студента. Мне даже Стас Лухмырин вспомнился

— тоже обманчивая внешность.

— Не хочешь к нам на барак переехать? Тебе нормально тут будет — никто кровь не будет сворачивать, у вас то барак пидорский, козлы—гондоны одни сидят, мужиков гнобят, а тут барак нормальный, все по человечески.

— Давай попробуем. Если переведут, конечно. А так—то я собираюсь на хоздвор идти. В ширпотребку.

— Это нормально. Тем более весь хоздвор у нас на бараке живет.

Договорились, Тут приходит его брат Гоша:

— Макс, здорово! Мне Андрюха, про тебя много рассказывал.— Андрюха это мой семейник.— Говорит, ты занимаешься целыми днями, не чифиришь и не куришь?

— Не обманул.— Смеюсь.— Я про тебя то же самое слышал.

— Давай, на биржу ко мне выходи — заниматься будем вместе. У меня там тренажерка маленькая. Собрал себе штанги, гантели, брусья, турничок. В моей бендюге (небольшая хозяйственная постройка) будем заниматься. Там и жрать можно. Мне столовские каждый день курочку готовят.

— Это вообще шикарно было бы! — Честно сказать, я от такого предложения вообще офигел.

— Ты Андрюхе только не говори, что я тебе предлагал.

— А че такое?

— Ну, не надо.

— Ладно, не скажу.

— Все, давай увидимся! Я к тебе на барак в гости приду скоро!

Про Илюху—то я слышал мало, а вот Гошу козлы частенько обсуждали. Они его люто ненавидели и боялись. Ненавидели потому, что он не был гадом. Не встречал этапы, что считалось

очень крутым козым занятием. Не выбивал явки и не отжимал деньги у мужиков. А боялись потому, что он был самым здоровым на всей зоне и к тому же психопат. В хорошем смысле. Если разозлить — мог постелить кого угодно. Ярость берсерка в уральском

варианте. Спросил я потом у Андрюхи:

— Гошан, что он за парень—то?

— Парень вообще нормальный, но отмороженный на всю башку, занимается, как психопат. Он мне много про него рассказывал, но тут я конкретно спросил.

— Как думаешь, на биржу он меня возьмет к себе работать? Сам видишь, какие мне условия на бараке создают.

— Ты понимаешь... На биржу тебя могут и не выпустить... Это дохуя делов... А если я за тебя у Гошана попрошу, а ты накосячишь? Там же реально работать надо! Я потом и виноват окажусь! Хрен его знает. Я с ним разговаривал про тебя, он не уверен. Тут думать надо...

«Ах, ты,— думаю,— пес, Андрюша! Он же мне сам сказал сегодня, что тебе предлагал меня в бригаду устроить!»

В столовой на другой день подходит ко мне Гоша.

— Макс, пойдём ко мне в гости. Позвонишь, куда надо, пообщаемся.

— Пойдём, конечно! Только к завхозу подойди, скажи, что меня забираешь.

А как раз мой тогдашний завхоз один раз попал под раздачу к Гошану. Гоша шел, ему СДПшник не открыл локалку.

— Ты что, животное тупое?! Открывай!

— Я тебя не пуцую! Сказали тебя не пускать!

— Да мне похую кто тебе что сказал! Я — бригадир, не сечешь?

СДПшник начал орать, Гошан дал ему по еблу. Прибежало еще человек пять СДПшников. Он их раскидал, разбил всем ебла. Потом сбежал к начальству, грамотно все накидал. Собрал опять их всех, но уже с разрешения начальства, и разбил ебла еще раз, показательно. Вот одним из них завхоз и был. Вот Гошан мне и говорит.

— Да нормально все. Только в дежурке добро возьмем на всякий случай. Заходит в дежурку, подходит к дэпэнк, как обычно.

— Я Марцинкевича к себе на барак в гости проведу?

— Э! Нет! Этого нельзя!

— Как нельзя?

— Запрещено ему по зоне двигаться. Нельзя с ним общаться!

Выходит, на лице недоумение.

— Первый раз такое, что не дают человека на барак затянуть!

А он главный бригадир на бирже. На всё у него зеленая. И на телефон. И на передвижения. И людей может любых водить куда захочет.

— Хрен с ним, сам к тебе через час приду!

Приходит вечером, сели мы с ним в «пищевке». Это такое помещение, сделанное, якобы, для того, чтобы мужики могли попить чая, покушать. Но, на самом деле, там сидят или козлы, или полублатные. Обычным мужикам там делать нечего. Как только достанешь там пакетик лапши, чтоб её заварить — ты автоматически курсонешь всех, что она у тебя есть! Сразу же прибегут попрошайничать козлы. Откажешь — начнут портить жизнь, записывать в черный список. Проще все тихонько, без понта, поест в секции. И не будет никакого геморроя.

Немного пообщались, и Гошан говорит.

— Макс, в случае чего, ты можешь на меня рассчитывать. Я тебя никогда не подставлю, не кину.

С одной стороны это звучит пафосно. Но с другой — эти слова на зоне очень много значат. И по тому, что я уже про него знал, я понял, что он не шутит и его слову вполне можно верить.

— Давай, выходи ко мне на биржу. Заниматься будем. Андрюша — он же дичь!

— В смысле «Андрюша — дичь»?

— Я ему давно говорил. Давай Макса на биржу вытянем. А он «Нахрен Макса на биржу! Лишний рот не нужен!»

Ничего себе! Вот это новость! Андрюша — мой семейник! Мы с ним все делим, жрем пополам! А оказывается, мало того, что у него на бирже дополнительное мясо, так он за него такую интригу мутит! Знал, что у меня на бараке проблемы, с участливым видом советы давал, как выйти из сложившейся ситуации. Но иначе ему пришлось бы делиться курочкой! Пес!

— Я с Михалычем поговорю, тебя на биржу выведут.

— Давай попробуем.

Пошел он разговаривать за меня. Но ему категорически отказали.

— Ты чё, какая ему биржа? Он скоро уедет или на ПКТ, или на другую зону его переведут. Смысла нет его выводить, да и нельзя. Убежит еще... За ним надзор такой!

На следующий день он мне говорит.

— С биржей не выходит никак. Но я думаю с биржи качалку свою на зону перенести. В ПТУ зал есть, но там веса маленькие и штанги отстойные. Я туда свои принесу. И стойки с гантелями. В пэтэушной качалке занимается со всей зоны всего три человека. Во—первых это не модно среди наркоманов, во—вторых жратвы мало, а в третьих всем просто лень. Всё перенесу туда, и будем ходить каждый день качаться!

Хотят депортировать с зоны!

В это время меня опять вызывает старший опер.

— Максим. Такая ситуация... Позвонили из Москвы, сказали тебя переводить отсюда.

— В смысле?

— Сейчас будешь писать заявление о переводе на другую зону.

— На какую?

— На перевод вообще. Куда я не знаю, но скорее всего тебя переведут сидеть поближе к Москве. Потому что у нас сейчас зоны расформируют, а иногородних вывозят по месту жительства.

— Так у нас в Москве нет зон.

— Какая разница? Будешь сидеть в Ярославле, Смоленске, Рязани какой—нибудь...

— Так нафиг надо? Я здесь уже освоился.

— Ты не понял? Здесь ты все равно напишешь! Потому, что мне позвонили из управы и сказали! А в управу позвонили из Москвы конкретно за тебя. Ты уезжаешь.

— Понятно. Ничего решить нельзя?

— Нет, этого здесь не решить. Заявление от тебя — просто страхуемся. Тебя и так переведут.

Написал заявление. Грустно стало. Только всё устроилось. Ладно, не захотел опер со мной

решать. Сто пудов просто на зоне от меня избавиться хотят. Надо чтоб с воли кто—то приехал, с Михальчем перетер, денег ему занес. Пусть мусора меня в покое оставят — мне эти переезды вообще не интересны!

Звоню батю.

— Папка, менты хотят меня куда—то переводить отсюда! А это не нужно. Только все решил! Надо что—то с этим придумать.

— Хорошо, сейчас я работу одну доделаю и через недельку к тебе в гости приеду. Пообщаюсь с мусорами.

Свиданка с папкой.

В итоге получилось у нас идти на свиданку одновременно — я с батей, а Гошан и Илюха с матерью и двоюродными братьями.

В обед, когда мой отряд возвращался из столовой, подходит ко мне Илюха.

— Макс, твой батя звонил. Он приехал уже, так что иди пока собирайся.

Я довольный прибежал на барак. Натурально маму потерял. Лихорадочно собираюсь, побрился, сполоснулся холодной водой. Одежду почистил, обувь. Кружку помыл от черного чайного налета. Что ещё—то делать? Не заказывают, собаки! Лег почитать — не получается. Затопил печку. Мне—то не надо, а мужики с биржи придут, чтоб тепло было... Да и надо просто что—то делать. Время как остановилось.

Через час кричат «Марцинкевича на вахту!». Ура! Схватил баул, побежал!

Там уже братья с сумками тусуются. Подождали минут десять, пока нас пустят. Поднимаюсь на КДС. На входе меня обыскивает помощник депена по кличке Дичь Нерусская.

— Ты чего так долго идешь? Час тебя жду!

— Как вызвали — всего десять минут прошло.

— А я час назад вызывал! Где ты был?

Тупой баран! Наверное, я на бараче так люблю сидеть, что от КДСа прячусь... Прохожу дальше, Дичь открывает решетку. За ней стоит мой отец.

Мы с ним крепко—крепко обнялись. Как в «Тарасе Бульбе».

— Папка, здорово!

— Макс, смотри, есть еще силы—то! Но похудел!

Я даже прослезился. Не ожидал такого от себя.

Дичь показал нашу комнату. Мы заходим.

— Рассказывай, как доехал—то!

— До Перми без проблем. А дальше непонятки с автобусами начались... Пришлось брать такси.

— От Перми? Да...

— Там кризис. Я по—дешевке договорился с водилой, он меня на Ауди «Q7» за пять штук довез.

— Красавчик! Тут и так менты напрягаются. Ничего попроще найти не мог? Бентли там...

— А, чего?

— Да, ничего... Тут менты деревенские, круче бумера 99 года выпуска ничего не видели. А к экстремисту с Рублевки папка на «Q7» подваливает!

— Да не, сын, нормально! А что это ты здоровый такой? Я думал — уже вообще в дистрофика превратился!

— Восемьдесят килограмм всего...

— А что, на руках папку положишь?

— Тебя—то? Конечно, влегкую!

А он у меня был чемпионом Москвы по армрестлингу, году в девяностом. Вообще он пловец, но и качался, и боролся.

Взяли хлипкий столик, беремся за руки, упираемся. «Рэди! Стэди! Гоу!». И я его рывком кладу.

— Ну—ка, подожди! Давай еще раз!

Напрягся посильнее, но результат тот же. Взялись левыми руками. Напряглись изо всех сил. Стол трясется от нагрузки. Никто никого сдвинуть не может. Опять правыми. Давление зверское. Нажимаем. Дергаем, кистями друг друга поймать пытаемся. Вот еще чуть—чуть! У столика ножки БАЦ! Стол ломается, все на пол летит, шум, кружки кдсовские вдребезги! Поборолись с папкой! Ясно

ж было, что столик не выдержит!

Позвали дневальных, стол чинить надо. Они стол унесли, взяв за починку немного чая и шоколадок.

Батя мне показывает, какие гостинцы привез. Сапоги охотничьи, теплые, по болотам и снегам лазить. Новую вольную робу. Удобную и из хорошего материала. Валенки с прорезиненной подошвой. Такими убить можно. То, что нужно в таежной командировке. Трусы—носки. Несколько килограмм протеина, соевое мясо, лапшу, сухое молоко, сахарозаменитель...

— Пап, а где, скажи, что—нибудь вкусное? Сейчас бы навернуть...

— Вон несколько шоколадок, вот пара пирожков... Ты пока чайник ставь, я пойду все куплю к чаю.

— Куда ты пойдешь купишь? Кто тебя выпустит?

— Сам выйду! Магазин же недалеко.

— Тебя не выпустят ни в какой магазин, ты чего!

— Меня?! Да ладно!

— Иди, спроси.

Выходит в коридор, позвал мусора.

— Командир, в магазин схожу?

— Нет. Вы же пришли в комнату длительных свиданий. Если выйдете, то больше не войдете.

Поторговался он немного с ментом. Сбежать за жратвой он тоже отказался. И за деньги выпустить тоже.

— Ну, ладно, папка. По фигу на вкусности. Давай доширака навернем, а потом чая с пирожками...

Кушаем, общаемся. Я рассказываю всякие веселые истории. Как этапом сюда шел. Как явки по Бабуровой выбивали. Что переводить куда—то меня собрались.

Он мне всякие внутрисемейные новости поведал, свои дела на работе и планы на будущее. Потом говорит.

— Про явки—то я не знал. Я разговаривал с этим Иваном Михалычем — оказался вполне нормальным человеком. Сделать, говорит, ничего не могу. ФСИНовская разнарядка пришла Максима с зоны отправить. Тут все уже не в моей власти. Он и к нам—то ехал по такой же разнарядке. Не представляю даже, как его на всех пересылках хуячили. Потому что за ним тачковка шла, что особый контроль нужен, склонен к дезорганизации.

— Это мне еще в психушке, после армии написали!

— Вот, говорит, что тем более на должность ты не встал. А это все в дело идет. Я ему не завидую, как он поедет, но сделать ничего не смогу.

— Видишь, он не то, что сделать ничего не может — он просто гондон.

— Давай я, когда отсюда выйду, зайду к нему и всю рожу ему разобью? Чего он там — сидит один щенок в своем доме. Вытащу его из—за стола переломаю!

— Папа, а как ты думаешь, что тут со мной случится после того, как ты разобьешь рожу зампобору?

— Ничего!

— Как это ничего?

— Ну, не ты ж ему рожу разобьешь, а я! А мне—то он чего сделает? Я ж не зек. Уеду и всё!

— Ты—то уедешь, только меня здесь выебут после этого. Фигню—то не рассказывай!

Успокоил его, вроде. Отговорил от кровной мести. Чем, наверное, сделал себе жизнь немного длиннее. И спрашиваю:

— Пап, а ты мне налика—то привез?— специально попросил деньги спрятать.

— Ты знаешь, я спросил у начальника, он сказал, что нельзя. Вы, говорит, их отдайте, лучше, потому как мы его обыщем. Всё равно эти деньги найдем и заберем. У него же проблемы будут. В ШИЗО уедет.

— Ты же челночил! Ты же возил валюту, незаконно, за границу! Покупал там кожаные куртки! Я же помню, как ручки открывашек сверлили вместе, чтоб свернутые в трубочку баксы спрятать! Тебе же пограничники говорили «Сдайте валюту»!

— Говорили...

— И что? Ты сдавал?

— Нет.

— Ну, а фигли ты здесь то их слушаешь! Специально же сказал — спрячь бабки. Хоть в тапки

спрячь, хоть еще куда... Трудно было?

— Я чего—то не подумал... Я предлагал менту «Передай сыну деньги сам, если проносить нельзя», он почему—то отказался.

— Да... После КДС у меня точно проблемы будут...

Посмеялись, рассказал про облом с УДО, про жизнь—бытьё.

— Попробуй денег предложи, чтоб меня на другую зону не переводили. Там все по—новой придется устраиваться, договариваться. Пока всё решишь... Пока этапом приедешь, пока карантин пройдешь... А тут я устроился, все вопросы решил... Может Михалыч врет, что из Москвы ему сказали? Мне кажется, он сам решил меня отсюда выкинуть. Из детского сада выгоняли, из школы выгоняли, из колледжа выгоняли, из армии выгоняли, даже из психушки выгоняли! Теперь и с зоны выгнать хотят!

— Я попробую сделать. Если получится — договоримся.

Тут заходит к нам в комнату Гошан.

— Не помешаю?

— Нормально, заходи, конечно!

— Мамка еды всякой привезла, приглашает вас пообедать. С тобой, Макс, познакомиться хочет.

— Пойдем, познакомимся. Человеческой еды покушаю заодно.

Пришли на кухню. Там мать Гошана испекла изумительную курицу с овощами, сделала пирожки, привезла арбуз. Сели есть. Вот это еда Белого Человека! Я не ел её хрен знает сколько! Это словами не передать! Первый раз за два года покушать домашней пищи — восхитительное ощущение!

После еды пошли посидеть у нас в комнате. Батя, Гошан, Илюха и их двоюродные братья. Посмеялись, историй порассказывали, пофотографировались. Даня, один из братьев, привез цифровой фотик. С дороги папка сильно устал и лег спать. Братья и мать Гошана с Илюхой — тоже. А мы пошли тусоваться на кухню.

Сняли пару роликов — первый раз за столько времени мне в руки попало что—то видеозаписывающее! Сперва пошло обращение к соратникам. Потом ролик про то, как правильно готовить жратву и кипятить чайник.

Пофоткались на кухне и в коридоре, еще поели и легли спать.

Утром просыпаемся, а батя мне и говорит:

— Всё, сегодня вечером, часа в четыре, поеду.

— Как сегодня поедешь? Тут три дня же на свиданку дается!

— Да не, у меня сегодня автобус. Там работы дофига. Я ж не девка — чего мне три дня с тобой тут тусоваться? С мусорами ж приехал говорить.

— Ладно, пойду дальше баланду жрать...

— Да не расстраивайся ты. Скоро выйдешь! Нормально все будет!

— Это понятно. Ты тогда с Михалычем поговори, если откажется меня на зоне оставить — пусть хоть на пару месяцев на биржу выведет. Там и с питанием проще решить. И качалка есть. И со связью лафа — телефон прятать не надо, сиди в биндюге и говори.

— Поговорю.

Вечером собрался он, попрощались.

— Смотри,— говорю,— не балуйся там.

— Постараюсь.

Пожали руки, обнялись, и он ушел. Через полчаса увели меня. Обыскали и меня и передачу. Пошел я с баулами на барак.

И тут жить можно!

Через два дня выходит Гошан.

— Созвонился я с твоим отцом. Нормально до Москвы доехал. Говорит, что с Михалычем поговорил. Пойдешь на биржу работать, вопросов никаких к тебе нету. Он объяснил, что никаких заявлений ты писать не будешь, всё ровно, главное, чтоб ты работал. Шума не поднимал, дезорганизацию не вносил, никого не агитировал.

А сам при этом рассказывал мне, как у него на бирже сейчас принять заходить в столовую.

— Любой, кто заходит в столовую, должен кричать «Зит хай!» и вытягивать руку! По фигу кто. Таджики, грузины, русские — все кричат «Зит хай!»

— Нахуя?

— Чтоб смешно было. Пусть знают, что за зона. Пусть руку вытягивают!

— Тогда уж не «Зит хай!», а «Зиг хайль!»

— Да? Ладно, скажу, будут «Зиг хайль!» кричать.

— Гошан, а ты не думаешь, что менты решат, что это я придумал?

— А что тебе, не Прикольню, что ли?

— Может не стоит? Проблем с администрацией не будет?

— Да, не гони! Там у меня всё схвачено!

Через пару дней выгнали отряд на обед. Построился он перед локалкой. Ждем. Когда СДПшник ее нам откроет. Из штаба выходит Иван Михалыч. Увидел меня, позвал. Я подхожу.

— Я с отцом с твоим поговорил. Он говорит, на биржу работать хочешь идти? Вопросов нет — пойдешь на биржу. Но это все ненадолго — через месяц—другой тебя все равно увезут.

— Да и так нормально. Больше и не надо ничего.

А Гошан, тем временем, начал перебазировать свои штанги в помещение качалки ПТУ. Начали мы с ним туда ходить. Сперва занимались через день. Потом этого показалось мало.

— А может каждый день по вечерам качаться будем?

— Почему нет? Давай!

И стали тягать железки по два часа ежедневно, кроме понедельника. Продолжалось это полтора месяца. После ужина я переодевался, собирал пакет со спортивными шмотками, успевал сыграть партейку в шахматы. К семи за мной заходил Гошан и мы шли тренироваться.

Всё в зале было самодельное. Гриф у штанги, скажем, из трубы. На него по краям наварены трубы потолще. На них надеваются, вместо блинов, тракторные шестерни. Когда—то они были покрашены, но со временем облетели. По десять, пятнадцать, двадцать килограмм — все очень brutальные. Смотрятся крайне жестко. И гантели самодельные. И стойки для приседа, и все скамьи, брусья, турник... Помимо всего прочего, в качалке есть большое зеркало! Метр на полтора! Для зоны это больше, чем круто. Дикая редкость!

Сначала мы просто качались. С воплями, под громкую музыку, все серьезно. Потом ко всему этому добавили растяжку. И по полчаса на каждой тренировке — пресс. Причем тренировали его по—всякому. И скручиваниями, и подъемами ног, и двойными скручиваниями. Даже ударами. Становились боком друг к другу. Сначала я Гошану бил голенью по прессу двадцать ударов изо всех сил, потом он мне. Затем менялись местами и повторяли то же самое другими ногами. Это и ударную технику развивает, и пресс качает, и характер закаляет одновременно. Отличное упражнение.

Как—то на звуки нашей тренировки заглянул завхоз ПТУ, старый азербайджанец. Лицо у него от увиденного вытянулось.

— Ребята, нормально у вас всё?

— Да—да, конечно! — Отвечает Гошан, стоя с руками за головой и перекошенным лицом.

— Все ровно.— Подтвердил я и долбанул ногой по пузу. Хотя пузом это не назвать. Жира—то у Гошана не было в организме вообще. При росте на полголовы выше меня, весил он сотку чистых мышц.

Звоню я как—то своему товарищу и говорю.

— Слушай, а помоги с витаминами для роста мышц. Немножко, пару курсов затынуть.

— Не вопрос!

И отправил витамины брату Гошана в Пермь. Тот через некоторое время встречал жену одного нашего друга, московского мошенника Димы, чтобы она не заблудилась по дороге к нему на КДС. Даня её встретил, передал витамины, довез до Соликамска, посадил на такси и объяснил, как добраться до зоны. Витамины были спрятаны в банку сахарозаменителя. Она без проблем их пронесла.

Гошан сходил в гости к Диме на КДС и вынес их оттуда. Как же они повысили нам мотивацию! Сейчас будем расти! Сейчас будем заниматься! Радость — два года без них! Вот сейчас попрет! Хотя и понятно было, что сто таблеток на двоих — это не серьезно...

Феноменальная честность.

Тут произошел случай, который меня удивил. Если не сказать шокировал! Приходит завхоз КСДа и говорит:

— Димина жена выходит в воскресенье, ей такси надо вызвать.

— Собиралась же в понедельник!

— Нет, сказали в воскресенье.

А такси надо вызвать из Соликамска, чтоб она вышла, без многочасового ожидания автобуса села в такси и спокойно уехала. Стоит эта музыка одну тысячу рублей.

Гошан достал трубу, заказал машину на воскресенье.

А потом оказалось, что завхоз все перепутал, и выходила она, как и планировалось, в понедельник. Таксист приехал, прождал перед зоной два часа и уехал злой, аки пес.

— Макс, смотри, как неудобно получилось! Таксист просто так съездил!

— Расстроился наверное...—усмехаюсь я.

— Надо делать что—то.

— Что? Ничего. Другого на завтра вызывать! Это и так ясно!

— Но получается, что человека ж кинули! Обещали тысячу заплатить, и не заплатили!

Логично, конечно. Но у меня от этого начался когнитивный диссонанс. Странно это слышать от человека, сидящего за серию разбойных нападений и тяжкие телесные повреждения. Они с братом в детстве отнимали машины. Человек ставит машину в ракушку. Они подходили, били по голове, забирали машину и тут же продавали её на запчасти. Одному потерпевшему, якобы, уронили пять раз

на голову 32—х килограммовую гирию. Естественно, на суде Гоша всё отрицал. «Если бы это было так — он бы умер! Значит он врет!» Но мне он сказал «Хрен его знает, как он выжил... Дебил! Надо было сразу машину отдавать! Зачем он драться—то пролез!» После этого сказать, что Гоша законопослушный человек — значит немного преувеличить. Даже соврать. А тут такое! Нельзя водителя обманывать, надо ему деньги отдать! Звонит.

— Это Гоша, я такси заказывал на Сим.— Мат в трубке я услышал даже со шконоаря напротив.— Нет! Тут недоразумение получилось! Вы заезжайте по адресу, который я вам дам. Там Вам всё отдадут. Никто Вас кидать не собирается! А завтра Вы приезжайте в то же время, чтобы женщину забрать. Она Вам тоже, как договаривались, тысячу заплатит. Не надо материться. Езжайте, заберите деньги. Я Вас не обманываю.

Позвонил он своему товарищу, таксист бабки забрал. Перезвонил.

— Извините меня, пожалуйста! Я решил, что вы меня обманули! Не знал, что на зоне такие честные люди сидят! На воле обманули бы, а здесь на зоне все так происходит!

Хорошо всё, конечно. Но я смотрю на Гошана и думаю. Это не то, что порядочность. Это просто феноменальная честность. Я такого человека в жизни не видел! Сам—то уж и узник совести и без вины виноватый, но и в голову не пришло бы ничего, кроме как вызвать другого таксиста. Может, жизнь в Москве сказалась?

Бдительный помощник.

Прислали мне несколько бандеролей с книжками. Соратники правые присылали, НБПшники бывшие присылали.

Вызвали на вахту. Мне бандероль не положена — не так давно получал уже от отца. А дают их раз в два месяца. Но я пришел, увидел от кого и говорю:

— Там же не еда! Там книги от религиозной организации. Я очень верующий, мне они смертельно необходимы!

А помощник ДПНК меня, вроде, и знал, но повелся. Открывает — действительно книги. Я не знаю, какие конкретно, но ясно, что философско—политические. Сверху лежит книга с названием «Свобода духа». А одна из самых распространенных на зонах христианско—сектантских типографий называется «Духовная свобода». Ассоциация прямая. Он смотрит:

— Ууу... А у тебя статья—то! Я—то думал ты нацист! А ты, оказывается, просто сектант!

И книжки, не глядя, мне все эти брезгливо выдает. А там книги конкретно палевные. «Повенчаннные со смертью», « За свободу России», «Русский крест»... Если б он не поленился и посмотрел что—то кроме самой верхней, то догадался бы, что отдавать мне их не стоит. Я их быстрее в пакет побросал, расписался в тетрадке и бегом на барак.

Пришел, прохлопал их быстренько — интересная, интересная, не очень, интересная.

В одной оказались статьи и публикации политзеков. В том числе и одной женщины, с которой мы переписывались. Анна. Раньше она была в НБП, притащила в приемную ФСБ «муляж взрывного устройства» и ей за это дали реальный срок. Поехала. Вот её воспоминания о тюрьме и зоне мне в руки и попали.

Я эту книгу читаю и вижу, что очень многие моменты схожи. И опаска, недоверие со стороны администрации, куча писем от соратников, и непонимание со стороны зеков—овощей. Не то что непонимание мотивов деятельности! Непонимание вплоть до речи! Слишком много умных слов, сложносочиненные предложения, «московско—рублевский акцент». Зависть. Мне же идет грев — и материальный, и эмоциональный. А большинству зеков практически никто не пишет, никто к ним не ездит, никому они уже не интересны. Кому, вот, может быть нужен наркоман, который все уже украл из семьи, всех друзей кинул на бабки и понятно, что как только он выйдет — банкет продолжится.

Книги, которые прочитал, раздал на другие бараки людям из своего «интеллектуального кружка». В частности отдал книгу под названием «Русский крест». О том, как русский народ вымирает, спивается, деградирует, как это происходит и кто виноват. Торец у книжки подписан моей фамилией, чтоб было понятно чья она, чтоб никто на самокрутки и туалетную бумагу не пустил.

Приходит один читающий дедушка с соседнего барака и говорит.

— Максим, ты извини, я тебя подставил случайно.

— Что такое?

— Да у меня твою книгу помощник дэпэна отжал. Рустам Геннадьич. Я с ней шел, он меня остановил, увидел. А она подписана... Сейчас тебя в дежурку вызовут, приди, забери. Он, конечно, мозги поклюет... Ты извини еще раз. Спалился я...

Тут сдпшник орет:

— Марцинкевич, в дежурку!

Захожу, там Дичь Нерусская сидит за столом, книгу листает. Сам он полутатарин—полуазер. Глаза косые, сам смуглый. Всю жизнь был кинологом. Но тут поднялся, стал помощником дэпэна! Крутая должность. Имеет право зеков вызывать, что—то у них спрашивать. Начал сходу:

— Ты поясни мне, это твоя книга?

— Да, моя.

— Как она к тебе попала?

— Через бандероль. Мне её выдали на вахте.

— Да? А ты знаешь, что эта книжка экстремистская?!

— Почему это?

— Смотри, что на обложке написано. «Русский крест»! О том, как уничтожают русских в России. Ты понимаешь, что это уже экстремизм?

— Нет, не понимаю.

— Вот я тебе сейчас прочту несколько цитат и ты со мной согласишься.— Зачитывает какие—то цитаты.

— Так вы откройте страницу такую—то, там статья, написанная бывшим министром обороны России. Он написал антисемитскую статью. Почитайте. Не может же бывший министр обороны быть каким—то экстремистом!

— Не может быть!— открывает, смотрит — фотография министра в форме и его статья.— Ага... Ну, может быть и правда не экстремизм... Я тут уж судить не берусь, потому что он человек высокого звания... Но все равно книжку людям лучше читать не давать. Тут же, сам понимаешь, прочтут, не так поймут и бунт начнется. Ты—то это понимаешь, как никто другой! Специально эти книги раздаешь, чтоб бунт начать! Вон туда смотри!

Поворачиваю голову — вижу свой портрет с надписью «Склонен к экстремизму!».

— Я за тобой внимательно слежу.

— Я понял.

— Ты мне объясни. Почему вот вы скинхеды занимаетесь фигней и бьете людей! Почему не хотите отнять у Абрамовича миллиард долларов и раздать бедным?

Стою и думаю — как я ему объясню, почему мы не хотим отнять миллиард долларов и раздать его бедным? Если б мы могли отнять, то уж «бедным» бы мы его в любом случае не раздали. Это просто верх идиотизма. Загнал он меня в тупик.

— Не можешь ты мне ответить!

— Нет, не могу...

— А вот скажи тогда, почему ты сидишь в тюрьме?— странный вопрос, с подвохом, наверное,— А я тебе скажу почему. Потому, что ты не хочешь нормально работать. Ты сидишь в тюрьме потому, что это проще, чем взять, прийти в каком—нибудь регионе к власти. Победить там коррупцию, наркоманию, победить там алкоголизм и провести нормальную земельную реформу!

Ты чё, думаю, все умные слова, которые знал, решил мне в одной фразе выдать? Конечно в тюрьме сидеть проще, чем к власти прийти. Я, наверное, специально, такой debil, сел в тюрьму, потому что лень к власти приходиться...

— Да, Рустам Геннадьич, наверное поэтому. Лень меня обуяла.

— А ты мне вот еще объясни. Как ты сел в тюрьму за призывы убивать олигархов и либералов, если живешь в Москве, на Рублёвском шоссе? Папа—то у тебя самого кто?

— Кто?

— Олигарх!

Ааа... Вы с Леонидычем, походу, где—то вместе набухались и к вам одна на двоих белочка пришла!

— Я папу—то твоего видел! Он сюда приезжал на машине, ща скажу какой.— достал тетрадку, полистал.— На «Ауди Q7»! И мне предлагал взятку! Возьми деньги, передай моему сыну!

Я ему объясняю, что не могу, а он отвечает, что ты не понял, половину себе откусить можешь. Ты понимаешь, что он меня, сотрудника ГУФСИН а пытался купить?!

Ну, думаю, папа! Спасибо!

— Сколько ты денег пронес на зону?

— Каких денег?

— Тебе папа принес деньги!

- Ничего папа не принес. Он вам на шмоне по дурасти своей всё отдал.
- Я не верю! Сколько ты вынес? Сдавай добровольно, все равно я найду!
- У меня нет ничего!

Закончилось тем, что пришлось потерпеть немножко пиздюлей. Самое неприятное то, что человек вообще идиот. То деньги ему отдай, то у Абрамовича миллиард заberi, то к власти приди...

- Не верю я, конечно, что нет у тебя денег! Ну, ладно! Забирай свою книжку, вали отсюда.

Пришел на барак. Ну, блядь! Ну, Руслан, спалился с книжкой! Теперь пусть «Воспоминания Жукова» перечитывает в пятый раз, а не книги новые! Подставил как! Через час прибегает дневальный дежурки.

- Максим, там дежурный просит книжку у тебя на ночь.

— Какую?

— Вот, которую он у тебя сегодня отнял. Там все менты переругались из—за нее. Что там написано и экстремистская она или нет...

Отдал эту книжку. Мысленно с ней, естественно простившись. Всю ночь они её изучали. Ругались... Но, как ни странно, утром мне её дневальный принес обратно! Больше меня с книгами никто не беспокоил. Впечатлились, видимо, фотографией бывшего министра в форме! Мало того, после этого Дичь Нерусский стал со мной регулярно здороваться!

Зассыха.

В секции у меня жил парень по имени Саня. Парень из Питера, простой, зубов нет, алкаш по воле, маленький такой, смешной.

Он был на бараке с самого начала, как только я появился, причем один раз утром я наблюдал ситуацию, что он обоссался. И хотел застелить матрас, как ни в чем не бывало. Но дневальный нашел это все, заметил, и говорит:

— Ты что, охуел вообще!? Выноси матрас на задний двор! — Шум и вопли в его секции поднялись. Он отмазывается:

— Да я просто вспотел!

— Ты что debil вообще??!!

— Давай выноси ссянку свою на воздух проветриваться!

Вот, этот веселый случай я запомнил. Потом Саня уехал в Питер — его дернули свидетелем. Съездил туда, вернулся обратно, ближе к осени, и закинули его в нашу секцию. У нас было одно свободное место над — Андрюхой. Он раскладывает там матрас, застилает одеяло и простыни.

— Андрюх! — Говорю я и смеюсь, — Ты будь осторожен.

— А что такое?

— Да этот джентльмен писаться любит.

— Кто?! Ты что, ссышься что ли?!

— Я?! Да нет, нет! Я не ссусь! Один раз было, это так получилось, случайно!

— Так ты ссышься! Давай перекладывайся, ложись с дневальным на один шконарь!

Он все равно сидит всю ночь на палеве, а ты ночью будешь спать и так меняться.

Лег он на нижний ярус на шконаре. Никому же не хочется, чтоб его обоссали. Потому что если на тебя, даже нечаянно кто—то пописает, то ты уже становишься «обиженным», и идешь мыть параша, убирать говно, всякие другие непотребства творить... Участь незавидная. Зассыха, в общем, лег на нижний шконарь.

Утром просыпаемся — под ним лужа! У меня просто истерика!

— Ааа! Андрюха! Я просто тебе честь спас!

Андрюха смотрит, и говорит:

— Эй, ты что? Правда обоссался?

— Ну это я случайно... Это я с дороги, с этапа еще не адаптировался.

— Ты же меня обоссать мог!!!

— Да нет что ты. Я просто думал в туалет... это... и не проснулся...

Помыл он в этот день секцию, хотя было и не его дежурство. Но, так как человек насрал под шконарь, все растеклось, естественно за ним никто не будет ссанье убирать. Секцию он моет целиком. Ага...

Приходит моё дежурство, я плачу пачку «примы» Зассыхе, он все моет. Потом я заметил что если Зассыху вечером угостить пакетиком чая, дать ему пакетик после ужина... он заварит его и

полюбому обоссется! Это железная закономерность. Если он на ночь выпьет чая — утром под кроватью мокро. Причем не важно — будят его, не будят. Специально ночного дневального, с которым он на одном шконаре спал (хотя каждый и на своем матрасе) просили будить Зассыху, чтобы он сходил в туалет в 4 утра... Но в 4 идет в туалет а в 5 все равно ссытся!

Сделать ничего невозможно! Я, естественно, перед своим дежурством стал давать ему регулярно по пакетику чая. Для того что бы экономить средства. Пакетик чая дешевле пачки сигарет. Всем по началу было смешно, потому что все видели — пакетик вечером берет, утром ссыт. Я говорю, да я ведь волшебник. Потом мне говорят:

— Макс, ну ты кончай его чаем снабжать! Это ведь уже не смешно, пол прогниёт, у нас же в секции вонять будет!

— Да нет нормально! Он ведь моет начисто, не пахнет!

— Ну, блин ты прекращай!

— Да вот хуй я прекращу!

К этому времени Зассыха спал уже на голых пружинах. Матрас он свой обоссает, потом кто-то уезжает или на поселок или на этап, он меняет свой ссанный матрас на матрас этапника, поселюги или освобожденца перед тем как тот идет его сдавать... И на склад сдают обоссанный матрас. Сдали один, второй, третий, пятый... Потом кладовщик заметил эту фигню, пришел к Завхозу, пожаловался, говорит почему все матрасы с вашего барака обоссанные приходят??!! Завхоз зарубил эти обмены, Зассыха стал спать на жилах, потому что на мокром матраце спать невозможно. А за день он высушиться не успевал на улице — осень же, сырость и холод. А в секции на печке никто ему сушить бы его не дал. Сперва он спал на одеяле, обоссал одеяло, стал спать на простыне, и накрываться еще какой то тряпкой. В одежде стал спать, обоссал всю одежду. А у меня эксперимент. Я даю ему чай уже просто так, каждый день, мне интересно чем это закончится? Он ведь, дурак, понимает, что обоссется! И возьми ты выпей чай с утра — нет, все равно приходит ко мне, просит, Макс дай чайку! Я ему даю, он ссытся, у меня уже истерика, ну чем—то это закончится должно смешным!

Просыпаемся как то с утра, посреди секции размазана какашка! Наверно кто—то, ночью в сортир пошел, и там в темноте наступил в говно, если какая—нибудь сволочь мимо лунки насрала. Все охают, ахают:

— Ой, блядь!

— Чьё говно!

— Вы что так неаккуратно!

И начинаем все свои тапки осматривать. Я свои подошвы смотрю — чисто! Один тапок, второй тапок, понятно! Ну значит не я — нормально! Все смотрят, и у всех чисто. Тут Андрюха что—то вспоминает и говорит:

— Эээ, Зассыха, а ты что тапки не смотришь?

— А чего? Вдруг я вляпался!

— Я же видел как ты пизду утром подтирал простыней! Как шлюха после секса!

Я подхожу к его кровати, поднимаю подушку, а она снизу вымазана говном!

— Ты что, теперь ещё и срать начал?— спрашиваю.

— Да я это... встал... думал пукнуть... и обоссался.

Короче, он вытер жопу сперва простыней, потом подушкой, прикрыл одно другим и лег спать дальше, как ни в чем ни бывало. Утром думал, что проканает.

— Вообще умираешь что ли? — спрашивает Андрюха.

— Да... у меня с печенью, с почками беда... Простудился.

Ну, все это уже перебор! Пошли к завхозу, говорим — Саню в санчасть отправлять надо, а то он тут кони задвинет. Раньше только ссался, а сейчас еще и срать начал.

Отправили Зассыху в санчасть. Самое интересное, что он оттуда уже подал заявление на УДО,

и оттуда же освободился. Вот так ему повезло, не умер от слабости своего характера на зоне, чудом выжил. Но скольких подобная слабость губит окончательно — не передать!

Смерть кишкоблуда.

Был на зоне один козёл, который очень любил кушать, и за его службу администрация дала ему добро кушать баланду без ограничений.

На обед он кушал две «девятки» — девятку первого и девятку второго. «Девяткой» называется кастрюля, в которой 10 порций. На стол ставится «девятка» первого, которая разливается на 10 мисок, люди все это едят, потом ставится «девятка» второго, раскладывается опять в те же 10 мисок. Так вот, он съедал две эти девятки один! Я думаю — не может такого быть! Так мне человек 15 подтвердило — да, может! Мы видели, мы с ним сами спорили, он один съедал их, в одно рыло за десятерых обедал, плюс еще хлеб жрал и компот пил!

И вот он что—то накосячил, с должности его сняли, закатали в тюрьму, то есть сидел он, как простой мужик, хотя естественно, мужиком уже не был, но тем не менее досиживал он срок на общей пайке. Ему было очень голодно, он просто мечтал о том, как он выйдет и покушает вдоволь. Четыре месяца мечтал, похудел, переживал... Тут его освобождают, он выходит за ворота, ему дают деньги на проезд до дома. Дают билет и немножко денег на питание. Так как зона находится в тайге — автобус ходит два раза в день, утром и вечером. Выпустили его после того, как ушел утренний автобус, а до вечера ему тусоваться в этом поселке. Ждать автобус. Он сразу зарулил в сельский магазин, на все бабки купил там газировки и лапши быстрого приготовления. Пока ждал автобус — сожрал несколько десятков пачек «роллтона», выпил газировки, сожрал каких—то чипсов и всячески кайфовал. В итоге — к тому времени, как пришел автобус, он на остановке сидел уже мертвый! Лапша в брюхе раздулась и его убила. Этот крайне поучительный случай был назван «Смерть кишкоблуда».

Гнилые души.

Приходит как—то ко мне Курочкин, и говорит:

— Макс, дай мне сигарету.

Постоянно приходил, попрошайничал. Он и пользу приносил — наводил барыжные движения. Если надо ботинки достать или, скажем, конверты — он найдет, где можно купить, все это через него решалось. Барачным барыгой был. Я ему даю сигарету.

— Макс, если что надо, обращайся! Спасибо, выручил!

А мне тут вспомнилась серия «Симпсонов», в которой Барт продал свою душу Милхаусу. Он написал расписку на душу. Милхаус забрал ее, ходил с ней, играл. А Барт потерял смех. Смех — это язык души.

— Слушай, Курочкин! А ты не хочешь мне расписку на душу написать?

— Это как?

— Ну, как! Очень просто. Смотри, пишешь, что твоя душа принадлежит мне. И получаешь пачку примы.

— Да, ладно? Пачку Примы? Прямо сейчас?

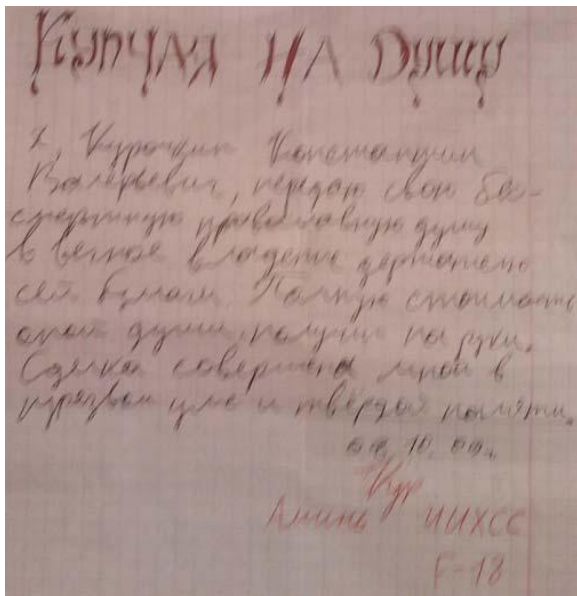
— Вот, настоящую пачку Примы тебе отдаю!

— Что правда отдашь?

— Конечно отдам! Будешь писать?

— Давай что там, напишу.

Сел, под диктовку написал расписку. «Я, Курочкин Константин Эдуардович, свою бессмертную православную душу передаю в вечное владение держателю сей бумаги. Полная стоимость оной души получена на руки, сделка совершена мною в трезвом уме, и твердой памяти». Я подписал внизу «Аминь, ИИХСС», и F18 подрисовал, как товарный знак. ИХСС — быть может, кто—то подумает, что это «Иисус Христос», но это на самом деле «ИДИ Хуй СоСи». Шуточная аббревиатурка у меня, конверты чтоб подписывать, если товарищей—язычников с пасхой поздравляешь... Курочкин выпросил у меня еще, помимо пачки сигарет, 20 таблеток сахарозаменителя, чтобы с ними попить чайку.

Подписал и думаю, что надо бы еще этих душ набрать немного. Выйду, размещу их в интернете — как пример того, до чего могут довести вредные привычки и слабости в тюрьме. Многие люди просто не верят, что чифиризм и курение ведут к таким пагубным последствиям. А из—за них—то и происходит в большинстве случаев моральное падение. Хочется, а нету. Раз попросил — дали, два дали, в третий раз услугу мелкую оказал. И покатился... До чего надо дойти, что бы это написать! Ладно, я, допустим, в эту околохристианскую эзотерику сам не верю. Но, тем не менее, расписку такую писать бы не стал. Позорно.

Ну, а Курочкину эти рассуждения о морали были совершенно не интересны. Он расписку написал, товар получил и ушел. Только я начал раздумывать над тем, кому бы еще предложить продать душу, приходит ко мне Сафар. На половину азербот, бывший баландер.

— Макс, ты же православные души покупаешь?

— Нуу... — Я даже растерялся.

— Купи и мою душу!

— Так ты же азер, как я твою душу куплю православную?

— Нет, я православный! Вот, крест смотри на мне.— показал, действительно.

— Ладно, пачка Примы.

— А это... а ты можешь еще сахарозаменителя добавить?— Я ему 5 таблеток выкладываю.— Ну, давай еще!— Я еще 5.— Давай 20!

Положил я 20, от сердца оторвал. Смотри—ка, он осведомлен о точной цене своей души! Всё, 20 таблеток положил, пишет мне расписку. Я проставил фирменные отметки.

Только Сафар ушел курить в честь выгодной сделки, приходит Зассыха.

— Я душу продавать.— Уже по деловому так, как будто в кассе метро билет покупает.

— Тоже душу продать хочешь? Там что — уже объявление висит?

— Не висит. Пачку примы дашь?

— За твою? Конечно, дам!— отвечаю ему.

Он написал расписку, получает приму, спрашивает сахарозаменитель, уходит. Прикольно! Пошел к писарю, оформлять расписки.

— Нарисуй мне несколько красивых надписей тут. «Купчая на душу», таким кровавым шрифтом, вампирским каким—нибудь.

— Давай, нарисую,— и заработал за полчаса пачку «Явы» — по стоимости столько же, сколько все трое попрошаек получили за свои души.

У меня лежит три красиво оформленных покупки. Сижу, радуюсь удачной и поучительной шутке. Тут ко мне прибегает Курочкин.

— Макс, там есть еще люди, они тоже хотят продать души! На других бараках! Я движение навел, там нормально, все выгодно можно сделать.

— Блядь, мне больше не нужны души каких то преступников! Теперь невинные нужны!

— Нет, нормальные души, невинные, православные!

— Ты что пиздишь? Невинные души! Тут одни разбойники сидят, наркоманы, воры и насильники! Невинные! Ах, ты, барыга—пиздабол, иди отсюда!

В принципе и трех душ хватит для назидания остальным. Эдак они у меня всю приму выманят

— чем за полы расплачиваться? Убрал расписки в папку, сижу читаю книгу. Опять приходит Сафар.
— Макс, а что будет со мной, после того как я душу продал?
— Да ничего пока не будет. Вот когда ты умрешь — твоя душа будет в вечном рабстве.
— А что делать—то надо будет мне? Не знаю, я твою душу продам кому—нибудь. Там пусть он решает.

— Макс, блин, отдай душу назад.

— Да забей ты!

— Я отработаю. Что надо постирать, помыть... Только душу отдай...

— Да никуды! Ты её уже продал! Ха—ха—ха!— и дьявольски засмеялся.

На другой день пришел Курочкин просить свою душу назад.

— Давай я тебе двух других приведу. Ты, главное мою душу мне отдай...

— Нет, твоя душа уже продана. Ха—ха—ха!

Зассыха тоже приполз, хоть и через неделю — долго терпел насмешки мужиков. «Душу уже продал — телом торгани! Девственнику и пачку парламента по первости могут дать!»

— Отдай душу, я месяц секцию мыть буду за тебя.

— Нет, не получишь. Я, как выйду, прямо в первые же дни размещу ваши души на торги и продам их каким—нибудь пидорасам или сатанистам. Потому, что вы поступили не по своей вере. Зачем ты крестик—то тогда нацеплял? Все будете в вечном рабстве у сатанюг!

Самое интересное, что через неделю после выхода я эти души продал, по 100\$ за штуку, что тоже очень поучительно. Кто—то ведь их купил, есть рынок, спрос. А спрос рождает предложение. Удивительно, как эта ниша оказалась еще не занятой.

Зависимость от чая.

Зависимости от чая развивается довольно легко. Заезжает какой—нибудь малолетка на тюрьму, и начинает чифирить там со всеми. Тюрьма — это не зона. Заварки — хоть жопой жуй. Это ведь модно, круто, ты что! Так же в школе курить начинают. Чифирит он там со взрослыми людьми, по—тюремному! Сперва не заметно, но в течение нескольких недель у человека развивается зависимость. Ему хочется чифирить чаще и чаще. Неприятных горько—терпкий вкус начинает нравиться. Многие ведутся на то, что это полезно — «кровь по жилам разгоняет». После чифира бодрячок наступает, охота общаться, что—то делать. Но последствия идут намного дальше. Например, в ближайшей перспективе чифир улучшает настроение, тонизирует, но если смотреть дальше — снижает пассионарность. Тягу к активным действиям, к изменению окружающего мира. Не случайно в Древнем Китае вводились чайные церемонии. И сейчас в Китае живут не «китайцы» — это собирательное название, как и «россияне». Там очень много разных национальностей. А раньше были очень сильные межэтнические конфликты, войны и этнические чистки. Вот один из императоров вел чайные церемонии. Это было обязательное мероприятие — пить чай! Но таким образом снизилась пассионарность населения и войны со временем прекратились. Человеку, который что—то хочет менять в мире надо воздерживаться чифирения. От слабого чая, я не уверен, что может произойти такой процесс, но, тем не менее, можно отказаться от него вообще.

А уж к чему приводит чифирение на зоне — опять же можно показать на примере Курочкина. Он частенько стоял в умывальнике, подрабатывал кипятильником. У него был свой пост, как у таксиста возле вокзала. Там он кипятил людям кружку или литряк кипятка. За это он забирал после чифира вторяки, если заработка не было и вторяки забрать не удавалось, то он выпрашивал третьяки у таких же кипятильников. Их он не варил — это практически бесполезно. Он просто съедал заварку! Так ему хотелось чифирнуть! И это не прикол, я видел многих людей, у которых доза чифира стала уже такой, что организм требовал слишком многого, получить это не удавалось, и поэтому они жрали просто сухую заварку! Коэффициент выше. Сухую, просто запивали водой! Это все уже дальше переваривается в организм поступает. Он думает «Где я столько возьму чифира, а если и возьму — нахрен буду заваривать, зубы портить! Лучше вот так вот, сухого чая вкинулся и пошел». Человек уже не испытывает какого либо удовольствия от чая, у него уже тупая зависимость. Пока этого не увидишь, конечно, не поверишь.

Что какой—то невинный чаёк, который все пили с детства с утра, может такое вызывать, но, тем не менее, это факт.

Я, кстати, думаю, что именно поэтому на зонах распространено чифирение, что с одной стороны тебе кажется, что сейчас все нормально, по кайфу. Плюс в будущем тебе не интересно, и не охота участвовать в чем—то, устраивать изменения общественного устройства... Мне кажется, что

«чайные церемонии» навязаны зекам, чтобы сделать их более зависимыми и слабыми.

Последние дни на Симе.

Последний месяц на зоне для меня был вообще самый лучший и приятный за всю отсидку. От меня отстали мусора, я стал общаться с Гошаном и его братом Илюхой — у меня появились и товарищи, и появилась у меня связь, и смог я наконец—то наладить тему с питанием, и в спортзал ходил 6 раз в неделю. Конечно, я понимал, что это не надолго, но тем не менее.

Один раз решил пошутить над своим товарищем, Гномом. Звоню ему.

— Здорово! 88!

— Привет, Тесак!

— Слушай, ты же разбираешься в кодексе чести национал—социалиста?— А он был у нас известен именно этим. Не только, конечно. Плюс всегда попадался на мои разводки.

— Да, конечно, в чем вопрос?

— Скажи, а национал—социалисту можно петухов ебать?

— Что?! Каких петухов?! Ты что?! Не вздумай!!!— Паника поднялась моментом.

— Нет, это я просто так спросил...

— Ты не просто так спросил! Что там сделал?!

— Ничего, не ссы! Ой, тут шухер!— И кладу трубку.

Гном потом всем жаловался, что я чуть до приступа его не довел.

Один раз получилось так, что лег я спать после завтрака. Отвернулся к стенке. Просыпаюсь от того, что кто—то по шконарю бьет ногой. Я переворачиваюсь, со словами «Кому—то жить, походу, надоело!» Оп, глаза открываю, смотрю — стоит Захарыч, старший опер. Я сразу вскочил.

— Здравствуйте, гражданин начальник!

— Что, спишь? Устал?

— Я? Нет! Просто за шконарь упали очки, доставал.

— Да? А вон они, на тумбочке лежат.

— Вот, спасибо! Я и не видел.

— Не за что! Объяснительную напишешь, почему спал в неположенное время.

— Хорошо.

Спалился со сном я и Гагарин. Сели писать. Я поведал, что в секции шла уборка, вынужден был залезть на шконарь, т.к. табуреток не хватало на каждого человека, и сидеть было негде. И получилось так что, как—то чуть —чуть прилег и нечаянно задремал... Через несколько дней вызывают меня на «крестины» в штаб. Крестины — это то, после чего я уехал в ШИЗО. Рассматривают нарушения и решают вопрос о наказании. В этот раз там сидит начальник зоны, сидит Михалыч, сидит еще несколько мастевых мусоров. Сначала пошли два парня, близнеца. Их тоже Захарыч спящими поймал. Выходят, смеются, дали им по 7 суток ШИЗО. Понятно, сейчас поеду в ШИЗО второй раз. Заходит Гагарин, выходит через пять минут.

— Блин, нормально, отделался просто выговором, без ШИЗО! Хреново, конечно, с УДО проблемы будут...

— Ну, да.— А сам стою и думаю, блин у меня в шапке sim—карта! Сейчас меня поведут в ШИЗО! Там любому тщательно обыщут и симку могут найти! А это уже дополнительное нарушение, плюс деньги на карточке, номер, все затащить сюда геморройно! Надо было спрятать в секции заранее! Как же забыл—то!

Вызывают меня, захожу в кабинет здороваюсь. Опер объясняет суть моего правонарушения.

— Вот, был спящим замечен.

— Я спал, просто прилег...

Михалыч говорит начальнику:

— Я думаю, что можно ограничиться устной беседой.— Нихуя себе, с чего это он такой добрый?— Просто парень нормальный, а мы его гнобим постоянно, и сидит за идею...

— За какую идею?— спрашивает начальник у Михалыча. И поворачивается ко мне,— А не ты у меня экстремист?

— Да, я.

— А за что выступал?

Я начинаю объяснять, за что выступал, диалог идет. Если кому пропаганду и толкать, так лучше всего начальнику зоны. Сейчас, может быть, нормально выйдет.

— Да, все правильно!— говорит в итоге начальник. — Через полтора года выйдешь, деятельность продолжай. Но ты поаккуратней, больше к нам не попадай! Все, устной беседой

ограничимся.

Выхожу. Вот это фартануло! И без изолятора, и без нарушения! Прихожу к Гошану, рассказываю ему историю

— Вообще нормально! Смотри, Михалычу, видимо, стыдно за то, что он сделал! Или боится, может чего—то... Хорошо, что батя к тебе приехал, он походу на очко сел, теперь тебя точно трогать не будут.

Все—таки надо на этой зоне как—то остаться, зацепиться — не хочу уезжать куда—то. Один раз записался на личный прием к начальнику. Стоял—стоял, ждал перед штабом. Смотрю, выходит. Значит приема уже не будет — догнал его.

— Гражданин начальник, осужденный Марцинкевич.

— Да—да, помню.

— Меня переводить на другую зону собираются?

— Да, собираются.

— Может здесь останусь? На биржу планирую выйти работать...

— Да нет, зачем тебе куда—то выходить? Уже скоро поедешь. Через неделю, через месяц — не важно, но ты поедешь. Указание из Москвы пришло.

— А куда именно?

— К Москве поближе, сейчас у нас зоны расформируют, иногородних вывозят. По месту жительства. Поедешь ближе к Москве сидеть. Там нормально, потеплее тебе будет, на свиданки к тебе ездить будут. Наоборот лучше.

Может оно и так, что действительно ближе к Москве? Да, конечно — начальник сказал. Но в итоге обманул.

Раздача подарков перед этапом.

Второго декабря я опять после завтрака режим нарушаю. Будят меня часов в 10 утра.

— Макс, что собирайся на этап!

— Пошел в жопу! На какой этап?

— Тебя заказали, с вещами, полностью.

Я встаю. Реально СДПшники кричат: «Марцинкевич, в дежурку!» Вышел из локалки, подхожу к дежурке, там помощник ДПНК.

— Собирайся, сейчас этап через полчаса! Поедешь.

— Куда?

— Я откуда знаю! Поедешь и все! Там скажут!

Пошел собирать вещи, баул паковать. То, что не стал с собой брать — отдал друзьям. Гошану отдал сапоги, кружку гигантскую, валенки... Взял свой баул, отнес его к дежурке, и вспоминаю, что у меня есть один должок на зоне! Есть козел один, который мне всячески сворачивал кровь, но при этом сворачивал её не по приказу администрации даже, а просто потому что сам пидор. При этом и в отношении простых мужиков он вел себя крайне неправильно, гнобил всячески — кого можно было пиздить — пиздил. Причем по собственной инициативе, без команды какой—либо со стороны. Так... надо ему немножко жизнь—то напоследок подломить. Побежал его ловить. Искал—искал на бараке, в секциях нету. Может, в сортире? Забегаю в сортир на заднем дворе — смотрю, точно вот он, гондон! Я его хвать:

— Ну че, пидор, попался?

— Макс, ты уезжаешь? Да?

— Да! И ты знаешь, что я сейчас тебя здесь просто убью? Убью и еблом в парашу засуну, что бы ты жил тем, кем должен жить весь оставшийся срок!

— Макс, не надо, ты что! Не надо, блять!

Уебал ему коленом в живот, несколько раз по хребту. Он чуть повыше меня, но подохлее, сложился.

— Макс, пожалуйста!

— Ах, вот как, сука, заговорил! Тебя мужики просили «Пожалуйста!» Ничего, тебе похуй было, палками долбил!

Начинаю его бить ребром ладони в затылок, он пытается встать — и раз рука, по локоть ушла в говно! Он попал в очко — я его пытался окунуть туда его головой, подтаскивал, ударами подбивал.

— Ай, все, пожалуйста, хватит...

— Может запихнуть тебя целиком туда?

Глубоко. Глубина метра два, наверное! В принципе весь бы в говно ушел.

— Не надо! Я тебя прошу!

— Ладно, хрен с тобой, так живи!

Оставил его в туалете. Может, как—нибудь руку вытрет? Нет, у него это не получится скрыть — люди видели, что я туда побежал. Они будут смотреть, как оттуда этот козлик выползет.

Вещи все мои уже все у дежурки стоят. Попрощался на бараке с теми, с кем общался.

Успел еще от дежурки зайти к Гошану. Он на бирже, на работе! Обидно! В секции сидит его брат, по телефону говорит. Судя по выражению лица — с девушкой.

— Все, Илюха, поехал! На этап меня заказали!

— Давай, Макс, родной, удачи!

Оставил ему немножко вещей на память.

— Позвони моему бате и друзьям, передай, что я тронулся!

— Всем отзвоню. Не пуха!

Попрощались, обнялись. Вернулся к дежурке, взяли мы баулы и пошли в изолятор. Там просидели полтора часа. Там нас, десять человек, обыскали. Потом погрузили в автозак. И вот поехал я опять на «Белый лебедь».

«Белый лебедь», возвращение.

В автозаке было несколько поселенцев, которых переводили через суд на общий режим — один нарушитель режима и тот балбес—побегушник, было несколько человек, переводившихся с общего режима на поселок — это тоже решает суд на «Лебеде» и несколько человек, которые подали заявление на УДО. У них был суд с выездом на «Белый лебедь». Те, у кого есть благодарности, и решение может быть только однозначное — проходят суд заочно. И был еще я, который ехал хрен знает куда.

С собой я повёз 700 рублей наличными, спрятал их в гелевой ручке. Сейчас на «Лебедь» приеду, надо будет как—то вопрос с опиздюлениями решить. Неохота опять по жопе киянкой получать, ребра чтобы ломали... Главное здесь проскочить — дальше так не беспределят. Если, конечно, дальше в глубь России—матушки не повезут. Вопрос решить столь скудными средствами — не ясно, получится ли. Но соликамские козлы — это же не гаишники с Рублевки. Не так развращены легкими деньгами... Хотя с возвращенцами обращаются проще, чем с теми, кто едет с централов. Возвращенцы не блатуют, не отказываются работать... В то время, как я ехал на зону, работали на «Лебеде» только поселюги — они раздавали баланду, мыли полы, чистили овощи, еще какие—то хозработы выполняли. Но в этот раз уже работают и общий режим и поселок. Только строгалики сидят в камерах. Надо и это в ту же сумму урегулировать, не охота на морозе снег две недели убирать, тем более что зима холодная, температура на улице уже под —30 опустилась!

Приезжаем, нас закрыли в комнату, в которой били, когда я ехал на зону. Мы там сидим час, два, три, четыре — и никого нет. У одного уже появляется нужда сходить в туалет. Он начинает на стены лезть, в дверь долбится. Понятно, что если разозлить козлов и орать выведите меня в туалет — они тупо придут и просто—напросто изуродуют. Нашли у одного поселюги литровую бутылку с кетчупом. Ему передача пришла перед самой отправкой отправкой на «Лебедь», прямо в изолятор отдали. Мы этот кетчуп дружно выпили. Мученик нассал в бутылку — довольный сидит, ему больше вообще ничего не надо.

Тут приходят козлы, начинают обыск. Всех ставят лицом к стене, руки за голову.

— У кого есть запрещенные предметы — деньги, сотовые телефоны, сим карты, иголки, сдавайте добровольно. Найдем у одного — выебем всех!

Я поворачиваюсь, подхожу к старшему из них.

— Деньги есть.

— Пойдем, поговорим.

— 700 рублей наличкой есть, что ты можешь за них предложить?

— Что, нормально будешь сидеть, тебя пальцем никто не тронет, если не будешь режим нарушать, на хозработы гонять не будут.

— Договорились.

— Правильно подошел! Уважуха! А за что сидишь—то? Статья странная...

Я ему ситуацию обрисовал,

— Сам их всех не ненавижу, пиковых! Макс, вообще можно же как то ведь с чурбанами по— другому бороться.

— Как—то можно. Знать бы, как именно еще. А у тебя что?

— У меня 105, второй раз сижу. 17 лет дали, вот тут козлю потихоньку.

— А как освободиться—то думаешь? Не будут ловить?

— Да что мне об этом думать — до этого еще дожить надо.

Поговорили, отдал я ему 700 рублей. Отвели нас в душ, мы помылись. Отвели в камеру. Я в ней сидел, когда ехал на Сим, но тогда в ней было 45 человек. А теперь, нас в ней оказалось всего десять человек.

Но вечером в камеру стали приводить народ с хозработ, и камера забилась, человек 30 в ней оказалось. Люди с утра уходили на чистку овощей — на территории бомбоубежища овощесклад. И там работяги чистят картошку, морковку, капусту перебирают. Чтобы было из чего готовить жратву для зеков.

Плюс еще пришли люди с уборки территории — им надо было грузить лопатами снег в тележки, носилки, тачки и носить его в плавилку. Это контейнер, внутри которого уложены трубки с отверстиями, из которых бьет горячая вода. Засыпаешь туда снег, горячая вода его «разъедает», и снег утекает в канализацию. С территории снег убирают постоянно. Мало того, специальными палками, у которых на концах прикреплены короткие распушенные металлические тросы, как щетками, соскребают с асфальта самые даже мелкие кусочки льда. А затем начисто подметать швабрами. Что бы было чисто так, как будто снег и не падал вовсе.

Это на самом деле геморрой, особенно на холоде. Приходят люди, у них просто сил нету — падают, рожи у всех красные с мороза. Что—то быстро съедят, и отрубятся.

Приходит утро, меня будят, в камеру принесли завтрак. Позавтракали кашей с хлебом и чаем. Хлеб, после симского — полное дерьмо! Сейчас проверка будет. Матрацы сложили, баулы сложили, как положено. Прошла проверка, увели несколько человек на чистку корнеплодов, приходит завхоз вчерашний, с которым я общался, Серега.

— Сейчас, кого называю, идут на уборку снега.

Называет нас человек шесть, и я в том числе. Блин, вчера же с тобой договорились! Выхожу, он отвел нас на хоздвор. Показали плавилку, раздал инвентарь.

— Надо вот этот снег собирать, здесь все лопатами счищать, сгребать, и в плавилку носить!

Носим туда—сюда, плавим. Холодина — не остановиться, замерзаешь сразу же! Он выходит из биндюги.

— Макс, зайди ко мне.— я захожу, сел. Он меня угостил чайком с конфетами.

Поговорили с ним за жизнь, за политику, за потерянное время...

— У тебя телефон—то есть? Мне отзвониться надо.

— Телефон есть, но ты сам понимаешь, могут твоих друзей слушать. Если у тебя такое дело, что переводят аж с зоны... Давай ты просто спокойно посидишь тут до этапа, я тебе условия создам, что бы никто до тебя не доебывался, не пиздил, ни куда не дергали. Но звонить я тебе не дам, стремно больно.

— Понял. А сегодня—то что выдернул? Вчера же все решили.

— Пообщаться захотелось. И тебе что в камере днем сидеть? Скучно, наверное...

— Нет, мне бы вполне нормально было в камере посидеть.

— Ладно, что, сейчас тебя назад отправить?

— Да нет, давай уже сегодня—то с мужиками поработаю, раз выполз. Зря, что ли качался?

Ходили, грузили снег, туда—сюда таскали, катали. Замерзаешь как незнамо кто. Заходишь на несколько минут погреться в бойлерной, и все — побежал дальше таскать телеги. Самое мерзкое — это здороваться с мусорами, потому как мусора ходят постоянно, и как только они появляются в поле зрения, надо остановиться, прекратить работу, выстроиться вдоль тротуара, и дружно сказать «Здравствуйте, гражданин начальник!». Такая смешная процедура, но если её не соблужи, то лучше, наверное, и не рождаться было бы.

Привели вечером в камеру. Упал, сил вообще никаких нет, руки—ноги промерзли, спина болит. Да ну нахуй! Лучше буду в камере сидеть, книжки читать! С детства не люблю бесплатный физический труд! Русский человек должен работать головой или заниматься творчеством, а не на вредных и тяжелых производствах тупеть. И уставать. Я специально в институте на инженера учился, что бы не руками работать, а думать!

Приходят ребята с корнечистки, естественно они уже сытые — потому как там и кормят лучше, и пайку дополнительную можно взять. Но один из них спер тертой морковки. В пакет начистил и в карман спрятал. А заодно приволок вторяков. Перед самой камерой его обыскивают,

нашли у эти вторяки!

— Ты, сучка!— бац по ебалу,

— Ты че, крыса! Тебе же сказали — нельзя чай в хату проносить!— Хуяк, еще несколько раз по ебалу.

Вот реально болван! Ему объясняли, он не поверил. Очень многие люди пытаются показать свои нонконформистские настроения в неуместных местах. Если тебе сказали чего—то не делать, сказали не просто так, ты понимаешь, где ты. Понятно, что если ты это сделаешь — тебе дадут пизды. Потерпи ты! Ну, не попьешь ты чифира неделю. Ты приехал на УДО, ты через десять дней окажешься дома! Нахрена ты эти глупости творишь, провоцируешь, чтоб тебя по еблу били, сучкой называли — не понятно!

Глупости эти люди постоянно делают, наступают на одни и те же грабли. Приволокли его в камеру, бросили. Мужики затащили его на нары, положили, лег он спать.

Приехал ночью еще какой—то этап, но это уже были не возвращенцы, а наоборот люди, которые ехали с тюрем, на зону. Вот один из них, что—то долго на меня смотрит.

— Я тебя где—то видел!

— Я не знаю, — ответил я ему. Не хотелось затевать пропагандистскую кампанию после тяжелого дня.

— А мы с тобой не сидели?

— Нет.

Легли спать. На следующий день он продолжил.

— Где—то я тебя видел... Ааа вспомнил!!! Я же тебя по телевизору видел!

— Вполне может быть.

— Ты же Тесак!

— Да, я.

— Как раз, не так давно передачу про тебя смотрел!

Думаю, нормально, сию уже два с половиной года, а меня еще люди с воли узнают. Это как то меня немножко порадовало. Начали общаться. Я достал сухое молоко, он — кофе и шоколад. Сидим, разговариваем. Парень такой вменяемый, адекватный. Едет, знает, что будет козлом, потому как сидит не первый срок, и все время был завхозом. Объясняет мне свое отношение к козье движухе. Тебе дают барак, ты должен поддержать на нем порядок, и сделать так, что бы он развивался, ремонтировался. Что бы люди как—то двигались, тянули что—то на зону. У тебя есть добро на телефон. Ты подтягиваешь мужика, разговариваешь с ним, узнаешь, как он себя чувствует по воле. Есть ли у его родителей, у товарищей деньги, готовы ли они этими деньгами поделиться, чтобы ему нормально сидеть. Если готовы поделиться чуть—чуть, то будет сидеть более—менее нормально. Если готов поделиться хорошо, то будет и сидеть хорошо. И, соответственно, идет на УДО раньше. Если денег нету вовсе, то как—то надо своим трудом приносить пользу бараку — мыть полы, чинить, строить, выносить мусор. Потому как основная постанова — это то, что каждый должен приносить пользу. А как ты будешь ее приносить — допустим, затягивать стройматериалы, или убирать мусор

— это уже другой разговор.

Естественно, затягивать намного эффективнее. У тебя куда выше статус на бараке становится. Много становится позволено. Там нужны не столько деньги — на зонах нету ничего. Нужны гвозди, нужна краска, нужны инструменты, нужны телевизоры, чайники, кипятильники, плитки для потолка, нужны шторы, карнизы, обои, клей, краска. Все, что продается в строительных магазинах, на зоне это имеет тройную ценность.

И задача завхоза — именно стимулировать затягивание на зону всяких стройматериалов, и других материальных благ, любыми доступными способами. Кнудом и пряником. Затянул — получаешь немного свободы, получаешь возможность звонить домой, получаешь поощрения, получаешь УДО. Если ничего не затягиваешь, то так же к тебе, соответственно, относятся — ты, видать, ни кому не нужен, никто не помогает. Ты выполняешь тяжелую работу по бараку.

По его словам, нашел аналогию между козлиной движухой и компьютерной игрой типа «Цивилизации». Это в принципе интересно. Ты сидишь, собираешь информацию на зеков — кто что сказал, у кого что есть, кто что имеет, кто что говорит, кто что хочет... Занятие интересное, но тут легко перегнуть палку и начать себя вести не по человечески.

Завхоза дернули к операм. Распределение же, узнать надо, кем сидеть хочет, не хочет ли остаться на ТПП. Распределили его на Сим.

Два дня я еще в хате просидел, и заказывают меня на этап.

— Куда везут?

— В Екатеринбург.

Я парням, которые возвращались на Сим, говорю:

— Передайте Гошану, что в Екатеринбург меня повезли. А дальше куда — хрен его знает. Если смогу — отзвонюсь, как будет информация.

Странно, как это меня везут в Москву через Ебург?, Это другая сторона Урала, это уже Азия! Пути ГУФСИНа — они вообще неисповедимы, они могут и в Рязань везти через Париж, могут и Москву через Екатеринбург. Тем более что Ебург считается всероссийской пересылкой. Всё может быть. Не хотелось бы, конечно, на Колыме оказаться, или в Омске... Да и это переживу — тринадцать месяцев всего осталось.

Заказали меня, вышел. Конвой уже ждет. Прошмонали, посадили в автозак меня и еще какого—то цыгана—поселюгу, и мы поехали на Ж/Д вокзал.

Поезд за Урал.

Перегрузили, как обычно, «руки за голову», в снег выпрыгнули, подвели нас к вагону, закинули там еще несколько человек, забили в «купе». Забили почти полностью — человек 10 в купе, и в вагон «столыпинский» тоже был забит почти целиком. Я втиснулся. Так, надо лезть на самую верхнюю полку и спать. Устал что—то. На «Лебеде» не высыпаться — днем спать нельзя, а ночью базарил... Залез на самую верхнюю полку, только собрался спать, тут раз — сейчас будет шмон. Покемарю, пока первых обыщут — часок на это уйдет. В автозаке было холодно. На улице уже —25, пока стояли несколько часов, ждали вагон — околел. Думал, сдохну там. Причем сидишь, двигаться негде. Хорошо конвой курить не разрешал, так что хоть горло не болело. Достал полотенце из баула, ноги прямо в шерстяных носках, кроссовках, снаружи еще и обмотал. Один хрен, думаю, сейчас пальцы нахрен отвалиться! Залез погреться, тут меня называют по фамилии. Первым на обыск.

Вывели, а к тому времени я успел узнать что в вагоне едут строгий режим, особый режим, и поселенцы, т.е. общего режима не было. Наверное, с общего начинают. Привели меня в маленькую камеру — маленькое купе, скажем так. Там всего три шконки, одна над другой. Камера узенькая, половина обычной — в таких обычно проходит обыск.

Меня обыскали, значит сейчас приведут следующего. Закинул баул на верхний шконарь, сам залез. Пусть шмонают. Лежу полчаса, никого нет. Час — никого не ведут.

— Командир, а что я, один что ли поеду?

— Да, один поедешь.

Замечательно. Оказывается, у меня какая то спец—тачковка, ехать должен один, ни с кем не общаться... Разлегся, на нижнем ярусе, книжку открыл, лежу читаю. Как раз лампа напротив купе. Читаю книгу про основателя «Общества сознания Кришны», Свамиджи Прабхупаду. Короче, индус был такой старенький, который всю жизнь барыжил фармацевтикой в Индии. На старости лет ему в голову пришло, что неплохо бы весь индуизм адаптировать для европейцев, и поехал он в Америку проповедовать хиппи о Кришне. Набрал каких—то хиппарей. Говорит, можно торчать, и не употребляя наркотики! Только надо петь «Харе—Кришна—Харе—Рама»! И все будет круто, весело, улетаешь еще круче даже, чем с ЛСД. Долго ли, коротко ли, он набрал себе толпу идиотов. Они стали ходить, «киртаны» устраивать, продавать его книги, а он переводил с индийского языка на английский кришнаитские тексты. Естественно, трактовал их по своему и технично встраивал в них основу своей секты... Этот дедушка—индус авантюрист еще тот, покруче даже чем Григорий Грабовой, и, наверное, даже чем Сергей Мавроди...

Тут конвойный подходит, стоит—стоит, свет мне загораживает.

— Что надо—то, начальник?

— Ты же Тесак?

— Ну и что?

— А что ты такую хуйню читаешь? Ты что, сектант что ли? Я же думал ты нацист!

— Я нацист. И что, мне нельзя читать как хитрые индусы деньги на идиотах зарабатывали?

— А... тогда нормально. А то я подумал — вдруг ты сектантом стал? В тюрьме всякое бывает...

— Это ты к чему?

— Да, блин, вот я сам нацист. Понимаешь, у нас в городе вообще хачи беспределят. Мы собираемся, пиздим их. Вот на той недели случай был — девчонку пытались затащить в такси. Мы

поймали, избили всех... Что—то мне рассказывает. А я лежу на этом шконе и думаю.

Какое—то дежавю. Опять

конвойный прочитал на сопроводительных документах фамилию, фотографию все посмотрел, что—то вспомнил и пришел общаться...

Часа три в итоге вел политическую дискуссию с молодым конвоиром. Потом вышел его начальник, говорит:

— Прекращай ты это дело! Ты что? Потом кто—нибудь распишет тебя, что вел на политические темы! Давай, уходи отсюда!

Выгнал его, сам со мной поговорил минут пятнадцать и тоже свалил. Что самое обидное у этих ментов, ну и вообще у большинства обывателей, которые выражают нам поддержку — они просто не любят хачей. Весь их национал—социализм заканчивается на том, что «Я не люблю хачей!» В крайнем случае кто—то говорит, что они отнимают работу, насилуют женщин... Но на самом деле это даже не бытовой нацизм — это чисто физиологический расизм. Они не любят ни негров, ни косых, но они не более чем овощи. Какое—то философское сознание того, что национал—социализм — это иное понятие о свободе, о справедливости, об ответственности им вообще чуждо. Просто они не любят хачей. Таких людей очень много. Но если на воле мне всегда этого хватало, что бы начать с человеком диалог, начать его уважать, то в тюрьме я понял, что это совсем не повод для уважения. Если человек «ненавидит хачей» — он просто обычный человек. А если он говорит «я всех люблю», то это не человек, а вонючая амёба.

Ты, хоть, книжек прочитал бы. Может, философов. Думать начал бы. Дело не просто в нелюбви. Ну, не было бы хачей в России, не было бы негров, китайцев — и что? Лучше было бы в сто раз? Я не уверен! При нашей нынешней морали, русские точно так же спивались бы, кололись бы, проводили бы гей парады, антифашистские митинги, либеральные реформы — просто так же разлагались бы и вымирали, только и всего.

Здесь полностью надо перестраивать мораль общества. Именно мораль. У нас сейчас свобода понимается как? Ты можешь делать все, что не мешает окружающим! Ты можешь спиваться, скалываться, долбиться в жопу, смешивать свою кровь, гнить и деградировать. Вот здесь сидит серьезнейшая проблема! Люди думают, что они никому и ничем не обязаны. «Эта жизнь» — только их! Но это же не так! Каждый обязан своим предкам за то, что он родился белым и русским. Они сражались, защищали свою землю, свою нацию и расу. Для чего? Чтобы «пепс» мог кайфово тусонуться? Вряд ли.

Свобода должна быть только в направлении развития. Хочешь учиться — пожалуйста. Даже если родители бедные. Хочешь заниматься спортом — к твоим услугам секции, катки, залы, бассейны. Хочешь заниматься творчеством — кружки, студии, мастерские... А вот если соберешься деградировать — тут уж извини. Стопэ! И наркомания. И алкоголизм — это преступления, а не болезнь. Необходимо ввести понятие ответственности перед нацией, изменить понятие свободы. Некоторые люди это понимают, но для того, что бы это полностью осознать, нужно обратить на это свое внимание, не просто «задуматься» над этим, а нацелить все свое внимание на осознание этого факта.

«Выгоним чурок, и все будет нормально!» Да не будет все нормально!

Я, когда был маленький, однажды видел сон. У метро «Молодежная» собралась толпа скинов. И пошли мы по Ярцевской улице на Можайское шоссе. По дороге из дворов вливаются новые и новые люди. Все в бомберах, джинсах, камуфляжах, тяги спущены — готовы к бою! По Можайке дошли до Поклонки, там уже вся проезжая часть на несколько километров забита скинами. У всех арматуры, палки, цепи... Дошли до Белого дома, Мериин, Кремля, сметая на своем пути хачей и мусоров. Проснулся довольным — вот она, Белая Революция! Тут—то и наступит русская власть в России.

Но став чуть постарше я понял, что не все так просто. Что нужна организация, нужно агитировать скинов вступить в нее, чтоб вот они были организованным, единым кулаком, вот тогда все получится, захватим мы власть.

Потом—то я понимаю, что и одних скинов не достаточно, что скины — это просто будет пушечное мясо, которое уничтожат на подходе к Кремлю. И Кремль это не то место, захватив которое начнешь управлять страной.

С каждым годом мировосприятия становился все сложнее и сложнее... Я даже боюсь представить, что будет лет через 15 у меня в голове.

Ёбургский централ.

Приехали в Екатеринбург. Высаживают нас, перекидывают в воронку, привозят на Екатеринбургский централ.

Сперва, как обычно, называешь фамилию конвойным, там сверяют с карточкой. Потом подходишь к окошку, опять называешь фамилию, смотрят, сверяют с какими то данными в компьютере. Разделили всех на бывших служащих, на козлов, на мужиков. Нас, мужиков, в отдельный боксик. Общий и строгий режимы. Ждем шмона, делать нечего, все тусуемся, общаемся. Камера метров 10 на 6 наверно, опять же двухъярусные нары, все стены исписаны: «ПТ из Калининграда», «ПТ из Красноярска», «ПТ из Новосибирска», «ПТ из Москвы», «ПТ из Питера». Все исписано, нарисованы схемы движения поездов, как этапы идут, откуда. Реально со всех городов России. Не зря Ёбург «всероссийской пересылкой» зовут.

Сейчас—то меня точно напрямую до Москвы! Один парень едет в Питер, тоже из Перми — зачем его завезли за Урал?

Опять с кем—то заговорил, рассказал про статью — началось опять агитация. «В России все плохо, смотрите, как за призывы наркоторговцев вешать меня посадили!» Опять полкамеры собралось, уши греют.

— У! За наркоторговцев посадили! Да они пидоры, их всех убивать надо!— горячился один.

— Смотри, ты сейчас все это говоришь, а вот менты услышат — тебе тоже трешку дадут!— Пугаю я внутрикамерного экстремиста.

— Сучья власть, ненавижу!

— Да вот прикинь, если ты скажешь, что педофилов надо убивать, так тебя и на 5 лет посадят!

— Все в правительстве педофилы! Всех убивать надо!

Вот как на пересылках хорошо агитировать! Никто ничего не боится, никто не кого не знает, никто не настучит...

Чувствую себя чистым революционером. Весело. Час поговорил, ну полтора, уже язык болит, во рту пересохло, и не жрал давно, и не пил. Когда едешь в «столыпине» — лучше ничего не пить и не есть. Потому как захочется в туалет, а хрен кто выведет. Пожрать ничего не дали, зажали паек в Соликамске. Развел сухого молока с водой, выпил, вроде более—мнее и голод и жажду убил.

Смотрю парень нормальный стоит, интеллектуального выражения глаз. Начали с ним разговаривать — мошенник, жил в Москве, решил в Ебурге денег срубить. Приехал, кинули какую—то фирму, ну и спалились, закрыли его.

Он мне объясняет положение:

— Вот 6—ой корпус тут есть, и 3—ий. На одном корпусе сидят второходы и строгий режим, здесь сидят первоходы. Есть спецблок. Сейчас переводят меня со спецблока на общий корпу. Там нормально все. Централ черный, в каждой камере смотрящий, есть дороги, есть телефоны. Мусора ни кого не бьют, все проплачено, козлы не борзеют.

— Я так—то в нормальной, людской хате был полдня, всего полдня в Перми! Хоть посмотрю, как тюрьма настоящая выглядит, пообщаюсь с людьми.

Открыли с ним банку сгущенки. Открывалки у него, конечно, не было. Открыли банку прямо об стену. Её трешь кромкой о цемент, быстро вращаешь в разные стороны, жесь стирается, и банка спокойно открывается. Выпили сгущенку, и так она вкусна мне показалась. Наверное, торт «Наполеон» на воле не так вкусен, как банка сгущенки в тюрьме.

Кругом чистой воды бластная романтика. Ничего нет, мороз в хате, стекло в окнах нет —

пустые проемы, все курят, дым коромыслом, спать уже охота становится. Просидели часов восемь. Голод вернулся, а сгущенки больше нет. В голове сочиняется письмо для девушки. Описать, как я тут сижу, как мне тут скучно, как я хочу её увидеть — такое сознательное пиздострадание, чтобы отвлечься от мыслей. Для заключенного это нормальное состояние — страдать по девушке. А страдать от того, какой ты бедный, несчастный, сидишь — это зазорно. Поэтому начинаешь в голове писать письмо, начинаешь вспоминать, как гуляли где—то, разговаривали, целовались — естественно, этого адски не хватает.

Наконец—то шмон! Обыскали, изъяли у меня красную ручку!

— Это же запрещено! Ты что? Не знал? Смотри, красная ручка!

— Забирай тогда её нахрен! Если он такая запрещенная!

Прошмонали нас , спустили в подвал. Сейчас будет прожарка и баня. Вещи все сложили, сидим, ждем опять. Пол часа сидим, час, полтора часа ... Хорошо, что не холодно, я уже так на бауле задремал. И тут какие—то строгалики начинают долбить в дверь ногами!

— Открывайте, пидоры! Вы что, охуели?! Мужиков тут морозите!

Баландеры ходят, говорят «сейчас, подождите пару минут, мы у вас возьмем вещи на прожарку». Они успокаиваются, ждут десять минут, козлы не появляются. Давай снова дверь долбить:

— Сейчас мы всю тюрьму разнесем! Вы что, охуели? Открывайте двери!

Один долбит с ноги, причем довольно весомые удары. Только выдохся, второй вышел долбить, третий...

Не фига, какие мы деловые! На «Лебеде» бы вы так постучали... Уже у всех бы жопы синие были!

А тут понятно, что положуха позволяет, централ черный значит, менты дубинки не применят, козлы не кого не отпиздят, не обоссут, можно выебываться. И один меня заметил, решил припахать.

— А ты что сидишь—то? Смотри, какой здоровый! Давай дверь ломай с нами!

— Нет, я дверь с вами ломать не буду точно.

— А что ты? Мужиков не поддерживаешь?

— Нет, в этом я мужиков не поддерживаю. Я с «Лебеда» еду. Там не мурчал, сидел спокойно, двери не ломал. А здесь я буду благовать по—возможности?

— Из—за таких, как ты, нас морозят!

— Не из—за таких, как я, поверь.

В принципе, если бы они сломали дверь, там все прокатило. Но через несколько минут прибежали менты, там уже чуть—чуть осталось.

— Ребята , извините, недоразумение вышло, сейчас всех в душ отведем! Давайте, общий режим выходим, идем мыться!

Нас вышло человек восемь, общего режима. Душ не плохой. Практически, как на воле общая

баня. Кафелем все выложено, пол нормальный, сливы работают. Дали помыться минут 30, от души, и повели в камеру.

Настоящая тюрьма!

Зашел в камеру. Там всё построено по— деловому. Камера маленькая, семь на шесть метров, стоит десять шконарей. На эти десять шконарей сидит человек двадцать пять народу. Но порядка никакого нету. Если не «Лебеде» сидят — у всех баулы закрыты, вещи сложено, пол подметен так, чтоб ни пылинки на нем не было, то здесь — все разложено. Везде полотенца, весь пол заставлен тапками, застелен тряпками и матрасами, баулы кругом стоят, вокруг параши все обклеено порнографическими картинками. Умывальник весь в кусочках мыла. На дубке стоит гора всевозможных кружек, мисок, контейнеров, везде жратва навалена. Все шконари завешаны шторками из простыней и полотенец. Кругом весят канатики. В хате две каборы — дона идет наверх, а другая вбок. Хата сквозная, через нее постоянно идут груза, малявы, курсовые, точковки. Смотрящий за хатой по кличке «Наркоман». Маленький, похожий на бабку, но все еще с мозгами. Видно, что проколотый на всю голову, пронирыливый, постоянно суетится, спрашивает, смеется. Одновременно что—то записывает, передает. Кому—то что—то объясняет, отсылает, движуху наводит. Спросил у этапа фамилии, имена, погоняла, откуда едут, статьи, все записал и отправил. Эти курсовые нужны для того. Чтобы все знали, кто заехал. Чтоб можно было найти того, кого ищешь. Или чтоб обиженный мужиком не притворился. Или гад. Или крыса. Хотя всем, конечно, пофигу. Скорее формальность. Но выполнена с таким деловым видом, что меня даже смех пробрал. Теневая бухгалтерия!

Сели общаться с «Наркоманом» — оказалось, что политику партии он разделяет и выступает радикально против наркотиков. Причем рассуждает здраво. Если не внешний вид — а он говорил о том, что здоровья там года на два—три, его можно было бы смело на митинги выгонять. Имел бы успех, до того убедительно говорил. Общались с ним, вроде, и ни о чем, но в тоже время и обо всем. О том, как можно казино на деньги выставлять, о том, как мышцы накачать, о том, как первентин варить, как девок кадрить. Спелись с ним довольно быстро.

Еще был мужик, лет сорока, по кличке «Птица». Он возвращался этапом на лагерь «Харпы».

— А ты же политический?

— Да, есть немного.

— А я сидел на одном бараке с политическим. С Платоном Лебедевым.

— И как он?

— Нормальный мужик. Без пафоса, без понтов! Но только тяжело ему сидеть.

— Почему?

— Понимаешь, у него же денег дофига, но у него никто ничего не берет. Он затынет передачу.

Помочь кому—то сигаретами, чаем — не вопрос. Но идет собрание отряда. Отрядник говорит, что, мол, надо купить футбольный мяч. У кого есть возможность? Мячик стоит—то триста рублей. Но это ж надо купить, привезти, чтоб кто—то его на свиданке передал. Лебедев говорит «Дайте, я куплю на всю зону по мячику. Какие вопросы? Зачем бабушек напрягать, мам, жену, которые на воле на последние копейки живут?» Не—не—не! От Вас ничего не надо! Приходит зима, все начинают убирать снег. Убирают, естественно, лопатами. С утра до вечера. Это очень энергоемкая, тяжелая, неприятная и порожняковая работа. Опять собрание отряда. Лебедев говорит: «Давайте я куплю снегоуборочную машину? Будет маленькая такая на зоне ездить, снега вообще никакого не останется! Она и подметет, и уберет, всё чисто будет. Зачем людей мучить?» Нет—нет! Ничего от вас не нужно.

Будут убирать лопатами. Не надо, чтобы быстрее, или чтобы лучше — надо, чтобы вы заебались!

Рассказал, что и пизды он получает, как все. И кровь ему сворачивают. Я раньше был уверен, что, если человек сидит с деньгами, то сидит он полюбому хорошо. Посидев в СИЗО 99/1 понял, можно создать условия, в которых и олигарх будет также ограничен во всем, как и простой смертный. Даже сильнее. Но на зонах—то они нормально сидят! Оказалось нет. Оказалось, что если ментам из Москвы строго погрозить пальцем и сказать «Вот только попробуйте что—нибудь у него возьмите! Только попробуйте — сами там окажетесь!» И всё! Ничего не захотят, УДО не дадут, никаких поощрений, никаких «исключительных возможностей» нет.

На следующий день заказывают камеру в баню. Что интересно — хата этапная. Все же грязные — не постираться, как следует, не помыться. Постоянно воняешь. Максимум — подмышки и ноги под краном сполоснул, полотенцем вытер, и вся гигиена. Но в душ идет всегда максимум треть зеков. Остальные остаются в камере сидеть чертями. Отшучиваясь, что «Черт — это не масть! Этап месяц всего. Ничего страшного, если не помоюсь!» А для меня даже неделю не мыться — уже отвратительно.

Когда выходили из камеры, я увидел, что развозят обед. Первое, второе и кисель. Хлеб дают утром на весь день, на всю камеру. Ясно, что кто—нибудь на всех баланды возьмет, придем — поедим.

Помылись, вышли в раздевалку. Смотрю, ребята достают двухлитровую бутылку. В ней, похоже, кисель, который развозили. Молодцы, какие! Прихватить успели! Пить—то хочется.

— Макс, с нами будешь?

— Давай, конечно! Чего не попить—то!— Дали мне кружку, делаю глоток — кисель больно на квас похож.

— Как тебе?

— Нормально. С изюмом! Класный кисель.— Выпил кругаль.— На белый квас похож! Только, мне кажется, подбродивший...

— Это не квас!

— Как не квас?

— Да это брага!

— Я ж не пью!

— Да она слабая. Так, повеселее тебе будет немного, и все.

Никогда в жизни не пил, а тут подсунули бухла! Вроде и не скажешь, что сволочи. В тюрьме угостить брагой — признак уважения. Откуда ж они могли знать, что я ее и не видел такой ни разу? Хрен с ним. По вкусу — чуть—чуть крепче кваса.

Пришли в камеру, немного посидели, поиграли в шахматы с Наркоманом. Тут чувствую, что меня в туалет тянет. Пошел, погадил. Жидко—сионистско! Прошло полтора часа, а у меня уже несварение желудка. Все нормально, просто баланды не той сожрал. Проходит еще пол часа — опять туда же, спустя еще сорок минут снова! Температура поднимается, залез на шконарь, закутался в тряпки и одеяла. Что же так мог отравиться один из всей хаты? И понимаю, что только этой брагой! Подсунули, гады!

— Наркоман, зачем подсунул мне этой дряни? Я умру от неусвоения алкоголя через час! Два с половиной года отсидел за Идею, чтобы на пересылке брагой отравили! Тебя, наверное, таджикские наркоторговцы подкупили!

— Чифира немного выпей или заварки съешь сухой! — Смеется Наркоман. — Она нормально крепит.

Смотрю, они как раз почиририли, говорю:

— Давайте заварник этот сюда.— Сожрал ложки 4 столовые вторяков, хоть как—то вылечиться бы. Таблеток, естественно ни у кого нет, даже и спрашивать не стоит. И врача звать — тем более.

По—тюремному принял лекарства, взял книжку Донцовой и лег на шоканарь читать. Больше в хате ничего не было. К тому же она хороша тем, что думать не надо — можно в любом состоянии читать. Убил Донцову за ночь.

На следующий день просыпаюсь, а точнее на следующий вечер. Режим я себе поломал — ночью тусовался, потом завтракал и ложился спать. Жил ночью.

Телефонное интервью.

В хате был телефон, и я уже успел позвонить нескольким своим друзьям, пообщался с ними.

Курсонул, что Екатеринбург. Что обещали отвезти меня ближе к Москве. Что все хорошо. Непонятно, зачем за Урал везти для этого, но надежда есть. Попросил, естественно, денег немного на телефон закинуть.

Один мой товарищ, Анжей, бывший админ «Формата18», говорит:

— Тут у тебя хотели интервью взять, вопросов накидали на сайте, не хочешь?

— Легко, давай!

— Тогда поехали, включая запись. *Доброго времени суток! Расскажи как обстоят твои дела на данный момент пребывания в заключении, как с питанием в тюрьме, есть где заниматься спортом и вообще какие условия? Какие сокамерники? Как твое самочувствие, как боевой дух?*

— Боевой дух заебись! Меня с зоны выгнали и отправили хуй знает куда, не знаю куда точно. Сижу Ебурге, на пересылке. Сокамерники замечательные. Спортом я на зоне занимался. Причем занимался каждый день по два часа в качалке, 6 дней в неделю.

— *Как ты можешь охарактеризовать свою жизненную позицию, что—то в ней изменилось или же все осталось по—прежнему, как было заключения?*

— Я думаю, я был бы полным идиотом, если бы за 2 года у меня в ней ничего не изменилось. За это время я успел эту жизненную позицию отполировать, отточить, какие—то дипломатические навыки появились. В тюрьме книжек прочитал если не больше, то столько же сколько за всю свою жизнь на воле, потому что я сознательно уделял по 3 часа в день на чтение литературы. Социальной психологии, философии, истории немножко.

— *Как ты видишь себя после завершения твоего пребывания в заключении, чем намерен заняться, есть ли уже у тебя конкретные цели и задачи которые хотел бы воплотить в жизнь?*

— Да, есть цели и задачи. Ну ты и сам знаешь — смеюсь.— Перво—наперво я недели 2 отдохну в обществе девушки и компьютера.

— *После твоего заключения проект под названием «Format18» перестал существовать, какова судьба в дальнейшем этого проекта, будет ли он восстановлен или же в этом нет смысла?*

— Попробую замутить что—то новое, более масштабное и интересное и в тоже время легальное.

— *За несколько лет ситуация в движении сильно поменялась, как ты считаешь, выбор автономных радикальных действий против системы — это смещение в лучшую сторону или все же нужны партии для отстаивания своих прав в рамках конституционного строя?*

— Нужна одна партия.

— *Раз уж зашла речь о партиях, то хотелось бы узнать, что случилось в НСО и твое нынешнее отношение к этой организации и к Румянцеву лично?*

— Я не знаю, что случилось с НСО, потому что не владею информацией объективной. Румянцев гондон, но я могу понять, почему он такой гондон. У меня нет ничего. Ни семьи, ни имущества никакого, не положения в обществе, посадили и посадили, я ничего не потерял, только приобрел. У Румянцева жена, мамка старая, детишки, квартира... было что терять и он выбрал не в гости ко мне ехать, а выступить против меня свидетелем в суде.

— *Максим, если бы тебе представился второй шанс сказать свои слова в «Билинзве» — «Если человек не готов жертвовать жизнью и свободой ради своего народа, то он не достоин заниматься политикой» зная, что тебя ждет, ты бы повторил их?*

— Я повторил бы их, но повторил без мата, что бы все выглядело более красиво.

— *Как относишься к ресурсу NS/WP?*

— Мне нравится NS/WP смотрел их творчество, пока был на свободе. И я очень переживаю за ребят, которые поехали. Я так понимаю, очень серьезно поехали.

— Сейчас очень стала популярной тема «Узники Совесть» — про это снимают фильмы, делают акции в защиту. А так же помнить погибших в борьбе личностей. По выходу на свободу ты будешь участвовать в подобных мероприятиях?

— Я сниму про них фильмы.

— Как на зоне обстоит дело с нацистами в целом? Имеет ли место действительное формирование какого либо наци—братства в тюрьмах или это притянута за уши?

— Я на зоне был единственным НС.

— Тяжело ли быть НС на зоне и получил ли ты какой—нибудь опыт?

— Я получил огромный опыт, просто гигантский, потому что на воле я общался с определенным кругом людей. На зоне, а особенно в тюрьме, я пообщался с такими людьми с которыми на воле вообще бы не пересекся. Тяжело не тяжело... знаешь чего больше всего напрягает: все спрашивают ты по какой статье? 282 и понеслось: а чего? а за что? а расскажи? А заканчивается один хрен пропагандой идеи и дискуссией на всю камеру. Получил опыт пропаганды среди любых слоев населения.

— Что бы ты мог сказать о людях, невольно или умышленно вносящих раскол в Движении на почве религии, убеждений, политических взглядов?

— Может быть кто—то прав, а кто свои амбиции выказывает. На самом деле я думаю, что в конечном итоге, если мы хотим, чтобы наше движение развилось и смогло претендовать на власть в государстве, нам придется не то что внести раскол в движение, нам придется въебать всех лидеров, маленьких фюреров, руководителей организаций которые не способны к объединению, потому что каждый хочет чувствовать себя фюрером, пусть там у него 20, 30 или 100 человек, но он будет фюрером. И этих организаций у нас в стране десятки и сотни. Придется организации разогнать, молодежь объединить, а фюреров отправить куда—нибудь... в отставку. Это, конечно, не благодарное занятие и пока они все не исчезнут — будут орать, что вносится раскол в движение, что это предательство, русское национально—освободительное движение страдает и вся эта фигня. То о чем я говорю, я пытался сделать, когда объявил войну почти всем «правым организациям», за полгода до своей посадки.

— Расскажи о причинах того, что на тебя выливались потоки грязи после заключения со стороны некоторых СПАСовцев и сладкого союза. Хотелось бы узнать это из первых уст.

— Это как раз то, о чем я сказал только что. Со спасовцами все понятно, я уверен, что это именно они писали все эти малявы. Причины понятны, потому что я совершенно четко занимался тем, что пытался уничтожить СС, ДПНИ, чтобы вся молодежь в ступила в НСО. Но НСО сейчас нет и вся моя работа пошла прахом. А что касается самих обвинений, то за все время, пока я сидел в тюрьме, я не пересекался ни с кем из СПАСа и вообще из скинов. Ни с кем даже в одном изоляторе не сидел, о чем Паша Скачевский писал в своей маляве, но ни кто на нее почему то внимания не обратил.

— Ну и последнее. Твои пожелания идейным соратникам. Будь здоров! 88!

— Прежде всего совершенствоваться, развиваться и не терять веры в Победу!

Минут за 20 ответил на все вопросы. Вроде получилось веселое интервью. Теперь все вообще замечательно. Если даешь интервью с зоны, то менты вольные могут наехать на управу, управа наедет на администрацию колонии, администрация даст пизды козлам, козлы дадут пизды мне и больше телефона никогда не дадут. То есть все будет очень печально. А если даешь интервью с пересылки — ну дал и дал, с какой хаты? Да я даже не запоминал. Ну, был телефон. Да, и че? Поэтому, будучи на зоне, я не рисковал делать публичные заявления, знал, что боком может выйти. Я, конечно, парень отчаянный, но не мазохист.

Дима Стратег.

Стал я со всеми подряд играть в шахматы. В общем—то у меня получалось это не плохо и на

зоне тренировался, а здесь народа много, все постоянно меняются. Новые стили, техника, приемы... Был один интересный парень по кличке Экономист, который сидел, естественно, по 159—ой. Играли—играли и я замечаю, что человек с мозгами, заточенным не только на то, чтоб деньги украсть. Но и какие—то философские задатки у него есть. Начинаем с ним общаться, а он такой идейный материалист и где—то либерал, что даже послушать потянуло. По его мнению все нужно делать из выгоды, все ради выгоды. Но при этом правительство нужно менять — оно мешает получать выгоду простым людям получая её само. Временщики воруют деньги, пилят бюджеты и ни хера не вкладывают в развитие экономики, в будущее. Главное украсть сейчас, а что будет потом не важно.

Около тормозов был пятак, заставленный тапками метра 2 на 3, вот мы среди этих тапок расчистили поляну и там ходим, прогуливаемся туда—сюда, туда —сюда — это максимум, что можно себе позволить. Обсуждаем политэкономия... А в хату в это время с очередным этапом заехал мужчина лет 40, весящий килограмм под 120. Для зэка это даже более, чем очень солидно, с большим пузом! Колоритный и выделяющийся из общей массы худосочных арестантов. Играл в шахматы, потом поел и идет руки мыть. Услышал нашу беседу про то, что правительство деньги ворует, в банки каких стран кладут себе на счета... Слушал все это первый, раз прошел мимо, второй, потом не выдержал и сказал:

— Вот что вы тут базарите! Вы лучше революцию сделайте!

— Так я за это и сижу!

— За что? — спросил он, удивившись такому ответу.

— За разжигание вражды, экстремизм.

— Да ладно?

— Серьезно!

Оказалось что он по 159 части 4, сидел уже на тот момент 4,5 года и по воле знал Федора Прытко, и дела у них уголовные пересекались где—то. Нашли точки, соприкосновения, сели общаться. Звали его Дима и оказался он на редкость талантливым в плане стратегического мышления. Если я ему идеи и разработки в форме зерен дал, он тут же их преобразовал в бизнес проекты, да в таких масштабах, что у меня у самого в мозгу возник образ такого Остапа Бендера, вещающего о Новых Васюках деревенским шахматистам. Слишком масштабное мышление и познания в области экономики, управления.

Ехал он судится в Минусинск, типа предприятие какое—то там они с поделщиками обанкротили в конце 90—х. В ситуацию я не вникал, но ущерб измерялся миллионами долларов. Сомнительные суммы для екатеринбургской пересылки. Там ущерб от действий содержантов всего нашего корпуса в несколько раз меньше. И он мне тоже не совсем поверил кто я. Отвонился домой.

— Дочь, знаешь, с кем я сижу? Посмотри фотографию в интернете. Максим зовут, — И у меня спрашивает — Марцинкевич?

— Да! — отвечаю. Самому интересно, что понаписали.

— Сергеевич?

— Конечно! — На другом конце телефона вылез, видать, список целый информации на меня.

— Да—да, я вот сижу с ним сейчас, общаюсь!

Ага, пробил меня, значит, моя идентификация прошла. Теперь моя очередь. Я тоже позвонил, говорю с, таким—то таким сижу, посмотри, что про него пишут. Друг зачитывает: известный мошенник... угольные разрезы... терминалы...

Не будешь же говорить, «приговор покажи», чтобы удостовериться, что человек тот, за кого себя выдает? Во—первых некрасиво, а во—вторых это не 100%. Я уже сталкивался, что человек делал себе левый приговор. У него 131—ая, 132—ая, а ему адвокат делает на компьютере и приносит 162, чтоб с него не спрашивали, мозг не ебли. Да и просто приврать многие любят, значимости себе придать.

Вот мы с ним в течении всех 10 дней моего пребывания на этой пересылке все свободное время играли в шахматы и обсуждали политическую ситуацию в стране. Способы её исправления, искривления, лечения и усыпления. Такого удовольствия от общения я давно не испытывал. Сидя под Соликамском, я не встречал человека с таким широким мышлением, так креативно мыслящего и, главное, в нужном направлении.

Этап на «Двойку».

Утром, 18 декабря заказывают меня на этап. Мы с Димой обменялись внешними контактами. Просидел уже 2 недели — ну все поехал в Москву!

Мне говорят, «Ты че? Какая Москва? На Двойку ща поедешь!» Какую Двойку? «Ик—2 Екатеринбург!»

И рассказывают, что Двойка — это самая красно—козлячья зона, какая только может быть. То есть там режим просто жуткий, гад на гаде сидит и гадом погоняет. Думаю, да причем тут ИК—2? Я в Москву еду! Нет, говорят, этап—то днем! Это точно не московский!

Заказали двоих — меня и бухгалтера, который за наркоту заехал. У него была колония—поселение, он напился там, с кем—то подрался и поехал на общий режим. Оставалось сидеть—то ему полгода и тут его на Двойку переводят! У него голова затряслась, паника. Своей жене отзвонился, сказал, что вот, я еду на ИК2, приезжай в гости быстрее, с администрацией разговаривай. А я батю своему звоню, говорю вот меня везут, куда пока не знаю, но как приеду отзвонюсь.

Увели нас из хаты, на сборку посадили. Мы сидим там час, два, бухгалтер—наркоман ходит туда—сюда, у него уже планка падает.

— Да ладно, ничего страшного, возьми книжку, ляг почитай!

Камера такая же , какая была когда мы только приехали. Где—то 7 на 10, но в ней никого нет, только мы вдвоем. Два этажа нар. Я по верхним нарам гуляю, туда—сюда он внизу по полу ходит. Пытаюсь его развеселить, прикалываюсь, мне уже хорошо — домой еду!

— Ты—то чего веселишься!? Ты не понимаешь что это такое! Там работы нет, бьют, явки выбивают, режим мусорской, пиздец просто!

— Да ладно, хорош жути гнать! Везде жить можно!

— Там людей убивают в карантине! Даже курить не дают! — мне пофигу, я дальше веселюсь. Он понял что паника мне не передается — расстроился. Многим людям хочется поделиться своей паникой, привить другим изжогу и нервяк. От этого им полегче становится. Может, полувампиры энергетические?

Заказывают нас на шмон. Изъяли у меня, кроме красной, еще и зеленую ручку. Первый раз пропустили, а в этот уже нельзя! Баул у меня почти пустой: там чашка, ложка, шлёмка, термо—бельё, папка с бумагами и фотками, принадлежности мыльно—рыльные, полотенце, простыня, наволочка да пара книжек.

Кроме нас на Двойку ехало еще семеро «больных». Вид у них был совершенной убитый,

радости никакой! Вспоминаю, как люди ехали на больничку с Сима. Радостные, что можно и выпить, и похавать вольной пищи, и телефон затянуть, и свиданку организовать. А у этих февраль в глазах, такое чувство, что их не в больничку везут, а хоронить.

— Что с вами такое?

— Да там на больничке явки выбивают! Привезли туда одного парня с переломанной ключицей, так его ночью потащили на явку. Пытали—пытали, всего так изломали, что тот умер!

Вот блин! Неужели так не повезло? Или эти тоже изжогу прививают? Ну, любят этим зэки заниматься! По их виду не могу понять — они совсем расстроено и даже предпoxоронно выглядят. Фигня, дураки наверное — как всегда, кто—то наврал, а они и поверили. Теперь смуту сеют.

Посадили в автозак. Сидим, а они все молчат. Я раз—другой попытался пошутить — они ноль эмоций.

— Че вы такие паникеры—то?

— Да ты не понимаешь! — и сидят курят без перерыва.

Минут 15 проехали, не больше. Останавливаемся. Они спрашивают мента:

— Командир! Можно покурить?

— Нет нельзя!

— Мы же на Двойку приехали! Пожалуйста, разреши покурить! Там нам курить не дадут больше!

— Нет, сказал.— командир был презрительно непреклонен, — приедете, на зоне будете курить, а мне нечего под носом дымить!

А у них такой страх в глазах, как будто они к смертной казни были приговорены. Тут автозак открывают: «Давайте, выходим по одному!»

Карантин, уровень 2.

Спрыгнули с автозака. Дальше как обычно:

— К конвою претензии есть?

— Нет.

— Больные, покалеченные есть?

— Нет! — Больных нет даже среди тех, кто приехал на больничку.

Все нормально, конвой отпускают. Ко мне подходит какой то мент, как я потом узнал — опер. Говорит:

— Так, вы откуда к нам прибыли?

— Из ИК 5/6, Соликамский район, Пермский край.

— Странно... Какие—либо проблемы с режимом содержания есть?

— Нет, никаких. — Я ему отвечаю

— Хорошо, тогда все будет у вас нормально. Проходите.

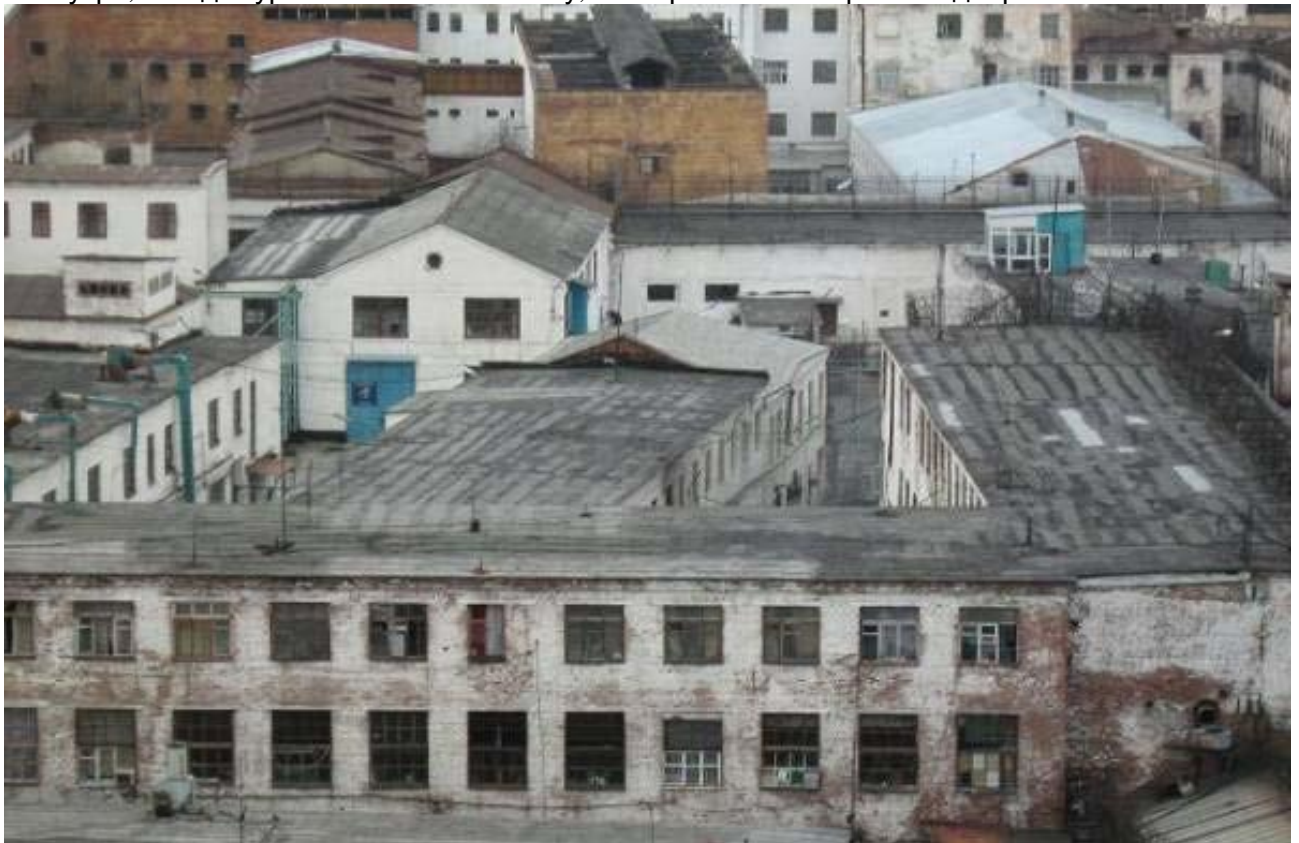
И опер уводит тех, кто идет на больничку, а мы идем еще с одним ментом в карантин.

Проходим через всю зону. На улице холодно У меня дикий взгляд — всё асфальтом закатано, снег везде убран. Если где есть сугробы, то по ниточке выровнены. Деревца аккуратненькие — листьев нет, но видно что они были аккуратно подстрижены. Все свежее, выкрашенное.

Смотрю по сторонам — прямо вокруг тюрьмы дома стоят! Я настолько привык, что вокруг зоны нет вообще ничего, вокруг только один лес, насколько хватает взгляда, что меня это зрелище цивилизации сразу приводит в восторг. Классно! Там резное крыльцо, там часы какие—то витиевато—красивые висят — ничего себе, почти воля! Что тут может быть плохого и страшного? Глупые зеки, только жути вьют! Привезли куда! Хрен бы с ним, что не в Москву, но всё равно центр города! Тут точно связь есть, и звонить, значит, можно, и жить тоже. Причем зона сама выглядит, как город — здания, по 3 этажа, по 4, одно даже 5 этажей! Прошли промзону. Прошли проходную — она сделана как настоящая заводская проходная! Отдельно металлические ворота стоят, отдельно КПП. Заходим внутрь, там дежурный нажимает кнопку, электромагнит открывает дверь.

Зеки с повязками СДП стоят кругом, каждые пятьдесят метров плюс у всех локалок. На той зоне было всего человек 7—8. А здесь пока мы дошли до помещения карантина, я уже их насчитал человек 20. СДПшники, правда, мелкие, и выглядят как—то странно—забитыми. Но зато козлы — их сразу видно — ходят, все крупные, все в более—менее спортивной одежде. Не вольной, конечно,

но нормальные шмотки, с малюсенькими бирочками.

Сопровождающий нас мент по сторонам озирается, как—будто ему стремно. И ему какой—то козел бросает:

— Что, начальник, боишься—то? Да мы же здесь, не ссы, все нормально будет! — Нормально, еще и ментов подъёбывают.

Заходим в помещение карантина. Сперва идет решетка, называется локалка, за ней как бы крыльцо, которое закрыто коваными решетками. По сути просто клетка перед входом. Открыли дверь с электромагнитом, мы зашли.

Нам козлы говорят, сумки ставьте сюда, лицом вставайте сюда. Мы встали, поставили. Мент наши документы отдал карантинским козлам, и ушел. Тут все стало по другому.

— На корты сели, руки за голову! — Думаю, ну понеслось! — Вжались в стену! Сейчас, скорее всего для профилактики пизды дадут. Я сижу, руки за головой, сам в кроссовках, в перчатках, в телогрейке, которую под меня подогнали, такая удобная. Козлы ходят за спиной.

— Нихуя он модный! Э, ты откуда такой приехал?

— Из Соликамска.

— Из Соликамска? Ну нихуя ты — в кожаных перчатках, в кроссовках! Конечно, что так не сидеть—то! Сам откуда?

— Из Москвы.

— Из Москвы? Ты че охуел? А здесь что делаешь?

— Привезли, меня не спрашивали. — ответил я козлу.

— Понятно.

Слышу, бухгалтер, который со мной приехал, обыскивают уже. Его затащили в помещение каптерки, там на него кричат, бьют. Ладно, потерплю, хрен с ним. Понятно, что карантин это две недели издевательств, геморроя, и психоломки. Тяжело только первый раз, второй раз уже значительно легче. Обыскали его, заводят меня в каптерку на обыск. Там сразу:

— Полностью раздевайся! — Я раздеваюсь.

— На корты! — Может они хотят посмотреть не выпадет ли сотовый из жопы?

— Давай, иди сюда! Я подхожу к столу.

— Расписывайся здесь, — я расписался.

— Что за статья такая?

— Разжигание вражды.— отвечаю я.

— Что ты разжигал—то?

— Наркоторговцев призывал вешать, и либералов убивать.

— Что, лимоновец что ли?

— Нет, я не лимоновец, я национал—социалист.

— Что скинхед что ли?

— Можно и так сказать. Он такой, да тут дохуя скинов сидит.

— Да, и что? Как они?

— Да, блять пизда им всем! И тебе тоже! Ты что думаешь если из Москвы — у тебя все нормально будет?

Понятно, все так говорят. Расписался, забрали у меня очки, из баула все практически забрали, отдали мне только зубную щетку, тапки, трусы, носки. Остальное на склад. Все это положили в пакетик, дали мне в руки, все давай, полетел.

Повели нас, троих этапников в «баню». Там нам дали подписать бумажки, что мы согласны с режимом содержания, обрили наголо и дали 15 секунд сполоснуться под холодной водой. После этого повели непосредственно в отряд «карантин». Поднялись на второй этаж, забегаем в помещение. Смотрю, все цивильно, линолеум кругом нормальный, электрическое освещение, светло в помещении. Посадили на шконари. Шконари двухъярусные, ровно застелены, одеялами чистыми заправлены. Порядок чувствуется. Играет какое то радио. Посадили и орут:

— Сели прямо! Глаза вниз опустили! Подбородки в грудь вжали! Ладшки на колени положили!

Сидим, нас спереди придвинули вторым шконарем, что бы мы не могли вроде как ни куда деться, убежать. Сейчас, наверное, будут опиздюлять, раз в бане не стали. А мне как—то все привычно пофигу стало. Сознание изменилось, абстрагировалось от реальности. Не стало жалости к себе. Мне все это видится с точки зрения наблюдательского интереса. Что здесь придумают, чтобы сломать волю заключенного. Я видел, как это происходит на Симе, как это происходит на «Белом

лебеде», теперь посмотрю, как это происходит здесь. Интересно, что же вы будете делать, чтоб отбить у человека волю принимать какие—либо самостоятельные решения? В психологии это называется «приобретенная беспомощность». Если за человека все делают и все решают, причем не важно — запрещают ему эти решения принимать или ему просто все подают с ложечки, как в доме престарелых. Вот старики в пансионатах почему так быстро умирают? Потому что они становятся беспомощными, и у них теряется мотивация жить. За них все делают — их кормят, их моют, им говорят когда спать, когда сидеть, когда гулять, когда думать. Тоже самое на всех зонах хотят сделать с зеками. Что бы зек был овощем, руки опустил, подбородок вжал в грудь. Сказали ходить — ходит, сказали сесть — сидит, сказали грести снег — гребет.

Оказалось, что здесь придумали лучше, чем где бы то ни было. Но об этом я узнал чуть попозже.

Нам принесли еще бумаги какие—то подписать, заявления. Надо было написать свои данные, написать что нету претензий к конвою, нету претензий к сотрудникам карантина, что нету претензий к сотрудникам колонии по приемке, написать откуда ты, написать друзей, родственников, которые могут тебе писать письма, или могут приезжать тебе на свиданку... Но все эти «напиши родственников или друга» — это тупой развод. По сути это звучит как «Напиши, куда ты побежишь при побеге, и где будешь скрываться, где тебя искать?» Идиоты пишут настоящих друзей, кто поумнее выдумывает. Заранее надо придумать какой то адрес, который будет везде фигурировать, ну а если ты вдруг сбежишь, они поедут этот адрес пробивать, по которому ни кого и не окажется...

Я так краем глаза смотрю, это спальное помещение, человек на 60. Оно забито людьми, все сидят, руки на коленях, головы опущены, не разговаривают, не двигаются, не шепчутся. Вообще полная тишина! А я их и не заметил сперва — без очков же, и звуков от них нет! Интересно, как же это их так молчать—то заставили?

Собеседование.

После того как, про нас все записали, подняли нас двоих, и еще человек пять, которые приехали в этот же день этапом. «Подорвались! Бегом в каптерку!» Мы побежали в каптерку, там же раздевалка, забегаем, построились. Разделись все, стоим в трусах. При чем когда раздеваешься, нельзя голову поднимать от груди — положуха такая. Нельзя смотреть на козлов, ну а я, по незнанке, голову поднял и смотрю, пока раздеваюсь. Мне кричат:

— Чё пялишься? Ты что охуел? — Клац по еблу мне. Интересно, но вроде не очень сильно долбанул, по щеке. Не хорошо. Раздеваюсь дальше и второпях задел локтем опись имущества раздевалки. Она свалилась — рамка со стеклом, и под этим стеклом опись на формате А4 — на пол, долбанулась о бетон, и стекло разбилось. Все, вот сейчас мне просто конец. Я видел, как долбили человека, который просто поцарапал краску на Симе. Его долго, очень долго били деревянными палками. Он двигал тумбочку, и был не очень внимателен... Но мне говорят, «Ты что debil? Вообще не видишь куда двигаешься?» И все на этом закончилось. Понятно, здесь руки не очень распускают, наверное больше на психологию дают...

Стоим все в одних трусах, на голом бетонном полу. Это как всегда. На всех гадских пересылках стандартная процедура. И нам объясняют, что сейчас мы будем тренироваться для самого важного дела за все наше присутствие на этой зоне. Мы должны четко сделать доклад, причем сделать его громко, четко, внятно, и не ошибиться ни в одном слове, потому что если кто—то ошибется, то ему за весь срок не видать нормальной жизни. А кто сделает доклад нормальный и ничего не перепутает, то на зоне жизнь у него может сложиться довольно не плохо.

Козел берет одного человека наугад, и начинает ему все объяснять:

— Заходишь в помещение, руки упираешь в пол, открывается дверь, делаешь два шага вперед, поворачиваешься на право, делаешь еще шаг вперед, перед тобой стоит маленькая табуреточка, садишься на нее, руки упираешь в колени, голову опускаешь ниже колен, и кричишь, «ЗДРАСТВУЙТЕ!», называешь Ф.И.О., статью, срок, начало и конец срока. Потом громко, изо всех сил громко, отвечаешь на вопросы. Пидарас?

— Никак нет!

— Чё так тихо отвечаешь!?

— Никак нет!

— Похоже пидорас!

— НИКАК НЕТ!!!

— Поверю на этот раз. Вот в такой тональности вы должны делать доклад и отвечать на все

вопросы. Всем понятно?

— Так точно!

— Далее отвечаете на все вопросы, которые вам зададут. Главное все криком! Вам могут сказать не кричать, но скорее всего не скажут, и кричать надо будет во все горло!

Интересно здесь менты устроились — кричать им надо, доклады такие делать. Вспомнилась опять «Цельнометаллическая оболочка»:

— Ты пидорас!?

— Сэр, нет, сэр!

— Хуй сосешь?

— Сэр, нет, сэр!

— Спорю, что ты можешь высосать мяч для гольфа через поливочный шланг!

Кто—то здесь явно посмотрел этот фильм. А мы тренируемся.

Многие от страха просто «потеряли маму». Это популярное на зоне выражение. Мальчик маму потерял в магазине, и стоит, головой крутит, не знает что делать, у него паника. Скажем так, состояние паники на зоне называется «потерять маму». Маму можно потерять от того, что тебе пришла посылка, от того, что тебя вызвали на свиданку, или, наоборот что, вызвали в опер отдел... Короче потеряли они маму, один выходит, путается сколько шагов вперед сделать, промахивается мимо табуретки, не так ставит руки, криво кричит, его за это пиздят...

— Пидорас?

— Так точно! Ой! Никак нет! Извините, не так понял!

Его опять пиздят, другой выходит, тоже ошибается, третий косячит. Болваны, сейчас же здесь весь этап положат со злости. Тут одному козлу пришло в голову меня вызвать. Говорит, чувствую сейчас вот он нормально сделает.

У, какая честь! Вышел, нормально все изобразил. Ничего сложного, если не паниковать. А это и есть настоящая цель процедуры — заставить человека отупеть от страха. Я отошел, стою, пока остальные тренируются и орут, ко мне козлы подходят разговаривать. Правда когда с ними даже просто так говоришь, голову поднимать нельзя. Они спрашивают:

— А сам—то ты откуда?

— Из Москвы.

— А там где жил?

— Рублевского шоссе.

— Че, реально с Рублевки? Сифона и Бороду видел?

— Конечно, видел. Они моё виски допивали.

— А что, правда, там новые вещи на помойки выбрасывают?

— Конечно правда, а что нет что ли?

— Нихуя, рублевского к нам привезли, таких еще не было!

Этап закончил репетицию. Потом одели всем до последнего «косяки, где здоровыми буквами написано СДП, т.е. Секция Дисциплины и Порядка. Косяк на полбицепса размером — это повязка. На воле я когда—то носил такие, но черные, с надписью ННП и крестом, а здесь вот красные с СДП. Его надо надеть и громко крикнуть «Я люблю СДП!» Кто не крикнул, тот хочет придерживаться воровских традиций. В принципе, человек, оказавшийся сделать что—то в карантине, он моментально убивается. Убивается долго, планомерно, потом списывается на режимный барак, где страдает несколько месяцев, потом выгоняется на пятак, где он ходит взад—вперед, патрулирует еще несколько месяцев — это самое «позорное» место на зоне. Те СДПшники, которых я видел — это как раз люди, которые в чем—то провинились. И вот, они ходят туда—сюда, как «Филиппки», в шапках—ушанках, не подходящей по размеру одежде, со здоровыми косяками, и патрулируют. Откричались в косяках.

Ладно, что вы еще придумаете? Нас одели, выстроили перед каким то кабинетом, и по очереди туда запускают. Вот и та «процедура» — упирая руки в пол забегаешь, «Здравствуйте, такой—то такой—то, доклад, никак нет, так точно, так точно, никак нет...»

Доходит до меня очередь, я в такой же хитрой манере туда заползаю, здравствуйте, доклад делаю.

— Садись, — я сел, — ну, что откуда прибыл? Я кричу.

— Нет, нормально разговаривай, — я голову поднимаю — нет—нет, голову не поднимай, говори нормально.

Я успел увидеть, что сидит обычный зек, только в вольной одежде, в тапочках, в очках, в майке. Это даже не мент! А большинство зеков об этом и не знает, потому как ты голову—то ты не поднимаешь.

— Что за статья, я такой, 282, и не слышал.

— Разжигание вражды.

— Понятно. Чем заниматься в лагере думаешь?

— Да хрен его знает, я инженер, с компьютерами могу работать.

— На должность встаешь?

— Не хотелось бы.

— А что, отрицаешь?

— Нет, не отрицаю, просто ни к чему мне.

— Потом с тобой пообщаюсь.

Вышел из кабинета, постоял в коридоре еще минут 15, пока прошло собеседование с остальными, и повели нас непосредственно в спальню. Времени уже много, все спят. Все кровати расстелены, везде люди спят, все под белыми простынями, все культурно. Мне говорят «Ложись сюда». Я быстро все шмотки снял. «Скидывай на пол, все в общую кучу, утром найдешь». В каптерке мне выдали штаны — «шкеры» и робовскую куртку — «шаромка». Шкеры сильно велики, а шаромка мала. Пришили какую—то чмошную бирку. Все это я скинул, лег.

Разговор с пристрастием.

Полежал буквально минут 20. Естественно, так быстро не уснешь — такое нервное возбуждение. Сколько поспать—то дадут? Интересно, успею выспаться или нет? А сам все—таки думаю про то, что слышал, что здесь явки выбивают. И понимаю, что если явки с кого и захотят выбить, то из всего этапа я был бы наиболее интересен... И, действительно, подходят, меня дергают. «Вставай», я встаю, одеваюсь. «Иди сюда». Ставят меня в проходняк между двухъярусными шконарями, так что я обеих пальм (верхних шконок), касаюсь плечами, подбородок в грудь. Стою, 10 минут, 15, 20... ничего хорошего мне, похоже, не готовят. Сейчас что—то начнется! Морально подготовился к тому, что будут бить, и очень сильно. А все хихикал в боксике, что на двойку еду, и мне все будет пофигу! Сейчас увидим, как мне пофигу! Приготовился очень крупно и правдиво врать. Мне говорят, «Давай заходи!»

Я руки в пол упер, захожу в комнату, смотрю там сидит вроде два человека. «Садись», я сел на пол. Уже хорошо. Обычно с ними разговаривают стоя и уперев руки в пол, вот в чем соль.

— Сейчас будет долгий разговор. Поехал общественно—политического деятеля из себя строить. Рассказываю, что и как. Вот,

призывал наркоторговцев вешать, рассказываю где сидел, куда возили...

— А что тебя из Солеканска увезли?

— Сказали к Москве поближе переводят, а привезли сюда.

— А что, в Ебурге — на центральной с операми общался?

— Нет, не общался.

— Да ну, что ты пиздишь! У тебя у одного на всей зоне статья такая, и ты с операми не общался? Они бы тебя полюбому дернули!

— Нет, не общался.

— В какой хате сидел?

— В триста десятой.

— Телефон был?

— Конечно.

— А кто смотрящий был?

— Пес его знает...

— Чем на зоне думаешь заниматься?

— Работать.

— А что, ты думаешь работы здесь дофига?

— Я не знаю, Если будет работа, так буду работать. Вообще я инженер, умею с компьютерами обращаться, умею и руками мастерить...

— А что на воле то делал?

Так, про казино рассказывать не стоит. Про какие—то противозаконные мероприятия категорически нельзя, и начинаю объяснять что я член организации, Национал—социалистического

общества, которое выступало за более справедливое мироустройство. Начинаю им жевать понятия свободы и справедливости. Что снимал агитационные ролики, чтобы молодежь вступала, что бы проводить политику национал— социализма в массы. Для того, чтобы люди могли выражать свою политическую позицию законными средствами... Они слушают, но по вопросам видно, что интересуется их другое. Тренировки проходили, регулярно, сборы, выезды, все замечательно, законно и красиво... Я это рассказываю, и чувствую, что вот—вот начнется явка с повинной. Ну, блядь, им хочется просто, я слышу уже все по вопросам, вот еще немножко и начнется, «Кого убивали, ты, сука, кого убивали? Кого пиздили? Что за кого знаешь?» И останавливает их изолятор в котором я сидел, то, что дело громкое и политическое, фамилии депутатов которые за меня запросы писали, против меня запросы писали — вроде и хочется выслужиться перед начальством, но с другой стороны стремно. Вдруг начальство не одобрит?

Я заметил, что в комнате нас не трое — еще и в углу позади меня кто—то молча сидит. А первые двое — завхоз карантина и СКОшник, второй человек после завхоза в отряде.

— Что—то ты все так складно, красиво говоришь, но я все равно думаю, что ты врешь.

— Почему я вру?

— Фонд «Город без наркотиков», например, знаешь?

— Конечно знаю, я с ними даже как—то в Москве общался, как раз по поводу наркоторговцев...

— Вот у них все красиво, вроде как они с наркоторговлей борются, наркоманов лечат. А на самом—то деле там пиздец, там же наркоманов этих пытаются. Привозят им наркомана, его приковывают цепями, пиздят, пока он не сдаст всех барыг, всех кто с ним кололся. Потом на хлебе и воде он сидит, его морально опускают постоянно, ломают всячески. А так внешне—то все законно. У тебя, наверное, та же фигня была. Внешне все красиво, а по сути — сборище отморозков!

— Ни в коем случае, там большинство интеллигентные люди, с высшими образованиями...

— Да не пизди, какие интеллигентные люди? Ты себя—то видел?

— Конечно.

— Ты посмотри на свои руки, интеллигентный ты человек, все в шрамах!

— Это в молодости я, в детстве просто спортом занимался, по груше стучал...

Я вижу у них просто руки чешутся, так и хочется им уже приступить. Чувствуют, что рыбка попалась крупная, относительно того, что сидит у них в сачках — на шконарях спит. Но в тоже время стремно.

Общались—общались, завхоз спрашивает:

— Кофейку хочешь? — Если завхоз карантина предложил кофейку выпить, это уже не мало,
— Что будешь — чай, кофе?

— Есть кофе?

— Да, конечно, у нас все есть! С сахаром, без?

— Если сахар есть, то вообще замечательно!

Достают сахар, заварили, мне кружку дают, сидим с ними пьем. Опасность как—то отступает. Нормально все, вроде, рассказал. В такую речь я, как всегда, побольше добавляю политических и психологических терминов, выкидываю из своего словаря весь мат, получается такой крайне интеллигентный и эрудированный человек, по недоразумению оказавшийся в тюрьме. По произволу системы.

— Ладно, короче, на хуй тебе это все надо! Сидеть тебе еще год, а здесь можно сидеть и очень хорошо. Встаешь на должность, мы тебе поможем, ты парень с мозгами, вменяемый, метла подвешена. Дадим тебе такое место, что выйдешь с деньгами, машину себе на воле сразу купишь — только в путь. Тут народа много, дел невпроворот, люди нужны.

— Нет, не надо.

— Почему?

— Дело—то у меня политическое. Сейчас, если встану на должность, то потом начнется, «Вот козел! Мужиков угнетал! Против людей пошел! Сотрудничал с администрацией — значит, работал на систему, значит предатель!»

Я справедливо рассудил, что доводы относительно моего эксперимента с властью — выдержку я её отсутствие или нет они не поймут. Нет, для них это будет не аргумент, поставят на должность, подкрутят гайки. А так, вроде, они вникли в суть моей идеи. Говорят, все правильно, и чурбаны и наркоманы, все это уроды. Жиды, либералы, мы их не меньше тебя ненавидим. Ладно, будешь без должности, потом еще с тобой пообщаемся по поводу работы. Да и, сам понимаешь, человек ты не

простой, и интерес у нас к тебе не просто так.

На этом разговор закончился. Я лег спать и моментально уснул.

Первое утро.

В 6 утра подъем, все подорвались, хватаем первые попавшиеся шаромки, шкеры, носки. Все валяется вперемешку. Спишь в «белухе» — белые штаны, и белая рубаша, термобельем считается, но на самом деле совершенно беспонтовая вещь. Положено одеть, вот в ней и спишь, трусы тоже у всех забрали — все в одинаковых шмотках. Но. Кто подлиннее, тому дают короткую белугу — она по колено. Кто покорооче, тому дают подлиннее белугу, что бы штаны ниже щиколоток свисали. Главное чтоб было не удобно. Все в панике с утра начинают заправлять шконари, заправить их надо за минуту. Кто не успевает, тот получает сразу по ебалу. Надо быстро одеться, найти два носка, одеть их — половина из них сырые и все до последнего разные. Не то, что своих — одинаковых не найти.

После этого дают 2 минуты на то, что бы все поменялись между собой шмотками, нашли со своими бирками шаромки, у кого какие штаны вообще пофигу. Если они спадают, то ничего ты уже не поделаешь, будешь в них ходить весь день. Я натянул какие-то штаны, которые были мне коротки, и в тоже время спадали, надел тапки — естественно не свои, к тому же не свои. Носки мало того, что чужие попались, разного размера, так еще один сырой, другой с дыркой. Сбегали в сортир, сполоснули рожи водой.

Выстроились мы в коридоре нас, ждем проверку, и репетируем, значит выстроились в коридоре, плечем к плечу, когда тебе бьют по плечу, ты кричишь имя отчество когда тебе называют фамилию, и отбегаешь в сторону, делаешь 2 шага в лево, очень быстро. Раз так прогнали, два так прогнали, все вроде научились, стоим, потом приходит мент, называет всех фамилии, человек кричит имя отчество, 2 шага в лево, при чем называет с максимальной громкостью, истощным криком, т.е. вся репетиция состоялась в том, что бы человек кричал именно с максимальной громкостью, изо всех сил, так как будто он будет кричать слабо, то его убьют, ну собственно так бы и произошло, мне тоже не понятно сначала было зачем? Ну с другой стороны, надо как то человека унижить, заморочить чем то, надо кричать. Потом нас загнали всех в раздевалку, в раздевалке дали нам бирки, дали новые фуфайки, бирки подписанные какой то замазкой на черной тряпочке, эти бирки надо быстро пришить на фуфайки, потом пока козлы считают до 5, надо каждому найти и одеть 2 ботинка до пяти, примерно одинакового размера, надо каждому одеть шапку ушанку, которая в несколько раз больше, и одеть фуфайку со своей фамилией, если одел не со своей, ничего страшного, главное быстро одеть. Нам раздали ложки, такие гнутые все, грязные, в еде засохшие, и мы побежали на улицу. Выстроили весь отряд, там было человек наверное 40, в локалке, она маленькая, все друг в друга вжались, стоят «писа к попе».

— Так, сейчас можете покурить!

А сигареты только есть у одного из 5, тот закуривает, делает 2 затяжки, передает.

— Покурили, вылетели на улицу! Сейчас тренируемся ходить! Построили отряд в четыре колонны, 10 шеренг.

— Все, на счет раз ногу поднимаем, колено поднимаем до пояса, подбородок вдавливаем в грудь, колено поднимаем до живота! «Раз!» Поднимаем левую ногу. «Два!» Печатаем шаг со всей силы, подошву втапываем в землю. «Три!» Поднимаем другую ногу. «Четыре!» Печатаем шаг со всей силы, подошву втапываем в землю опускаем.

И так вот маршируем. При этом ходят смотрят тех, кто не попадает в такт, или слабо печатает.

— Ты что, сучка? Жить не хочешь? Что, сил нету ногу вбивать? Все стоим. Давай ты, раз, два, три, четыре!

И тот, кто хотел халтурить, долбит со всей силы ногой, по асфальту. Это, естественно, больно, плюс ботинок или мал или велик. Самое главное — ни у кого нету шнурков на ботинках. Они

спадают, это очень не удобно. Штаны сваливаются, поправлять их нельзя, потому как руки надо держать или по швам или синхронно махать, если спадают штаны, то ты не сможешь их поправить, они спадут у тебя, и только тогда ты их подтянешь. Если ты попытаешься это сделать раньше, то будешь наказан.

Промаршировал я минут пять, тут меня раз, за плече:

— Так, ты инвалид.

— Нет, вроде не инвалид.

— Вон, давай иди к инвалидам!

Меня отвели в сторону. Там человек пять ходили паровозиком, гуляли, восьмерку рисовали. Туда—сюда, туда—сюда. Не шаг печатали, а просто ходили. Инвалидом быть даже хорошо, хоть и гулять паровозиком. Надо вцепиться двумя руками в фуфайку того, кто идет перед тобой, и стараться попадать с ним шаг в шаг. Ну и, заодно, руки можно погреть, потому что на улице довольно холодно, мороз под минус 30, дико холодно, ни у кого перчаток нету, а так зацепился за фуфайку так, руки как бы обмотал, и ходишь. Тоже, конечно, не ахти как приятно. И ботинки спадают, и штаны, холодно, но это не маршировать! Полчаса погуляли, потом построились.

Пошли в столовую, передние шеренги вдалбливают шаг, а задние просто должны идти в ногу. Задние — это инвалиды. И какой—то тип подает голос:

— Извините, а я инвалид...

— Какой ты инвалид, нахуй?!

— Ну, я инвалид...

— Не пизди! Это мы решаем, кто здесь инвалид!— Тут ему дали в торец. Он понимает, что он еще и вечером дополнительно получит добавки, и марширует дальше. За то, что решил в строю какие—то разговоры завести. Это уже жесточайшее нарушение дисциплины.

Сначала подошли к столовой, промаршировали на месте, потом вжались друг в друга, при чем вжаться надо как можно плотнее, голову повернуть налево, и с правого края забегаем. Сначала забегает первая самая правая колонна, потом левее, и левее.

И, как свитер распускается, люди забегают в столовую, скидывают шапки, скидывают фуфайки, причем не расстегивая пуговиц, вешают их на вешалку. Так же залетают в помещение выдачи хлеба, там опять вжались, потом по одному так же справа, залетают наверх. Столовая двухэтажная. Наверх поднимаемся, шеренга растягивается, берем хлеба по куску. Большой кусок хлеба! Берем поднос, и идем к раздаче. Там нам ставят кашу, ставят чай в кружке, и хлеб.

Садимся за стол, опускаем головы в поднос. Сели по 5 человек за стол с каждой стороны, т.е. по 10 человек за столом. Руки положили на край стола, сидим ждем команды.

— На счет три приступили!

И все ложками кашу убивают, при этом есть надо, опустив голову вниз, по сторонам не смотреть, не разговаривать! Быстро все съели. Тут нормально кормят, по сравнению с Соликамском, жить можно.

Нас подняли, бегом, точно таким же методом в коридор спускаемся, «на счет три» быстро все одевают первую попавшуюся фуфайку, одевают шапку, выходим на улицу, построились так же, первые шеренги маршируют, инвалиды просто шагают, пришли в помещение карантина.

«Шапка».

После этого меня одного посадили на шконарь в конце секции, что бы я ни с кем не разговаривал. Часа через два меня выдергивают сначала в ПВР. Обыскивают, осматривают нет ли побоев и ведут по коридору в раздевалку. Там ставят лицом к стене и одевают шапку—ушанку на голову. Причем шапку надеваю на глаза и завязывают ее снизу тесемками. Я в ней вообще ни хрена не вижу. Подозрение самое мрачное. Все—таки вчера чего—то, видать, не того спизданул... Им не всё понравилось в моем красивом рассказе про общественно—политическую деятельность.

Повели меня куда—то, не могу понять, куда именно. Привели и посадили. Вроде какая—то шконка. Сижу, зрения нет — прислушиваюсь. Опять морально готовлюсь к тому, что будут долбить. Надо что—то зверски врать, потому что молчать, когда пытаются, крайне трудно. Да и в принципе ни к чему. Лучше что—то постоянно говорить беспонтовое. Тогда есть реальный шанс выкрутиться с минимальными потерями. Молчание же рассматривается, как то, что ты знаешь, но не хочешь рассказывать. Слышу кто—то издаст рыки и звуки «А—а—а», что—то гремит. Минут через пять начинаю догонять, что это звуки в тренажерном зале, где кто—то качается. Один хрен сейчас начнется.

Десять минут сижу, 15, 20... Слышу, куча народа по команде встала. И «полетели в раздевалку!» Сейчас обед, жрать охота. Проходит еще некоторое время, что—то ставят на тумбочку около меня и шапку приподнимают. «Жри, давай!»

Стоит на тумбочке передо мной миска с супом, миска с солянкой, кружка с компотом и лежит здоровый кусок хлеба. Нормально! И ходить куда не надо — бонус! Поел, шапку на глаза, сижу. Пока ел — уже осмотрелся, понял, что я в спальном помещении нахожусь, просто меня водили каким—то коридорами с шапкой на глазах и я потерялся в пространстве. Слушаю попсовое радио. Пытаться если и будут, то чуть попозже, раз так оставили. Может даже не очень сильно — если бы хотели, то сразу долбить начали или заставили слушать как кого—то бьют. Это уже хорошо на психику давит.

Просидел до вечера. Принесли опять еду — вареную картошку с селедкой. В миске две рыбины плавают, довольно крупные, без головы и хвоста, но с чешуёй и с плавниками. Все это вареное — перевареное и куча разваренной картошки. Хлеб, но на это то раз без воды. Поел, миску унесли. Если на такой пайке сидеть и не заниматься — пузо может вырасти. Сытно, по сравнению с Симом — вообще на убой кормят!

У карантина началось «личное время». Сидят все, перешептываются... но рядом со мной никого нет. Хотя и желания особого базарить не наблюдаю в себе. Прошла «личка», построились на проверку. Меня вывели на нее, не снимая шапки. Я прокричал свои имя—отчество. Отвели в туалет, не снимая шапки.

— Ты был у нас на ПФРСИ?

— Нет, не был.

— Тогда садись, сри сюда.— Я нащупал бочку пластиковую, литров на 50.

— Сюда?

— Да, сюда, в нее!

Бред какой—то! Но сру я в нее потому, что если я что—то привез в жопе и не захотел добровольно сдавать козлам, то это сейчас добровольно вылетит. Симкарты, деньги, некоторые сотовые телефоны, некоторые конфеты, сигареты — мало ли что там у арестанта может оказаться? «Воровской карман» же! Некоторые на «торпед» носят телефон вместе с зарядкой...

Привели меня в секцию. «Все, закатывайся!» Я разделся, лег, залез под одеяло и расслабился. Остальных дрочат. «Упали!» Пока козел досчитает до трех все должны быть полностью раздеты и закатаны под одеяла. Начинает «Раз... два... три!» Кто—то ещё снимает носок и не лег. Все встали, оделись, построились. «Раз... два... три!» Считают медленно, но успеть можно только если адски торопиться. Опять кто—то не успевает. «Раз... два... три!» С третьего раза карантин успевает все—таки раздеться и запрыгнуть на шконари. Все спят, никто не двигается, не шевелится. Дальше идёт «игра», называется «три скрипа». Если ты заскрипел после того, как козел досчитал до 3—х, то опять все выскакивают, одеваются и строятся... Вот собаки! Хлебом не корми, дай поиздеваться. Специально гадов в карантин набирают.

Просыпаемся утром, опять всех построили — я в этой шапке сижу на своем шконаре. Прошла проверка. Также ничего не вижу, шапка закрывает полностью лицо. Ни с кем не общаюсь. Хожу на ощупь, меня водят за руку.

Меня прям в этой шапке с отрядом выводят на улицу. Построились. Держусь за переднего зека двумя руками. Штаны спадают, ботинки спадают... Побежали куда—то. Завели нас в помещение. «Давай, шапку снимай. Заходи!» Смотрю фотоаппарат стоит и возле него фотограф вертится. «Садись, в объектив смотри! Так!» Чик, сфотографировались. Мне сразу шапку на место одевают, вывели в коридор. Стою лицом к стене, заводят в другой кабинет. «Шапку снял! Представился!» Смотрю, комп стоит, ботан какой —то сидит. Спросил какие—то личные данные, специальность, кем могу работать, что умею делать. Занес все в эксельную таблицу. Опять одели шапку, увели дальше. Трамвайчиками такими весь отряд пробежал к санчасти. Там снимаю шапку перед кабинетом захожу. Врач осматривает мои руки.

— Что за шрам?

— Порезался.

— Понятно, на людей нападал.

— Никак нет!

— А что у тебя статья такая интересная? — перед ним лежит личное дело. В нем написана статья. Обычно все смотрят и читают, как «два—два—восемь». А увидят ошибку и начинают задавать вопросы.

— Разжигании вражды.
— Что, кого разжигал? — Начинаю начальнику рассказывать про дебаты и двуличных либералов. — Что там, эта дочка покойничка Егорки — проститутка жирная окрысилась?
— Так точно, окрысилась!
— Удаче тебе, спокойно досидеть. — что—то подписал.
Завели меня в один кабинет, во второй, третий, потом к начальнику санчасти.
— На правой руке большой палец не функционирует? Вообще можешь работать или проблемы с этим?
— Все нормально, могу.
— Хорошо.
Все подписали и опять шапку на глаза одели, привели в карантин на «мое» место.

Интерес администрации.

Сходил на следующий день на завтрак.

После обеда вызывают меня на «третий этаж». Потом я узнал, что так у них называлась оперчасть. «Давай, быстро одевайся!» Нашли более—менее новую фуфайку, нашли мне какие—то ботинки почище, шкеры по размеру... Что бы все было относительно цивильно. Вроде карантин, но всем дают грязное и мятое, а тут нарыли просто парадную форму. «Третий этаж», «пятый этаж» — вообще пофигу. Куда ведет я не знаю, но козел явно нервничает. Захожу в кабинет, делаю доклад.

— Садись. Меня зовут Владимир Иванович Он был зампобор. Это я успел прочитать на двери кабинета и понимаю, что здесь разговор сейчас будет крайне серьезный. На той зоне пьяный ублюдок на той же должности хотел мне жизнь сломать, потому что решил раскрыть преступление, о котором его и не просили.

— Почему приехал на эту зону?

— Я не знаю.

— Как не знаешь? Ты сам из Москвы?

— Да.

— А там где седел?

— СИЗО—1ФСИН России.

— А почему отправили Соликамск, а в Москве не оставили сидеть?

— Не знаю, наверное пошутить опера решили. Поселок, где зона находилась, Сим называется. «Сталинские исправительные места».

— Может быть. А что здесь делаешь?

— Я не знаю. Сказали, что в Москву переводят. Привели к вам.

— Тут дело непростое. Я бы решил, что ты сюда приехал с каким—то заданием.

— С каким заданием?

— Мало ли — внутренней распорядок про наш срисовать для ГУФСИН... Но с другой стороны тогда бы не повезли... Завербовали бы в тюрьме обычного зека... Тебе—то не замеченным не проскочить... В чем дело я не знаю. Ты вообще за что конкретно сидишь?

Я начинаю объяснять, естественно в максимально приглаженной и благовидной форме. Иваныч реагирует довольно позитивно.

— Ты знаешь, что в организации покушения на Чубайса подозревается 148 миллионов человек?

— Догадывался.

— Я и сам похоже мыслю. Только методы ты выбрал бесперспективные. Что будешь на зоне делать?

— Не знаю. Могу работать с компьютерами, сам инженер.

— Ты, главное, если говоришь, что будешь работу делать — потом заднюю не включай.

— С компьютерами я вполне готов работать. На должность не хотелось бы вставать.

— Ты можешь объяснить отказ как—то по—своему, а на самом деле просто отрицать тюремные порядки и всячески шатать режим, говоря о каких—то других материях. И потом «мурчать» начнешь.

— Нет, мне черная масть вообще не приемлема. Был бы просто полный загаз, еслиб я начал отрицать — товарищи бы этих блатных шагов не поняли бы. А должность — не хочу. Просто про меня потом начнут в интернете всякие гадости сочинять. Мне через год выходить уже, политикой заниматься, не нужны мне эти пятна на биографии. Год поработаю, просто работягой — мало ли у вас

работы есть.

— Да, работу я тебе найду. Проблем от тебя не каких не будет? Агитации среди заключенных?

— Нет. Я годик потерплю.

— По режиму все нормально?

— Да, по режиму тоже все нормально.

— Тогда иди, я посмотрю про тебя в Интернете, кто ты, чего пишут.

Меня ведут обратно. Нифига себе, начальник профессионалом оказался. Не почитал оперативную справку и все выводы сделал. Нет, говорит, посмотрю в Интернете! Хотя там такого, наверняка, за два с половиной года понаписали... Может, лучше справкой было обойтись?

Чтение.

Привели в карантин, шапку сразу сняли. Привели меня в ПВР, поставили перед полками с книгами. Книжек много, наверное штук 60. Библиотека! «Выбирай, что хочешь. Что будешь читать?» Я стою, думаю, так что там можно интересного схватить побыстрее. Козел видит, как я лихорадочно руками шарю. «Да не, не спеши, тебя никто не торопит». Надо что—то умное взять и потолще. Выбрал «Сунь Цзы — искусство войны», 600 страниц мелким шрифтом. «Точно это?» Я киваю. «Тогда пошли». Отвели, посадили на задний шконарь. «Здесь сиди и читай». Полчаса читаю, час, два, три читаю — интересно. Приносят ужин, сожрал все, миску у меня забрали, сижу, читаю дальше. Не так уж и плохо на этой зоне. Конечно, не хотелось из Сима уезжать, но и здесь свои плюсы — музыка играет, тепло, печку никакую топить не надо, кормят здесь сытно, книжки есть... Плюсы везде можно найти. Хотя жалко, что от Гошана и Илюхи увезли...

В «Сунь—цзы» много полезных стратегических и тактических инструкций. Очень интересная мысль, что надо ударить своей полнотой, по пустоте противника. Т.е. найти у противника слабое место, а у себя сильное. Типа, кто нам мешает — тот нам поможет.

Журналоги на горизонте.

Так за книгой я просидел 2 дня. Дергают меня опять в кабинет завхозу. Я захожу.

— Садись. Макс, к тебе журналисты приехали. Хотят интервью брать.

— Значит я буду это интервью давать.

— Точно будешь?

— Да, буду.

— А тебе что, не интересно откуда они?

— Да мне все равно. Соскучился уже по ним. Почему не дать интервью? Конечно дам.

А у самого чувство дикого дежавю, меня так же на матроске вызвали опера и сообщили что приехали журналисты, и точно такая фраза — «будешь давать?» «Буду.» «А тебе что все равно откуда они?» «Все равно!»

— Нет, ты интервью давать не будешь.

— Почему?

— Потому, что за тебя уже отказались, тебе надо только отказ подписать.

— Как мне отказ писать? Я сижу по политической статье, как мне отказываться от встречи с журналистами? Наоборот надо рассказывать, что сажают за святые дела вот таких золотых людей, которые за народ борются. Нас сажают, а наркоторговцев защищают. Это наоборот надо всем показывать, всегда кричать и говорить.

— Ты уверен?

— Конечно!

— Вообще—то еще ни кого до добра не доводило общение с журналистами на зоне. Только проблемы с этого начинаются, нахрен тебе надо?

— Нормально все, я ведь не буду про режим что—то говорить, на содержание жаловаться — нахрен мне это нужно, тут речь идет о политике, о внешних мероприятиях.

— Ладно, я поговорю на третьем.

Через час, меня снова дергают к Владимир Ивановичу.

— Звонили журналисты, со второго канала. Сказал что, ты не хочешь с ними общаться.

— Как я не хочу? Дело ведь политическое, на всю страну шум был!

— Да, я посмотрел, ты там начудил. Про тебя всяких и гадостей пишут, и нормальных вещей. Популярный персонаж в СМИ. Ты уверен что хочешь?

— Конечно! Потому что мне скрывать то нечего, мне наоборот надо побольше шума поднять!

Рассказать, что в нашей стране за свободу слова либералы, вроде, борются, а на самом деле заявления пишут. Суды защищают наркоторговцев!

— Все правильно, но с другой стороны ты этим зачем занимаешься? Понятно же, если бы власти захотели, то за 3 дня в государстве не осталось ни наркоты, ни наркоторговцев, ни преступников, никого. Все было бы сделано аккуратно и быстро. А так просто люди делают деньги, ты им мешаешь своими воплями. Дело, может, и правильное, но только вот шансов что—то изменить нет. Ладно, ты меня убедил, попробую позвонить, сказать, может переиграем ситуацию, может приедут.

— Спасибо, Владимир Иванович.

На следующий день дергают меня в штаб. Сначала вводят в комнату нарядчиков, там сидит завхоз карантина.

— Там сейчас журналисты будут, ты скажи все нормально, по сути. Ничего по режиму не говори, нормально же к тебе отнеслись.

— Я понял. Им режим здешний и неинтересен особо.— А сам смотрю в пол. Очки у меня забрали, я все равно ни хрена не вижу, ну и привычка вырабатывается буквально за два дня.

— Да смотри нормально, голову—то подними.

— Что мне смотреть, один хрен очки забрали, ты их отдай, я хоть видеть что—то буду.

— Ну ладно, очки потом получишь.

Отводит меня в кабинет, там сидит зам начальника по воспитательной работе, и женщина, редактор газеты «Зона», прессекретарь ГУФСИН по Свердловской области.

Здравствуйте, Максим Сергеевич, вы знаете тут журналисты хотят приехать к вам, пообщаться?

— Знаю, мне сказали.

— Ты готов?

— Да, готов.

— Ты смотри глупости не наговори.

— Нет, дело у меня политическое, мне это не к чему. — Опять запел, ситуацию объясняю.

— Нормально, видно что ты понимаешь, не будешь хоть глупостей говорить. Про зону, сам понимаешь, плохого нельзя, потому что у нас зона образцово—показательная.

— Я понял. По режиму вообще разговоров не будет.

— Давай, пиши заявление.

Я пишу, что я такой—то, такой—то, согласен давать интервью телеканалу Россия, по теме касающейся моего уголовного дела и ни о чем больше. Число, подпись.

Отправили меня в карантин. Журналистов пока не наблюдается — они, оказывается, только заявку подали через ГУФСИН, её из Москвы переслали и процедуру получения добра начали.

Ближе к распределению.

Вторую неделю карантин сидел уже совсем спокойно. Привык — сидишь, читаешь. От подъема в шесть утра до отбоя в десять. Конечно, скучно — ходить нигде нельзя, разговаривать нельзя. За все это время я разговаривал всего пару раз с козлами, да с милицией. Остальные карантинщики — бегают, моют полы, убирают снег, чистят картошку — кто как работает. Но при этом им можно разговаривать, хотя и втихаря. Они двигаются а у меня полная обездвиженность и изоляция. У меня уже начинают голосовые связки отмирать, когда говорю — воздух поначалу вхолостую выходит. Долго не разговаривал. Так скоро и говорить разучусь.

По вечерам козлы проводили осмотры заключенных — смотрели, что бы не было побоев, синяков. Козлов—то много, а не у всех есть добро зеков бить. Выявляли нарушителей среди своих.

У кого есть, за какие—то косяки — по вечерам загоняли в ПВР, и били по списку. А просто так бить нельзя. Поэтому по вечерам и осматривали. Если есть синяк — «Что, откуда?», «Я не знаю...», «Давай, вспоминай! Тебе никто ничего не сделает!» Показывает зек пальцем на козла. Его потом, только втихаря козлы въебывают. Козлы—то не слаженно, не один за всех и все за донного. Разведка, контрразведка. Среди пятнадцати работников карантина! Они просто все друг друга боятся и друг на друга стучат. А вместе они боятся завхоза и СКОшника карантинного. Все передвижения по карантину происходят бегом вдоль стенки. Все по разрешению, хочешь сходить в туалет — «Разрешите в туалет?» Если разрешают, значит тебя кто—то отводит. Один ты не двигаешься вообще никуда — в туалет ты идешь с козлом, из туалета идешь с козлом, по коридору ты идешь с козлом. Один не находишься вообще нигде и никогда. Это тоже очень давит — знать, что за тобой все время

следят. Даже нос нельзя чесать — и человек не будет чесать нос, если сказали держать руки на коленках, и не крутить головой. За тобой смотрят со всех сторон. Только пошевелился или криво сел — делают замечание. Сделали 2—3 замечания — вечером ты идешь в ПВР, и там тебе дают пиздюлей.

С 6 до 7 вечера, по правилам внутреннего распорядка, просмотр телепередач. Для этого высаживали всех в ПВР перед телевизором, руки на колени, спина прямая, смотрим вперед. Включают «Папины дочки» или «Счастливы вместе» и час это смотрели. Если говорят «Смотрим на экран!», то по сторонам глазеть нельзя, нельзя крутить головой, нельзя чесать нос, нельзя отводить глаза от экрана, смотреть на козла тоже нельзя. Можно смотреть только в экран. Сидят люди, как зомби. Один раз я тоже пришел телевизор смотреть, но понял, что без очков, даже щурясь, не вижу. Я, конечно, уже соскучился и по телевизору, и по «Дочкам», но прошусь пойти дальше книжку читать. «Да, иди». Отвели меня, посадили.

По будням карантин учил «Правила внутреннего распорядка» — ПВР. Это происходит так: дают листы, один читает, что имеет права осужденный делать, чего не имеет права, что может получать в передаче возможной, что не может, какие у него есть обязанности, какая у него есть ответственность... Один прочитал один пункт, другой прочитал следующий пункт, и так далее — по очереди все читают. Отсюда и до обеда, или от обеда и до ужина, сколько скажут. Я от этого, к великому моему счастью, был избавлен.

Но все—таки пришлось мне пообщаться с контингентом. Подходит время к распределению, и мы должны были заполнить психологические тесты, для того что бы можно было сделать о контингенте какие—то выводы, провести социальную работу с осужденными... Мы должны были ответить на несколько сотен вопросов. «Да, нет, а,б,в, или кружочки и квадратики нарисовать...

Притащили нас в ПВР, раздали бланки, которые надо заполнять — 35 бланков и 2 листа с вопросами. Нужен кто—то один, чтобы быстренько эти вопросы зачитал. «Поднимите руки, кто читает нормально!» Все молчат. «Ты!». Пробует читать — по слогам, второй читает — по слогам, третий читает — по слогам, четвертый — вообще читать умеет может. Это же здесь опять темнота некультурная собралась... Козел мне говорит

— Ты же читать умеешь!

— Так, немножко...

— Давай, зачитаешь им быстренько. Наловили по теплотрассам...

— Давай,— почему бы не зачитать? Заодно хоть голосовые связки оживлю.

Начинаю читать, все заполняют, какие то вопросы переспрашивают, но все происходит довольно быстро. Заполнили.

Козел говорит:

— Так, теперь надо, что бы вы написали рапорт. Вот образец, рапорт на имя начальника, все пишут один в один, слово в слово то, что здесь написано.

Дает образец на картонке, которому уже несколько лет точно. Видно, что он потертый временем. Там написан: «Я, Ф.И.О., видел, как осужденные Иванов Иван Иванович, и Рабинович Абрам Соломонович, курили в неподобающем месте. Прошу посадить их в ШИЗО.» Здесь тоже все понятно — надо, что бы человек написал на кого—то рапорт, даже зная, что таких людей и нету, что это просто стандартная форма — тем не менее это рапорт на имя начальника. Обрубание блатных мурчаний среди заключенных. Написали почти все это заявление, ко мне подходит один из зеков.

— Слушай, я вот это писать не буду, можешь ты за меня написать?

— Ты что, ебнулся?

— Давай я напишу, а ты подпись поставишь? Что бы подпись не моя была.

— Слышишь, ты что вообще debil? Хочешь отрицать — отрицай.

— Нет, я это писать не буду! — сказал громче, чем хотел.

— Так,— козел услышал, подходит,— что ты писать не будешь?

— Нет, а зачем это писать? Ведь никто не курил же нигде!

— Сейчас ты у меня кожаную сигарету курить будешь придурок! Пиши!

— Нет зачем, я же никогда не на кого не писал, и здесь я не хочу писать...

Куда—то его увели на две минуты, привели — все нормально. Уже писать готов, все что угодно. Думаю, ну зачем ты блатовал — понятно же, что напишешь, не вывезешь...

Всех опять построили и объясняют:

— Сейчас вы должны будете выучить доклад. Доклад вы будете делать начальнику зоны на распределении, в его кабинете. Если хоть в одном слове ошибетесь, окажетесь на режимном бараке.

Тогда сидеть здесь вам будет очень хреново, если вы хоть одну букву в докладе перепутаете. Сегодня за ночь вы должны все выучить. Завтра утром повторить, а послезавтра у вас распределение. Вопросы есть?

Вопросов нету. Тем более, что у меня с памятью все в порядке. И сам доклад я еще с первой зоны наизусть знаю. В строю я стоял последним. Поэтому ждал, пока мои интеллектуальные коллеги закончат зубрежку. Некоторые не могут этот доклад даже прочитать. Он написан крупными буквами, на формате А1, на стене наклеен — читай просто, вставляй свою фамилию, и все в порядке! Они прочитать не могут! Другой может прочитать, но так боится, волнуется, и трясется, что постоянно сбивается и делает какие то запинки. Четвертый просто заикается, пятый слишком тупой, не может говорить четко и внятно, и что—то бормочет... При этом все идет в порядке очереди, пока предыдущий не закончит — следующий не начнет. А как только как ты его расскажешь громко и четко — отправляешься спать. Короче, простоял я полтора часа! Каких же дебилов привезли на эту зону! И где, по каким притонам и теплотрассам их только наловили!? Какой—то старик пытался очень долго сделать доклад. Он обычно ходил в толстых очках, и без них ни хера не видел. Я думаю, что это они над ним так издеваются?

— Что дед, у тебя дети то есть?

— Да, есть. Два сына.

— А что, любишь их?

— Да, люблю.

— Ебешь их?

— Нет, как можно!

— Как это детей не ебешь? Ты же пидор!

Оказалось, что старичка они не уважают за дело. Он так любил чужих маленьких детей, что совал в них пипиську. Да так этим увлекся, что даже на зону уехал. А с виду такой старичок, даже не подумаешь!

Был ещё один старик — но такой старый и слепой, что вообще ничего не видит, даже в очках. И ничего не соображает. Как только за кражу посадили? Да и как украл—то? Его подводят вплотную к докладу, он не может его прочитать. Ему суфлируют на ухо, он не слышит. Называют его фамилию, год рождения.

— Тридцать восьмой!

— Какой, на хуй, тридцать восьмой!? От рождества Христова?

— Да, Тридцать восьмой.

— Да, еб твою мать, тысяча девятьсот тридцать восьмой! Понял?

— Да—да, понял! Девятьсот тридцать восьмой!

У меня уже истерика начинается, Рафшан и Джумшут просто отдыхают со своим начальником, и поколодником. Но сделать—то ничего нельзя, стоишь, как дебил, подбородок в грудь вжат, глаза в пол, и слушаешь, как пытаются старичку вдолбить форму доклада. Ладно, вроде как он все вызубрил более—менее. Сдал я быстренько доклад и лег спать. Через полчаса меня поднимают.

— Давай, на тумбу вставай!

— В смысле «на тумбу»?

— Короче, все, кто находится в карантине, должны стоять на тумбе.

Это опять же, если ты на тумбе стоишь — ты дневальный. Если ты был дневальным, то ты не можешь уже быть блатным.

— Надевай косяк, учи доклад дневального. Выучишь — спать ляжешь.

«Здравствуйте, гражданин начальник, за время моего дежурства нарушений режима содержания не было, отряд находится по распорядку дня, в отряде 46 человек, КДС—0, ШИЗО—0, ООБ—0...» И тут мне моя память помогла, потратил я на это пять минут, доклад сдал, пошел спать. Лег и слышу:

— Здравствуйте, гражданин начальник, за время дежурства не было нарушено... — сбился.

— За время моего дежурства не было допущено... — еще раз.

— Ай! Да, да, извините гражданин начальник.— получил по уху.

— Я тебе не начальник!

И вот это понеслось, пол часа, час, полтора часа... опять идиоты учат форму доклада! Кое— как уснул.

С 19—00 до 20—00 у нас было «личное время». Ты можешь написать письмо домой, можешь выпить чай, если у тебя есть, если тебе его оставили козлы. Можешь выпить воды, или пообщаться с

другими карантинщиками. Но, так как чая у меня не было, с карантинщиками мне общаться было вообще запрещено, что личное время, что в не личное, я решил урвать время и написать пару писем домой. Поздравил маму с Новым годом, девушке своей написал письмо. Оставалось еще несколько, правда разорванных при шмоне, конвертов. Склеил их слюнями, отправил. Попил водички, сел дальше читать книгу.

Избавление от шелухи.

Вообще надо сказать, что две недели туалет по вечерам , один раз. Если пописать днем можно попросится сходить, то срать — это раз в день, железно. И практически весь день ты сидишь и думаешь о том — в подсознании крутится — где бумаги надыбать. Потому, что туалетки тебе козлы не дадут. А она лежит в бауле, как—то надо до нее добраться, как—то взять, куда—то убраться её, что бы вечером жопу было чем все—таки вытереть. Если в туалете у тебя не будет бумаги, то пойдешь спать грязный с жопой, и на следующий день так и будешь ходить. Мыться—то не дадут вообще все две недели. Система очень сомнительная, но эффективно превращающая человека в дрессированное животное с приземленными мыслями.

Хоть переживать это и неприятно, но полезно во многих аспектах. Во—первых, приобретается иммунитет к мелким жизненным неурядицам. Точнее, это они на фоне карантина становятся мелкими, блекнут и перестают казаться важными. Во—вторых приобретается опыт адаптации к отвратительным бытовым и, главное, социальным условиям. Но основное — козлы помогают избавиться от чувства собственной важности. Оно переполняет любого из нас. Мы живем им. А тут ты понимаешь, что всё это просто мыльный пузырь. Важность с тебя сдувают, как пену. Все внешние атрибуты «важности» — модную одежду, стильную прическу, положение в обществе, престижную работу, дорогую машину и красивую девушку у тебя легко забрать. И что тогда от тебя останется? От многих не остается ничего. Пустая телесная оболочка, озабоченная мелкофизиологическими желаниями. Если пройти это — ты станешь сильнее. Но уже никогда не будешь чувствовать себя таким важным, как раньше.

Рванные носки, постоянно унижения, оскорбления. Ты ходишь в ботинках без шнурков, штаны сваливаются, и при этом ты даже не имеешь права поднимать головы, глазами должен все время смотреть в пол. А козлы — по сути ты понимаешь, что они такие же люди, только немножко более наглые и стоящие на должности, но, тем не менее, они все чисто одеты, у них спортивные шмотки, у них маленькие бирочки, у них удобная обувь, они себя вольготно чувствуют, шутят, смеются, и это все очень сильно действует на сознание. Начинаешь чувствовать себя жалким , ничтожным. Причем понимаешь что это все специально внушено, что козлы — это конченные бараны, которые не способны ни на что другое, кроме как орать и махать руками.

Но, тем не менее, у тебя такое ощущение, что у них есть какое—то право тебе это говорить. А, раз у них есть это право, значит они в чем—то лучше тебя. Это психология. Так называемая «иллюзия справедливого мира». Людям свойственно думать, что человек получает то, что заслуживает. Если ты ходишь опустив голову вниз, то ты заслуживаешь того, что бы ходить опустив голову вниз. А если человек над тобой издевается, то значит, и он имеет на это право. Идет разделение сознания. Аналитическая часть мозга подсказывает, что это фигня, это игра , и ты об этом прекрасно знаешь, понимаешь, и в эту игру сознательно вписался, другого выбора нет. Можно или в нее играть, или пытаться с ней бодаться, но в одиночку справиться шанса нет, поэтому проще пройти эти две недели с наименьшими потерями, показать себя наиболее адекватным и вменяемым, и получить нормальную работу на зоне. Но существует и эмоциональная часть. И говорит она совсем другое. Кто—то на самом деле ломается. И морально, и социально.

Чая нету, сигарет тоже. Если есть пачка у кого—то одного, так он ими угостит всех окружающих, а окружающим уже пофигу, обиженный он, не обиженный — схватят, покурят, да даже и не спросят об этом. Пока им самим не скажут.

Распределение.

Привели нас на распределение с утра, это было уже 28 декабря. Построили в штабе вдоль стенки, повторяем форму доклада.

— Вы сейчас зайдете в кабинет, стучите, открываете дверь, вот так вот держите шапку свернутой, в левой руке, чуть за спину, делаете 2 шага вперед, носок на 45 градусов поворачиваете, здоровааетесь, делаете доклад, смотрите на портрет на стене. Не смотрите на тех, кто сидит в помещении. Вам называют номер отряда, прощаетесь, выходите, вопросы есть?

— А если вопрос какой то зададут?

— Вам никаких вопросов не зададут, так что не выебывайтесь!

Доходит до меня очередь. Захожу, смотрю полный кабинет мусоров, сидит толстый усатый мент, начальник колонии, я делаю доклад, он говорит:

— Это к вам должны журналисты приехать?

— Так точно.

— А вы написали заявление, что согласны давать интервью?

— Да, написал.

— Ну, хорошо, 16 отряд.

— Спасибо, до свидания.

Все , вышел, сообщил СКОшнику карантина, в какой отряд меня записали. «Что и требовалось доказать», говорит. Что это, интересно, значит? Это хорошо, или плохо? Понимаю, что за мной будут усиленно наблюдать, опять посадят на бараке, если какую работу и дадут, то такую, чтоб я ни куда не ходил, ни с кем не общался, изолируют. Отряд по любому будет режимный. Ладно, и так тут вполне лояльно ко мне отнеслись.

А бухгалтер, который приехал со мной с СИЗО, при том что так трясся, понимал что зона гадская, надо себя аккуратно вести, когда ему сказали, «Ты ни с кем не общайся, не разговаривай, ни у кого ничего не проси, башкой не верти!», как—то это требование проигнорировал. Один раз вертел башкой, второй раз, когда ему показалось, что козлы ушли стал просить у кого—то сигареты. Но там, если ты не видишь козлов, то знаешь, что они видят тебя. Его спалили. Один раз вечером в ПВР дали пизды, второй раз дали пизды, ну а в третий раз получилось так, что его кто—то долбанул ему по роже и рассек бровь. А что значит рассеченная бровь? Это значит, что он не распределяется до Нового года. Пока синяк и рассечение не пройдет, недели две лишние он должен будет в карантине пробыть. Нельзя же показывать администрации человека, который приехал с целым лицом, а в карантине его лицо стало мятым!

Потому как в карантине ведется социальная работа с осужденными, им помогают адаптироваться на зоне, им объясняют правила внутреннего распорядка, особенности быта. Им объясняют, что на зоне нет воровских понятий, здесь все живут по—человечески, культурно и цивилизовано. Но это официально, по учебникам и методичкам. На самом деле там просто дают пизды, и всячески чмырят. И, конечно, при этом стараются отделить зерна от плевел, вменяемых людей от пехоты. Вообще, вменяемого человека можно вычислить в течение минуты. Задай два вопроса, даже если человек попытается умничать, а он на самом деле идиот — ты это поймешь. Если он умный, ты это поймешь. Если даже он будет притворяться дураком.

Перед самым распределением нас опять загнали в ПВР. Там мы разбираем одежду, выбираем себе матрацы, раздали ботинки, отдают наши шмотки, которые изъяли. Вернули фотографии. Их почему—то во всех карантинах забирают...

Ходит один козлик, задал мне один вопрос про Москву, второй...

— Ты правда из Москвы?

— Ну да.

— С Рублевки?

— С Рублевки.

— Да ты нормальный пацан! Сейчас на зону попадешь, там все заебись будет.

— А кто на зоне вообще нормально живет?

— Козлы или шныри.

— А еще?

— А остальные моют, нюхают и сосут.

— Да? А если ты работаешь нормально?

— Да нет, если ты не козел, все равно жизни нет.

Он рассказал, как он служил по контракту в Чечне . Один раз съездил туда — заплатили только четверть от обещанных денег. Потом пообещали, что все отдадут, только надо съездить еще разок на год. Опять отслужил — денег не дали вообще. Вернулся к себе, денег нет, надо как—то крутится... Совершил небольшое корыстное преступление, сразу упаковали. «Смотрите, он еще и в Чечне воевал! С оружием умеет обращаться! Все, поехали по полной!» Посадили, денег так и не отдали. Потому что, раз уже преступник — зачем преступнику деньги отдавать? Вот и сидит теперь.

— Так это меня все бесит, вот пошел в карантин работать! Может домой пораньше отпустят. А ты что? За народ, да?

— Ну да, за народ.

— Золотой ты человек, Максим Сергеевич! — смеется

— Да, о народе думаю, душа за народ—то болит.

— А что у тебя душа—то за народ болит? Вот же сидят болваны — они народ. Половина читать не умеет, вторая половина писать не умеет, и все дружно думают, как бы наркотой уколоться! Какой спорт им! Какая борьба с наркотиками? Ты посмотри — им по 20 лет, у них уже сисочки висят, пузо жирное как у собаки.

Смотрю — действительно, зековские фигуры. Дохлые плечики, толстая жопа, жирненькое пузико...

— Они же такие потому, что им внушили такими быть. Они могли бы быть нормальными людьми, заниматься спортом и учиться, а не колотиться, и не бухать в подворотне!

Спорили с ним, спорили. При этом остальные сидят — они слушают, не слушать нельзя. Но как—то толи они запуганы, что интерес на их лицах не отображается, толи им реально пофигу. Ушел этот козел, пришел другой.

— Я в Москве раньше жил. Я там чисто в готских кругах на «Чистых прудах» тусовался!

Начали с ним общаться. Он убил рэпака по малолетке, получил десятку и уехал в Ебург сидеть, по месту прописки. Я называю девку с ЧП, он говорит, да я знаю, жирная, рожа стремная, сама шлюха. Как—то очень похоже на подставу! Откуда в Ебурге, взялся бывший гот, который знает моих знакомых девок, с кем я всего раз на хате тусовался, которые тусовались на чистых прудах. Характеристика—то девке дана не в бровь а в глаз! Даже если это оперативная разработка, то не может быть у него такой четкой информации, если он там не находился. Наверное, он там все—таки был. Называю по кличке другую, с которой у меня как—то был секси—тайм.

— А, эта, Наташа, прикольная такая, ну вообще давалка!

— И как она тебе?

— Ну, как — я ее там прямо на «Чистых прудах» и ебнул.

— Понятно, значит мы с тобой коллеги в этом отношении.

— Скинов—то много на зоне?

— Десяток точно есть, но все по разным баракам раскинуты. Но с кем—то может пообщаешься.

— Как они сидят—то?

— По—разному, кто—то козел, кто—то в грядке сидит...

— Понятно, а пидоров—то нет среди скинов?

— Нет, пидоров нету.

— Уже хорошо.

В это время мы уже разобрали матрацы, приготовились расходиться по отрядам.

За одними пришли, за другими, за третьими, к вечеру забрали и меня. Называют, я выхожу смотрю, стоит завхоз, с меня ростом, не сказать что здоровый — крепкий. Что главное, с вменяемым вполне лицом, не малолетка, а взрослый. «Спускайся вниз!» Я спускаюсь, жду в локалке минуту, две, три. Выходит.

— Во, а я думал ты уже ушел!

— Куда же я уйду из закрытой локалки?

— Пойдем.

Идти до барака было совсем не далеко. Заходим в уютненькое помещение, небольшое. Очков у меня нет, но чувствую, что все цивилизно и обихожено.

16 отряд.

Зашёл я за завхозом на барак. Прошёл в секцию. Там свет выключен, не хрена не видно. Поставил баул. Он говорит:

— Давай, сейчас ко мне зайдёшь, на личную беседу.

Как попадаешь на барак, сперва разговариваешь с завхозом, так как он на бараче главный. Он смотрит «кто ты», «что ты», «что по жизни можешь». Смотрит, соответственно, твой интеллект, силу, волю и экономические возможности. Основные характеристики.

Если у человека есть сила, воля и интеллект, то он получает хорошую должность на зоне, нормально себя там чувствует и хорошо живёт. Ну, конечно, если он не «отрицалово». Зона «красная», поэтому почти все козлы на ней — бывшие «отрицалы».

Если у тебя есть сила, воля и разум, то ты получаешь хорошую должность.

Если у тебя есть только сила и воля, то ты становишься обычным «козлом», ты пехота, ты делаешь то, что тебе прикажут козлы с мозгами или администрация. Бьёшь людей, следишь за тем, чтобы бежали по прямой, вставали по времени, одновременно садились за стол — следишь за режимом.

Если у тебя есть воля и разум, то ты можешь устроиться на какое—то нормальное место. Интриги плести или работать своей головой — как ты будешь устроен, зависит от человека, от его совести.

Если у тебя есть только воля, то ты будешь «низшей пехотой», будешь покрикивать, подпёздывать где—то.

Если у тебя есть только сила, то скорее всего будешь сидеть в грядке или работать.

Если у тебя есть только разум, то, если повезёт — устроишься на нормальную работу или будешь сидеть в грядке. Обычно люди с мозгами нормально устраиваются.

Пошёл я на беседу с завхозом.

— Меня Олег зовут.

— Я Макс.

— Откуда приехал—то?

Я, как обычно: «От туда... От туда...» Смотрю, кабинет начальника отряда сделан очень хорошо. Новый ремонт в нём. Стоит красивый диван с нормальной обивкой, плоский телевизор, по которому идёт «17 мгновений весны». Завхоз лежит на диване, сидит его шнырь и сидит СКОшник. СКОшник — это помощник завхоза. Если брать по меркам страны, то завхоз это президент, а СКОшник это премьер—министр.

— А что за статья такая у тебя? За что заехал?

— Видишь фильм? Вот я из этих.

— Нацист, что ли?

— Да.

— Понятно... У меня у самого кличка «Шульц», так что всё в порядке. И что ты сделал?

Рассказываю про таджикских наркоторговцев, про либералов. Посмеялись мы с ним. Я говорю:

— Это, видимо, самый режимный барак на зоне? Не могли же меня на нормальный отправить.

— Нет, это наоборот, самый нормальный отряд.— Смеется Олег.

— Как самый нормальный?

— Вот так, самый нормальный. Ты же сюда распределился — полюбому Владимир Иваныч проходатайствовал. Ты же с ним разговаривал.

— Да, зампобор.

— Нормально у тебя всё. Сейчас поговорим, что делать будешь. Только помоешься и переоденешься. Одежду дадут. Шульман, посмотри на него шмоток. У меня, кстати тут скинхэд один сидит, сейчас с ним познакомишься.

Повезло, соратник на бараке! Сейчас пообщаюсь, вообще заебись! Вышел, а мне опять не удобно — помню что и первый раз после карантина также было. Пришёл с завхозом разговаривать, весь потом воняю, носки воняют, зубы не чищены, рожа не бритая, отстой полный! Все вещи неудобные и заношенные! СКОшник Шульман пошёл, быстренько взял у кого—то мне одежду по размеру. Нашёл кофту, майку, носки, трусы чистые. Дал мочалку и шампунь. Говорит: «Ну всё, иди в душ!».

А там, прямо на бараке. душ есть! Душевая кабинка, лейка, смеситель! Там даже теплая вода есть. А я уже и забыл как теплая вода выглядит. Открываю душ и правда теплая вода! Думаю: «Нихуя Себе! Вот это я в сказку попал!». С гелем для душа помылся. Мусора хотели мне нагадить, и увезли за Урал. А тут вообще класс!

Помылся, переоделся, нацепил очки. Выхожу довольный, прохожу в другую секцию разговаривать с СКОшником. Сидим, знакомимся, к нам подошёл парень небольшого роста, в очках, и говорит мне:

— Четырнадцать?

— Восемь—Восемь!— Я ему в ответ, чисто на автомате.

Он руку протягивает. Я её пожимаю за предплечье.

— Саша, SS.

— Максим, Тесак.

— Ты Тесак?! Нихуя себе! Не узнал! Ты похудел! Я слышал, тебя убили на «Лебеде»!

- Да, меня где только не убили! Не верь вражеской пропаганде!
- Я и не поверил! А ты что, у нас на бараке сидеть будешь?
- Вот, сюда распределили.
- Бляяя, охуееннооо вообще! Пойдём я тебе всё покажу, всё объясню!

Я так даже какую—то неловкость почувствовал. Может что—то может не понятное происходит. Но такое чувство, что все слишком хорошо.

Через час зовут меня опять в комнату начальника отряда, завхоз уже был проинформирован о нашей встрече с соратником в деталях.

- Он чуть от радости же не описался. Ты что по воле—то делал? Кто такой?
- Пропагандой занимался.

Рассказал что такое «Формат18», про ролики, интервью, креативные акции...

- А вообще что ты делать умеешь?

— Я инженер, и в компьютерах разбираюсь.— На компы я всегда давил, и в карантине об этом сказал, и начальнику сказал. Вдруг здесь такие вакансии окажутся? О большем и мечтать нельзя.

- Слава богу!

- Что такое?— Удивился я.

— У меня послезавтра Хакер освобождается. В колледже компьютерный класс, а смотреть за ним некому. Вменяемых людей нет!

- И что делать?

— Смотреть, чтоб компы работали и программы на них нужные стояли. И еще всякая мелочь. Если в компах шарить — ничего сложного.

— Тогда я готов. Только я два с половиной года не работал. Мне надо, чтобы кто—нибудь проинструктировал.

— Хакер все покажет тебе. Ладно, я завтра с Иванычем насчет тебя переговорю. Если добро даст — сразу на работу выведу. Иди пока поешь. Магзум, организуй. Ты только ни с кем особо не общайся. Кроме меня, Шульмана, Магзума и SS — с ним тоже можно. Ко мне уже другие завхозы приходили, спрашивали и забрать тебя хотели к себе на барак. В столовую не ходи, тебя здесь кормить будут. Мою диету на барак носят, будешь её есть. Ни с кем не общайся. В локалке если кто поздоровается — игнорируй. Сами отстанут. Это для твоего же блага. Сиди в пищежке, телек смотри. Спать можешь днем, но только шконарь расправляй, раздевайся — я козлам скажу, они ментам объяснят, что ты ночью работал. Все понятно?

- Примерно. Если что, я у Шульмана уточню.

- Ладно, давай, в себя приходи, отдыхай.

Изучение территории.

На зоне есть несколько козлячьих группировок. В каждой группировке есть по несколько человек, которые что—то могут. Не пехота, которая может тупо руками махать, а организаторы. Люди, которые влияют, общаются с мусорами, имеют влияние. Надо собрать зеков, структуру выстроить, сплотить, запугать, умаслить или чем—то затележить. И начинается такая стратегическая

игра «захват объектов». Например, есть барак, он принадлежит «Изолятору», в него забегают «козлы» из «Четвёрки». «Четвёрка» — это группировка в которую я попал. Въёбывают на бараче СКОшника и дневальных, уводят СКОшника с собой, ставят на его место своего и барак таким образом забирают. Рейдерский захват.

А что значит захватить барак? И зачем? Все зеки, которые на нем сидят — они что—то тянут. «Чтобы хорошо сидеть — надо приносить пользу барачу». Или козлить, финансово или затягивать гуманитарную помощь (телеки, чайники, стулья). На зоне всегда всё ломается и пропадает, всегда всё нужно. И все эти экономические ресурсы попадают в лапы захватившей объект стороне. Для этих целей мной, видимо, и заинтересовались...

Пошёл спать, а кровать мягкая! Обычный шконарь, по сути, но после этапных нар это вообще перина. После карантина, где не выспишься, где постоянное напряжение...

Наверное, перепутали там у начальника что—то и, скорее всего, завтра меня переведут на другой барак. Не может быть так всё круто.

Просыпаюсь на следующее утро, пообщался немножко с SS. Тут приходит Олег и говорит: — Давай, Макс, одевайся, пойдём тебе зону покажу. Одеваю свою шапку, фуфайку, ботинки.

А там шапки—ушанки разные. Бывают «трамвайки», положняковые, их выдают в карантине. Они смешные и уродливые. А есть шапки, которые на зоне уже шьют для зеков на заказ.

— Шульман! Дай Максиму нормальную шапку!

Мне нашли нормальную шапку и нормальную одежду. Дали кожаные перчатки. У меня всё это и свое было, но изъяли на карантине и сказали про это вообще забыть. Олег отдал мне свои зимние ботинки. Кожаные, теплые, на молнии.

Сначала мы с ним пошли смотреть крокодила! Привел меня в какое—то помещение, там птички чирикают, цветы растут, у меня сразу очки запотели и я понимаю что это сад. Дикая сырость, я достаю туалетную бумагу из кармана и начинаю протирать очки. Всегда носил её с собой, потому что очки часто запотевали. И другие надобности, опять же...

— Вот, смотри, крокодил!— и показывает мне пальцем.

Куда я попал! Там реально сидит крокодил, длинной почти 3 метра, здоровый, жирный живой крокодил! Работник сада даёт мне палку, я ткнул крокодила в брюхо — он реально шевелится, пополз! Кормили его кроликами. Звали Умка — никто точно не мог сказать, самец это или самка.

Мне показали крыс, попугаев, редкие растения. Потом мы вышли из сада, прошлись по зоне. Посреди жилзоны, на футбольном поле, строят горку — реальную снежную горку метров шесть в высоту. Работает народу человек 50, не меньше. Как на маленькой египетской пирамиде. Все снег

носят, закидывают, трамбуют его, заливают водой, грандиозное строительство. Идём дальше, через проходную. Промзона. Широкая дорога, фонарики, по обеим сторонам — производственные цеха. Именно там я шёл после приезда.

— А здесь мы на машинах катаемся!

— Как это?— удивился я.

— На зону привозят машины чинить. Здесь очень качественный ремонт делают. Многие предпочитают здесь делать, так как и качественнее и дешевле.

Вроде бы и круто, а вроде и какой интерес эта езда представляет?

Колледж.

Пришли в колледж. Поднялись на второй этаж промздания по металлической лестнице. Там холл, стоит стол с телефоном, сидит «Рыжий» с нашего барака. Тумбарь — дневной дневальный колледжа. Прошли через помещение третьего курса, заходим в лаборантскую комнату. Два на три метра, с евроремонтом. Там стоит здоровая кровать, и есть ещё один выход в подсобку, там работники колледжа курят. Оттуда выныривает Газик. Хихикает всё время, весёлый, вроде, показался. Олег спросил его как дела. Тот протянул листок бумаги и, тыкая пальцем в строки говорит:

— Этот вот разговаривал... Этот вот пытался сгущенку пронести... этот пуговицы расстегнул... этот с учительницей разговаривал не по теме урока...

Странный парень. Настучал на всех и даже не поморщился... Потом Газик ушёл, приходит Хакер.

Он завхоз колледжа. Сегодня он уже освобождается.

Мы с ним поздоровались, познакомились.

— Всё не сложно главное, внимательно за всем следить. И смотреть, чтоб студенты никуда носы не совали. От этого практически все поломки и глюки.

Он не знал, что на воле вообще делать и как там быть... Отвык он уже. Хотя отсидел, как и я, два с половиной года. Олег сказал, что в лаборантской я смогу спать после работы, если устану. Потом мы пошли посмотреть компьютерный класс. Заходим, стоит 10 компов на отдельных столиках. Посреди класса доска, стол учительский, пара шкафов. Компы в плохом состоянии, это видно невооруженным глазом. Все открытые. Кулеры прикручены скотчем или шурупами прямо к корпусу.

Олег садится за один, с самым большим монитором и загружает «Контер—Страйк».

— Поиграю, пока Оксана не придёт!

Оксана — это директор колледжа. С ней мне надо познакомиться и пообщаться. Она тут самая главная, и если с ней общий язык я найду — то всё будет супер, а если не найду, то будет полный пиздец. Мне это сразу показалось интересным. Олег предложил и мне в контру сыграть, а я не любитель, больше в стратегии играю. Но всё равно сел — компьютер же! Соединились начали, играть на сервере. Он меня, естественно, столько раз замочил, что за полчаса мне эта игра уже надоела.

Я его спросил, что вообще тут надо делать.

— Ну, смотри, по вечерам сюда приходят завхозы играть в контру. Надо, чтобы контра работала, чтобы везде всё коннектилось, чтобы компы работали. Сейчас работают только 6 компов, а контра идёт только на 5. Остальные для нее слишком слабые. Кроме того тебе надо следить, чтобы на всех компах работал ворд, эксель, корел, фотошоп и то, что ещё учителя попросят. То есть днём тебе надо будет поддерживать компы для учёбы, а по вечерам создавать сервер. Еще по вечерам приносят компы из других объектов, их надо подключить чтобы можно было играть. Короче, основное — контра. Потом уже учеба и всякая другая фигня.

— Понятно, разберусь. Покажешь, как сервер создать?

— Сейчас Султан тебе всё покажет.

Тут приходит Султан. Парня зовут Денис. Такой прикольный тип. Чуть повыше меня ростом,

очень худой и лицом похож на мультяшку. С большими несчастными глазами, сидит за разбой, но судя по всему ничего не совершал. Мента, который выбивал из него явку с повинной, уже посадили за превышение должностных полномочий и пытки. Султан постоянно об этом говорил, думать ни о чем спокойно не мог. Как он этого мента, пидора, обоссать хочет, выебать его хочет, как мент его током бил и в ковёр заворачивал и бил дубиной по ногам и рукам. Я всё это прекрасно понимал. Но проще подавать ходатайство на УДО, чем ждать, пока отменят несправедливый приговор. В нашей стране, как известно, только суды присяжных выносят оправдательные приговоры. Порядка 20%, а когда судит один судья или коллегия судей, то меньше одного процента оправданий. Конечно, система объясняет это тем, что у нас хорошо работают органы дознания и следствия, то есть все дела обоснованы и все ошибки раскрываются на стадии следствия, а присяжные некомпетентны и отпускают преступников. Но на самом деле всё не так. Когда тебя сажают в тюрьму, ты становишься виновным. Потому, что ты сидишь! Раз ты сидишь, значит ты виновен! Вот и Всё! Если ты не виновен вообще, и это всем становится очевидно, то тебе дают условный срок. Если ты виновен но не сильно, то тебе дадут немножко. Если ты виновен так, как о тебе говорят, то тебе дадут дофига. Такой расклад. Оправдывать нельзя ни за что — это ломает систему. Все суды так действуют в России.

И вот этот Султан, а он парень очень эмоциональный, очень за всё переживает, нервничает, начал объяснять, мне как настраивать серверы, как соединять компы.

— Тут винты все старые и постоянно сыплются. Некоторые горят, некоторые читать перестают информацию. Виндоусы приходится переустанавливать, все программы ставишь, и каждый раз заново их настраивать. В общем геморрой.

— Я в компах умею хорошо видео монтировать и всякие статьи писать а в железе не очень разбираюсь. Точнее не секу вообще. Даже жесткий диск не подключу. Но проги ставить могу.

— Я и сам оперативку с трудом вставляю...

Вот, блять, хакеры! Приехали. Олег сказал, что я со временем всё делать научусь. Рассказал, что есть один парень, Миша, которого нельзя допускать к компам. Но если что сломается, вы будете его вызывать. Он будет помогать, всё починит, и вы его обратно отошлёте. Я спросил, почему нельзя этого парня в колледж работать устроить? Олег сказал, что на другой зоне у него был доступ к компам, так он открыл порно сайты, целую кучу. Зарабатывал там бабки, рассылал ссылки, ему женщины зачем—то деньги переводили, мошенник, короче, полный... Меня Миша сразу заинтересовал, и я захотел с ним познакомиться.

Тут пришла Оксана Владимировна — директор колледжа имени Ползунова, этого отделения дополнительного образования, которое находится на зоне. Симпатичная женщина лет 35. С виду она вполне нормальная, а, по отзывам это «Волк в овечьей шкуре». Если что—то криво, то вообще разорвёт на куски. Я поздоровался с ней. Она спросила, откуда я. Рассказал откуда, сказал, что сижу за разжигание межнациональной розни. Громкое дело было? Посоветовал, чтобы она набрала в интернете «Скинхед Тесак» и посмотрела. Она сказала, что ей даже интересно это. Политический заключенный в наше время! Поговорили с ней минут 5. Вроде, всё нормально...

В ожидании праздника.

Пошли с Олегом опять на барак, он меня оставил и ушёл по своим делам. Я остался в помещении эмоциональной разгрузки она же называется «пищёвка» или «кухня». Там обычно сидит СКОшник, тусуется шнырь, там стоит телевизор, холодильник. Можно замечательно проводить время. Но не всем. Так как у меня было прямое распоряжение «ни с кем не общаться», то меня изолировали от барака и посадили туда. Сказали, что могу брать еду, слушать, музыку и делать, что захочу. Полез в шкаф, посмотреть, с чем бы чай попить. Я вообще офигел! Ведь, на прошлой зоне, за зефир в шоколаде не то что бы душу продали, а душу вместе с телом и задним проходом. А тут этот зефир лежит без охраны. Бери, пей чай! Сел смотреть вечером телевизор, и смотрел его до утренней проверки. А утренняя проверка — это подъём в 6 часов, потом всех выгоняют на зарядку. Зарядка 15 минут на морозе, руками, ногами помахать, попрыгать, поприседать, покрутить жопой. Потом построиться, подождать мента, когда он твою фамилию зачитает, назвать свои имя—отчество и заходить на барак. Проверка проходит, и я иду ложусь спать.

По идее это, конечно, нарушение режима содержания, но в порядке исключения мне было разрешено спать днём. Проснулся, смотрю SS на барачке тусуется. И практически никого больше нет.

— SS! Сколько времени, не знаешь?

— Три почти уже.

— Есть, что пожрать? Олег говорил из столовки притащат...

— Супа принесли. Будешь?

SS «смотрел» за кухней, за плитой, за холодильником. Он погрел мне овощного супа, пюрешки с котлетой.

— Нет, ну тут просто СКАЗКА! Думаю, меня скоро переведут отсюда. Что—то перепутали, слишком уж всё охуительно. И меня терзают смутные подозрения.

— Всё нормально, раз сюда попал. Тут ничего не путают!

Мы с ним закрылись в этой комнате, общаемся. Тут заходит СКОшник и SS сразу куда—то сливается. Сидим с СКОшником, смотрим телек. Я надыбал диск с музыкой, нашёл там клип Би—2 и Агата Кристи — «Всё, как он сказал», смотрю его уже в 20 раз. У меня блаженство и праздник души, потому что давно не слушал рока и клипов не смотрел.

— Мы с Олегом договорились, что я буду в колледже работать.

— Я в курсе.

Я ему рассказал, чем на прошлой зоне занимался. Как запарился без работы на бараке сидеть. На воле—то от работы не знаешь, как избавиться. Без нее нечего будет жрать, поэтому приходится вкалывать. Очень редкие счастливики наслаждаются ей. Для большинства же работа — неизбежное зло. Отупляющее и неинтересное. Проснулся, сполоснулся, позавтракал, поехал трудиться. Вечером приполз домой, поужинал, посидел за компом и в люльку. Вот и вся жизнь. А на зоне по—другому. В столовой покормят и работягу и «тунеядца». Здесь работа — шанс хотя бы в рабочее время не слышать и не видеть козлов. Скоротать время. Что—то делать в принципе.

Хорошую работу никто не предложит — она сама по себе ценность. О какой—то оплате речь, конечно, не идет.

Он поведал про свою разбойно—пацанскую жизнь. Это уже его вторая ходка. В этот раз — за мобилу. Глупее придумать ничего нельзя, он и сам это понимал. Отжим мобил вещь очень простая, быстрая и гарантированно приносящая небольшие деньги. На отжим очень легко подсесть. За день можно забрать и десять, и двадцать. Было бы желание. Сейчас у каждого лоха труба, а у многих и дорогая. Оптом хоть сдавай по тысяче—другой. Но, по сути, каждый аппарат — разбойное нападение. Пару лет в среднем, но бывает и пять и шесть... Тех. Кто сидит за телефон презрительно называют «телерасты». Но Шульман был парень с мозгами, сам всё понимал.

Узнал я про олеговского шныря, Магзума. Тот был с малолетки, ему всего 19, он парень сообразительный, хотя и притворяется дурачком ...Что на зоне, что хорошо живут только самая верхушка Козлов и шныри этих Козлов, остальные удовольствия особого от отсидки не получают.

Если я напишу заявление на звонки до Нового года, то смогу позвонить домой в начале января. Звонки раз—два в неделю, до 15 минут разговора. А сотовых телефонов нет ни у кого вообще! Это, конечно, меня расстроило.

Накалякал на листке заявление, писарь переписал начисто красивыми ровными буквами. Я указал всех своих знакомых, друзей и родственников, а вписал туда телефоны своих соратников. Не зачем лишней инфы давать. Тем более. Что никто не будет базы данных сотовых операторов поднимать, чтобы сверить данные. Отдали эту бумажку в штаб на подпись.

Последний Новый год в неволе.

Наступил Новый Год! Третий в неволе. Надеюсь, последний. У меня настроение абсолютного праздника! Кругом всё ахуительно! Рядом товарищ сидит! Мало того, что за убийство, так он по воле ещё и пропагандой занимался. Любитель форматовских роликов, сам пафосный писатель. Любил сочинить какую—нибудь статью «За Русский Народ!» Даже, еще до посадки, лет в 16, написал книгу про бригаду скинов, назвал её «Орден». С ним было о чём поговорить. Единственное, он слегка помешан на истории и оружии. Если с ним начать эту тему обсуждать, то можно мозг тушить и включать внутри себя музыку из программы «Время». «Ту—ту—ту—тутутууу—ту—ту—ту!» Он будет рассказывать про устройство автомата, про пушки, вооружение 5, 10, 15 минут. Если хоть раз что—то уточнить, то и все 40. И он говорит:

— Макс, а ты же интересуешься историей?— я даже опешил.

— Я? С Какого хуя?

— Ты же из «Формата 18», должен интересоваться историей!

— Мне история по боку, я больше социальной психологией и вообще психологией интересуюсь, пропагандой, а история для меня как «мёртвая наука», не очень интересно.

Он удивился и сказал:

— Как так!? Вы же должны любить историю и книги по истории? Особенно военной!

— У нас совсем другие задачи. Какая мне разница, у кого сколько танков было под Прохоровкой? Мне интереснее, как Геббельс поддерживал боевой дух в солдатах при том, что армия отступала и города оставляли врагу один за другим. Как заставить людей сражаться при том, что все понимали, что Война проиграна.

Он согласился, но немножко расстроился. Стали с ним обсуждать его местные движухи. Оказалось, у него была бригада алко—бонов. Они собирались в дендропарке, открывали ноутбук, пили пиво, смотрели форматовские ролики и шли валить чурбанов, панков, рэпаков. И в один неудачный день они по ошибке завалили обычного мужика. В итоге несколько человек уехало. Я говорю:

— Сань, вот ты понимаешь, к чему приводит алкоголизм?

— Любой может ошибиться, никто не застрахован. Да и он сам выебывался.

— Во всех роликах «формата» говорится, что надо не пить, не курить!

— Никогда не обращал на это внимание. Так—то да, если вспомнить... Я просто сам и пью и курю... Хотя бросать собираюсь.

— Надо тебе самосовершенствоваться, пока время есть. Пить ты уже не пьешь. Ты уверен, что готов курить бросать? — Да, уверен. Давно уже хочу!

— Тогда надо дать обещание. Такое, чтоб нарушить его ты не мог.

— Всё, если после Нового года закурю, то пусть все меня считают коммунистом!

— Коммунистом — это мало. Мало ли ты пролетарием стать захочешь. Давай лучше, если ты начнешь курить, то тебя будут считать пидорасом?

— Коммунистом быть хуже, чем пидорасом!

— То есть пидорасом быть лучше?

— Нет! Ничего не лучше! И то и то загасно!

— Тогда, если начнешь курить, то будешь и коммунистом и пидорасом.

Мы сказали об этом ещё нескольким людям. Торжественно подходили к тем, с кем он общается, и рубили SS мосты к сигарете. Если самому себе пообещать — всегда можно переубедить себя, а если окружающим сказал, то уже пидорасом быть не захочешь. Ну, это логично. Это основа любого обещания — быть последовательным в глазах окружающих.

Часов в 11 мы накрываем стол, режем тортики, колбаску. Тортики на зоне принимали 29 и 30 декабря от родственников, по одному торту на человека

Наступает Новый Год! Мы с SS остались в секции, не пошли слушать речь Медвелута. Скушали тортики, конфетки, шоколадки, выпили чая. Саня чифирил и меня подбивал на это, я сделал пару глотков, понимая, что чифир это вещь хреновая и зубы портит. Но уговорили, ладно. Отметим праздник.

Пошёл ночью смотреть телевизор в помещении эмоциональной разгрузки. С Шульманом протусовался опять же до утра. Зарядки не было, так что проверка прошла на бараке. Пошёл спать.

Я — хакер!

Весь день спал и проснулся после обеда. Понеслись эти выходные, они совершенно нудные. Я ни с кем не общаюсь, кроме нескольких председателей, SS и Магзума с Шульманом. А всего на бараке около сорока человек. Почти все — студенты колледжа, за редким исключением.

Числа третьего меня отвели позвонить! Магзум нашел телефонную карточку. Минута разговора с Москвой жрала по 8 единиц. Мне хватило на 9 минут. Отзвонился с товарищам, сказал где нахожусь, что тут всё нормально, приняли хорошо, условия быта вообще изумительные. Что дальше будет непонятно, и я чувствую, что подвох какой—то наклёвывается, но в чём прикол не ясно. Попросил перекинуть мне денег на ларёк. Больше сказать не успел, да и не стоило, все переговоры — официальные. Значит, слушаются оперотделом. Да и в помещении, где стоят таксофоны, ходят козлы—телефонисты. Специально отобранные операми зеки. По сути — те же менты. Слушают, о чем разговор и, если какие—то угрозы, шифровки, мат, запрещенная информация о зоне идет — прерывают разговор. Так что лучше говорить примерно так: «Здравствуй, мама! Как здоровье? Вышли сала. Пока—пока!» На зоне есть ларёк, куда можно ходить два раза в месяц. Причём выбор там достаточно хороший. Можно купить чай, кофе, курочку, печенья, конфеты, тушенку, лапшу, мыльно—рыльное, канцелярку... Для зоны выбор огромный и есть всё самое необходимое. Деньги мне пообещали перевести, ничего нехорошего не случилось ни с кем, все приветы передают. На душе стало совсем спокойно.

Наступает опять учебный день. С утра пришёл в колледж, там уже собралась какие—то

учителя, Султан туда—сюда ползает. Потом он принёс из кладовки системник, жесткий диск и провода. Собрал комп и сказал, что надо винду поставить, будет еще одна единица. Давай мы с ним калупаться. А суть в том, что компы все очень старые и на них запчастей новых вообще нету. Если жесткий диск — были и по 40, и по 20, и по 10 мегов, даже на 1 мегабайт! — не работает, то его надо перевернуть на бок, может он тогда зафурычет, может надо потрясти и постучать! Если оперативка не работает на одном компе, то есть шанс, что она заработает на другом. Если проводок перегорел, то его надо разрезать, зачистить зажигалкой и скрутить с другим концом. Тогда, может быть, он продолжит свою работу. В подсобном помещении хранились «трупы» 10 компьютеров, жесткие диски, куча сломанных CD—ROMов и целая куча убитых материнок. Корпуса, для которых лет пять уже не выпускают материнки, и куча выпуклых маленьких мониторов, которые уже не показывают цвета. Ну, мы этим хламом принялись чинить компьютеры. Что—то пытались сделать, но так как, во—первых мы дилетанты, во—вторых оборудование совершенно хреновое, сделаем один компьютер, только поставим на него все программы, он перестает работать и вообще подавать признаки жизни. Всё, вроде, установили, Контер—страйк настроили, сервер создали, всё проверили...

Вечером завхозы приходят играть, и в середине игры на единственном компе с колонками отрубается аудиокарта. Завхозы не довольны и начинают жаловаться Султану. Начинает он чинить, ничего не получается. Потом мы с ним вместе делаем. Но через полчаса он опять портится.

Причём все компы летят по очереди! К приходу училки по информатике нужно было, чтобы компы работали, на них шли дополнительные занятия, но работает из 8 только 4! А она придёт через три часа и надо как—то всё это срочно решать. Если это не сделать, то получается мы сорвали занятие. То есть мы не справились со своей работой, поэтому могут и списать. Постоянное напряжение!

Тут ещё менты повадились пробивать нас на профпригодность и на скорость выполнения всяких дебильных просьб. То начальник пожарной охраны пришёл и попросил, чтобы мы ему нарисовали пожарные схемы. Потом оказалось, что он подsunул нам не какие—то зоновские чертежи, а свои коммерческие подработки. Какие—то магазины, пункты быстрого питания он там от пожара охранял. Короче, в тёмные коррупционные схемы нас пытался втянуть. Мы это сделали. Пришел Олег и сказал, чтобы мы тактично мусоров всех в жопу слали, все задания только через него. Таким методом от ментов мы как—то отбились. Нельзя нам работу брать, идите к Олегу. Потом стали вызывать нас по всей зоне чинить компьютеры. Старый Хакер ходил и настраивал всем, ставил базы, антивирусы, программы. Сначала стали меня дёргать, но я понял, что они не сколько хотят, чтобы я что—то сделал, а больше хотят пообщаться. Олег эту фишку просёк и сказал, чтобы я сидел в колледже работал. Пусть султан ходит и всё настраивает. Это было оптимально — я не очень склонен был к метафорам, а Султану нравилось общаться, чувствовать себя полезным. До колледжа он в течение года был «закатан» — приехал с тачковкой от оперов, что за ним нужен спецконтроль. Сидел на режимном бараке. Один не оставался ни на минуту. Даже в туалет ходил и то с козлом. Никаких разговоров с зеками, книг, телевизора... Только ПВР и «шагом марш».

Султан был старшим колледжа, т.е. на нем была ответственность не только за компы, но и за всё, что там происходило. Учеба, терки с учителями, разговоры с режимниками...

Колледж представлял собой бывшее производственное помещение. Заходишь — сперва холл, в котором стоял столик дневального, за ним был пост Рыжего. Он записывал кто приходит, кто уходит, во сколько, куда. Вёл постоянный надзор. Оттуда была дверь направо, в учительскую. В ней стоял диван, столик, телевизор, учителя там отдыхали, пили чай, новости смотрели. А когда они уходили — тусовались мы с Султаном. Вторая дверь направо из этого холла вела на третий курс, там доска, парты, книжные шкафы. С третьего курса можно было пройти в лаборантскую, где стояла кровать с матрасом и больше ничего не было. Из лаборантского помещения вела дверь в кладовку. Кладовка на самом деле была курилкой, также стояли там чай, кофе, можно было отдохнуть. Еду запрещено было приносить, но, тем не менее, я туда притаскивал лапшу, сахар, булочки — всё хранил там. Налево из коридора вела дверь на второй курс, самое большое помещение, тоже доска и парты. С второго курса если пройти прямо можно было попасть сначала в колледжескую раздевалку для учеников, из раздевалки были выходы в ученический туалет и туалет для учителей. Когда учителя приходили, они ходили туда, когда их не было — туда ходили работники колледжа. И со второго курса вела дверь на первый курс — это отдельное закрытое помещение, без окон, изолированное. Но зато там можно было тихо сидеть и читать книжки. И прямо из холла дверь вела в компьютерный класс. В «моё царство». Дверь всегда была закрыта, чтобы ученики туда нос не совали. Там нельзя было сидеть

«просто так». Если студент сидит за компом и куда—то лазает, то он непременно что—то испортит. Или может стереть программу или увидеть ненужную ему информацию. Короче, с этим было строго.

Эпидемия дизентерии.

Король, семейник SS и мой, соответственно, приварок. Долгое время я не знал, как от него избавиться. Нищеврод, прохиндей и кишкоблуд. Но SS было его жалко бросать одного. Плюс можно было, хоть и мелким, но козлом командовать. Он выполнял всякие мелкие поручения, проносил еду через вахту в промку... Не важно. Сходил один раз этот деятель на свиданку с мамой. Там он кушал множество всевозможных блюд. Бесчинствовал по кишке непередаваемо.

Пришел через три дня довольный, осоловевший. Обожравшийся до такой степени, что аж дизентерию подцепил.

Жуткий понос, бегают срать каждые двадцать минут, температура, башка кружится... Сперва над ним все смеялись, как же иначе? Сидя жопой ссыт с напором, как у полковой лошади! Но потом все это передалось дальше по бараку. Первым эту напасть подхватил SS, ибо чифирили они с одной кружки. Дальше эпидемия стала распространяться. Признаюсь, что и меня эта чаша не минула. Но я благоразумно на сутки перестал жрать. Схема излечения от расстройств желудка у меня была откатана. И все моментом прошло.

Но один джентльмен на бараке учудил. Просыпается барак, подъем, шесть утра уже, петухи поют! А он не встает со своего второго яруса. Что такое? Стесняется. Что случилось? А вот что. Лежал он за час до подъема, в туалет охота. Но не понятно — толи пукнуть, толи покакать? Про свой коварный жидкокаловый недуг. Решил рискнуть. И не угадал. Вылилось несколько сотен миллилитров вещества, которое моментально просочилась сквозь матрас и начала капать на человека, который спал под ним. Матрас мокрый, парень под ним в панике!

— Ты что, обоссался?

— Нет... обкакался... — Стеснительно отвечает он.

— Зачем жизнь человеку сломал?

— Он на одеяло мне попал! На меня самого — нет! — Защищает обоих потерпевший.

Про обосранта все сразу забыли — ну, с кем не бывает? Самая хохма — тот, что лежал снизу. Если тебя обосрали — то ты, естественно, обиженный. У него глаза дикие.

— Что, Евгений, обиделся?

— Нет! Нет! Всё только на одеяло!

— Вон, смотри, оно ж насквозь пропиталось!

Вытащили матрас на улицу, повесили сушиться. Позорный матрас. Все делают зарядку, смотрят на него, смеются... Обосрант краснеет, глаза прячет.

А Евгений работал в колледже. Был моим помощником — подключал компы, налаживал контру, когда я спал. Без внимания это безобразие я оставить не мог.

— Так что? Обиделся ты или нет?

— Нет!

— Или ты огорчился? Не может быть, чтоб не обиделся. Если б на меня насрали — я обиделся бы сто пудов! Не в тюремном смысле, а в общегражданском.

— Нет, ни в каком не обиделся!

Дня три мы это ему вспоминали, но потом надоело. Мы ждали, когда эпидемия дойдет до Магзума. Потому что с него она бы моментом разошлась по всей зоне. Он бегал везде. Постоянно чего—то отпивал, где—то откусывал, везде хватал — глотал, руками всё трогал. Вездесущий шнырь. Но, главное — он заваривал кофе и чай завхозам, когда они играли в контру. Есть у шнырей такая привычка — они когда несут кому—то чай или кофе — всегда отпивают. Вроде как, раз попробовал, то не просто ты шнырь, кому—то заварил, а вы вместе попили.

Результат был предсказуем так же легко, как и с фондами помощи детям Осетии. Ясно было, что скоро Магзум заболеет. И моментально заразит всех завхозов. А те — своих шнырей и козлотню на своих бараках. Будет пандемия!

И действительно — только Магзум забегал в сортир, на следующий день завхозы стали дружно спрашивать активированного угля, мезима или альмагеля. Но у нас только перегоревшие материнки. Колледжский туалет всю ночь занят, туда до утра очередь! Ну, красавчик, шнырь! Устроил теракт!

Месяца полтора это длилось. Пока все переболели. Забылся трагический эпизод с Евгением. Но стали приключаться новые случаи.

Охота на крыс.

Ждем мы проверку. Отряд выстроился в ПВР, все ждут. А я сижу на шконаре в секции. Мне, как ценному работнику, была дарована милость выходить к проверке непосредственно тогда, когда начальник заходит на барак.

Читаю спокойно, жду проверку, тут слышу какой—то шум не по распорядку дня. И из ПРВ на меня бежит крыса. Не человек, который что—то украл, а настоящая крыса. Бежит, оп—оп и на меня. Надо её убить! Пытаюсь попасть по ней ногами — раз мимо, два, три! Забежала за тумбу и скрылась в щель а стене. Ладно, потом поймаю!

В тот вечер ложусь я спать. А часов в 5 просыпаюсь от того, что кто—то кусает мне бровь! Наверное, мерещится. Открываю глаза — прямо передо мной сидит крыса и грызет меня! Пошевелился — она моментально спрыгивает на пол и побежала за тумбу. Может приснилось? Прислушался — бежит внутри стены, шебуршится. Чувствую, по лицу бежит что—то теплое. Хрен его знает. Может обслюнявила? Пошел умыться.

В коридоре сидит ночной дневальный. Увидел меня:

— Нихуя себе! Что с тобой?!

— Крыса укусила.

Захожу на умывальник — вся рожа в крови! Течет, с носа капает, с подбородка! Вот это крыса сволочь! Она меня запомнила и этой же ночью пришла мстить! Это значит, что и я объявляю ей кровную месть!

Стал по бараку искать пластиковые бутылки. Из колледжа приволок, Магзум подогнал, Пушкин приволок.

Принялся изготавливать крысоловки! Берешь бутылку, отрезаешь у нее горло. А у трех других — и горло и дно. Вставляешь их одна в другую так, чтобы верхняя входила в нижнюю, как черепица. Чтоб крысе не за что было зацепиться лапами. Когда она окажется на её дне. Положил получившуюся тубу на тумбу, ближе к донышку напихал колбасы и куриных костей. К краям прикрепил проволоку и накинул её на край шконаря. Крыса заберется за приманкой, бутылка повиснет — и всё! Казнь неминуема!

Один день — нету крысы! Второй — нету крысы! А они работают, я такими на даче в детстве здоровенных крысюг ловил! Неужели просекла систему и уйдет от возмездия? Слышу, скотина, по ночам за батареей шуршит. Как же быть—то?

Но тут мне повезло. Она забежала в пищевку и стала копать в продуктах. Её моментом изолировали — закрыли дверь и единственную щель в стене, куда она могла сбежать. Ловят ее, но руками хватать стремно. А ногами по ней не попадают. Я шум и крики услышал, книжку бросил, забегаю в пищевку. Начинаю её ловить. Она меня узнала, щемится, понимая, что смерть неминуемая пришла. «Спасите! Мама! Не убивай, брат! Деньги возьми!» Но я её не пожалел, ногой на башку изловчился наступить. Так. Сейчас главное её аккуратно в бутылку пересадить. А потом прилюдно и страшно казнить. Но, видать, переборщил — раздавил её череп. Вышел в коридор, победно держа крысу за хвост.

— Давайте, сейчас нашей барачной крысе Шершню — пришьем шкуру на воротник фуфайки! Чтоб все знали. И хвост снизу чтоб висел. Пусть все знают, что он крыса, конфеты пиздил!

Пожалели его. Не стали ничего пришивать. Тушку утилизировали — отдали кошкам. А я еще неделю ходил со шрамом на брови. Только шрам от хача зарос — появился от крысы! Что ж ко мне вся мразь—то лезет? Выйду — кровь на анализы первым делом сдам!

Тоталитарная зона.

Также в колледже был Газик. Это так называемый «треугольник». Треугольники на зоне — это типа Служба Внутренней Безопасности. Они стучат на всех, в том числе и особенно на козлов. Стучат специальному козлу, который отвечает за информацию. Там всё было распределено.

Было СДП — это люди которые следят за дисциплиной. Верхушка — козлы которые ходят и наказывают за какие —то косяки. Наказывают серьезно — пиздят. Здоровые, наглые, но не очень умные. В СДП были ещё бригадиры, помельче, но тоже наглые, у них в подчинении пехота. Везде иерархия. Никто не должен ничего нарушать и делать без приказа.

Была система информаторов. Во—первых это «чесотки» — стукачи. Они докладывают по вечерам СКОшнику, что—то пишут на «форматы» и передают выше. На каждом бараке были стукачи, это в основном «обиженные», но не обязательно. Любой обиженный — стукач, но не любой стукач

обиженный. Вообще, я удивился, но у нас на бараке из 40 человек было всего 5 «мужиков», остальные либо «козлы», либо бывшие «козлы», или «шныри», или «петухи», или «крысы», или «стукачи». «Мужиков» только 5 человек! Стукачи — «чесотки», они вокруг тебя ходят и делают вид, что чем—то заняты, но на самом деле слушают каждое твоё слово. После того, как он что—то услышал, он пишет это на «формат», лист А4. Вечером все «форматы» с барака поступают к писарю на которые отбирает информацию. Что—то переписывает на новый формат и отдаёт наверх, какую—то информацию он отдаёт СКОшнику. Наверх — то есть она идёт на четвёртый барак, где свои писари, которые решают, какая информация пойдёт в опер—отдел, какая информация интересна козлам, а какая информация пойдёт в архив на будущее. На бараке СКОшник или завхоз смотрит, кто накосячил. Каждого, кто попал в этот список, вызывают и разговаривают, задают вопросы. Выясняют степень вины и принимают решение о наказании. Или отправить парашу мыть, или пол в коридоре, или блага какие—то зарубить, или пизды дать... Везде стукачи, но только ты не знаешь, кто на тебя стучит! В колледже тоже куча стукачей, которые стучат на всех.

Около учителей всегда крутился Газик и следил, чтобы между учителями и студентами не было никаких неформальных отношений. Учителя вольные и всегда могут что—то пронести, кому—то позвонить и помочь, передать сообщение на волю. Газик — отвратительный персонаж, всегда улыбается, всегда смеётся, но при этом всегда готов что—то за тобой заточковать и сразу тебя сдать. Он просто конченный гондон! Я таких не встречал и даже не думал, что такие люди бывают! Вот он сидит, тебе улыбается, потом уходит в другую комнату и пишет: «Осуждённый Марцинкевич ходил в Колледж без нагрудного знака». Пидор, зачем ты это делаешь? Я же тебя только что угостил чаем и конфетами, пообщались с тобой, никого кроме нас в колледже не было! Ну, вот зачем!?! Хорошо, что у меня были нормальные отношения с Олегом. Он сначала на это глаза закрывал, потом дал почитать... Я просто охуел! Надо тебе знать, что Газик за человек. Спокойно ходи без шаромки, но когда учителей не будет.

По вечерам я стал заниматься спортом. Сделал себе из сетевого шнура прыгалки и стал прыгать в учительской комнате. Включал телек и прыгал по полчаса, потом отжимался, приседал. Но эти прыгалки очень больно бьют по ногам, когда не попадаешь в такт. Кроссовок—то нет, в зечках не попрыгаешь, в тапках тоже, а в зимних ботинках вспотеешь и тем более не удобно, поэтому приходилось прыгать босиком. Нормальных прыгалок не найти. Но через боль, через силу, занимаешься и нормально. Султан тоже начал спортом заниматься. Хотя он от спорта так же далек, как я от бальных танцев. Сказал, что на диету встанет.

На самом деле «диета» — это способ поощрения зеков. Общая пайка это — каша по утрам, в обед суп и перловка на второе, на ужин всегда уха из рыбы. Два дня в неделю каждому дают по яйцу. По куриному. Если ты встаёшь на диету, то с утра ты ешь кашу с маслом, пьёшь молоко, тебе дают творог, кашу на молоке варят, в обед дают кашу с котлетой, суп варят с мясом и вечером тебе дают жаренную селёдку или пюре с котлетой. То есть, если ты встаёшь на диету, ты имеешь возможность качаться и заниматься спортом. Спорт на зоне только для козлов. Если ты козёл, тебя ставят на диету, ты качаешься, ты растёшь, набираешь мышцы. И в библиотеку тоже ходят в основном козлы. Пехота должна быть тупой, слабой и зашуганной. Козлы должны быть большие, сильные, умные и зависящие от администрации. Я всегда думал, почему рабы умирали от голода? Зачем их морили голодом? Не давали получать образования? Их же наоборот надо было хорошо кормить, чтобы они лучше работали! Но теперь я понял, и причём понял это, находясь на «двойке». Если рабы будут сильные и умные, то их невозможно будет заставить подчиняться! Они будут думать, как следствие — бунтовать, они будут нападать на своих надсмотрщиков. А если они слабые и глупые, то у них всё будет как по нотам. Они будут работать, подчиняться, бояться поднять нос. Им это и в голову не придет — такой вариант в атрофированном сознании не сможет родиться. А среди козлов даже агитировали людей, чтобы бросали курить, занялись спортом. Некоторые из козлов даже отказывались от чифира. Среди «мужиков» такого вообще не было. Но у меня получилось выбить у Олега добро на спорт. Но при этом в спорт зал меня не пустили. Качался подручными материалами.

Петушатник всплыл!

Приходим как—то в колледж, смотрю, нет чашек в учительской.

— Что такое—то, Магзум?

— Чашки плохие были, все пришлось выкинуть...

— А где Рыжий?

— Тебе лучше не спрашивать, нет больше тумбы и все... Говорить ему нельзя...
Интересно, что случилось? Шульман и Султан тоже молчат. С этим вообще все строго! Я спросил Олега что за фигня. Он информацией распоряжаться право имел.

— Хакера помнишь?

— Конечно.

— Гондон он! Скотина! Ушёл спокойно, а тут такое выплыло! Он по ночам тут шароебился с Рыжим. И приболтал его! Пока никого не было — закрывались, и Хакер долбил его в жопу. Оба были пидорами! Ты представляешь! А потом, когда освободился, на воле кому—то это рассказал. Дошло до сюда. Дёрнули дневального, и он в всём сразу признался. Это просто подстава! Он же нам всем кофе и чай варил! Пидорасина! Блядина! Овца тупая!

Рыжий получил пизды и был списан на режимный барак. Олег даже костяшку об него выбил. А в колледж на его место взяли Саню SS. И теперь он стал сидеть на тумбе и записывать кто приходит, чай учителям варить. Мне стало вообще нормально работать.

Саня был монархист — Иисус Христос, иконки, Царь—Великомученик. В колледже общаться удобно, можно место без ушей найти. Я ему начал объяснять, что только национал — социализм спасёт Россию, и Царь уже не покатит. Он — помазанник Божий, а в Бога никто уже и не верит.

— Ты христианин?

— Да!

— Заповеди чтишь?

— Конечно, правда не все...

— По воле девушке изменял?

— Было дело,— Смеется.

— Людей бил? Бил. Значит, сознательно грешил, и не веришь ты в Бога.

— Но все равно, мы русские, мы христиане!

Я думаю, что надо христианство из него выбивать язычеством. Сказал, что мы должны отвечать око за око, зуб за зуб. Мы должны быть воинами, а не рабами, стоящими на коленях. Я не язычник, но я придерживаюсь языческой морали, у меня своё миропонимание. Не хочу называть это верой, так как вера делает человека слабым. Точнее не слабым, а глупым. Если ты во что—то веришь у тебя пропадает критический анализ. Ко всему надо относиться критически. Если ты что—то выбрал, то надо говорить не «Я верю!», а «Я должен верить!» Хотя бы себе. Когда ты это сказал, ты понимаешь, что принял эту точку зрения. Сознательно её принял, проанализировав, обдумав, и от этого уже отталкиваешься, и не подвергаешь её больше критике. А если ты говоришь «Я верю!», то ты принимаешь всё, что тебе говорят, и это не подходящая для борца жизненная позиция.

SS потихоньку слушал, слушал, спорили мы с ним. Были у нас разговоры и о том, что необходимо нашему Движению — организация, автономные группы или просто разрозненное движение. Я всё время склонялся к тому что необходима жесткая организация с хорошо прописанной внутренней дисциплиной и регламентом. Если даже въедут верхушку, то чтобы автоматически появлялись новые лидеры, чтобы этот механизм был прописан. Если появились новые лидеры, то организация двигается дальше. И, естественно, чтобы она была разделена на легальное крыло, и нелегальное. Они всегда будут друг с другом соперничать и осуждать методы друг друга, но, по сути, это две руки одного организма. Постепенно SS превратился в национал—социалиста.

Журналиги. Врут, как всегда.

Сплю я как—то днем, меня будят, говорят:

— Макс, давай, в штаб собирайся — там к тебе журналисты приехали.— я подрываюсь, начинаю одеваться.

—Что сейчас бежать?

—Да, да, давай беги!

— Рожу побрить успею?

— Не—не—не, беги, беги быстрее разговаривать!!

— Да, ладно.

Оделся, прибегаю в штаб. Меня к начальнику воспитательного отдела приводят. Захожу к нему, делаю доклад.

— Да ладно, ладно это не надо. Ты знаешь, кто к тебе приехал?

— Мне сказали, журналисты.

— Да! Журналисты из Москвы к тебе приехали. Это очень серьезно!

— Да, я знаю.

— А что они—то тобой так заинтересовались?

— Ну, так—то, я золотой человек, о народе думал в тюрьму, за то посажен и страдаю в застенках системы.— смеюсь, он тоже.

— Ааааа! Это не ты? Вот привезли—то Рублевского скинхеда?

— Примерно, да.

— Короче, так. Ты, вроде, человек с мозгами, как мне рассказывали, не буду тебя предупреждать, что сейчас если лишнего наговоришь, тебе сроку добавят! Ты короче аккуратно! Про правила, про внутренние какие—то дела ни чего не рассказывай. Про свою делюгу только говори. Если какие—то вопросы провокационные будут задавать, я буду рядом ходить, слушать буду и их останавливать. Про зону ничего говорить, не надо. А если и говорить, то только хорошее!

— Я понял.

— Так, все, давай! Они пока зайдут. Они отзвонились, на проходной сейчас. Их обыщут, туда—сюда, шпили—вили. Иди пока на барак оденься, побрейся, что надо сделай. Продумай, что говорить будешь! Тебя вызовут.

Пошел на барак, взял бритву, сполоснулся, побрился, побрызгал лосьоном, погладил шаромку, все как надо. Шконарик мой в углу стоял, возле батареи. Вытащили козлы из моего шконаря, личную карточку, перевесили на шконарь СКОшника. Рядом с ним стоит аквариум, проходняк пошире, смотрится посимпатичнее. Вот здесь ты, типа спишь! Все мои книжки перетасили в другую тумбу. Чтоб натуральнее смотрелось, даже книгу из—под моей подушки переложили под шульманскую. Ну ладно.

Через пару часов вызвали меня в штаб. Встретились с журналистами в кабинете для планерок. Поздоровались, они мне объяснили суть своего приезда, что хотят, чтобы я осветил в интервью. Естественно, объяснили далеко не так, как все получилось в передаче. Хотя это я прекрасно понимал заранее, опыт общения с журналистами был накоплен изрядный. У нас разные задачи. У меня — осветить и свое дело, и дело борьбы за наши идеалы. А у них — выставить меня отморозком, придурком или врагом народа. Главное на провокации не вестись и глупостей не говорить. Правда, если захотят — нарежут и закадровым текстом всё перевернут. На этом больше всего ОРТ, Россия и НТВ специализируются. Самые ЗОГовские из всех жидосми. Ну, задача у нас противоположенная и каждый использует в этой ситуации другого как может...

Сперва пошли снимать отряд. Заходим, на отряде мусоров вообще немерено! Там и опера ходят, и режимники, и по воспитательной работе и там же по кадрам... Все масти собрались. Не фига себе, как же! Телеканал Россия приехал какого—то скинхэда снимать! Что происходит? Как бы чего не вышло!

Я хожу по бараку, что—то показываю, рассказываю, все сидят в ПВР. Шульц тоже надел робу, сел в самый угол спиной к камере. Сидит, типа, со всеми, слушает. Сняли барачную библиотеку. Я показал книжки, говорю «Вот социальная работа, социальная психология — в основном это читаю. Вот интересные книги Макаренко, Гоголя...» Умничаю. Хотите — вырезайте.

Потом пошли в секцию. Я показал, как занимаюсь спортом в свободное время. Как отжимаюсь вверх ногами, приседаю, пресс качаю. Сели на шконарь «ко мне», немножко рассказал про свою делюгу. Про то, что осужден совершенно невинно — призывал вешать таджикских наркоторговцев, а оказалось, что таджикские наркоторговцы — это замечательные люди и защищаемая законом категория граждан. То же самое получилось и с либералами, которые продали Россию, а теперь и они

— социально—защищаемая группа. Подредактировал пополиткорректнее свое выступление, все красиво рассказал. Тут журналист начал задавать провокационные вопросы:

— Максим, а правда, что, когда был ты маленький — убил кошку, зажарил ее и съел?

— Да? И это писали в интернете?

— Нет, то что ты снял с нее шкуру, замариновал и пожарил в духовке рассказали оперативники, а им рассказал следователь, а следователю рассказали другие оперативники, а им рассказала твоя мама, когда они приходили тебя арестовывать, а тебя дома не было.

— Нет, я никогда в жизни не ел кошку. А если б я этой кошкой, скажем, накормил для смеха своих друзей, я все равно сказал бы, что это вранье. Вы понимаете? Поэтому — всё вранье и клевета чистой воды. Хотя, ничего такого особенного в этом и нет. Почему кроликов жрут, коров жрут, кур жрут, а вот кошек нельзя? Они что — волшебные? Сидел с китайцем, он мне со знанием дела рассказывал, как можно вкусно кошку в масле зажарить, с перцем. Даже рассказал, как китайцы делают свежую собачью колбасу. Делается очень просто — берут собаку, не кормят неделю — только

дают пить воду. Потом, когда она уже дико голодная, дают ей килограмм пять фарша сожрать. Ставят перед ней миску, она набрасывается, проглатывает... и ее сразу убивают, достают кишки, уже набитые фаршем. То есть это готовая, почти живая, колбаса. Саму собаку пускают на фарш и скармливают следующей. Вы же к китайцам не пристаёте с такими вопросами!— Мне самому смешно. У мусоров челюсти отвисают. Журналюга расстроился — не прокатило...

— Понятно! А ты смотрел фильм «PoSSия88»?

— Да, смотрел, хороший фильм.

— А ты знаешь, что это про тебя снято?

— Я заметил, когда смотрел.

— Он вообще—то говорит о том, что плохо быть нацистом, это антифашистский фильм! Почему он тебе понравился?

— По сути, «Ромпер Стомпер», «Американская история X» — тоже антифашистские фильмы, но тем не менее все скины их смотрят. Это просто склонность людей к социальной идентичности. Человек увидел скинхэдов, увидел, что они крутые и сильные. Они борются за свою расу, а все остальное, какие—то размышления, доводы — это уже не проканает, это уже частности. Ну, как обоснованно в «Истории X», что национализм это плохо? Тем, что товарищи Дерекка в тюрьме торговали наркотой? Что лидер оказался предателем? Ну и что? В нашей организации тоже лидер оказался предателем, что от этого? Отказываться от своих убеждений? Уверовать, что люди равны?

Ни в коем случае! Тем более, что со мной такого страшного происшествия, как с Дерекком, в тюрьме не произошло. В «Ромпер Стомпере» еще анекдотичнее. Ну, поссорились из—за бабы, с кем не бывает? А в «PoSSии88» — там вообще смешно. От того, что сестра скинхэда встречалась с хачом, он его замочил да? Допустим. Но что бы сестра из—за этого застрелилась? Сомнительно. Ну, пусть, даже может быть и это случилось бы. Ну, хрен его знает. Но чтобы и сам скинхэд застрелился, предварительно раскаявшись... «Ой, бедненький я, убил человека за то, что он другого цвета кожи! Сестренка застрелилась! Колбаса за колбасу, хуй за пиписку... Тут уже вопрос бы шел о том, как от трупов избавиться! Если с собой нет сотового телефона — может и не отследили бы пока он... Ну, ладно... Сомнительная концовка, очень натянутая! Отрежь ее, и нормальный пропагандистский фильм можно выпускать в эфир. Да эту концовку зрители всё равно в уме отсекут. Как аппендикс.

Об этом я рассказываю, а менты сидят, уши развесили. Рассказываю, естественно, про то, что я занимался агитацией, журналисты же тоже агитацией занимаются. Им же пофиг на мои слова, они нарежут и вставят то что нужно.

Потом зашли в ботанический сад. Увидел я крыс в клетке.

— Снимайте здесь, хорошая идея в голову пришла.— они настроились, прицелились, мотор.— Наше Движение, точнее «его организованная» часть напоминает мне вот этих грызунов. Перед выборами появляется какой—нибудь «спонсор» с деньгами. Сразу вокруг него собираются все «фюреры», объединяются, проводят круглые столы, пилят бабло. Но, через несколько митингов деньги кончаются. Что делать? Одного — всегда одного и того же — обвиняют в провокаторстве и с позором изгоняют. А затем и сами расползаются по норам с набитыми брюшками. Ждать следующего спонсора. А вот крокодил.— Тыкаю в него палкой.— Нам надо из крысы превратить организацию в такого монстра. Видите, он в клетке. Но клетку надваривали несколько раз. Почему? Потому что иногда зрители упускали момент, крокодил вырос так, что у него получалось выбраться из загон. Вот к этому и нам надо стремиться. Развиться и пытаться вырваться из клетки! А для этого надо, чтобы осталась в жесткой внутривидовой борьбе только одна—единственная, наиболее сильная и живучая НС—Организация.

После этого погуляли по пятаку, причем журналюга пытался получить ответ на вопрос, если бы я был на месте Геббельса — отравил бы и я своих детей? Так дешево! Но и сильно. Тут что ни скажи — будешь неправ. «Да» — ты аморальный маньяк—детоубийца. «Нет» — какой же ты нацист, если не хочешь поступки кумиров повторять! Раза три его посылал.

— Может, снег тогда поубираешь? Чтоб снять, что ты что—то в кадре делаешь.

— Вы уже сняли, как я тренируюсь. А снег я не убираю — я в колледже системным администратором работаю.

— Так это просто для кадра!

— Для кадра и возьмите, как я отжимаюсь.

— Действительно, это ж не правда будет!— Вмешался Пал Иванович,— Кто головой не может работать — работает руками. Он работает головой. Вот так вы, для кадра, новости снимаете!

Я даже удивился его сознательности!

Все это время «жилка» (жилая зона) была заморожена. Наконец журналюги свернулись, попрощались, и пошли в штаб. Пал Иванович повел меня в столовую. Как же, заключенный, в образцово—показательной ИК без куска переваренной селедки останется!

Прошло несколько недель... Реально, вот анонс по каналу «RoSSия», там вечером «Принцип ненависти». Скинхэды, нацисты, расследование и полное разоблачение. Сажу в комнате эмоциональной разгрузки с Шульманом, с Магзумом—толстяком, ждём, когда будет передача. Дождались, смотрим. Точно! Намонтировали совсем не так, как говорил! Движение похоже на крыс! Я называю своих бывших соратников крысами, они меня самого считают предателем! Блядь, вообще всё перебежали! Пидоры! Я ожидал, что всё переврут, поэтому расстроился не особо сильно, интереснее всего было, как именно переврут. SS посмотрел передачу, бегаёт довольный.

На следующий день меня вызвали в отдел безопасности. Начальник отдела безопасности, Николаич, тоже оказался правым, хрен его знает, монархистом или националистом, я так и не понял. Что—то он мне начал рассказывать, весь кабинет у него завешан какими—то портретами царей. Говорит:

— Я на Красной площади Mein Kampf покупал...

Думаю, блин, надо бежать отсюда! Так—то прикольно, но что—то может недобрым это закончиться, на разводку похоже. У меня всегда вызывало подозрение, когда менты мне говорили о том, что они сами националисты, я чувствовал, что меня просто хотят развести. Может узнать что—то, может на что—то подписать. Свалил от него, пришёл на работу...

Опять компетентные гости.

Через неделю вызывают меня в оперчасть, на третий этаж. Думаю, блин, что—то нехорошее! Вроде как ничего страшного там со мной не происходило, но это оперчасть, ничего хорошего не будет точно. Прихожу, меня проводят в кабинет, захожу. Сидят два человека в гражданском, рожи здоровые, видно, что опера какие—то. Говорю:

— Здравствуйте, осуждённый такой—то.

— Да, мы знаем, проходи, Максим, садись. Мы из ФСБ.

— Понятно. Чем обязан?

— Ну, как ты тут сидишь?

— Ничего, сажу потихоньку...

Нельзя им говорить, что сажу хорошо и глупо говорить, что сажу плохо. Надо сделать так, чтобы они не понимали, как ты сидишь. Меньше знают — меньше смогут надавить.

— Давай, — говорит — Максим, рассказывай. Всё, что делал, подвиги твои. Мы всё знаем.

— Какие подвиги?

— Ну, тебя зачем сюда привезли?

— Не знаю.

— Тебя привезли сюда, чтобы ты с нами пообщался. Давай, рассказывай о своих подвигах, о своей жизни, всё пиши, вот тебе бумажка — кого убил, где закопал!

Я думаю, блядь. Ну это сейчас, конечно, смешно вспоминать, но тогда было вообще не до шуток. Мне сразу чик, опять эти «явочки» все в голове! Думаю, сейчас начнётся.

— А с чего вы это взяли—то?

— Мы знаем, что на тебе всё это есть. У нас точная информация. У нас информация оперативная, она достоверная, мы её проверили. Короче шанс тебе — всё это подтвердить. Если ты сам нормально подтвердишь, то получишь меньше, или вообще ничего. Если нет, то всё, поехал.

Началось то, о чём мы так долго мечтали! Начинаю как—то им объяснять, что что—то они перепутали, может быть, с кем—то, что я занимался постановкой юмористических роликов, так как я общественно—политический деятель и золотой человек, о народе думаю.

— Короче, у нас сейчас времени мало, вот тебе бумага. Завтра мы приходим, ты уже всё нам написал: все свои подвиги, вообще всё, с точностью до минуты, до дня, когда что сделал. Понял?

— Ну да, понял.

А сам думаю, надо как—то на барак попасть, узнать, что за фигня, что за движуха. Откуда они? Ну, естественно, что документов мне никто не показывает. Короче, прихожу на барак, сам убитый, просто в ноль был. Ну всё, пизда. Вот это уже пизда, если приехали и такие вопросы задают, то любому будут ломать. Сразу вспоминаю явку по Бабуровой и Маркелову, понимаю, что там это было просто пьяная шутка. Здесь всё будет намного хуже и серьёзней. Тем более, что та зона, по сравнению с этой, просто такой неорганизованный детский сад... Встречаюсь с завхозом. Он мне говорит:

— Да, не обращай внимания, это так приехали — фигня. Можешь вообще забить на них. Завтра придут. Фигня всё, ничего они не могут. Они так, на тебя жуть решили нагнать, а сами так, какие—то хуи с горы.

Хорошо бы. Понятно, что я ничего писать и не собирался. Атк что меня это немножко успокоило.

На следующий день, в 10 утра, меня опять дёргают на третий. Сидит уже только один из них. Говорит:

— Ну что, Максим?

— Ну, к сожалению, я что—то пытался вспомнить... Но ничего преступного я за свою жизнь—то и не сделал. Я же говорил, что биография совершенно чистая. Вот вообще нечего писать.

— Так ты, походу нихера не понял! Я тебе говорю, я из ФСБ! Вот сейчас мы с тобой немножко поговорим, ты подумаешь. Завтра я приду, и у тебя будет написано вообще всё, потому что тебя здесь заставят всё это написать. Если ты мне не веришь, то завтра всё увидишь.

Поговорили минут десять, может пятнадцать. Опять, естественно, запугивания. Я выхожу, возвращаюсь на барак, думаю, сейчас любому понесется! Нажалуеться, скажет, что надо ломать, и всё, начнётся у меня совсем другая жизнь. Всё так хорошо началось! Сидишь на нормальной работе, смотришь телевизор, ну не может это так долго продолжаться. Всё время какая—нибудь хуйня! Причём, всё время с вольными мусорами или ещё какими—нибудь службами. То бумажку пришлют, то сами приедут!

Приходит Олег через несколько часов:

— Блин, Макс, тут такая ситуация некрасивая вышла.

— Что так?

— Ну, короче дёрнули меня. Объясняют, что у тебя надо взять показания. Как, кого убивал, что на тебе мокрухи есть — это железно. Вот, придётся их выбить из тебя, потому что тебя осудили за съёмку ролика, вы там убили человека. Повесили, ногу отрубили.

— Так это постановка.

— Ну да. Я вот ему так же сказал, что это постановка. «Не может быть, его за убийство судили, но только доказать не смогли!» Нет, смотрите. Зашли в интернет, вбили данные, посмотрели про дело, репортажи с судов, какие—то показания, ролик сам. Он посмотрел, и говорит: «Ааа! Я—то думал, там убийство настоящее... А это просто постановка... Ну, ладно тогда...»

— И чего?

— Ну всё, свалил короче.

— Ёб твою мать!— с меня как штангу на 200 кило сняли.

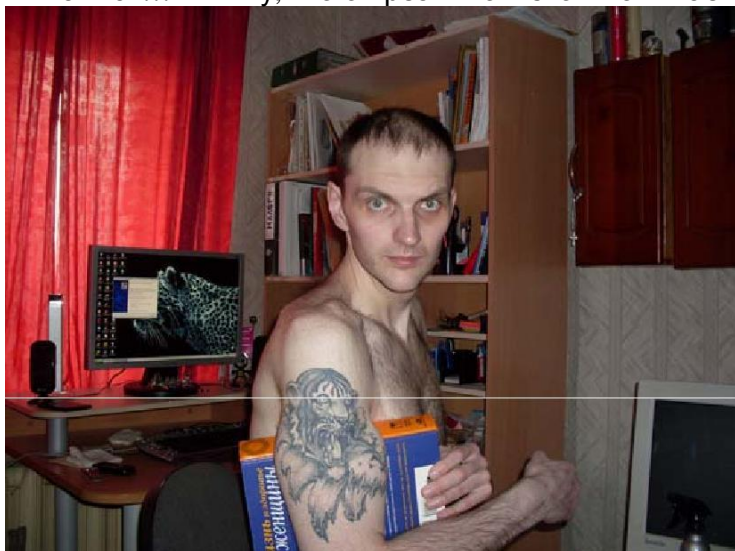
— Так—то, если бы я тебя лично не знал, если бы ты с Ивановичем не поговорил, всю эту тему бы не рассказывал журналисту, тебе бы просто сейчас пизда пришла. Тебя бы ебли несколько дней, били бы током, палки в жопу засовывали, отбили бы всё, что только можно: почки, голову, руки, ноги... Ты бы написал вообще всё, признался бы в убийстве Кеннеди. Ты не представляешь, как тебе повезло!

— Я понимаю. Спасибо за помощь!

Думаю, нахуй надо вот эти вот недопонимания! Ну, поленился оперативник вникать в какие—то дела, ну приехал. Давай, типа, убийства... Ой, а я ошибся, это постановка была. Ну, извините тогда, я поехал, до свидания. Честь и жизнь опять висели на ниточке. Повезло. Остался дальше работать, жизнь у меня никак не поменялась. Ещё одно приключение закончилось благополучно.

Умный и оклеветанный мусорами.

У нас в колледже случилась какая—то эпидемия поломок компьютеров. Осталось только три работающих. Один за другим все поломались. Дебилы—учащиеся, только ты отвернешься, сразу начинают ставить свои обновления, какие—то программы... Некоторые «бараны» туда ботинки суют, прямо в открытый компьютер. Они ж перегреваются, корпус не оденешь. Один мы с Султаном спалили, когда пытались оперативки добавить... Мы пытаемся чинить, один, другой, третий, всё летит и нихера не работает. Вечером придут завхозы играть, на нас уже косяк повесят. А если у тебя какой—то косяк, то могут в чем—то ограничить. Допустим, в столовую без отряда, самим ходить. Или спать. Или качаться... Надо было, короче, Мишу звать! А Миша — это тот, который открывал порно сайты, выманивал деньги из доверчивых женщин и так далее. Миша занимался еще по воле компьютерами. Звоним Олегу и говорим, что без Миши никак не обойтись. Олег вызванивает завхоза пятого барака и вместе с Мишей тот приходят в колледж. Миша ростом за 2 метра, по воле весил 160 кг, а во время нашего общения — примерно 110. Он в очках, очень интеллигентный. Посмотрел компы и начал делать. Менял жесткие диски местами, начал устанавливать программы, восстанавливать данные. Сразу видно, когда человек делает что—то профессионально, а когда человек только пришёл и пытается в движуху въехать, тыкает во всё подряд. Как мы с Султаном чинить пытались... Я вижу, что он реально в этом понимает.

— Миша, а ты реально, что ли, порно сайты с зоны открывал? Деньги с теток выманивал? Интересно, на что они ведутся.

— Не было ничего такого! На моей старой зоне со старшим опером поссорился. Был завхозом клуба, храма, за культурно—массовые мероприятия отвечал, за компы отвечал, за радиоточку, за фотографии, за статьи в газете. Из—за большого числа портфелей меня на УДО непустили, не было замены. Поэтому я через родственников шевельнул и меня перевели по собственному желанию.

А эта история с порносайтом была запущена следом за мной, потому как очень не понравилось милиции, что я слинял с их зоны и оставил на произвол судьбы. Месть с их стороны такая.

Он с мозгами, и умеет эти мозги применить в жизни. А когда поехал на эту зону, тот опер подмутил — точковку поставил порнушную. Он был «Вась—Вась» с одним опером с этой зоны, тот надлежащее сопровождение информационное и пустил. Порно сайт ему не по профилю открывать, у

него свой бизнес был компьютерный. Посадили его за мошенничество. На самом деле он просто во время поставку компьютеров не сделал. Дали 4 года. В общем, один раз он помог, починил компы. Второй раз мы его вызвали с большим удовольствием. Во—первых хороший и интересный человек. А во—вторых — лучше сразу его позвать, чем самому сидеть целый день морочится. А потом материнку сжечь... Мы его часто вызывали, он нам настраивал компы и показывал как на самом деле с ними обращаться. Через месяц я уже знал, как полностью собрать компьютер и разобрать его. Плюс Миша в колледже поговорил с Саней, главным «козлом» на зоне, объяснил ему ситуацию. Что просто мусора на него наговорили. Тот позвонил на другую зону, пробил. Да, действительно, Мишаня был оклеветан операми, подозрения с него были сняты. Мишаня получил «зелёную» что означало что он может ходить по зоне без каких либо ограничений один. Это очень большая привилегия . Он стал у нас такой «палочкой—выручалочкой». Иногда даже неудобно было его звать — ясно, что мелочь, но как сделать — непонятно. Придет, два раза кликнет — готово. Стоило с барака срывать?

При этом мы с ним разговаривали на всякие околополитические и околоэкономические темы. Потому как человек крайне эрудированный, но, в отличие от меня, здравомыслящий, уравновешенный. Старый почти. Почти все мои идеи и проекты мы с ним обсуждали и очень веселились. Социал—тутовизм, например. В некоторых местах пришлось из—за его замечаний корректировку внести... Секту жирных девок открывать со мной отказался. Делать электричество из зеков тоже. Душами не захотел торговать. Но некоторые проекты, не столь бредовые, его заинтересовали. Их озвучивать не буду. Может ещё стрельнет...

Родительский день.

После того как, наладили компы, у нас Султаном появилось право играть в компьютер. Мы стали собирать коллекцию музыки, фильмов и игр. Прежде всего мне попала в руки игра «Казаки». Я сразу поставил её на три компа, она весит—то всего 250 мегабайт. И тут оказалось, что есть люди, которые любят не только Контру, но и нашлось несколько любителей «казаков». И на тех компах, где не шла Контра, там играли в «казаки». И играли мы уже просто сутками. Начинили по чуть—чуть, когда учителей нет. Но когда сидит какой—нибудь крупный «козёл» типа коменданта или его помощников, то играть можно всю ночь. Мы играем до 6 утра, потом идём на барак, быстренько проверяемся, идём в столовую завтракать, возвращаемся в колледж, опять играем, потом приходят ученики, я загружаю компьютеры и иду спать, сплю до вечера . Потом опять приходят завхозы и опять играем. Такая жизнь длилась пару недель. Я даже не читал! Почти не занимался! Игры затагнули — после такого перерыва они меня просто проглотили!

На компе —хранилище из музыки был в основном клубняк, рэп, шансон и дискотека 90—ых. Я с этим боролся и получилось так что, случайно стёрлось всё — и клубняк, и рэп, и шансон и дискотека 90—ых. Я стал собирать Рок. 50 Гб параша я убил. Стёр нахрен кучу клипов с каких—то казантипов и клубов. Всё, что пидор Хакер насобирает. Начал собирать я музыку. Нашел Агаты, Наутилуса, Би—2, Чайфа, Сплина, Раммштайна.

Стал заниматься по утрам. Взял источники бесперебойного питания, положил в ашановскую пропиленовую сумку и качал ими бицепсы, плечи, трапецию, спину. Приходил в 7 и занимался до 8— 30. Мне хватало времени до прихода учеников, чтобы посмотреть на компе какой—нибудь фильм и одновременно позаниматься. Только, вроде, всё наладилось, Султана за непонимание и косяки в организационной деятельности списывают работать хакером на больничку. А завхозом колледжа поставили Ваньку.

Ванька такой тип в общем—то безобидный, но, как оказалось, с двойным дном. Он был большой любитель пожрать, присылали ему в передачах в основном кашу. Я стал иногда заниматься в учительской и мы смотрели передачи про жратву. Ванька особо не лез в компьютеры, а больше сидел, читал кулинарные книги и смотрел кулинарные передачи. Политики с ним, конечно, было не обсудить. Но и о котлетах иногда можно прекрасно подискутировать.

И вот у нас в колледже происходит «родительский день»! Это когда родители студентов приходят непосредственно на зону, смотрят какое—то представление от своих детей в клубе, потом идут в колледж и тут происходит чаепитие в течение четырех часов. В этот день пускали и родителей и сестёр и братьев. И вот в феврале приходят ко всем родители, а я сижу в компьютерном классе и играю. Ко мне заглядывает SS и говорит что его мама хочет с мной познакомиться. Я зашёл, сморю, реально ко всем приехали родители, все сидят, стол накрыт, жратвы дофига. У меня слюни потекли, но надо соблюсти приличие... Я сел за стол, Саня представил мне совою маму. Меня ей.

Она женщина, чем—то напоминающая мою бабушку, только моложе. Сразу начала кормить

нас с SS всякими блинчиками, тортиками, пончиками, шоколадками... Вот это кайф! Тут же моя совесть успокоилась и я набросился на еду, как Карлсон. Поел, пообщались с ней. Мама Сани каждую неделю приезжала на зону и заказывала ему в ларьке курицу, плюшки, коржики. Есть такая фигня, как заказ с воли. Если у нас ларек два раза в месяц, то это можно делать хоть каждый день, без всяких ограничений. Я спросил:

— А если Вам из Москвы будут переводить «бабки», Вы сможете закидывать курицу и мне?

— Да, конечно, без проблем. Очередь—то одну стоять.

Тем более, что мы с Саней к тому времени уже были семейниками. Мы договорились, я дал ей телефон своих товарищей. И действительно, скоро наладилась поставка продовольствия! Каждую неделю пара курочек, каждую неделю булочки, нормальная стала положуха со жратвой. Но тут случилась другая напасть...

Чурбаны—kozy вышли на тропу войны.

Сходили мы как—то пообедать с Ванькой. Тут на зоне происходит какая—то съёмка, журналисты или комиссия приехала, короче, все должны были пойти в столовую дружно строем обедать. Меня Шульман выдёргивает из компьютерного класса и говорит:

— Пошли обедать, там все должны быть.

Оделся, пошёл. Приходим в столовую и я взял «праздничный обед» — гречневая каша с подливкой, в которой маленькие кусочки мяса плавали, суп. Сажу за самым последним столиком, один. А при нас в столовой одновременно ел 22 отряд. А 22 отряд — это самый режимный, самый страшный отряд на всей зоне. Там все козлы — чурбанё, причём все из бывших блатных хачей, в общем охуевшие чегермесы. Завхоз барака чурка, старший барака чурка, дневальные тоже чурки. Туда списывают, того, кто много раз в чём—то провинился или что—то уж очень большое натворил. Это такой «мини—ад». Каждый день тебя там пиздят, унижают, оскорбляют, каждый день хуже, чем в карантине, две трети отряда уже обиженные, все друг на друга стучат. Сажу я ем, подходят к мне четыре чурбана с 22 отряда и начинают выёбываться. Между мной и ними столик.

— Это ты тут самый блатной?

— Нет, я вообще не блатной. А что? — может они что—то перепутали? Блатных на зоне жестко въебывали. Но, конечно не в столовой и прилюдно.

— Ты што, э, скинхед, а?— Тут уже ясно, что не перепутали. Бритые—то почти все, а меня очки делают крайне интеллигентным. Точно по наводке.

Я встал и говорю:

— Да, я национал—социалист!— Встал не столько для убедительности, а чтоб хоть шансы немного уравнять. Сидячего—то задолбить ничего не стоит.

— Я рузке уважаю, но таких как ты не уважаю, в рот ибал я нацистов, я всех резать, перерезать!— Смотрю, подходят их ещё три человека. А наши козлы стоят, не вмешиваются. Чурбаны уже начали меня окружать. Там невозможно такое, что кто—то мне поможет или впряжётся. Мне старший из чурбанов говорит:

— Эй, ти чо встал? Сядь!

— Я пэщком постою!

— Эй, ща пизда те будет! Мы тебя к себе на барак затащим и ипать тебя будем, что ты нам сделаешь? Ты что скинхед думаешь ты крутой тут. Мы тут рулим!

Замахивается чтобы меня ударить, я руку схватил, второй хач пытается ударить, я как—то и его схватил, но третий мне попал чётко в переносицу, очки улетели, кровь потекла. Они все сразу отошли. В ответку я махать руками не полез. Бесполезно — меня бы просто унесли на 22 барак. Это была провокация. Провокацию я расцениваю как проверку на вменяемость. Если я бы ответил, то сразу пишется докладная на то, что я спровоцировал драку в столовой. Их 7 человек, 6 из них сразу свидетели, один идёт, как потерпевший. На этом моя нормальная жизнь на зоне заканчивается. Неясно только, как у них борзости хватило в столовой такое начать? Но не хватило на то, чтоб доделать? Чурбаны ушли, ко мне сразу подбегают наши козлы, спрашивают как я себя чувствую. Я сказал, что всё нормально только кровь из носа течёт.

Позвонили Олегу, рассказали. Он удивился, потом выдернул одного из этих чурбанов к себе, дал ему немного пизды, допросил. По словам этого чурки, который до меня дотянулся, скины убили брата, и он весь теперь обиженный и попущенный скинами. Они узнали, кто я такой, и решили меня спровоцировать. Чтоб к себе затащить. Проходит 2 дня, меня вызывают на отряд, прихожу а там сидит главный чурбан—козел зоны. Такой жирный азер по кличке «Моня», весит килограмм наверно 140,

сам чёрный, как араб, причём молодой — года 23, но дико наглый. У него очень много власти, а власть делает человека безбашенным. И ещё какой—то крупный пес из его кадки. Ну, он начал выёбываться, зачем я на его друзей в столовой напал, провоцировал их на драку. Сам, конечно, знал про ситуацию и искал лишь повод, чтобы прицепится.

— Я знаю, кто ты! Сколько из—за тебя нерусских убили! Только дай мне малейший повод, я тебя к себе на барак затащу!

— Надеюсь, что получится таких поводов не дать.— Понимаю, что это всё его тупая самодеятельность. Въебать меня ему добра не давали.

Он что—то ещё рассказывает, а я мысленно уже у него на голове ботинками прыгаю. Но сижу молчу. Лучше не провоцировать. Был бы я козлом, как предлагали! Он бы уже кровью из своей же жопы умывался! Нахуя эти эксперименты проводил!? Надо было вставать на должность! Теперь у него власть, и, если воли хватит — мне вообще пизда! Это как если б я был на зоне крутым козлом, а привезли бы к нам Басаева. Долго бы он прожил?

Он ушёл, я звоню Олегу, а Олег на КДСе. Чурбан знал, когда Олега нет, и когда меня прикрыть никто не сможет!

Я хожу в столовую строем, всё как положено, чтобы никто не мог доебаться и вот через где—то неделю, решили мы, что они подзабыли про меня и можно опять двигаться, как двигался. Но я понимаю, что я для этих чурбанов как образ зла, въебать надо по любому. Мало, того SS мне рассказал, что за три месяца до моего приезда на зону, с барака похитили его подельника—скина! Ночью открыли дверь, схватили и утащили на 22 барак. Несколько дней его там пытали, спрашивали почему—то про меня, потом вернули. Хрен его знает, как так получилось. Я еще не знал, что куда—то еду, а они уже знали что я поеду сюда и информацию собирали.

Прошла эта неделя, мы с Ванькой пошли утром в столовую, сразу после проверки, с нами пошёл SS, уборщики. Приходим, поели. Один из этих пиковых сидит, что—то тачкует, выжидает. Спускаемся вниз одеваться, тут заходит режимный барак. Нужно отойти, чтобы они прошли и никто с ними не пересекался. Я такой:

— Вот, блядь, выйти не успели!

— Э! Щто ты сказал? Можэт семь суток за нецензурную брань?— Пиковый не просто так крутился.

Сразу ясно, что это провокация, ничего не отвечаю, продолжаю одеваться. Мы выходим, пришли в колледж и звоню Олегу, рассказываю ситуацию.

На следующий день, утром, опять же после завтрака меня дёргают в оперчасть. Я поднимаюсь, сморю за столом дневального сидит Моня, жирный и злобный. Прохожу, он мне в спину бросает:

— Всё равно я тебя к себе затащу!

Понятно, что—то в этот раз не вышло. Меня проводят в кабинет оперативника, у него на столе лежит куча бумаг на меня. Все документы, необходимые для упаковки к ШИЗО.

— Что это ты чудить—то начал? Вроде раньше проблем не было? Я

оперативнику ситуацию обрисовал, которая была в столовой.

— Да, я тоже подумал, что здесь не очень правдоподобно написано. Вряд ли ты ни с того ни с сего стал бы на актив 22 барака бросаться один и матом в раздевалке кричать...

Сказал, что чурбанам он меня не отдаст, но пока в столовую мне ходить одному не стоит, на провокации не поддаваться, если драться полезут — не отвечать.

Чурбанам меня не отдали ни опера ни Олег. Моня предлагал ему за меня каких—то своих гуманитарщиков, другие бонусы, но тот не согласился.

Конечно, всё будет нормально! Но мрачные мысли меня постоянно посещали. Вдруг у чурбанов хватит намерения, чтобы без «добра» от администрации меня выхватить? Если грамотно всё спланируют — капут!

Панк Пушкин.

Почти все менты, которые работают, на зоне — где —то учатся. Если ты учишься, ты поднимаешь свой образовательный уровень, ты поднимаешься по службе, получаешь надбавки. Учатся они на заочном отделении, во всяких социальных институтах и, естественно, им дают задания — построить графики, написать формулы, решить задачи, написать рефераты... но этих формул и задач менты знать не знают и знать не хотят. Потому что есть же куча зеков на зоне. Из них кто—нибудь эту формулу будет знать. Им лучше и отдать это задание, они решат.

Вот принесли эти задания в колледж, надо решить химию, за 11 класс и начало института. Когда —то у меня по химии была пятёрка, а я по дурацки об этом сказал. На зоне не нужно больше знать и уметь, кроме своей непосредственной работы. Только я сказал, сразу меня начали просить помочь. Мы садимся, я открываю эти задачи и понимаю, что решить их можно, но не помню уже как. Обложился учебниками и справочниками, память просыпается. Странное такое чувство — ощущаю прямо, как мозги зашевелились! Сажу, решаю, полчаса, час, и вижу, что я один могу это делать, больше на бараче никто не понимает. Нашлось только два человека, которые ключевым словам могли искать формулы в справочниках. Короче они ищут, а я решаю. К утру я не успеваю, работа срочная. Время уже 10 вечера, а ещё мне хотелось бы поспать. Мне сказали, что есть ещё парень один, Пушкин, на соседнем бараче, сейчас его притянут сюда — он тоже с мозгами.

Приходит парень, ботаник в очках, кудрявенький такой, типичный Пушкин. Какой—то бабушкин внук, отличник школьный. И правда он умеет решать, вдвоём пощёлкали эти задачки химические. В полночь он ушёл к себе на барач. Меня он заинтересовал, я спросил про него, мне сказали, что он двигается по этой теме — для всей зоны задачки решает, тесты, рефераты пишет. Спец по интеллектуальным делам.

На следующий день пошли утром, сдали химию, но надо сделать ещё физику. Там надо было опять открывать все справочники и учебники, вспоминать, вникать, решать. Сели в колледже, на втором курсе, я сразу говорю — Пушкина зовите! Он пришёл, мы с ним решаем задачки. Ванька ищет в справочнике информацию и формулы, я пишу готовую формулу и считаю результат, Пушкин подводит мою короткую формулу к той, что дана в учебнике. И расписывает решение под ответ. Я почему—то всегда так физику решал... А ещё несколько человек, которых мы взяли на ночь, типа, для помощи, сидят играют в компьютер. Надо работников побаловать же. SS в этот день получал посылку, угощает конфетками, кофейком, чаем, мы сидим вообще замечательно. Почти всё решили. Времени до утра дофига, а смысла спать идти нет. Проще досидеть до проверки, сдать работу, позавтракать и лечь до обеда.

Я спросил Пушкина чем он по воле занимался. Он сказал, что он панк, забрали его по 105 статье, не любит скинов, издевался над ними в местном чате.

— А меня ты не знаешь?

— Нет. А что?

— Завтра про меня спроси у кого—нибудь...

Приходит на следующий день, лицо довольное, узнал про меня всё. Приволок блокнот со

своими стихами. Чистый национал—анархизм! Мы с ним начали общаться. Оказалось, что вся его нелюбовь к скинхэдам — это конкретно нелюбовь к пьяным бонам, которые бреют бошки, одевают ботинки и занимаются гоповством. Сам всегда называл себя наци—панком и сидит он за убийство еврея. По пьяни, в 15 лет, стал на лестничной клетке размахивать ножом и звонить в дверь к соседу— еврею с криками «Открывай, жидовская морда, я тебя зарежу!» Дурак и открыл. Пушкин его ножом в горло тут же пырнул. Дали 10 лет...

С мозгами у него всё в порядке, он закончил с отличием колледж имени Ползунова, работает завхозом склада готовой продукции, работал уже библиотекарем, на малолетке был председателем православной общины. И так, как делает ментам всякие курсовые работы, за это его и никто не трогает, регулярно выносят благодарности, поощрения и прочие бонусы. Он этим и живёт и у него за счёт этого были планы уйти домой по УДО.

Мы с ним сдружились, стали плотно общаться. У Пушкина было много всяческого рода заблуждений, в частности он считал себя «пацифистом». Думал, что пацифист это тот, кто против атомных бомб. Недостаток информации... Я объяснил, что пацифист это тот, кто вообще против насилия. Почти пассивный пидор. Пацифист и переводится, как пассивный. Побежал в библиотеку, проверил. Пацифистом быть перестал навсегда, закрыл темную страницу юношеских заблуждений.

Мы с ним проводили разного рода интеллектуальные беседы. Он мне принёс книгу «Сектоведение», я её прочитал. Стали с ним выискивать признаки сект во всяких социальных институтах. Социальная изоляция, тоталитаризм, цензура мыслей. Стали с ним планировать и обдумывать национал—социалистическую организацию которую я буду строить, выйдя на волю. Какие там должны быть действующие элементы, какая структура, какие воздействия на адептов. Потому что, понятно что без психологических приёмов здесь не обойтись. А эти приёмы выдумывать не надо, проще начитать сектоведения. Сидим с ним, общаемся на эти темы, обсуждаем какие—то экзистенции, эзотеризм, магию, карму, чакры, Брахмы, причём я вижу, что за нами следят и слушают. Газик. Уборщики. Как—то я лёг спать вечером и слышу, уборщик наш сидит и разговаривает с председателями на бараке. Они там обсуждали, что мы говорим, как людьми управлять, об организациях, о сектах... Записали всё и о нас и о книжке «сектоведение». Подумаешь, чесотки тупые! Всё равно слов даже таких не знаете! Фигня, и ничего им это не даст. Я уснул...

Обвинение в сектантстве.

Но оказалось что рано я так на это дело подзабил. Потому что ввиду моих воздействий, через какое—то время Саня SS перестал быть христианином, и объявил себя язычником.

— Саня, язычество это, конечно, хорошо! Но ты что, реально в это веришь?

— Да, я теперь язычник. Вернулся к вере предков, к родным богам!

Я ему объясняю, что этого нет. Есть только мораль. Есть христианская мораль — мораль Раба, а есть языческая мораль — мораль Воина. Он всё равно остался при своем. Хочет язычества, пожалуйста... Если так охота во что—то верить. Научи Санька богу молиться... Не предал этому особого значения, но тем не менее пришёл уже май. На улице тепло.

Дергают меня опять к операм. Прихожу, там четыре человека в штатском, у меня уже неприятные мысли зашевелились. Люди в штатском просто так не приезжают. Один из них поворачивается — а это зам.начальника ЦПЭ! Я подумал: «Ну, началось!». Он был из тех кто приходил меня допрашивать по Ку—клуб—клану, тот кто, по его словам, инициировал мой арест. Он меня спросил о моих делах. Я ему ответил, что они не очень, так как они сюда приехали. Он сказал, что мне надо пару годков к сроку добавить. У меня сразу настроение хорошее пропадает. Он начал спрашивать меня про «Формат». Откуда взялся, кто состоял, откуда приходили ролики... Всё то, что уже давным—давно было известно. Я сказал что когда меня посадили, то и его не стало. Рассказал, что я когда—то купил хостинг, сайт, домен — всё на свои инженерские деньги. Начал снимать постановочные драки и выкладывал на сайт. Все качали. Я и решил, что надо снимать правые ролики и заниматься пропагандой. Тогда правой пропаганды в интернете было немного. Начали это снимать, люди смотрят, всем нравится. По началу все ролики были постановочные, юмористические, у нас стало появляется множество поклонников по всей России. Потом повторил все показания которые говорил на суде.

— Максим, а где же твои мышцы, а? Тесак! В прошлый раз ты вдвое больше был!

— А у Вас такого пуза не было.

Его моё замечание вообще не порадовало, он подождал, пока остальные менты допишут мои показания по «Формату». Они ушли и он сказал, что я зря над ним шучу. Начал спрашивать меня про

Малюту, что он его очень интересуется. Я сказал, что почти три года его не видел и не могу сказать, где он. Потом он уехал.

А через какое—то время меня забирают из колледжа и сажают на барак в кресло, дают книжку и говорят, чтобы я сидел и не с кем не общался. Ходить по бараку можно только с разрешения. Сказали что меня скоро вызовут и будут с мной беседу проводить...

Оказалось, что списали меня на барак из колледжа вот почему. Произошла целая вереница трагических совпадений. Во—первых зам.начальника ЦПЭ пошел к руководству зоны и говорит про меня:

— Вы знаете, кто он такой?

— Нацист?

— Вы думаете, он скинхед? Нет! Он ку—клукс—клановец! Он у вас уже здесь открыл тайную организацию, пока вы ушами хлопаете!— И уехал.

За мной стали поднимать точковки. На этой зоне все и за всеми писали. Где ты был, как ты пукнул, во сколько пописал, с кем поговорил, о чем, где бросил бычок, куда убрал пакетик лапши, кому писал письма. Кому звонил, какие книги читал, где у тебя была расстегнута пуговица, где ты шел не в ногу. Пишется вообще всё! Это мощнейшая система давления и слежения. Даже не думал, что это все до такой степени отлажено! И вот эти записи все поднимают. Оказывается, что я читаю психологию и социальную медицину, сектоведение, «Сознание кришны», «Тайную доктрину», «Велесову книгу», «Библию», кучу других сектантских изданий... Ага! Общаюсь с интеллектуальными людьми, а это говорит о том, что я что—то замышляю. Если б не замышлял — общался бы с баранами! Разговоры постоянно ведут на религиозно—политические темы. Когда зэк должен говорить о девках, жратве и наркотиках. Мало того, SS написал порядка десяти писем своим товарищам на волю, в которых рассказывал, что я его убедил, он больше не христианин, а язычник! Во Христа он больше не верует, к родным богам вернулся!

Всё складывается в одно. Меня вызывают к операм.

— Ты что у нас, секты открываешь?

— Я? Нет, конечно! Ни в коем случае!

— А почему бумаги приходят, что у тебя тайные организации какие—то? Люди к тебе постоянно разговаривать ходят. Язык у вас сектантский, который даже чесотки не могут запомнить!

— Нет, это не язык. Это просто научные слова. Мне секты—то вообще не интересны. Я же нацист. Выйду — буду организацией политической заниматься.

— Да?

— Конечно! Мне религия не особо по профилю. И без меня есть кому болванов обдурять.

— Ладно, иди, посмотрим.

Оказалось, что меня хотели списать на 22 барак к чурбанам, но не стали и просто зарубили мне всё общение, передвижения, сняли с работы, посадили на барак. Дали книжку — сиди в этом кресле, читай. Ходить тебе никуда даже по отряду нельзя, телевизор не смотри. Звонить запретили вообще. Связь с товарищами, пусть и официально прослушечная, так и та пропала!

Полная изоляция. Но почему и нет? Можно и читать, и эксперименты над собой ставить. Тем более на работе, имея доступ к компу, я читал 2—3 часа в сутки. И меня это очень угнетало. Мало самообразовываюсь, много играю. Надо было делать над собой усилие, это положение менять. Но мне помогли и поменяли его радикально. В принудительном порядке.

Попросил из зонной библиотеки десяток книжек, спрятал их в баул. Положение мое ухудшилось, в бауле книги держать стало нельзя.

Наглухо запретили общаться со всеми, даже с SS. Мы даже жрали в разных комнатах — хотя и семейники. Он личковал в ПВР или дальней секции, а я всегда в ближней. Я доставал баул, вынимал себе порцию продуктов на один раз и через Короля передавал его Сане.

В это время SS получил передачу. Вечером загоняет мне баул, я попробовал сыра, чая с конфетами попил, бутеров с колбасой поел... На следующий день его мама заказала курицу, коржики. Думаю, зачем в баул лазить — и так есть чем мышцы подкормить. На следующий день не лазил, еще день...

Потом, через три дня передают мне баул наш пищевой — смотрю, а он уже почти пустой. Ага! Сожрать пятнадцать килограмм за это время SS не мог чисто физически. Значит жрет Король. А за ним уже было замечено, что он не только по—семейнички кушает. Но и еду раздает. Сам он ничего не получает, ни передач, ни посылок. А угощал чужой едой козлов. Сам—то он был козлом безвольным и мелкоуровневым. А если он кого—то из них угостил, то получал определенный бонус.

Какую—нибудь вольность — несколько дней дружелюбнее относились, не ставили сливки на нос или не били пендалы. SS ему делал неоднократно замечания «Ты еду—то не раздавай, придурок! Ты понимаешь, что ты их кормишь — они тебя всё равно своим не считают. Пользы—то от этого даже тебе нет!» Да, все понимает, больше не будет. Пока я работал в колледже — меня эта баульская движуха мало интересовала. А тут делать нечего. Весь барак как на ладони! Надо шероховатости устранять. Баул—то пустой уже. Ладно, родился хитрый план. Я вообще трогать его не буду.

Ем себе курочку — по одной ножке или грудке в день. Двух куриц как раз на неделю хватало. Чтоб хоть по чуть—чуть но белка получить. Заниматься—то мне уже запретили. Так что этого вполне хватало. А из вкусностей — чай с коржиком. Одна чашка с одним коржиком. И не растолстеешь, и все—таки вольная пища. Большого и не надо.

Месяца полтора я так сидел. Говорить, думал, вообще разучусь! Голосовые связки начали атрофироваться опять. Общаться со мной мужикам было нельзя, а козлы не рисковали. На всякий случай. Пушкин же, который бы и рискнул, был не с нашего барака и заходить не мог.

Сидя на бараке в списанном состоянии я понял, что эта зона — не такое сахарное место как, мне казалось, когда я работал в колледже. Раньше мне говори, что все постоянно чешутся, друг за другом точкуют, все руг на друга стучат, что шага нельзя ступить, чтобы за тобой не записали, чтобы на тебя не нажаловались. Мне казалось, что это преувеличение, фигня, прикол такой. Потому как у меня было добро на очень многое, на все эти доносы просто закрывались глаза. А сейчас, когда я оказался в таком положении — практически под следствием — за мной следили вообще все чесотки барака! Я сидел в секции и все это замечал. Когда работаешь, во—первых все пофигу, во—вторых ко мне было запрещено заходить в компьютерный класс, в—третьих у меня было добро играть в свободное от заданий время, я просто на всех клал хуй. Но когда сидишь на бараке — замечаешь, что все по—другому. Со мной в секции постоянно находился, как бы случайно, то один, то второй, то третий, то четвертый, петух. Они, как я говорил, самые активные чесотки. Сижу я, читаю книгу. Подходит ко мне обиженный, который за всю жизнь прочитал, может, одну книгу — и ту в школе:

— Ууу, Макс, книгу читаешь?

— Да.

— Это уже какая по счету книга?

— Наверное, пятнадцатая.

— Это за всю жизнь или за месяц?

— Ну, за всю жизнь 20—я, наверное!

— Нихуя себе за всю жизнь 20 книг прочитал? Зачем тебе столько?

— Чем больше прочитаю, тем умнее буду.

— Ты же и так умный!

— Тебе хорошо говорить, у тебя голова маленькая! А у меня большая — мне же её чем—то заполнить надо.

— А что за книжку то читаешь?

И полез название смотреть. Посмотрел, отошел, сидит записывает.

Ну, пидорас! Он подходил только для того, чтобы узнать, какую книжку я читаю. Чтобы точкануть название книжки, так как списали то меня за чтение нереконмендованной литературы и обсуждение её с другими заключенными. При этом мне все—таки оставили право читать все, что я захочу... Водили меня вместе с Андрюхой, помощником начальника отряда, в библиотеку. Приходил к завхозу, его звали Олег очень начитанный парень, по воле он не был ни начитанным, ни даже интеллигентным парнем, но, попав в тюрьму, он вплотную взялся за литературу. У нас с ним были и вкусы похожие.

— Олег, дай мне что—нибудь поинтереснее?

— Так, так, так...

Он лез в закрома и вытаскивал мне все, что было у него интересного. Андрюха, никогда не закладывал меня. Мы с ним читали книжки, которые завхоз доставал. Может быть, это покажется смешным — казалось бы, что такого? Пришел, получил книги, и никто не заложил тебя, какие книги ты взял почитать? Но на зоне это все совершенно по—другому. Людей, которые читают, держат на учете. Это люди подозрительные, они что—то думают, они могут что—то начудить. А так как их немного — можно пересчитать по пальцам — за всеми ведутся точковки. Кто что читает, кто что обсуждает. Если какое—то подозрение вызывает прочитанная литература, то его вызывают к операм или козлы проводят беседу. Если находят что—то опасное — мыслепреступление — то просто запрещают читать и списывают на режимный барак. Один раз на зоне накрыли секту. Ребята

начитались Кастанеды, ещё какой—то мистической литературы. Достали где—то кошачьей крови, налили в таз, спрятали это под пол, начертили сверху пентаграмму и колдовали на начальника зоны. У при заходе на территорию дико заболела голова. Один раз стало плохо, и его увезли на скорой. Начали искать, провели работу по чесоткам, подняли точковки, вышли на этих колдунов. Так мало того — приехало на зону ФСБ даже ! Этим колдунов наказали, раскидали кадку—лейку. Они все были должностные, могли передвигаться спокойно по зоне, у них было место где, они могли производить ритуалы. Некоторых из них даже выебли, то есть все, сделали по—настоящему обиженными, чтобы они больше никогда этими мероприятиями не занимались. Само собой, провели рейд в библиотеку. Пришли туда мусора и изъяли все подозрительные книжки, изъяли всю «сектантскую» литературу, очень много из философии из социологии, из социальной психологии. Бросили в мешок и сожгли. Ну, на всякий случай — чтобы меньше вольнодумства было. Цензура в действии, как во времена инквизиции. Пришли—изъяли—сожгли.

Читаю на кресле. Названия на книге нету, то есть обложка самодельная и не видно что там. Подходит петух, спросил, что я читаю. Был послан. Пришел другой. Тоже самое. Я знаю, что, по сути, мне эту книжку не должны были в руки давать. Она толкает к вольномыслию — «Красная каббала» Климова. Я понимаю, что написан там в основном бред . Там и «комплекс латентной гомосексуальности Ленина», и «все евреи извращенцы», и «все извращенцы евреи», «все люди, занимающиеся оральным сексом, становятся в конце жизни дегенератами, а некоторые даже евреями»... Концентрированное безумие. И всё—таки крупницы здравого смысла есть. Подходит опять петушок.

— Макс, что читаешь—то?

—Слышь, пошёл отсюда, ты заебал меня точковать! Ты же даже названия не прочтешь, потому что в жизни ни одной книги не прочитал!

Ну отошел, сидит пьет чай. Мне надо сходить в туалет. Положил книгу под подушку. Прихожу — отбегает от моего шконаря.

— Че прочитал название?

Петух залез под подушку, открыл книгу, прочел название и побежал его записывать. Это полный бред ! Если у меня есть разрешение читать, что я хочу! Сроку оставалось сидеть четыре месяца! Ни с кем общаться вообще нельзя! Любую попытку со мной заговорить я рассматривал, как провокацию — я знаю, что по своей воле никто не попытается этого сделать. Можно же уехать или на кичу или на режимный барак страдать отправиться. Чего ещё надо?

Обвинение снято.

Потом объяснил все операм еще раз, и говорю:

— Разрешите хоть на бараке общаться. Ладно, я понял, что на работу меня уже не вывести — мне сидеть—то четыре месяца осталось! Какие секты? За это время и фирму—то не открыть нормальную!

— Ладно! На бараке только двигайся. Добро.

— А звонить домой?

— Только родителям или девушке. На другие даже не пытайся набрать.

И то уже хорошо! Наконец—то гайки раскручивают! Побежал на барак. Подхожу сразу к SS, говорю:

— Разрешили мне разговаривать. Пошли на крыльцо потележим, писатель! Что ж ты, дебилоид, свои антихристианские письма отправлял, да еще и написал, что я тебя подбил?

— Я ж не знал!

— Понятно, что не знал! Дурное дело—то не хитрое! Научи дурака Богу молиться — лоб расшибет!

Полтора месяца не общались, он мне новости какие—то рассказывает. И зашла речь за жратву — как без этого?

— А мармелад кислый пробовал?

— Нет.

— А сгущенка вареная как тебе?

— Не знаю, давно не ел.

— Как так—то? Что ты вообще пробовал?

— Да я ни хрена и не ел — сыра с колбасой навернул один раз и больше в баул не лазил!

— Как не трогал? А куда ж тогда еда вся делась?

— Как куда? Король твой сожрал все!

— Не может быть!

— Я на третий день баул в руки взял — он уже почти пустой.

— Спрошу у него. Приходит
через пять минут.

— Макс, блин, Король говорит, что это ты под него мутишь, жрешь а не наго сваливаешь, хочешь нас поссорть!

— Ты сам смотри, кому ты больше веришь — мне или ему. Я сейчас при тебе его могу расколоть.

Позвали Короля.

— Ну, чего, дичкарь. Вон стоит четыре человека, которые каждый день личковали рядом со мной. Они видели, что я ел в личное время. А в другое время у меня просто доступа к баулу нет. А вон стоят другие три человека, которые видели, как ты по ночам, так как ты ночной дневальный, жрал из баула и кормил козлов.

Естественно, я взял его на понт. Чисто мусорская разводка — схему я знал, а доказательств не было. Он стоит, нервничает, пот потек со лба.

— Короче, или ты сейчас признаешься и извиняешься передо мной за клевету и перед SS за то, что жрал, как перепуганный, пользуясь нашим тяжелым положением. Или придется тебя на весь барак крысой объявлять! Думай.

Это тоже был понт — крысой за это бы не объявили. Если у левого кого хоть одну конфетку бы спер — то да. А в «семейке» из баула жрал больше нормы в пять раз — это уже внутреннее дело. По сути — мошенничество. Мелкое до неприличия по вольным меркам, но по меркам зоны — он просто Мавроди!

— Чего молчишь—то? Может тебе ебало надо разбить? Или как? Может обоссать тебя?

Губы задвигались, глаза забегали, заговорил. Начал давать признательные показания.

— Эсэсик, извини меня пожалуйста, что я жрал, как перепуганный, наговорил на Макса и воспользовался вашим положением. Прости меня, если можешь!

Я от смеха аж взвыл! Наконец—то пес выведен на чистую воду! Я чувствую себя Шерлоком Холмсом, приперевшим к стенке тупого Бэрримора. Списали Короля, стали семейничать вдвоем.

Шульц поднялся по «карьерной лестнице» выше и завхоз у нас появился новый, по имени Саня Мухомор. По воле он черный риэлтор. Мошенник. Затележивал старушек, чтобы они ему квартиры переписывали, выселял алкоголиков в загородный дом из квартиры. Разницу клал в карман

— выдаст алкоголику немного, чтобы тому было на что пить, и всем хорошо. У Сани есть квартира а алкоголику, кроме бухла, ничего не надо. Ну, и в один из эпизодов он влетает. Начинает продавать квартиру семейки алкашей. Уже продает её, и тут сын—алкаш убивает мать—алкашку ножом, садится в тюрьму.

Саня не может закончить сделку, потому что клиент сидит в тюрьме. У него нет даже паспорта. Откуда у алкаша документы? А восстановят их только на зоне — СИЗО этим не занимается. Хотя и по форс—мажору, но Саня сделку не выполнил до конца. А деньги—то у него на руках. Но ни оформить алкашу дом, ни даже передать бабки он не может. При этом менты говорят:

— Давай половину денег от сделки, и у тебя все будет нормально. Саня отказывается, ему говорят:

— Тогда сам поедешь.

— Куда я поеду? Я риэлтор, вот сделку делаю. В чем преступление?

— Ты мошенник. Чтоб не сесть — давай

половину! Послал он ментов в жопу, ничего им не дал. Дергают они этого сынка—алкаша.

— Пиши заявление, что твою квартиру без твоего ведома продали. Тот пишет заявление. А на суде уже говорит:

— Нет же, он все правильно сделал, просто мне деньги не отдал.

— Как ты хочешь получить с него деньги?

— Пусть дом купит — мне же жить негде.

— Но деньги—то он тебе не отдал?

— Как же он мне их отдаст? Я же сижу, у меня даже паспорта нету! Ни перевод мне не сделать, ничего.

— Ну он ж деньги не отдал?

— Не отдал.

— Ну и все, поедет в тюрьму.

И посадили Саню на три года. Вот и сидит этот завхоз, недовольный нашей судебной системой и правоприменительной практикой.

Я пришел разговаривать.

— Саня, убери меня из графика дежурств. Менты ж уже успокоились.

— Макс, вопросов нет. Менты сказали тебя закатать — я закатал, а так то никаких проблем нету. Короче смотри — по зоне тебе ходить нельзя, в колледж тебе ходить нельзя вообще — не знаю почему. А по бараку двигайся куда хочешь, телевизор смотри, общайся, с кем хочешь.

— А можно на брусья ходить заниматься?

— Выходи, но только с кем—нибудь из козлов. Или с Ключом, один не ходи.

Получил добро общаться с Пушкиным. Стал сидеть более—менее на бараке. Хотя практически то же самое. Читаю не сидя в кресле, а лежа на шконаре. Пару месяцев я только читал — с подъема и до отбоя, а тут стал заниматься и иногда ходить смотреть телевизор.

В просмотр стал как—то незаметно втягиваться. Уже два часа в день позанимаешься. Сначала делал два упражнения по 5 подходов, потом стал делать по четыре упражнения по пять подходов. Потом шесть по четыре. Отжимания, приседания, становую тягу ... Занимался каждый вечер ещё и на брусьях. Стал думать, нифига себе, сколько времени у меня от чтения книг отнимают занятия спортом. И решил вставать до проверки, заниматься с 4 до 6. Спокойно как раз, никакие мусора не ходят никто не мешает. Потому что, важно когда занимаешься на бараке, чтоб мусора не спалили или «рейды СКУ». Это зеки, подчиняющиеся непосредственно оперчасти, которые следят, чтоб был «порядок» — никто не спал, не сидел на шконаре, никто не занимался спортом. Приходилось быть на фоксе, чтобы спрятать гантели и накинуть шаромку. Пару раз я спалился и был наказан — неделю сидел без спорта, было мне запрещено и заниматься и лежать на шконаре. Всё сложилось, и я стал заниматься с 4 до 6. Спишь не по режиму — всего шесть часов. Но я быстро приспособился. Плюс в том, что не боишься, что тебя спалят менты. Никто из СКУ не лазает, можно в трусах заниматься и вот так мы занимались с Андрюхой.

Андрюха молодой козел но нормальный — ни на кого не стучит, никуда не лезет, руки не распускает. Сперва я подумал что он ботаник обычный. Но когда познакомился с ним поближе, понял, что он просто очень умный отморозок, а получилось так. Рассуждали с ним, о странностях УК.

— Если человек в трезвом виде сбил на машине 10 человек, то получит до 7 лет — это же непреднамеренно, а если убил 10 человек ножом, то это пожизненное сто пудов.— Говорю я. Он сразу просек.

— А если задавить на КамАЗе 20 человек, и сказать что, ненарочно — семеру же дадут?

— Ну да, не больше.

— Выйду, надо будет КамАЗ себе купить.

— Нафига?

— Да я что—то людей не люблю... Особенно уродов, которые пьют пиво после работы. Найти какое—нибудь место, где они толпой трутся, да раздавить. Похую, ещё 7 лет посижу уж...

С этого началось наше общение, стали книжками обмениваться, я ему посоветовал почитать Кастанеду, говорю:

— У тебя от этого реально башню сорвет.

Ну и сорвало, в общем. Стал временами уходить из этой реальности в нагваль.

С ним мы и занимались. Он освобождался на две недели раньше меня. И вот, выходим мы с ним на утреннюю тренировку. Спрашиваю:

— Сколько тебе до конца срока—то осталось?

— 65 дней !

— Везет тебе, уже скоро дома будешь! А мне ещё 89 дней страдать!

С этого вопроса у нас каждое утро тренировки начинались. Ну, смеемся, он в середине декабря уходит, я в конце. Договорились, что он меня встретит.

Экспериментальная голодовка.

Тут мне в голову пришла интересная мысль — а что будет, если неделю ничего не жрать? Передач у нас нет пока, мамка SS в отпуск уехала, так что и курицы две недели не будет. Остается только столовская пайка. А от нее отказаться не так уж и трудно. Тем более, что надо немного жира с пуза скинуть — полтора месяца сиднем сидел, ничем не занимался! Пусть буду весить поменьше, но, хоть, пуза не будет. А то начинает расти зековский вариант — сам, вроде, и не толстый, а брюшко есть.

Сперва я неделю входил в голодовку — перестал есть хлеб. Потом , через три дня, перестал есть второе и уху вечером. Только миска каши утром и в обед. И еще через четыре дня — полностью перестал потреблять пищу.

Стал записывать на будущее свои мысли и ощущения от этого. Девятое августа 2010 года.

Еды у меня все равно нет. И не предвидится. А от баланды отказаться не так и трудно. Прошлую неделю ел по полпайки, а с понедельника — вообще ничего. Зал мне зарубили — успел походить всего две недели. Так что пузо надо убирать методом жиросжигания. Написал заявление, чтобы бегать по утрам. Но это, скорее, просто психологический эксперимент над собой. Интересно, что же чувствует человек, когда у него останавливаются процессы пищеварения? Ну и происходят соответствующие изменения в психике — галлюцинации, впечатлительность, упадок сил. Обострение чувств проверить интересно — реально ли? Сегодня не ел вообще ничего. Полчаса позанимался на брусках. С завхозом договорился, что он даст добро выходить в локалку — там брусья и турничок.

Десятое августа 2010 года.

Живот не болит, упадок сил. Жрать, конечно, охота. Но так, как будто не ел полдня — не больше. В столовую ходить приходится. Там ничего не ем, только пью. Хлеб особенно вкусно пахнет, манит... Но ничего непреодолимого нет. Еще тяжело вечером будет, когда у всех тут чаепитие начнется. Ладно, дальше интереснее будет. Жалко взвеситься негде. Но брюки уже спадают — жалко взвеситься негде, чтоб знать, насколько я за неделю похудею.

Одиннадцатое августа 2010 года.

Странно! Сегодня есть хочется значительно меньше, чем вчера. Срать не ходил уже три дня. Интересно, когда «шлаки пойдут», и каким образом? Если встать со шконоаря — резко темнеет в глазах. Но силы меня пока не оставили. Вчера вечером немного позанимался . Надеюсь, и сегодня получится. Изменений в эмоциональном плане вообще нет. А вчерашнее послетренировочное околонирированное состояние ушло. На еду в столовой смотрю без особого вдохновения.

Двенадцатое августа 2010 года.

Дикий упадок сил. Даже руку поднять — и то тяжело. Точнее будет сказать «неохота». Труднее всего именно заставить себя отдать команду на действие , совершить волевой акт. Пишу тринадцатого, так как сил моральных писать не было. А вечером выпил сладкого кофе и на полчаса такая прикольная вспышка энергии получилась!

Тринадцатое августа 2010 года.

Странно — и есть не хотелось особо, и силы более—менее были. Хоть ноги не заплетались. А вчера в обед перед столовой думал, что не выдержу уже, упаду. Что интересно — утром кружится голова, но ни голода ни усталости не ощущаю. Изменений в психике не заметно, вспышек гениальности — тоже. Воды пью немерено. Заебался уже в сортир бегать. Рожа худеет, жалко не взвешивался до начала.

Четырнадцатое августа 2010 года.

Опять всё нормально. Правда утром увидел пузо SS и в голову пришла мысль его запечь в

фольге с чесноком и морковью. Тяжело и больно смеяться. Причем боль где—то внутри, в пустых кишках.

Пятнадцатое августа 2010 года.

Прикольный день сегодня. Штаны обвисли — подшивать надо. Рожа реально похудела. Ещё пара испытаний осталось: ужин и личка. Опять все будут предлагать конфеты, сало и баранки. В бане больше пяти минут не мог находиться — начинало темнеть в глазах и кружиться голова. Еле—еле постирал одежду. Чуть при этом сознание не потерял. Слюна во рту водянистая и ничего не смачивает почему—то. Голова явно хуже соображает. Да, стояка не было уже дней пять—шесть точно. Это облегчает жизнь.

Шестнадцатое августа 2010 года.

Выдержал неделю! Утром пил чай с конфетами. Которые вчера мне дали в виде искушения. Ух, они намного слаще, чем раньше. Реально слаще! Позавтракал и еле—еле дождался обеда. Поел дико сытно но все равно еще слабость ощущаю. Голова прояснилась.

Семнадцатое августа 2010 года.

Вчера вечером в лабаз ходил. Как удачно у меня голодовка закончилась! Поел, аж уснуть не мог. Не от полноты живота, а от избытка энергии! Сегодня вечером заниматься буду!

Такой небольшой эксперимент над собой был проведен. И, что интересно, после того, как я сытно поел, в голове произошел какой—то изобретательский взрыв. Серия озарений. Мысли, которые я годами вынашивал и обдумывал — сформировались в окончательно законченные комбинации. Я сел писать статьи, сохранять их на бумаге. Вот он всё — в мозг пошла энергия!

Мне весело, всё круто, жизнь наладилась! Скинув несколько килограмм, я начал чувствовать себя, как в невесомости. И подтягиваться и приседать стало значительно легче.

Антиэкстремисты срубают палки.

Как—то идем из столовой, меня тормозят на вахте, говорят:

— Марцинкевич?

— Ну.

— Тебя в оперотдел.

«Блин. Опять что—то началось. Осталось—то сидеть всего—ничего. Какие оперотделы? Что им надо?» Разворачиваюсь, пошел, поднимаюсь, захожу в кабинет. Сидит какой—то мусор вольный.

— Здравствуйте, — говорю я.

— Максим?

— Да.

— Я из екатеринбургского отдела по борьбе с экстремизмом. Можно задать несколько вопросов?

— Что хотите—то? — спрашиваю я.

— Хочу узнать, что ты знаешь про «Русский образ»?

Сперва я отказался говорить:

— Нет, только с адвокатом буду показания давать какие—то.

— Так скажи, что ничего не знаешь. Какая разница? Не надо никакого адвоката.

— Как «не надо»?! Приведите мне адвоката, у меня договор заключен.

— Не—не—не, ты тут не обвиняемый. Это не допрос. Помоги, чисто по—человечески, я не знаю, где взять информацию.

«Да, блин, какой мерзкий мент, как доебался. Ладно, может помогу этому «образу» тем, что скажу, что про них ничего не знаю. Организация неизвестная, закроют по ним дело, если что—то вынюхивали и уберут в архив. По крайней мере раньше я про такую не слышал».

«Русский образ»? Это что? Ателье какое—то модное?

— Нет, это организация. Они говорят, что нацисты. Ты слышал про такую?

— Нет, ничего не знаю.

— А лидеры кто, знаешь?

— Нет, не знаю, кто лидеры.

— Вообще, ты можешь мне сейчас сказать, что ты про них ничего не знаешь, и что они не нацисты. Они только притворяются ими, и на самом деле они клоуны какие—то и их вообще нет в Екатеринбурге.

— Откуда я могу знать, клоуны они или нет, я про них ничего не слышал.

— Да—нет, у меня тут отчетность надо закрыть. Дали задание, собрать материалы про

«Русский образ», а про них никто ничего не знает. А мне сказали, что ты какое—то отношение к нацистам имеешь, сказали к тебе прийти, взять характеристику на этот «образ». Мне, чтоб отчитаться, надо, что бы ты сказал, что они клоуны, что они никогда ничего не делали и к нацистам никакого отношения не имеют.

— А вы так—то не в курсе, какое я имею отношение к нацистам?

— Нет, но вроде ты за экстремизм сидишь.

— Ну—да.

— Ладно, давай заполнять.

— Напишем, что я про них ничего не знаю, ничего не слышал. И не в курсе, что они хотят.

— Хорошо. Как зовут?

— Максим Сергеевич Марцинкевич.

— Кличка есть какая—нибудь?

«Блин. Мент пришел явно неподготовленный. Вообще не знает, куда. Как его в отдел по борьбе с экстремизмом взяли?» Собственно, так и спрашиваю:

— А вы, реально, не знаете, кто я, чего?

— Нет. Я вообще раньше экономическими преступлениями занимался. Сейчас нас расформировали, оставили только по борьбе с экстремизмом. Раньше с бандами боролся и работал в основном по экономике, раскрывал всякие ОПСы. А сейчас, типа, банд не осталось, только экстремисты. Вот этой фигней занимаюсь.

— А что на самом деле банд не осталось?

— Да, хрен его знает, как так получилось. Понятно, что они остались, но сказали, что надо заниматься вами. Вот и занимаемся, что делать—то? Работа такая.

— Ладно. Клички нет.

— Записывает.

— Давай, напишу, что эта организация притворяется националистами, а на самом деле ее вообще нет.

«Хрен его знает... Как—то нехорошо писать. Я, вроде, слышал что—то о «Русском образе», но не хочется ему говорить». Говорю:

— Нет, пишите, что я ничего про них не знаю. Ведать не ведаю, и вообще это не известная мне организация.

— Ладно, тоже сойдет.

— Написал, довольный ушел.

Выхожу от него. Как удачно все прошло. Видать, когда борцы с экстремизмом приезжали про Формат вынюхивать, с ними был начальник местного отдела по борьбе с экстремизмом. А это его подчиненный. Ему, видно, самому было лень идти, подчиненного отправил. Ну, и хорошо.

Проходит месяц, вызывают меня в штаб, в спецчасть. Выдают толстую папку с документами. Там материалы дела о признании «Формат18» межрегиональной общественно—политической организацией, осуществляющей экстремистскую деятельность. Нифига себе! Когда это Формат18 стал межрегиональной общественно—политической организацией?! Я, может быть, где—то память потерял, что я регистрировал. Почитаю.

Пришел на барак, открываю папку, там мой приговор по первому делу, приговор по второму делу, какая—то оперативная информация на участников Формата. «О, хорошо». Там домашние адреса, телефоны, кто опасен, кто не опасен, носят с собой ножи, занимаются спортом. Мои показания, что Формат18 был открыт на мою зарплату, что снималось видео, — все, что я говорил в показаниях, ничего секретного и нового нет. Но в комплекте с оперативной справкой и какой—то интересной аналитикой, что осуществляется деятельность в 64—х регионах Российской Федерации, что по уровню угрозы для национальной и государственной безопасности сопоставимо, кое в чем даже превосходит, террористическую угрозу. Надо бороться. Предоставлены фотографии со сборов, фотографии из качалки, фотографии роликов. Смотрится довольно зловеще, что реально какая—то организация есть, ячейки существуют. И пара приговоров ребятам, одному двадцати лет, другому семнадцати, которые выкладывали ролики Формата в интернет в разных городах. Материалы в этих приговорах: допросы мамы, допросы друзей ребят, которые сказали:

Да, у меня сын националист.

Да, Витька националист. Говорил: «Россия для русских!» это показания на предварительных следствиях, потом суд приговаривает к штрафу или исправительным работам за разжигание вражды и признает этих людей лидерами ячейки Формат18 в

своем городе. Интересно, что на предварительном следствии все люди дают показания, что да, являлся националистом, ходил в бомбере, кричал «Seig Heil!», но потом на суде они понимают, что хоть показания и правдивые, что страшного сказать, что человек националист? Я, например, никогда этого не скрывал, и даже на следствии был уверен, что это нормально сказать, что да, я националист. Но потом на суде люди понимают, что это единственное доказательство твоей вины. Кроме того, что ты и твои близкие сказали, то ты являешься националистом, доказательств никаких быть может, потому что все остальное не доказывает субъективной стороны преступления, то есть ты сделал это ради шутки, ради выгоды или по своим убеждениям. Посадить тебя могут, только если ты сделал это по своим убеждениям. Если ты преследовал какую—то экономическую выгоду, размещая ролики, тебе никто ничего плохого не скажет: «Ты же заработать хотел. Ты же не нацист. Это нормально». Далее написано, в Мосгорсуде будет проходить рассмотрение дела о признании Формат18 экстремистским сообществом. «Копия данных материалов выслана руководителю организации Марцинкевичу Максиму, отбывающему наказание в ФБУ ИК—2 г.Екатеринбурга». С меня взяли подпись об этом. Спрашиваю:

— Я могу написать в суд, что я не могу явиться, и поэтому хочу, чтобы они отложили рассмотрение.

— Ну, пожалуйста, пиши.

Я пишу, что я не согласен, Формат18 является творческим объединением. Все, что написано в оперативных справках — надуманные, клеветнические заявления и что я прошу отложить рассмотрение дела на два месяца, то есть перенести на любое число их после 31 декабря 2010 года, что бы я мог присутствовать и лично защищать свои интересы в суде. Отправил эту бумажку.

Еще через две недели меня опять дергают в штаб. Пришли дополнения по этим материалам, — еще два приговора по парням. Один в военной части, будучи кадровым офицером, показывал солдатам ролики Формат18:

— Смотрите как надо бороться с черножопыми.

— Показывал ролики, где боевики казнят русских:

— Смотрите, что они с вами сделают, если вы будете плохо тренироваться и нарушать правила поведения. Вас похитят и отрежут башку.

Опять показания сослуживцев, которые говорят: «Да, говорил, что Россия для русских, что русских унижают в нашей стране, что мы вымираем». Показания его знакомых, которые говорят, что он являлся националистом. Естественно, ролики изъяты у него дома. Вот они дома, он националист, соответственно, являлся лидером ячейки Формат18 в своем городе. Он уволен со службы с лишением права состоять на службе в вооруженных силах и штраф.

Второму назначили какие—то исправительные работы.

Плюс новая бумажка, что будет проведено рассмотрение в Мосгорсуде, я приглашаюсь на суд в качестве заинтересованного лица, как руководитель организации. Я опять пишу, что не могу прибыть, в связи с тем, что немножко занят, пока сижу, меня никто не этапирует. Потому что дело гражданское, а этапируют только по уголовным делам. Пишу, что не надо запрещать Формат18 пока я сижу, подождите.

Проходит еще две недели, приходят еще дополнения, — два приговора, которые гласят о том, что и в этих двух городах есть лидеры ячейки, приостановлена деятельность сети организации, надо уведомить руководителя организации Марцинкевича Максима и копия в Мосгорсуд. При том мне выдают даже повестку в суд, что я должен явиться на суд в качестве участника процесса по делу. Я говорю:

— Как мне по этой повестке явиться в суд? Пойду сейчас на вахту и попрошу, что бы меня выпустили, потому что у меня есть повестка в суд.

— Нет, тебя, конечно, не выпустят. Но ты напиши еще одно ходатайство, может быть, его рассмотрят.

Пишу третье, отдаю. На следующий день дергают меня в оперотдел. Сидит опер:

— Ты чё? Ты где находишься?

— А что такое?

— Ты что за бумажки в Москву пишешь?

— Пишу, что я не согласен, что мою творческую организацию хотят признать экстремистским сообществом.

— Ты чё, ебнулся что ли? Ты понимаешь, что тебя здесь самого признают кем захочешь?! Ты чё, охуел, что ли?!

— А че? Что—то поменяет?

— Ничего не поменяет, но на всякий случай. Твои бумажки отсюда не уходили и не уйдут, потому что это ни к чему хорошему не приведет ни тебя, ни нас. Один хрен Формат твой закроют, ты же понимаешь.

Так—то понятно, что настолько решили закрыть — закроют.

— А чё ты выебываешься? Кому это надо? Ты хочешь, что бы сюда еще раз приехали твои «друзья» из Москвы? На хрен тебе это надо? Напиши, пусть без тебя рассматривают.

— Ладно, хрен с вами.

Написал: «Рассматривайте в мое отсутствие».

— Ну, все. Теперь нормально. Иди.

«Черт! Не получилось спасти детище своих рук!» В принципе, это ничего не меняло, я догадывался, что запретят и так и так. Единственное, если бы я пришел на суд и сказал, что у меня хорошая организация, просто кто—то на нее наклеветал, можно было бы шумиху в СМИ поднять, но по сути ничего не изменилось бы.

Помощь узникам ПО «Феникс».

Смотрю я на то, как осуществляется поддержка соратниками с воли тех, кто попал на зону и понимаю, что это просто жалко и постыдно. Максимум, что получают рядовые бойцы — это письма. Хотя многие не получают даже их. От этого, естественно, некоторые начинают сомневаться в правильности избранного пути, в своей ценности для движения. Сраные сектанты, типа свидетелей Иеговы, кришнаитов и сайентологов, заваливают зоны своими книжонками, заинтересовавшихся этой писаниной нередко начинают греть, потому что на зоне человек становится особенно впечатлительным и нередко задумывается о глобальных вещах, тип смысла жизни. Но даже зная это, наше движение, практически единодушно кладет на узников совести хуй. Организации, собирающие деньги на это дело, политически ангажированы. После того как Никола объявил меня в маляве сукой они, с подачи Демушкина и Сергея Опера, начали на всех углах вопить, что помогать мне не будут и, мало того, другим не дадут, даже отговаривали от этого моих друзей, которые, естественно, послали их в пизду. Но ладно я, я вообще не встречал никого, кому эти организации помогали и, кажется, это происходит не только из—за крысятничества и предвзятости. Основная причина, я уверен, в том, что им не доверяют люди. Человеческая натура такова, что если в руки попадает неконтролируемый поток денег, он, автоматически, начинает использоваться нецелевым образом, а так как это свойство известно любому, то не каждый настолько доверяет какой либо организации, что бы отдавать им свои деньги под честное слово.

Помогать—то люди хотят, но не знают, как сделать это правильно и в тех объемах, которые им по силам, ведь собрать посылку стоит не меньше пятерки, а скинхед Петя или Вася имеет возможность выделить не больше пятисот рублей в месяц. Собрать на эти деньги даже бандероль — смысла не имеет, потому что и бандероли, и посылки, обычно, забивают родственники. И кто бы этому Васе объяснил, что можно отправить деньги почтовым переводом, на лицевой счет, непосредственно, своему товарищу. Надо бы схему продумать. Примерно вот так она будет выглядеть.

Допустим, есть Вася Иванов, правый, севший за дела, совершенные по идейным мотивам. Естественно, что он узник совести. То есть она не давала ему поступать иначе.

На сайте есть раздел «Рассказать об узнике», где знакомый с Васей соратник заполняет анкету. Обязательные поля — ФИО, статья, адрес, рассказ о нем, контакты с близкими/адвокатом, фотография. И необязательные поля: видео, материалы о его деле из СМИ, дополнительные фотки.

Эта анкета отправляется на модерацию, пользователям, кроме отправителя, она не видна. Мы узнаем, что это за человек — связываемся с адвокатом или родными, пробиваем через его товарищей или тюрьму. Это дело несложное и недолгое. Если всё так, как написано в анкете и он действительно POW — мы отправляем ему письмо. Или через адвоката в тюрьму или заказным письмом на зону. В письме рассказываем ему о проекте в официальном варианте. И интересуемся, не желает ли он принять участие. Дело в том, что нам необходимо согласие узника. Потому что медвежьи услуги оказывать не стоит. Или попадать в ситуацию, когда человек, получив помощь, будет этим недоволен и мы же окажемся негодьями, желающими пропиариться на чужом горе. Такое часто бывает. Я, например, через неделю после ареста, продиктовал адвокату статью, где послал всех, желающих оказывать мне помощь и пиариться на мне, кроме НСО. Так что это очень важно. Плюс есть много причин, по которым человек не хочет быть «Узником совести». Это и

желание не устраивать шумихи к суду, чтоб поменьше получить — мотив вполне разумный. Это и нахождение в такой ситуации — на зоне или в тюрьме, когда афишировать лишний раз свою идеологию не стоит. И разочарование в Движении из-за поведения подельников или товарищей, пошедших свидетелями. У меня была такая ситуация с Румянцевым... И действительный отказ от идей. Поверьте, в тюрьму попадают не только убежденные НС—герои, но и случайные попутчики. В тюрьме намного легче жить, переобувшись из НС в пацана—муркопева.

Как только мы получили от него принципиальное согласие — делаем его анкету доступной для обозрения всем пользователям. Определенный плюс Вася, сидящий на зоне, уже получил. Ему пришло письмо из официальной правозащитной организации. Это внушает администрации мысль, что в отношении него лучше не беспределить. Гарантии, конечно, нет — но в большинстве случаев деревенских мусоров это очень пугает.

У каждого зек есть свой лицевой счет. Каждый может покупать по безналу продукты и товары из ларька при учреждении. Заказывать по прайсу — в СИЗО и тюрьме или выбирать на прилавке — на зоне. При этом человек купит именно то, что посчитает необходимым. Сможет рассчитать свою «продуктовую корзину, принять самостоятельное решение, в конце концов. Это тоже важно на зоне...

Мы ищем девушку, готовую вести с Васей переписку. И ему это доставит удовольствие, и палева меньше, и девушки принесут реальную пользу. У девушки дополнительное задание — перепечатывать его письма, кроме личных мест, и размещать текст в его анкете. В специальном разделе. Письма, рисунки, стихи, статьи — все, что угодно. Это творчество будут читать пользователи, оно будет превращать Василия из очередной строчки в списке POW в объемную фигуру, в личность, раскрывать его.

Кто—то, допустим, решил ему помогать суммой 500 рублей в месяц. Ведь именно в этом суть сайта. Так вот, человек делает ему перевод через сбербанк или почту. Это не трудно. ЗОГ не очень интересуется фамилия того, кто послал 500 рублей на ларек Васе. Но в крайнем случае можно попросить это сделать знакомую девушку. Не важно. Дальше человек в фотошопе — мы же все беспалевные — замазывает фамилию отправителя на чеке и выкладывает его в специальном разделе в анкете Василия. Модераторы заносят эту сумму в реестр, и она отображается на главной странице. На каждый месяц стоит отдельный счетчик — оптимально 3000 в месяц. Столько можно тратить в месяц в ларьке по УИК человеку, сидящему на общем режиме на обычных условиях содержания.

Дальше человек, отправивший 500 р., если он уверен, что может себе позволить столько переводить на постоянной основе, дает торжественное обещание (соглашается с условиями) это делать и дальше. Мы вносим его в список патронов Васи. Это те, кто обещают его кормить. В идеале может быть шесть человек по 500 рублей, один но с 3000 тысячами или десять по 300 рублей — не важно. Они все знают, что их деньги идут непосредственно Узнику совести. Они могут и даже желательно, писать ему письма. Это может быть не один человек, зарегистрированный аккаунт, а группа товарищей, скидывающихся между собой и «греющихся» одного сидельца. Смысл именно в том, что не надо гнаться за всеми зайцами. Помогай одному, но как следует.

К тому же спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Чем интереснее узник пишет, чем больше интереса к себе он вызовет — тем быстрее люди захотят ему помочь. Знаю, что кто—то задаст вопрос — а если кому—то пришлют миллион долларов, а кому—то от дохлого осла уши? Так вот — никому не пришлют слишком много, поверьте. Плюс счетчик и данные о патронах позволят равномернее распределять помощь.

Если кто—то решит послать передачу или бандероль — это обязательно надо будет согласовывать с тем, кому хочет помочь!

Друзья и товарищи Васи напишут о нем, скинут фотки, анкета начнет жить. Комментарии к его письмам подписавшаяся девушка будет отправлять ему — если у него нет инэта)

Это будет своего рода растянутый во времени блог. Находясь ТАМ крайне важно чувствовать поддержку соратников, общаться с ними.

Сектанты вербуют на зонах сторонников, а мы забываем про соратников... Это, мало того, что постыдно, так еще и глупо. За одного битого двух небитых дают. Отсидевший и не сломавшийся человек для движения становится еще полезнее. Цинично, но факт.

Дальше — на сайте будут новости о процессах над правыми, т.к. с нами уже согласился сотрудничать ряд адвокатов. Они же будут консультировать по юридическим вопросам тех, кому нужна помощь.

Будет раздел «Статьи» — в том числе и написанные из—за колючки. Как вести себя на следствии, в тюрьме, на зоне — вам никто точно не скажет. Но многие вещи узнать просто жизненно необходимо. Как помогать. Что нужно в первую очередь. Описание процедур и порядков. Как для зеков, так и для тех, кто принес им дачку, приехал на свидание. Куча полезной информации.

И, самое важное в плане популяризации — куча видео. Обо все, что необходимо осветить. От того, как собирать посылку и до того, чего нельзя говорить в хате. Многие ходят на заседания к своим попавшим товарищам — значит будет видео и аудио с заседаний, со свиданок, фото из камер, видео со встреч освобождающихся страдальцев.

Это — если коротко, то как я вижу проект через полгода — год. Сначала, конечно, узников будет куча, а желающих помогать — раз—два и обчелся. Но со временем ситуация, я уверен, выправится — люди хотят помогать, но не знают как. Именно это и надо объяснить — и не просто объяснить, а разжевать. И внедрить в головы тех, кто на воле — если ты не помогаешь попавшим в беду соратникам — ты гондон! Чтобы выделить 500 рублей в месяц на POW было такой же естественной вещью, как и закинуть 1000 на телефон или посидеть в кафе на 2000. Эта мысль должна постоянно преследовать человека, не давать уснуть его совести.

Трансцендентные обманы и Ключ.

Из материалов по запрету «Формата18» я узнал адреса своих товарищей. Так как я с ними не переписывался напрямую за весь срок — писался через одну девушку — адресов их не знал, да и не интересовался. Звонил одному—второму. Зачем переписываться со всеми? Это и палево, так как все мои товарищи в деле указаны, как «неустановленные следствием лица», в отношении которых выделено отдельное производство... Они звонили моему товарищу, которому отзванивал я и все новости излагал в краткой форме. Но тут я уже готовлюсь к освобождению — отправил сразу десяток радостных писем, все курсонул, «всё нормально, готовимся, встречаем!» И попросил прислать мне несколько моих фоток. Потому что на зоне у меня уже появилось много друзей. И есть традиция оставлять фотографию с подписью на память. А у меня моих фоток не было ни одной.

Прислали мне фотки. Я их подписал, раздал. Ребята смотрят:

— Это ты на воле такой мамонт был?!

К тому времени я весил где-то 80, а в лучшие годы — 120. И разница во внешнем виде и образе — огромная. Они знают читающего книжки человека в очках — пускай он может «пошутить», но он интеллигентный. А тут такая туша, что по фотке не определить — говорить-то нормально умеет, или с трудом.

Всегда и везде люди носят «маски». Я выбрал маску интеллигентности — в ней намного проще спокойно проехать. Когда тебя считают заумным — стараются по меньше разговаривать по пустякам, не конфликтовать, мало ли что? Тем более, что работал «хакером», постоянно с новой книгой — как не быть ботаником?

Так как я не козел — бить мне никого было нельзя. Только если в шутку или при тренировке. Если даже кто-то борзеет, максимум, что я мог себе позволить — это немного придушить или заломать руку. В этом я прекрасно наловчился. Синяков оставлять нельзя, бить тоже нельзя. Хватаешь негодяя за пальцы, заламываешь руки и запихиваешь под шконарь. Или бьешь пендалю. Или выкручиваешь уши... Естественно, это можно применять не ко всем. Но к очень многим. А были и мазохисты, которым это даже нравилось.

Например — мой приятель Ключ. С большим носом и ушами он очень походил на еврея. Но сам он из поселка Свободный Непоймикакогого района. В жизни прочитал только «Курочку рябу». Кто такие евреи он точно и не знал. Я пробивал:

— Ключ, а ты еврей?

— Нет! А кто это?

— А ты знаешь, кто такие сионисты? Ты сионист?

— Вот пианистов знаю... сионистов не помню...

— Сионисты — это люди, которым нравятся только красивые девушки!

— Ааа! Так я сионист!

— Вот, а говорил, не знаешь! По жизни-то ты гетеросексуалист?

— Ты чё, охуел?

— Да не пизди! Гетеросексуалист или нет?

— Э! По еблу ща дам!

— Ты деревня, темнота некультурная! Гетеросексуалисты это те, кто женщин ненавидит вообще, кто с ними не общается.

— Да гетеросексуалисты — пидоры! Я их ненавижу!

— Правильно. Теперь хоть знать будешь.

Это называется трансцендентный обман. Я очень много об этом читал в околосектантской литературе. Дай—ка, думаю, зароню семена трансцендентного обмана в пустую голову. И потом они у него возрастут — объявит себя где—нибудь в компании сионистом или скажет, что ненавидит гетеросексуалистов... Хоть люди посмеются.

Я вспомнил историю, как Темыч, на воле еще, как—то спросил у меня:

— Макс, а почему у женщин происходят месячные?

— Почему... Происходит смена яйцеклетки, овуляция... выходит с кровью из пизды...

— Понятно. А когда происходит? Одновременно у всех? Зачем?

И я понимаю, что, хотя ему уже 21 год — знать он об этом не знает вообще ничего. Значит надо совершить какой—то трансцендентный обман. Подлог в сознании. И я объясняю

— Месячные — это как приливы и отливы. Они бывают раз в месяц, у всех женщин одновременно. Зависит от лунного цикла. Замечал, что иногда по всем каналам прокладки рекламируют, а иногда тишина вообще?

— Ну, да, то—то я и думал!

— Так это потому, что месячные так действуют — если луна полная — они есть. Оттого и говорят, что в полнолуние вампиры выходят.

— Понятно...

Прошло три года, сидим в компании, с девчонками. Одна из них сказала другой, что надо купить прокладки. Темыч посмотрел на луну:

— Ну, да! Луна полная, сегодня у всех месячные!

— При чем здесь луна?

— Как? Месячные же, как приливы и отливы...— Говорит и смотрит на меня. А я уже под лавку от смеха упал. Аж судороги начались — три года шутка зрела! Стрельнуло!

Так же я и Ключу пару бомб в голову заложил. Почти всё время, когда меня списали, я сидел на бараке. А отряд—то у нас — «колледж». И практически никого днем нет. Все сидят в аудиториях. Только несколько человек, которым дано добро не ходить, когда уроков нет. Остальные сидят с утра до вечера. Дежурный, уборщик и шнырь завхоза. Этот шнырь Ключ и был. Плюс еще я.

Соответственно, мы с Ключом занимались на бараке спортом, ходили на турнички, брусья. Я его тренировал. Но он склонен был к мазохизму.

Читаю я, например, книгу — подойдет со стороны головы и схватит за ухо. При этом пытается убежать. Но убежать—то на бараке некуда. Он сразу бывает пойман, руки закручены. Ему можно отбить почки, наставить «гыч» — надавать ребром ладони по шее, или «отбить тормоза» — кулаком по бицепсам бедер. Причем бить его можно с любой силой, а синяков не остается! Специально взял у завхоза добро его на воспитание. Поймал, закрутил руки вокруг душик шконаря, чтоб он, стоя в наклоне, не мог вырваться. И, не соврать, минут десять отбивал ему тормоза. Должно же хоть что—то остаться! У меня костяшки опухли. Запястье посинело на следующий день и на пальцах «синие перстни» появилась! Пришли в баню. Смотрю — у него вообще ничего нет!

— Ты хоть понимаешь, что ты не человек, а мутант? Смотри, у меня кулак весь синий!

Ржет, собака! Чистый мазохист.

Подходит ко мне как—то:

— Макс, познакомь меня с какой—нибудь девкой из Москвы! Тебе ж много пишут!

— Ты что, охуел?! Там и своих уродов хватает, она ж не резиновая, еще и тебя туда волочь!

— Не, ну познакомь, что, жалко, что ли?

Ладно, уговорил. Дал я ему адрес мамы Темыча.

— Как зовут?

— Оля.

— Сколько лет?

— Ну... постарше меня немного.— Не сказать, что в масштабах вселенной 25 лет очень уж дофига!

- Высокая?
- Высокая! Пиши ей письмо!
- Я не знаю, что писать!

Сели вместе сочинять. Я диктую, но пишет. Не знаю, как от смеха не умер. «Здравствуй, Оля! Меня зовут Рома! Я сижу по политической статье (на самом деле он обчистил продуктовый ларек), постоянно развиваюсь. Смотрю образовательные передачи по телевизору. Занимаюсь спортом. На воле у меня есть бизнес. Собственная мясохладобойня на артелях началах в Самаре (у него нет вообще ничего). Я верующий человек. Посещаю церковь Фрола и Лавра...» Всякая паражнина из «12 стульев». Ну, скорее всего, мама Темыча письмо получит, принесет ему, чтоб спросить, что за идиот ей пишет. Ну, он хоть посмеется. А потом и я посмеюсь, когда он это возмущенно расскажет.

На следующий день приходит опять.

- Давай ещё какой—нибудь девке напишем?
- Тебе не жирно будет?
- Да может та и не ответит. У тебя же много адресов! Дай какую—нибудь!
- Ладно! Есть ещё одна. Классная девчонка, рыжая, красивая. От сердца оторву!

Даю ему адрес своей бабушки по маме. Фамилия у нее другая, он ничего не заподозрил. Садится писать письмо.

— Высокая?

— Да, не маленькая. Постарше меня тоже. Не помню точно, сколько,— Ну, не помню я, сколько моей бабушке лет. Вроде и не обманул фактически.

Он пишет: «Здравствуй, Люся! Меня зовут Рома. Увидел твою фотографию, ты мне очень понравилась (хотя врет, ничего он не видел), давай с тобой дружить, общаться! Пиши, если тебе что—то интересно — спрашивай, я подробно отвечу...»

Пошел я на звонки. Набираю бабушке и говорю:

— Баб! Тебе от одного парня скоро письмо придет. Ты ему не говори, что ты моя бабушка. Попроси у него фотку. Он тебе свою пока вышлет, пока она дойдет — я уже освобожусь. А потом мы ему твою со мной фотку вышлем — вот все хоть посмеются!

- Нет! Я не хочу над ребенком издеваться!
- Какой ребенок! Он же зек!
- Ой, тем более! Приедет ещё ко мне!
- Да не приедет к тебе никто! Напиши, пусть фотографию высылает!
- Нет, я не буду!

Разозлился, огорчился — такая шутка классная срывается! Ну, бабушка! Всё время чувством юмора отличалась, а тут не хочет написать письмо!

Но спустя три недели приходит Ключ с письмом. Я вижу почерк знакомый и имя отправителя — уже руку потянул.

— Это мне! Люся ответила!— И прыгает, пляшет.

Сработало! Сейчас будет буря эмоций и ураган страстей! Собираю народ, человек пять тех, кто был в курсе засады. Ждем, пока Ключ прочтет письмо. Приходит злой, садится напротив меня на шконарь. Письмо из кармана торчит.

— Ну, ты, Макс, и уебан!

У меня истерика! Меня согнуло, я даже сказать от смеха ничего не могу! Ключа сразу схватили. Письмо из кармана вытащили. Он вопит:

— Ладно! Я сам прочитаю.— Вернули.— Здравствуй, Рома! Мне очень жаль, что мой внук так издевается над своими друзьями и своей бабушкой. Ты хороший мальчик! Найдешь себе еще хорошую девочку. Не расстраивайся, лучше вместе посмеемся над этой шуткой. Подпись — баба Люся!

— Ааа! Тебя даже бабушка отшила!— Ржем, катаемся по шконкам, остановиться не можем.

— А кому я первое письмо писал?

— Это тебе лучше вообще не знать! Там тебя просто разорвут на части!

По тому поводу я позвонил Темычу. Он начал плавно.

— Макс, а кто такой Роман?

— Есть тут один деятель...— Готовлюсь сдерживаться, потому что ржать на звонках нельзя. Но если я начну — уже хрен остановлюсь.

— А почему он моей мамке любовные письма пишет? Хорошо, что я перехватил! Смотрю адрес твой — приволок в комнату, читаю — Ольге... Сразу все просек, откуда ветер дует!

Лишил свою мать, может быть, последней в жизни романтической переписки в жизни!
С Ключом много всего веселого связано. Он ленивый парень, качаться не хотел.

— Как мне так накачаться, как ты?

— Занимайся каждый день — и накачаешься.

— Каждый день неохота. Ты же как—то по—другому качался!

— Ты не видишь, что я качаюсь каждый день? Поэтому так и выгляжу.

— А как еще, чтоб быстрее и рельефнее стать?

— Во—первых хлеб и булочки не жри — у тебя пузо уменьшится. Во—вторых макарены не жри. В—третьих каждый день занимайся и пресс качай. Всё нормально будет.

— А как еще?

— Да ты заебал! Молоко надо жрать сухое. Протеина затынуть.

— У тебя же ни молока ни протеина нет! А ты накачанный.

— Я всю жизнь качался.

— А мне как быстро сделать?

— Ладно. Секрет один качковский тебе открою.— Сам же напросился.— Надо мелко—мелко растолочь скорлупу грецкого ореха. И кушать по столовой ложке в день.

— А где её взять? Орехи только чищенными пропускают.

— Не знаю — ты же шнырь, а не я!

Пошел решать вопрос со скорлупой. Договорился, но только по свиданке, через КДС. Это только через месяц.

— Макс. Там, пока я затыну, должен еще какой—то способ быть ускорить процесс?

— Есть. Надо прекратить драть.

— Блин, да! Вот с этим проблема! Каждый день балуюсь!

— Вот видишь! Ты контролируй себя. Хотя бы раз в две недели. Держись.

— Да, надо. Я и сам думал уже...

Проходит неделя, у нас вечерняя тренировка на брусках.

— Ну, как с самодисциплиной?

— Блин... Не могу себя остановить... Пытаюсь справиться с собой, но руки сами тянутся к аппарату!

— Понятно. Суть—то в том, чтоб тестостерон и белок из организма не уходили. За раз из тебя выходит два грамма белка и двадцать миллиграмм гормона! А это умножь на тридцать дней и прибавь энергию, которую ты тратишь!— Числа взял из головы, читателю не стоит принимать их близко к сердцу.— Единственный вариант — втирать сперму в живот. Тогда кожа все впитает и усвоит. Причем тестостерон будет уже среагировавшим с кислородом. Это лучше даже! У тебя будет сжигаться на пузе жир и расти пресс!

— Да? Не знал! А я смываю всё...

— Дурак, надо же размазывать тщательно!

Этот совет я дал ему незадолго до освобождения. Не знаю, помог он ему или нет, но, боюсь, что он станет его тайной вредной привычкой на долгие годы. И вряд ли он с кем—то поделится своим методом, так что трансцендентный обман очень долго не будет раскрыт.

Заходит как то Мося в ПВР, я его подъебнул как—то, он в пылу говорит:

— Слышь, Макс! Я тебе сейчас в очко дам!

— Что ты мне сделаешь?

— Я, говорю, в очко тебе дам!

У меня истерика начинается. А мы сидим с Андрюхой, телевизор смотрим я говорю:

— Андрюх, я, может, ослышался? Он по—моему хочет в очко дать?

— да хочу дать тебе в очко!— Не унимается Мося.

— Андрюхе дашь в очко?

— Нет, только тебе дам в очко!

У нас просто паника такая, друг за друга держимся, цепляемся, чтоб со стульев не упасть. Дурак, не понимает, что говорит. Ему кажется, что нормально: «дам в очко» это то же самое, что «дам по очкам». Я сижу просто умираю.

Проходит день, сидим в ПВРе, народу человек 20, все смотрят телевизор, тут начинается реклама, я говорю:

— Мося!

— Что надо?

— А что ты мне вчера обещал—то?

— В очко тебе обещал дать!

Там у всех истерика, легли просто. Он такой:

— Что смешного? Дам тебе в очко! Сомневаешься, что ли?

— Понятно всё, Мося, с тобой, голубчик ты наш.

Другой случай. Собрались мы в баню. Все моются там и стираются, душ в Екатеринбурге нормальный, не такой, как на Симе, что из тазика надо мыться. На каждого есть лейка, тёплая вода. Можно сделать, что бы была прямо совсем горячая, тогда парная начинается. Два часа дается. За это время можно и постирать шмотки, и сдать просушиться. Выйти, одеть всё чистое и сухое.

И вот я как то иду мимо Мони, а он стоит, намылился гелем и вся рожа в пене. Я прошёл и задел его рукой об руку, он:

— Чё такое?

— Задел тебя.

— Чем задел?

— Блин, случайно пиписькой по руке тебе задел.

— Как пиписькой? Не пизди!

— Так это случайно, не считается!

У него паника, как это «пиписькой случайно» задели, это же всё, это же загас. Я говорю:

— Мося, пиписькой, но случайно!

— Да ты тише говори, идиот!

— Так вот же, видели же люди, что случайно!

У него паника, начинает башкой вертеть, как так. Я Ключа подзываю и говорю ему:

— Иди, скажи Мосе, что пиписькой случайно не

считается. Тот подходит и говорит:

— Мося, я все видел, это было случайно, это не считается. Ты не гони.

У того вообще паника, голова тресётся, загас, пиписькой задели. Я второго, третьего отправляю, все смеются, Мося паникует. Подходит ко мне один, говорит:

— Макс успокой Мосю, он же себе сейчас вены вскрыет от таких шуток! Ну ладно, подхожу и говорю:

— Мось, на самом деле рукой задел.

— Точно рукой?

— Ну, так—то пиписькой, но всем скажем, что рукой и всё нормально будет!

— Блядь, да пошёл ты!

Всё, успокоился Моня и в этот раз, был спасён.

В бане я каждую неделю просил Андрюху, он брил меня под ноль станком, то есть я всё время был наголо.

Партизанская война на бараче.

Был на бараче прикольный парень Мося. Так—то он наркоман, много раз попадал в лапы фонда «Город без наркотиков», где его пристегивали наручниками к шконарю. Но он как—то договаривался с фондовскими козлами (там все по зонновскому принципу), чтобы они его выпустили погулять и сбежал. Закончилось тем, что его поймали уже менты и посадили. Он уже лет 25 от роду, крупный, но веселый и совершенно безобидный. Тоже любил пошутить.

Сплю я днем, после того, как ночью мы с Пушкиным решали мусорам очередные экзаменационные билеты. Чувствую, к кровати моей кто—то подкрадывается. Ну, вот чувствую я это уже! И точно — сдергивают с меня одеяло! Я моментально рукой наугад хватаю что—то. Это полотенце, набитое снегом! И вижу — два человека от меня убегают. Они ломятся в обход шконарей к выходу из секции, а я за ними прям по шконарям, как Кинг—конг по зданиям. Хватаю последнего. Ага! Оказалось — Ключ! Без очков—то я второго не видел. Заломал я ему руки, приволок в свой проходняк, насыпал предназначавшегося мне снега ему за шиворот и в трусы. Дал пендаля и лег спать.

Проснулся — отправился продолжать расследование. Подхожу к Ключу.

— Кто с тобой был?

Не говорит. Не хочет поделника сдавать, А мне нельзя без кары оставлять попытку покушения на мой сон. Подошел к дневальному.

— Кто с Ключом был?

— Да, Мося. Его Ключ подбивал тут... Понятно. Вышел в локалку, взял снега, поймал в ПВР Мося. Напихал ему снега за шиворот.

Но с Ключом у меня началась партизанская война на бараке. Просыпаюсь ночью в туалет — не могу оторвать тапки от пола! Спросонья не понял ничего. Дернул посильнее, тапки оторвались. Иду по коридору — как на шипованной резине или в бутсах — из подошвы шурупы торчат. Ясно, что Ключа работа. Но на всякий случай у ночного дневального уточнил. Шныря—то на бараке не любят, так что сразу его сдали.

— Да, бегал тут, шурупы и отвертку у всех просил.

Эх, собака! Хорошо хоть поленился до конца в доски закручивать, а то б и не оторвал так легко. Пошел, вкрутил их ему в тапки. Но не как он — по—детски. А вкрутил их снизу, чтоб шипы в пятки впивались. Подъем, сразу крик «Ааа!». Попался, голубчик! Подходит Ключ ко мне после зарядки.

— Скотина! Я из—за тебя все ноги проткнул!

— Это цветочки! Знаешь, кто лучший в мире низводитель шнырей? Это я!

Так и понеслось низведение. То я его к одеялу пришью за трусы, пока он спит. То рукава у фуфайки степлером заклепаю. То мыла жидкого в тапки налью... Где—то он мне нагадит, где—то я ему. Развлекаемся — до дома мне месяц осталось, уже все весело, никому от меня ничего не надо. Всё пофигу!

Но он не выдержал, когда я ему незаметно на лбу написал «Ключ лох». Причем он даже не спал. Я написал себе эту фразу жирно—жирно на ладони и схватил его, как будто хочу раздавить голову. Не получилось, отпусти. Он гордый собой пошел бродить по бараку. Чем вызвал бурю восторгов со стороны осужденных.

— Макс, хватит уже! Давай мириться!

— Неет! Война будет до победного конца, по Фон—Клаузевицу! До полного уничтожения!

— Да я заебался уже! Хватит прикалываться!

— Хорошо! Хватит уже!

А сам только—только заказал бирку, сделанную, как обычная, но с надписью «шнырь» вместо фамилии. Пришить ему на фуфайку, чтоб он с ней походил. Писарь, урод, чесонулся СКОшнику, тот пришел ко мне, говорит.

— Макс, прекращай. Это уже перебор, могут мусора запалить.— Спас Ключа!

Пришло время Андрюхе освобождаться. Он передает свои полномочия одному трамваю по кличке Глушак. Теперь у нас новый помощник начальника отряда.

Глушак видел, что с Андрюхой мы постоянно боролись, прикалывались... И решил, что по новой должности стало можно со мной играть. Сижу я в ПВР, смотрю телевизор. Подходит и дерзко похлопал меня по макушке ладонью.

— Ты че, Базанов?— Он похож был на сержанта Базанова из «Реальных пацанов».

— Я не Базанов!

— Базанов! Жить—то не хочешь? Не видишь, я телек смотрю?

А он не отстает — поиграться хочет! Второй раз меня похлопал! Вроде, старый уже — в армии послужил, а ума нет.

— Ты куда лезешь—то. Смотри, дрищ какой! Ты не сможешь со мной играть — не вывезешь просто!

— Да, легко! Иди сюда!— Сам напросился.

Подошел, схватил, как буратино перевернул и тряс его. Из карманов посыпались конфеты, пуговицы, пропуска, заявления, ручки, карандашики... Ключ в это время отбивает ему, перевернутому, тормоза — это очень удобно — и собирает конфеты. Получилось то, что происходит в мультиках, когда из школьников вытрясают деньги на завтраки. Расстроился, убежал. С того раза все его стали звать Базанов. Он всегда смотрел «Реальных пацанов», но больше не мог при этом находиться в ПВР — его сразу начинали подкалывать, почему он «пгаституточку любит?»

Реструкт!

С Пушкиным мы разрабатывали и углубляли философию социал—тутовизма. Тутовик — это такой гриб, который растет на умирающих деревьях. Он пускает в них корни, пьет из них сок и разрушает начавшую отмирать древесину. Дерево, засыхающее само по себе, может простоять многие годы и не упасть. Оно не освободит жизненное пространство молодым до тех пор, пока его не повалит ураган, не сгниют корни или его не срубят человек. Но вот тутовик помогает «дать дорогу

молодым» значительно раньше. Это санитар леса. Суть в том, что споры этого гриба есть в каждом дереве. Только растет он исключительно на ослабевших и умирающих. Мы исходили из того, что наше общество подобно лесу. В котором деревья — это разного рода социальные установки. Одни из них молодые, другие древние. Одни сильные и здоровые, а другие дряхлые и отжившие. Так вот задача «тузовиков» в том и состоит, чтобы улучшать, обновлять общество путем разрушения отживших установок.

Например. Есть два понятия: Дружба и Целомудрие. Звучит и одно и другое слово красиво. Но одно из них живо, а другое так и отдает лицемерием. Дружба — это то, что составляет основу отношений между людьми. А вот целомудрие — это уже давно миф. Девочки в четырнадцать лет стесняются сказать подругам, что они целки. Ищут кто бы их безболезненно дефлорировал. Целомудрие похоже на тряпку, которая пролежала несколько десятилетий в кладовке, стала рваться легче, чем марля, но из нее кто—то сшил платье.

Много понятий, которые выглядят так же. Сопереживание. Всем давным—давно насрать на окружающих. А вот Реструкт — человек, живущий по философии тузовизма — циник. Он не любит притворяться, что испытывает чувства, которых у него нет и в помине. Особенно когда к этому его пытаются принудить какое—либо социальное уложение. Естественно, «общепринятое». Смотри новости, «волокна» так дружно вздыхают, сочувствуют и возмущаются, что вполне логичным было бы для усиления эффективности восприятия использовать тот же общеизвестный прием, что и в юмористических передачах. Только там в нужных местах накладывают смех, а здесь можно звуковой ряд сильно разнообразить: использовать «Ах!» (обязательно групповой), сочувственный выдох с причмокиванием, разочарованный вздох, возмущенный ропот—гул и т.д. Вряд ли кого из волокон на самом деле трогает голод в Африке, возмущает гибель лосенка в Екатеринбургe или умиляет рассказ о том, что пенсионер—ветеран из Волгодонска получил квартиру к 90—летию. Но волокна просто физически ощущают потребность выразить уместную эмоцию. СМИ в совершенстве владеют искусством дрессуры. Правда действует оно лишь на тех, кто этого не осознает. Поэтому Реструкта только веселят и попытки управлять его чувствами, и реакция тех, с кем этот фокус удался.

Мы долго думали, как бы в нашей субфилософии называть «обычных людей». Тех, что не думают ни о чем, выходящем за пределы круга, освещаемого очагом их жилища. Нам известно слово «овощ» — оно намекает на то, что в своей жизни человек пользуется исключительно вегетативной нервной системой, не задействуя высшую. Вегетативная (от англ. Vegetable) и значит «овощная». Но это слово не совсем подходит с нашей точки зрения для выражения роли некритическимыслящего человека в обществе. «Волокно» здесь явно выигрывает. Во—первых, из волокон состоит любое дерево, а из деревьев — лес, символизирующий в тузовизме социум. Во—вторых, волокно очень многофункционально — из него можно сделать ткань, бумагу, строительный материал типа ДВП и т.д., что с ними и происходит при умелом обращении. Хочешь партия, хочешь коллектив, хочешь стадо. В—третьих, «волокно» — среднего рода, что очень кстати, т.к. этим словом можно обозначать и мужчин и женщин. В—четвертых, «волокно» само по себе безвольно, легко гнется и ломается, ценности практически никакой не представляет. Поэтому, нам с Пушкиным понравилось слово «волокно» и мы с удовольствием стали использовать его в своем лексиконе.

Когда людям нечем заняться — они начинают много думать. Если они, конечно, изначально думать умели. А если, к тому же, пища для ума была под рукой! В итоге из множества философских течений, классической литературы и оккультизма мы взяли то, что, как нам казалось, может составить «установки» Реструкта. Само слово «реструктуризация» означает переустройство, внесение изменений в структуру;

- Реструкт обладает чувством юмора. Реструкт циничен.
- Реструкт контролирует свою глупость. Реструкт нерелигиозен.
- Реструкт относится критически ко всему.
- Реструкт не имеет вредных привычек.
- Реструкт предпочитает идеальные блага материальным.
- Реструкт постоянно самосовершенствуется.
- Реструкт гетеросексуалист.
- Реструкт принципиально полигамен.
- Реструкт не испытывает угрызений совести.

Реструкт понимает, что нет абсолютного добра и абсолютного зла. Реструкт выбирает знания, а не веру. Реструкт оптимист. Реструкт гордится собой. Реструкт честен с друзьями.

Реструкт знает свои слабости, борется с ними и побеждает.

Я сомневаюсь, что все те, кто готов разделить эту философию, смогут подписаться под каждым пунктом. Но это то, к чему необходимо стремиться.

Реструкт не имеет вредных привычек. Он знает, что они ослабляют его организм, который дорог ему как жизненно необходимое орудие борьбы. Они не только здоровья, деньги, время, силу, мозги отнимают, но и чувство собственного достоинства, уверенности в себе, волю, подчиненную разуму.

Реструкт относится критически ко всему, что ему говорят. Это ему приносит исключительно пользу. Его нелегко обмануть. Он не действует, «как все» и не попадает в глупые ситуации. Его мозг постоянно занят аналитической работой, значит он развивается, самосовершенствуется. Реструкт во всём стремится разобраться, увидеть суть. «Кому выгодно?» — вот о чем думает Реструкт, когда ему пытаются проехать по ушам. Он понимает: мало что в этом мире может произойти случайно. А если вдруг произошло, то кто—нибудь сразу старается извлечь из этого пользу. Поэтому совет: «Зри в корень!» Реструкт превращает в один из основных своих жизненных принципов. Этим он кардинально отличается от волокон, впитывающих любую муть.

Реструкт гетеросексуалист. Он во всех своих действиях опирается на законы природы, поэтому никакой толерантности к гомосекам не допускает. Он ненавидит их, как и все другие пороки волокон. Только этот, в отличие от большинства остальных, нельзя излечить у отдельного человека. Если, например, бывают бывшие курильщики и бывшие алкоголики, то бывших пидоров быть не может!

Реструкт нерелигиозен. Для этого он слишком критически мыслит. Он не сможет поверить во что—то, даже если захочет. В этом его огромное преимущество. Никто не сможет управлять ни его чувствами, ни его поступками, узурпировав право толковать желания Бога в свою пользу. Реструкт допускает, что Бог может и существовать. Но он учитывает и то, сколько существует различных религий, религиозных течений и сект, что все они толкуют желания бога по—разному, имеют подчас несовместимые заповеди и предписания. И при этом дружно предрекают вечные муки тем, кто за ними не последует. Глупо было бы пытаться угадать, кто из них прав. Искать черную кошку в черной комнате, при том, что её может там и не быть вовсе. Реструкт в таких случаях зажигает свет.

Реструкт постоянно самосовершенствуется. Именно это отличает его от волокон и делает шаг за шагом ближе к сверхчеловеку. Развитие — вот цель жизни. То, что перестаёт развиваться — умирает. Пускай и медленно, но это уже не важно. Прочитать интересную книгу всегда полезнее, чем разложить пасьянс на компьютере. А подкачать мышцы — чем пройти очередную онлайн—игру. Реструкт выслеживает свои недостатки — когда они проявляются, в чём, в зависимости от чего. И тогда, когда он узнаёт про них достаточно — выбивает из—под них основу. Каждый день, который Реструкт прожил впустую, ничего не улучшив в себе, он считает бесцельно потраченным.

Реструкт понимает, что нет абсолютного добра и абсолютного зла. Как сказал Шекспир: «Добро и зло — их нет. Есть то, как мы решим назвать их сами». Всё в этом мире относительно. Если для зайца волк — «злодей», то для волка заяц — просто пища. Общество любит играть само с собой в трансцендентные игры, выбирая, что есть что. А затем ненавязчиво меняя понятия местами. Реструкт это видит и ухмыляется. Ему смешно видеть, как одни и те же люди в институте получали «отлично» по «атеизму» и «научному коммунизму», а теперь ратуют за демократию и искренне веруют в бога. Как дружно они презирали барыг и спекулянтов, а теперь завидуют бизнесменам и коммерсантам. Как радовались развалу СССР, а теперь грустят по твердой руке Сталина.

Реструкт, если он что—то делает, то стремится получить от этого именно моральное удовлетворение, а не материальную выгоду. Волокна не понимают этой мотивировки — зачем тратить силы на то, что потом на хлеб не намазать и в карман не положить? Но Реструкту эта повсеместная меркантильность противна — для него лучше на голодный желудок ощутить чувство выполненного долга, чем почувствовать себя сытым биороботом.

По сути, Реструкты были всегда.

Это и Ницше с его «падающего — подтолкни!» Это значит не то, что если твой друг поскользнулся — пни его ногой. Бывают бараны, которые и так поймут. Это говорит о том, что все отживающее надо добивать.

Это и нигилисты, типа Базарова из «Отцов и детей». Они тоже хотели избавиться от ошибок, предрассудков и пережитков старины, держащихся исключительно на авторитете своих приверженцев.

Это и ученые эпохи возрождения, бросавшие вызов церкви. Не желавшие мириться с тем, что им пытаются ездить по ушам текстами и заповедями те, кто сам их никогда и не думал придерживаться.

А сейчас это люди, которые понимают, что все в мире не так, как им пытаются внушить. Просиживая штаны в офисах, они зря тратят свою жизнь. Многие, например, из офисного планктона, это осознают. Люди получили образование, они оказались достаточно умны для того, чтобы не оказаться на заводе или на стройке. А дальше? Общество дает им возможность хорошо зарабатывать, ничего не производя. Этим надо пользоваться. Но вот правильно ли это?

Тутовизм начался с того, что мой друг Темыч не хотел работать. Он не работал никогда в жизни. И вот, когда ему исполнилось 22 года, мамка особенно рьяно принялась отправлять его на работу. Он всячески отмазывался. И заболел и опоздал на собеседование. И отказали, и вакансию закрыли... А я ему и объясняю.

— Мамка ж у тебя сама виновата, что ты ей так плотно на шею сел, что теперь и не снять. Кормит, поит, одевает, бабки какие—никакие дает. Люди в ответе за тех, кого приручили! Ты как гриб на березе — вырос и не скovyрнуть! Тутовик.

Потом эту тему мы развивали с Лехой в казино.

— Мы же просто паразитируем на игровой индустрии. Они выманивают деньги из азартных дурачков. Но если придут неазартные и не дурачки, то тут иммунитета у их системы нет. Они вынуждены кормить определенный процент паразитов.

При этом мы не чувствовали ни малейших угрызений совести. Только моральное удовлетворение. Офисные работники, кстати, тоже вряд ли переживают из—за того, что живут лучше рабочих и крестьян, условия труда лучше, а продукта на рынок выходит ноль. То же и с чиновниками, и с ментами. Большинство из них — это паразиты, которые не хотят этого признавать открыто. Но себе—то они в этом прекрасно отдают отчет.

Теоремы в математике, скажем, можно доказывать «от противного». Тутовизм — это философия «от противного».

Например, идете вы с работы и видите неубранную помойку. Что делать? Можно нанять машину и вывезти её самому. Но это, если не говорить о том, что идиотизм, приведет к тому, что ответственный за это чиновник вообще забудет на это дело навсегда. Можно написать жалобу. Дескать, деньги за вывоз мусора из бюджета списываются регулярно, а по факту помойка вывозится через раз. Это путь активиста из жильцов. Далекое не факт, что эта бумажка получит ход, а если и получит, то даст результат. Можно эту помойку поджечь. Раз, два, три — как только накопилась. Тогда на проблему могут «обратить внимание». А можно сперва написать заявление, предупредить, что источник пожарной опасности, жильцы негодуют. Потом поджечь. А потом вдогонку написать заявление, типа, «Я же говорил, но никто не послушал». За это чиновник ЖКХ сто процентов по ушам получит.

Или кто—то дерзко ставит машину поперек тротуара. Писать заявление? Смешно. Делать замечание? Тоже. А возьми да проткни ему колеса. Если с первого раза не усмотрит взаимосвязи — второй, третий... Для идиотов можно записку на лобовуху приклеить на суперклей...

Дело все в нестандартном подходе к решению проблемы. Главное — стараться искоренять пороки общества, не переступая границу между административным и уголовным кодексом.

Но дело не в методах даже, а в образе мыслей. И, самое главное, в их наличии. Преимущество тутовизма в том, что человек со скудным умом его не сможет понять и тем более с ним согласиться. Конечно, я не возьмусь утверждать, что все разумные люди станут Реструктами. Нет. Главное, что Реструктом не станет ни один баран.

Чем—то тутовизм напоминает пиплхейтерство, столь распространенное среди нацистов. Но только напоминает. Здесь нет ненависти к людям, а скорее насмешка над их глупостью, слабостью, пороками. Тяжело бороться за благо народа, ненавидя его. Это, мне кажется, странно. А вот высмеивая — легко.

При этом нельзя к тутовизму относиться слишком серьезно. Это, всё—таки шуточная философия. Больше высмеивающая и выпячивающая пороки общества, чем лечащая их. Да и родилась она в результате брожения в мозгу от скуки. Однако, сколько я ни ставил экспериментов над зеками, на предмет их притяния или непритяния этих идей выяснил следующее — любой, кто пытается

их оспаривать — вынужден дико лицемерить, а иногда просто врать.

— Ты, вот место старухам в автобусе уступаешь?— Спрашивали мы у испытуемых.

— Конечно! Если вижу, что старый человек зашел — сразу встаю. Меня так воспитали!

Баран! Никого так не воспитали! Всех пытались, но никого не воспитали! Ты же, как и все мы, рос на «Черепашках ниндзя», «Симпсонах» и игре «Дум»! Я же знаю, что места уступают только тогда, когда старуха встанет над головой, слегка наклонившись, хрипя и «случайно» отдавливая башмаком ногу! Особенно смешно слышать это от зеков. Такие культурные все, воспитанные. Наркоманов больше половины, алкаши и антиобщественные элементы. Но как велико желание показаться хорошими.

— А нищим подаешь милостыню?— Это вообще тест на вменяемость. Варианты разные. Но все утвердительные ответы ведут к тому, что человек признается неполноценным в интеллектуальном плане или вруном.

— Да, но только если вижу, что это на самом деле нужно...

— Только если это не цыгане!

— Я понимаю, когда мне врут, а когда нет!

Как ты определишь, что он врет, если он делает это всю жизнь, да понатуральнее актера в МХАТе? А ничего, что чем больше нищим даешь — тем больше их становится? Зачем искать другой заработок, если на чувстве жалости можно ехать? Причем не на жалости подающих к просящим. На жалости подающих к самим себе! Они смотрят — ой, человек оборванный, в переходе сидит! А если я в такой же ситуации окажусь? Бедненький я тогда буду! Надо дать червончик, полегче станет на это смотреть! Да ты соберись, тряпка! Плюнь в него, пни ногой. Он своим попрошайничеством унижает не себя, а тебя! Бедность не порок — нищета порок!

Дело не в отношении к конкретному вопросу, а в образе мышления. Рамочно человек мыслит, или свободно. Дает ли ему мозг свободу посмотреть на определенную проблему под разными углами, а не только под общепринятым?

Мы специально заводили на эту тему разговор то с одним, то с другим. Многие просто не могли вникнуть в то, о чем им говорят. Какие социальные установки? Что за Реструкт? Для чего помойки поджигать? Но многие проникались.

В то время, когда меня в сектантстве заподозрили — ничего на самом деле не было. А вот когда подозрения сняли и гайки раскрутили, тутовизм полился в массы. Большая удача была приобщить к тутовизму Олега, завхоза библиотеки, и Андрюху, помощника начальника моего отряда. Хотя, они и так были тутовиками всю жизнь, просто им никто об этом не говорил.

Этим мы занимались, выходя в локалку за час до вечерней проверки. Пушкин умел сочинять стихи. Вдвоем мы даже осилили несколько выдержанных в ключе тутовизма.

Скоро домой. Надо пошутить...

Думаю, ну и освобожусь так же, вообще у меня планы на освобождение были грандиозные .

Соберу народу целую кучу, у одного парня с барака сестра работала на телевидение, она приезжала к нему на родительский день. Я говорю:

— Передай ей что, если интересно, то журналюги могут снять прикольный сюжет по освобождению экстремиста.

— Я спрошу.

Сестра порылась в интернете, посмотрела и говорит ему:

— Да, это интересно, журналистов приведу, съёмочная группа будет.

Написал кучу писем Екатеринбургским соратникам. По телефону позвонил своим друзьям, сказал, что бы народ собирали к 31 декабря, в районе полудня. В принципе, народу должно было быть много. Тут дёргают опера меня опять и спрашивают:

— Что ты там планируешь? Зачем народ какой—то собираешь?

— Ну как, праздник, освобождение же. Пусть друзья встретят.

— А не дохуя тебя друзей будут встречать? Почему до нас информация доходит, что тут какие—то встречи, какие—то взрывпакеты, фаера готовят, травматику и помповые ружья, журналисты. Ты чего задумал?

— Так, наверное, в воздух стрелять. Золотой же человек, о народе думал три с половиной года.

— Хорош шутить! Ничего не будет? Там никаких драк? С тобой же в один день чурбан освобождается.

Был один чурбан, дико здоровый таджик — кило под 140 чистого мяса. Тупой, но гадьё

конченное. Его свои же убить обещали по выходу, за беспредел.

— Если никто провоцировать не будет, то всё тихо получится.

— Я на всякий случай ОМОН вызову, ты сам понимаешь.

— Там и с воли найдётся кому, ОМОН вызвать.— Шучу я.

— Береженого бог бережёт.

Думаю, ну и пофигу — вызовут ОМОН, какие проблемы? Пусть они там сидят в автобусе.

Наступает время освободиться Андрюхе. Утром дёргают меня опять на третий этаж. Блин, две недели осталось, что ж теперь—то надо? Захожу в кабинет, меня спрашивает опер:

— Ты слышал, что в Москве происходит?

— Что именно?

— Беспорядки на Манежной площади были.

— Конечно, смотрел по телевизору, интересно.

— Что думаешь?

— Видимо, начинаются какие—то осложнения. Чурбаны совсем оборзели, власти их прикрывают вот и беспорядки.

— Кто участвовал там, знаешь?

— Откуда я знаю, я три с половиной года сижу?!

— Ты подумай!

— Не могу предположить даже,— Старательно изображаю работу мысли на лице,— Наверное какие—нибудь фанаты.

— Ладно, точно не знаешь?

— Не—не, не знаю.

— Ладно, иди тогда.

Фу, пронесло! Тут было бы нехорошо за две недели до освобождения на явочку попасть!

Возвращаюсь на барак, меня ждёт Андрюха. Одетый в вольную одежду уже, попрощался, передал мне какую—то записку.

— Давай, я тебя встречу через неделю, когда будешь освобождаться!

— Давай, удачно отдохнуть. От меня девку покрасивее нахлобучь там!

Пожал ему руку, обнялись. Он ушел. Читаю записку и узнаю, что Андрюша перед самым освобождением нассал нашему СКОшнику в баул и нассал ему в заварочный чайник с утра. Причём весь барак об этом курсонул. Значит, получается так, что СКОшник у нас теперь де—факто обиженный, то есть де—юре он нормальный, по незнанке же выпил заварку с саньём. Но де—юре он реально опущен. А СКОшник у нас гондон из гондонов, то есть конченный пидор. В обоих смыслах. Сидит за изнасилование девятилетнего мальчика, по малолетке посадили, девять с половиной лет дали. Мальчика грязно взял, забрал у него денежки на завтрак, сотовый телефон — и поехал в тюрьму. Сам — конченная мразь, такой тощий с сучьем выменем, мерзкое пузико, всё время интриги мутит, стучит на всех. Очень любит «сжигать» людей. Сжигать — это значит устраивать такие ситуации что человека списывают на режимный барак, отправляют в ШИЗО или создают невыносимые условия. Я и Андрюша его очень сильно не любили, меня он тоже не любил. Пытался списать на 22 к чурбанам хоть как—то, под меня подмутить, информацию собирал... В принципе, весь барак его просто ненавидел. Но при этом боялись, потому что он СКОшник и имеет практически неограниченную власть. К тому же, если человек умеет мутить интриги, создавать ситуации конфликтные, умеет преподносить это мусорам и вышестоящим козлам, то он становится очень опасен. Он мутит ради того, что бы испортить другим людям жизнь, это было ничем не мотивированно, он не получал от этого никакой выгоды. Просто подлая и опасная тварь. А делать с ним ничего нельзя, потому что если его тронешь, то это уже всё сильнейшее нарушение режима.

Угостил он вечером SS, дал ему два мандарина, яблоко, на покушай. И, так как у пидоров еду брать нельзя, он наблюдает за тем, что будет Саня делать. Он принёс мандаринки мне, положил, говорит:

— Сыч, смотри, мандаринки дал, яблоко!

— Ты дурной, что ли? Он сегодня ссанья утром напился, а ты сейчас у него мандаринки возьмишь!

— Да? Я не знал!

Подозвал я петухов, угостил их мандаринчиками, яблоком:

— Спасибо Макс!

Вижу, Сыч палит. Покраснел аж и к завхозу, смотри:

— У меня еду не берут, отдают петухам! Блядь, смотри, что мне делать теперь?

— Я не знаю, что тебе делать.

Завхоз подходит ко мне говорит:

— Макс, что правда, ему Андрюша в чай нассал?

— Этот может.

— Прикольно, такой он гандон, допрыгался!— И посмеиваясь ушел. Сыч работал через его голову, снять он его не мог. И постоянно чувствовал угрозу удара в спину.

Надо как—то тоже пошутить над ним перед освобождением, но как? Вспомнилась мне история про одного человека, который сыграл на предрассудках. Был ученый—гуманист, который критиковал римскую католическую церковь, всячески издевался и поносил Папу римского. Вот его инквизиция поймала:

— Ты еретик, сейчас мы тебя сожжём!

— Блять, пожалуйста, не надо меня жечь!— Жить—то хочется.

— Тогда пойдёшь служить Папе римскому. Папа тебя простит, если ты будешь у него личным шнырём в знак раскаяния.

Учёный согласился и десять лет служил. Убирал за ним кровать, помогал ему по службе, какие—то мелкие просьбы выполнял. Полностью втёрся в доверие и потом раз, через десять лет он пропал. Ищут, нигде нет. Тут появляется от него записка.

«Дорогой Папа, я же говорил что не верю во все эти сказки, что ты общаешься с Богом! Если ты напрямую говоришь с ним, если ты его наместник, то почему же он тебе не сказал ничего? Что я все эти десять лет ссал тебе в святую воду, ходил по твоим простыням ногами, что я гасил все ваши святые книги? Это же католическая ложь! И мой поступок это прекрасно продемонстрировал!»

Его так и не нашли. Думаю, вот таким методом и надо поступить.

Башню рвет!

Эти две недели последние я уже не чувствовал, что сижу! Испытывал даже какую—то тоску оттого, что скоро освобождаюсь! Не думал, что это может быть, но, тем не менее, я с трудом представлял, что можно находиться не на зоне. Что можно идти куда хочешь, можно делать что хочешь, что можно есть всё, что хочешь, можно говорить всё, что хочешь! Как это может быть?!

Иду как—то из штаба, подписывал там документы для того, что бы освободиться. Иду, а это уже самый конец декабря, двадцатые числа, падает снег, целая куча уборщиков с лопатами бегают, снег носят. Опять строят горку в центре зоны, развешивают гирлянды. Эти кирпичные здания бараков вкупе с белым снегом, гирляндами и копошащимися людьми напоминает мне кадры из какого то рождественского американского фильма, которые я смотрел с семьей в детстве. Только не хватает музыки «Дингл—белл, дингл—белл». Прикольно вообще, даже зона — не зона уже, а большой праздник.

Вот ложусь я на шконарь опять читать книжку и думаю. Вот освобожусь я, как же я буду читать книги? На воле же, кроме чтения книг, ещё придётся лазить в интернете, придётся ходить в магазин, готовить себе еду, может быть придётся как—то зарабатывать себе деньги. Главное придётся с девушками общаться, а это же с девушкой поговори, встреться, погуляй, сексом займись. Это же всё время, которое будет отнято от чтения книг! Как это на воле я буду читать книги? Я столько всего не смогу прочитать! Поделился этими мыслями с SS, он на меня смотрит и говорит:

— Ты что, вообще ёбнулся напоследок?

— Нет, ну так—то, по сути, правильно? Это я в принципе ж говорю...

И тут понимаю что мысли лезут совершенно безумные уже ! Сожалеть о том, что не смогу столько читать — вообще странно. Книги — это такой же наркотик, как и героин, как и чифир, как и бухло, как и игры — они тоже затягивают. Но всех книг прочитать невозможно, нельзя даже прочитать одну десятую всех книг! Мало того, если всю эту мудрость сумеешь постичь, то станешь совершенно безвольным. Что чем больше знаний — тем сложнее представление о мире, а чем сложнее представление о мире тем запутаннее тебе всё кажется и тем яснее ты понимаешь, что ничего не можешь изменить. Теряется тяга к действию. Я это начинаю понимать и вдруг думаю, а нафига я столько читал—то? Может быть, я сделал себе только хуже — в детстве же всё было проще. Сейчас всё миропонимание усложнилось, я уже не уверен, что хватит сил что—то изменить. Понятно, что буду бороться, но хватит ли сил? Знания убивают веру в Победу. Вообще знания убивают веру. Но, с другой стороны, я должен верить, и я буду верить.

В который раз обсудили с SS, что мне делать — создавать жёсткую НС—организацию, или

вступать в какую ни будь существующую? SS обещал написать книгу про такую организацию. Мы с ним разработали сценарий этой книжки, тезисный план накидали. Сидеть ему ещё, если получится уйти по УДО, то два года. За два года, надеюсь, книжку он напишет.

Думаю надо на последок с таджиком поговорить. Как же я на воле это смогу сделать? А тут вот он, лежит на соседнем шконаре, глупый и смешной. Что—то я ему сказал перед сном, и он как пошёл разговаривать, про Точкистон рассказывать, про то, как плов с гашышом готовить, про то, как манты готовить, как барана печь, ещё что то. Я лежу, слушаю, и у меня такое ощущение, что сейчас пробьёт двенадцать часов, Новый год, и всё таджики опять перестанут разговаривать, негры перестанут разговаривать, они опять станут такими же какими и были. То есть сейчас они могут со мной разговаривать. «Макс, привет, дай чая на замутку...», но пройдет буквально несколько дней — и они опять станут для меня дикими папуасами. Интересное чувство, рассказал и об этом SS.

— Макс у тебя башню капитально рвёт перед освобождением! Завязывай с пиковыми перед сном базарить!

— Да, есть такое немножко.— Смеюсь.

За неделю до освобождения я договорился с Пушкиным, что он принесёт мне березовый брусок. На память о себе сделаю на барак ложку деревянную. Он мне сначала не поверил:

— Какую ложку ты выстрогаешь?

— Обычную, из дерева!

— Умеешь, что ли?

— Конечно, умею! Руки—то золотые!

Поспорили. Приволок он мне палку, я взял столовый ножечек — с круглым концом, которым Ключ готовил жратву. Тупой — только масло мазать. Хотя его и нет. Заточил шкуркой и сел перед телевизором строгать. Убил на это, наверное, часа три, натёр руку. Инструмент не удобный, но, тем не менее, ложку выстрогал. Взял шкурку, прошкурил всё, вырезал руну на черенке, получилось прикольно. Тут же прибежал Ключ и говорит:

— Мне тоже такую ложку надо сделать. Не в падлу, Макс!

Я предвидел, что начнут просить ещё сделать, потому что эту канитель я проходил на той ещё зоне. Ну, за неделю меня просто не успеют достать! Тем более, руки соскучились по нормальной работе, по творческому, скажем так производству. Вырезал одну ложку, вторую, третью, вырезал несколько лопаток, чтобы переворачивать в сковородке курочку жаренную. Как раз затянули новую сковороду на барак, тефлоновую, к ней нужна деревянная лопаточка.

С завхозом у меня была договорённость, что мы с SS получаем на двоих раз в неделю четыре курицы, иногда пять. Мы угощали завхоза стабильно половиной курицы, четвертью курицы я угощал Ключа, и за это у меня был доступ к плите. Я каждый вечер готовил эту курочку, разогревал на сковородке. То есть такая мелкая льгота, но это оправдано. Потому что напрямую жрать лабазную курицу опасно, она может быть не прожаренной, из—за этого начнутся проблемы с пищеварением. А так почистил её, пожарил, всё нормально.

Дочитывал я книги, которые взял в библиотеке, просто изо всех сил! Осталось уже вот—вот и идти домой, книги надо дочитать быстрее, а то не успею! Нельзя этого допустить! Вспоминалось, как я лихорадочно дочитывал книги в Матросской тишине, когда думал, что меня вот—вот увезут на этап. И тогда вместо этапа мне предъявили новое обвинение. Тут опять пришла в голову гнусная мысль: блин, остаётся несколько дней, вот что им станется взять, и притащить какое—нибудь новое обвинение, ведь роликов—то я наделал даже не сотню, а штук 160. Пару роликов снятых «группой лиц», срок давности 5 лет, прошло три с половиной как я сижу, можно предъявить. Ещё все мои товарищи, уроды, кому не позвони:

— Ну что, как ты там?

— Нормально?

— Освобождаешься 31—го?

— Да!

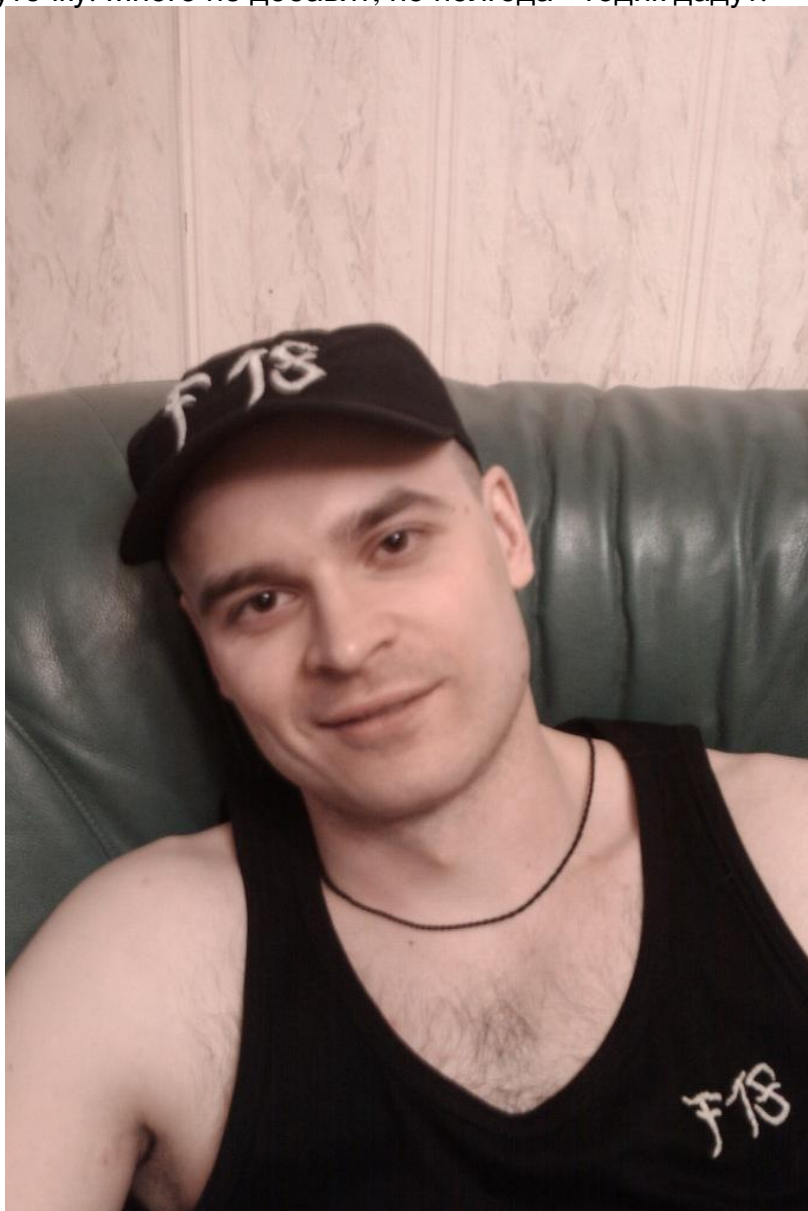
— Точно...

— Заткнись вот сейчас!— Знаю, что хочет сказать, перебиваю.

— Точно тебе срок не добавят?

Всё—таки сказал эту хуйню! Вот из пяти человек разных, кому я звонил, все пять меня об этом спросили, ничего ли мне не собираются добавить? Может новое дело? За такой вопрос, прям, всю башку отбить, всю шею, пятки, ноги, рёбра! Это мне как иголку воткнуть под ноготь — задать такой вопрос. Потому что я об этом думал не переставая! Я об этом перестал думать только тогда,

когда подписал документы, получил деньги и вышел за ворота. Но до того не переставал гонять. И, чем ближе к освобождению, тем больше у меня было опасений на счёт этого. Что им стоит добавить—то? Возьмут какого—нибудь пидораса, который даст против меня показания... А такого румяного пидораса я прекрасно знал. Даст показания, всё, поехал на раскруточку. Много не добавят, но полгода—годик дадут.

На построение, которое было вечером 30—го декабря, я вышел на него в кепке с надписью «F18». То есть все стоят в шапках ушанках, я стою в кепке «Формат18», круто! Мент меня увидел и говорит:

— А ты что?

— Всё, нет у меня шапки—ушанки!

— А где?

— Отдал уже! И матрас отдал на склад.

— Завтра на построение чтобы в шапке—ушанке был! Сдурел, что ли, в кепке с надписью!?

— Хорошо, начальник, так точно.— Подволакивать начинает меня, хотя стараюсь держаться.

Часы до дома!

Наступает вечер 31—го декабря, на следующий день я освобождаюсь. Я получаю передачу от мамы SS — всякие фрукты, овощи, колбаска, сыр, конфеты. Делаем такой прощальный ужин. У нас есть торт — она ему передала.

Приходит ко мне Пушкин, мы с ним начинаем готовить еду. Я жарю курицу. С орехами и сыром прожариваю, получается такая вкусная тема. Плюс завариваю кофе, нарезаю колбасу, торт. Всё это происходит уже в районе двенадцати. Потому что официально мы с Саней делаем какое—то очередное задание мусорам, он в штабе добро взял у меня на бараке тереться. Хоть, наверное, там и

так всё поняли. В 12 я пошёл, разбудил SS, ещё несколько человек, с кем хотел попрощаться. Мосю вытянул к нам. Все сели, одни чифирнули, другие кофейнули, съели вкусной прощальной еды.

Вспоминали смешные моменты. Пожелал я Пушкину, SS, Мосе и всем остальным скорее освободиться. Они пожелали мне удачи, пожелали мне всячески весело отметить Новый год.

Разошлись по шконарям.

Надо будет мне ещё с утра и потренироваться напоследок. Последнее занятие 31—го числа в четыре часа утра! Но уже 2 часа ночи, я обожравшийся. Нет, хватит самоистязаний! Ложиться на два часа, в четыре просыпаться и начинать заниматься! Или хрен с ним, лечь спать и проснуться в шесть, как положено? Проснусь в шесть, все равно не высплюсь, потому что потом мне сразу с зоны придётся ехать в аэропорт. Товарищи мне заказали билет на самолёт до Москвы. Из аэропорта мне придётся ехать сразу к бабушке, отмечать с родственниками Новый год. Оттуда ехать, отмечать новый год с друзьями. Это сутки не спать. Это я не вывезу, надо хотя бы сколько—то покомарить.

Просыпаюсь — вроде день как день, но все иначе! На зарядку не пошёл уже. Выхожу сразу на построение, одел какую—то шапку—трамвайку которая мне мала, одел ботинки постремнее. Вышел, как трамвай встал, голову в грудь вжал, громче всех крикнул «Здравствуйте, гражданин начальник!», сделал доклад, всем смешно, менту в том числе.

Переоделся в вольные штаны, майку с надписью «F18» на груди, которую сам же вышил, одел эту кепку, хожу туда—сюда. Как тигр в клетке, не знаю, чем себя занять. Тут заняли. Вызывают меня на третий этаж к операм. Понятно, здесь речь о какой—то формальности, об освобождении, тут уже о раскрутке речь идти не может. Надеюсь. Всё уже, утро! У меня на руках обходной лист! Пришёл в оперотдел, Владимир Иванович спрашивает:

— Как там, нормально у тебя всё?

— Да. Мне бы только как—то вынести все свои, бумажки всё, что я записывал для себя.

А по идее с зоны выносить ничего нельзя, всё идёт через цензуру, мои бумажки цензуру бы явно не прошли, он говорит:

— Хорошо. Передай моему рассыльному, там скотчем перемотает твой пакет, освободишься — тебе выдадут на выходе, без цензуры, без всего пронесёшь.

— Вот спасибо!

— Не за что. Смотри, видел в Москве какие—то перебои с аэропортами?

— Да, видел.

— Если чего — до Москвы долетишь, а там с парашютом прыгай, самолёт пусть идёт в Питер на посадку.

— Я передам пилоту.

— Давай, удачи.

Ушёл, вернулся на барак. Взял свои записи, это целая кипа бумажек и тетради, заматал их скотчем и отнёс рассыльному оперотдела.

А козлы, которые видели, что я пошёл на третий этаж, видели что я понёс туда документы, уже пускают слухи, что я решил их сдать, решил за них чесануться и сейчас всем пизда придёт. Мне SS это передаёт, я говорю, причём громко:

— Зря точковки, что ли, собирал целый год на этих пидоров? Сейчас весь козлятник сгорит, нахуй, на 22 поедут.

Смотрю, у Сыча февраль в глазах. Он понимают что написать я там мог много чего. И, если не ленился и точковал за ними целый год, то это всё! Сломанные жизни у всех козлов отряда. Переоделся в вольную одежду, хожу, веселюсь, прикалываюсь.

А надо сказать, что предварительно я говорил с Шульцем, который к тому времени стал уже «смотрящим за зоной», то бишь, самым главным козлом.

— Олег, можно мне перед освобождением Сыча вьебать?

— Блин, Макс, не надо.

— Ну, один на один. Я его не изуродую! Даже рожу могу не бить, просто печень отоблю. Он же реально гондон!

— Нет, Макс, на бараке завхоз слабый. Нужно, что б был гондон, что бы его боялись — иначе порядка не будет.

— Тогда тихонько затащу его в какое—нибудь тёмное место и там пиздану.

— Ты же выйдешь и забудешь про него через час. А мне он нужен. У тебя там дела совсем других масштабов. Что тебе он даст? Даже если ты его убьёшь тут? Вообще ничего. Если б хоть

выгода какая с этого была. А то, как маленький, который мороженое хочет, просто потому, что увидел.

— Ладно, не надо так не надо, договорились. Не буду бить.— Мне даже неловко стало, грамотно он мне так объяснил необоснованность моей просьбы.

Пошёл к Сычу, смотрю лежит на шконаре, пытается спать. По шконарю ногой стукнул, говорю:

— Пидор, вставай!

— Что такое?

— Ты, сука, знаешь, сколько мне крови выпил?

— Что случилось?

— Ты представляешь, что с тобой будет, когда ты выйдешь?

— Что?

— Во—первых тебя выебут, во—вторых тебя обоссут, в—третьих это снимут на видеокамеру и выложат это в интернет. Один хрен ты заедешь по—новой. Ты не будешь даже козлом, ты будешь обиженным. Весь срок мыть, нюхать и сосать!

— А ты уверен, что это получится?

— Конечно, уверен! Ты уже обижен, я тебе сегодня в чай нассал, который ты пил.

У него, бац, глаза загорелись, он понимает что я говорю это при всём бараке, что это просто пизда. Хотя в чай я ему и не ссал, но он—то не знает. Это такая трансцендентная шутка, игра на предрассудках. Они сами поддерживают эту хуйню. Я их не разделяю, но сыграть на них — почему нет? Даже ничего не надо делать, а у человека становится «ебано по жизни». Правда, после того как ему Андрюша нассал в заварочный чайник — добивон уже небольшой. Как в труп нож воткнуть.

Небольшой подарок бараку на Новый год. Смотрю, Сыч оделся, побежал жаловаться на червёрку. Ко мне уже пришёл Пушкин. Стали подходить парни с барака, прощаться. Все подмигивают, улыбаются, благодарят за предновогоднюю шутку. Попрощался со всеми. Взял с собой на память свою оранжевую кружку с рунами, сунул её в карман. Обнялись с SS.

— Давай, Саня, скорейшего освобождения!

— Удачи на воле! Весело отметить! Формату привет от меня передавай!

Освобождение.

Пошли с Пушкиным, сначала в библиотеку. К нашему товарищу—интеллигенту Олегу. Я с ним попрощался.

— Давай, блудодей библиотечный, успехов!

— Ты смотри, на воле, говорят, венерические заболевания свирепствуют! Аккуратнее!

— Ты тут тоже не балуйся!

Время как будто встало. Говорили с Олегом 10 минут всего, а мне уже кажется, что час, не меньше. Но вот пора идти на сбор в ДПНК.

Там стоят освобожденцы, человек десять. Один в рваной телогрейке, кто—то в кепке— восьмиклинке и с чётками. Всё, к успеху пошел пацан. Стоим с Пушкиным, прикалываемся, а я на самом деле дико волнуюсь. Выходит дэпэн:

— Все освобожденцы здесь?

— Да, все.

— Заходим ко мне в кабинет.

Зашли, нас построили, обыскали, забрали, у кого были, личные карточки, оторвали у кого—то бирки — несколько человек собирались на волю в робе. Время 10.30, а я же всем сказал, что освобождаюсь в районе 12! На полтора часа раньше!

Выходим из штаба, нас сопровождает четыре мента. Повели к первой вахте, то есть воротам, из которых выпускают на волю. Через них же и привозят, но это в тот момент совершенно не важно. Идём, гляжу, бегут два козла, которые отвечали за дисциплину и порядок, руководители ведомства. Тот, что поздоровее:

— Макс! Макс, подойди!

Думаю, наверное, Сыч успел пожаловаться! Хрен с ним, сейчас вот только надо рукой махнуть и въебать сходу. Но смотрю, как—то бежит, без злости на лице. Подбегает, протягивает руку:

— Макс давай, удачи! Рад, что ты нормально всё вывез! Не попадай больше!

И пожимает руку за предплечье! За весь год он не показал этого не разу! Менты вопят «пойдём—пойдём», я говорю:

— Давай, и тебе удачи!

Двигаемся в сторону воли, идём с Пушкиным, отстали от всей колонны:

— Сейчас же освобождение, паника, затёсывайся в шеренгу вольноотпущенных, может, и тебя тоже выпустят?

— Да, надо попробовать! Давай, сейчас шапками поменяемся, я себе бирку оторву! Зазеваются, я и уйду.

— Не—не, Пушкин, тебе такую кепку нельзя — с надписью «Ф18». Она стоит на аукционе дороже, чем твои внутренние органы!

— Как нельзя? У меня уже майка такая есть!

За последние две недели вот этот шаблончик «F18» я сделал готическим шрифтом, а мои товарищи вышили его на своих майках и кепках, то есть там по зоне эта организация стала распространяться. Типа, тайное протестное общество. Подходим к вахте, попрощался с Пушкиным:

— Давай, Саня, удачи! Письмо напишу, фото пришлю!

— Тутовизм начинай пока пиарить!

— Ты, как выйдешь — замутим движуху! Я почву пока подготовлю. Обнялись, по—римски пожали руки. Он пошел на свой склад, а я домой. Почти зашёл на вахту догоняет Шульц:

— Макс, еле успел! Давай, удачи!— Даёт мне бумажку со своими контактами.— Освобождаюсь через три месяца, словимся!

— Давай, Олег, рад был с тобой познакомиться, пообщаться!

На вахте нас опять построили. Доходит очередь до меня — делаю доклад: осужденный такой то, статья такая, срок такой—то. Был . Мне выдают паспорт, справку об освобождении, расписываюсь. Захожу в малюсенькую проходную комнату. Подхожу к решётке, меня последний раз сверяют с фотографией, и вот уже должен я сейчас выходить. Дэпэн говорит:

— Как самочувствие? Там тебя друзья ждут!

— Замечательно! А про друзей я в курсе...

— Мы своих не бросаем, давай, удачи!— Пожимает мне руку, и я понимаю что дэпэн тоже правый! Твою мать, и никто мне за весь срок об этом не сказал!

И вот меня выводят из—за решёток. Это уже вольный штаб. Сидят обычные люди, не в мусорской форме. Оформляют какие—то бумажки. Я подхожу к кассе, называю фамилию и показываю паспорт. Мне выдают билет на поезд, выдают две тысячи рублей денег... Чувствую, что сейчас будет что—то интересное!

Подхожу к стеклянной двери. На минутку остановился перед ней. Вот и она — Воля! То, о чем я мечтал каждый день. То, что мне и снилось и чего не хватало больше всего! А там ничего и не изменилось — стоят обычные машины, ходят обычные люди! Я не чувствую, что сам стал другим. Немного — да. Научился контролировать эмоции. Стал испытывать меньше жалости — и к себе, и к окружающим. Узнал массу полезных вещей. Прочитал гору книг. Обдумал всё, что я сделал в этой жизни. Познакомился со всевозможными людьми. Постарался перенять то хорошее, что они могли мне дать. Но исправился ли я? Нет! Для этого надо было не в тюрьму меня сажать, а мозг удалять хирургическим путем! Тоже мне — поставили в угол. «Больше так себя не веди!» Слушаюсь, гражданин начальник! Хорош, надумался уже! Вперед! Будем строить новый рай!

Открываю дверь, делаю шаг, и вдыхаю первый раз за три с половиной года воздух Свободы!